Д.Ортенберг

ГОД 1942

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аннотация издательства: Рассказ-хроника, написанный по страницам газеты "Красная звезда" ее главным редактором в годы войны, - это правдивое повествование о героических и трагических событиях одного года Великой Отечественной. В книгу включено немало новых, ранее неизвестных материалов о прославленных полководцах Г. К. Жукове, А. М. Василевском, И. С. Коневе, Л. А. Говорове, спецкорах "Красной звезды" Алексее Толстом, Михаиле Шолохове, Илье Эренбурге, Николае Тихонове, Константине Симонове, Василии Гроссмане, Андрее Платонове...

- Ортенберг Давид Иосифович
  - О книге и ее авторе
  - От автора
  - Январь
  - Февраль
  - Март
  - Апрель
  - Май
  - Июнь
  - Июль
  - Август
  - Сентябрь
  - Октябрь
  - Ноябрь
  - Декабрь

Ортенберг Давид Иосифович
Год 1942

О книге и ее авторе

Память человека, какой бы она ни была цепкой и стойкой, когда надо восстановить подряд, день за днем, события давно ушедшего времени, стремится опереться на какие-то непреложные факты - и не только для самопроверки, но и для того, чтобы четче проступило стершееся, ожило забытое. Военачальник обращается к донесениям и приказам военных лет, к старым штабным картам. Журналист - к сохранившимся корреспондентским блокнотам того времени: в них записаны части, где он бывал, люди, с которыми встречался. Д. Ортенберг с этой целью использует подшивку военных номеров "Красной звезды", ответственным редактором которой он был в годы войны.

Удивительное свойство профессиональной памяти: перечитывая старые номера газеты, автор вспоминает, как менялось положение на фронте, свои поездки в действующую армию, встречи и беседы с военачальниками, цели, которые редакция преследовала, публикуя те или иные статьи, корреспонденции, стихи, вспоминает, как добывали и готовили эти материалы, как работали фронтовые корреспонденты, и многое, многое другое. В его воспоминаниях всплывают конкретные обстоятельства, бесчисленные подробности редакционной и фронтовой жизни - часто неизвестные или прочно забытые, порой немаловажные, проливающие свет не только на "стратегию" и "тактику" газетных выступлений, но и на ход военных действий.

Кажется, никогда прежде и после этого газеты не занимали такого огромного места в жизни миллионов людей, как в годы войны. "Красная звезда" и ныне весьма уважаемая газета, но авторитет ее и популярность во время войны ни с чем не сравнимы. "Самой боевой и великолепной газетой наших суровых дней" назвал ее Николай Тихонов.

Сила "Красной звезды" была прежде всего в основательном знании того, что происходило на фронтах. Для этого использовались разные каналы. Свежая и точная информация постоянно поступала от собкоров и спецкоров. Добывать подобного рода сведения об обстановке на переднем крае - особенно в первый период войны, во время отступления, - было нелегко и опасно. Константин Симонов вспоминал потом: "...увидеть панику было тогда не трудно, увидеть беженцев на дорогах, отступающих солдат, неразбериху, бесконечные бомбежки тоже не представляло особенного труда, достаточно было для этого выехать в прифронтовую полосу, - а вот увидеть

дивизию, полк, батальон или роту, которая не отступает, которая стоит и дерется, для этого надо было залезть не на мнимый, а на действительный передний край. И это было не так-то просто, и не всем это удавалось, и многие на этом сложили головы".

Тесные связи газета поддерживала с Генштабом, со Ставкой Верховного Главнокомандования, получая там по мере надобности очень ценные консультации. И наконец, не последнюю роль играли личные контакты редактора газеты и ее сотрудников с крупными военачальниками, во многих случаях установившиеся еще на Халхин-Голе и во время советско-финляндской войны. Это отмечает в своих воспоминаниях Г. К. Жуков: "Редактором газеты "Героическая красноармейская" (газета нашей группы войск на Халхин-Голе. - Л. Л.) был Д. О. Ортенберг, способный и оперативный работник. Он умел сплотить коллектив сотрудников газеты и привлечь к активному участию в ней многих бойцов, командиров, партийно-политических работников. В годы Великой Отечественной войны Д. О. Ортенберг был редактором "Красной звезды", и мне также неоднократно приходилось встречаться с ним в Действующей армии..." Благодаря такого рода связям авторский актив газеты "Красная звезда" включал в себя и прославленных полководцев - надо ли говорить, чего стоил их опыт и как важно, что читатель получал его из первых рук?

В "Красной звезде" хорошо понимали, что правда - самый страстный, самый красноречивый, самый действенный агитатор. Благодаря ей даже горе и беды становились силой, противостоящей врагу, питали стойкость и мужество, веру в конечную нашу победу. Это стремление говорить читателям правду, как бы ни была горька, многое определяло в редакционной работе. Вытравлялись приблизительность, "липа", "козьмакрючковщина", казенный оптимизм. Высоко ценились материалы, свидетельствующие о том, что автор находился на передовой, в боевых порядках, видел своими глазами то, что описывает. Поощрялись корреспонденты, летавшие на бомбежку, ходившие на подводной лодке, участвовавшие в партизанских рейдах.

"Красная звезда" была самой "литературной" из всех газет военного времени. В ней было больше писателей, чем в других газетах, и гораздо больше публиковалось писательских материалов самого высокого класса - и не только очерков и публицистических статей, регулярно печатались стихи, рассказы, даже повести и пьесы. Своей славой газета в немалой степени обязана писателям. Сейчас могут сказать: "Что же удивительного в том, что "Красная звезда" была самой "литературной" газетой -

посмотрите, что за писатели там работали, сколько звезд первой величины!" Но это аберрация зрения, мы невольно накладываем наши нынешние представления на прошлое - многие из этих ныне известных писателей тогда вовсе не были знамениты и имена их широкому читателю мало что говорили. Скажем, Симонов был еще молодым поэтом, в редакции после Халхин-Гола знали, что он храбрый парень и безотказный работник - вот и все... А громкое имя, всенародное признание пришли к нему уже в войну, когда он стал корреспондентом "Красной звезды". И Василий Гроссман попал в газету до того, как написал "Народ бессмертен", сталинградские очерки, "Треблинский ад", а ведь именно эти вещи, написанные для газеты, принесли ему огромную популярность. И с Андреем Платоновым дело обстояло совсем не просто - не знаю, взяли бы его в другой редакции с такой охотой, как в "Красной звезде", ведь по тем временам его литературная репутация желала много лучшего, да и военные его вещи не у всех вызывали одобрение. А в "Красной звезде" к Платонову относились с большим уважением, высоко ценили то, что он писал, и не требовали от него оперативных материалов, которые ему не давались. Даже Илья Эренбург - самый старший по возрасту и самый маститый из всех писателей, пришедших в "Красную звезду", не был еще тем Эренбургом, которого зачисляли почетным красноармейцем, статьи которого в партизанских отрядах приказом не разрешали пускать на курево. Да и он сам понимал, что война была его звездным часом. Размышляя о своей литературной судьбе, он писал в послевоенном стихотворении:

Умру - вы вспомните газеты шорох,
Ужасный год, который всем нам дорог.

Слов нет, писатели немало дали "Красной звезде", но и ей они тоже обязаны. Для многих из них эти трудные, опасные, бессонные годы стали порой высочайшего творческого взлета...

Я говорил все время о главном герое книги - о "Красной звезде", а теперь следует сказать и об ее авторе. Это надо сделать хотя бы потому, что о себе он пишет очень скупо. И дело не только в том, что человек он скромный и сдержанный, ему претит какое-либо бахвальство и самовосхваление, а в том, что он целиком поглощен порученной ему работой, любимой газетой, ее задачами, ее боевым потенциалом, ее активным участием в народной войне. Рассказывает ли он о себе или о других, о принимавшихся им решениях, порой очень непростых и нелегких, о тяжком грузе ответственности, о печальных днях и радостных минутах - на первом плане всегда газета, ее коллектив, ее фронтовая судьба (думаю, что по отношению к этой газете можно

так сказать).

Давид Иосифович Ортенберг - генерал-майор, журналист, писатель, автор ряда документальных книг, назову наиболее значительные: "Время не властно", "Это останется навсегда", "Июнь - декабрь сорок первого", "В те памятные годы". Шестнадцатилетним пареньком Д. Ортенберг участвовал в гражданской войне, в 1920 году вступил в комсомол, в 1922-м - в партию, после гражданской войны был на комсомольской работе, а с 1925 года стал газетчиком, редактировал городские и окружные газеты, был корреспондентом "Правды" на Украине, с 1938 года - заместитель ответственного редактора, а затем ответственный редактор "Красной звезды", последние полтора года войны провел на фронте начальником политотдела 38-й армии.

Я не рискую писать о редакторе "Красной звезды" "от себя" - издали мало что видно, а в те годы я понятия не имел, как делается "Красная звезда", кто возглавляет эту газету, которую мы на фронте в часы затишья прочитывали вслух от первого до последнего слова.

Пусть о редакторе "Красной звезды" расскажут здесь те, кто вместе с ним делал тогда газету, его сотрудники - кто же лучше подчиненных знает достоинства и недостатки начальства. Тем более что этими подчиненными были люди, чья нравственная требовательность общеизвестна.

Илья Эренбург: "...успех "Красной звезды" создали люди. В 1941-1943 годы газету редактировал Д. И. Ортенберг-Вадимов. Он был талантливым газетчиком, хотя, насколько я помню, сам ничего не писал. Он не щадил ни себя, ни других... О том, что он не боялся ни бомб, ни пулеметного огня, не стоит говорить - он был человеком достаточно обстрелянным. Но и на редакторском посту он показал себя смелым".

Николай Тихонов: "Он был, как редактор самой большой военной газеты времен Великой Отечественной войны, очень умелым и смелым руководителем. Много привлеченных им к работе литераторов делали газету яркой и чрезвычайно авторитетной. Он был человеком на своем месте, знал специфику газеты и вел ее с большим успехом в труднейший период, когда нужен был большой опыт, целеустремленность и хорошее знание обстановки. Он понимал, что писатель в газете не только корреспондент, но и рассказчик, что поэт в газете может давать не только стихи на случай, но и лирику и целые поэмы. Поэтому у всех, кто работал в те дни с Ортенбергом, сохранились самые лучшие воспоминания как о днях работы серьезной, ответственной и благородной".

Константин Симонов: "Бывает же так, путаешь в человеке требовательность с суровостью, строгость с жесткостью, а на поверку выходит, что редактор, которого в силу его требовательности в работе мы называли порой и суровым, и жестким, на самом деле оказался добрейшей души человеком. Кто знает, может быть, самым добрым из всех нас".

Мне кажется, что эта коллективная характеристика не нуждается ни в дополнениях, ни в комментариях...

Л. Лазарев

От автора

Эта книга - не военно-историческое исследование и не мемуары в точном смысле этого слова. Это - документальный рассказ - хроника, опирающаяся на дневник редактора, где подобием объемистого дневника стал старый комплект газеты "Красная звезда".

Я не вдаюсь в стратегический и оперативный разбор военных операций. Панорама войны, начиная передовыми позициями и кончая Ставкой Верховного Главнокомандования, отчетливо видна сквозь призму центральной военной газеты, в которой тогда работали виднейшие наши писатели и журналисты, составившие газетный "взвод" "Красной звезды".

Стержень повествования - движение событий от нашей победы в битве за Москву до тяжелой решающей для страны Сталинградской битвы.

События излагаются день за днем, что, полагаю, позволит читателю почувствовать всю меру напряжения, с каким жила и воевала страна. Я не следую всем листикам календаря, хотя о каждом дне можно много рассказать, а отбираю события, с моей точки зрения, наиболее примечательные, красноречивые и наиболее глубоко отраженные на страницах "Красной звезды".

В книге приводятся отрывки из очерков писателей и журналистов, полководцев и рядовых фронтовиков, подчас краткие, порой более пространные. Я долго колебался: надо ли их так щедро цитировать? Но чашу весов склонили отклики на мою книгу "Июнь - декабрь сорок первого", в том числе мнение известного критика Анатолия Бочарова: "Какой сухой выглядит полоса давней газеты, когда читаешь ее сам. И как раскрывается перед тобой четырехполосный номер, когда его комментирует редактор, которому ведомы обстоятельства, позволившие или заставившие печатать тот или иной материал... Он охотно цитирует очерки, статьи, стихи. Но подлинность самих строк волнует и ныне, будто сам листаешь пожелтевшие страницы тех далеких и нестерпимо близких лет".

В новой книге вы найдете некоторые эпизоды и имена, о которых я уже писал, за что прошу извинения у читателя. Но восстанавливая события сорок второго года, я не мог обойти их. Вез этого книга была бы неполной.

С гордостью и волнением я вспоминаю своих товарищей-краснозвездовцев журналистов и писателей. Мужественно и доблестно выполняли они долг и во имя этого шли навстречу опасности, не жалея ни крови, ни самой жизни. И говорится это

не ради красного словца. В Великую Отечественную войну погибло восемнадцать наших работников - почти половина корреспондентского состава газеты. Наших корреспондентов всегда можно было видеть в сражающихся дивизиях, полках, ротах, в землянках и окопах переднего края, рядом с командирами и бойцами. Вместе с ними переживали они трудности и невзгоды боевой жизни.

В отличие от солдат и офицеров у военных литераторов, чье оружие слово, должно быть мужество не только военное, но и журналистское, писательское. Мужество это в том, чтобы смело изображать правду жизни, а на войне - и правду смерти. Ибо только правда, пусть суровая и горькая, но искренняя и чистая, может "жечь глаголом" сердца людей, возвышать душу, звать на подвиги и самопожертвование. Правду войны наши корреспонденты писали смело, достойно и честно.

И вот что еще я хочу сказать. Каждый воин становится патриотом своего рода войск и дорожит своим оружием. Мы любили нашу газету и старались, чтобы свою боевую задачу она выполняла хорошо. В какой мере мне удалось об этом рассказать, судить моему высшему судье - читателю.

Январь

1 января

Перевернут последний листок календаря сорок первого года. Это были дни, когда советские войска гнали немцев на запад, освобождая от врага земли Подмосковья.

Новогодний номер "Красной звезды"! На первой полосе газеты хорошо знакомое лицо с добрыми, светлыми глазами. Номер открывает речь Михаила Ивановича Калинина...

Война разрубила своей секирой минувший год надвое - первые шесть месяцев были наполнены мирным строительством, со второго полугодия развернулась гигантская битва с гитлеровской Германией. Все изменилось. Однако многолетняя традиция осталась неизменной: как и в прошлом, в эту новогоднюю ночь выступил с поздравлением Калинин. Он говорил о тяжелом времени, которое переживает страна. О нашей первой победе. Назвал города, освобожденные от фашистов, в том числе такие крупные, как Ростов-на-Дону, Калинин, Феодосия, Керчь... Из его выступления впервые узнали, что освобожден еще один город - Калуга... Много проникновенных слов сказал он о доблести советских воинов и тружеников тыла, о тяжком пути, который они прошли, предупредил, что "большие еще трудности стоят и впереди".

Советские люди привыкли слушать в праздничную, новогоднюю ночь живую речь своего Всесоюзного старосты, как его с любовью называли в народе. А мы, краснозвездовцы, были особенно воодушевлены. Михаил Иванович - наш большой друг и мудрый советчик. Хотя "Красная звезда" не числилась по ведомству Верховного Совета, Калинин постоянно интересовался нашей работой. Он нередко звонил, иногда похваливал, иногда, если что-то не так, с большим тактом журил, подсказывал, как надо делать.

Я не помню случая, чтобы Калинин, когда мы обращались к нему с просьбой написать статью, отказал нам. Иметь дело с ним как с автором было приятно. Если возникали замечания, он их не отвергал, внимательно выслушивал, с одними - соглашался, с другими - нет, объясняя, почему надо оставить так, как написано. А в тот день, когда появлялась его статья, он обычно звонил мне и спрашивал, чувствовалось, с улыбкой:

- Ну как, понравилась статья?

Однажды ему в тон я ответил:

- Михаил Иванович! Если бы не понравилась, разве мы ее напечатали?..

Калинин весело рассмеялся:

- Да, я уж старался, чтобы она не попала в вашу корзину...

Нередко наши корреспонденты сопровождали Калинина в его поездках на фронт, где он выступал на красноармейских митингах. Очень интересны были его беседы с бойцами, речи. Встречали его без помпы и фанфар - душевно и уважительно. Я часто бывал у М. И. Калинина в Кремле. Беседы с ним были всегда поучительными. Заехал я как-то к нему после своей очередной поездки на фронт. Рассказывал, что видел и слышал. Он задавал немало вопросов о солдатской жизни и солдатских думах. Тут я и сказал:

- Понимаете, Михаил Иванович! Приперли меня к стенке. Спрашивают: как же так? Нашим женам, детям, старикам выдают по 400 граммов хлеба, а пленным фашистам, тем, кто вчера стрелял в нас, убивал наших жен и детей, по 600 граммов. Почему?

Калинин ответил, чуть вздохнув:

- Да, 600 граммов! Но ведь в лагере, не на свободе. - И после короткой паузы добавил: - Когда я сидел в царской тюрьме, нам давали по два фунта хлеба, а не хватало...

Как просто и верно!

* * *

Однако вернусь к первоянварскому номеру "Красной звезды".

Главное событие дня - освобождение Калуги. Лучшего праздничного сообщения и желать не надо! Опубликована статья начальника штаба 50-й армии полковника Н. Е. Аргунова "Калужская операция" - обзор боев за город.

Что для нас значило взятие Калуги и чем была потеря города для немцев, можно узнать из первых же строк этой статьи:

"Еще недавно Калуга была глубоким тылом немецких войск, действующих под Тулой, Серпуховом и Малоярославцем. Крупнейший узел железных и шоссейных дорог, она использовалась фашистами с максимальной выгодой. Через нее шли транспорты с техникой, с войсковыми подкреплениями, на запад следовали поезда с ранеными. В самой Калуге немцы оборудовали мощную базу для ремонта танков, автомашин, орудий, организовали большие интендантские и артиллерийские склады, госпитали... В Калугу отводились с фронта разбитые части: переформировывались, вооружались, проходили обучение...

Близость ее к Москве и к направлениям главного удара на Москву делало Калугу еще более важной.

В свое время немцы писали: "Со взятием Калуги нашим войскам открылась дорога на Москву и Тулу, судьбу которых отныне надо считать решенной в пользу нашего оружия".

Далее Аргунов шаг за шагом прослеживает всю операцию от начала и до конца. Для захвата Калуги была образована ударная группа. От района ее дислокации до города ей предстояло пройти 120 километров по трудной для марша местности: большие открытые поля, изрезанные оврагами, на юго-западе и сплошные леса с узкими проселочными дорогами на северо-западе. Снега и метели сделали эти места почти непроходимыми для моторизированной пехоты и артиллерии. Продвигалась группа в темное время, не вступая в бой, обходила опорные пункты и узлы сопротивления противника. Словом, много мужества, упорства и находчивости надо было даже для того, чтобы только занять исходные позиции.

Вспоминаю, в какую переделку попал наш специальный корреспондент Константин Симонов, командированный в 50-ю армию с заданием "взять Калугу" и сразу же вернуться в Москву. Выехал он на "эмке" в Тулу, а оттуда в район боев. Однако пробиться сквозь снежные завалы не смог. Вернулся в Тулу, позвонил мне, объяснил обстановку и попросил самолет. Послал я не один, а два самолета, усадив в один из них фоторепортера Виктора Темина. Вылетел Симонов к Калуге вместе со спецкором "Известий" Виктором Беликовым. Вслед за ними поднялся самолет с Теминым и известинским фоторепортером Самарием Гурарием. Немного пролетели и попали в неистовый буран. Летчики потеряли ориентировку и вынуждены были приземлиться.

"На поляне, где мы сели, лежал глубокий снег, - записал Симонов в дневнике. - Самолетные лыжи проваливались в нем, и, как ни форсировали моторы летчики, самолеты не трогались с места. Наконец, более легкий по весу самолет, на котором летели Гурарий и Темин, оторвался от поляны. А нам это все не удавалось и не удавалось. Тогда наш летчик сел в кабину, а мы с Беликовым встали под крыльями и, упершись в них, стали раскачивать самолет. Но каждый раз, как только мы, раскачав самолет, начинали лезть в кабину, лыжи опять утопали в снегу, и самолет не двигался. Нужно было, раскачав его, садиться в кабину уже на ходу - другого выхода не оставалось... Это было тяжелое занятие - каждый раз раскачивать, бежать, вскакивать, опять раскачивать... Наконец, изо всех сил поднатужившись и раскачав крылья, мы все-таки вскочили в самолет, и он на этот раз пошел, его не заело".

Симонов вернулся в Тулу, чтобы начать все сначала. Однако

новый рейс в Калугу совершить ему не удалось. Все пошло наперекосяк. Ворочая самолет, он надорвался, врачи хотели уложить его в постель. Еле живой он возвратился в Москву.

Кстати, вслед за Симоновым и Теминым по калужскому маршруту вылетело еще четыре самолета. Только одному удалось добраться до войск, другой совершил вынужденную посадку, третий потерпел аварию, а последний пропал без вести; вероятно, сел на немецкой территории...

Итак, Симонов в Калугу не добрался. Однако в 50-й армии работал наш спецкор Павел Трояновский, расторопный, энергичный журналист, халхинголец, чье мастерство газетчика росло, как говорится, не по дням, а по часам. 28 декабря Трояновского вызвал командующий армией И. В. Болдин и сказал:

- Завтра жду вас в Еловке. Адъютант покажет на карте, как туда добраться...

Генерал Болдин по-доброму относился к Трояновскому. Открывая "Красную звезду", командарм часто находил его репортажи, корреспонденции или очерки о боевой жизни своей армии. Не без помощи Трояновского печатались в газете и статьи Болдина. А какому военачальнику это не было лестно?!

Трояновский вместе с Теминым отправился в путь-дорогу. Преодолев с невероятными трудностями снежные сугробы, они прибыли в Еловку, где разместился командный пункт армейской группы. Там уже был Болдин. Трояновский обратился к генералу:

- Товарищ командующий, нам срочно нужен самолет доставить в Москву репортаж и снимки о взятии Калуги...

Болдин рассмеялся!

- Ишь, какие быстрые! Это называется делить шкуру неубитого медведя. Там еще сидят немцы. Ну и торопливый вы народ...

Настроение у Болдина было приподнятое, и нашим спецкорам не надо было читать оперативную сводку, чтобы понять, что дела идут хорошо.

После небольшой паузы Болдин пообещал:

- Самолет будет. Дам вам из своей охраны танк и броневик. К Калуге ехать еще опасно.

Под охраной танка и броневика наши спецкоры вместе с корреспондентами "Правды" и "Известий" добрались до Оки. Трояновский и Темин пошли пешком. Остальные газетчики стали искать мост или переправу, чтобы ехать машинами, решили, что так будет быстрее. А оказалось, что спецкоры "Красной звезды" не прогадали (переправы не оказалось) и первыми очутились в Калуге.

Город в огне. Пробыли они там целый день, а к вечеру вернулись на КП. Позвонили мне. Я сказал: передавать сейчас ничего не надо. Официальное сообщение о взятии Калуги будет лишь в новогоднем номере газеты. Приказал отправиться с материалами в Москву.

Так они и сделали. Трояновский - на машине, а Темин и Гурарий решили лететь. Но вот незадача: самолет - одноместный. Кто полетит со снимками: Темин или Гурарий? У них были какие-то свои фоторепортерские счеты, один другому не доверял, никто из них не хотел остаться. Наконец, упросили летчика, и он, взял обоих, благо оба были худощавые...

За Подольском Трояновский увидел на шоссе две сгорбленные фигуры в снегу: Темин и Гурарий! Оказывается, в пути что-то случилось с мотором и пилот совершил недалеко от шоссе вынужденную посадку; оба фоторепортера теперь "голосуют". Запихнули их в машину, и вечером Трояновский и Темин появились в редакции.

И вот в газете корреспонденция Трояновского "В Калуге". На второй полосе - снимки Темина: пожарища, нескончаемая вереница орудий, машин и другой техники, брошенной противником. Были у Темина и другие фотографии, но они не вмещались в номер. Об одной из них, пожалуй, стоит рассказать.

Центральная площадь Калуги. Огромное, не менее чем в двести крестов немецкое кладбище. А рядом - громадная, разукрашенная елка: немцы готовились справлять в Калуге новый год. Наши спецкоры остановились возле нее. Темин сделал снимок, сказав своему коллеге: "Мировой кадр!" Как раз в это время подошли наши бойцы, увидели елку:

- Вот гады! Что задумали... На нашей земле!.. На нашей крови!..

Все крепкие слова русского языка во всех падежах были сказаны в адрес гитлеровцев. Можно было понять наших бойцов. Только что они похоронили своих товарищей, сложивших головы в боях за Калугу, только что видели трупы замученных, истерзанных и расстрелянных калужан... Темин, которому были созвучны настроения воинов, сразу же дал команду:

- Свалить ее!

Приказ выполнили мигом. Темин снял и сваленную елку. Он показал мне снимки и рассказал, как было дело. Я заподозрил, что он скомандовал свалить елку, движимый не только гневом против захватчиков, но и желая сделать "мировой кадр", и сказал ему:

- Правильно сделали, что свалили елку. Но печатать не будем...

* * *

В номере статья Ванды Василевской. Вообще-то она была корреспондентом "Известий", но иногда писала и нам.

И сейчас перед моими глазами встает стройная фигура полкового комиссара с четырьмя шпалами на петлицах гимнастерки, в галифе и сапогах. С гордостью она носила эти "шпалы", а затем и полковничьи погоны и долго не расставалась с ними. В пятидесятые годы в Киеве я побывал в доме Ванды Василевской и Александра Корнейчука. Меня встретила писательница в обычной женской одежде - костюме строгого покроя, который все же ей больше шел, чем военное обмундирование.

Но когда я вскользь сказал об этом, она отрицательно покачала головой:

- То ни с чем не сравнить...

Да, память тех дней неистребима. Говорили мы о всяких литературных делах, но разговор все время возвращался к войне.

Статья Ванды Василевской в сегодняшнем номере газеты называется "Ненависть". Казалось бы, тема не для новогоднего номера. Мы привыкли, что в такой день полосы газеты заполнялись статьями, очерками, рассказами, стихами о добре, любви, торжестве созидания, планах на будущее. А сегодня это жестокое слово - ненависть! Но без него в те военные дни - и в будни, и в праздники - не прожить ни минуты.

Микола Бажан говорил, что "Ванда с огромной силой умела ненавидеть и любить". Эта черта ее душевного мира проявилась и в новогоднем выступлении в "Красной звезде". Она писала: "Мера нашей любви к Родине - сила ненависти к врагу".

Петр Павленко опубликовал статью "1941-1942".

Алексей Толстой сообщил, что выслал статью "Тысяча девятьсот сорок второй" - писательские раздумья об итогах минувшего и перспективах наступающего года. Ждем ее с минуты на минуту.

Опубликована статья А. В. Белякова, того самого, кто вместе с В. П. Чкаловым и Г. Ф. Байдуковым совершил в тридцатых годах беспосадочный перелет из Москвы через Северный полюс в американский город Ванкувер. Он уже генерал. Вообще должен сказать, что все знаменитые летчики, довоенные Герои Советского Союза, любимцы нашего народа - Байдуков, Громов, Юмашев и многие другие - в эту войну в боевом строю. И мы, краснозвездовцы, гордимся, что они также и наши безотказные авторы.

Статья Белякова начиналась так: "Мы - старые авиационные "волки" и в ночь под Новый год больше, чем о другом, говорим о

самолетах. В них - наша радость. В них - наша честь. В них огромная доля нашей будущей победы над врагом. Поговорим же о самолетах".

Беляков писал и об истребителе, и о штурмовике, и о ближнем и дальнем бомбардировщиках. Каждому воздал должное и высказал свои мысли: какими он хотел бы их видеть в бою в новом году...

Страстной верой в грядущую победу проникнута статья Ильи Эренбурга:

"Мы не меряем победы на аршины и на фунты. Мы не примем четвертушки победы, восьмушки свободы, половинки мира. Мы хотим свободы для себя и для всех народов... Мы хотим мира не на пять, не на десять, не на двадцать лет. Мы хотим, чтобы наши дети забыли о голосе сирен. Мы хотим, чтобы они рассказывали о танках, как о доисторических чудовищах. Мы хотим мира для наших детей и для наших внуков".

Как созвучны эти слова тем огромным усилиям нашей партии, нашего народа в борьбе за мир в нынешние времена!

К месту в этом номере и карикатура Бориса Ефимова. Она из двух картинок. Первая: по снегу устремился вперед юный красноармеец с автоматом, одетый в добротный полушубок, в валенках и шапке-ушанке, на которой обозначено: "1942". По обочинам, в снежных сугробах чернеют разбитые и сожженные немецкие танки. Второй рисунок: бежит по снегу согнувшийся в три погибели обмороженный фашист, укутанный по самые глаза в женский платок, на платке - та же дата: "1942". С испугом оглядывается фашист назад... Над карикатурой надпись: "С Новым годом!" Под первым рисунком: "С наступающим!" Под вторым: "С отступающим!.."

3 января

Первый день Нового года был в газете выходным. Большинство работников редакции отправились на фронт. Выехал и я. На Можайском шоссе, по которому "эмка" мчала меня в боевые части, то и дело возникали пробки. Во время одного из таких вынужденных перекуров в какой-то деревушке я увидел на стенке полуразрушенного дома надпись: "Вперед, на Запад!" Кто ее сделал, трудно сказать. Быть может, кто-то из дивизионных или полковых агитаторов, а возможно, кто-то из саперов, оставлявших всюду свои пометки: "Мин нет", "Разминировано", или просто какой-то штабной писарь, рисовавший указатели: хозяйство такого-то. Так или иначе, этот написанный на стенке

призыв запомнился.

И когда под утро я вернулся в редакцию и засел за передовую, на чистом листе поставил заголовок "Вперед, на Запад!". Потом этот призыв мы не раз повторяли в газете, я его часто встречал на орудиях, танках, автомашинах, придорожных щитах, страницах армейских газет.

* * *

На первой полосе сегодняшнего номера "Красной звезды" Указ о награждении большой группы военачальников, политработников, штабных генералов и офицеров Западного фронта. Знакомые имена: командующие армиями генералы К. К. Рокоссовский, Л. А. Говоров, Ф. И. Голиков, Д. Д. Лелюшенко, И. В. Болдин, В. И. Кузнецов, командиры корпусов и дивизий. Только один из награжденных был без воинского звания - Жаворонков Василий Гаврилович, секретарь Тульского обкома партии, так много сделавший для обороны этого города. Награждены и работники штаба фронта. Никто не забыт. Нет только одного имени - генерала Жукова. Мне объяснили, что у Георгия Константиновича все еще впереди. Но мы в редакции были огорчены, что имя Жукова, сыгравшего выдающуюся роль в Московской битве, не вошло в этот Указ. Когда мне принесли верстку очередного репортажа о ходе боев за истекшие сутки, над которым стоял обычный для тех дней заголовок "Войска Западного фронта теснят врага", я зачеркнул его и поставил другой: "Войска генерала Жукова теснят врага", сказав, чтобы заголовок набрали покрупнее. Так и было сделано. Не знаю, заметил ли кто-либо эту дань уважения "Красной звезды" командующему фронтом. А ведь подобный заголовок был у нас впервые!

* * *

Значительное место - полполосы - занял материал о Керченско-Феодосийской десантной операции.

В газете установилось правило, можно сказать, закон: о каждой большой операции печатать подборку: оперативно-тактическую статью командующего фронтом или армией, репортаж специального корреспондента, писательский очерк. Так и ныне.

Опубликована статья командующего 44-й армией генерала А. Н. Первушина "Десант в Феодосии". Бои за овладение городом проходили в тяжелейших условиях. Вот что писал об этом командарм:

"Ночь, на которую назначалась операция, выдалась плохая. Море бушевало. Временами шторм достигал семи и даже девяти баллов. Вода перекатывала через палубы кораблей... Бойцы

соскакивали в воду, сбегали по трапам и сразу, взяв гранату в одну руку, винтовку - в другую, бросались в город... Передовой отряд вел бой с превосходящими силами врага... Семь часов наши бойцы непрерывными атаками изматывали противника и к вечеру отбросили его далеко за город. Феодосия стала советской".

Подробности боев за Керчь передал наш спецкор Петр Слесарев. Такая же погода. Такое же штормовое море. Кроме боевых кораблей в операции участвовало много различных рыбацких судов, барж, баркасов, сейнеров, прозванных "тюлькиным флотом". С волнением читаются строки о встрече с местными жителями. На Камыш-Бурунской косе горожане и колхозники под огнем противника сразу же бросились на помощь десантникам. Вместе выгружали оружие и боеприпасы. Женщины несли раненых к себе домой и там отогревали, перевязывали. Еще одна корреспонденция - "Герои Керчи и Феодосии", в ней имена первых героев-десантников.

В общем, подборка как будто удалась. Над ней заголовок: "Начало освобождения Советского Крыма". Потом стало ясно, что мы с ним изрядно поторопились. А пока операция продолжалась. Ждали очерков Симонова, командированного в Крым. Но они пришли позже...

Константину Симонову и на этот раз не повезло. Вылетел он первого января, чтобы через пару дней вернуться с очерком.

Выхлопотали ему место в бомбардировщике, летевшем на Южный фронт. Но по дороге на аэродром перед "эмкой" встали почти непроходимые сугробы. Когда корреспондент прибыл туда, самолет уже выруливал. К "счастью", колеса самолета тоже попали в сугроб и забуксовали. Симонов подбежал к машине, однако его место уже было занято, и летчик категорически отказался взять лишнего пассажира. Размахивая корреспондентским удостоверением, писатель все-таки уговорил его. А что было дальше, Симонов сам рассказал:

"Меня впихнули и защелкнули снизу люк. Самолет рвануло, и он стал взлетать. Сесть было даже некуда, и я устроился полусидя, вкось, на рукоятках пулеметов. В этой тесноте я почти не мог пошевельнуться, трудно было двинуть рукой, чтобы вытереть лицо или поправить на голове шапку.

Погода была скверная. Мы обходили какие-то бураны, нас качало и трясло. Из пулеметных прорезей врывался холодный воздух, а мороз в этот день и внизу, на земле, был около тридцати... Я вылез из самолета полуживой. Лица не чувствовал, рук - тоже, ноги почти не отзывались на боль. Я трясся от холода... Утром, посмотрев в осколок зеркала, я увидел, что щеки, подбородок и лоб покрыты у меня багровыми пятнами, на

которых местами запеклась черная корка. В таких же пятнах были и руки. А ноги так распухли, что я с трудом влез даже в валенки..."

По всем законам медицины Симонову положено было отлежаться. Но на нем "висела" неудачная поездка под Калугу, когда он вернулся больным в Москву, не выполнив редакционного задания. "Слишком много болезней", - сказал он себе. Заехал в госпиталь, где ему густо намазали лицо и руки какой-то мазью. Руки забинтовали, а на лицо наложили почти полную повязку, оставив только нос, рот и глаза. В таком виде он отправился в Феодосию.

* * *

Еще накануне Нового года всем нашим корреспондентам ушла телеграмма, которая обязывала их выехать в боевые части, провести с бойцами праздничную ночь и день и передать в редакцию репортажи.

Спецкор по Северо-Западному фронту Леонид Высокоостровский прибыл в одну из дивизий, рассказал о полученном задании.

- Вот и хорошо, - сказал спецкору комдив. - Увидите, какой новогодний бал мы устроим немцам...

Вечером Высокоостровский с командиром дивизии отправились в артиллерийский полк. Командир полка решил открыть огонь по врагу из пушек и минометов ровно в полночь. Но генерал сделал поправку:

- В одиннадцать тридцать. Их надо накрыть, когда пойдут друг к другу в гости.

Словом, в эту ночь и в этот день гитлеровцы - те, кто остался в живых, - и носа не высунули из окопов и блиндажей.

По-иному вышло у нашего корреспондента по Северному фронту Исаака Дейгена. Мою телеграмму он получил 31 декабря. Задача казалась невыполнимой. Чтобы из Мурманска попасть на передовую, надо было пересечь Кольский залив, а там еще немало проехать. К тому же стоял густой туман, ни один корабль не вышел в море. Как быть? Дейген все же нашел выход. Явился к командующему авиацией, показал депешу:

- На передовую я не поспею. Но... над передовой смог бы быть. Выручайте.

Уговорил. И вот около полуночи он полетел на бомбежку вражеских позиций и написал репортаж, который был напечатан под заголовком "За полярным кругом". Есть там такие строки:

"...Ваш корреспондент занял место второго пилота... Наше задание найти вражескую батарею, что у высоты Н., и разбомбить ее... Среди нагромождения гор и камней, покрытых снегом, при

полном отсутствии ориентиров трудно найти следы нужной цели. Я сильно напрягал зрение, но ничего похожего на батарею не мог заметить. Однако наметанный глаз штурмана видел все. По едва заметной тени на фоне сопки он безошибочно определил местонахождение вражеских орудий. Штурман и летчик обменялись знаками. Они так сработались, что понимали друг друга по взмаху руки, по одному взгляду. Земля молчала. Враг притаился, чтобы не выдать себя. Штурман нажал кнопку. Тяжелая бомба полетела вниз. Самолет отвернул на восток.

- Сейчас обнаружат себя, не выдержат, - сказал Баранов.

Через несколько секунд и я его понял. Заговорили зенитки. Кругом рвались снаряды, на земле были видны маленькие вспышки орудийных залпов. Самолет развернулся еще раз. Теперь бомбы падали на видимую цель..."

Самолет лег на обратный курс. На командном пункте людно. Здесь много летчиков, тоже устроивших немцам в эту новогоднюю ночь основательный "сабантуй". Среди них оказался ветеран нашего воздушного флота знаменитый Чухновский. Вместе с другими арктическими летчиками он пришел в заполярную авиацию громить врага...

* * *

Редакционные острословы подшучивали: "Редактор привез из своей новогодней поездки... заголовок для передовой". Они имели в виду как раз ту самую надпись "Вперед, на Запад!", о которой я уже рассказывал. Я действительно не писал ни очерков, ни корреспонденции. Обычно я ездил на фронт с кем-либо из писателей или журналистов и считал, что не должен перебегать им дорогу.

Симонов, не раз бывавший моим спутником в поездках на фронт и хорошо знавший наше редакционное житье-бытье, так объяснял цель моих командировок в действующие армии:

"...Редактор "Красной звезды" по своей натуре всегда оставался корреспондентом, человеком с потребностью как можно больше увидеть самому, оказаться как можно ближе к переднему краю, пощупать своими руками складывающуюся на фронте обстановку. Он приезжал на фронт не для того, чтобы проверять своих корреспондентов, хотя попутно делал и это, но прежде всего он ехал на фронт для того, чтобы проверить самого себя и газету, проверить точность, прицельность печатающихся в ней материалов, действенность ее передовых, соответствие ее духа духу того, что происходит на фронте".

Однако в эту, новогоднюю, поездку, прямо скажу, я и таких задач перед собой не ставил. Просто хотелось побывать в праздничный день с теми, кто отстоял Москву и сейчас гнал врага

на запад.

В одном из полков я встретил знакомого мне по Халхин-Голу комиссара. В звенящий морозный вечер он повел меня по протоптанной снежной дорожке в роту переднего края, державшую оборону на берегу ручья. Нас предупредили, чтобы мы громко не разговаривали, так как немцы на противоположном берегу и на голос откликаются огнем.

Пришли в землянку, где разместились пулеметчики. Весело потрескивал в "буржуйке" огонек. На полу густой настил из свежей хвои. В землянке царило оживление, дружный смех: накануне бойцам раздали подарки, привезенные узбекской делегацией. Мы разговорились. О всяких боевых случаях, о противнике - какой он сейчас? О домашних делах. Пулеметчики засыпали нас вопросами: что делается по белу свету? Задавали даже такой каверзный когда, мол, конец войне, в этом или в следующем году?..

Бойцы считали, что долг гостеприимства обязывает их в такой день угостить чем-то приехавших. Но, как на грех, от узбекских подарков почти ничего не осталось. Есть только в прокопченном котелке водка, а в другом таком же задымленном котелке - повидло. Не было и куска хлеба. Смутились хозяева землянки, но не растерялись. Немолодой солдат с двумя медалями на груди, первый номер пулемета, прервал немую сцену и, объяснив ситуацию, сказал:

- Скоро нам в бой. Выпейте с нами...

Отказать - кто бы смог? Но не оказалось ни кружки, ни ложки, все забрали в соседнюю землянку, где "обмывали" полученные медали. Все дружно рассмеялись и по очереди хлебнули из первого котелка и "закусили" из второго.

Пожелали мы солдатам боевого счастья и отбыли...

В рассказе об этом номере газеты хочу помянуть и выступление начальника иностранного отдела "Красной звезды" полкового комиссара профессора А. Ерусалимского, которого мы чаще всего называли не по имени или воинскому званию, а просто "профессор", чтобы продемонстрировать посторонним и себе, какими силами обладает наш коллектив. Его статья называлась "Гитлер над бездной". И хотя до того времени, когда под ударами Красной Армии бездна поражений проглотит Гитлера и его свору, было еще очень далеко, статья получилась интересной.

Ерусалимский посвятил ее новогоднему обращению Гитлера, в котором фюрер разглагольствовал о "молодой Европе", о "будущности всей Европы", о "декларации победоносной Европы". Эту декларацию, кстати, Гитлер собирался провозгласить на

конференции своих вассалов в... Москве, в конце 1941 года...

7 января

Сообщения Совинформбюро в эти дни краткие и менее конкретные, чем в предыдущие. Утренние: "В течение ночи на 6 января наши войска вели бои с противником на всех фронтах". Вечернее: "В течение 6 января на ряде участков фронта наши войска продолжали наступление и заняли несколько населенных пунктов". И так почти всю неделю, если не считать взятия небольшого городка Боровска.

Естественно, что и в газете нет тех огненных репортажей, какие были во время освобождения Калинина, Калуги, Керчи, Волоколамска... Сейчас газетные полосы посвящены так называемым военным будням. Но все же есть и "гвоздевые" материалы.

Опубликована трехколонная статья начальника штаба Приморской армии полковника Н. И. Крылова, будущего Маршала Советского Союза, "Два месяца обороны Севастополя". Он напомнил, что первое ноябрьское наступление немцев на Севастополь закончилось провалом. Готовясь к новому наступлению, враг собрал огромные силы, стянул сюда горнострелковые бригады и полки, сражавшиеся в районах Греции, инженерные и дорожные части. Он сосредоточил здесь большое количество тяжелой артиллерии. Приказ немецкого командования гласил: "К исходу четвертого дня, используя все возможности, прорваться в крепость Севастополь и немедленно доложить о достижении цели". Но ни на четвертый день, ни на десятый им не удалось "доложить о достижении цели". Севастопольцы не только отбили все атаки противника, но и перемололи на подступах к городу много вражеских сил. Немцы вынуждены были перейти к обороне.

В сегодняшнем номере газеты на первой и второй полосах опубликована нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова "О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях". Документы, факты, цифры, свидетельства. Даже самые мрачные времена татарского нашествия и средневековой инквизиции меркнут перед преступлениями немецких фашистов. Человеческий ум отказывается воспринять это. Мы еще не знали и не могли знать, где, когда и какой трибунал будет судить этих извергов человеческого рода. Но наш народ уже вынес им свой приговор, и

Красная Армия приводит его в исполнение: штыком и пулей. К этому и звала передовая статья газеты.

"Мы не забудем им ничего и ничего не простим", - сказано было тогда в передовице. "Не забудем и не простим!" - говорим мы и ныне.

Советская нота многое рассказала. Но еще не все. И как бы в дополнение к ней мы каждый день публикуем все новые и новые свидетельства кровавых преступлений гитлеровцев.

Напечатана подборка актов за подписями свидетелей фашистских злодеяний под такими не требующими пояснений заголовками: "1. Чудовищная расправа с ранеными красноармейцами. 2. Гранаты против детей. 3. Поджоги и разбой. 4. Повальный грабеж"... Вот один из захваченных фашистских документов. Из приказа командира 98-й германской пехотной дивизии на отход. 24 декабря 1941 года, 6 час. 30 мин.:

"Подробности отхода:

Обратить внимание на то, чтобы с собой брать только необходимые для жизни предметы, без которых нельзя обойтись, все прочее уничтожать.

Находящийся в землянках ценный материал, как-то: стекла, печи и т. д., если он не может быть взят с собой, уничтожать. Землянки взрывать.

О поджоге деревень смотри приложение.

Приложение. Программа разрушений.

...Следующие местности сжигаются арьергардами (не саперами): Кузовлево, Чернишня, Орехово, Ольхово, Сережкино, Круалино, Успенское, Борисово, Глядово, Искра, Минково. Приготовить эти населенные пункты для зажигания...

Кроме того, все имеющиеся запасы сена, соломы, продуктов и т. д. сжечь. Все печи в жилых домах вывести из строя закладыванием ручных гранат...

Этот приказ ни в коем случае не должен попасть в руки противника. В любых условиях этот документ следует уничтожить".

Итак, три "операции" предусматривал своим приказом командир немецкой дивизии: первую - на отход, вторую - для уничтожения этого зловещего документа, третью - для разрушения и поджога наших деревень. Первые две ему не удались: дивизия была разгромлена, приказ не успели уничтожить, и он попал в наши руки. Удалась лишь третья "операция" - уничтожение наших деревень...

* * *

Получен из Крыма очерк Симонова "Последняя ночь". Он не описывал саму операцию - мы уже напечатали такой материал, - а

рассказывал о ее героях, о встрече с десантниками в те первые ночные часы. Симонов вернулся также к той теме, которую раскрыл в своих декабрьских очерках с полей Московской битвы: о ненависти, сжигавшей каждого бойца, когда он своими глазами увидел зверства немецких оккупантов.

"В эту ночь в городе трудно было взять "языка". Три раза давал командир Блинов приказание привести к нему офицера и три раза возвращались к нему с пустыми руками.

- Не могу, - говорил, стоя перед командиром, рослый моряк, без каски, с обмотанной кровавым платком головой, - не могу увидеть его и не убить. Сколько моих товарищей погибло, а я его в живых оставлю. Как хотите, товарищ командир, а нет у меня такой силы, чтобы в живых его оставить".

Когда я вычитывал верстку очерка, позвонил из Крыма Симонов. Беспокоился, получили ли мы "Последнюю ночь", переданную по военному проводу. Сказал, что написал и вторую корреспонденцию - "Предатель", тоже на подвал.

Я прямо-таки опешил. Что еще за "Предатель", да еще на целый подвал? Предложил Симонову выехать в Москву. До столицы он добрался быстро и прямо с аэродрома явился ко мне. Выглядит не лучшим образом: на лице какие-то багровые пятна. Что случилось? Долго об этом не стал распространяться. И я ему сказал:

- Давай своего "Предателя".

Прочел очерк и сразу понял замысел автора. В предыдущих номерах газеты на эту тему мы опубликовали рассказ Александра Корнейчука "В зимнюю ночь". Это о "пане старосте" Шуре - из бывших кулаков, непримиримом враге Советской власти. В ночь под Новый год его посетили партизаны и рассчитались с ним сполна. Третьего дня Илья Эренбург напечатал статью "Смерть предателям!". Были названы имена изменников, свирепствовавших в Сталине (ныне город Донецк) в окаянные месяцы фашистского ига. Казалось, что предателями могут быть лишь люди из бывших белогвардейцев, кулаков, уголовников. А Симонов показал еще одно измерение предательства.

Родилась эта корреспонденция при необычных обстоятельствах. В Феодосии он узнал, что арестованы несколько человек, сотрудничавших с немцами, в том числе и городской бургомистр Грузинов. Местные жители схватили их ночью и привели в комендатуру. Писатель заинтересовался ими, пришел в особый отдел за материалами. Но там ему сказали, что их еще не допрашивали, мол, некогда и некому.

- А впрочем, если хотите, можете сами их допросить, - посоветовали Симонову.

И вот привели Грузинова. Он думал, что его допрашивает следователь или прокурор, и извивался, как уж. Но с ним говорил корреспондент, писатель. И допрос вел не языком следователя - строго, беспристрастно, сдерживая свои эмоции, как и положено прокурорскому работнику, какой бы преступник перед ним ни был, а по-своему. Был даже такой эпизод. Налетели немецкие бомбардировщики, рядом с комендатурой стали рваться бомбы. Перепуганный бургомистр сполз со стула на пол. Симонов не сдержался:

- Неужели вы не понимаете, что вас все равно расстреляют? Ну, чего вы лезете на пол?..

Симонова интересовала подоплека его предательства, психология, нутро изменника. И ему удалось вывернуть его, как говорится, наизнанку.

Это был не белогвардеец и не кулак. Просто советский служащий, директор какой-то заготовительной конторы плодоовощного хозяйства. Он сумел даже пролезть в кандидаты партии. Когда немцы ворвались в Феодосию, он застрял где-то в ближнем поселке. Дрожа за свою шкуру, пошел на услужение к фашистам: рассчитывал приобрести какие-то блага. Он их и получил. Так страх, трусость, шкурничество и засосали его в болото предательства. Воистину, по словам Виктора Гюго, "у трусости есть неведомые норы".

"Этот человек, - писал Симонов, - был мне отвратителен. Отвратителен в гораздо большей степени, чем любой пленный немец. В силе этого чувства играли роль два момента: во-первых, он служил немцам, то есть был предателем. А во-вторых, может быть, я все же испытывал бы к нему меньшее физическое отвращение, если бы его можно было бы хотя бы считать принципиальным нашим врагом, убежденным, что Россия должна быть не такой, какая она есть, и что лучше немцам отдать часть ее территории, чтобы на оставшейся восстановить буржуазное или самодержавное государство, восстановить любой ценой, только бы не жить при Советской власти.

Но у этого человека явно не было никаких принципов, даже таких. Ему не было никакого дела до судеб России. Его интересовал только он сам, его собственная судьба, его собственное благосостояние. Он был для меня символом всего того спокойного, удовлетворенного и собой и окружающим в условиях удачного стяжательства, всего того мещанского, уныло-жадного, что я ненавидел с детства. Как-то, помню, я прочел у Хлебникова замечательные слова о том, что отныне млечный нуть человечества разделился на млечный путь изобретателей и млечный путь приобретателей. Так вот, передо мной и была

частичка с млечного пути приобретателей".

Статья, которая меня вначале так "напугала", была важной и незамедлительно ушла в набор.

Когда с "Предателем" все было решено, я хотел отправить Симонова отдохнуть. Но он сказал, что привез из Крыма еще кое-что. Сейчас проявляют его снимки и вот-вот принесут. Притащили мокрые отпечатки. Я посмотрел и сделал, как потом вспоминал Симонов, "кислую мину". На одном - какие-то груды камней, на втором и третьем виднеются лишь задние борта не то двух, не то трех машин - понять невозможно, все как в тумане. И называлось это "разгромленная немецкая техника", хотя ее в Феодосии было предостаточно.

Словом, снимки я забраковал. Ушел Симонов разочарованный, но через час-два снова появился вместе с начальником отдела иллюстраций Александром Боровским и с отретушированными фото. Боровский стал убеждать, что хотя снимки и плохие, но из Феодосии у нас ничего нет. Да и поощрить надо Симонова, ведь как снимал - в огне, под бомбежкой, проявил инициативу... Напечатали. На ту же полосу, где стоял "Предатель". Под снимками подпись: "Фото К. Симонова". Я ему сказал:

- Хочешь, снимем твою подпись.

- Мой грех - моя подпись, - ответил он.

Подпись оставили. Снимки эти не украшали полосу газеты, не прибавили фоторепортерской славы и Симонову. Кажется, это были последние за Отечественную войну фотографии писателя...

* * *

Поздно вечером доставили в редакцию статью Алексея Толстого "Отрубить им руки!" - о злодеяниях гитлеровцев в Ясной Поляне. Эта гневная статья вошла в Собрание сочинений писателя. Там она называется "Фашисты в Ясной Поляне". Конечно, воля и право автора менять заголовок. Но газетный заголовок "Отрубить им руки!" точно выражал гнев не только писателя, но и всего народа.

10 января

Опубликовано сообщение о взятии войсками Западного фронта Мосальска, Детчино и Серпейска. Города небольшие. Только Мосальск обозначен на карте жирным кружочком, а два остальных - точками, свидетельствующими, что в этих городах менее двух тысяч жителей. Но за эти города бои были ожесточенные. Из репортажа наших корреспондентов мы узнали,

что, отступая из Сухиничей, немцы успели занять в Серпейске каменные дома, превратив многие из них в доты и дзоты. Нашим войскам пришлось отвоевывать дом за домом, улицу за улицей.

По-другому получилось с Мосальском. Командование соединения отказалось от наступления в лоб, применив тактику фланговых ударов. Спецкор пишет: "Первый фланговый удар был нанесен неприятелю, далеко не доходя Мосальска... Этот удар внес в ряды отступающих панику, и они быстро начали откатываться... Перед городом немцы вторично были атакованы с фланга и здесь они уже спасались бегством..."

Вечером я побывал в Перхушкове, в штабе Западного фронта у Жукова. Как всегда, он встретил меня дружески: "Садись, посиди..." Меня радовало доверие Жукова: кто бы ни был у Георгия Константиновича, он разговаривал при мне открыто, без недомолвок и смягчений. Но и мне нужно было знать честь. Под каким-либо предлогом - надо побывать в политуправлении или корреспондентском пункте - я "смывался". Потом снова приходил.

Но сегодня было по-другому. На столе у Жукова, заметил я, лежал свежий номер "Красной звезды". Синим карандашом в репортаже о взятии Мосальска были обведены те самые строчки, которые говорили, что противник быстро начал откатываться, спасался бегством.

У комфронта сидел артиллерийский генерал, но он прервал разговор с ним и обратился ко мне:

- Вот ты хвалишь наших. Конечно, хорошо, что идут вперед, хорошо, что маневрируют, не бьют в лоб, но главного не добиваются. Упускают противника. Дают ему выскользнуть...

И Жуков начал объяснять, что должно быть сегодня главным. Я сразу же вытащил блокнот, настроился слушать и записывать. И Георгий Константинович стал говорить - неторопливо, размеренно, словно диктовал. Вот что у меня было записано:

"Немцы, вынужденные к отступлению, хотели бы, чтобы на фронте наступила передышка. Идут на все, лишь бы выиграть время. Их замысел ясен. Они намереваются простоять зиму, собраться к весне с новыми силами и перейти в наступление. Наша задача - не давать противнику передышки, не давать ему закрепляться, жать его на запад без остановки. Но теснить немцев еще не значит полностью решить задачу. Преследуя противника, надо его уничтожать. Главную цель он видит в том, чтобы сохранить живую силу. Наша задача - не давать ему возможности выходить живым из боя, спасти от уничтожения свои полки и дивизии..."

Вернувшись в редакцию, я вызвал нашего "тактика" Ивана Хитрова и литературного секретаря Марка Вистинецкого,

рассказал о беседе с Жуковым, передал им свои записи и усадил за передовую.

- Два часа вполне достаточно. И назовем статью "Долг наших войск".

Написали хорошо. Кстати, в международном отделе редакции авторы нашли радиоперехват новогоднего выступления Гитлера. Фюрер пытался оправдать поражение под Москвой, говорил о весне: зима прекратила операции на Восточном фронте, но они будут продолжены весной. Он угрожал: "Пусть русские не забывают, что после зимы будет весна".

Конечно, это были не пустые угрозы. Фашистское командование действительно делало серьезную ставку на свое весеннее и летнее наступление. Поэтому в передовице появились такие строки:

"Бессильные остановить наше наступление, немецкие захватчики угрожают нам новыми авантюрами весной. Опрокинем расчеты врага... Обескровим за зиму немцев! Перемелем в порошок все их старые и свежие полки и дивизии!"

* * *

В этом же номере газеты опубликована статья комиссара одного из полков Кавказского фронта П. Ядрина о росте партийных рядов. В первые же месяцы войны Центральный Комитет партии поставил перед политорганами задачу создать во всех ротах полнокровные партийные организации. Однако осуществить это не удавалось. Устав партии требовал, чтобы рекомендующий знал рекомендованного не меньше года. Для перевода из кандидатов в члены партии тоже требовался годичный кандидатский стаж. Это, понятно, ограничивало рост партийных рядов. К тому же прибывшие в боевые части коммунисты могли встать на учет лишь после получения учетных партийных карточек.

Таковы были правила мирного времени. Война диктовала другое. Нужен ли в условиях войны целый год, чтобы узнать человека? Порой в первом же бою раскрывался воин: своей доблестью и самоотверженностью доказывал преданность партии, Родине.

И потому, чтобы облегчить рост партийных организаций. Центральный Комитет ВКП(б) принял важнейшие постановления. Разрешено было давать отличившимся в боях воинам рекомендации, если рекомендующие знают их и менее года. Разрешено было принимать их в члены партии после трехмесячного кандидатского стажа. Установлен был новый порядок принятия на постоянный партийный учет на фронте: не после получения учетной карточки, а по предъявлении партийных

билетов.

Комиссар П. Ядрин и рассказал в своей статье, как эти решения помогли создать во всех ротах полка полнокровные ротные партийные организации, насчитывающие не менее 15 коммунистов каждая, и какие благотворные перемены произошли в их работе.

Позавчера с Волховского фронта приехал в Москву известный военный хирург Александр Александрович Вишневский. Признаться, нас редко посещали фронтовые медики. И писали мы о них не столь часто. Главным образом о мужестве и доблести санитаров, сестер милосердия, как по традиции называли медицинских сестер, и редко - о врачах.

А между тем не было на войне, пожалуй, ни одного человека, который не принимал бы близко к сердцу дела медицинские. Это и понятно. Человек шел в бой в надежде выйти из него живым, на худой конец - легко раненным и, естественно, рассчитывал при этом на помощь санитара, врача.

Наша фронтовая медицина заслужила, чтобы для нее не жалели газетной площади. Мы это как будто понимали, но боевые материалы все же стояли на первом плане и оттесняли медицину, да и другие так называемые "тыловые" темы.

Когда в редакции появился Вишневский, все обрадовались, а больше всех, кажется, обрадовался я. С Вишневским я познакомился еще на Халхин-Голе, где всходила звезда славы молодого, искусного, неутомимого и храброго медика, будущего главного хирурга Советской Армии, генерал-полковника. Были мы вместе с ним в одной армии и на войне с белофиннами. В Отечественную войну он работал поначалу армейским хирургом, а теперь вот - главный хирург Волховского фронта.

На всех фронтах гремела слава о новокаиновой блокаде и масляно-бальзамической повязке, разработанной его отцом Александром Васильевичем и впервые широко внедренной на Халхин-Голе. Там я и узнал об этом: редакция нашей газеты "Героическая красноармейская" находилась рядом с фронтовым госпиталем. Вишневский заходил в редакцию, мы бывали у него. На финской войне мы и жили рядом. "Мазь Вишневского", "повязка Вишневского" хорошо известны, и нет необходимости рассказывать об их эффективности. Впрочем, до войны и даже на войне нашлись недоброжелатели, которые скептически относились к новаторству Вишневского. Но мы-то горячо верили в его методы, своими глазами видели, как они нужны для исцеления раненых, писали об этом еще на Халхин-Голе и в финскую войну.

И вот Вишневский в "Красной звезде". Более полугода мы не

виделись. Такой же худощавый, такой же подвижный, быстрый. Признался, что голоден, "как черт". Накормил его, а потом он просвещал меня в делах фронтовой медицины. Упрекал, что мало пишем о врачах, хотя ведут они себя как подлинные герои.

- А как на фронте с блокадой и повязкой? Есть еще противники? - спросил я, вспомнив все перипетии их внедрения.

Александр Александрович подробно рассказал, как широко применяются они теперь в боевой обстановке. Но и пожаловался: время от времени встречается скрытое, а иногда и явное противодействие со стороны некоторых врачей методам лечения по Вишневскому.

Я решил, что пора вмешаться газете. Предложил:

- Знаешь что, Саша? Ночуй у меня, здесь, в редакции. Я буду возиться с полосами до утра. Койка свободная. А утром сядешь и напишешь статью. На целый подвал. Дам тебе помощника.

Пригласил Петра Павленко. Представлять его Вишневскому не надо было. Они познакомились и подружились еще на финской войне, в редакции газеты "Героический поход". Очень были похожи друг на друга: подвижные, неугомонные, веселые, неистощимые рассказчики. Нынешняя их встреча для обоих была радостным сюрпризом. Утром они стали вместе сочинять статью.

Перед отъездом на фронт Александр Александрович успел захватить с десяток экземпляров "Красной звезды" со своей статьей "Хирургия на войне". Автор рассказывал о широком применении метода его отца Александра Васильевича.

В статье было немало добрых слов о врачах-коллегах. Хотя бы такой эпизод: "Хирург Петриченко оперировал раненого в брюшную полость. Противник жестоко обстреливал местность из орудий, и один из снарядов оторвал половину дома, в котором происходила операция. Врач, нагнувшись над телом раненого, прикрыл его собой, чтобы падающая с потолка штукатурка не попала в операционную рану. Затем он стал заканчивать операцию. Народ, проходивший по улице, останавливался и через разрушенную стену с уважением глядел на боевую работу этого врача".

Спустя три месяца Совнарком присудил Александру Васильевичу Вишневскому Сталинскую премию именно за разработку и внедрение методов новокаиновой блокады и масляно-бальзамической повязки. Мы в газете напечатали большую статью Василия Ильенкова под названием "Хирург, спасший тысячи жизней". Это не преувеличение. Точно так же оценил работу Вишневского Г. К. Жуков: "Выдающегося хирурга Александра Александровича Вишневского я знаю лично еще с Халхин-Гола - с 1939 г., где он получил свое первое боевое

крещение. С тех пор он участвовал во всех войнах, которые пришлось вести нашей Родине. Им лично была прооперирована не одна тысяча раненых воинов, из которых многие обязаны ему жизнью".

14 января

В сводках Совинформбюро вновь появились строки, выделенные жирным шрифтом. Это - названия освобожденных городов, районных центров, железнодорожных узлов. Дорохово, Шаховская, Лотошино... Они хорошо известны москвичам. Войска Западного фронта приближаются к границам области, а кое-где перешагнули их. Скоро в газете можно будет дать подборку "Московская область освобождена от немецких оккупантов". Ее мы уже и готовим.

Наше внимание сразу привлекло Дорохове. От него недалеко Бородино. Я тут же позвонил члену Военного совета 5-й армии бригадному комиссару И. Иванову:

- Когда возьмете Бородино?

- Придется обождать... - многозначительно, но весело ответил он.

- Вот что, - попросил я. - Когда завяжется бой за Бородино, дайте знать. Очень хотелось бы побывать там.

Теперь я не имел возможности так часто выезжать в боевые части Западного фронта, как, скажем, в ноябре, когда немцы стояли у ворот Москвы. Теперь фронт все дальше и дальше отодвигается на запад, и времени на дорогу уходило немало. Но овеянное славой Бородино! Как не побывать там в дни его освобождения!

* * *

Вернулся из Куйбышева Илья Эренбург. Его по указанию ЦК партии в середине октября прошлого года, когда в Москве началась эвакуация ряда предприятий, учреждений и организаций, отправили в тыл. В первые же дни войны из различных агентств печати и редакций газет наших союзников и нейтральных стран на имя Эренбурга стали поступать телеграммы, предлагавшие ему писать для них. Илья Григорьевич это делал, и делал хорошо. В нашей пропаганде на зарубеж Илья Григорьевич занимал особое место. Понятно, почему А. С. Щербаков, секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Совинформбюро, через которое передавались за кордон статьи писателя, как-то сказал, что придется "Красной звезде" "делить" Эренбурга с Информбюро. И когда из Москвы в Куйбышев отправились многие

отделы Совинформбюро, зарубежные спецкоры, дипломатические представители, туда вынужден был, несмотря на все свои протесты, выехать и Эренбург.

Однако, начиная еще с ноября и особенно в дни нашего контрнаступления под Москвой, Эренбург непрерывно бомбардировал меня письмами и телефонными звонками, требуя разрешения возвратиться в Москву. Я отмалчивался. На письма не отвечал, а во время телефонных разговоров всячески выкручивался, обещая при первой возможности отозвать его. А вскоре в одной его статье, переданной по военному проводу, я прочитал постскриптум: "Через два дня возвращаюсь в Москву". Обрадованный, я направился с этой депешей к Щербакову, полагая, что Эренбург добился разрешения секретаря ЦК на возвращение.

- Ни в коем случае, - заявил Александр Сергеевич. - Я ему сам позвоню...

Когда же в начале января в столицу вернулись работники Совинформбюро и иностранные корреспонденты, с ними прибыл и Эренбург. Мы были очень рады. Рад был и Илья Григорьевич, но меня он попрекал:

- Я думал, что дивизионный комиссар - всемогущий бог... И тотчас потребовал:

- Я должен поехать на фронт.

Естественным было его желание в эти знаменательные дни побывать в боевых частях, на переднем крае, где, как он писал, "по пояс в снегу, не зная усталости, идут вперед любимцы России - бойцы Красной Армии". Согласие я дал, посоветовал поехать в армию К. Д. Голубева, освободившую Малоярославец.

Однако одного на фронт Илью Григорьевича не пустил: знал еще по нашей совместной поездке на Брянский фронт в августе сорок первого его "слабость" - лезть в самое пекло боя. Писатель не раз упрекал меня за эту опеку; свое недовольство выразил даже в мемуарах: редактор, мол, не давал ему свободы. "Однажды, еще в начале войны, я с ним ездил на фронт к Брянску, и он почему-то решил, что я способен на глупое лихачество, внушил своим подчиненным, что за мной следует присматривать".

На фронт Эренбург отправился с секретарем редакции Александром Карповым, которого сразу же добродушно окрестил, как и всех других, кого я посылал с ним, "комиссаром редактора". Были они в Малоярославце, видели бой за Ильинское, дождались освобождения Медыни. В сегодняшнем номере газеты опубликованы путевые записки Эренбурга "Весна в январе". Они без батальных картин, без разбора операций. Это сделал - и

неплохо - Карпов, напечатав одну за другой две корреспонденции: "В обход вражеского узла сопротивления" и "Поражение немцев под Медынью". И тем не менее очерк Эренбурга воссоздает и картины сражения, и горячее дыхание фронта. Удивительный талант писателя: одной-двумя фразами, штрихами обрисовать фронтовую жизнь, передать мысли и чувства людей.

Само название очерка "Весна в январе" говорит о радующих переменах в ходе войны. Можно было бы детально описать дорогу отступления немцев, но Эренбургу было достаточно одной фразы: "Сначала я считал брошенные немцами машины, потом запутался". И совершенно ясно, что здесь произошло.

Можно было бы подробно описать наступательный порыв наших воинов, но автор рассказал лишь об одном бойце: "Он чуть прихрамывал. Оказалось, что три дня тому назад осколок мины его ранил в колено. Хотели отослать в госпиталь. Боец запротестовал: "Не пойду! С июня я отходил. А теперь чтобы без меня?.." И этого тоже достаточно, чтобы представить настроение наших воинов.

Или такая фраза о росте боевого искусства бойца: "Боец, колхозник из Заволжья, говорит: "Я теперь это дело раскусил - как фрицев бить".

Идея очерка сформулирована выразительно и точно всего в одной фразе: "И кажется в этот студеный день, что и впрямь на дворе весна, весна русского народа по середине русской зимы".

* * *

Отличился фоторепортер Олег Кнорринг. На всех четырех страницах газеты напечатаны его снимки. Десять снимков одного фотокорреспондента в одном номере газеты! Такого у нас еще не бывало.

История этого повествования в фотографиях примечательна. Кнорринг работал в войсках Западного фронта. В первых числах января он прислал два снимка, а потом исчез почти на неделю. Мы уже стали беспокоиться, и вдруг он сам появляется в редакции. Оказывается, Кнорринг побывал у авиадесантников и, узнав, что они готовятся к высадке в ближайший тыл немцев, решил слетать туда с ними. Пробыл там несколько Дней и возвратился с целой пачкой снимков.

Нельзя было не похвалить Олега за инициативу и мужество. Я спросил:

- Небось, и в атаку сходил?..

- Нет, - ответил он, - побоялся. - И после небольшой паузы добавил: Побоялся, что снимки пропадут...

15 января

В середине декабря армия Рокоссовского овладела Волоколамском. Я тогда созвонился с главным редактором "Правды" Петром Поспеловым и главным редактором "Известий" Львом Ровинским и предложил съездить туда. Взяли с собой писателя Владимира Ставского и фоторепортера Виктора Темина. И вот мы в этом городе. На центральной площади - виселица, а внизу на снегу восемь снятых с нее трупов. Волоколамцы рассказали, что казненные висели долго гитлеровцы не разрешали снять их. Сегодня этих мучеников будет хоронить весь город. В числе казненных - две девушки. Одна из них лежит с открытыми глазами, будто удивленно глядит на окружающий мир.

Сняв шапки, мы почтили память этих, тогда еще безвестных героев. И тут же решили рассказать об увиденном. В трех наших газетах сразу же появились статьи, полные испепеляющей ненависти к нацистским людоедам. "Красная звезда", кроме того, напечатала передовую "Восемь повешенных в Волоколамске".

Спустя почти месяц, в сегодняшнем номере газеты, помещена корреспонденция Якова Милецкого "Кто были 8 повешенных в Волоколамске". Специальная комиссия произвела раскопку братской могилы, осмотрела тела погибших, опросила местных жителей. Названы имена юношей и девушек. Вскоре в газете было опубликовано и сообщение о награждении всех погибших героев орденами Ленина.

Ныне, когда писал эту книгу, поехал в Волоколамск, чтобы подробнее разузнать о трагедии тех дней.

Мой путь пролегал через деревню Нелидово и разъезд Дубосеково, где совершили свой подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев и где в наше время им сооружен мемориальный ансамбль. Восстановлены окопы, командный пункт панфиловцев, а рядом на вершине холма поднимаются исполненные суровой решимости десятиметровые фигуры защитников Москвы с автоматами и гранатами в руках. Они видны далеко - и с ленты автострады, и из окон мчащихся мимо поездов.

С трепетным волнением въезжал я в старинный русский город, в котором не был с сорок первого года. На площади, где закончили свой жизненный путь восемь героев, памятник. На пьедестале плечом к плечу стоят смотрящие вдаль юноша и девушка. В городском сквере на могиле героев - обелиск, на нем высечены имена восьми патриотов-москвичей, отдавших жизнь за свободу и счастье Отчизны.

Волоколамцы много сделали, чтобы сохранить память о героях. Особую хвалу надо воздать городской газете "Заветы Ильича", а также энтузиасту-следопыту Виктору Звереву: они

приложили много сил, чтобы восстановить картину жизни, подвига и гибели восьми героев.

Кто же они?

Пятеро: Константин Пахомов, Николай Галочкин, Наум Каган, Павел Кирьяков и Виктор Ординарцев - с московского завода "Серп и молот", слесарь Иван Маленков - с "Москабеля", а две девушки - Женя Полтавская и Шура Луковина-Грибкова - студентки Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина. Все комсомольцы.

В первые дни войны, когда городской и областной комитеты комсомола формировали истребительные отряды, и эти восемь были зачислены в один из отрядов. Перед ними стояла боевая задача: в тылу врага минировать дороги, мосты, уничтожать оккупантов. В одном из подмосковных поселков они проходили боевую подготовку: учились метать гранаты, ходить по компасу, упражнялись в стрельбе, изучали подрывное дело.

Однажды осенней ночью группа во главе с Константином Пахомовым пересекла линию фронта у Волоколамска, чтобы начать боевые операции. О патриотических чувствах комсомольцев есть много свидетельств. Приведу некоторые из них.

В своем последнем письме матери Иван Маленков писал: "Мама, на заводе я не работаю. У меня сейчас новая специальность - подрывать немецкие танки. Но ты не волнуйся. А если мне суждено будет погибнуть, то я сумею помереть так, чтобы тебе не пришлось за меня краснеть".

Товарищ, переправлявший отряд через линию фронта, с волнением и удивлением рассказывал: "Веселые ребята были. Всю дорогу шутили. Я поражался: идут первый раз на врага и об опасности ни слова. Больше всего говорили о том, как встретят октябрьский праздник..."

Обойдя заставы и посты, группа пробралась к одному из штабов врага. Но у штаба она наскочила на сильную охрану. Завязалась перестрелка. Гитлеровцы подняли тревогу. Комсомольцы, отстреливаясь, отступили к городскому кладбищу. Случилось непредвиденное: здесь оказалась вражеская засада. А дальше, по рассказу следопыта Виктора Зверева, события развивались так.

На кладбище среди крестов и могил комсомольцы приняли свой последний бой. Их было только восемь, вооруженных пистолетами и гранатами, а к фашистам, по приказу начальника гарнизона Волоколамска, немедленно двинулось подкрепление. Перебегая от укрытия к укрытию, комсомольцы выстрелами настигали вражеских солдат. Но слишком уж неравные силы... А

кольцо гитлеровцев, окруживших смельчаков, все сужается и сужается...

- Взять живыми! - таков приказ.

Их привели на Солдатскую улицу к дому Зиминой, где, по-видимому, разместился какой-то штаб. Что произошло дальше, я узнал из хранящегося в Волоколамском музее рассказа Дины Зиминой, тогда двенадцатилетней школьницы (юным свойственно все запоминать). Приведу отрывки из этого свидетельства.

"Наш дом был почти единственным из сохранившихся на всей Солдатской улице... К дому подвели пленных... Немцы выгнали маму, а я спряталась на печи... Начался допрос. Ввели девушку. Она отвечала без волнения, даже с каким-то вызовом. Ее спросили:

- У вас есть мать?

- Да.

- А вам хочется жить?

- Да, я хотела бы жить, но умирать не боюсь.

Потом ввели вторую девушку, так всех по очереди. Ответы были короткими: "да", "нет". А фамилию никто не называл. Никто не стремился скрыть свою цель: "Да, имели задание пробраться в тыл", но больше ничего не сказали. Никто не унизился, никто не просил пощады..."

Пока шел допрос, на развилке двух улиц, между старыми березами, фашисты строили виселицу. Восемь веревок спускались с перекладины. После допроса комсомольцев сразу повели к месту казни. Две девушки шли обнявшись, раненого вели под руки. Свидетели их казни рассказали: их выстроили у виселицы, заставили повернуться спиной. Автоматчики встали за ними на небольшом расстоянии. Офицер взмахнул рукой, раздались выстрелы. Комсомольцы упали, только один устоял. Истекая кровью и шатаясь, он обернулся к толпе, которую сюда согнали гитлеровцы, и крикнул: "Родные! Не страдайте за нас! Бейте фашистов, жгите их, проклятых! Не бойтесь! Надейтесь - Красная Армия еще придет!"

Вот что я узнал спустя сорок пять с лишним лет после того, как в нашей газете была напечатана передовая статья "Восемь повешенных в Волоколамске".

* * *

В этом же номере опубликован двумя подвалами рассказ Симонова "Третий адъютант". Хорошо помню историю появления рассказа. Но еще более точно записал ее Симонов в своих книгах:

"Уезжая на войну военным корреспондентом газеты "Красная звезда", я меньше всего собирался писать рассказы о войне. Я

думал писать что угодно: статьи, корреспонденции, очерки, но отнюдь не рассказы. И примерно первые полгода войны так оно и получилось.

Но однажды зимой 1941 года меня вызвал к себе редактор газеты и сказал:

- Послушай, Симонов, помнишь, когда ты вернулся из Крыма, ты мне рассказывал о комиссаре, который говорил, что храбрые умирают реже?

Недоумевая, я ответил, что помню.

- Так вот, - сказал редактор, - написал бы ты на эту тему рассказ. Эта идея важная и, в сущности, справедливая.

Я ушел от редактора с робостью в душе. Я никогда не писал рассказов, и предложение это меня несколько испугало.

Но когда я перелистал в своей записной книжке страницы, относившиеся к комиссару, о котором говорил редактор, на меня нахлынуло столько воспоминаний и мыслей, что мне самому захотелось написать рассказ об этом человеке... Я написал рассказ "Третий адъютант" - первый рассказ, который вообще написал в своей жизни".

Рассказ этот известен. По нему сделан фильм, который много раз появлялся на экране телевидения. Главная сюжетная линия произведения - жизнь и смерть на войне, храбрость и трусость. Тема, понятно, важная. Мы не раз задумывались, как ее освещать. Писали мы, конечно, больше о храбрости. В те дни сказать правду о существовании трусов было гораздо труднее, чем умолчать о ней. Тем не менее уходить от правды войны не могли, какой бы суровой и горькой она ни была.

Есть в рассказе Симонова такие строки: "Комиссар медленно обходил молчаливое поле боя и вглядывался в позы убитых, в их застывшие лица... В позе мертвого он угадывал, как тот вел себя в последние минуты жизни. И даже смерть не примиряла его с мертвым трусом. Он не мог простить трусости и после смерти. Если бы это было возможно, он похоронил бы отдельно храбрых и отдельно трусов. Пусть после смерти они, как и при жизни, будут отделены друг от друга".

Вряд ли можно сильнее выразить наше отношение к трусости и трусам!

И еще хотелось бы заметить, что "Третий адъютант" и стал началом перехода поэта к прозе, где его в дальнейшем ждали многие удачи.

* * *

...Напечатаны два документа. Первый - попавший в наши руки во время освобождения города Калинина чудовищный приказ командующего 6-й германской армии генерал-

фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 года "О поведении войск на Востоке". Приказ был одобрен Гитлером. В нем говорилось об уничтожении всех исторических ценностей, об истреблении мужского населения в захваченных районах. Подчеркивалось, что "снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью". В газете мы привели полностью текст приказа и дали фотографию этого изуверского документа.

Вторая публикация - приказ командира 134-й германской пехотной дивизии, действующей на Юго-Западном фронте. Это яркое свидетельство того, что гитлеровцы порядком потеряли свой воинствующий вид:

"1. Склады у нас в Варшаве, они, следовательно, далеко от нас.

2. Имеется много превосходно обмундированных обозников. Необходимо снять с них штаны и обменять на плохое в боевых частях.

3. Наряду с абсолютно оборванными пехотинцами, отрадное зрелище представляют солдаты в залатанных штанах.

Можно, например, отрезать низ штанов, подшить их русской материей, а полученным куском латать заднюю часть.

4. Я не возражаю против ношения русских штанов".

Можно было дать фотографию и этого приказа, но все же посчитали, что лучше напечатать к нему комментарий Ильи Эренбурга. Есть там такие строки: "Плохо, видно, дела немецкого командира, если даже заплаты на задней части кажутся ему "отрадными". Не до стратегии бедному генералу: Гитлер говорит об "укорачивании фронта", а генерал занят укорачиванием штанов".

Сочинил Эренбург и едкий заголовок - "Голоштанники".

18 января

Войска Западного фронта с тяжелыми боями продвигаются вперед. И снова мелькают сообщения спецкоров: "Понеся значительные потери в уличных боях, фашисты в беспорядке отступают...", "Войска южного участка фронта идут на запад по пятам врага..." А вот заголовок одного из репортажей: "Поспешное бегство немцев из Шаховской и Лотошина".

По-прежнему огорчает, что выпускаем противника, не удаются бои на окружение. Выезжая в эти дни в сражающиеся войска, я видел это своими глазами. Почти с каждым спецкором, приезжавшим в редакцию, все это обсуждаем, пытаемся

докопаться до истины. Многое прояснил Жуков, у которого я снова побывал. Он даже упрекнул:

- Ты все примеряешь к Халхин-Голу?

- А почему бы и нет?

Перед моим мысленным взором вновь встала операция по окружению и уничтожению группировки японских империалистов на Халхе, блестяще проведенная под командованием Жукова. Я не мог не вспомнить те часы и дни, которые я провел на НП Жукова, слушал его переговоры с командирами соединений и частей. Запомнились его требования:

- Сжимайте кольцо, чтобы лишить противника возможности маневрировать...

- Не давайте противнику уйти...

- Мы идем на то, чтобы не выталкивать противника, а на его окружение и уничтожение...

- Не допускайте отхода противника. Окружайте!..

Как хотелось, чтобы и здесь было так. Все это я напомнил Жукову. А он ответил:

- Там тоже было нелегко и непросто. Но здесь и масштабы другие, несравнимые, и условия совсем иные.

Да, конечно, обстановка другая. Мы наступаем суровой, вьюжной зимой. И сил у нас недостаточно, нет численного превосходства над противником. А тут еще Ставка вывела из состава Западного фронта 1-ю ударную армию. Правильно ли это было сделано или нет, мне трудно судить. Но я знал, что Жуков тяжело переживал уход этой армии. И техники не хватало у нас. Не хватало и боеприпасов. Я был свидетелем переговоров Жукова с кем-то из Ставки: он выпрашивал лишнюю сотню орудий, десяток машин со снарядами. Сказывалось, конечно, и отсутствие опыта крупных наступательных операций, организации окружения и уничтожения противника.

После войны Жуков, да и наши историки разложат все "по полочкам", все объяснят. Но тогда Ставка приказывала Западному и Калининскому фронтам одновременно с окружением основных сил группы немецких войск "Центр" расчленить их и уничтожить по частям. Позже мы поняли, что задача эта была нереальна. Но в те дни мы руководствовались директивой Ставки.

В сегодняшней газете напечатана передовица "Бои на окружение и уничтожение врага", в которой не только говорится об этой задаче, но и рассматриваются вопросы тактики окружения. Как раз на освещении опыта такого рода боев, пусть даже небольшом, мы сосредоточивали свое внимание. Любой материал на эту тему считался у нас, можно сказать, материалом номер один и шел вне очереди...

* * *

Уже третий день мы печатаем "Русскую повесть" Петра Павленко.

Веками считалось, что для большой литературы требуется большая дистанция. Но прошло полгода войны, и мы в редакции стали задумываться: не попробовать ли на страницах "Красной звезды" печатать произведения больших форм, чем очерк или рассказ? Не пришла ли пора поглубже заглянуть в духовный мир человека на войне, высветить истоки его подвига? Художественное обобщение первого этапа битвы с врагами, считали мы, не обязательно откладывать на самый конец войны или послевоенное время.

Конечно, были опасения, что в переменчивой фронтовой обстановке не все номера газеты дойдут до читателя, что он потеряет нить повествования и охладеет к нему, что его отпугнет странное для газеты в военное время обещание: "Продолжение следует"...

Но я вспомнил очерки сорок первого года Александра Полякова "В тылу врага", которые печатались в двадцати номерах "Красной звезды", путевые заметки Сергея Лоскутова "У партизан", публиковавшиеся в течение месяца. Эти материалы были тепло приняты читателями.

Хорошо бы и сейчас напечатать, пусть небольшую, повесть. Кто бы ее смог написать? Сразу же подумалось о Павленко. Писал он талантливо и очень быстро. И вот разговор с ним:

- Петр Андреевич, взялся бы ты написать для газеты повесть.

- Повесть? Какую?

- Какую? Конечно, о войне. А точнее - сам подумай! Будем печатать подвалами с продолжением. Подвалов двадцать - столько, сколько дали Полякову.

Павленко решил написать повесть о партизанах. Условились, что поставлять главы он будет каждый день, в крайнем случае через день. Так вначале и было. Однако двадцати подвалов не получилось. Уже на пятой-шестой главах мы почувствовали, что это не то, что было задумано. Слабоватая получилась повесть, схематичная, лишенная живого дыхания реальной жизни. Павленко сам мучился. Жаловался, что партизанской жизни не знает. Уже после пятой главы сделал перерыв на неделю. Сочинил несколько вариантов, но сам их отбросил. Вымучил он еще одну главу и - снова перерыв на шесть дней. Словом, после девятой главы я сказал писателю:

- Петр Андреевич, дорогой мой, не мучайся, даю тебе не подвал, а полных четыре колонки. На этом закругляйся.

У меня создалось впечатление, что он и сам был рад такому

решению. Написал концовку на четыре колонки и на этом поставил точку. А когда вслед за подвалами отдельной книжкой вышла его "Русская повесть", Петр Андреевич подарил мне один из первых экземпляров с такой надписью: "Дарю этот "плод любви несчастной" в надежде порадовать более удачным произведением".

* * *

Евгений Габрилович напечатал очерк "Путь наступления". Автор отправился пешком с боевыми частями - от Дорохова до Можайска и все, что предстало перед глазами, описал точно, со множеством деталей, по-писательски выразительно. Вот деревушка, стоявшая на нейтральной зоне - между нашими и немецкими позициями. Вот место прорыва обороны противника. По разбитым дзотам, разметанным проволочным заграждениям, развороченным окопам с трупами немцев можно представить, какая здесь баталия. Писатель видел, как саперы снимали или взрывали мины, заложенные немцами. Наблюдал,*с каким невероятным трудом, по старой бурлацкой команде "раз-два, взяли!" бойцы вытаскивали из сугробов пушки и тяжелые машины. Побывал в штабе корпуса, откуда шли нити управления боем. Был на допросе пленных. Один из них - австриец - ругал Гитлера, заставившего их, австрийцев, идти в поход на Восток. Впрочем, этот молодчик оказался не промах. У него нашли часы, браслет и золотое кольцо. Он признался, что все это отнял у одной жительницы Дорохова...

И такая зарисовка:

"...Выходим на улицу. Ночь. Звезды светят так ярко, что видны не только дома, но даже опушка туманного снежного леса...

На западе зарево: будто воспален синий безоблачный горизонт. Слышна канонада. Там идет бой. Там от деревни к деревне продвигаются наши бойцы. Они гонят врага от Москвы, они сражаются днем и ночью и в короткие часы отдыха спят, прикорнув на снегу: наступление, нет времени рыть землянки. Спят под синим январским небом, положив под руку винтовку.

И снова идут среди снежных полей, под минами, пулями и снарядами, в багровых огнях пожарищ. Вперед!"

Если уж зашла речь о фронтовых дорогах, нельзя не упомянуть небольшую статью Ильи Эренбурга "Той же дорогой", заверстанную под очерком Габриловича. Начинается она цитатами:

"Наши солдаты почти голые. Они зажигают избы, чтобы согреться. Сегодня мороз 23 градуса. Наши закутались, кто в одеяло, кто в шубу. Головы и ноги обернуты платками и тряпьем"

(Пюибиск).

"Вши стали для нас истинной пыткой. Из-за убийственного холода мы не раздеваемся, и эти паразиты страшно расплодились. Ужасный зуд не дает спать..."

И еще с десяток подобных цитат, в том числе и такая: "Получен приказ: отступая, мы должны сжигать все селения" (Пасторе).

Из дневника обер-лейтенанта? Из писем ефрейтора? Эренбург комментирует: нет, этим записям очень много лет, они сделаны участниками наполеоновского похода. Но сегодня картины далекого прошлого ожили. Гитлеровские солдаты чешутся у костров, закутанные в бабьи платки, жгут деревни, бросают пушки... Есть, видимо, у русской земли свои традиции: хлеб-соль - для друзей, мороз и смерть - для врагов, резюмирует писатель...

* * *

Снова удивил нас Олег Кнорринг. На второй странице сегодняшнего номера на всю полосу напечатаны его снимки о дальней авиаразведке. Эти снимки можно было сделать только с воздуха. Выходит, летал с разведчиками наш фоторепортер.

- Кто разрешил? - спрашиваю.

Молчит. Потом:

- Надо же кому-то...

- Все-таки самоволка, - говорю ему.

Опять молчит, на лице тень обиды. Я нажал кнопку, вызвал секретаря:

- Пишите приказ, - и после нарочитой паузы продиктовал: - "За инициативу и мужество фотокорреспонденту "Красной звезды" Олегу Кнорингу объявить благодарность и наградить премией в размере 1000 рублей".

Кстати, потом Кнорринг признался, что после моей паузы он ожидал... выговора. Что поделаешь, случалось и выговоры выносить. Вспоминается случай, когда выговор за самоволку получил Симонов. Он отправился в боевой поход на подводной лодке, даже не поставив нас в известность об этом. Правда, за очерк ему была объявлена и благодарность. Причем, как любил не без подначки рассказывать сам Симонов, выговор и благодарность в одной и той же телеграмме редактора...

20 января

Рассказывая о текущих событиях, должен вернуться несколько назад.

Исходя из успехов Красной Армии, достигнутых в

декабрьском наступлении, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение развернуть широкое наступление на всех основных стратегических направлениях. В директиве Ставки от 7 января были определены задачи для каждого фронта.

Главный удар планировался на западном направлении. Войска Западного, Калининского, Брянского и левого крыла Северо-Западного фронтов должны были окружить и уничтожить основные силы группы немецких армий "Центр" и выйти к рубежам, от которых начался "Тайфун".

Перед войсками Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов была поставлена задача разгромить группировку немецких армий "Север" и деблокировать Ленинград.

На Юго-Западный и Южный фронты возлагалась задача разгромить группу немецких армий "Юг", освободить Донбасс и выйти к Днепру.

Войска Кавказского фронта и Черноморский флот должны были завершить освобождение Крыма.

Итак, начиная с 7 января последовательно, один за другим, девять фронтов перешли в наступление в полосе около двух тысяч километров - от Ладожского озера до Черного моря. Само собой разумеется, что директива Ставки являлась величайшим секретом. Единственное, что мы себе позволили, это в очередной передовице сказать: "Начался новый этап нашей Отечественной освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков".

Так было до сегодняшнего номера газеты. Хотя официального сообщения об этих операциях еще нет, но корреспонденты уже шлют репортажи о первых успехах. Спецкор по Калининскому фронту Леонид Высокоостровский сообщает, что идут бои на всех участках фронта и что "наши войска продвигаются вперед, все глубже врезываясь в расположение вражеской обороны". Печатается также репортаж корреспондента по Юго-Западному Петра Олендера под заголовком "Отбивая атаки фашистов, наши части продвигаются вперед".

Более конкретные и обстоятельные сообщения продолжаем печатать с Западного фронта. Названы освобожденные города и населенные пункты - Верея, Полотняный Завод, Кондрово. Публикуется репортаж о боях за эти города. Бои тяжелые, сопротивление противника не угасает, а усиливается, наши войска, однако, идут вперед.

* * *

Вчера позвонил член Военного совета 5-й армии бригадный

комиссар И. Иванов и сказал, что 21-го армия должна взять Бородино. Советовал не опаздывать.

За стремительным бегом времени забывается многое, но есть такие события, которые никогда не забудешь: над ними время не властно. Поездку в дни битвы за Бородино я хорошо помню, словно это было вчера.

Отправился с Ильей Эренбургом и фотокорреспондентом Виктором Теминым. По пути в Бородино заехали к генералу Л. А. Говорову, командующему армией. Командарма мы застали в небольшой холодной избе под Можайском. Нас встретил рослый человек, по-военному подтянутый, в отглаженной гимнастерке с ремнем через плечо и тремя звездочками генерал-лейтенанта на черных артиллерийских петлицах. Чуть одутловатое бледное лицо. Короткая стрижка. Серые глаза, густые брови. Аккуратно подстриженные небольшие усики. Рядом с ним плотный, широкоплечий бригадный комиссар Иванов.

О нашем приезде они знали и ждали нас. Говоров обрисовал обстановку в полосе наступления армии, все это показал на карте. Говорил он спокойным, глухим голосом, без интонаций, словно читал лекцию на кафедре артиллерийской академии, которую возглавлял до войны. Рассказал, какое напряжение пришлось выдержать армии в октябрьских и ноябрьских боях: пехоты было мало, она таяла на глазах, пополнение получали не густо. Исключительную роль в этих боях, объяснял Говоров, сыграла артиллерия. Хвалил мужество и искусство пушкарей. Бывало, оставались одни, без пехоты, стреляли из подбитых орудий, раненые, но держались.

Считая нас, видимо, людьми не очень посвященными в тонкости артиллерийского дела, генерал заговорил о ее роли в наступательных боях:

- Насыщенность автоматическим оружием сейчас настолько велика, что без артиллерии двигаться нельзя. Артиллерия сейчас не может руководствоваться одними заявками пехотных командиров. Она сейчас участвует на всех этапах сражения. Она не просто стреляет, а ведет бой и сама должна отвечать за это...

Говорил командарм и о том, что артиллерия должна сопровождать пехоту огнем, и о стрельбе прямой наводкой. С вниманием и интересом слушали мы его. По сути, он раскрывал перед нами идею и принципы артиллерийского наступления - термин этот только-только появился в официальных документах Ставки.

Эренбург потом несколькими штрихами нарисовал портрет генерала:

"Хорошее русское лицо, крупные черты, как бы вылепленные,

густой, напряженный взгляд. Чувствуется спокойствие, присущее силе, сдержанная страсть, естественная и простая отвага.

Вот уже четверть века, как генерал Говоров занят высокими трудами артиллериста... Есть в каждом артиллеристе великолепная трезвость ума, чувство числа, страстность, проверяемая математикой. Как это непохоже на истеричность немецкого наскока, на треск автоматов, на грохот мотоциклов, на комедиантские речи Гитлера, на пьяные морды эсэсовцев! Может быть, поэтому, артиллерист с головы до ног, генерал Говоров кажется мне воплощением спокойного русского отпора".

Мы торопились, чтобы поспеть к освобождению Бородина, начали прощаться, но тут вмешался Темин. Ему нужны были "выигрышные" кадры: Говоров, Эренбург, Иванов. И он стал командовать. Придвинул к окну стол, на котором была разложена карта, выстроил всех полукругом у стола, попросил Говорова ткнуть карандашом в какую-то точку на карте, а остальных - пристально смотреть туда же. Обычно сдержанный, суховатый генерал только улыбнулся и безропотно подчинился. Темин щелкнул "лейкой" пару раз и, как обычно, уверенно заявил:

- Мировой кадр...

Но этот "мировой кадр" в газету не попал. Не мог пойти потому, что на нем был запечатлен и редактор: не догадался я вовремя отойти в сторонку. Лишь после войны ему нашлось место в разных журналах и книгах о войне...

* * *

Чем ближе к Можайску, тем сильнее чувствовалось дыхание боя. Много смятых, искореженных, разбитых танков, пушек, машин. Вдоль дороги, в кюветах - задубевшие трупы фашистов, которые не успели убрать. Появились пленные. Мы приехали в Можайск, когда немцы уже были изгнаны из города. На здании горсовета висел красный флаг, водруженный, как нам сказали, политруком роты, первой ворвавшейся в город. Жители, вышедшие из подвалов и вернувшиеся вместе с армией к своим очагам, рьяно сдирали со стен зданий и рвали объявления, распоряжения и приказы немецких властей, неизменно заканчивавшиеся угрозами: "...кто не сделает - будет расстрелян".

Центральная площадь Можайска. Она превращена немцами в кладбище. Кресты... кресты... Много их и все фигурные, с выжженными готическими надписями. На одном из них кто-то из наших написал: "Шли в Москву, попали в могилу". За Можайском мы разыскали командира 82-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. И. Орлова. О нем нам уже рассказывал Говоров. Есть и у Эренбурга такая запись: "При всей своей сдержанности, даже склонности к скепсису, Говоров, как и другие, был приподнят

удачами, говорил: "Пожалуй, через недельку Можайск возьмем..." А Можайск взяли несколько часов спустя. Генерал Орлов не послушался своего начальника и ночью ворвался в город. Говоров смеялся: "Победителей не судят..." Настроение у Орлова бодрое. За два дня дивизия прошла двадцать километров. Он сейчас готовит новый рывок. На очереди, сказал комдив, Гжатск. Дня за два рассчитывал он освободить город.

При въезде в Бородино, на перекрестке дорог, стоит столб и на нем указатель. Возле него наши бойцы. Вышли мы из машины, подошли к ним. Эренбург читает надпись на табличке, написанную на немецком языке. Громко переводит: "До Москвы 100 километров". Среди бойцов оживление:

- Теперь они считают, сколько до Вязьмы...

Кто-то хотел сбить табличку, но его остановили:

- А ты поверни назад и напиши: "До Берлина".

Кто-то добавил:

- Далеко, но дойдем...

Да, придет время, и на дорогах войны действительно появятся таблички с надписями: "До Берлина 100 километров", "До Берлина 20 километров". Конечно, будет это не скоро, очень не скоро. Но о Берлине и тогда думали, верили, что дойдем!

Вот и Бородинское поле. Разорены и сожжены села, окружающие его, Семеновское, памятное по 1812 году, Горки... Когда мы подъехали к Бородинскому музею, он еще пылал, и сквозь пламя светилась надпись на фронтоне: "Слава предкам". Уцелел памятник Кутузову. Немцы его заминировали, но взорвать не успели. Увенчанный орлом с распростертыми крыльями, стоит он гордо и непоколебимо на небольшом холмике. На нем меч, устремленный острием ввысь, и надпись, словно обращенная к сегодняшней победе на Бородинском поле: "Неприятель отбит на всех пунктах"...

Много встреч у нас было в боевых частях. Возвращаемся в Можайск. Снова мы на центральной площади. И вдруг - какая перемена! Там, где были кресты гитлеровцев, - голо. В неистовой и справедливой ненависти к немецко-фашистским захватчикам можайцы смели все эти кресты до единого и сожгли их на кострах. Небывалое для любой войны! Как и почему это было сделано? Надо объяснить. Это и сделал Илья Эренбург в своей статье "Смерть и бессмертие". Он провел резкую, разграничительную линию между советскими воинами, сложившими свои головы на поле брани во имя свободы и независимости Родины, и погибшими под ударами Красной Армии гитлеровцами.

О наших бойцах он писал: "На площадях Малоярославца и

Можайска я видел святые могилы: здесь похоронены храбрецы, участвовавшие в освобождении этих городов. Пройдут годы. Забудутся страшные месяцы войны. Люди отстроят новые города, новые школы, новые клубы. Красивей, больше прежних станут наши города. В сердце освобожденных городов останутся дорогие памятники. И мать, показав ребенку на цоколь с начертанными именами, скажет: "Вот, Петя, кто тебя спас..."

А о сраженных фашистах он написал:

"Немцы закапывали своих мертвецов не на кладбищах, не в сторонке, нет, на главных площадях русских городов. Они хотели нас унизить даже своими могилами. Они думали, что завоевывают русские города на веки веков... Парад мертвецов на чужой земле не удался: ушли живые, ушли и трупы - не место немецким могилам на площадях русских городов... Забвенью будут преданы имена немецких захватчиков, погибших на чужой земле".

С давних времен говорили: "Мертвые сраму не имут". Нет, и мертвые немецкие захватчики имут срам! - во весь голос сказал писатель. Сказал он это для того времени, сказал и для будущего, словно предчувствовал, что гитлеровские последыши, всякого рода неонацисты попытаются обелить и живых и мертвых - всех, кто шел в разбойничий поход на Советскую страну, чтобы захватить чужие земли, поработить наш народ, всех, чьи руки обагрены кровью миллионов советских людей.

Вспоминаю, как мы с Ильей Григорьевичем вычитывали гранки его статьи "Смерть и бессмертие", а рядом сидели Симонов и Екатерина Шевелева. Говорили о тех немецких кладбищах в Можайске и других городах и селах, захваченных немцами. Шевелева молчала, не вмешивалась в наш разговор. А на третий день принесла стихи. На ту же тему - гневные, беспощадные:

Снега не обелят их в долгую зиму,
Не скрасит их зелень лугов
И люди не скажут, что сраму не имут,
Презренные трупы врагов.

"Можайск взят" - так называлась первая статья Эренбурга о нашей поездке. За ней последовал "Второй день Бородина". Были в том очерке волнующие строки: "Сто тридцать лет спустя Бородино снова увидел героев - в других шинелях, но с русским сердцем... Россия не забудет и второй день Бородина..."

22 января

В сегодняшней "Красной звезде" - отчет о траурно-торжественном заседании в Москве, посвященном восемнадцатой годовщине со дня смерти В. И. Ленина (тогда была традиция отмечать годовщину смерти вождя).

Заседание проходило в Большом Кремлевском дворце. Это - примета времени. Потерпев поражение в своих попытках уничтожить Москву с воздуха, потеряв свыше тысячи самолетов, немецкая авиация вынуждена была почти прекратить налеты на столицу. Последний раз официальное сообщение под заголовком "Налеты немецких самолетов на Москву" было опубликовано 15 ноября прошлого года. Наши средства ПВО беспрерывно усиливаются, установили непроницаемый заслон для вражеской авиации. Теперь не надо искать бомбоубежище для торжественного заседания.

В зале фронтовиков меньше, чем в октябрьский праздник.

Это тоже примета времени. Фронт все дальше и дальше отдаляется от Москвы, и возможности пригласить сюда представителей боевых частей ограничены. Большинство участников заседания - работники гражданских организаций. Они не в пиджаках и при галстуках, а в военных гимнастерках, но без знаков различия. Это стало как бы модой, соответствующей времени и делам.

С докладом на заседании выступил секретарь ЦК партии А. С. Щербаков. Говоря о мужестве и самоотверженности защитников столицы, он напомнил о подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев:

- В славные дни обороны Москвы на один наш рубеж двинулось несколько десятков танков. Этот рубеж защищали 29 советских гвардейцев. Затем их осталось 28. Один был убит самими гвардейцами за то, что оказался трусом и поднял руки перед врагом. А 28 советских людей - среди них были русские, украинцы, казахи - вели неслыханный в истории бой с танками. 18 вражеских машин были подбиты. 28 бойцов не отступили в этом неравном бою; они, защищая Москву, пали смертью храбрых.

Когда я вернулся в редакцию, у меня на столе уже лежала сверстанная подвалом статья под заголовком "О 28 павших героях". Напомню, что в ноябрьские дни сорок первого года, когда "Красная звезда" впервые рассказала о подвиге панфиловцев, мы о них мало что знали. Не были даже известны имена павших героев. Поиск мы начали после того, как Дубосеково было освобождено от немецких захватчиков. Тогда была восстановлена картина боя. В статье впервые были названы имена панфиловцев. Над очерком напечатан снимок братской могилы, где были перезахоронены герои.

* * *

В газете опубликована небольшая, но важная и характерная для того времени заметка: "В Москву из частей Западного фронта возвратилась делегация трудящихся Хабаровского края, сопровождавшая эшелон с подарками для бойцов действующей армии... Все эти подарки делегация вручила в частях тт. Рокоссовского и Говорова отважным защитникам Родины..."

Подобное сообщение уже не первое. Подарки шли на фронты, начиная с сентября 1941 года; особенно много их было в новогодние дни. Сердца фронтовиков трогали душевная щедрость советских людей, их любовь и забота о воинах. Тем, кто воевал под Москвой, не забыть торжественных и радостных встреч с тружениками тыла. Об одной из них, в 8-й гвардейской дивизии, обстоятельно рассказала "Красная звезда".

В панфиловскую дивизию снарядил делегацию Казахстан, который, естественно, считал ее своей, так как она формировалась в тех краях. Со всех концов республики на сборные пункты привозили и приносили подарки для гвардейцев. Чего там только не было! Любопытная деталь: рабочие табачных фабрик оставались в цехах сверхурочно и сделали миллион двести тысяч папирос. Их разложили по сто штук в коробки, украшенные специальным рисунком Кукрыниксов с надписью "Гвардейские". На коробке - меткие стихи Маршака: "В бой, дивизия гвардейская! Под огнем твоих атак отступает рать злодейская. Дело Гитлера - табак!"

Состав из 17 вагонов с подарками стоял у вокзала. На вагонах красовалась надпись: "На фронт, восьмой гвардейской". Столетний Джамбул послал панфиловцам свои стихи:

Громче, чем гвардия, не слыхал,
Ярче, чем гвардия, не встречал,
Слаще, чем гвардия, не твердил,
Тверже, чем гвардия, не чертил,
Чище, чем гвардия, не вдыхал,
Если такое слово из слов
Стало наградой целых полков...
Сын Казахстана мечом сверкнул,
Ветер гвардейский стяг натянул,
Поступь победы слышит Джамбул.

Несколько дней провела казахстанская делегация в гостях у панфиловцев. На прощальном вечере командир дивизии генерал В. А. Ревякин, посмотрев на стрелки приподнесенных ему часов, сказал: "Ну, уже поздно! Пора благодарить делегатов и закрывать

вечер. Завтра выступаем!"

24 января

Наконец пришла первая весточка о наступлении войск девяти фронтов. Опубликовано сообщение "В последний час" об операции войск Северо-Западного и Калининского фронтов. Освобождены на этом направлении восемь городов, перечислены трофеи, указаны потери немцев убитыми и пленными. Отмечено, что наши войска перерезали и захватили одну из главных коммуникаций врага железную дорогу Ржев - Великие Луки.

Газета отозвалась на это сообщение, не захлебываясь, не преувеличивая наши успехи. В передовой статье "Удар по врагу на Северо-Западе" сказано: "Войска Северо-Западного и Калининского фронтов добились первых успехов. Задача состоит в том, чтобы быстро и энергично развивать этот успех".

В строго деловом тоне написана обзорная статья нашего корреспондента Викентия Дермана. О событиях на этих фронтах в ней рассказано ясно и точно. Обстоятельно прослежены подготовка, начало и развитие операции. Напечатана большая карта района сражения. Кстати, у нас стало правилом заверстывать в репортажи и корреспонденции об освобождении городов, крупных населенных пунктов и железнодорожных узлов карты военных действий. В дни оборонительных сражений мы их не печатали. Откровенно говоря, душа не лежала к таким иллюстрациям. Ныне - другое дело.

Укажу на такую деталь. На первой полосе помещены портреты генералов А. И. Еременко, П. А. Курочкина, И. С. Конева и М. А. Пуркаева, войска которых отличились в этой операции. Сделано это было по указанию Сталина. Однако мы несколько переусердствовали. На радостях дали их не внизу полосы, как это было в прошлом, например в дни нашего контрнаступления под Москвой, а на самом верху, под официальным сообщением о наступлении, за что получили замечание Верховного. Больше такого "самовольства" не допускали...

Войска Юго-Западного и Южного фронтов перешли в наступление еще 18 января. Освобождено немало населенных пунктов, городов пока не взяли. В ожидании более значительных успехов день за днем печатаем репортажи с этого театра военных действий приблизительно такого содержания: в ожесточенных боях, преодолевая яростное сопротивление врага, наши войска идут вперед. Район не указывается - в репортажах одна и та же "ориентировка": "На одном участке фронта", "В другом секторе

фронта"... Поди разберись, где этот участок или сектор! Несколько помогли читателям разобраться заключительные строки репортажа с Юго-Западного фронта нашего спецкора Олендера: "В связи с наступлением наших частей немцы развесили в Харькове объявление, в котором грозят населению репрессиями и казнями, если оно будет с тыла помогать наступающим". Довольно прозрачный намек о направлении главного удара на этом фронте!

27 января

Войска Западного фронта освободили город Уварово - последний населенный пункт Московской области. Этому событию - освобождению от немецкой оккупации Подмосковья - посвящена полоса газеты.

Придет время, и мы будем отмечать освобождение других областей России, Украины, Белоруссии, городов Прибалтики... Правда, не так скоро, как тогда надеялись, но ни у кого не было сомнений, что это будет. А сегодня - первое большое торжество.

В газете - обзор Московской битвы. Статья редакционная. Далее репортаж нашего корреспондента Якова Милецкого "Первый удар". О тех, кто первым поднялся в атаку 6 декабря сорок первого года. О первых освобожденных селениях Подмосковья. Любопытный эпизод первого дня наступления, рассказанный спецкором. В этот день родилась новая артиллерийская батарея. Она была создана из... захваченных нами немецких орудий. Командовал трофейной батареей лейтенант Ипполитов. Своеобразной была команда:

- Из немецкой пушки немецкими снарядами по фашистам - прямой наводкой огонь!

Когда в редакции спрашивали у Милецкого: "Яша, где ты успел это выкопать?" - он лаконично отвечал: - "Я ее написал еще 6 декабря. Ждал момента..."

В который раз Яков Аркадьевич отличился! Человек неуемной энергии, безотказный, быстрый в деле, он был уже в годах, старше всех наших репортеров, но мог дать десять очков вперед молодым. Почти каждый день на полосах его материалы. А ведь надо было собрать их, написать да еще лично привезти в те дни с фронта в редакцию. Михаил Шолохов, с которым Милецкий выезжал на фронт, говорил мне:

- Удивительный человек! Не пойму я, как он все успевает...

* * *

На этой же полосе статья Эренбурга. Еще неизвестно было,

как историки назовут сражение за Москву, но Илья Григорьевич дал своей статье заголовок "Великая битва". И когда я задумался над этим заголовком, Эренбург, как обычно, уже собирался вступить со мной в дискуссию. Но не пришлось. Я только подчеркнул название статьи двумя черточками, что означало - набрать крупным шрифтом.

А предшествовало этой статье событие, о котором стоит рассказать.

Не раз Эренбург просил меня, чтобы в одну из своих поездок в Перхушково к Жукову я прихватил бы его. И вот третьего дня я позвонил Георгию Константиновичу и сказал, что к нему хотел приехать Эренбург. Должен отметить, что Жуков высоко ценил писателя, он знал, как на фронте любят Эренбурга, прислушиваются к его голосу, и сам, видимо, был рад встретиться с ним. К тому же для этой встречи был повод: мы готовили полосу об освобождении войсками Жукова Московской области от фашистских оккупантов и встреча была кстати. И об этом я сказал комфронта.

- Хорошо, приезжайте, - ответил он. - Приезжайте завтра.

Сам я в тот день не смог отлучиться из редакции, посадил Эренбурга в свою машину и отправил в Перхушково.

Потом Эренбург напишет, что Жуков - человек "большой воли и большой скромности", что "взгляд у него ясный, голос ровный, негромкий", в разговоре он "находит точные и ясные формулировки", говорит "без трафаретных фраз". Комфронта рассказал писателю о том, как проходила Московская битва. Приведу только несколько строк из того, что запомнил и записал Илья Григорьевич.

"План немцев был тщательно разработан. Главный удар они хотели нанести на двух флангах, особенно на северном. Они сосредоточили на подступах к Москве около трех тысяч танков.

Если они не подготовились как следует к зимней кампании, то это объясняется одним - они не знали России, русского народа... В первых числах декабря, когда немцы сообщали о скором падении Москвы, нам было ясно, что их наступление выдохлось. Они тогда были способны только на локальные действия. Мы отступали, сохраняя свою материальную часть, и стойкий характер нашего отхода определил дальнейшее. Нам нужно было выиграть время. Торопились не мы. Когда настал день, мы перешли в контрнаступление..."

Жуков подвел писателя к карте и длинным, отточенным цветным карандашом показал ему весь путь, который прошли войска фронта. Беседа была долгой более часа. Чувствовалось, что Жуков не торопился, ему интересно было разговаривать с

писателем. До этого Эренбург совершил поездки в войска фронта и делился с Георгием Константиновичем впечатлениями.

Так появилась статья Эренбурга "Великая битва", где было немало добрых слов сказано и о командующем фронтом...

В этом же номере газеты полполосы заняла статья Петра Коломейцева об артиллерийском наступлении. Официально этот термин был узаконен в директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования от 10 января 1942 года Военным советам фронтов и армий. Мне кажется, не лишним будет привести ту часть этого документа, где разъясняется, что такое артиллерийское наступление:

"Это означает, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину.

Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой "артиллерийской подготовке", а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки.

Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно. И она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немыслимо артиллерийское наступление".

Мне не надо было долго вчитываться в это письмо, чтобы определить, кто являлся автором многих ее положений. Подобным стилем писать официальную бумагу ни один работник Генштаба или же другого управления Наркомата обороны не взял бы на себя смелость. Военком Генштаба Ф. Е. Боков подтвердил, что к директиве действительно приложил свою руку Сталин. А подписали ее Сталин и Василевский.

И вот - статья Коломейцева. Он подробно и широко рассмотрел практическую сторону артиллерийского наступления, условия, которые должны гарантировать его успех. Ценность статьи состояла в том, что на собранном по крупицам первом опыте он показал существо артиллерийского наступления. Конечно, ныне можно спорить по поводу некоторых терминов, употребляемых Коломейцевым, например "артиллерийский клин", но в целом статья была содержательной, смелой, и ее приняли в войсках с интересом.

Между прочим, когда Коломейцев принес мне эту статью, над

ней стоял заголовок "Основные принципы артиллерийского наступления". Я прочел статью, а затем перечеркнул старый заголовок и поставил другой, заимствованный из текста директивы: "Наступать под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки!" Коломейцев, человек строгих уставных правил, посмотрел на меня вопросительно: мол, подходит ли? Я ответил: "Если Ставка разрешила себе в официальном документе такую "вольность", так нам сам бог велел. Между прочим, когда мы послали верстку статьи на консультацию начальнику артиллерии Красной Армии генералу Н. Н. Воронову, он статью одобрил, но задал тот же вопрос, что и Коломейцев.

Все-таки "музыку" и "гром" оставили.

* * *

Борис Ефимов если не каждый день, то через день-два одаряет нас веселыми карикатурами с остроумным текстом. И сегодня такая же - под заголовком "Фриц пляшет". Вверху эпиграф: "Начальник германской полиции Гиммлер запретил всякие танцы". Под карикатурой подпись: "Самый распространенный вид немецкого танца, который продолжается, несмотря на запрещения Гиммлера". На рисунке какой-то обер в дамской шубе, муфте и женских ботах сердито посматривает на часового. А тот - в рваной одежде и дырявых ботинках, с платком на голове - пляшет от холода...

29 января

Печатаем "В последний час" - о наступлении войск Юго-Западного и Южного фронтов. Наши войска продвинулись вперед на 100 километров, освобождено свыше 400 населенных пунктов, в том числе города Барвенково и Лозовая. Первые успехи этих фронтов комментирует передовица "Удар по врагу на Украине". В ней теперь уже не завуалирована задача операции. Мы взяли на себя смелость сказать: задача эта - "освобождение оккупированных районов Донбасса, Харьковщины и всего Советского Юга".

Фронтовым операциям посвящена обзорная статья нашего спецкора по Южному фронту Теодора Лильина и корреспонденция спецкора по Юго-Западному фронту Константина Буковского. Хочу отметить выступление Буковского. Оно характерно тем, что автор не только рассказывает о доблести и мужестве советских воинов и возросшем тактическом искусстве командиров, но и не обходит их просчетов и ошибок.

Казалось бы, в дни успехов критика не к месту. Однако,

считали мы, нельзя обходить и наши неудачи: на них тоже надо учить войска. Именно этому служила и полученная сегодня с Калининского фронта корреспонденция Высокоостровского "Почему часть Поплавского вынуждена была повторить атаку". Корреспондент рассказывает о просчетах, допущенных командиром части и командирами подразделений. На самом деле это была не часть, а дивизия, не подразделения, а полки. Но по-другому мы писать в ту пору не могли. Хотя, наверное, надо было...

* * *

В репортажах со всех фронтов почти одними и теми же словами говорится об усилении сопротивления врага.

С Западного фронта: "Наши войска продолжают вести наступательные бои против упорно сопротивляющегося противника... Противник продолжает подтягивать резервы на многих участках фронта, пытаясь любой ценой задержаться на своих оборонительных рубежах".

С Юго-Западного фронта: "Немцы, стремясь остановить натиск атакующих советских войск, подтягивают резервы. Враг упорно обороняется, а кое-где переходит в контратаки..."

С Южного фронта: "Противник пытается контратаковать наши части..."

Нет, победа дается нам нелегко, требует больших усилий и жертв, и умалчивать об этом, рисовать наше наступление как сплошное победное шествие противоречило бы действительности.

Конечно, в стане врага произошли большие изменения. Противник несет заметные потери в людях и технике. Боевой дух немцев поколеблен. Если прежде не было солдата спесивее немецкого, не было офицера хвастливее немецкого, то ныне это нахальство, эту спесь как ветром сдуло. Так и было написано в передовице "В стане врага". Но вместе с тем она предупреждала тех, кто преувеличивает надежду на быстрый крах немецкой армии:

"...Как ни расшатана уже гитлеровская военная машина, она еще продолжает существовать, колеса ее продолжают вращаться. На многих участках немцы упорно сопротивляются нашим наступающим войскам, используя весь свой опыт, технику, мощь огня. Это упорство питается, во-первых, обманом немецких солдат. Они продолжают сохранять веру в свое командование. Это упорство питается, во-вторых, жестоким террором. Известно много фактов, когда немецкие офицеры силой гонят солдат в бой, а гитлеровское командование, приказывая во что бы то ни стало отстоять тот или иной рубеж, угрожает поголовным расстрелом в случае отхода. Это упорство питается, в-третьих, животным

страхом немцев перед русской зимой, русскими морозами. Некоторые из них видят свое единственное спасение в том, чтобы до последней возможности держаться за свой блиндаж, опорные пункты. Наконец, фашистские разбойники понимают, что пощады им не будет, что им придется ответить головой за свои чудовищные злодеяния - поджоги, грабежи, насилия, убийства, - и поэтому дерутся нередко с бешенством отчаяния".

Ныне в исторических трудах можно найти более обстоятельное объяснение упорству фашистов, но тогда мы сделали это, как смогли...

* * *

Беспрерывно курсирует в своих не по размеру больших валенках и кожушке Габрилович. Из редакции - на фронт, с фронта - в редакцию. Он не был у нас подчинен жестким требованиям оперативности. Ему давно было сказано: выбирайте сами темы. Больше всего по душе Евгению Иосифовичу были человек, действующий в малых масштабах, фронтовой быт. Вот и сегодня он принес очерк "Ночь в землянке".

Фронтовая землянка! В дни нашего наступления у пустынных, обгоревших деревень она была единственным прибежищем, где можно было на час-два приютиться, чтобы отогреться, а не то - на ночь, чтобы отоспаться. Казалось: что еще можно было о ней написать?! Но проницательный художник многое увидел в тот день в землянке под Морозовкой - в шестистах метрах от переднего края. И хорошо написал. Он так представил жизнь в землянке, что, прочитав очерк, каждый иными глазами увидел тот временный солдатский приют.

Пришли солдаты сюда, в землянку, оставленную немцами, после тяжелых боев, чтобы немного передохнуть, пока подтянутся тылы. Сушили полушубки и валенки. Чистили оружие. Чинили одежду. Писали домой письма. Увидел Габрилович, что молодой пулеметчик Коля Матвеев исписывает уже четвертый лист. Пошел на "хитрость": сказал, что может опубликовать письмо в газете, скорее, мол, дойдет до адресата. И оно действительно появилось на страницах "Красной звезды" - в очерке писателя:

"...Настя! Мы прошли по снегу 70 километров, а потом еще много прошли и бьем врага штыками и пулями. Настя, ты думай обо мне, и пусть сынок помнит обо мне, а я как вернусь, заживем счастливой жизнью.

Настя! Скоро мы выгоним немцев и вернемся назад. Настя! Ты думай обо мне, как я думаю о тебе. И пусть сынок помнит, как я его помню..."

Снаружи слышится шум, распахивается полог плащ-палатки, прикрывающей дверь в землянку. Это принесли термос с едой.

После ужина начинается чтение газеты вслух. Входят два бойца в белых халатах. Это разведчики, вернувшиеся с той стороны. Один из них - маленький, с густыми усами, закрученными вверх, румяный, веселый, рассказывает о своих делах:

- Подползли, ни души, даже собаки не брешут. Видим - старик за сарай идет. Окружили. Стой, дядя! Он аж обмер. Ох, ребятки, спрашивает, свои, неужто свои?.. Подожди, говорим, не гуди. Скажи, где немцы. А вот, говорит, в той избе, вшей стукают... Честное слово - так и сказал: вшей стукают... Веселый старик... Ну, говорим, папаша, иди своим путем, да старайся подальше. Он отошел. Мы в окна гранатами. Ох, и было тут! И пулеметы, и минометы... Ракеты кидают, светло, как днем...

Поздно, многие уже спят. А в углу, возле печки, примостился красноармеец Канадин и готовит "Боевой листок". Он уже наклеил статью комиссара, описание боев под Морозовкой. Подверстал отдел юмора. Теперь подклеивает стихи о санитарке Катюше Деревянко, написанные ротным писарем. Габрилович записал эти непритязательные стихи и один куплет представил читателям нашей газеты:

Не цветут уж яблони и груши,
Дед мороз хозяином идет,
Не выходит на берег Катюша,
Она с фронта раненых несет...

В землянке все уже спят. Евгений Иосифович тихонько вышел, прикрыл за собой дверь и умчался в Москву. Тема есть. Теперь надо написать и сдать в номер...

* * *

Борис Галин в самой гуще боевых частей. Материал, который он "набирает" для своих выступлений, удивительный. Сегодня он напечатал очерк "Командир дивизии". Да, нелегкая тема. Кроме таланта надо еще знать хорошо "командирское дело", и для этого он день и ночь рядом с комдивом, его бойцами, товарищами и друзьями.

Рассказ писатель ведет о командире 49-й кавалерийской дивизии полковнике Тимофее Владимировиче Дедеоглу. Понравился Галину этот строго одетый, невысокий пожилой человек с морщинистым лицом и темными глазами, обладавший большим чувством юмора.

Дедеоглу прошел большую школу гражданской войны. В 1919 году под Одессой он пришел к Григорию Котовскому. Худенькому, тщедушному армянскому юноше с глубоко запавшими глазами Котовский сказал:

- Хочешь воевать? Добудь себе коня, добудь седло...

В бою под Березовкой Дедеоглу достал и коня, и седло, и оружие. С тех пор он в армии.

Не менее любопытно, как он стал командиром дивизии. В дни Отечественной войны его вызвал в Москву Ворошилов и на самолете отправил в Сибирь. Там Дедеоглу сформировал кавалерийскую дивизию сибиряков. Он собрал командиров питерских, ивановских, полтавских - и сказал им:

- Украинскую пословицу знаете? "На чьем возу едешь, того и песню поешь". Хорошая пословица. Отныне мы с вами сибиряки. Мы любим пельмени и, что особенно важно, не боимся морозов.

Вот каким его рисует Галин:

"Низенький, смуглый, с живым острым взглядом, Дедеоглу как-то сразу пришелся по душе медлительно крепким сибирякам. Он знает, чего можно от них потребовать, и они знают, чего он хочет, привыкли к его стилю, насыщенному суворовскими традициями".

С наибольшей полнотой этот стиль проявился в недавних боях. Галин пробыл в дивизии не один день. Чем больше он приглядывался к командиру дивизии, тем яснее становился этот незаурядный человек. Он не терпел фальши и приукрашивания, этот человек суровой правды. Но суровую правду он говорил подчиненным так, что она не оскорбляла, а давала возможность исправить недостатки.

Дедеоглу владел подлинным искусством ведения боя. Вот один штрих:

"Дедеоглу ловко обманул немцев. Он вызвал майора Шаховцева и сказал ему в обычной иронической манере:

- Понимаете, дорогой, сдается мне, что немцам нужно устроить маленькую карусель. У вас это должно выйти.

И у Шаховцева вышло: в течение суток он трижды провел свой полк мимо немецкой линии обороны. Проведет раз ночью и ночью обратно уведет. А утром снова поведет. Создалась видимость сосредоточения крупных сил на правом фланге противника, что очень обеспокоило немцев. Удар же был нанесен Дедеоглу совсем в другом месте, там, где немцы меньше всего его ожидали".

* * *

В последних номерах газеты много фотоснимков с Юго-Западного и Южного фронтов Михаила Бернштейна и Федора Левшина. Среди них большой снимок, на котором командир 13-й гвардейской дивизии полковник А. И. Родимцев. Впервые на страницах "Красной звезды" появилось фото героя Испании и будущего героя Сталинграда...

Февраль

3 февраля

С фронтов нет сообщений об освобождении новых городов. Полосы газеты заполняются материалами главным образом об опыте боевых действий наших войск, а также об оборонительной тактике противника. Назову хотя бы такие: "Ближний бой пехоты в наступлении", "Как мы организуем взаимодействия артиллерии с пехотой", "О тактике немцев при обороне и отступлении", "Минные заграждения немцев и борьба с ними" и т. п.

Директива Ставки от 10 декабря требовала не давать немцам передышки, "гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году". В те дни казалось, что эта задача успешно решается. Немцы подбрасывают то на один, то на другой участок фронта из своих резервов свежие дивизии. В передовой статье "Гнать врага без остановки" названо их количество - тринадцать дивизий. А в статье "Какие резервы бросают немцы в бой" даже перечислены номера дивизий. Кроме того, беспрерывным потоком идут из Германии резервные батальоны. Все это, как жерновами, перемалывается нашими войсками. Словом, все, казалось, идет так, как было намечено Верховным Главнокомандованием...

* * *

В этом номере опубликовано стихотворение Константина Симонова, посвященное Алексею Суркову, "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины..." Долгая жизнь была суждена этому прекрасному стихотворению.

Зашел ко мне Симонов и сказал, что задумал написать пьесу о войне. Столько, мол, он перевидел, что хотелось бы написать что-то большее, чем очерк,

- Ну что ж, - сказал я ему, - дело хорошее.

- Да, но мне для этого нужен отпуск хотя бы на месяц, - объяснил писатель.

Согласие я дал, только поскупился: дал не месяц, а двадцать дней. Вот что писал об этом Симонов в своих дневниках:

"Согласившись дать мне отпуск, пока я буду писать пьесу "Русские люди", он не забыл оговорить, что в случае каких-нибудь экстраординарных событий сразу же вытребует меня на фронт. "Да, впрочем, ты и сам не усидишь", сказал он. Это была его

вечная, подкупавшая меня присказка".

И вот Симонов засел за пьесу. Она была напечатана в журнале "Знамя". Симонов в это время был на Брянском фронте. Открыв очередной номер газеты "Правда", он с удивлением увидел на ее страницах свою пьесу, занявшую целую полосу. На следующий день - снова полоса. И так в четырех номерах. Оказалось, что пьесу прочитал Сталин и предложил "Правде" ее перепечатать.

Должен признаться, нас огорчило, что "Русские люди" появились не в "Красной звезде". Хотя я понимал, что ее разумнее печатать в "Правде", а не в нашей газете. Весь тираж "Красной звезды" уходил на фронт, войска были в движении, кто и на какой сцене ее поставит? И все же было досадно: наш штатный - корреспондент написал пьесу, а напечатана она была не у нас. Обычные редакторские переживания! Впрочем, как известно, литература не знает и не должна знать штатных ограничений и субординации...

Однако, возвращаясь к началу рассказа, укажу, что через пять дней я все же вытребовал Симонова. И основания для этого, считал я, были серьезные. Но об этом - в следующей главе.

6 февраля

Вчера прибыл с Западного фронта спецкор Василий Коротеев. Ворвался ко мне и положил на стол восемь фотоснимков. С содроганием я рассматривал их и не знал даже, что сказать, будто онемел. Был у меня в то время Илья Эренбург. Передал ему фото.

Полосы уже были сверстаны, но снимки жгли душу, не мог я их отложить. Решили дать в номер, даже если опоздает газета. Попросил Эренбурга написать несколько строк.

- Напишу, через час будет...

Принес статью даже раньше.

И вот восемь фото в два ряда на все шесть колонок напечатаны на третьей полосе. Под снимками подпись: "Мы публикуем фото, на которых фашистский мерзавец с садистским хладнокровием запечатлел этапы казни пяти советских граждан. Снимки найдены у немецкого офицера, убитого в районе Яропольца (северо-западнее Волоколамска)".

А в центре газетной полосы на две колонки полужирным шрифтом крупно напечатана статья Эренбурга. С ней надо знакомиться не по пересказу, ее надо прочитать от первой до последней строки.

"На убитом немецком офицере нашли восемь фотографий:

офицер заснял, как немцы повесили пять русских юношей.

Очевидец может забыть, перепутать, приукрасить рассказ. У фотообъектива бесстрастный глаз, и нет улики страшнее фотографий.

Это было осенью в русской деревне недалеко от Велижа. Немцы схватили пятерых. Кто эти люди? Мы не знаем их имен. По виду - сельские граждане. Один из них еще подросток. У него лицо ребенка. Немцы их поволокли к виселице.

Немцы тогда наступали. Они еще верили в свою победу. Они были веселы. Они не знали, что им придется узнать поражение, холод, лохмотья. На фотографиях они веселы, видно, что вешать им по душе.

Пятерых выстроили. Сейчас их повесят. Они спокойно смотрят на палачей.

Вот солдаты проверяют, достаточно ли крепки веревки. Два щеголеватых офицера смотрят на виселицу. Чувствуется праздничная суматоха: вешатели готовятся.

Пятерых ведут к виселице. Вот петли накинуты. Фотограф смотрит - не прозевать бы... А пятеро спокойно глядят вдаль.

Веревки не выдержали, двое сорвались. Среди палачей смятение. Но фотографу хоть бы что - он снимает...

Двоих вешают вторично, теперь без церемоний - душат наспех.

И вот они качаются на осеннем ветру - пятеро повешенных.

На фотографиях нет фотографа. Но мы видим холодное, тупое лицо немецкого офицера со стекляшками вместо глаз. Он удачно провел этот день: он присутствовал при повешении и он сделал ряд удачных фотографий. Он напечатал их на глянцевой бумаге с обрезом. Он хотел их поднести своей невесте. Это фотолюбитель и это любитель виселицы. Это сладострастный, извращенный немец. Он бодро щелкал затвором. Он заснял все фазы человеческой агонии.

Мужественно встретили пятеро русских страшную смерть. Они знали, что они сильнее палачей. Они знали, что они сильнее смерти. Они умерли за своих близких, за свое село, за свою родину. Нет смерти для человека, который умирает за других, он продолжает жить в памяти и в плоти своего народа. Вот почему на лицах пятерых высокое чувство - презрение к смерти. Может быть, палачи думали, что русские будут кричать, плакать, молить о пощаде. А они свысока глядели на своих мучителей. Они знали, что победит жизнь. Они знали, что победит Россия.

Пятеро повешенных не думали, что когда-нибудь русские люди увидят их смертную муку. Эти восемь фотографий запомнит весь наш народ. С благоговением мы смотрим на лица

героев - великие дети великого народа.

Мы смотрим, и беспримерный гнев овладевает нами: палачи еще ходят по нашей земле. Сейчас они еще сколачивают виселицы, мылят веревку, и среди снега, замерзая, они еще пробуют отогреться зрелищем человеческого страдания. Они еще в нашей стране, эти вешатели!..

Кто увидел эти фотографии, тот их не забудет. Вспомнит их под Вязьмой, вспомнит в Киеве. Вспомнит, переступив через границу. Есть на свете правда, есть возмездье! Вешателям на земле не жить. Это - наша клятва. Это - наше последнее "прости" пятерым повешенным".

А над полосой на все шесть колонок огромными буквами слова: "Мы не забудем эту виселицу. Не забудем и не простим!"

* * *

В этом же номере - передовая статья "Трагедия в деревне Дубовцы". Вот что там произошло. Отступая под ударами войск Северо-Западного фронта, немцы увели из деревни Дубовцы всех ее жителей, стар и млад. Теплую одежду фашисты давно отобрали - все шли одетые в легкое платье. Целые семьи замерзали в пути. Немцам не нужны были жители этой деревни. Фашистские садисты мстили советским людям за гибель своей мечты о легкой прогулке по советской земле, за свое поражение.

Воистину нет предела злодеяниям гитлеровцев!

* * *

Остальной материал в газете - тактического характера. Выделяется статья нашего авиатора Николая Денисова "Вторые задачи истребителей". История ее такова.

В середине января я вычитывал одну из статей Денисова в его присутствии. Статья сдана в секретариат, а он все еще не уходит. Вижу, мнется, жмется, что-то хочет сказать, но не решается.

- Ну, что там у вас еще? - спросил я.

- Разрешите мне поработать офицером связи в авиации, - говорит он. - Я уже договорился с командующим ВВС Западного фронта...

Опять за свое, подумал я. В свое время Николай Николаевич просил отпустить его в действующую армию, но получил решительный отказ. И ныне, боясь, очевидно, отрицательного ответа, он поспешил объяснить:

- Ненадолго. А потом напишу серию очерков и статей для "Красной звезды" - не только как очевидец, но и как участник воздушных операций.

Знал Денисов, чем можно подкупить нас в редакции. Материалы, написанные очевидцем боевых действий, а тем более их участником, мы ценили особенно высоко.

Согласие он получил. В студеный январский день Денисов прибыл в штаб военно-воздушных сил Западного фронта. Его первым заданием было облететь прифронтовые аэродромы, выяснить оперативную обстановку. Летал он и на поиски новых аэродромов, садился на снежную целину, когда не известно было, разминировано поле или нет. Летал он с группой ТБ-3 в тыл врага к генералу П. А. Белову, действовавшему там со своим кавалерийским корпусом. Авиаторы доставляли конникам боеприпасы и медикаменты. Летал на Смоленщину в партизанский отряд имени Сергея Лазо...

Прослужил Денисов офицером связи полтора месяца, и уже в начале февраля, как и было задумано, в "Красной звезде" стали появляться его статьи и очерки.

Сегодня - первый материал. Окунувшись в гущу авиационной жизни, Денисов заметил, что порою наши летчики-истребители возвращались из боевых полетов на разведку, патрулирование над полем боя, на сопровождение бомбардировщиков или штурмовиков с неизрасходованными боеприпасами.

По собственной инициативе некоторые командиры истребительных полков стали в этих случаях при возвращении на свой аэродром атаковать колонны вражеских автомашин, огневые позиции артиллерии противника, его пехоту, штабы. Статья Денисова "Вторые задачи истребителей" обобщала опыт этих летчиков и ставила вопрос о более широком использовании истребительной авиации для штурмовых ударов по врагу. Эта статья нашла живой отклик в авиационных частях и в штабе Военно-Воздушных Сил...

7 февраля

Ждем известий о взятии новых городов. На очереди как будто Гжатск, Вязьма... Казалось, что это дело ближайших дней. От позиций, куда мы с Эренбургом приезжали 21 января, до Гжатска совсем недалеко. Вспоминаю, что командир 82-й стрелковой дивизии, освобождавший эти края, генерал Н. И. Орлов сказал нам: "До Гжатска можно дойти за два дня". Однако наступление застопорилось, и я решил снова съездить в 5-ю армию генерала Л. А. Говорова, посмотреть на месте, как развертываются события на Западном фронте. Вот для этой поездки я и вытребовал из отпуска Симонова.

Выехали мы на двух машинах целой бригадой. Был с нами фоторепортер Михаил Бернштейн. Ездить с Мишей было одно удовольствие. Никогда не унывающий, он своим веселым

характером и неистощимыми выдумками мог расшевелить самого скучного человека. Тот, кто отправлялся с Мишей на фронт, считал, что ему здорово повезло. Был он пробивным парнем и быстрее всех мог вытащить машину из пробки, достать бензин, "соорудить" полдник и ночлег все, кажется, мог. Весьма располневший в свои двадцать пять лет, с кобурой и "лейкой" на круглом животе, в ушанке, сбитой далеко на затылок, он ни минуты не сидел на месте, внезапно исчезал и так же внезапно появлялся, не давая покоя ни своей "лейке", ни своим спутникам. Популярная песенка Симонова о веселом репортере вдохновлена именно Мишей Бернштейном.

Среди фоторепортеров "Красной звезды" Миша был на особом положении как единственный из своих собратьев, побывавший вместе с нами на Халхин-Голе и на финской войне. И тогда, и сейчас его посылали на самые горячие участки фронта, зная, что никакая опасность или трудность не могут его остановить, если газете нужен "гвоздевой" снимок. Он действительно был, как его назвал в своих воспоминаниях Жуков, "вездесущий".

Еще один наш спутник, Борис Ефимов, выезжал на фронт впервые. В нашей редакции он был главным и единственным художником. Отпустить Ефимова на фронт, куда он, кстати, все время рвался, было нельзя. Единственно, что я мог сделать, это взять его с собой в очередную фронтовую поездку и доставить обратно в редакцию к выпуску номера. Так я сегодня и поступил...

Накануне вечером я вызвал Бориса Ефимова. Он сразу же явился. Ефимов, как и все работники редакции, жил на казарменном положении в той комнате, где и работал. Я показал ему только что полученное сообщение нашего корреспондента по Западному фронту: немцы выделяют по одной-две теплых вещи на подразделение, и солдаты их носят по очереди. Попросил сделать на эту тему карикатуру. Минут через сорок он принес рисунок, очень смешной. Столб с табличкой "Дежурная шуба и муфта 5-й роты". В этой одежде, прикованной к столбу цепью, стоял немецкий солдат, а за ним очередь, дрожащая от холода: кто дует на замерзшие руки, кто пританцовывает, а у кого и сосульки под носом. В подписи художник обыграл широко известное выражение: "Согревание в порядке полуживой очереди". Отправил я карикатуру в цинкографию, а дальше, как вспоминает Ефимов, между нами состоялся такой разговор:

"А между прочим, - сказал редактор, обращаясь к своему заместителю, Ефимов еще не был на фронте. А?

- Еще не был, - согласился я.

- Выезжаем утром, - сказал редактор, снова берясь за чтение газетной полосы. - Всем быть в сборе к семи часам..."

Ефимов был рад поездке. Это я видел. Правда, фронт был ему не в новинку. В годы гражданской войны он работал художником газеты 12-й армии. Но это - в прошлом...

Утром, захватив с собой две большие пачки вышедшего номера, где и была напечатана карикатура Ефимова, отправились по Можайскому шоссе в армию Говорова. Два часа езды, и мы в боевых частях.

Первая остановка - командный пункт 82-й стрелковой дивизии генерала Орлова. Представляя Ефимова, я неизменно разворачивал газету и обращал внимание на карикатуру живого автора. А автор, Борис Ефимович, видя, как весело ее рассматривают и хохочут, старался делать равнодушный вид, но это ему не удавалось: довольная улыбка скользила по его лицу.

Популярность Симонова уже в ту пору была немалой, чувствовалось, что все были рады встрече с поэтом. А Мишу Бернштейна и представлять не надо было. Он и сам это неплохо делал, да и "лейка", болтавшаяся поверх полушубка, выдавала его профессию.

Командир дивизии был в том же партизанском одеянии, в каком я его видел в Бородине: стеганые штаны, полушубок и танкистский шлем. Незадолго до наступления Орлову присвоили генеральское звание, обмундирование ему достали, а папахи с алым верхом не смогли найти. Я привез ему в подарок папаху:

- Это за Бородино...

Орлов примерил ее. Поблагодарил, а потом снял и - то ли в шутку, то ли всерьез - сказал:

- А за Гжатск ее следует у меня отобрать...

Да, с Гжатском не получилось ни за два дня, ни за две недели. До Гжатска, как потом выяснилось, путь оказался длиною в четыреста с лишним дней! Сейчас в дивизии затишье. Главные бои шли на фланге армии, в обход Гжатска; в лоб город не удалось взять. Так нам объяснил Орлов.

- А все-таки что-нибудь у вас можно поглядеть, - вмешался в разговор Миша, искавший объекты для своей "лейки".

Комдив сказал, что один из полков получил задачу провести ночную операцию и, если у нас есть желание, он может нас туда повести.

"Ночная!" - загрустил Миша. Там фоторепортеру делать нечего. Мы же решили ее посмотреть.

Гостеприимный комдив дал команду - и принесли обед с фронтовыми ста граммами на каждого и даже немного сверх того. Симонов и Бернштейн не преминули поднять несколько тостов - и за боевые успехи, и за генеральское звание Орлова, и даже "обмыть" подаренную папаху, словом, находили повод, чтобы

выпить лишнюю чарку "в порядке сугрева", как объяснил Миша, перехватив мои косые взгляды. Хотя, действительно, промерзли все основательно.

До штаба полка добирались недолго, по тому же Можайскому шоссе. Разместился штаб в сарае, единственном здании, оставшемся от всей деревни. Командир полка объяснил план операции. Проводилась она силами одного батальона: он должен был овладеть какой-то высотой. Все до мельчайших подробностей было расписано в приказе и помечено на километровке, но мы никак не могли уяснить, какую это играло роль во взятии Гжатска. Похоже, что это было не совсем ясно и самому Орлову и командиру полка. Но задание получено, план составлен и наверх доложен; просить об отмене не решались. Не раз за войну - и в дни обороны и в дни наступления - мне приходилось сталкиваться с подобными операциями, и, чем они кончались, известно было.

Ночевать мы отправились на КП дивизии. А утром узнали, что и эта операция кончилась тем, что в таких случаях называют "частичным успехом", то есть практически почти ничем.

Мы сразу же отправились на командный пункт Говорова. Дорога трудная, узкая. Можно было не спрашивать, достаточно было всмотреться в окружающий пейзаж, чтобы понять, какие здесь проходили баталии. На обочине - подбитые, покалеченные, сожженные машины, орудия, танки - и немецкие, и наши. На белесом поле и самом шоссе чернеют воронки, чуть припорошенные недавно выпавшим снежком. Много задубевших на морозе убитых лошадей. Улицы деревень, которые мы проезжали, из одних обгоревших печных труб, вывороченных плетней и сваленных ворот.

В одной из таких деревушек среди обгоревших изб, в блиндаже с деревянным перекрытием мы нашли командарма. Он только вчера перебрался сюда, в свой так называемый ВПУ - вспомогательный пункт управления. Хотя в таких блиндажах обычно не рассчитывают долго сидеть, сделан он был добротно, прочно. По узким ступенькам спустились вниз. Говоров колдовал над картой. Симонову показалось, что он не очень-то доволен был нашим приездом. Обстановка в армии трудная, и ему не до гостей. Но я этого не заметил.

Командарм нас сразу же напоил горячим чаем и стал рассказывать о делах армии. Бои тяжелые, полки поредели, боеприпасов мало, противник подбросил подкрепление, сумел создать полосу оборонительных сооружений, сопротивление его усилилось. Несколько раз командарм отрывался к телефону, терпеливо, не прерывая, выслушивал и, не повышая голоса,

краткими репликами отвечал на какие-то вопросы и просьбы: "Да", "Так и делайте", "Не могу", "Пришлю"... Иногда говорил: "Обождите", отрывался от трубки, наклонялся к карте, водил по ней карандашом, потом снова возвращался к телефону и объяснял, что надо делать. Забегали к нему операторы, и хотя их доклады были неутешительными, лицо командарма оставалось каменным, не выдавало внутренней тревоги, будто ему не присущи человеческие эмоции. Указания его были немногословные, спокойно-деловые.

Из того, что мы услышали, поняли, что наступление армии, как и всего фронта, так блестяще осуществленное в декабре и январе, застопорилось, на серьезные успехи рассчитывать не приходится. Но на Говорова нажимали сверху, а он - на дивизии, комдивы - на полки. Вот такая не раз повторявшаяся история!

Ясно было, что на КП Говорова нам больше делать нечего. Спросили, - как проехать в дивизию Полосухина, стоявшую в полосе армии на главном, гжатском направлении. Говоров сказал, что к Полосухину нам добраться невозможно. Дивизия клином вошла в немецкую оборону. Коридор, который она пробила, шириной с километр, простреливается с флангов. Надо, мол, обождать, пока прояснится обстановка. Я спросил Леонида Александровича, можно ли добраться до штаба дивизии? Вернуться в Москву, не побывав если не в полках, так хотя бы на КП дивизии, считалось у нас смертным грехом. Очевидно, Говоров понял наше настроение и показал на карте точку, где обосновался штаб Полосухина.

Он был в четырех километрах от КП армии - в блиндажах, на скорую руку оборудованных в подвалах сгоревших изб. Там мы встретили комиссара дивизии Мартынова. Как и всюду, приняли нас дружески, но не надо было быть опытным физиономистом, чтобы увидеть, что комиссар не очень-то рад нашему приезду. Обстановка здесь действительно была сложной: с разных сторон слышна артиллерийская и минометная стрельба, видны разрывы мин на поле, у черневшей невдалеке кромки леса. Слева от дороги раздавались автоматные очереди. К Мартынову прибежал штабной офицер и что-то полушепотом докладывал, после чего комиссар спросил, у всех ли есть оружие. Он объяснил, что к дороге просочилась группа немецких автоматчиков, их, понятно, отобьют, но надо быть готовыми ко всему. Словом, беспокойства мы доставляли ему немало, и он, вероятно, подумал: какая нелегкая их сюда принесла!

Пробыли мы в дивизии целый день. Многое видели, многое узнали. Стало ясно, что взятия Гжатска нам не дождаться, и мы решили отбыть в Москву.

Возвращались в полной темноте, попали в жесточайшую пробку и выбраться из нее можно было только чудом. Это чудо сотворил Миша Бернштейн. Своим громовым голосом он объяснял, что в "эмке" едут люди, делающие "Красную звезду", не кто иной, как известный поэт Симонов, что он сам спешит со снимками героев, упомянул, кажется, и редактора, находил и другие какие-то на ходу им изобретенные доводы. Это произвело впечатление. Дружными усилиями, чуть ли не на руках переносили нашу машину в обход застрявших колонн через сугробы и кюветы. Наконец добрались до КП армии. На это ушло шесть часов!

Время было позднее, мы скупо рассказали Говорову о своей поездке в дивизию, потом спросили: каковы перспективы с Гжатском? Командарм развел руками. Видно, ему не хотелось убеждать нас, что Гжатск будет взят, но сказать, что этот орешек не раскусить, тоже не мог. Не трудно было догадаться, почему. Решение Ставки есть решение Ставки; она требовала двигать войска вперед, хотя силы и средства истощились.

Мы попрощались с Леонидом Александровичем и отбыли в Москву.

Больше всех успел сделать для газеты Миша Бернштейн. В нескольких номерах "Красной звезды" печатались его снимки из 5-й армии. Я сейчас вновь их пересмотрел. Один из снимков, где запечатлены бойцы, идущие в наступление по снежному полю за огненным валом нашей артиллерии, просто великолепен. Так и кажется, что сделан он не "лейкой", а рукой художника-баталиста.

Вспоминаю, что, когда впервые рассматривал эти снимки, у меня в кабинете был Симонов. Он тоже похвалил их, но грустно заметил:

- Если бы еще удачно окончилась та операция...

Симонов принес мне корреспонденцию строк на сто пятьдесят, но она была жидкой. Очерк, ради которого я и взял его с собой в эту поездку, у него не получился. Да и не мог получиться: написать прямо о том, что мы видели, было тогда не ко времени. Это понимал и он, понимал и я, и поэтому без всяких колебаний пришлось "зарубить" материал.

Но все же кое-что мы извлекли для газеты из этой поездки. Комиссар дивизии Мартынов вручил нам письмо, найденное у убитого фашиста, некоего Франца Вейса, своей невесте, которое он не успел отправить в Германию. "Для Эренбурга, - сказал Мартынов, - заметки одного "куроеда".

Но, пожалуй, самое интересное и важное, что мы напечатали после этой поездки, была статья генерала Орлова, занявшая в газете три колонки. Это рассказ о боях за Можайск и Бородино.

Мне же поездка помогла более правильно построить материалы в газете. Если еще в конце января и начале февраля мы увлекались статьями и передовыми под такими заголовками: "Гнать врага без остановки!", "Окружать врага!" и т. п., то после возвращения из 5-й армии пошли другие материалы, более соответствовавшие реальной обстановке на Западном фронте.

Словом, жалеть об этой поездке у меня оснований не было...

8 февраля

Наши корреспонденты по Западному фронту появляются в редакции реже, чем в дни оборонительного сражения - не каждый день, а через день-два. Привозят репортажи, статьи, очерки. Вчера, когда готовился воскресный номер газеты, они побывали в редакции и рассказали, что темпы наступления резко замедлились. Словом, везде такая же картина, какую мы видели во время поездки в армию Говорова.

Особо хотелось бы мне сказать об одной из статей, опубликованных в сегодняшнем номере газеты, - "Истощение немецкой артиллерии". Полковник Г. Надысев пишет в ней о больших потерях противника в артиллерийских средствах. Приводятся документы, названия разгромленных артиллерийских частей, цифры потерь. Автор делает вывод: "Германская артиллерия обнищала и перестает быть помощником пехоте... Как бы ни была сильна промышленность, находящаяся сейчас в германских руках, она не способна восполнить артиллерийские потери обороняющихся частей противника и подготовить достаточное количество артиллерии и боеприпасов для наступления".

Увы, как потом стало ясно, это было не так. Желаемое мы выдавали за действительное. И не только мы. Грех надо взять и мне на свою душу...

* * *

Илья Эренбург напечатал статью "Чудо". Этим словом, навеянным "чудом на Марне" - одной из самых крупных битв первой мировой войны, Илья Григорьевич оценил победу советских войск под Москвой. Однако, писал он, "нельзя сравнить битву под Москвой с битвой на Марне. В 1914 году против Германии сражались не одни французы, и "чудо на Марне" в значительной степени следует объяснить наступлением русских на Восточную Пруссию. В дни битвы за Москву второго фронта не было. Мы приняли на себя всю тяжесть удара".

Второй фронт! Известно было, что наши союзники отказались

открыть военные действия в Западной Европе в этот, самый тяжелый период нашей битвы с врагом. Позже Эренбург начнет в нашей газете, и особенно в закордонной прессе, целую кампанию критики союзников. А пока пришлось довольствоваться теми самыми строками, которые я выше привел.

Статья "Чудо" проходила через редакторские руки гладко, без обычных наших дискуссий. Но одну вставку все же пришлось сделать, и Эренбург на этот раз не сопротивлялся. Враг, несмотря на огромные потери, усилил сопротивление. На Западном фронте, как указывалось, наступление затухает. В Крыму и того хуже - немцы перешли в контрнаступление. На остальных фронтах темпы наступления, намеченные Ставкой, не выдерживаются. Вот об этом и был у нас разговор с писателем, когда мы вместе с ним вычитывали верстку "Чуда".

Эренбург тут же набросал с десяток строк, реально оценивающих события на фронтах:

"Мы не уснем за праздничным столом. Мы не забудем о суровой действительности. Германия еще очень сильна. Немцы защищают каждый жарко натопленный дом: боятся выйти на холод. Немцы будут защищать каждый клочок захваченных ими земель: боятся великого холода мести. Немецкие инженеры строят новые танки и новые самолеты. Немецкие генералы хотят весной взять реванш: отыграться или погибнуть".

С этой вставкой "Чудо" и было опубликовано в сегодняшнем номере газеты. Конечно, это была более трезвая оценка обстановки и перспективы войны, чем опубликованная рядом, на второй странице, артиллерийская статья полковника Надысеева. Да, не гладко у нас получилось, но это я заметил лишь с дистанции времени, спустя... сорок с лишним лет.

Василий Гроссман отпросился на Юго-Западный фронт. Это его родные края. Он так и начал свой очерк "Дух армии": "Мы снова на Украине. Снова белеют милые украинские хаты, крытые соломой, слышится певучая речь, снова криницы, плетеные заборы, вишневые и яблоневые садки, засыпанные снегом. Войска идут по освобожденной украинской земле..."

Дочитал я очерк, и в сердце ударила последняя строка: Залиман, Савинцы, Кунье, Красный Оскол... Надеюсь, читатель мне простит, если я отвлекусь от сюжетной линии повествования и расскажу, что для меня значили эти села. В двадцатые годы они входили в состав Изюмского округа на Харьковщине. Здесь после гражданской войны прошла моя комсомольская юность. Инструктор окружкома ЛКСМУ, я шагал из села в село с винтовкой на плече через леса и рощи, где орудовали остатки разбитых банд, организовывал комсомольские ячейки, помогал

сплачивать бедноту, вести борьбу с кулаками, строить новую жизнь. Чуть позже в роли руководителя первой на Украине передвижной школы политграмоты по целому месяцу сидел в каждом из этих сел и преподавал "Азбуку коммунизма". Был в этой школе еще один предмет - география, которую вел кто-либо из местных учителей. Почему второй дисциплиной была, география, вспомнить не могу. Не исключено, что в нашей душе жила мечта о мировой революции и надо было, мол, хорошо знать, где что на земном шаре находится.

Памятны эти места и потому, что здесь я впервые приобщился к журналистике. Вначале стал рабселькором, посылал заметки и корреспонденции в республиканские газеты, печатался даже в "Правде". В Изюме меня в 1922 году приняли в члены партии. А в 1925 году стал редактором окружной газеты "Заря".

Словом, эти края я считал своей второй родиной, и не трудно понять, как я обрадовался, получив сообщения об освобождении этих мест от немецких оккупантов.

Но вернусь к очерку Гроссмана "Дух армии". Он построен на резком контрасте: дух советской армии и дух немецкой армии. Не буду пересказывать очерк, приведу лишь несколько фрагментов из него:

"В эту ночь необычайный для здешних мест мороз. Железный ветер жжет, дым поземки стелется по полям и вдоль дороги... На перекрестке дорог, у небольшого деревенского мостика, скопление машин. Скрипя подъезжает орудие. Укутанная фигура ездового поднимается во весь рост. Ездовой, осипший от мороза, кричит, указывая кнутовищем на деревенскую улицу:

- Эй, хлопцы! Здесь, что ли, дорога на Берлин?

И в ответ ему из морозной тьмы раздается хохот. Десятки голосов отвечают ему, смеются шутке танкисты, шофера, номера орудийных расчетов..."

И другой фрагмент:

"Дух победы, дух уверенности, дух правды! Это незнакомо германским солдатам, безвозвратно потерявшим свою былую наглость и спесь..."

И в заключение:

"Пусть никто не думает, что нашим бойцам легко воевать. Сурова война в зимнюю стужу, нелегки длинные ночные марши в глубоких снегах, упорен враг, жестоки сражения с немецкими гарнизонами... В невиданных по жестокости боях, обагряя сыпучий снег своей праведной кровью, освобождают бойцы украинскую землю от немецких поработителей".

Жестокая правда войны! Ей был верен Василий Гроссман, чей

талант военного писателя раскрывался прямо на наших глазах.

13 февраля

Три номера "Красной звезды" заполнены Указом Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями около 1700 советских воинов. В преамбуле написано, что они награждаются "за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество". Кто эти герои? На каком фронте они сражались? За какие конкретно подвиги награждены? В Указе на эти вопросы ответа нет. Но нам и не надо было звонить в наркомат, чтобы все это узнать.

Вижу среди награжденных знакомые имена. Они появлялись на страницах газеты. Вот старший политрук Никита Балашов, комиссар 287-го стрелкового полка, о котором писал Симонов в осажденной Одессе в сентябре сорок первого года. Тот самый полюбившийся писателю комиссар, ставший затем прототипом героя его повести "Левашев". Среди награжденных наш постоянный автор полковник Н. И. Крылов, ныне он начальник штаба Приморской армии... Все награжденные - герои обороны Одессы!

* * *

В номере - очерк писателя Бориса Никольского "Дорога на Ленинград". Зима 1941/42 года была для ленинградцев временем особенно тяжелых испытаний, лишений, жертв. Ежедневно немецкие самолеты бомбили город. Дальнобойная артиллерия противника усиленно обстреливала улицы и дома города. Костлявая рука голода схватила людей за горло. Не было более важной задачи, чем снять блокаду Ленинграда. Эту задачу и поставила Ставка перед Ленинградским, Волховским и Северо-Западным фронтами. Официальных сообщений о наступлении войск этих фронтов еще нет. Пройдет дней десять, и читателю станет известна эта операция. Но нам не терпится, и, хотя и глухо, намек о том, что происходит, можно обнаружить в очерке Ямпольского:

"Здесь немцы поставили черный столб... "До Волхова 6 километров. Стрела указывала на северо-запад. Немцы надеялись замкнуть кольцо вокруг Ленинграда и задушить великий город. Этот черный столб стал могильным столбом для их планов. Дальше они не сделали ни шагу... За спиной осталось Ладожское озеро, где надеялись встретиться финн и немец".

Писатель расскажет также и о ледовой дороге, по которой он

вместе с колонной машин пробирался в Ленинград:

"Ночью вместе с хлебом приезжаем в Ленинград. Великий город в ночной тиши стоит суровый, каменный. Он не пропустил немцев, отбил все их атаки... Воины Красной Армии разобьют вражескую блокаду!"

Да, в те дни мы все верили, что блокада Ленинграда вот-вот будет снята...

* * *

Оперативного материала в этих номерах вообще-то мало, вместо него газетную площадь продолжают занимать статьи тактического характера. Третий месяц идет наступление. И опыт накопился немалый, и недостатки обнажились. Словом, есть о чем писать. И пошли один за другим статьи, освещающие задачи разных родов войск. О каждой из этих статей можно рассказать много интересного, но я ограничусь их названием; они говорят сами за себя: "Радиосвязь в наступлении", "Прорыв немецкой обороны ударными группами", "Опыт использования артиллерии в лесном бою", "Как находить слабые места неприятельской обороны" и т. п.

Хотелось бы на примере одной из этих статей - о радиосвязи в наступлении - показать их актуальность.

Читатель может удивиться: к чему специальный материал о радиосвязи? Дело это, вроде, яснее ясного. Но так стало позже. Тогда же такие средства связи далеко не везде были в почете. Нашлись военачальники, которые считали проводную связь единственным средством управления, переоценивали ее, с недоверием относились к радиосредствам. Это приводило, особенно там, где противнику удавалось вывести из строя узлы связи бомбежками или диверсиями, к трагическим последствиям. Распространено было мнение, что немцы с большой точностью могут запеленговать наши командные пункты, управления, боевые части и нанести по ним удар. Поэтому порой вообще запрещалось пользоваться радиосредствами или же их удаляли на такое расстояние от штаба, что они по сути не могли быть использованы для управления войсками.

Вот почему такой ценной и важной была статья полковника Е. Кузьмина "Радиосвязь в наступлении".

* * *

Впервые выступил в "Красной звезде" Илья Сельвинский. Он прислал из Керчи "Балладу о ленинизме". Удивительные, волнующие стихи. Поэт потом рассказал, как у него родилась эта баллада:

- Когда мы высадились в Керчи и ворвались в город, среди руин и развалин нас больно задело зрелище обнаженного цоколя,

на котором до прихода немцев стоял бронзовый памятник Ленину. Жители города рассказывали мне, что на шесте, торчавшем из цоколя, фашисты в издевку повесили молодого политрука. Но политрук держал себя мужественно, и, когда на его шею набросили петлю, он вытянул правую руку, повторяя позу монумента, и крикнул: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" Этот политрук потряс меня до глубины души. Имени его мне узнать не удалось. Политрук превратился в легенду...

Об этой легенде и написал Сельвинский свою балладу. И с этих стихов Илья Львович стал нашим постоянным корреспондентом.

А ныне, пытаясь установить имя политрука, я обратился с этой просьбой к поисковым группам Керченского горкома комсомола, в редакцию "Керченского рабочего". Газета даже опубликовала мое письмо. Об этом герое баллады Сельвинского многие горожане знают, а иные и видели эту трагедию. Но, увы, его имя так и не удалось установить.

* * *

Напечатаны оригинальные снимки.

На Калининском фронте воевала авиационная дивизия, в которой собрались легендарные летчики М. Громов, А. Юмашев и Г. Байдуков. Узнав об этом, мы послали к ним фотокорреспондента Олега Кнорринга. И вот в газете на первой полосе появились три снимка с такой подписью: "В авиасоединении, которым командует Герой Советского Союза комбриг М. М. Громов. На снимках: 1. Летчик-истребитель тов. Гриньчик докладывает командованию соединения о выполнении боевого задания. Слева направо: Герой Советского Союза командир авиасоединения комбриг М. Громов, командир истребительного полка полковник А. Юмашев и помощник начальника авиасоединения полковник Г. Байдуков. 2. Герой Советского Союза полковник А. Юмашев наблюдает за воздушным боем над аэродромом между истребителями его части и "мессершмиттами-109". 3. Пикирующие бомбардировщики бомбят укрепления фашистов около одной из деревень. (Снимок сделан с самолета)".

Мы рады были рассказать о боевой судьбе прославленных в довоенные времена летчиках. Что же касается последнего снимка, то Кнорринг уже приучил нас не удивляться его полетам на боевых машинах...

Как ни тесно на страницах последних номеров газеты, для Ильи Эренбурга всегда место есть. Вот и в эти дни он напечатал небольшие заметки, беспощадно разившие "фрицев": "Последний куроед", "Ироды" и другие. В заметке "Ирод" всего тридцать

газетных строк, но это меткий выстрел по врагу:

"По преданию царь Ирод приказал истребить младенцев. Имя Ирода стало нарицательным, и, не думая о древнем царе, люди говорят про бессердечного человека: "Ирод".

Мы знали, что немцы убивают детей. Мы думали, что этим занимаются самые подлые, самые бесчеловечные. Теперь мы знаем, что этим занимается вся немецкая армия. Убивать детей - таков приказ германского командования.

Вот он:

"Командный пункт дивизии. 25 ноября 1941.

Очередной приказ № 91 по дивизии.

Лозунг дня (зачитать перед строем):

Страх перед немцами должен войти в каждого до самых его костей. По отношению к большевистским "подчеловекам"... не может быть никакого снисхождения. Это относится также к женщинам и детям. Партизан и их единомышленников - на первый сук".

В другом приказе - 13 армейского корпуса от 28 ноября 1941 г. немецким солдатам предлагается уничтожать, как партизан, "мальчиков и девочек в возрасте от 12 до 16 лет".

Солдаты? Нет, убийцы детей. Люди? Нет, ироды".

14 февраля

Вчера вечером с Волховского фронта пришло краткое, в телеграфном стиле, сообщение о том, что три сибиряка-коммуниста - сержант Иван Герасименко, красноармейцы Александр Красилов и Леонтий Черемнов, бойцы 229-го стрелкового полка, - совершили подвиг величайшего самопожертвования: в боях под Новгородом они закрыли своими телами амбразуры трех вражеских дзотов.

В тех случаях, когда нет подробной информации, мы прибегаем к испытанному жанру - передовицам. Сегодня и опубликована передовая "Подвиг трех коммунистов". Позже стали известны и подробности подвига.

Вот наградные листы на этих воинов: им присвоено звание Героев Советского Союза. Но с наградными листами я ознакомился лишь ныне. А тогда, когда мы получили сообщение спецкоров, первым был вопрос: кто они? В дивизию были посланы специальные корреспонденты, и вскоре мы многое узнали.

Прибыли спецкоры в полк, оттуда - в батальон и роту, где служили три героя. Добрые слова услышали они о жизни, боевых делах и мужестве сибиряков. Все трое были призваны в армию из

Новокузнецка. В один и тот же день отправились на Волховский фронт. Вместе воевали в одном взводе, вместе жили, ели, как говорится, кашу из одного котелка.

О боевой службе Герасименко рассказал командир батальона капитан М. Герасев:

- Недавно Ивану Герасименко я приказал привести "языка". Возглавляя группу из шести бойцов, он проник в тыл к немцам. Долго ползли они вдоль дороги, нашли удобное место, устроили засаду. Вскоре на дороге показались трое нагруженных саней. Груз охраняли с десяток немцев. Наши бойцы подпустили немцев совсем близко, а потом по команде сержанта открыли огонь. Среди немцев паника, многие бросились бежать. В этой суматохе Герасименко быстро подскочил к саням, возле которых лежал раненый офицер. Он замахнулся гранатой. Но Герасименко выхватил гранату и бросил в кювет. Там она и взорвалась, не причинив нашим бойцам вреда. А пленный офицер был доставлен в штаб. Сержанта мы представили к ордену "Красное Знамя".

Александр Красилов и Леонтий Черемнов были неразлучными друзьями. Их жизненные пути крепко сплелись. Земляки из алтайской деревни Старая Тороба, они сдружились много лет назад. Вместе работали в колхозе, вместе уехали в Новокузнецк, где добывали уголь в шахтах. Военная профессия у них одна пулеметчики. В холодные осенние дни и зимние стужи они лежали за одним пулеметом. Когда они появлялись в землянке, раздавались возгласы: "Близнецы пришли!"

Возвратились они однажды под утро. Черемнов докладывает:

- Лежим в дозоре. Ночь светлая. Все как на ладони. Смотрю, немцы бегут к реке, к проруби - за водичкой, видно. Сейчас, думаю, я вас напою, вы у нас к проруби примерзнете! Подпустил ближе и ударил. Тут луна зашла, а как выглянула, смотрю - неплохо ударили: кое-кто лежит у проруби, остальные - в снегу. Ну, думаю, у сибиряков терпенья хватит. Не выдержали немцы на холоде, начали ползти, а мы с Александром щелкаем помаленечку. В общем, каюсь, на совести моей с Александром еще пяток душ...

- Побольше бы таких грешников, - отозвался их дружок Герасименко, - и мы скорее с немецкими паразитами покончим...

За пять дней до памятного боя у вражеских амбразур в землянке заседало партийное бюро. В этот день Герасименко был принят в члены партии, а Черемнов и Красилов - в кандидаты. Зачитали простые, но написанные от всего сердца заявления.

"Я обязуюсь, - писал Герасименко, - выполнять все порученные мне партией задания и хочу пойти на любую операцию членом партии большевиков".

"Я хочу сражаться большевиком", - говорится в заявлении Красилова.

"Я буду с честью носить звание коммуниста. Изо всех сил буду стрелять в фашистов", - писал Черемнов.

Отныне бой с врагом стал для них не только воинским, но и партийным долгом.

А жизнь в землянке шла своим чередом. Конечно, много разговоров было о боевых делах. Но и немало - о жизни там, в Сибири, о семьях, о мечтах. Ничего не скрывали друг от друга три товарища, читая вслух каждую весточку из дома. Сохранились во взводе письма Симы, жены Герасименко. Приведу одно из них, сжимающее сердце болью:

"Я работаю на заводе, поступила чернорабочей, но работала всего шесть дней, потом начальник цеха перевел меня на станок. Ваня, я работаю на эвакуированном московском заводе, так что когда наши мужья снимут голову Гитлеру, мы поедем с тобой в Москву и будем жить в своей столице.

Когда мы встретимся, милок? Жду тебя. Только что уложила Вовку спать, он драчливый - весь в тебя. Напиши только, что ты жив, и мне больше ничего не надо. Мы очень с сыном рады, когда получаем известия, что наш папуля жив. Может быть, будет та минута, когда ты и я будем держать нашего родного сына в объятиях и любоваться жизнью. Мне всего двадцать лет, и ты еще молод свое возьмем..."

Что было на душе у сержанта - этого не расскажешь и не опишешь. Когда Герасименко зачитал своим товарищам в землянке письмо, воцарилась тишина. Он ее сам нарушил:

- Эх, и жизнь будет, когда уложим проклятых фашистов. Мне, может, не придется ее видеть, но Вовка мой не будет знать что такое фашисты, разве что по книгам. Какой он сейчас, сын?..

А потом продолжал:

- Сейчас бы сказали: "Иди домой" - не пошел бы, раненый и то не пойду. Пока не очистим от них землю, все равно нет жизни...

* * *

Пора, по-моему, уже подробнее рассказать о главном - о том памятном и трагическом дне, когда свершили свой подвиг три сибиряка-коммуниста.

Вместе с командиром взвода младшим лейтенантом Поленским спецкоры из траншеи переднего края осмотрели местность, где бойцы сражались с врагом. Побеседовали со всеми, кто принимал участие в этом бою, кто был рядом с героями. Даже нарисовали чертеж и провели линии, по которым видно было, как двигались разведчики, где находились огневые точки врага, как шаг за шагом развертывались события. К концу беседы они уже

отчетливо и точно представляли себе все перипетии боя, зримо видели каждый шаг героев.

Как же все было?

Командир батальона капитан Герасев получил приказ командира дивизии полковника Андреева произвести разведку боем в районе, откуда немцы вели огонь из дзотов, выявить расположение этих дзотов и внезапным налетом по возможности уничтожить их.

Накануне вместе с командиром взвода Поленским Герасев произвел рекогносцировку. А к вечеру Поленский вызвал к себе командиров отделения Герасименко, Лысенко и Селявина. Вчетвером они по ходам сообщений пришли на наблюдательный пункт, откуда просматривалась неприятельская оборона. Наметили маршрут предстоящей разведки. Ночью двадцать бойцов во главе с Поленским у самого берега Волхова поднялись на вал. Новгород лежал перед ними плененный, скорбный, молчаливый. На том берегу немцы использовали земляной вал, каменные быки, возведенные когда-то для большого моста, чтобы создать, казалось бы, неприступную оборону. Впереди - дзоты, блиндажи, проволочные заграждения.

В пять часов утра взвод двинулся в путь. Это время было выбрано не случайно. Ночь стояла лунная, а к утру стало темнее. Кроме того, известно было, что на рассвете бдительность немецких часовых притупляется. Наши бойцы спустились в лощину. Разведчики шли бесшумно. Когда приблизились к реке, командир взвода подозвал Герасименко:

- Возьмите еще двоих, выберите их сами и ползите вперед.

Сержант выбрал Красилова и Черемнова. С ними он добывал "языков", с ними стоял холодными ночами в "секрете", с ними плечом к плечу дрался в последнем бою у Кирилловского монастыря.

Трое храбрецов поползли. Вдруг перед ними выросли фигуры двух часовых; ловким броском бесшумно они их сняли и поползли дальше. Так взвод вышел к вражеским укреплениям с тыла. Завязался бой. Разведчики стали метать гранаты в амбразуры, дымоходные трубы и двери дзотов. Уничтожив расчет одного из дзотов, Герасименко со своими товарищами вытащил из него пулемет и им же стал разить врага. Вдруг у Герасименко по халату поползли струйки крови. Он свалился в снег. К нему подбежал санитар Степан Дубина, стал его перевязывать. Поленский, увидев раненого, приказал ему отползти назад, выйти из боя. Герасименко впервые ослушался своего командира, не ушел.

Взвод продолжал бой. Уже уничтожено несколько дзотов. Но

в это время немцы вызвали подкрепление и повели наступление, пытаясь окружить разведчиков. Надо выходить из боя. Вдруг заговорили пулеметы тех новых дзотов. Взвод попал в огневой мешок. Смерть нависла над бойцами взвода. Надо заставить замолчать эти пулеметы. Герасименко все это видел. Опасность, угрожавшая товарищам, подняла его на ноги. Он вырвался из рук санитара и снова кинулся к дзоту. К двум другим бросились Красилов и Черемнов. Гранат у них уже не было. Выход один. Не сговариваясь, они бросились на пулеметы, заслонив своими телами огненные струи, приняв смерть, предназначенную взводу. Бойцы двинулись в атаку. Среди них был и Дубина. С криком "Отомстим врагу!" он кинулся вперед, но упал в нескольких шагах от Герасименко. Это была четвертая героическая смерть во взводе. Жизнь товарищей была спасена. Взвод выполнил боевое задание.

Легендарный подвиг трех коммунистов, о котором рассказала "Красная звезда", взволновала советских людей. Их чувства выразил Николай Тихонов в своей "Балладе о трех коммунистах". Вспоминаю, когда мы рассказали Николаю Семеновичу об этом подвиге и попросили написать стихи, он сказал:

- Напишу. Это герои и Ленинграда...

Известно, что 52-я армия, в рядах которой воевали Герасименко, Красилов и Черемнов, участвовала в то время в наступательной операции Волховского фронта по освобождению от блокады Ленинграда. Знали бойцы армии, что идут на помощь городу Ленина. И вот баллада Тихонова как раз и объясняла, что воодушевило сибиряков на подвиг самопожертвования:

...И вот сейчас на подвиг пойдут в снегах глухих
Три коммуниста гордых, три брата боевых.
Герасименко, Красилов, Леонтий Черемнов
Глядят на дзоты серые, но видят лишь одно:
Идут полки родимые, ломая сталь преград.
Туда, где трубы дымные подъемлет Ленинград!
Где двести дней уж бьется он с немецкою ордой,
Стоит скалой, не гнется он над вольною Невой.
Спеши ему на выручку! Лети ему помочь!
Сквозь стаи псов коричневых, сквозь вьюгу, битву, ночь!
И среди грома адского им слышен дальний зов
То сердце ленинградское гудит сквозь даль лесов!..
Пронзили душу и такие строки баллады:
А струи пуль смертельные по их сердцам свистят,
Стоят они отдельные, но как бы в ряд стоят.
Их кровью залит пенною за дзотом дзот затих,

Нет силы во вселенной, чтоб сдвинуть с места их!
...Темны их лица строгие, как древняя резьба,
Снежинки же немногие застыли на губах.

Удивительно быстро написал Тихонов свою балладу. 17-го я послал ему телеграмму, в которой просил прочитать нашу передовую о подвиге трех коммунистов и сочинить стихи. А 19-го баллада уже поступила в редакцию и на второй день была опубликована, заняв почти две колонки в газете...

- Этот день и ночь после телеграммы, - объяснял потом Николай Семенович, - я жил тем подвигом. Так жил, что мне казалось, что я там, с ними. Само писалось...

Нетленна память о подвиге трех коммунистов. Она в сердцах и делах их современников и новых поколений советских людей. На родине героев обелиски. Их именами названы улицы Новокузнецка, где они работали и откуда ушли на фронт. На берегу Волхова, там, где сражались и сложили свои головы три коммуниста-богатыря, установлена мемориальная плита и посажены три березки. На самом красивом месте в Новгороде, в центре знаменитого и древнего Ярославского дворца, поставлен величественный, строгий монумент. В городе три улицы тоже названы именами И. С. Герасименко, А. С. Красилова и Л. А. Черемнова.

Три коммуниста - гордость и слава нашей партии. В "Истории Коммунистической партии Советского Союза" им посвящены пламенные строки...

15 февраля

Спецкор Павел Трояновский передал из 50-й армии краткое сообщение о подвиге колхозника артели "Новый быт" из села Лишняги Серебряно-Прудского района Тульской (ныне Московской) области Ивана Петровича Иванова. Жаль, что мы тогда не пошли по следам подвига. Это я делаю теперь, когда вновь встретился с тем событием на страницах "Красной звезды".

Я узнал, что Иван Петрович в юности батрачил у помещика, пас лошадей. Участвовал в русско-японской войне, был ранен. За Советскую власть с первых же ее дней стоял горой. В тридцатые годы первым вступил в колхоз, работал конюхом.

Пожилые односельчане отзываются о нем как о человеке во всех отношениях достойном. Было у него повышенное чувство ответственности, дружелюбие, скромность, всегдашняя

готовность помочь соседям: одному чинил хату, другому косил сено... Под стать ему была и жена Наталия Иевлевна. Чета Ивановых вырастила пятерых детей - трех сыновей и двух дочерей. Все сыновья ушли на фронт; вернулся же только старший - Михаил. Василий и Иван погибли.

В дни Великой Отечественной войны Иван Петрович работал за двоих, за троих. Убирал хлеб, собирал подарки для Красной Армии. Первым внес свои сбережения в фонд армии. Корову отдал фронтовому госпиталю.

А после того как немцы ворвались в Серебряно-Прудский район, старик себе места не находил.

Как же развернулись события в тот зимний день битвы за Москву? Контрнаступление Красной Армии. 322-я стрелковая дивизия ведет бой за Серебряные Пруды. Мощной атакой она выбила немцев из города, разгромив 63-й моторизованный полк противника. Один из отрядов этого полка с 30 машинами и противотанковой пушкой поспешно отходил на юго-запад, к Венёву. Однако Венёв к тому времени уже окружили наши войска, и отряд круто повернул на юг - к селу Подхожее, стоящему на перекрестке дорог к Венёву и Кимовску. И вот притащились немцы в Лишняги.

Пятеро солдат во главе с офицером и каким-то косноязычным переводчиком ввалились в избу Ивана Петровича. Крестьянин притворился больным, говорил, что дороги не знает. Офицер выхватил пистолет, на старика силой напялили полушубок, ушанку и поволокли на улицу. Тридцать машин стояли с незаглушенными моторами: издали доносился артиллерийский гром, и немцы торопились. Офицер усадил Иванова рядом с собой в головную машину, и отряд тронулся в путь.

Но не дорогу в Подхожее указал Иван Петрович, а свернул влево, к белогородскому лесу, к оврагу, который местные крестьяне называли "свинкой". Там в овраге вся колонна и завязла в сугробах.

Там, в овраге, закончил свой жизненный путь и герой-патриот Иван Петрович Иванов...

Встретился я с дочерью Ивана Петровича ткачихой Клавдией Ивановной, уже пожилой женщиной, с такими же голубыми, как у отца, глазами. Она достала шкатулку, в которой хранятся награды отца. Эти награды ей вручил на хранение генерал армии Павел Иванович Батов, председатель Советского комитета ветеранов войны.

Она последняя видела отца в тот момент, когда немцы, подталкивая его в спину, увели из дому.

- Успел отец что-нибудь сказать?

- Ничего не сказал... Долгим, горестным взглядом посмотрел на меня. Глаза его говорили, а что именно - тогда я не знала. Позже поняла, что прощался навсегда со мной, семьей, домом...

Что мог он сказать на пороге родного дома, понимая, что переступает и порог своей жизни? Для себя он уже все решил. Но о таких решениях в свой смертный час не говорят. Все серебрянопрудцы подтвердили: в село Подхожее был другой путь, хорошая дорога, так называемый большак. По нему ездили все жители Лишняг, окрестных сел и деревень. Свой последний шаг Иван Петрович Иванов сделал сознательно. Знал ли он о подвиге крестьянина Костромского уезда Ивана Сусанина? Но вряд ли ему были известны предсмертные слова Сусанина из рылеевской поэмы:

Предателя, мнили,
во мне вы нашли:
Их нет и не будет на русской земли!..

Иван Иванов, крестьянин из деревни Лишняги, был подлинным патриотом Родины и во имя Родины пожертвовал своей жизнью.

На месте его гибели установлен обелиск. На центральной площади села стоит памятник. На нем изображен советский воин с приспущенным знаменем. На памятнике высечены слова: "Партизану Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Ивану Петровичу Иванову, погибшему при выполнении патриотического долга в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками".

А теперь надо, видимо, вернуться к материалам о подвиге Иванова в сегодняшнем номере "Красной звезды".

Когда накануне я прочитал сообщение Павла Трояновского, сразу стало ясно: советский крестьянин повторил подвиг Ивана Сусанина! Это было первое подобное сообщение за войну. И рассказать об этом следовало ярко и эмоционально. Наш корреспондент прислал информацию вообще с опозданием, да и сам давно уже ушел из этого района с войсками на запад. Послать в Лишняги из редакции, видно, было некого, а откладывать материал тоже не хотелось. Выход все же нашли.

Я попросил зайти Петра Павленко. Уселся он в кресло и выжидающе смотрит на меня. Дал я ему листики телеграфных бланков с наклеенными на них лентами сообщения Трояновского. Петр Андреевич, как обычно, снял очки, старательно протер их и медленно, словно заучивал текст, стал читать. Прочитал раз, два и воскликнул:

- Так ведь это Иван Сусанин нашей войны! И тоже Иван. И

даже Иванов! Истинно русский человек...

Писателю не трудно было догадаться, для чего я его пригласил:

- Об этом надо писать балладу, поэму.

- Или рассказ, очерк, - вставил я.

Павленко, конечно, понял, к чему я клоню, и ответил:

- Хорошо, напишу...

Сейчас я уже могу сказать, что, когда просил его написать очерк, на душе у меня кошки скребли. И вот почему.

По всему фронту гремела слава 32-й стрелковой дивизии. Дивизия эта сибирская. На фронт она прибыла в разгар битвы за Москву. Отличилась в оборонительных боях за столицу. Именно она сражалась с немецко-фашистскими захватчиками на Бородинском поле. Воины дивизии не посрамили русской славы, а приумножили ее в дни оборонительных боев и в дни нашего контрнаступления. Естественно, хотелось побывать у сибиряков, рассказать о них.

Ранним утром вместе с Петром Павленко мы отправились в дивизию на двух "эмках". Я должен был скоро вернуться, чтобы вычитать газетные полосы, а Павленко решил провести там целый день.

Моя "эмка" шла впереди. Я был уверен, что машина писателя неотступно следует за мной. Шоссе периодически обстреливалось артиллерией противника, и я все время оглядывался: все ли благополучно? Но вот на одном из поворотов оглянулся и вижу - нет "эмки" Петра Андреевича! Остановился, ожидая. Но ее все нет и нет. Вернулся назад, туда, где в последний раз ее видел, километра за два-три. Не нашел. Направился прямо в один из полков, минуя штаб дивизии. Быть может, Павленко, подумал я, решил вначале заглянуть на КП соединения. Что ж, он сам знает, что делать. Побыл я в полку и вскоре вернулся в Москву. А Петр Андреевич не подает никаких признаков жизни. Может, с ним что случилось? Стал звонить в Военный совет армии. Там тоже переполошились, искали писателя в полках и даже в медсанбате. Наконец отвечают: Павленко в том самом полку, куда я заезжал.

На второй день приезжает Петр Андреевич в редакцию, заходит ко мне сонный, с трудом волоча ноги, покашливает, глотает какие-то порошки и сразу же вручает мне листиков десять, исписанных его обычным бисерным почерком. Оказалось, что его "эмка" сломалась, ее на буксире отвели во второй эшелон дивизии, а писатель на попутной машине, затем пешком добрался до полка, но меня уже здесь не застал. Там провел тревожный день и бессонную ночь.

- Надо было сразу же вернуться в Москву! - упрекнул я его. -

Завтра бы съездил.

- Вернуться? - перебил он меня. - С пустыми руками...

Смотрю я на него, худющего, усталого, и говорю:

- Иди к себе, два-три дня ничем не занимайся, отдыхай...

Но сам же прервал его "отпуск".

И вот на второй день после нашего разговора о подвиге Иванова Петр Андреевич принес мне уже набранный и сверстанный подвал, над которым стоял заголовок "Во имя Родины".

Прочитал я очерк, и между мной и Павленко произошел такой диалог.

- Петр Андреевич, можно подумать, что ты там был, рядом с Ивановым.

- Был - не был, но ясно представляю себе все, что произошло в белогородском лесу. Написал даже меньше того, что могло быть и было.

- Да, но что скажет читатель?

- Читатель мудр. Он поймет, что к чему. Да еще и сам домыслит какие-то детали, которые тоже не будут далеки от истины. - И после небольшой паузы Петр Андреевич добавил: - Не был никто и с Сусаниным. Ни Рылеев, никто другой, но ни у кого не вызывает сомнения, что все так и было в костромском лесу.

- Хорошо. Но давай поставим подзаголовок: "Рассказ".

- А этого как раз делать и не надо. Подвиг Иванова - не выдумка, а истина. Вот уж действительно введем читателя в заблуждение...

Словом, убедил меня Петр Андреевич. На углу сверстанного подвала я сделал надпись: "На вторую полосу". Под очерком стояла подпись "П. Трояновский". Я поставил над ней еще одну "П. Павленко". И снова Петр Андреевич запротестовал:

- Оставь подпись Трояновского. Паша - отличный журналист. Смог бы сам написать очерк, но, видимо, торопился. А меня не убудет.

Согласился я и с этим. Кстати, Трояновский был крайне удивлен, когда увидел подвал в "Красной звезде", под которым стояла его подпись. Скромнейший Павел никогда не утаивал, что к этому очерку основательно приложил свою руку Павленко...

* * *

А на второй день в полдень Павленко потащил меня в Центральный дом Красной Армии на просмотр документального фильма "Разгром немецких войск под Москвой". О том, что такая картина готовится, мы знали, ведь сценарий для нее писал Петр Андреевич. Я все ждал, что он попросит у меня для этого творческий отпуск. Но обошлось. Писал между поездками на

фронт или в часы, свободные от работы над очередной главой своей "Русской повести". Да и сочинять сценарий ему было не так трудно: в дни оборонительных сражений и нашего контрнаступления под Москвой он часто бывал в войсках Западного фронта, многое видел, многое знал.

На просмотр фильма пришел почти весь литературный состав "Красной звезды". Были там кинодраматург Алексей Каплер и кинооператоры во главе с Романом Карменом.

Нетрудно себе представить, с каким волнением смотрели мы фильм. Перед нашими глазами вновь прошла картина великой битвы за Москву, и вновь мы переживали горечь отступлений и радость победы. Но эмоции - эмоциями. Надо было подумать о том, как рассказать читателю об этой картине. После просмотра тут же, в зале Дома, состоялась импровизированная редакционная летучка. Решили посвятить фильму целую полосу. Смущало только одно: успеем ли в завтрашний номер?

- Конечно, полосу! А успеть - успеем, - горячо поддержал нас Павленко.

- Петр Андреевич, - сказал я, - взял бы ты эту ношу на свои плечи...

Павленко сразу же стал действовать, проявив подлинно репортерскую сметку и оперативность. Он собрал тех, кто делал фильм - Кармена, кинооператоров М. Шнейдерова и А. Крылова, чуть ли не силком усадил их в редакционную машину и умчался с ними в редакцию. Был приглашен и кинодраматург Каплер. Там объяснил им задачу:

- Даем завтра полосу. Пишите. Пишите, кто как может. - И после небольшой паузы предупредил: - Из редакции не выпустим, пока не сдадите статьи. А покормить - покормим...

Вначале их ошеломила такая эксцентричность писателя. Но тут же подумалось: целая полоса в газете! И потом, ведь просит не кто иной, как Павленко - разве ему откажешь!

И вот сегодня напечатаны рассказы об этом фильме, который тогда стал событием В полосе - большая статья Каплера "Бессмертное сражение за Москву". Это как бы битва за столицу глазами кинодраматурга. Статья Кармена впечатления о фронтовых встречах. Выли там такие строки:

"В одной деревушке я снимал встречу с населением наших передовых частей. Старуха колхозница, крестясь обеими руками, кланялась в пояс бойцам. Плача от радости, она обнимала их и целовала. Серый дым стелился над закостеневшими трупами убитых немцев. Шли цепочкой суровые бойцы, и старуха знала, что вместе с ними пришла жизнь".

Кто из нас, смотревших этот фильм тогда, да и спустя много

лет после войны, не улыбнулся, увидев сцену, запечатленную Карменом на пленке, маленькую сгорбленную старушку, в приливе радости крестившуюся действительно двумя руками! Кстати, этот кадр попал и на пленку фотоаппаратов наших репортеров, был опубликован в газете. Но снимок был статичен, а в фильме все в движении: и блестящие глаза старушки, и улыбка, и расправлявшиеся морщинки...

Был Кармен и в Волоколамске в день его освобождения. Перед ним предстала та же трагическая картина, которую вместе со мной видели редактор "Правды" Поспелов и редактор "Известий" Ровинский, побывавшие в тот же день в городе.

Из статьи Шнейдерова и Крылова читатель узнал, каким нелегким делом, полным опасности, был труд фронтовых кинооператоров, шагавших со своим киноаппаратом "Аймо" вслед за бойцами переднего края. "Однажды, - повествуют они, - пришлось снимать танкистов-гвардейцев генерал-майора Катукова. Вышли мы на исходную позицию танков к опушке леса... Снимаем выход танков, их первые залпы, бежим следом за ними, вражеский огонь вынуждает залечь... Все-таки кое-что сняли..."

По своей скромности они не подчеркивали, что танкисты-то были прикрыты броней, а кинооператоры были открыты, как говорится, всем огненным ветрам. И сняли они не кое-что, а широкую панораму танковой атаки.

В полосе "Песня защитников Москвы" из этого фильма. Сочинил ее Алексей Сурков еще в дни битвы за Москву:

Мы не дрогнем в бою
За столицу свою
Нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной,
Обороной стальной
Разгромим,
Уничтожим врага.

На эти стихи была написана музыка, и с экрана она шагнула по стране и всем фронтам.

Щедро мы дали и кадры из фильма - на первой, второй и третьей полосах: лентами на все шесть колонок...

23 февраля

Сегодняшний номер газеты посвящен 24-й годовщине

Красной Армии. В центре полосы - приказ наркома обороны СССР Сталина. Начиная с 1925 года такие приказы издавались каждый год. Вначале за подписью Председателя Революционного Военного Совета СССР М. В. Фрунзе, затем - наркома обороны К. Е. Ворошилова. Последний "мирный" приказ - 23 февраля 1941 года - был подписан С. К. Тимошенко. Кстати, приказ отличался от прошлых тем, что требовал в связи с напряженной международной обстановкой, "перед лицом опасности внезапного нападения" высокой мобилизационной готовности войск, чтобы "никакие случайности не смогли нас застать врасплох".

От кого же надо было ждать "внезапного нападения"? В приказе маршала Тимошенко, естественно, не указывалось. Но каждому из нас в те дни было ясно, что нарком имел в виду именно фашистскую Германию. Вот какой был диссонанс с известным сообщением ТАСС от 14 июня этого же года, в котором опровергались слухи о намерении Германии предпринять нападение на СССР.

Приказ Сталина подводит итоги восьми месяцев войны, в нем развернута программа дальнейших действий и борьбы народа и армии с немецко-фашистскими захватчиками. В приказе были слова, полные оптимизма: "Не далек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит Советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена".

На первой полосе напечатана подборка документов В. И. Ленина, относящихся к периоду гражданской войны и интервенции, точнее, к тому времени, когда обнаглевшие немецкие оккупанты пытались продвинуться на территорию РСФСР. Публиковались они впервые. Приведу один из этих документов:

"Всем губернским, уездным Совдепам.

Как поступать в случае нашествия неприятеля на доказавшую свою твердую волю к миру Советскую Социалистическую Российскую Федеративную Республику.

(Наставление всем местным Совдепам и всему населению.)

На Украине бывало не раз, что крестьяне и рабочие противились вывозу или уничтожению имущества, надеясь сохранить его для себя. Они оказались жестоко наказанными. Пришельцы захватили все: хлеб, скот, уголь, металлы, машины и увезли к себе. Пример Украины должен послужить страшным уроком для всей России.

Поэтому при попытке врага перейти в наступление местное

население обязано под руководством своих Советов строжайше соблюдать следующий приказ:

В первую голову вывозить боевые запасы. Все, что не будет вывезено, должно быть подожжено и взорвано.

Зерно и муку увозить или зарывать в землю. Чего нельзя зарыть уничтожать.

Скот угонять.

Машины вывозить целиком или по частям. Если нельзя увезти - разрушать.

Невывезенные металлы - закапывать в землю.

Паровозы и вагоны угонять вперед.

Рельсы разбирать.

Мосты минировать и взрывать.

Леса и посевы за спиной неприятеля сжигать..."

Я привел выдержку из ленинской директивы вот почему.

Мои современники, конечно, хорошо помнят выступление Сталина 3 июля сорок первого года. В нем предлагалось при отступлении действовать точно так же: "При вынужденном отходе частей Красной Армии... все ценное имущество... которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться".

Вспоминаю, с какой болью воспринимали наши люди этот тяжелый, суровый, но безусловно необходимый приказ. Как же это выводить из строя, уничтожать то, что было создано за наши пятилетки неимоверным, титаническим трудом? Были и такие соображения: скоро, мол, вернемся, зачем тогда начинать все сначала? Известно, что многим нашим предприятиям удалось вывезти свое оборудование на восток и в невиданно короткий срок пустить его в ход. А что не успели - уничтожали, взрывали, сжигали. Но в газетах об этом - ни слова. Может, потому, что просто рука не подымалась писать, не хотелось растравлять душевные раны наших людей... Но и молчать нельзя. И вот, когда вернулся с фронта наш спецкор Николай Денисов и рассказал, с какой болью мы сами, своими руками вынуждены были при отступлении взорвать плотину Днепрогэса, чему он сам был свидетелем, мы обратились к Алексею Толстому с просьбой написать статью, в которой прямо и откровенно сказать о тех жертвах, на которые мы сознательно идем, уничтожая все, что нельзя вывезти в тыл страны. Публикация этой статьи, писал я Алексею Николаевичу, "вызовет еще большую ненависть к гитлеризму..." И вот появилась на страницах нашей газеты его статья "Кровь народа". Статья, полная горечи, но сильная верой в нашу победу, статья, которая, как писал Толстой в своей автобиографии, в числе двух других получила "наибольший резонанс".

Алексей Николаевич напомнил, что не раз русскому народу приходилось во имя спасения Родины идти на величайшие жертвы. Так было в дни нашествия Наполеона. "Зажигая древнюю Москву, чтобы один пепел достался наполеоновской двунадесятиязычной армии, русские спасли свою святыню - Отечество: сохранен будет корень - высохнут слезы, заживут раны, и миллионы золотых рук - камень за камнем - заново сложат Москву, богаче прежней".

Так было и в годы гражданской войны. С великих жертв началась жизнь молодой Советской Республики. Писатель напомнил, что, пригрозив Москве ультиматумом, немцы потребовали передачи им Черноморского флота. В ответ на это черноморские моряки вывели весь флот на рейд в Новороссийске и потопили его.

Так и ныне. "Наши жертвы велики... - писал Толстой. - Мы взорвали все шахты Криворожья, превратили в груды развалин верфи в Николаеве. В городах днепрогэсского индустриального узла взорваны электростанции... Мы сами уничтожили один из мощных узлов металлургии и промышленности. Немцам не досталось ничего, - развалины, пустые корпуса пустых заводов... Уничтожая своими руками эти огромные ценности, созданные священным трудом народов нашего Союза для своего грядущего счастья, мы не вытирали слез, у нас их нет, их иссушила ненависть. И клятва наша: "За гибель - гибель!"

Правда, эта статья не сразу увидела свет. Обычно статьи Толстого, когда бы мы их ни получали, даже поздно ночью, тут же шли в номер. Но горькая и суровая правда этой статьи кое-кого испугала, и она была снята с полосы. "В сообщениях Совинформбюро ничего об этом не говорилось" - вот и весь резон. И только через три дня, в кризисные для Москвы дни, когда события показали, что не имеем права скрывать трудностей и жертв, мы ее напечатали.

Возвращаясь к директиве Ленина, я вспоминаю, что очень жалел, что не знал ее в октябре сорок первого года. Нам бы легче было, как говорят газетчики, "пробивать" статью Толстого. В директиве Ильича все было сказано категорически, решительно и безоговорочно!

Это я говорю о прошлом, правда, совсем недавнем прошлом - сорок первом годе. В те дни казалось: вопрос этот утратил свою актуальность. Оказалось не так...

* * *

Несомненно обратила на себя внимание читателей большая, трехколонная, статья генерал-полковника, командарма конников, чьи клинки звенели еще на фронтах гражданской войны, а ныне

командующего кавалерией Красной Армии Оки Ивановича Городовикова "Советская конница - гроза немецких захватчиков". Он рассказал, как в эту войну сражается наша кавалерия, о рейдах знаменитых кавалерийских корпусов генералов Л. М. Доватора, П. А. Белова, слава которых гремела уже с первых месяцев войны.

О работе Ставки Верховного Главнокомандования мы прямо ничего не печатали. Все это было за семью замками. Только однажды в статье К. К. Рокоссовского, опубликованной в ноябре сорок первого года, было рассказано о разговоре Сталина с командармом. Нам пришлось немало поволноваться, пока получили разрешение Сталина опубликовать статью. После этого мы осмелели. И вот в статье Городовикова появились такие строки:

"Еще в начале войны меня как-то вызвал к себе товарищ Сталин.

- Помните. - сказал он, - как в 20-м году вы ходили в рейд на Каховку?

Я ответил, что хорошо помню. Речь шла о походе 2-й Конной армии в Северную Таврию, в тыл Врангелю.

- Так вот, - продолжал товарищ Сталин, - надо сейчас организовать конные группы и идти в тыл, бить немцев с тыла".

Так начались знаменитые рейды Доватора, Белова...

В сегодняшнем же номере опубликована статья генерал-лейтенанта авиации И. Петрова "Авиация наступает". И здесь тоже приоткрывается страница работы Ставки. Петров рассказывает:

"26 ноября прошлого года перед началом нашего наступления меня вызвал товарищ Сталин. Речь шла о том, каким образом обеспечить с воздуха прорыв нашими войсками укрепленной полосы немцев к северу от Москвы... Товарищ Сталин сказал:

- Помните Брянск? Сейчас надо действовать так же. Чтобы разгромить врага, надо бить его непрерывно днем и ночью, волна за волной, не давая ему опомниться, уничтожая его опорные пункты, лишив его возможности подводить резервы. Вся ваша боевая работа должна проходить в теснейшем взаимодействии с наземными войсками".

Сталин имел в виду сентябрьское наступление войск Брянского фронта, когда свыше пятисот самолетов обеспечивали успех начального периода наступления.

Напечатали все это мы уже "самовольно", без согласования со Ставкой. Сошло...

* * *

Выступили в праздничном номере и наши писатели и поэты: Николай Тихонов, Илья Эренбург, Алексей Сурков. Статья

Эренбурга называется "Мужество". Написанная с глубоким проникновением в саму суть понятия мужества, она построена на противопоставлении советских воинов фашистским воякам. О мужестве нашего воина:

"Мужество не случайность, не свойство - свойством бывает врожденная и безудержная отвага. Мужество - добродетель. Мужество - высшая ступень человеческого сознания, как любовь и как мудрость. Оно вызревает в сердце народа, как вызревает пшеница на горячем солнце...

Мужество - это любовь к жизни, такая любовь, что частная судьба становится бледной, неощутимой... Если суждено ему расстаться с жизнью, он сделает это не как покоренный смертью, но как победитель смерти. Он знает, что будет жить в близких..."

Это высокое духовное качество отсутствует в армии захватчиков:

"Есть в немецкой армии и трусы и смельчаки. Нет в германской армии подлинного мужества. Человек, который привык притеснять других, не может защищать своей свободы. Человек, который привык подтверждать свое право кнутом, не может защищать своего достоинства. Мы видели упорство немецких дивизий, засевших в наших городах, удаль того или иного немецкого танкиста, спортивный азарт немецких летчиков. Но мы не видели в немецкой армии мужества..."

Воистину огненная публицистика!

27 февраля

Два дня тому назад под рубрикой "В последний час" напечатано сообщение: "Наши части окружили 16-ю немецкую армию. Наши трофеи".

Эта рубрика всегда была радостным событием. Но если в декабре и январе она появлялась почти каждые два-три дня, то сегодняшняя - первая за весь февраль. Было это сообщение необычным. Окружение! Не новое слово на страницах газеты. Вначале оно появилось в первые месяцы войны, когда немало наших частей, соединений и даже армий оказались во вражеском кольце. А в дни нашего наступления порой шли уже материалы об окружении подразделений и отдельных частей противника. Это было окружение тактического характера. А вот сегодня, впервые за войну, сообщение 6 том, что в клещи взята целая армия! Первое оперативное окружение врага!

Естественно, что для освещения этой операции в газете было сделано все возможное. Прежде всего, напечатана статья нашего

специального корреспондента полковника Викентия Дермана, занявшая полполосы, "Как была окружена 16-я немецкая армия". Обстоятельная статья опытного в прошлом штабиста. Любопытен рассказ и о том, что происходило на той, вражеской стороне. Это сделано настолько подробно и основательно, что кто-то из наших работников, готовивший рукопись Дермана в набор, заметил:

- Он что, сидел там, в штабе немецкой армии, и все видел своими глазами?

Не был там, конечно, Дерман. Но он основательно покопался в материалах разведывательных отделов штаба фронта, армий, дивизий, перечитал уйму трофейных документов, был на допросах пленных офицеров и солдат. Словом, то, что он написал, не было плодом фантазии.

Хочу отметить, что статья написана сдержанно, без "шапкозакидательства".

Известно было, что Ставка требовала немедленно начать разгром окруженной вражеской группировки, как можно быстрее ее ликвидировать, чтобы оказать помощь Ленинградскому и Волховскому фронтам в прорыве блокады Ленинграда. Задача была чрезвычайно сложной. Нашим войскам приходилось наступать в трудной лесисто-болотной местности, материально-техническое обеспечение соединений было слабым, командование фронтами и армий не имело опыта таких операций. Это видел и знал наш спецкор Дерман и не спешил бить в литавры. Говоря об успехах наших войск, он подчеркивал, что это лишь первый этап боев в районе Старой Руссы. Сдержанность корреспондента в освещении событий была позже оценена по достоинству.

Кстати отмечу, что была окружена не вся 16-я армия, а лишь ее 2-й армейский корпус. Но мы в данном случае следовали официальной версии. Сейчас не могу точно объяснить, почему в сводке было преувеличение: то ли донесение в Ставку было неточным, то ли в самой Ставке решено было погромче объявить об этой операции.

За статьей Дермана следовали другие материалы наших спецкоров. Здесь работал старший политрук Ефим Гехман. Когда началась операция, он правильно определил, где надлежит быть ему, корреспонденту "Красной звезды". В одну из ночей наша дивизия вышла на лед озера Ильмень. Сделав но озеру большой круг к устью реки Ловать по ее руслу, она устремилась в глубокий тыл врага, к Старой Руссе. Это был трудный марш-бросок по льду, пройти пришлось 50 километров. В боевых порядках пехоты шагал Гехман. Он написал живой очерк, который и поспел в сегодняшний номер. Из его рассказа мы и узнали о броске дивизии. Узнали, что в головном подразделении войск шагал

партизан с историческим именем Иван Грозный. Он вырос в этих краях, знал каждую тропку и уверенно вывел наши части к намеченному пункту.

Появление советских войск в тылу оказалось для неприятеля совершенно неожиданным. Рассказал Гехман и такой эпизод. Когда к деревне Медведно подошел наш лыжный отряд, из дома вышел офицер. Он на немецком языке спросил, из какого полка прибыла команда. Ответ офицеру не удалось услышать...

* * *

Выделяется в номере очерк Александра Полякова "От Урала до Старой Руссы", первый из восьми его очерков, которые будут печататься день за днем.

Имя батальонного комиссара Александра Полякова хорошо известно в армии и стране. Его очерки "В тылу врага", публиковавшиеся почти в течение всего августа, были первыми, которые рассказали, что наши дивизии, оказавшись в окружении, доблестно сражались с немцами и выбрались из вражеского кольца.

В конце сорок первого года Поляков зашел ко мне с интересным замыслом. Он хотел бы поехать в Челябинск, на эвакуированный из Ленинграда Кировский завод, где делаются танки "КВ", посмотреть, как трудятся кировцы, а затем вместе с танкистами выехать на фронт, проследить их путь от завода до передовых позиций. Идея эта понравилась нам. Прежде всего, материалов о работе тыла было у нас не густо. К тому же немцы по радио передавали, что они якобы уничтожили Кировский завод.

Поляков сразу же получил командировку в Челябинск. Пробыл там немало.

Ему повезло. Он встретился с директором завода И. М. Зальцманом, недавно награжденным Золотой Звездой Героя Социалистического Труда за выпуск этих танков. Директор повел его по цехам, показал, как рождаются танки "КВ", которые немцы, ошеломленные их грозной силой, назвали "мамонтами". Оказывается, директор завода тоже знал о той передаче из Берлина. Он заметил:

- Они раструбили на весь мир, что уничтожили Кировский завод. Теперь почувствовали, что наш завод живет и здравствует. И еще не то узнают...

Встретился Поляков со стахановкой Верой Курдюк, шлифовальщицей. Она получила горькую весть о гибели на фронте мужа, лейтенанта. И несмотря на жестокое горе, ни на час не оставляла свой станок. Это, сказала она, моя месть немцам за убитого мужа. Была у корреспондента беседа с лаборанткой

Татьяной Фрунзе - дочерью полководца. Завод посетил К. Е. Ворошилов. Записал в свой дневник Поляков примечательный разговор Климента Ефремовича с рабочими, свидетелем которого он был:

"Проходя между станками в моторном цехе, Ворошилов увидел около одного из них старого мастера. В синей куртке, с измерительными приборами в боковом кармане, старик выделялся своим суровым лицом и большими черными усами.

- Послушай, дружище, - обратился к нему Ворошилов, - не Худяков будешь?

- Я самый, товарищ Ворошилов!

- Ах, усач ты этакий, как сюда попал?

- Моторы к танкам делаем. С Украины эвакуированы.

Худяков - старый член партии, партизан - долгое время был в отряде Ворошилова. Маршал и мастер вспомнили, как однажды на Украине они отстреливались из грузовика от беляков.

- Так вот, снова времена боевые наступили, нажимать надо, - говорит Ворошилов.

- С полным удовольствием, - отвечает Худяков, - только бы вот туда, на фронт поближе.

- Я тебе дам на фронт. Отставить такие разговоры! А разве здесь не фронт?

- Оно верно, конечно. Только больно хочется своими руками немца прощупать.

- Ничего, есть помоложе тебя, пусть прощупают. Поди, у самого есть кто-нибудь там.

- Как же, сын Василий!

- Что делает?

- Танкист на "КВ".

- Так чего же тебе, старый усач, еще надо? Отец танки делает, а сын на них дерется. Ты же молодец, да и только..."

Прежде чем напечатать этот эпизод, я позвонил Ворошилову, зачитал диалог, записанный Поляковым, и спросил: "Все ли точно, можно печатать?" Климент Ефремович засмеялся: "Все верно. Только "усачом" я его назвал, а "старым" - не помню. Все равно, печатайте так".

В яркое морозное уральское утро пять тяжелых "КВ" вышли из заводских ворот и направились в учебный центр. Колонну ведет лейтенант Астахов. Он уже воевал, был ранен и теперь снова - на фронт. В его экипажах фронтовики и новобранцы из трактористов, шоферов, державших в мирное время руль мирных машин. Быстро они освоили боевую технику. Примечательный факт, которого раньше не знали. На заводе за десять дней до выхода на танкодром экипажи закреплялись за так называемыми

"коробками" - броневыми остовами будущих танков. С этого момента вся жизнь танкистов была связана с этими "коробками". Вместе с рабочими завода они участвовали в сборке и монтаже своих танков. А затем - дни и ночи учебы. Учились тому, что нужно на войне.

Поляков - с ними, он вжился в будни танкодрома, днюет и ночует с танкистами. Об этом и рассказано во втором очерке "Учебный танковый центр".

Закончилась учеба. Танки погрузили на платформы. Теплые проводы. Пришли все - директор и рабочие, родные и знакомые. Прощание с женами, нежное и суровое. Астахов остроумной репликой успокаивает Леночку, свою жену, смуглую, с большими глазами, полными слез:

- Нудь бодрой, Леночка. У нас, танкистов, говорят, что слезами, даже горючими, не заправишься...

Эшелон мчит без остановки, минуя города и села, станции и полустанки. Две тысячи километров за двое суток! По тем скоростям - быстрее быстрого. Мощный паровоз останавливается только на "водопой". В такие минуты к поезду бегут взрослые и дети. Танки зачехлены, но не скроешь их: не иголки.

Люди догадываются, какой груз стоит на платформах. А тут еще художник из красноармейцев на наружных дверях теплушки повесил большой плакат: танк мамонт с хоботом - вместо пушки схватил Гитлера и скрутил его в три погибели, а лапами-гусеницами давит волчьи стаи фашистов. А под плакатом огромными буквами подпись: "Раздавим советским мамонтом фашистских волков!"

Так родился третий очерк, который Поляков назвал "Броневой экспресс". В нем рассказывается о жизни и быте теплушек, чувствах и переживаниях их пассажиров.

Прибыли в Москву. Пока меняли паровоз, переводили эшелон на другой путь, Поляков и заскочил в редакцию. Отчитался за минувшие дни. Едут на Северо-Западный фронт. Почему? И спрашивать не надо было: подкрепление в район Старой Руссы. Зная, что Поляков не совсем еще оправился от ранения, полученного в походе по тылам врага, предупредили:

- Доведете "свои" танки до передовых позиций и дальше не соваться...

Идут один за другим его очерки "На фронте", "Ледовый марш", "Через болота и льды". Прекрасно написан рассказ о ледовом марше пяти "КВ". Танковый батальон получил приказ прорваться в глубь обороны противника на 40 с лишним километров и атаковать его с фланга в районе Старой Руссы. Это был героический бросок по льду Ильменя, еле выдержавшему

тяжесть машин. Речные переправы - там лед потоньше, без настила не пройти; один из танков соседних подразделений, пытавшийся форсировать реку, ушел под лед по самую башню. А тут невольно подвели саперы: заготовленные две тысячи бревен не поспели. Время бежит, за ночь надо переправиться. Что делать? Решили разобрать заборы и брошенные деревянные избы соседних деревушек. Так и сделали. Танки уже на другом берегу. Потом еще одна речная переправа, и еще одна, и пятая - самая широкая, в 300 метров, и уже под артиллерийским и авиационным огнем врага. Все одолели пять "КВ"!

Кстати, по поводу тех заборов и крестьянских изб, разобранных для настила. Вспоминаю, что, когда я вычитывал очерк "Ледовый марш", ко мне прибежал кто-то из работников секретариата и высказал сомнение:

- Заборы, это еще понятно, а избы? Удобно ли печатать!?

У меня сомнений не было. Да и сам Поляков, понимая, что это может родить вопросы, объяснил: "...Ничего не поделаешь. Только ими мы могли выстлать свой путь к победе. Разберем их в одной деревне - отберем у немцев десятки и сотни деревень".

Это была не жестокость людей, а жестокость войны. Вспомнился такой эпизод, рассказанный на страницах газеты.

Крестьянка одной из деревушек привела наших десантников к своей избе и сказала им: "Жгите ее, там сидят немцы..."

На какие только жертвы не шли советские люди во имя победы. Что уж там говорить о заборах и брошенных хатах!

Ледовый марш был завершен успешно. Начались бои на окружение и уничтожение 16-й немецкой армии, которые описаны в очерках Полякова "Танковая атака" и "На Запад!".

Можно сказать, что эти очерки подлинно художественно-документальные произведения. Есть в них, конечно, и рассказ о самой операции. Но не это главное. О ней были статья Дермана, репортаж Гехмана. Поляков же рассказывал больше о самих танкистах. Главный герой повествования - лейтенант Астахов. Автору удалось нарисовать колоритный портрет танкиста, точно выписан его характер, раскрыт его внутренний мир, переживания, подвиг.

В восьмом, заключительном, очерке - драматический батальный эпизод. Танк, на котором воевал Астахов, вырвался далеко вперед, на фланг немецкой обороны, и вел огонь по его позициям. Но снаряд зацепил ведущее колесо, и машина остановилась. Немцы беспрерывно атаковали ее, а помощи не было; в батальоне ничего не знали о танке, застрявшем за леском. 48 часов сражался он в окружении. На второй день Астахов послал Киреева за помощью. Но Киреев, как потом выяснилось,

заблудился в лесу. Вслед за ним лейтенант решил отправить в батальон двух своих танкистов Приданникова и Тендитного. А они просят своего командира:

- Разрешите остаться с вами до конца. Если придется погибнуть, то вместе.

И ответ, который можно услышать от подлинного героя:

- Вот этого как раз и не нужно - погибать. Хватит вот нас двоих с Махалевым. Уходите!

Третье утро. Противник прекратил атаки. Тихо. Астахов почуял недоброе. Оказывается, за ночь немцы заминировали все подходы к танку, рассчитывая, что на минах и подорвутся буксиры. Надо предупредить своих, и Астахов посылает последнего танкиста - Махалева. Но дойдет ли он вовремя? Астахов сам выскочил из машины и пополз навстречу буксиру. Успел! И заключительные строки последнего очерка: "Вот все они снова в сборе. Сидят в большой хате на полу, на брезенте и любовно, кропотливо чистят механизмы танкового оружия. Точь-в-точь такими я их видел на Урале, в цехе Кировского завода на сборке танка. Сидели они в тот день и перебирали да смазывали пулеметы, проверяли танковые приборы.

- Ну как, будут работать? - спросил тогда заглянувший в цех директор завода Зальцман.

- Будьте уверены! Раз из ваших рук да в наши руки - заработают классически!

...Пять танковых экипажей по пять человек в каждом - горсточка людей, но какая эта могучая сила! Мы еще расскажем об их делах... обо всех, кого мы узнали на пути от Урала до Старой Руссы".

Поляков остался верен своему обещанию. В мае сорок второго года он снова побывал у знакомых танкистов и опять написал о них...

А ныне он вернулся в редакцию, явился ко мне, весь закопченный, как трубочист, в замасленной овчине, усталый, но бодрый и веселый, и сказал: "Набили крепко им морды..." И все же был несколько настороженный - нарушил приказ: проводить танки до передовых позиций, не далее. Это мне стало понятно, когда я прочитал в его очерках: "Мы уже на другом берегу...", "Преодолели мы еще одну - четвертую переправу..."

Всякий начальник должен быть недоволен, когда его приказ нарушается. А я гордился своим товарищем, всегда добывавшем материалы для своих очерков и корреспонденции из огня боя...

* * *

Илья Сельвинский прислал потрясшее всех нас стихотворение большой трагедийной мощи "Я это видел!". Оно опубликовано в

сегодняшней газете:

Можно не слушать народных сказаний,
Не верить газетным столбцам.
Но я это видел. Своими глазами.
Понимаете? Видел. Сам.
Вот тут дорога. А там вон - взгорье.
Меж ними
вот этак
ров.
Из этого рва поднимается горе,
Горе без берегов.
Нет! Об этом нельзя словами
Тут надо рыдать! Рыдать!
Семь тысяч расстрелянных в мерзлой яме,
Заржавленной, как руда.
Кто эти люди? Бойцы? Нисколько!
Может быть, партизаны? Нет.
Вот лежит лопоухий Колька
Ему одиннадцать лет.
Тут вся родня его. Хутор "Веселый".
Весь "Самострой" - сто двадцать дворов.
Ближние станции, ближние села
Все как заложники брошены в ров...
Есть в стихотворении и такие жгущие сердце строфы:
Рядом истерзанная еврейка.
При ней ребенок. Совсем как во сне.
С какой заботой детская шейка
Повязана маминым серым кашне.
О, материнская древняя сила!
Идя на расстрел, под пулю идя,
За час, за полчаса до могилы
Мать от простуды спасала дитя.
Но даже и смерть для них не разлука:
Не властны теперь над ними враги
И рыжая струйка
из детского уха
Стекает
в горсть
материнской руки.

Первое сообщение о злодеяниях фашистов в Керчи было опубликовано в "Красной звезде" 17 января сорок второго года. Это письмо жены красноармейца Р. Белоцерковской. Его и ныне

без боли нельзя читать:

"Мой муж с начала Отечественной войны находится в рядах Красной Армии. Жив он сейчас или нет, я не знаю. Пусть если не он, так его боевые товарищи узнают, что сделали со мной, советской женщиной, фашистские изверги.

29 ноября 1941 года меня и двух моих детей посадили в керченскую тюрьму. Я была беременна, со дня на день должна была разрешиться от бремени и уже не могла ходить. Немецкие солдаты, ворвавшиеся в мою квартиру, видели это. Однако они не посчитались ни с чем. Пинками вытолкали меня в сенцы, бросили на дроги, туда же кинули двух моих детей, и через полчаса я очутилась в сырой камере, где уже было около 30 человек - мужчины, женщины, дети.

Здесь, в тюрьме, я родила ребенка. Когда соседка по камере начала мне оказывать помощь, немецкий охранник закричал:

- Прекратить, буду стрелять.

За все девять дней тюрьмы мне давали только соленые бычки, а детям моим гнилую картошку. Нас мучила жажда. Сердце мое разрывалось, когда я видела, как дети умоляют немецкого часового дать им попить. Всякий раз вместо того, чтобы дать кружку воды, солдат нагло отвечал:

- Жить вам осталось недолго, проживете без воды.

На девятый день мне приказали раздеться до нижнего белья, взять детей и следовать во двор. На вопрос: "Куда вы меня ведете?" - немецкий солдат ответил пинком в живот. Вместе со мной вывели во двор еще несколько женщин с детьми. Они тоже были раздеты и стояли на снегу босиком. Прикладами винтовок нас загнали в грузовик, поставили там на колени и строго-настрого запретили поднимать голову. В таком положении нас вывезли за город, где уже была отрыта большая яма. Когда всех нас выстроили возле ямы, нервы мои не выдержали. Я обняла детей и крикнула, обернувшись к немецким солдатам:

- Стреляйте, сволочи, скоро вам будет конец...

И в этот момент раздались выстрелы. Пуля попала мне в левую лопатку и вышла через шею. Я упала в яму, на меня упали две убитых женщины, я потеряла сознание.

Спустя некоторое время пришла в себя и увидела рядом своих мертвых детей. Горе мое было так велико, что силы снова покинули меня. Лишь поздно вечером я очнулась. Крепко поцеловала детей и, высвободив свои ноги из-под трупов женщин, поползла в соседнюю деревню. На снегу оставались пятна крови. Почти через каждые десять метров я отдыхала.

Около полуночи меня подобрал старик крестьянин. Он спрятал меня в своей хате под кроватью и ухаживал за мной

целую неделю, пока я немного не окрепла. По соседству жили немецкие солдаты. Старик каждую минуту рисковал жизнью. Он укрывал жену красноармейца, которая была расстреляна, но чудом уцелела.

Мне еще нет тридцати лет, а сейчас, после всех ужасов немецкой оккупации, я выгляжу старухой. Немцы умертвили трех моих детей, немецкая нуля оставила след на моем теле. Где найти слова, чтобы проклясть эту банду убийц, этих людоедов, пьющих кровь женщин и детей!..

Гор. Керчь, ул. Войкова. 8. Р. Велоцерковская".

И даже ныне, спустя сорок пять лет, когда перечитываешь это письмо, сердце сжимается и сыпятся проклятия на головы живых и мертвых фашистских злодеев.

"Где найти слова"?.. Их нашел Илья Сельвинский.

Журналистка Мария Архарова, работавшая с Сельвинским во фронтовой газете, рассказала:

- Помню, как застыл над этим рвом Илья Львович, и никогда не забуду его страдающих глаз. Мы были так оглушены всем увиденным, что возвращались в тяжелом молчании. Ни слов, ни слез не было, только судорожно сжималось горло и трудно было дышать.

Ночью Сельвинский написал эти стихи. Не очерк, не статью, а именно стихи. Он говорил, что писать об этом в прозе не в силах.

В них были не только горечь и боль, но и набатный призыв:

Но есть у нас и такая речь.
Которая всяких слов горячее:
Врагов осыпает проклятьем картечь,
Глаголом пророков гремят батареи.
Вы слышите трубы на рубежах?
Смятение... Крики... Бледнеют громилы.
Бегут! Но некуда им убежать
От вашей кровавой могилы.

Поэт звал никогда не забывать керченскую трагедию. И сам никогда не забывал, до конца своей жизни. Думаю, что именно поэтому уже после войны он дописал в этом стихотворении еще одну строфу:

Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.
Травою взойдите у этих высот.
Кто вас увидел, отныне навеки
Все ваши раны в душе унесет.

Очередная моя поездка на фронт - 20-я армия. Взял с собой одного из наших литературных работников, Александра Кривицкого. За Волоколамском, у Лудиной горы, нашли командный пункт армии. Командовал ею человек, чье имя называешь с отвращением, - Власов. Может быть, об этой встрече и не стоило бы писать, но нельзя уходить от всего, что было тогда, а было не только благородное и хорошее, но и плохое, даже мерзкое.

В штабном блиндаже нас встретил мужчина высокого роста, худощавый, в очках с темной оправой на морщинистом лице. Это и был Власов. Посидели с ним часа два. На истрепанной карте с красными и синими кружками, овалами и стрелами он показал путь, который прошла армия от той самой знаменитой Красной Поляны, чуть ли не окраины Москвы, откуда немцы могли уже обстреливать из тяжелых пушек центр города. Рывок большой, быстрый совершила армия. Но сейчас наступление по сути приостановилось.

Втроем на крестьянских санях через оголенный, расщепленный и казавшийся мертвым лес поехали в дивизию, оттуда - в полк. Здесь идут бои местного значения: то берут какую-то безымянную высотку, то отдают, ночью ее снова будут атаковать. Очевидно, на многое рассчитывать не приходится.

Видели мы Власова в общении с бойцами на "передке" и в тылу - с прибывшим пополнением. Говорил он много, грубовато острил, сыпал прибаутками. Кривицкий запомнил и записал: "При всем том часто оглядывался на нас, проверяя, какое производит впечатление. "Артист!" - шепнул дивизионный..." Ну что ж, пришли мы к выводу, каждый ведет себя в соответствии с натурой, грех не самый большой.

Возвратились мы на КП армии вечером. Власов завел нас в свою избу. До позднего вечера мы беседовали с ним, потом, оставив Кривицкого здесь ночевать, ушли в штабной блиндаж. Ночью немцы открыли такой сильный артиллерийский огонь, что хаты ходуном ходили. И вот Власов звонит к себе в избу, будит Кривицкого и спрашивает:

- Вы что делаете?

- Сплю, - отвечает тот.

- Спите! И не беспокойтесь, я сейчас прикажу открыть контрбатарейную стрельбу...

Вот, подумали мы, какое внимание нашему брату-газетчику!..

Вспоминаю, что Власов то и дело употреблял имя Суворова, к месту и не к месту. От этого тоже веяло театром, позерством. Кстати, это заметили не только мы. Через неделю в 20-ю армию поехал Эренбург. Пробыл там двое суток. Встречался с Власовым.

Впечатления совпали. Эренбург рассказывал мне, а потом в своих воспоминаниях написал: "Он меня изумил прежде всего ростом метр девяносто, потом манерой разговаривать с бойцами - говорил он образно, порой нарочито грубо... У меня было двойное чувство: я любовался и меня в то же время коробило - было что-то актерское в оборотах речи, интонациях, жестах. Вечером, когда Власов начал длинную беседу со мной, я понял истоки его поведения: часа два он говорил о Суворове, и в моей записной книжке среди других я отметил: "Говорит о Суворове как о человеке, с которым прожил годы".

Дальнейшая судьба Власова, имя которого стало синонимом самой подлой измены, хорошо известна. Именно к нему применимы слова Горького: "Сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы".

Читатель может меня спросить: не хочу ли я сказать, что в те дни я почувствовал двоедушие Власова? Нет, таким прозрением я не обладал, да и не только я - люди, которые вместе с ним служили, не догадывались, что он таит в своей душе.

Когда мы узнали о предательстве Власова, Эренбург зашел ко мне, долго ахал и охал: мол, чужая душа - потемки. Он вспомнил поговорку, услышанную от Власова: "У всякого Федорки свои отговорки". Рассказывал, что, прощаясь, Власов трижды его поцеловал. Илья Григорьевич и сейчас тер щеку, словно старался стереть оставшийся там след от иудиных поцелуев...

Наш корреспондент по Калининскому фронту Леонид Высокоостровский прислал в редакцию "объявление": он снял его со стены дома в одном из освобожденных городов. "Объявление" написано немцем, видимо, недоучившимся русскому языку. Вот несколько строк из него:

"Все жители должны немедленно после возглашения бурмистра зарегистрироваться.

Исключения допущены с разрешением о невнушительности от охранной полиции...

Применять немецкий привет есть преимущество германских поданных...

Кто имеет типографию или тому подобное заведение для распространения производств умственных работ должен иметь на это разрешение.

Всем управным приказам выданные немецкими военными частями необходимо слушаться".

Среди различных запретов и такой:

"Знаки величия русского государства в занятой русской области вести и применять не разрешено".

Такие материалы сразу же передаются Илье Эренбургу.

Передали и это "объявление". А в сегодняшней газете появилась его статья "Знаки величия".

Писатель не стал комментировать "неграмотный и глупый бред прусского солдафона", но по поводу "знаков величия русского государства" сказал свое слово. Приведу его хотя бы в выдержках:

"Я не понимаю точного смысла этих отвратительных и наглых слов, но я хорошо понимаю их намерение: унизить наш народ. Жалкие потуги палача-на-час поколебать величие России!

В Ясной Поляне немцы хотели уничтожить наши "знаки величия", и для этого надругались над могилой Толстого. Но Толстой по-прежнему велик, и ничтожен презренный Гитлер...

Нельзя уничтожить "знаки величия русского государства" - они в сердцах каждого русского. Они неистребимы и в захваченных немцами городах. О славе прошлого, о вольности, о высоком искусстве говорят камни Новгорода. О великой борьбе русского народа шумит скованная льдом Березина. Партизаны в русских лесах - это "знаки величия". И спокойные лица русских героев, которых немцы ведут на виселицу, - это тоже священные "знаки величия русского государства".

Они хотят, чтобы русские перестали быть русскими - мыши пусть изгрызут Арарат! Из кровавой метели Россия выйдет с высоко поднятой головой - еще выше, еще прекрасней.

"Знаки величия"? Русский язык. Не тот, на котором пишут свои приказы полуумные немцы, нет. Тот, на котором писал бессмертный Пушкин.

"Знаки величия"? Память. Русские люди в захваченных немцами городах помнят и ждут. Трудно было ждать в октябре. Легче ждать в феврале: громко гремят орудия, тихо скрипят лыжи - это Красная Армия идет на запад".

Март

6 марта

Одним из главных событий истекшей недели продолжает оставаться сражение в районе Старой Руссы. Идет, как стали говорить, "добивание" группировки врага. Нелегкая это была задача: расчленять и уничтожать ее. Достаточно прочитать новые сообщения наших спецкоров, чтобы в этом убедиться. Викентий Дерман в корреспонденции "Ночной удар по фашистам в районе Старой Руссы" рассказывает, сколько сил и тактического искусства пришлось приложить для того, чтобы овладеть только одним укрепленным узлом противника. Неоднократные дневные атаки не приносили успеха. Лишь хорошо подготовленной ночной операцией, длившейся до самого утра, удалось сломить сопротивление врага.

Освобождаются новые и новые села и деревни, идет перемалывание техники и живой силы немцев. Вот что, например, рассказывается в статье "Судьба одной немецкой дивизии "весеннего резерва". Речь в ней о 5-й пехотной дивизии. Первый раз ее разгромили в августе 1941 года под Смоленском, где она потеряла почти две трети своего состава. Второй раз - в октябре на полях Московской битвы. Ее отправили для переформирования во Францию и срочно перебросили под Старую Руссу на помощь 16-й армии. И здесь ее тоже изрядно потрепали.

Но и нам это стоило немалых жертв. Каких-либо цифр наших потерь в газете нет, но достаточно прочитать корреспонденцию Е. Чернова из 11-го гвардейского артиллерийского полка, чтобы понять это: "...У нас три орудия получили повреждения... Начался неравный бой одного орудия против целой батареи. Вскоре разрывом снаряда был убит наводчик Черенков... Через несколько минут выбыли из строя еще два красноармейца. Месронян с оставшимися двумя бойцами отнес раненых в укрытие и снова открыл огонь..."

В репортаже о действиях вражеской авиации говорится, что немецкое командование бросает в бой большое количество самолетов. Транспортная авиация фашистов пытается снабдить окруженные части боеприпасами и продовольствием. Все верно. Но вот следовавшая за этим уверенная фраза: "Но и это не помогает немцам" вряд ли соответствовала действительности. Мы недооценили возможности немецкой авиации. Да и не только мы: в первую очередь фронтовое командование и Генштаб. Позже это

стало ясно...

* * *

На первой полосе, там, где публикуется лишь краткая информация о событиях текущего дня, напечатана большая - на две колонки - корреспонденция "Как был взят город Юхнов". Исключение сделано сознательно. Уже много дней не было сообщений с Западного фронта об освобождении городов. Юхнов сам по себе городок небольшой, но, как известно, на войне свои измерения. Оперативное значение населенного пункта не всегда определяется его размером. Юхнов был у немцев одним из сильных и важных узлов обороны. После падения Калуги они создали линию обороны именно на юхновском рубеже. О боях на этих рубежах и рассказывает наш спецкор.

Надо признать, что не все было в этой корреспонденции договорено до конца, не сказано, что первая попытка в феврале прорвать оборону противника потерпела неудачу. Лишь в мартовские дни нашим войскам удалось разгромить юхновскую группировку врага, освободить город. Не смогли мы по вполне понятным причинам сказать и о том, что выполнить полностью задачу, поставленную войскам, - соединиться с частями, действовавшими южнее и восточнее Вязьмы, - не удалось.

Кстати отмечу, что Юхнов был последним городом, освобожденным войсками Западного фронта во время зимнего и весеннего наступления.

* * *

Я рассказывал о крестьянине Иване Петровиче Иванове из деревни Лишняги, повторившем подвиг Ивана Сусанина. А вот сегодня напечатан очерк нашего корреспондента по Южному фронту Лильина "Бомбардир-наводчик русской армии" о таком же старике, чей подвиг необычен и удивителен даже для столь щедрой на невероятное этой войны.

Один из полков Южного фронта ворвался в село и завязал бой на его окраине. Немцы ответили контратакой. Появились танки противника. Они шли но улице, где стоял дом местного крестьянина Семена Ильича Беличенко, артиллериста русско-японской и первой мировой войн. Натиск врага сдерживала наша рота. Ее прикрывала полковая батарея. Старик увидел, что орудийный расчет под обстрелом вражеских минометов поредел, кинулся к лейтенанту, командовавшему батареей, отрапортовал:

- Бомбардир-наводчик русской армии Семен Беличенко. Дозвольте послужить.

- Помогай, если можешь.

Семен Ильич стал подтаскивать снаряды.

Когда убило наводчика. Беличенко стал на его место. В конце

улицы появились танки. Они шли гуськом. Беличенко навел орудие и выстрелил. То ли не подвел наметанный глаз, то ли просто удача выпала на его долю, но передний танк он подбил.

На другой день бой возобновился. Но не пришлось больше Семену Ильичу стоять возле пушки. Его ранило немецким снарядом. Беличенко отправили в медсанбат. Через несколько дней в полк передали по телеграфу приказ Военного совета фронта: "Объявите колхознику Семену Ильичу Беличенко, что за проявленную доблесть в бою он награжден орденом Красного Знамени". Приказ уже не застал в живых героя.

Это было более сорока лет назад. Увы, в очерке по понятным причинам не было указано название села и района. А ныне я отыскал в Центральном архиве Министерства обороны наградной лист и приказ командующего фронтом Р. Я. Малиновского о награждении Беличенко боевым орденом. Узнал, что сражался он в рядах 206-го полка 99-й стрелковой дивизии. Узнал и название села, откуда родом Беличенко и где был тот самый бой. Это Никифоровка Артемовского района Донецкой области. Написал в местную школу, где, полагал, как и во многих школах, должны быть следопыты. И вскоре получил ответ. Правда, скуповатый, как бы анкетные данные, но спасибо и за это.

Беличенко родился в семье крестьянина-бедняка. Пять лет прослужил в старой армии артиллеристом. После демобилизации работал путевым сторожем на железной дороге и был уволен за укрытие революционера, бежавшего из ссылки. А затем - действующая армия, русско-японская война. Там, под Мукденом, его батарея, в живых из которой остались три солдата, мужественно сражалась с японцами: сам Беличенко был ранен, награжден Георгиевским крестом. В первую мировую тоже служил в артиллерии. После войны вернулся в село, работал в сельском хозяйстве. Первым в деревне вступил в колхоз, где и трудился до конца своей жизни.

У Семена Ильича было семь сыновей и дочь. Три сына - участники гражданской войны: четверо ушли на фронт Великой Отечественной войны. Один сын не вернулся с гражданской, двое погибли в Отечественную войну...

Заслуживают внимания такие строки из наградного листа С. И. Беличенко: "Когда танки врага усилили нажим на наши боевые порядки и усилился минометный огонь и автоматный огонь, бойцы поколебались и дрогнули, тов. Беличонко... выкатил пушку на открытую огневую позицию, сам подкатывал снаряды, стрелял из орудия и корректировал огонь..."

Впервые в этом году появилось сообщение "Налет немецких самолетов на Москву": "В ночь с 5 на 6 марта группа немецких

самолетов пыталась совершить налет на Москву. Огнем наших зенитных батарей и действиями ночных истребителей вражеские самолеты были рассеяны. Проникшие в район города два-три немецких самолета беспорядочно сбросили несколько бомб, причинивших незначительный ущерб гражданскому населению. Есть жертвы."

В нынешнем году это была не единственная попытка налета вражеской авиации на столицу. Конечно, немецкое командование отлично знало, что эти налеты ничего не решали. Но Геббельс поднял невероятную шумиху о "величайших" победах фашистской авиации над Москвой.

Однако и эти одиночные прорывы немецких самолетов к столице вызвали беспокойство. Сегодня я заезжал в Ставку и узнал, что у Сталина был резкий разговор с руководителями ПВО; он категорически потребовал, чтобы больше над столицей не появлялся ни один вражеский самолет. А мы, в свою очередь, стали шире публиковать материалы о тех летчиках и зенитчиках, которые преграждали немецким самолетам путь в Москву.

* * *

В эти дни на страницах газеты появились снимки нашего нового фоторепортера Георгия Хомзора. Одно время он работал в "Красной звезде" ретушером, затем перекочевал в "Известия", но вскоре был уволен.

Ныне причины его увольнения вызывают улыбку и веселые реплики, а тогда...

В тот злополучный для Хомзора день, 28 сентября 1939 года, в редакции ждали документы о заключении германо-советского договора. Хомзор приготовил карту-схему, на которой оставалось нанести только линию "границы между обоюдными государственными интересами" (как это было обозначено в договоре), и ждал. Документы пришли с опозданием. Хомзор быстро провел по карте черту, и на следующий день карта появилась в "Известиях". А через несколько дней германский посол прислал в Наркомат иностранных дел СССР протест: на карте, опубликованной в газете, два селения - Остроленко и Кристоноль - почему-то оказались на советской стороне.

Стали разбираться. Выяснилось, что в документах, полученных редакцией, эти населенные пункты действительно находились на германской стороне, но их названия воспроизводились на нашей стороне. И Хомзор, чтобы устранить эту "несообразность", перенес две точки, обозначавшие Остроленко и Кристополь, на нашу сторону.

Не знаю, что ответили послу, но сразу же последовал приказ об увольнении Хомзора. Тогдашний главный редактор "Известий"

Я. Г. Селих позже рассказывал, что, когда доложили Сталину о случившемся, он ничего не сказал, только улыбнулся. Это, объяснил Селих, и спасло Хомзора от еще больших неприятностей.

А когда в январе сорок второго года Хомзор закончил военно-политическое училище, мы вытребовали старого краснозвездовца в нашу газету.

Вспоминая его работы, не могу не рассказать об одном любопытном эпизоде.

Отправили мы Хомзора на Калининский фронт. Когда он находился в одном из соединений, сюда приехал командующий фронтом И. С. Конев. Хомзор встревожился. Кто-то ему сказал, что комфронта не терпит, когда на него наставляют фотообъектив. Очевидно, пошутили, но наш спецкор спрятал "лейку". А Конев беседует с бойцами, вручает ордена и медали. Может ли настоящий фоторепортер стоять рядом и безучастно смотреть, как пропадают такие выигрышные кадры? Он вытащил "лейку" и стал щелкать.

- Вы кто? - спросил генерал.

Хомзор назвал себя. Ничего не сказал Конев. А на второй день фотокорреспондента срочно разыскали. Его вызывал к себе командующий фронтом.

Ни жив ни мертв примчался Хомзор на КП фронта. Думал, все та же история: нелюбовь генерала к "лейке". А Конев пригласил его сесть и спросил:

- Давно у нас?

- Месяца два.

- Что же не являетесь? Вчера снимали? Получилось что-нибудь? Можете показать?

Хомзор помчался в Москву. За день и ночь отпечатал с полсотни снимков старых и новых, - сделанных в войсках Конева. А на второй день был уже в блиндаже комфронта и показал ему фотографии. Генерал удивился: "Когда успели?" Он внимательно рассматривал каждый снимок:

- Это хорошо. Это здорово.

Отобрал несколько снимков и повесил у себя на стенке. А потом как бы невзначай спросил корреспондента:

- А как вы передвигаетесь?

- На попутных.

- Вот что, - сказал Конев, - машина у нас не проблема. - Вызвал адъютанта и распорядился выделить для Хомзора из резерва автобатальона "эмку". На этой машине Хомзор и колесил по фронту. А ордер на "эмку" за № 101 он до сих пор хранит у себя как своего рода сувенир военного времени.

Эта встреча Хомзора с Коневым имела продолжение в самом конце войны. В Центральном архиве Министерства обороны я ознакомился с наградным листом, заполненным Политуправлением 1-го Украинского фронта на Хомзора. Его представляли к награде орденом Отечественной войны II степени. На этом листе есть поправка, сделанная рукой Конева: вместо слов "Отечественной войны II степени" - "орден Красного Знамени". Награда для фоторепортеров редкая.

Конечно, такую высокую оценку Хомзор получил не только за калининские снимки, а за свой мужественный труд в годы войны. Об этом маршал прочитал в наградном листе, да и сам видел в "Красной звезде" снимки Хомзора.

11 марта

Главная тема репортажей последнего времени выражена в заголовках: "Умелое отражение вражеских контратак", "Вражеские контратаки отбиты", "Удары по контратакующим немцам" и т. п. Многочисленные сообщения спецкоров о вражеских контратаках не могли нас не волновать. Что за этим кроется, каков их характер, масштабы, цели? Я решил проконсультироваться в Перхушкове.

Зашел к Жукову. У него сидел начальник штаба фронта генерал Соколовский. Хотел дождаться, когда Георгий Константинович останется один, чтобы поговорить с ним, так сказать, с глазу на глаз, но комфронта задержал Соколовского:

- Послушаем, опять редактор приехал с тем вопросом...

С Василием Даниловичем мне не раз приходилось встречаться в Перхушкове. Интересный человек, колоритная фигура военачальника. Статный, с широкими плечами, чуть полный, хотя полнота его скрадывалась высоким ростом. Темные, чуть-чуть кудрявившиеся волосы. Глубокие светло-карие глаза. Когда он размышлял, на лбу появлялись морщинки. Часто хмурил брови, но они сразу же разглаживались. Малоулыбчив. Внешне нетороплив, четкие жесты. Был он, как говорится, штабист от бога. Все знал, все нити фронтовой жизни держал в своих руках. На столе у него мало бумаг, рассказывал по памяти... Конечно, я обрадовался, что в нашей беседе примет участие и Соколовский.

Что касается "того вопроса", о котором помянул Жуков, то имелось в виду вот что. Недавно я приезжал к нему, чтобы разобраться во фронтовой ситуации. Из всего видно было, что наше наступление замедлилось, можно сказать даже определеннее - затухает. А ведь Ставка не отменяла своих

директив, требовала продолжать наступление и выполнить поставленную январским приказом задачу. Жуков дал тогда мне откровенный ответ: так оно и есть, больших перемен на фронте ожидать не приходится. Понятно, что возвращаться мне к этому разговору не было смысла:

- Нет, Георгий Константинович, - ответил я. - Сегодня нас волнуют немецкие контратаки...

Вот как вкратце объяснили мне ситуацию Жуков и Соколовский. В дни боев за Москву наши войска, сдерживая противника, вели беспрерывные контратаки, которые затем переросли в контрнаступление. Немцы такой задачи перед собой не ставят. Их контратаки носят ограниченный характер и имеют целью выиграть время, чтобы создать новую оборонительную линию. По крайней мере, в данное время.

Кстати, в штабе фронта я прочитал приказ по 59-му немецкому армейскому корпусу, добытому нашими разведчиками.

Там так и было сказано: "Открывать огонь по наступающим порядкам русских с ближних дистанций, срывать наступление, дабы в тот момент, когда оно ослабнет, контратаковать и удержать таким образом обороняемый рубеж".

Из этой беседы, дополненной нашими собственными материалами, и родилась большая трехколонная статья "Что представляют собою немецкие контратаки". Она раскрывала тактику противника в этом виде боя, детально прослеживала все виды и формы вражеских контратак, их масштабы и цели.

Как отражать контратаки немецких частей? Со статьей на эту тему в сегодняшнем номере газеты выступил полковник Н. А. Таленский, генштабист. Он недавно вернулся с фронта и как раз собрал большой материал о немецких контратаках. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что обе эти статьи сослужили свою службу для командования наших частей и соединений, и не было бы ошибкой, если бы над ними была поставлена, скажем, такая рубрика: "Руководство к действию". Во всяком случае, именно так мне сказал А. М. Василевский во время одной из наших бесед. И, как показалось, ему было лестно, что его генштабист так хорошо знает дело...

* * *

Корреспонденты по Юго-Западному фронту передали по телеграфу краткое сообщение о воздушном бое, разыгравшемся на одном из участков этого фронта. Семь советских летчиков капитана Б. Еремина на истребителях "Як-1" выиграли бой против 25 самолетов противника, из которых семь были "Ю-88" и "Ю-87", а 18 истребителей - "Мессершмитт-109". Эскадрилья сбила один

"юнкерс" и четыре "мессершмитта". Наши летчики без единой потери благополучно сели на свой аэродром. В репортаже были названы имена всех семи летчиков.

Событие, как мы поняли, из ряда вон выходящее. Репортаж набрали на четыре колонки крупным шрифтом и под заголовком "7 против 25" поместили на второй полосе. В этом же номере дали передовую статью "Воевали не числом, а умением". Решили напечатать и фотографии летчиков. Достать их было поручено Савве Дангулову, о котором говорили, что в штабе ВВС он свой человек. Позвонил он туда, объяснил задачу. Там ответили, что фотографии могут дать, только их нужно выдрать из личных дел летчиков, на что требуется разрешение начальника управления полковника Василия Сталина. Дангулов и помчался к нему.

Они встречались не раз. В конце лета сорок первого года в редакции возникла идея напечатать статью о некоторых особенностях воздушных боев. Автором этой статьи Дангулов и рекомендовал Василия Сталина. В звании майора тот служил тогда в штабе ВВС инспектором - летчиком. Дангулову дали задание: побывать у В. Сталина, рассказать ему о намерениях редакции, если потребуется, помочь в работе над статьей.

Майор без лишних слов дал согласие, при подготовке материала высказал дельные мысли. Несколько дней спустя корреспондент положил мне на стол статью, которая тут же была направлена в набор.

Печатать ее без ведома Верховного мы не решились, хотя сам майор этого вопроса перед редакцией не ставил. Послали в Кремль. Обычно Сталин на наши письма отвечал сразу или на следующий день. А тогда молчание затянулось: ясно было, что Сталин не одобряет публикации статьи. Весьма возможно, что причиной тому была ситуация на фронте, к той поре осложнившаяся; не ко времени была такая статья. Возможно, была и другая причина: Сталин мог подумать, что автор статьи был выбран редакцией не без задней мысли...

И вот новая встреча. За эти полгода Василий стал полковником. Ну что ж, время военное, это естественно...

Первая полоса газеты, где предполагалось разместить фотографии семи героев, версталась последней, но время было уже на пределе. Мы ждали снимки с минуты на минуту. Прибыл Дангулов только через четыре часа. Вот что он рассказал:

- Явился я в штаб ВВС, к Василию Сталину, и был встречен сплошным фронтом адъютантов. Пришлось набраться терпения и ждать. Когда минул третий час ожидания, я стал громко возмущаться, тем более что из редакции уже дважды звонили. Кто-то доложил об этом полковнику. Меня вызвали в кабинет тут

же: Василий Сталин был в гневе. Помню, как стремительно он шагнул ко мне навстречу. Я почувствовал приближение беды: не даст он портить личные дела летчиков. Но произошло чудо: полковник остановился как вкопанный: он меня узнал. Через десяток минут личные дела летчиков притащили прямо в его кабинет, он сам выдрал из них фотографии, вручил мне, взяв обещание сразу же вернуть.

А ныне, вспоминая этот эпизод, Дангулов заметил: "Я счастливый вернулся в редакцию со снимками. Только вот что мне не давало покоя: в соответствующих условиях достаточно было полугода, только полугода, чтобы человек так изменился..."

В сегодняшнем номере на всю первую полосу напечатаны фото семи летчиков, молодых, даже юных, - снимки-то были сделаны за несколько лет до войны! Под ними подпись: "Отважные патриоты - летчики, одержавшие победу над 25 вражескими самолетами (слева направо): командир эскадрильи капитан Б. Еремин, капитан И. Запрягаев, лейтенант М. Седов, лейтенант А. Саломатин, лейтенант В. Скотнов, лейтенант А. Мартынов и старший сержант Д. Король".

Рано утром, когда ротация выбросила первую тысячу экземпляров газеты, ко мне прямо-таки ворвался заместитель начальника фронтового отдела Борис Король и, показывая на последний снимок, воскликнул:

- Да это же мой родной брат, Дмитрий Король!..

Все очень обрадовались, словно отважный летчик был и нашим родственником. Поздравили, конечно, коллегу...

А сегодня поздно вечером я узнал, что подвиг семи обсуждался в Ставке и Сталин сказал, что его надо широко популяризировать в газетах. Вот, мол, так и надо воевать, не числом, а умением. Эти слова Верховного мне передал военком Генштаба Боков и прямо сказал, что реплику Сталина надо воспринимать как задание "Красной звезде".

Мы уж постарались, тем более что начало нами уже было сделано, и, грешным делом, подумали, что Сталин видел нашу публикацию и поддержал ее.

Савва Дангулов сразу же связался по прямому проводу со штабом ВВС Юго-Западного фронта. К аппарату подошли начальник штаба генерал-майор Шкурин и его заместитель полковник Перминов. Корреспондент попросил их рассказать о воздушном бое семи летчиков. Запись этого разговора - вопросы и ответы - была опубликована в очередном номере газеты, 12 марта. Кончалась она репликой корреспондента: "Благодарю за беседу. Просим передать семерке героев-летчиков горячий привет от читателей "Красной звезды".

Ныне эта форма репортажей-бесед стала обычной, а в ту пору она была редким исключением и поэтому привлекала внимание читателей.

Отличились и наши корреспонденты по Юго-Западному фронту. Сегодня же по прямому проводу мы получили статью командира эскадрильи капитана Б. Еремина, она тоже была опубликована в газете от 12 марта и заняла почти полный подвал. Оказалось, что Еремин не только отличный летчик, опытный командир, начавший свою боевую деятельность еще с Хасана, но и замечательный рассказчик. Заинтересованный читатель может найти статью Еремина не только в комплекте "Красной звезды" военного времени. Авиаконструктор А. С. Яковлев, на чьих самолетах летала семерка, полностью привел ее в своей книге "Цель жизни".

В следующем номере была опубликована еще одна статья - лейтенанта А. Мартынова "Почему мы победили в бою с немцами". Она дополнила выступление командира эскадрильи. Не успели мы сдать в набор статью Мартынова, как вслед за ней пришла телеграмма из штаба ВВС Юго-Западного фронта, в которой заместитель начальника штаба Перминов просил редакцию опубликовать поправку к ранее напечатанным материалам. Ох уж эти поправки! Не любят их редакторы. И я не был исключением. Но прочитав телеграмму, сказал, чтобы ее поставили на самом видном месте, на первой полосе, что и было сделано. Вот эта поправка:

"Москва. Редакции "Красной звезды". В результате тщательной проверки установлено, что эскадрильей капитана Еремина 9 марта сбито не пять, а семь самолетов противника: пять "Мессершмиттов-109" и два "Юнкерса-87". Самолеты сбили: лейтенант Скотной - "Ю-87" и "МЕ-119", лейтенант Седов - "Ю-87", капитан Еремин, лейтенанты Саломатин и Мартынов, старший сержант Король по одному "МЕ-109". С нашей стороны потерь нет. Полковник Перминов".

Радостная поправка!

А еще через день - новая публикация: награждение участников воздушного боя орденами Красного Знамени и Красной Звезды...

Сегодня ушла телеграмма Василию Гроссману с заданием написать очерк о летчиках Еремина. Вскоре мы его получили, и он занял в газете подвал.

Нет у меня возможности привести весь очерк, но достаточно ознакомиться хотя бы с отрывком из него, чтобы почувствовать, какое это было поразительно емкое произведение, как тонко в портретные характеристики вплетено описание душевного мира

героев.

"Все они люди разные. Командир эскадрильи капитан Еремин, стриженный под машинку, молчаливый, с темными серо-зелеными глазами, говорит мало и негромко. Саломатин - маленький, широколицый, коренастый, с вихрастой светлой головой, весел, разговорчив, шумлив. Мартынов - высокий, горбоносый ленинградец, с выпуклыми синими глазами зоркой птицы. Это он первый заметил вражеские машины над темным зимним лесом и показал крыльями "вижу противника". Его напарник, харьковчанин, старший сержант Король совсем еще молод, у него детские толстые губы и карие смешливые глаза. Он имеет двадцать боевых вылетов. А бронзоволицый капитан Запрягаев летает уже 9 лет, совершил тысячи полетов, он штурман полка, он тренировал много десятков летчиков. Украинец Скотной говорит тихо, протяжно. У него всегда грустное, задумчивое лицо. Он сбил в этом бою "юнкерс" и "мессершмитт". Массивный, шире, выше всех москвич Седов. С него можно лепить статую летчика... Плечистый, с крепкой, точно каменной шеей, большелицый, широколобый, вмещающий в своей большой груди и упорство бешеного азарта, гнев и радость воздушных битв на страшных скоростях и тонкое, артистическое знание самолета. "Седов играет матчастью!" - говорят о нем. Он врезался на истребителе в шестерку немецких бомбардировщиков... Большие немецкие машины рассыпали свой строй и бежали. Немецкие летчики так растерялись, что не выпустили по Седову ни одной очереди со своих бомбардировщиков. Да, они все разные... Но всех их связывает великая общность, подлинное братство".

Мы сидим ныне с бывшим командиром эскадрильи Борисом Николаевичем Ереминым в Советском комитете ветеранов войны. Ему уже перевалило за семьдесят, но он бодрый, моложавый человек. Беседуем о минувшем и сегодняшнем. Меня, естественно, интересует его жизнь - и мирная, и боевая. Сам он волжанин, родился в Саратове, работал слесарем на заводе. Боевая биография началась еще в 1938 году, на Хасане.

В Отечественную войну на его счету 100 штурмовок, 342 боевых вылета. Сбил лично и в группе 23 немецких самолета. Бил врагов над Сталинградом, Варшавой, Будапештом, Прагой. Дважды его сбивали, над Сталинградом горел в самолете. О Борисе Николаевиче не скажешь, что он делал "головокружительную" карьеру. Он подымался вверх крутыми дорогами испытаний, со ступеньки на ступеньку, в соответствии с ростом мастерства и заслугами. Командир эскадрильи, командир полка, командир дивизии... После войны закончил Академию

Генерального штаба, командовал военно-воздушными силами округа. А ныне неустанно трудится в ветеранском Совете...

Заговорили о судьбе его товарищей и друзей но эскадрилье. Через два-три месяца после описанных "Красной звездой" событий погибли лейтенанты Михаил Седов, Василий Скотный и старший сержант Дмитрий Король. Через год не стало Алексея Саломатина, ставшего командиром эскадрильи, Героем Советского Союза. Еще через год погиб Иван Запрягаев, воевавший уже на посту командира полка. Всю войну прошел лейтенант, заместитель командира полка Александр Мартынов, удостоенный звания Героя Советского Союза.

- Так что в живых остались мы двое - Мартынов и я...

13 марта

На фронте без особых перемен. Сводка Совинформбюро за истекшие сутки: "Наши войска, преодолевая сопротивление немецко-фашистских войск, продвинулись вперед и на некоторых участках фронта заняли несколько населенных пунктов". В газете статьи и корреспонденции, посвященные фронтовым будням - "Взаимодействие пехоты с танками". "Управление боем в лесу", "Как бороться с немецкими автоматчиками" и др.

* * *

На страницах газеты появились имена новых авторов-писателей. Опубликованы стихи Степана Щипачева "Москва в октябре". Хотя битва за Москву уже закончена, но к ней постоянно возвращаемся, свежа о ней намять. Щипачев создает собирательный образ москвича, не дрогнувшего в дни тяжких испытаний:

...Не знаю, кто он грузчик или слесарь?
Но я в одном с ним городе живу,
Он не дрожал - он в руки брал железо,
Железом, рвами окружал Москву.
Он тем же шагом мерил мостовые
И в тьме октябрьских памятных ночей.
В те ночи, может быть, Москва впервые
Узнала настоящих москвичей.

Впервые выступила в газете и Мариэтта Шагинян. Статья называлась "На военном заводе". Она посвящена уральским девушкам, работавшим на эвакуированном заводе. С большим теплом рассказывает о них писательница:

"Люди, приехавшие с заводом, вначале недоверчиво относились к девушкам... Но прошло три дня. И то, что было за суровыми, замкнутыми лицами уральских девчат, стало постепенно проясняться. Длинный ряд предков, сидевших над кропотливой ручной работой; мастерство, передаваемое с молоком матери; большой наследственный дар внимания и терпения; гибкая и умная рабочая рука, редчайшая выносливость, ясный, рабочий здравый смысл! "Ай да уральские девчата", - стали говорить друг другу опытные мастера".

* * *

Сенсацией, если позволительно употребить такое слово, сегодняшнего номера является статья доктора медицинских наук военврача 3-го ранга И. Липковича "Редчайший случай в хирургии". Теперь я эту статью назвал бы более точно: "Два героя - солдат и врач".

История эта такова. Красноармеец Николай Быстриков во время наступления одной из наших частей Ленинградского фронта был ранен немецкой пятидесятимиллиметровой миной. Мина, пробив насквозь правое плечо и раздробив правую плечевую кость, не взорвалась, она застряла в плече. Мужественный солдат подумал в те минуты не о себе. Он боялся, что, спасая его, может подорваться кто-нибудь из его товарищей. Санитары не испугались, не оставили раненого. Привезли на пункт первой помощи, а затем в медсанбат. Дежурный хирург военврач 3-го ранга Пахман, прежде чем приступить к операции, собрал свою бригаду:

- Операция сложная и очень опасная. Никому не приказываю мне помогать. Только - добровольно...

Все остались на своих местах. Действуя с величайшей осторожностью, ибо в этот момент он был и хирургом, и минером, Пахман приступил к операции. Можно представить себе, в какой тревоге был весь медсанбат. Доктор спокойно извлек мину и передал ее приглашенному для консультации артиллеристу. Тот осмотрел ее и сказал:

- Счастливцы вы...

Быстриков хорошо перенес операцию и скоро стал поправляться.

К статье дано фото: на госпитальной кровати лежит могучий мужчина, прямо-таки атлет, и у него в правом плече - мина. Так сказать, "вещественное доказательство" происшествия.

Уже под самое утро, когда принесли сигнальный экземпляр "Красной звезды" и можно было пойти поспать, мне положили на стол набранную и сверстанную подвалом для следующего номера газеты статью военкома дивизии В. Шевченко "Точка опоры". Я

бегло глянул на текст и, как ни слипались глаза, стал внимательно читать.

В отличие от многих статей о доблести и мужестве, эта повествовала о тех, кто споткнулся, у кого боевая жизнь пошла вкось и вкривь.

Вот история, случившаяся с одним из младших командиров. При неудачном обращении с оружием он сам себя ранил. Храбрый, не раз проверенный в бою человек, соврал, что его ранила немецкая пуля. Другой случай - с лейтенантом. Он не был трусом и паникером, но во время бомбежки и артобстрела проявлял излишнюю нервозность, что вызывало насмешки окружающих. Это, понятно, не "работало" на его авторитет.

Рассказывая подобные случаи, комиссар дивизии размышляет об искусстве партийной и политической работы. Главное - знать человека, его способности, его мысли, его душу, взвешивать все сильные и слабые стороны его характера, выбрать правильный, нестандартный подход к нему, в самом человеке находить точку опоры, чтобы помочь ему преодолеть слабости. Дело как будто ясное. Но в боевых условиях все приобретает особое значение.

Военком догадывался, как был в действительности ранен младший командир. Он хорошо знал его и понял, что человек, не раз смотревший в глаза смерти, солгал, стыдясь своего нелепого ранения. Младший командир сам разберется в совершенном поступке. Так оно и случилось. Он сам пришел к комиссару и повинился. Его не стали наказывать за вранье, рассудили, что для этого человека достаточно осознания своей вины.

В истории с лейтенантом комиссар действовал по-иному. Нервы на войне укрепляют не бромом и не валерьяновыми каплями. Лейтенанта стали посылать на операции, где он мог рассчитывать только на собственные силы. В одной из операций он во главе с небольшой группой бойцов сумел удержать очень важную коммуникацию и окончательно восстановил веру в себя как командира.

Эти и другие примеры свидетельствовали, что арсенал партийной и политической работы с людьми на фронте неисчерпаем...

* * *

Только что вернулся с Западного фронта Петр Павленко. Зашел ко мне. В руках у него несколько листиков, плотно исписанных сверху донизу. Спросил его, о чем он написал.

- О ничейном поле. Ты знаешь, что такое ничейное поле? Что там бывает?

И вручил мне свои листики, на первом наверху название "Благородный подвиг".

Ничейное поле! Немало и я сам их за войну перевидал. По-разному их можно было назвать. И полем битвы. И полем тишины. И полем солдатской судьбы. И полем трагедий. На этом поле не ходили, а ползли. Оно просматривалось. Оно простреливалось. Ползли, чтобы вынести оттуда оставленное оружие. Это был подвиг. Ползли, чтобы вынести оставшихся на поле раненых. Это был еще больший подвиг.

А вот то, о чем с обжигающей силой рассказал Павленко. На этом поле погиб храбрейший из храбрых - командир полка полковник Комаров. Три бойца под густым минометным и пулеметным огнем врага, пренебрегая опасностью, отправились туда, чтобы вынести его тело и предать его земле с почестями.

"Окончатся сражения, и каждый могильный холм станет вехой героизма и самоотверженности. Историк отметит его как деталь сражения, географ - как часть ландшафта, поэт - как холм славы, и возникнет имя Комарова в памяти народной, чтобы вечно жить в ней. Слава осенит храбрецов, спасших от поругания прах доблестного командира".

Очень животрепещущую и благородную тему поставил Петр Андреевич.

* * *

В номере небольшая заметка Эренбурга с интригующим заголовком "Дело табак". Язвительная заметка. Вот она:

"На войне всякое случается: бывает, что есть табак, нет бумаги, бывает, есть бумага, нет табаку. Но немцы решили всех перехитрить: они курят бумагу и говорят, что это - табак.

Нашими бойцами захвачен следующий приказ командующего 17-й германской пехотной дивизией от 13 февраля 1942 г.:

"Трудность импорта табака вызвала необходимость применения в сигарах специально обработанной бумаги. При выдаче таких сигар в частях нужно указывать, что это не брак и что такие сигары не являются результатом саботажа. На основании произведенных опытов можно не опасаться вредного действия на здоровье курящих".

Конечно, немцы - специалисты на эрзацы. Они выдают опилки за мед, войлок на деревянной подошве за валенки и Геббельса за человека. Неудивительно, что они могут курить "специально обработанную бумагу" и думать, что курят табак.

Пусть курят. Бумага им ни к чему. Могут не печатать речей фюрера. Могут и не записывать, сколько свиней они украли. Обойдутся и без письменности. Но обидно, что такие обезьяны наводят в Европе "новый порядок"... Впрочем, скоро их "порядку" конец. Когда приходится уговаривать фрицев, что сигары из бумаги - не саботаж, но государственная мудрость - плохи дела.

Даже, пожалуй, фриц, затянувшись, скажет: "Дело табак".

К этому я могу добавить, что эти немецкие сигареты я сам потом видел. Это было на 4-м Украинском фронте, где я служил под конец войны начальником политотдела 38-й армии. Зашел ко мне мой адъютант капитан Петров, показывает пачку трофейных сигар и говорит:

- Товарищ генерал, сейчас вы увидите один фокус...

Взял стакан, воду, раскрошил одну сигару и опустил ее в этот стакан. Вода окрасилась в какой-то коричневый цвет, в ней поплыли тонкие полоски бумаги. В эти минуты я и вспомнил фельетон "Дело табак"...

17 марта

Совинформбюро опубликовало материалы "По поводу очередной брехни берлинского радио". К этой публикации мы имели прямое отношение. Третьего дня я был у А. С. Щербакова. После беседы по текущим делам он показал мне перехват берлинского радио о якобы крупных успехах гитлеровских войск в районе Старой Руссы. Согласно этому сообщению, не мы окружили немецкую группировку, а гитлеровцы окружили и уничтожили наши войска, в том числе и 7-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Александр Сергеевич и попросил меня поручить нашему корреспонденту по Северо-Западному фронту прислать материал для Информбюро: "Через нас он пойдет по всему свету".

Немедленно ушла телеграмма спецкору Ефиму Гехману, а через день мы уже получили статью командира 7-й гвардейской дивизии Ведина, которая сегодня опубликована в газете с комментариями Совинформбюро. Словом, корреспондент сработал оперативно и точно. Но это было связано с приключением.

В штабе 11-й армии спецкор выяснил, что 7-я дивизия находится в 100 километрах. Надежных дорог нет. Тогда Гехман решил полететь туда на самолете "У-2". Взлетели. Пилот взял курс на юг, чтобы обойти Старую Руссу. Казалось, опасное место уже позади, как вдруг откуда ни возьмись в небе показался "мессершмитт". Обнаружив наш самолет, он быстро догнал его и полоснул пулеметной очередью. Гехман заметил, что летчик как-то обмяк, спина его бессильно склонилась к борту, самолет начал терять высоту. Но, к счастью, земля уже близко. Вот лыжи скользнули по снегу, и машина уткнулась в сугроб. Видно, ремни были плохо пристегнуты, и спецкора выбросило метров на десять

из самолета. Прибежавшие наши солдаты помогли вытащить летчика из кабины. Вскоре появились деревенские сани - в них уложили раненого летчика. Сдав его на попечение медиков, Гехман на санях отбыл в дивизию.

Командир дивизии Е. В. Бедин радушно встретил нашего корреспондента. Комдиву, видимо, было приятно, что его соединение, затерявшееся в северной глухомани, отыскал московский журналист, специально прилетевший сюда с валдайских высот. Узнав о брехне фашистского командования, Бедин сказал:

- На бумаге они кого хочешь уничтожат, но 7-я гвардейская била, бьет и будет бить немецких захватчиков...

Статья написана. Но как ее передать? У дивизии есть только радиосвязь со штабом фронта. Тогда Бедин посоветовал спецкору пробиться обратно к штабу армии, но не по воздуху - самолетов в дивизии нет, - а по земле. "Через час, примерно, будут готовы аэросани", - сообщил комдив.

Бесконечных пять часов шли сквозь снежную пургу и заносы аэросани. Фанерную кабину продувало насквозь, лыжи прыгали по окаменелым кочкам. Уже в сумерки добрались они до деревни, где разместился штаб армии. Не отогревшись, Гехман прежде всего направился на узел связи и продиктовал по Бодо статью Бедина. Лишь после этого он пошел к корреспондентской избе. Открыв двери, он застал печальное застолье. У всех были грустные лица видно, неожиданное горе пришло только что. Оказалось, что Гехман попал на... собственные поминки. В полк связи сообщили, что вылетевший в 7-ю дивизию самолет сбит немецким истребителем, тяжело раненный пилот вывезен в медсанбат, а труп погибшего пассажира не обнаружен. Вот почему друзья Гехмана, спецкоры других газет, а также кинооператор Роман Кармен и писатель Александр Розен, оказавшиеся в этой избе, решили почтить память погибшего товарища. Нетрудно представить себе выражение их лиц, когда в дверях появился живой и невредимый, даже румяный с мороза Ефим Гехман. Пришлось "покойнику" выпить штрафную.

На войне такое бывало; не часто, но все же бывало...

* * *

Напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза летчику-истребителю Тимуру Михайловичу Фрунзе. В газете - большой, на две колонки, портрет молодого человека с ясным мужественным лицом и пронзительными глазами. Опубликован и рассказ о его геройстве в бою с вражескими летчиками. В паре с лейтенантом И. Шутовым они прикрывали наши наземные войска в районе

Старой Руссы. Вдруг в небе появились 30 фашистских бомбардировщиков, которых сопровождали 8 истребителей. Наши летчики смело бросились в атаку и сбили ведущий самолет противника. Это вызвало замешательство в строю немцев. Бомбардировщики рассыпались в разные стороны и стали сбрасывать бомбы на свои войска. Однако силы были неравные. Сбили самолет Шутова. Тимур Фрунзе остался один и продолжал бой.

В сообщении спецкора было сказано, что Тимур вел бой до последней минуты жизни и его награждение - посмертно. Но эти строки мы не напечатали. Читатель может спросить: почему? Об этом я еще расскажу...

* * *

Любопытная заметка пришла от нашего корреспондента с Южного фронта "Меткая стрельба из винтовок по самолету". Спецкор сообщает о таком примечательном эпизоде. По фронтовой дороге шел обоз с боеприпасами. Неожиданно из-за облаков вынырнул немецкий бомбардировщик и стал пикировать на колонну подвод. Красноармеец Кузьмин, сопровождавший обоз, не растерялся. Он дал команду: "По самолету огонь!", бойцы стали стрелять из винтовок. И удачно. Самолет задымился и пошел на снижение. Два бойца - Коваленко и Сертынов - быстро выпрягли лошадей и помчались к месту посадки самолета. Немецкие летчики пытались спастись бегством, но были схвачены бойцами.

В первые месяцы войны огонь из винтовок по вражеским самолетам был делом редким. Разные были причины, но главная, пожалуй, состояла в том, что многие считали, что огонь из винтовок но самолетам - это стрельба "в белый свет, как в копеечку", лишний расход патронов. Опыт показал, что это не так.

В редакции эта тема очень занимала Петра Коломейцева. Он был прямо-таки одержим желанием сбить из винтовки немецкий самолет, стрелял но ним из любого положения - из окопа, кювета и даже просто находясь в поле или на шоссе. Сбить самолет ему не удавалось, но если он узнавал, что в какой-то части из стрелкового оружия подбили вражеский истребитель или бомбардировщик, он немедленно мчался туда, расспрашивал все до мельчайших подробностей и непременно писал об этом. Он настойчиво объяснял, что дает дружный залповый огонь по самолетам противника.

- Прежде всего ограничивает его возможность вести прицельное бомбометание. Очень важна моральная сторона: одно дело - сидеть или лежать в "щели" или кювете, спрятав голову, и ждать, пронесет или не пронесет нелегкая. Другое - когда

стреляешь по врагу. Ты в бою, ты боец. А потом, добавлял с улыбкой, - сбитый самолет ведь неплохой трофей.

И под нажимом Коломейцева мы печатали в "Красной звезде" на эту тему корреспонденции, статьи и фото. Вот и сегодня опубликована статья "Пехотное оружие против авиации". А через несколько дней - великолепные снимки Олега Кнорринга с Западного фронта. На одном - большая группа бойцов в маскхалатах, они лежат на поляне лицом вверх и из винтовок стреляют по самолету, на другом - красноармейцы, тоже в маскхалатах, высунулись из окопов и ведут огонь по самолету противника из винтовок и ручных пулеметов.

А сегодня Петр Илларионович зашел ко мне и потребовал, чтобы дали передовую статью, заголовок которой он уже определил: "Пехотный огонь по самолетам врага!"

- Хорошо, согласен. Пишите...

Для передовицы он собрал интересный материал. Добыл в ряде дивизий сведения о подбитых винтовочным огнем немецких самолетах. Например, 92-я стрелковая дивизия сбила 62 самолета, 65-я - 25 самолетов, 10-я гвардейская и 259-я стрелковая дивизии - по 21 самолету. Эти данные он и привел в передовой статье. И хотя мы далеко не всегда называли номера дивизий, но на сей раз для вящей убедительности это сделали. Разыскал Коломейцев в трофейных документах любопытный приказ командующего 23-го немецкого армейского корпуса. Признавая потери немецкой авиации от винтовочного огня, он предупреждал: "Атакованные русские всадники соскакивают с лошадей, кладут винтовки на седла и стреляют из такого положения но атакующим самолетам. Пехота ложится на спину и стреляет в воздух..." И это вошло в передовую. Автор безоговорочно требовал вести пехотный огонь по самолетам. Была даже такая фраза, над которой я было занес карандаш: "Тот командир, который не использует полностью свои огневые средства для отражения атак с воздуха, совершает преступление".

- Не будем бросаться словами, - сказал я автору. Коломейцев настаивал. Оставили, как было...

Что же касается того огня по самолетам, который при каждой представившейся возможности вел лично Коломейцев, то это было предметом постоянных редакционных шуток. Но он на это не реагировал, прятал улыбку и отмалчивался...

20 марта

В номере газеты выделяется большая трехколонная статья

нашего сотрудника, историка по специальности, дивизионного комиссара Михаила Галактионова "Потеря немецкими войсками преимущества внезапности". Пожалуй, это одно из первых обстоятельных выступлений на столь важную тему, как стратегическая внезапность. Статья рассматривает ее в разных аспектах. Хочу остановиться на одной из формулировок, которая воскресила в моей памяти то, что произошло после опубликования статьи. Вот этот абзац, выделенный полужирным шрифтом:

"Пусть сколько угодно болтают Гитлер и его клика для успокоения взвинченных нервов немецкой армии и населения Германии о готовящемся якобы "весеннем наступлении". Этим он может запугать лишь некоторых перепуганных интеллигентиков, а не Красную Армию, советский народ. Инициатива теперь в наших руках, и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не смогут сдержать и не сдержат напор советских войск. Весной, как и зимой, не немцы, а мы будем наступать".

На второй день я был в Перхушкове, у Жукова. Он встретил меня неожиданной репликой:

- Не знал я, что у вас в редакции завелись такие крупные стратеги...

Я понял, что он посчитал наш прогноз преждевременным и нереальным. Стал оправдываться, опираясь на известную директиву Верховного Главнокомандующего в январе, в которой говорилось о том, что 1942 год должен стать годом полного разгрома гитлеровских войск. Жуков не стал вступать со мной в дискуссию. Но мне сделалось ясно, что мы перехлестнули.

Впрочем, в статье Галактионова была еще одна "заноза", за которую мне попало уже не от Жукова, а от своих, а именно от Эренбурга. Я имею в виду фразу о "некоторых перепуганных интеллигентиках", принимающих всерьез угрозу Гитлера о весеннем наступлении. Она перекочевала в статью Галактионова из речи Сталина на параде войск 7 ноября сорок первого года. Именно тогда Сталин сказал: "Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики". И тогда еще она многих смутила; совершенно непонятно было, кого имел в виду Сталин. И вот, когда появилась статья Галактионова, зашел ко мне Илья Григорьевич, взволнованный, расстроенный, и едко сказал:

- Опять эти "перепуганные интеллигентики"?! Кто же они?..

Что я мог ему сказать? Девять месяцев идет тяжелая, кровавая война. С первых же дней войны советская интеллигенция в одном строю с рабочими и крестьянами на фронте и в тылу. Хотя бы ополчение, куда добровольцами ушли

подчас больные, в годах уже ученые, инженеры, писатели, врачи, артисты; многие из них никогда не держали винтовку в руках. Они беззаветно сражаются за Родину, не жалея своей жизни. Это мы знали, это мы видели, об этом писали. Я понимал справедливость упреков Эренбурга. Мне пришлось выбирать между тем, что говорил тогда Сталин, и тем, что было в действительности. Выбрал то, что было в действительности. Больше на страницах "Красной звезды" "перепуганные интеллигентики" не появлялись...

* * *

Наступление войск Западного и Калининского фронтов продолжалось, но, по сути, общего наступления уже не было, шли бои местного значения. Это было очевидно. Теперь ужо бессмысленны, понимали мы, призывы, которые были так важны в прошлые месяцы: "Гнать врага на запад без передышки", "Окружать и уничтожать немцев" и т. п. Ныне появились репортажи, корреспонденции и статьи на другие темы и под другими названиями. В эти дни мы наполняли газеты материалами, отражающими новую обстановку на фронте, такими, как "Некоторые выводы из опыта боев за населенные пункты", "Умелое отражение вражеской контратаки", "Как организована немецкая оборона"... Хочу подчеркнуть, что это был живой опыт, к которому прислушивались не только в войсках, но и в управлениях Наркомата обороны. Работники управлений не только не оставляли без внимания выступления "Красной звезды", но нередко приглашали в наркомат наших специалистов, советовались с ними. Могу привести хотя бы такой пример.

Как уже говорилось, директива Ставки об артиллерийском наступлении появилась в январе, а принципы наступления совершенствовались в дальнейшем ходе войны. Дело это было новое, естественно, не всюду и не сразу было верно понято и освоено. Как раз в эти дни наш артиллерист майор Виктор Смирнов вернулся с Южного фронта и рассказал мне такую историю. В одной из армий предприняли попытку прорвать линию немецкой обороны без артиллерийской подготовки - внезапной атакой. Первую линию вражеской обороны удалось захватить. Но вскоре гитлеровцы, оправившись от неожиданного удара, остановили наши войска. А дело было в том, что при планировании операции допустили ошибку. Командующий артиллерией понял директиву Ставки как вообще отказ от артподготовки, хотя на данном боевом участке противник имел развитую систему оборонительных сооружений и тщательно организовал систему огня.

Это был не единственный факт. Подобные сведения

поступали и начальнику артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронову. Все это стало предметом обсуждения на специальном совещании, на которое пригласили и нашего Виктора Смирнова. Там говорили о необходимости послать дополнительную директиву в войска, в которой подробно разъяснить суть артиллерийского наступления. Но Воронов решил по-другому:

- Уже была директива Ставки, - сказал он. - Что же снова писать? Директиву на директиву? Пока напишем, пока дойдет до войск, пока начнут прорабатывать ее в различных инстанциях, уйдет немало времени. Попросим "Красную звезду" опубликовать нужный материал.

Так и решили. Статью поручили подготовить начальнику штаба артиллерии генералу Ф. А. Самсонову и В. Смирнову. Под заголовком "Некоторые вопросы артиллерийского наступления" она была опубликована в газете. Своевременная, нужная статья - так ее всюду оценили.

* * *

Обрадовал нас Борис Галин. Он прислал с Южного фронта документальный рассказ "История одной пушки". Писатель услышал ее на огневых позициях нашей батареи в Донбассе. Комиссар батареи Козлов беседовал с молодыми артиллеристами, не нюхавшими еще пороху, и рассказывал историю той самой пушки.

Случилось так, что пушка оказалась без пехотного прикрытия. Ее атаковали немецкие танки. Но пушкари не дрогнули и вступили с ними в единоборство. Пали один за другим бойцы орудийного расчета. Наводчик продолжал бой. Вдруг он почувствовал толчок и удар в голову. Теплая кровь заливала слипшиеся волосы. Оставалось десять осколочных и два бронебойных снаряда. Выстрелил в последний раз наводчик, вынул из пушки стреляющие приспособления - боек с пружиной ударника - и пополз с бугорка. Его подобрали у копны соломы. Словно в бреду, он настойчиво просил:

- Братцы, выручайте пушку...

Вот какую историю об одной пушке узнал и записал Галин. Корреспондент спросил комиссара о судьбе наводчика, жив ли он? Комиссар ответил с какой-то странной интонацией:

- Жив... Это я точно знаю...

"Было тихо, - далее повествует писатель. - Ветер разметал облака, и небо стало светлее и выше. Ко мне наклонился командир батареи и тихонько шепнул:

- Наш комиссар Козлов награжден орденом Ленина. Он-то и был тогда наводчиком этой самой пушки".

22 марта

По-прежнему наши корреспонденты в своих репортажах пишут об усиливающемся сопротивлении врага, о контратаках, о переброске противником свежих сил. Это объясняет читателю, почему мы не двигаемся вперед. Но были и другие причины писать так. Силы и средства наших войск истощились. Недоставало боеприпасов. С удивлением я узнал в свою последнюю поездку в Перхушково, что здесь вынуждены были установить норму расхода боеприпасов: один-два выстрела на орудие в сутки. Ряды войск поредели. Сказалось и переутомление.

Конечно, об этом мы не писали. Нам было известно, как тщательно немецкая разведка изучала нашу газету, пытаясь даже между строк найти нужные для себя сведения. "Красная звезда" попадала к противнику разными путями. Содержание каждого номера газеты передавалось в эфир по нашему радиовещанию, о некоторых материалах сообщала печать нейтральных стран. Геббельсовские пропагандисты старались использовать наши выступления. Недавно "Красная звезда" напечатала материал о подготовке для фронта командных кадров, и вот, ссылаясь на нашу газету, немецкое информбюро объявило, что в "Красной Армии нехватка офицеров и унтер-офицеров" и что это будто бы ставит перед советским командованием "неразрешимую проблему". Ответил им на страницах нашей газеты Давид Заславский фельетоном "Немецкие нервы и фашистское вранье".

Продолжается публикация материалов о боях в районе Старой Руссы. Около месяца назад, как помнит читатель, было опубликовано сообщение об окружении 16-й немецкой армии. Как обстоит там дело ныне? Ответ на вопрос дал наш корреспондент по Северо-Западному фронту Дерман. Он в какой-то мере восполнил отсутствие сообщений Информбюро.

В последние дни, сообщает спецкор, борьба против частей 16-й немецкой армии приняла еще более ожесточенный характер... Упорные бои не прекращаются ни днем, ни ночью. Несмотря на потери, немцы отчаянно сопротивляются. Немецкое командование подбрасывает но воздуху свежие силы и боеприпасы. Офицеры заставляют солдат драться до последнего патрона. Ясно, что кольцо окруженных сжимается медленно. Завершение операции явно затянулось...

* * *

Интересна статья члена Военного совета Сибирского военного округа бригадного комиссара П. Кузьмина "Резервные дивизии Сибири". В тылу страны готовится большое пополнение

пехотинцев, танкистов, артиллеристов, летчиков, снайперов. Автор рассказывает, как воины каждого рода войск проходят боевую подготовку. Общее для всех - учиться на опыте войны. Он приводит такой пример. Одна из кавалерийских частей вместе с лыжниками под командованием майора Ракитина, решая тактическую задачу, совершила марш в 500 километров!

Такие сообщения встречали в армии и народе с великой надеждой: есть и будут у нас силы, чтобы довести войну до победного конца.

В сегодняшнем номере газеты опубликована поэма Николая Тихонова "Слово о 28 гвардейцах". Вот ее начало:

Безграничное снежное поле,
Ходит ветер, поземкой пыля,
Это русское наше раздолье,
Это вольная наша земля.
И зовется ль оно Куликовым,
Бородинским зовется ль оно,
Или славой овеяно новой,
Словно знамя опять взметено,
Все равно оно кровное наше,
Через сердце горит полосой.
Пусть война на нем косит и пашет
Темным танком и пулей косой,
Но героев не сбить на колени,
Во весь рост они встали окрест,
Чтоб остался в сердцах поколений
Дубосекова темный разъезд...
История этой поэмы такова.

Несколько дней тому назад приехал в Москву Николай Тихонов. Мы его встретили в редакции с распростертыми объятиями. Это была, можно сказать, встреча родных людей - так мы любили и ценили Николая Семеновича. Проговорил с ним почти целый день, отрываясь лишь на самые неотложные дела. Тихонов рассказал, какое впечатление на ленинградцев произвела наша публикация о 28 героях Дубосекова. И тут меня осенила идея. Я спросил его, не напишет ли он стихи об этом. Спросил со смущением: как-то неловко было наваливать такую нагрузку на Николая Семеновича, приехавшего в столицу на несколько дней после неслыханно тяжелой блокадной зимы. Но поэт не отказался. На третий день вечером пришел в редакцию и принес свое "Слово". Мы попросили его прочитать поэму. Он читал ее взволнованный, покоренный доблестью и самопожертвованием

двадцати восьми. А я и собравшиеся у меня товарищи затаив дыхание слушали его. Газетные полосы к тому времени были уже сверстаны, но я освободил на третьей полосе три колонки, и здесь мы поставили "Слово о 28 гвардейцах", набрав крупным шрифтом. На второй день все читали это, ставшее вскоре хрестоматийным, произведение. Спустя три месяца Николай Тихонов мне писал: "Я еще раз горячо пережил все воспоминания о тех днях, когда писал о 28-ми героях. По правде говоря, Вы, и никто иной, были крестным отцом этой поэмы, и как Вы были правы, что ее надо писать в Москве и немедленно".

* * *

В строю советской авиации воевали американские "аэрокобры". Пусть их было немного и решающей роли в воздушных боях с немцами они, конечно, не играли, но долг чести и благодарности требовал сказать о них доброе слово. Это и сделал Савва Дангулов. Сегодня напечатана его статья "На американских истребителях "аэрокобра".

Он, прежде всего, объяснил происхождение названия этой машины. Оказывается, обычно каждая серия американских самолетов, кроме официального, имеет название, взятое из разговорного языка и зачастую иносказательное. По шутливому замечанию американских летчиков, их соотечественники вложили в это название определенный смысл: кобра, большая очковая змея, обычно безопасна, но лишь до тех пор, пока ее не трогают. В ярости своей, в единоборстве с врагом кобра страшна: ее укус смертелен, ядовит.

Дангулов сообщил технические и летные данные "аэрокобры", а дальше рассказал, что партия самолетов прибыла из Англии задолго до приезда инструкторов. Советские инженеры решили не терять дорогого времени, сами приступили к сборке машин. Работали военными темпами - круглые сутки, на открытом воздухе, часто при 40-градусном морозе. А когда прибыла группа английских инструкторов, "аэрокобры" были уже собраны и ушли в бой. Дангулов отметил мужество и смекалку наших специалистов. Но через несколько дней мне позвонил Сталин и спросил:

- Кто вам разрешил печатать статью об "аэрокобрах"?

- Разрешения я ни у кого не спрашивал. Информация об "аэрокобрах" была в газете и до этого, - ответил я.

Сталин строго сказал:

- Без нашего разрешения больше не печатайте. Почему? Этого я никак не мог понять. Однако вскоре все прояснилось. Был я у начальника тыла Красной Армии генерала А. В. Хрулева. Застал там А. И. Микояна. Разговорились мы, и я рассказал ему о звонке

Сталина по поводу нашей статьи об "аэрокобрах". Анастас Иванович знал эту историю. Оказывается, статья вызвала протест официальных кругов Англии: вы сами, мол, задержали визы на въезд английских инструкторов в Советский Союз, а теперь, говорили они, ссылаясь на "Красную звезду" и именно на статью Дангулова, выходит, что виноваты мы, англичане, опоздавшие к сборке самолетов. Это и было поводом для звонка Сталина.

- Что же им ответили? - спросил я Микояна.

- А им сказали, - рассмеялся Анастас Иванович, - что "Красная звезда" не то имела в виду, что вы имеете в виду...

Если бы не этот случайный разговор с Микояном, для меня навсегда осталось бы тайной, чем же был вызван краткий и категоричный звонок Сталина, в чем наша ошибка?

А такое не раз бывало. Вспоминаю 20-е октября сорок первого года. В Москве было объявлено осадное положение, мне позвонил Сталин и сказал:

- Напечатайте в завтрашней газете фото Жукова... Такое указание было для меня полной неожиданностью.

До сих пор в "Красной звезде" публиковались фотографии командиров частей, дивизий, иногда - корпусов. Всегда в связи с какой-либо боевой удачей. А вот командующие фронтами... Не было еще у нас побед такого масштаба, чтобы подымать на щит командующих фронтами. Конечно, я не стал спрашивать Сталина: почему? зачем? Напечатали большой портрет Жукова, на две колонки. Но все же задумались: чем же это вызвано. Возможно, портрет Жукова должен был засвидетельствовать, что во главе войск, защищающих Москву, поставлен полководец, на которого народ и армия вполне могут положиться. С другой стороны, возникало и иное предположение, напрямую связанное с уходом Георгия Константиновича с поста начальника Генштаба. Конечно, тот июльский инцидент в Ставке не мог не оставить горького осадка в душе Жукова. Это, несомненно, понимал и Сталин. И не исключено, что в лихой час битвы за Москву он решил дать понять Георгию Константиновичу: на той, мол, истории, тяжелой для них обоих, поставлен крест. Впрочем, правильный ответ до сих пор остается загадкой.

Не могу сказать, что Сталин плохо относился к "Красной звезде". Знаю, что он просматривал газету, кое-что читал. Не раз бывало, мне передавали его поощрительные реплики по поводу того или иного материала, опубликованного в газете, порой и критиковал нас. Не раз звонил и подсказывал, на какую тему надо выступить, в частности в передовицах. В спорах, которые бывали с руководством Главпура, Сталин порой поддерживал редакцию (об этом разговор впереди). И связь с Верховным была у

меня напрямую: по первому же звонку подымал трубку не помощник Поскребышев, а сам Сталин. На мои письма отвечал в тот же или на другой день... Словом, обижаться мне как будто не было оснований...

Но вот эти краткие, категоричные, без объяснения звонки! Ныне, когда прочитано немало мемуарных книг полководцев и военачальников, встречавшихся со Сталиным и работавших в Ставке, ответ напрашивается сам по себе: таков, видимо, был характер Сталина, стиль его: не всегда объясняя, мол, сказано сделай...

К слову сказать, обида тогда не терзала мое сердце. Действительно: раз сказано - надо делать. Были лишь недоумение, попытка - иногда удачная, иногда напрасная - узнать, что кроется за тем или иным звонком Сталина...

* * *

Наш спецкор Николай Денисов прибыл в одну из дивизий дальних бомбардировщиков, и там ему показали письмо летчику Жугану, написанное неровным почерком на листочке, вырванном из школьной тетрадки: "Здравствуй, Коля!.. Здоровье пока неважное. Врачи заключают, что не совсем в порядке с желудком и костями таза. В общем, с такой высоты сковырнуться - это еще отлично..."

Летчики объяснили: это письмо штурмана Ивана Чисова. Прыгнул парень с высоты семь тысяч метров с нераскрытым парашютом! Узнал Денисов все обстоятельства этого происшествия и прислал в редакцию корреспонденцию. Прочитал я ее и не поверил. Вызвал Денисова в редакцию. Он заверил, что все было точно так, как он написал. Группа бомбардировщиков после выполнения боевого задания возвращалась на свой аэродром. Недалеко за линией фронта на них напали "мессершмитты". Завязался воздушный бой. Одному из "мессершмиттов" удалось перебить тяги рулей управления на самолете Жугана. Машина перешла в беспорядочное падение. Жуган отдал приказ: "Прыгать с парашютами!"

Штурман Иван Чисов на высоте 7000 метров выпрыгнул из своей рубки. Немцы, заметив, что экипаж оставляет машину, пытались расстрелять летчиков в воздухе. Штурман решил перехитрить фашистов: пошел затяжным прыжком. Несколько раз перекувырнувшись в воздухе, он вошел в штопор. Все усилия Чисова выйти из этой опасной для парашютиста фигуры не увенчались успехом. Вращение усиливалось с каждой секундой, и летчик потерял сознание.

Жуган покинул машину на высоте 6000 метров. Следуя примеру штурмана, он некоторое время не раскрывал парашют, а

затем благополучно приземлился на опушке леса. Его встретили гвардейцы-конники. Они привели Жугана в деревню, где уже находился Чисов.

- Ну, как? - спросил Жуган.

Штурман молча показал на угол. Там лежал его нераскрытый парашют.

Упасть с 7000 метров и остаться живым! Могло ли такое быть? Оказывается, штурман при ударе о землю попал в огромный рыхлый, нависший над оврагом снежный сугроб. Пройдя сквозь него и уменьшив этим скорость падения, Чисов продолжал по касательной скользить по снежному покрову стенки оврага. Торможение было столь сильным, что штурман не разбился. Его сразу же отвезли в медсанбат, оттуда - в госпиталь, затем эвакуировали в Москву.

Корреспонденция под заголовком "Небывалый случай в истории авиации" после разговора с Денисовым была поставлена в сегодняшний номер газеты.

Кстати отмечу, что Денисов как истый газетчик проследил судьбу героя своей корреспонденции. После выздоровления Чисов преподавал в авиационном училище, затем закончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, а позже ушел в запас, стал пропагандистом. Разыскал Денисов и хирургов, лечивших летчика. Через 25 лет в редакции "Правды", где Денисов уже работал редактором военного отдела, произошла трогательная встреча Чисова с врачами.

* * *

На войне не все время и не все стреляют. Дни и часы затишья заполнены всевозможными делами и событиями, некоторые из них приносят фронтовикам немалые радости. Об одном из таких событий рассказывает на страницах газеты режиссер Центрального театра Красной Армии Алексей Попов, уже тогда заслуженный деятель искусств. Приведу отрывки из его записей, напечатанных под заголовком "Концерт в блиндаже":

"...7 марта. Заиграл баян. Выступают певцы. Шумные аплодисменты заглушают близкие разрывы вражеских мин.

После особенно лихого перебора баяниста в наступившей тишине кто-то протянул с восхищением:

- Да-а... С такими пальцами хорошо на автомате играть...

Необычайный подъем овладевает нами. Ну, как не удивляться силе искусства! Вот связист - он раздваивается: лицо его обращено к "сцене" и полно неподдельного восторга, но время от времени, не отрывая глаз от артиста, он кричит что-то серьезное в трубку. Другие связисты держат свои телефонные трубки, "транслируя" концерт по сети - для товарищей, находящихся на

посту на огневых позициях.

Когда мы прощались, один из бойцов сказал:

- Спасибо, товарищи. Теперь мы на своей трехрядке дадим немцам концерт.

3 марта. Днем дали три концерта. Вечером состоялся четвертый, особый. Мы узнали, что командир одной из рот, герой, любимец бойцов, повредил себе ногу и лежит в избе. В 10 часов вечера явились к нему всей бригадой и для него одного провели всю концертную программу. Надо было видеть его смущение, растроганность".

Была у артистов одна знаменательная и, я бы сказал, удивительная встреча. Выступали они у танкистов. А там оказались чудесные певцы. "Так, как пели они "Махорочку" и "Письмо в Москву" - песни, знакомые нам и раньше, не поет никто, - рассказывает Попов. - Невыразимые интонации вкладывают эти суровые люди в слова:

И с колечком дыма
Улетает грусть моя.

Много махорки надо было выкурить на военных привалах, чтобы так спеть!"

Бригада здесь же выучила с голоса, записала на ноты эти песни и включила их в свой репертуар в "танкистской" трактовке.

А как пляшут! Лейтенант-танкист, вернувшись после боя, включился в самодеятельность и проплясал час подряд. Фамилия его Гудзь. Этот красивый 23-летний юноша - известный не только нашему народу, но и всему миру герой. О нем в прошлом месяце рассказал председатель ВЦСПС, руководитель советской профсоюзной делегации Н. М. Шверник на массовом митинге в Лондоне. Стоит привести его рассказ так, как он был опубликован в наших и английских газетах.

"На одном из участков Западного фронта тяжелый танк лейтенанта Гудзя спешил на поддержку атаки пехоты. На пути могучий советский танк встретился с 18 танками фашистов. Призыв лейтенанта "Принять бой!" нашел дружный отклик у всего экипажа. Завязался горячий бой одного советского танка с 18 фашистскими танками. Один против 18. Советский танк методически выводил из строя один танк за другим. Вскоре на поле боя уже насчитывалось 10 сожженных и подбитых немецких машин (аплодисменты). Остальные восемь спаслись бегством. Покончив с танками, героический экипаж направился к переднему краю вражеской обороны, где раздавил четыре батареи противотанковых орудий. Тем временем наши славные пехотинцы

наседали на врага, который не выдержал натиска и побежал. Танк преследовал отступающего врага, давил его гусеницами и расстреливал из пулеметов. На поле боя осталось до 400 гитлеровских бандитов, которые никогда не увидят не только Москвы, но и Берлина (смех, аплодисменты). Несмотря на полученные в бою танком 29 вмятин, героический экипаж машины оставался до конца боя, блестяще поддерживая пехоту".

И вот встреча артистов с прославленным танкистом на одном из выступлений бригады. Узнали они, что Гудзь, оказывается, мечтал когда-то быть режиссером, учился немного и даже был ассистентом по постановке "Егора Булычева" Горького. О своем былом увлечении танкист сказал им без грусти, умно:

- Я жизни не знал. Любить еще никого не любил, ненависти не испытал плохой бы из меня режиссер вышел, без жизненного опыта.

Нас трогали до слез, писал Попов, и смущали та любовь и радость, с которой нас встречали бойцы. А общение с героями - "золотая россыпь для художника. Здесь, на фронте, мы увидели истинную любовь к родной земле и великую ненависть к врагу".

25 марта

К нам в руки часто попадают вражеские документы, письма, фотографии. Есть среди них такие, от которых клокочет гнев в груди и сжимаются кулаки в ненависти к фашистским людоедам. Это - фотографии повешенных и расстрелянных советских людей, найденные у убитых и пленных немцев.

Вот две напечатанные нами фотографии, под которыми стоит подпись: "В оккупированном Харькове... Фотодокументы найдены у немецкого унтер-офицера 68 немецкой пехотной дивизии Герберта Калуша, захваченного в плен нашими бойцами. На снимках: 1. Жители Харькова, повешенные немецкими извергами на балконе одного из домов города. 2. Советские граждане, повешенные на здании, где помещался Харьковский обком КП(б)У".

Вот пять снимков из оккупированной Старой Руссы, найденные у убитого на Северо-Западном фронте немецкого унтер-офицера Герхарда Валонка. Улицы и переулки, балконы домов, телефонные столбы - везде висят жители города. И еще две фотографии, тоже найденные в бумажнике убитого немца. Группа фашистских вояк, как в ложе театра, расселась у большого дуба на полянке. На переднем плане фигура с офицерскими погонами. А впереди - огромный плакат, на котором большими

буквами написано:

"2. 10. 41.

Русский должен умереть, чтобы мы жили.

Бравая 6 рота.

Керстен капитан, ротный командир"

А на втором снимке двумя рядами лежат расстрелянные советские люди. Четыре немца из "бравой роты" на этом страшном фоне позируют фотографу.

Все эти снимки публикуются из номера в номер под заголовком: "Мы не забудем, отомстим!"

* * *

Передовая статья в сегодняшнем номере озаглавлена "Харьков, Орел, Старая Русса". Начинается она так:

"Мы знали их свободными и красивыми, многолюдными и трудолюбивыми. Немцы превратили их в мрачные кладбища, в место пыток, в ад, где томятся бледные тени живых существ..." А далеко не полную картину того, что происходит в этих городах, да и в других районах, раскрывают корреспонденции, которые были напечатаны в последних номерах газеты: "Что происходит в Орле", "В Старой Руссе", "В оккупированном Витебске", а также статьи начальника политуправления Юго-Западного фронта С. Галаджева "Что происходит в оккупированных областях Украины", Н. Каротамма "Эстония под пятой оккупантов", украинского писателя Миколы Важана "Харьков борется"...

В этих статьях разные факты, разные события, но в одном они схожи: злодеяниям гитлеровцев нет меры и нет предела.

Есть в передовой и строки, рассказывающие о сопротивлении захватчикам:

"Стон стоит над нашими городами, изнывающими под немецким разбойничьим гнетом. Но сквозь этот стон прорывается песня борьбы. Советские люди никогда не склонят свои гордые головы перед мечом завоевателя. Взлетают на воздух немецкие казармы. Партизанские пули поражают немецких летчиков у ворот аэродрома. Мирные горожане берутся за оружие, чтобы отомстить палачам за кровь и слезы своих близких, за муки родного города, за поруганную землю отцов..."

Хочу подробнее рассказать и о недавнем выступлении известного украинского писателя Миколы Бажана. Его статью "Харьков борется" передали в Москву по военному проводу, когда полосы уже верстались. И все же мы успели поставить ее в номер. Была у меня и личная причина, о которой сквозь дымку времени я вспоминал. На Харьковщине прошла моя комсомольская молодость. В Харькове, в 1921 году, после возвращения с гражданской войны, я, как представитель губкома комсомола,

служил в должности помощника командира корпуса по работе среди допризывников и постоянно гарцевал на резвом коне. Учился в Харьковской губсовпартшколе. Позже в столичном Харькове работал инструктором ЦК КП(б)У, а в начале тридцатых годов, будучи начальником политотдела МТС, входил в состав Харьковского обкома партии. Словом, как говорится, знал каждый камень этого города. То, о чем писал Бажан, была и моя боль, и мой гнев. Но, главное, хотелось, чтобы скорее, завтра же все узнали о том, как страдает и борется непокоренный Харьков.

Микола Бажан рассказывал, как город встретил немецко-фашистских захватчиков:

"Израненный, захлебывающийся собственной кровью зверь вполз на широкие улицы, гулкие площади большого города. Немцы думали здесь зализать свои раны, отдыхать и выжидать. Но Харьков был мрачен. Он был тих. Эта тишина ужасала. Город стоял над немецким врагом грозным, непреклонным, несдавшимся. Солдаты в зеленых шинелях, выставив вперед свои автоматы, заходили в пустые цеха колоссальных заводов. Серыми холмиками торчали бетонные основания станков. Станки были вывезены. Солдаты врывались в длинные коридоры, в светлые залы огромных зданий. Ветер гнал по паркету черный пепел сожженных бумаг. Людей не было. Люди ушли".

Это начало статьи. А дальше факты и цифры, цифры и факты. Но каждый факт, каждая цифра вопиет: "...На улицах, Харькова на балконах повешено 116 советских людей..."; "В первые дни фашистами было расстреляно около 14 тысяч человек..."; "Приказ выселяет из Харькова всех жителей, поселившихся там с 1936 года, и десятки тысяч людей изгнаны из города в морозную, воющую метелью степь..."; "Харьков голодает..."

Но непокоренный город сражается. Мирные жители становятся грозными мстителями. "Из большого дома на площади Тевелева выходил, выпятив грудь и презрительно оттопырив нижнюю губу, величественный генерал. Он спешил пройти к своему автомобилю... Но не успел. Прогремел выстрел. Генерал грохнулся затылком о тротуар. Какая-то молоденькая девушка бросилась бежать, не выпуская револьвера из рук. Генеральские телохранители, завопив, погнались за ней. Девушка была поймана и убита на месте... Великий город украинского народа борется, он мстит, он ждет. Час его освобождения близок".

Об этом в ту пору мечтали все...

* * *

О Старой Руссе пишет Александр Поляков:

"Мы подошли к городу вплотную, очутились под самыми его стенами. С наших позиций он хорошо был виден. Что там, в

городе?.."

Чтобы дать ответ на это, Поляков провел целую "операцию". Просмотрел в разведотделах трофейные документы, письма, найденные у убитых немцев, переговорил с десятками крестьян пригородных сел и наших бойцов, вырвавшихся из плена. Много материалов доставили ему партизаны, в том числе тот самый Иван Грозный, который провел наши части по льду к городу. Статья напечатана в сегодняшнем номере газеты, а над ней - те самые пять снимков повешенных жителей на улицах города.

Не удается гитлеровцам покорить советских людей. Поляков рассказывает о таких эпизодах: "Пройдите по улицам. Вы увидите группу людей возле немецкого объявления. Подойдите поближе. Рядом с немецким приказом наклеена подпольная газета старорусского райкома партии "Трибуна". Именно ее-то и читают горожане. Приблизится полицейский - переведут глаза на объявление. Вот и поймай их за чтением недозволенной литературы! "Мы немецкий приказ читаем!"..."

Кстати, когда Поляков появился в редакции, мы преподнесли ему подарок его книгу "В тылу врага", изданную в Лондоне. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, дающими английскому читателю представление о людях и боевой технике Красной Армии. Книге предпослано предисловие советского посла в Лондоне И. М. Майского: "Среди многих других рассказов, появившихся о войне, дневник Полякова выделяется, как наиболее живой и яркий. В широком смысле он может служить ценным пособием для уяснения стратегии и тактики, которые должны применяться для борьбы против гитлеровской стратегии окружения..."

И в заключение Майский пишет: "Я читал и был потрясен дневником Полякова. Этот рассказ о героях, несомненно, явится одним из мастерских литературных произведений о нынешней войне..."

Майский как бы предугадал то, что напишет позже Алексей Толстой о Полякове. В своей статье "О литературе и войне" он назвал произведение Александра Полякова доказательством того, что литература военных дней "круто идет на подъем".

Мы порадовались, что очерки Полякова, печатавшиеся у нас летом прошлого года, получили такой резонанс в стране союзника, и горячо поздравляли его: чувствовалось, что в талантливом журналисте созревает писатель...

Появился у нас новый автор - поэт Перец Маркиш. Сегодня принес стихи "Раненому красноармейцу". Очень сильное слово о тех, кто в боях за родину пролил свою кровь:

...К тебе спешат ручьи смывать кровавый пот,
И ветер с гор несет желанную прохладу,
А к ранам вся страна любовно припадет,
Как мать прильнуть к младенцу рада...
На белой марле алых два пятна,
Так часом утренним снег на вершинах рдеет.
О, не забудет никогда страна
Тебя и подвиг твой, красноармеец!..

"Маленькие герои" - так называется письмо в редакцию, присланное с Северо-Западного фронта военфельдшером В. Лысенковой:

"В 12 часов ночи на сельской улице, где стояла наша часть, появилось четверо саней. На улице послышался детский голосок. Когда я подошла к саням, ко мне подбежал мальчик.

- Кому сдать людей? - обратился он ко мне.

- Каких людей?

- А вы доктор? Так вот я привез ваших раненых. Возьмите и меня согрейте, я замерз.

На санях лежали тяжелораненые бойцы. Они стонали и просили помощи. Находившиеся тут же бойцы и командиры помогли отнести раненых в дом. Когда они были накормлены и согреты, а раны перевязаны, пошли расспросы.

Оказалось, что раненые не нашей части. Они были в разведке и выбили из окрестного села немцев. Разведчики пошли дальше выполнять свою задачу, а 12 красноармейцев, которые были во время боя ранены, остались в селе. Отступившие было немцы вошли в село с другого фланга и заняли часть населенного пункта. Раненые каждую минуту могли попасть к немцам. Тогда Миша Кузнецов, 12 лет, и Ваня Александров, 14 лет, запрягли лошадей и на матраце по одному выносили раненых в сани, выехали из села и окольными путями привезли раненых в расположение частей Красной Армии".

Как бы хотелось узнать, где это село, судьбу ребят-героев!

* * *

Илья Эренбург вновь развеселил нашего читателя небольшой заметкой "Фриц в Шмоленгсе". Стоит ее прочитать. Она и сейчас заставляет посмеяться:

"Военный корреспондент германского информационного бюро некто Лельгеффель, которому, видимо, надоело составлять победные описания плачевных операций, решил заняться лингвистикой. Он философствует насчет русского языка:

"Картофель по-русски "картошка"... Говорить по-русски в

конце концов может всякий, но понимать по-русски - это уже искусство... Если русские произносят свои буквы не так, как это нам нужно, то мы их исправим. Зачем, например, ломать себе язык над таким названием, как "Смоленск"? Мы говорим просто и хорошо "Шмоленгс", и это звучит, как дома".

Что и говорить - нахальный народ. Они коверкают русские слова и считают, что это замечательно... Пускай называет Смоленск, как хочет. Важно, что в Смоленске он теперь себя чувствует отнюдь не "как дома". Скажем прямо, ему в Смоленске неуютно. Картошка кончилась. Вместо нее - пули партизан. И фриц мечтает, как бы живым выбраться из "Шмоленгса". Не выберется: сломает себе он на Смоленске и не язык - шею"...

31 марта

Читатель уже привык к глухим сводкам последних дней. Однако есть особые события, интерес к которым не угасает ни на миг: это - Старая Русса и Севастополь.

Наш спецкор Александр Поляков сообщает: "Войска Северо-Западного фронта заняты своеобразной "чисткой" от фашистов деревень, окружающих Старую Руссу. Офицеры и солдаты 290-й и 30-й немецких дивизий "вычищены" из трехсот населенных пунктов. Имеется здесь и дивизия эсэсовских головорезов "Мертвая голова". "Мертвая" - тем лучше! - остроумно замечает корреспондент. Похоронят но первому разряду"... Лыжные отряды совместно с партизанскими перерезали почти все железнодорожные и шоссейные магистрали, идущие с запада к Старой Руссе. Один из лыжных отрядов ворвался в лагерь военнопленных на окраине города и освободил более ста человек. Рассказал Поляков и о таком эпизоде. Освобожденные пленные прихватили с собой лагерного жандарма. Он небритый, весь от макушки до сапог покрыт какой-то мутной, рыжей ледяной коркой.

- Что за корка такая?

- Огуречный рассол, - отвечает один из пленных, - он от нас в бочку с рассолом спрятался: пока привели сюда, подмерз.

Хохот... Оказывается, услышав автоматные очереди лыжного батальона, пленные выломали двери бараков, выбежали. Жандармы пустились наутек. Рядом был интендантский склад, и жандармы спрятались кто где. Пленные находили их. Одного вот вытащили из бочки с рассолом и привели сюда.

Мы это напечатали. Но когда Поляков вернулся в Москву, спросили его: это подлинная история или сатирический

вымысел? Корреспондент клялся и божился, что все - истинная правда, ничего выдумывать не надо было.

Это было в первые дни боев в районе Старой Руссы. А ныне обстановка изменилась. Операция, как известно, была рассчитана на быстрый разгром окруженной группировки, чтобы не дать немцам оправиться от потерь и создать прочную оборону. Однако репортажи наших спецкоров неутешительны. Они вынесены на первую полосу под общим заголовком "Ожесточенные бои с частями 16-й немецкой армии". Вот несколько строк из этих сообщений: "Немцы вновь сосредоточили на узком участке около 50 танков, несколько батальонов пехоты, примерно сотню самолетов..." Врагу ценой огромных потерь удалось вклиниться в расположение наших войск. Обстановка осложняется еще и тем, что противник создал воздушный мост в 16-ю армию и транспортными самолетами доставляет туда боеприпасы и продовольствие. Немало самолетов сбивают наши истребители и зенитчики, но разрушить "мост" не удается.

* * *

"150 дней обороны Севастополя" - так называется опубликованная в сегодняшней газете статья члена Военного совета Приморской армии бригадного комиссара М. Кузнецова. Давно в сводках Совинформбюро, да и в "Красной звезде" не было сообщений о положении в этом районе. Как живут и борются защитники Севастополя? Прочно ли держится город? Это не могло не волновать читателя.

Конечно, и в армии, и в стране знали, что попытка немецко-фашистских войск с ходу захватить Севастополь оказалась безрезультатной. Но впервые об этом рассказывается более подробно.

30 октября немецкая мотоколонна пыталась ворваться в город, но огнем черноморцев-артиллеристов была остановлена. Ровно через месяц немцы повели второе наступление еще большими силами, но и оно провалилось. Любопытные документы попали в наши руки. Не кто иной, как командующий 11-й немецкой армией генерал фон Манштейн. 5 ноября в своем обращении к войскам писал: "Под Севастополем идут последние бои. Город, осажденный, не сегодня завтра капитулирует". А теперь, в марте, тот же хвастливый генерал вынужден признать, что, "несмотря на пятимесячную блокаду. Севастополь продолжает сопротивляться".

Словом, Севастополь держится. Активной обороной севастопольцы сковали большие силы немцев, не дают гитлеровскому командованию перебросить их на другие участки фронта. Но блокада есть блокада. Нелегко севастопольцам. Им

помогает вся страна. Морские ворота в наших руках, и через них в город поступает пополнение, боевая техника, продовольствие.

Еще нет в газете таких слов: "Город-герой". Но народная молва уже так величает Севастополь...

* * *

Третьего дня вместе с Петром Павленко мы были на просмотре фильма братьев Васильевых "Оборона Царицына". Я поехал, чтобы посмотреть картину, а Павленко - чтобы написать о ней для "Красной звезды". Петр Андреевич похвалил фильм, в центре которого был Сталин. Однако были в рецензии и критические замечания, в частности, он писал: "Фильм - надо признать перегружен материалом и, как всегда в этих случаях, "вихраст". Много интересных и увлекательных кадров лишь стороной касаются центральной идеи и, не обогащая ее, только отягощают общее движение вещи". Прочитал я эти строки и стал размышлять. Замечание справедливое. По сути, пусть не впрямую, речь шла о том, что фигура Сталина заслонила "центральную идею" фильма. Но картину смотрел Сталин и, как мне сказали, похвалил ее. Павленко сразу понял, почему я "споткнулся" на этих строках:

- Ты что задумался? Публикуй под мою ответственность...

- Ладно, - ответил я. - Под нашу общую ответственность.

Упрек в рецензии остался...

В последнее время меня волновало здоровье писателя: все держится руками за грудь, покашливает. Говорю ему, чтобы посидел в тепле. Петр Андреевич отвечает, что тепло редакционной комнаты ему мало помогает, нужно другое тепло - юг, и просит командировку на Южный фронт. Согласие получил сразу же и на второй день вылетел на Кубань. Через несколько дней передал очерк "Весна на Кубани". Когда успел? Оказывается, по пути с аэродрома на КП фронта он поколесил по станицам Кубани, заглянул в крайком партии и собрал материал для очерка, чтобы сразу, как он потом объяснил, "оправдать командировку".

В очерке - описание того, как кубанцы готовятся к посевной, что делают для фронта. Очень ярко рассказано о добровольческих кубанских отрядах.

"Вспомнив запорожскую старинку, кубанцы пошли на войну семьями. Всем известен здесь Михаил Гаврилович Россохач из станицы Ладожской, проводивший в Красную Армию 8 сыновей, 4 дочерей и 19 внуков. Старый буденновец Василий Филиппович Цуля из станицы Старо-Нижестеблиевской послал на фронт сына, зятя и дочь. А как стали записываться старики, его одногодки. - не выдержал, подседлал коня и явился самолично. Сейчас он

командует отделением, в которое подобрал поголовно участников гражданской войны, бивавших немца. Невысокого роста, крепкий, ловкий, он легко бегает, придерживая рукою шашку, и, глядя на него со спины, не сразу скажешь, что это бежит пятидесятилетний дед. Да какой он дед!

- До чего сочувствую скорейшей победе, что не могу дома сидеть, говорит он. - Как спать лягу, война во сне. И рубаюсь это я, рубаюсь до самого света. Встану - будто жернова ворочал. Из сил выбился дома жить, на войне ближе к делу".

И такой удивительный факт. Казак Павел Иосифович Гусак пришел в военкомат с сыном и дочерью. Отец и сын были приняты, дочери в приеме отказали. Но тут подоспели конные состязания. Лида Гусак первой вышла на вольтижировке, первой на рубке лоз, первой но стрельбе. И пришлось лихую казачку зачислить рядовым бойцом в один полк с отцом.

Заканчивался очерк вещими словами: "Не славою одиночек хочет обессмертить себя Кубань, а подвигом многих тысяч"...

* * *

В последние дни в газете все чаще стали печататься рассказы. Опубликован рассказ Симонова "Ценою жизни". Это второй его рассказ после "Третьего адъютанта".

Еще в мирное время тема любви воина к своему командиру не сходила со страниц газеты. В войну она приобрела особое звучание. Слова "Грудью заслоним командира в бою" не раз становились живой былью в схватках с немцами. Не раз появлялись у нас сообщения о том, что бойцы в минуту смертельной опасности заслоняли собой от вражеской пули своего командира. И вот, вспомнив историю с рассказом Симонова "Третий адъютант", я сказал ему:

- Если ты не жалеешь, что написал своего "Третьего адъютанта", сочинил бы еще один рассказ. - И предложил тему.

Так появился рассказ "Ценою жизни". Сюжет его прост: ординарец Есаенко принял на себя пули немецкого автоматчика, заслонив полковника; сам погиб, но спас жизнь командира. Писатель перенес события на Керченский полуостров, откуда он недавно прибыл. Есть в рассказе и фронтовой пейзаж, и колоритные диалоги, и психологический рисунок. Насколько я помню, Симонов тогда был доволен. Однако после войны никогда его не переиздавал. Но в ту пору всем нам этот рассказ нравился, мы считали его интересным, а главное - нужным...

* * *

Должен отметить, что такой жанр прозы, как рассказ, вообще прочно занял место на страницах "Красной звезды". Немало их было опубликовано за истекшие месяцы войны. Они, как правило,

принадлежали перу писателей. Вполне закономерно, что нельзя было нам не вспомнить такого блестящего мастера рассказа, как Константин Паустовский. Я знал, что Константин Георгиевич человек в годах и не очень здоровый. Знал, что в первые же месяцы войны он уехал на Южный фронт и там по заданию армейской газеты выезжал в боевые части, писал зарисовки и очерки, но вскоре из-за болезни его освободили от журналистской работы, а затем эвакуировали в Алма-Ату. Мы попросили Паустовского поработать у нас. Он написал об этом своим друзьям: "Получил телеграмму из "Красной звезды" от Ортенберга - приглашает в Москву, пишет "рассчитываю вас использовать для написания рассказов. Это не вызов, а приглашение", - ответил согласием".

Тяжелая болезнь - астма - держала его в тылу. "Работать трудно, - писал он, - быстро устаю, стал плох здоровьем". Но все же писал для нас. Прислал два рассказа - оба о войне.

Паустовский верен своей романтической манере - его сразу же узнаешь. Первый рассказ, "Путешествие на старом верблюде", - о старом казахе Сеиде Тулубаеве, отправившемся со своим верблюдом на Эмбийские нефтяные промыслы к сыну Габиту, работавшему там мастером. За шестьдесят дней пути старик многое повидал, а когда прибыл на промысел, узнал, что Габит погиб на фронте. Не захотел древний старик возвращаться домой. Он остался здесь и на старом верблюде стал возить воду в глухие уголки пустыни, где вели разведку нефти.

Другой рассказ, "В древнем краю", повествует о том, как солдат Иван Терехин в деревне Великий Двор выкурил дымовыми шашками из церкви "без повреждения архитектуры и великолепной росписи" немцев, устроивших там свой штаб и склад боеприпасов; выкурил прямо в объятия наших воинов...

Рассказы напечатаны подвалами один за другим в очередных номерах газеты...

Напечатаны стихи Алексея Суркова "Возмездие". Не беру на себя роль литературного критика; Алексей Александрович не включил их в свое четырехтомное собрание сочинений. И все же уверен: если мы тогда опубликовали эти стихи, значит, считали их неплохими, а главное - нужными. Приведу строфу из первой части стихотворения - о горьких чувствах солдата, оставляющего свою землю на заклание врагу:

Я помню - минер, подорвав переправы,
Кричал, обернувшись на запад: - Ужо!
Ужо мы за все поквитаемся с вами!
Ужо мы вернемся!.. Бессилен и мал,

Он пал на колени в обугленной яме
И жаркую землю в слезах обнимал...

Убить человека даже на войне - жестокое дело. Но наш высший долг не дает нам выбора. Во второй части стихов поэт объясняет:

В суровое время мы стали суровыми.
И каждый без жалости должен убить
Того, кто грозит нашим детям оковами,
Кто душу народа посмел оскорбить.
Нельзя перед коршуном быть голубицами,
Не льстит нам печальный конец голубиц.
Никто не посмеет назвать нас убийцами
За то, что в бою истребляем убийц.

Эти строки Сурков написал задолго до того, как Алексей Толстой напечатал в "Красной звезде" статью "Убей зверя!", Илья Эренбург - "Убей", а Константин Симонов - стихи "Убей его!". Сурков чувствовал веление времени...

* * *

"Я клянусь!.." - так называется очерк писателя Виктора Финка.

В эти дни на Урале формировались новые эстонские части и дивизии. Сюда и прибыл писатель в тот день, когда воины-эстонцы, выстроенные на плацу, принимали присягу. Его рассказ, в основном, об этом, хотя и начинается с экскурса в далекое прошлое - в тринадцатый век, когда полчища псов-рыцарей вторглись на эстонскую землю и в течение многих столетий бесчинствовали там.

И вот снова немцы - теперь уже гитлеровские полчища - вторглись в республику. Эстонский народ поднялся на защиту своей родины: шли в армию, в истребительные батальоны, в партизаны. Автор называет имена эстонцев, беззаветно сражающихся с врагом. Профессор Рубель, ученый с крупным именем, стал разведчиком; в одном из боев попал в руки немцев и был повешен в городском парке в городе Тарту. Двадцатилетний парень Арнольд Мери своей самоотверженностью спас штаб корпуса. Кстати, в августе прошлого - 1941-го года в "Красной звезде" была напечатана передовая статья "Герой Советского Союза заместитель политрука Мери"; впервые передовица была посвящена не событию, не анализу военных действий, не задачам на будущее, а отдельному человеку-воину.

На поляне, повествует Финн, раздается голос: "Ма тыстан... Я клянусь..." Эстонцы клянутся быть воинами честными и отважными. Когда началось формирование новых эстонских частей, сюда хлынули люди, которые никогда не были в армии. Стали съезжаться эстонцы из самых отдаленных районов страны, даже из Бухары. Не было отбоя от женщин. Никто не хотел уступить другому честь отвоевать родину.

"Присмотритесь к этим людям, - пишет Финк, - вглядитесь в их лица! Эти два слова - "Я клянусь" - подлинная клятва борьбы!" И он представляет читателю тех, кто, надев военную форму, будет сражаться в Великолукской операции, Ленинградско-Новгородской, Невельской, Таллинской, Тартуской, кто будет освобождать советскую землю, свою родину от немецко-фашистских захватчиков. Это и старые, испытанные воины - командиры и комиссары гражданской войны. Среди них старший политрук Авальт, вступивший в армию в 1918 году, когда ему было 14 лет. Три старших брата его тоже ушли в армию. За это их родители были расстреляны. Комиссар дивизии Сипсакис - тоже участник гражданской войны. Капитан Альфред Кук был преподавателем военной школы в Таллине. Теперь вся его школа здесь, в дивизии. Все его бывшие ученики - командиры. Сам Кук - командир батальона.

Их - рвущихся в бой - много. "Так их много, - заключает писатель, всех не перечесть. Но рядом со старыми, испытанными бойцами встают в строй новые. Людей окрыляет возможность отвоевать родину.

- Ма тыстан... Я клянусь...

Этим людям невозможно не верить. Они победят".

Апрель

3 апреля

В сводках Совинформбюро часто повторяются строки: "На фронте существенных изменений не произошло", значит, наступление наших войск затухает. Но есть и другие сообщения, подводящие итоги минувших сражений: "Трофеи войск Калининского фронта за период с 21 марта по 1 апреля 1942 года", "Трофеи войск Ленинградского фронта..." Наиболее внушительна сводка по Западному фронту: большое количество уничтоженных и захваченных танков, орудий, минометов и другой боевой техники. Число убитых немецких солдат и офицеров составляет 40 тысяч.

Наши корреспонденты иллюстрируют эти сообщения выразительными фотографиями. Правда, ныне мы их не часто печатаем: экономим газетные полосы для фотопортретов героев боев, батальных снимков.

Любопытное фото прислал Сергей Лоскутов. Большая поляна, окаймленная редколесьем. На ней роща уходящих за горизонт деревянных крестов. Подпись поясняет: "Фашистские вояки шли за "железными крестами", а достались им деревянные"...

* * *

Издавна в центральных газетах, да и многих провинциальных правее заголовка помещался так называемый "Шпигель" (в переводе с немецкого зеркало). Называли его еще и "манжеткой". Короче, здесь шла информация о содержании полос. Ныне во многих газетах "Шпигеля" не найти. Его место заняли изображения правительственных наград, которых удостоены эти газеты: "Правда", как известно, награждена тремя орденами, "Красная звезда" четырьмя, "Комсомольская правда" - пятью... Но в 1942-м "Шпигель", "манжетка" еще существовали.

С конца марта в "манжетках" "Красной звезды" публиковались призывы: "Закреплять каждый отвоеванный рубеж" или "Прочно закрепляться на отвоеванных рубежах"... Кстати, под таким заголовком в сегодняшнем номере опубликована передовая статья. Понятно: тогда мы не могли сказать, что наше наступление угасает. Но если в газете исчезали "наступательные" лозунги, а появлялись оборонительные, наш читатель и без комментария понимал, что к чему.

В эти дни побывал в 16-й армии, у генерала К. К. Рокоссовского. Узнал, что командарм написал докладную

Жукову, в которой сообщил об обстановке, сложившейся в полосе его армии, и предложил перейти к обороне, чтобы накопить силы и средства для нового наступления. Но от командующего фронтом последовал ответ: "Выполняйте приказ!"

Естественно, мне важно было узнать мотивы, которыми руководствовался Жуков, и я отправился снова в Перхушково. Выл поздний вечер. В такие часы во время моих прежних поездок на командный пункт фронта я заставал Жукова по горло занятым оперативными делами. Часто звонил телефон. Беспрерывно входили и выходили офицеры и генералы. Комфронта все время отвлекался к карте. А вот сегодня - затишье. Затишье на фронте - затишье и здесь, на КП. Я рассказал Георгию Константиновичу о своих впечатлениях от поездки к Рокоссовскому, о тревогах и, конечно, как всегда спросил, как, мол, будет дальше, куда направить свои стопы? Жуков посмотрел на меня, как мне показалось, с удивлением: с неба ты свалился, что ли? И ответил:

- Сиди пока в Москве, в редакции...

В общем, я понял, что цепочка замкнулась на Ставке и, как позже узнал, сам Жуков туда "стучался", предлагая остановиться и закрепиться на завоеванных рубежах.

Однако в редакции нам не сиделось. Решил заглянуть в Генштаб, к Бокову. Военком Генштаба мне прямо сказал: январскую директиву Ставки никто не отменял, она действует, более того, совсем недавно, 20 марта, Верховный вновь потребовал от Жукова и Конева энергичных действий, чтобы разгромить ржевско-вяземскую группировку противника.

Главные события должны были развернуться в районе Ржева. Сразу же под Ржев выехали наши корреспонденты. Операция к этому времени уже закончилась. Наши войска продвинулись немного вперед, но Ржев остался в руках противника. Ничего наши спецкоры не написали, так как об этой операции не было официальных сообщений. Молчали и мы, не напечатали ни обзорной статьи, ни даже репортажа.

* * *

Опубликована любопытная корреспонденция Н. Денисова "На ложном аэродроме". Он рассказал о том, как оборудована площадка с подобием посадочных знаков, как подсветкой наши бойцы подманивали вначале разведчика, а затем и бомбардировщиков противника. Читал материал и не мог про себя не отметить мужество спецкора. Конечно, Денисов мог бы побывать на ложном аэродроме днем, поговорить с командой и написать свою корреспонденцию. Но он поступил иначе.

Уже после войны Симонов, рассуждая о делах минувших, писал: "Требование редакции видеть как можно больше своими

глазами было требованием верным и с точки зрения журналистской нравственности и самого качества материала. Мне это редакционное правило нравилось, и я стремился ему следовать".

Следовал этому правилу и Денисов, принявший вместе со стражей ложной полосы бомбовый удар на себя. Фугаски рвались рядом; стены у землянки, где они пережидали бомбежку, осыпались. Когда Денисов вернулся в редакцию, я его спросил:

- Ну, как там, жарко было в вашей землянке?

- Жарко не жарко, - ответил он. Печка не топилась, но холодно не было...

* * *

Два наших спецкора. Павел Крайнев и Василий Коротеев, прислали корреспонденцию о жизни Брянска под немецкой пятой. Коротеев до войны работал секретарем Сталинградского обкома комсомола, затем членом редколлегии "Комсомольской правды", а с первых месяцев войны - у нас. К нам Крайнов пришел на должность заместителя начальника международного отдела газеты. Знал хорошо японский и китайский языки. Эти его знания особенно понадобились газете в сорок пятом году, когда началось наше наступление на Востоке, а в те дни он работал корреспондентом на разных фронтах. Низенького ро ста, с пытливыми глазами, несколько замкнутый, он свое дело делал хорошо, хотя выступал в газете не часто. Но сегодня он вместе со своим коллегой отличился. Их корреспонденция была по-настоящему интересной.

Жизнь в Брянске походила на то, что было в других захваченных гитлеровцами городах - Орле. Харькове, о которых недавно рассказывали: те же бесчинства и злодеяния гитлеровцев, грабежи, пытки, расстрелы, виселицы. И неугасаемое, на против, все возраставшее сопротивление немецким оккупантам. Была здесь, однако, одна особенность. Вокруг - брянские леса, знаменитый партизанский край. Из леса в Брянск доставляли оружие. Лес укрывал и спасал жителей Брянска. Чтобы предотвратить уход населения, комендант города издал приказ: "Всем мужчинам от 16 до 60 лет ежедневно являться на регистрацию в полицию. Регистрацию проходить два раза в день - утром и вечером. Если кто самовольно уклонится от регистрации и уйдет из города, вся семья будет расстреляна". Узнав об этом, многие жители стали уходить в леса целыми семьями.

Немало примеров о тайной войне горожан с немецкими захватчиками привели спецкоры. Вот один из них. В местном театре труппа из четырех актеров по приказу немецких властей разыгрывала дурацкую пьеску на тему о поимке партизан,

состряпанную каким-то прислужником гитлеровцев. Хотя публики было немного, тем не менее немцы радовались - спектакль подействует на тех, кто поддерживает партизан. Но на следующем представлении в тот момент, когда на сцене уже собрались расстрелять партизана, погас свет, с балкона посыпались листовки и кто-то крикнул:

- Скоро конец немцам! Партизаны здесь! Ждите Красную Армию!..

Поднялся переполох. Забегали гестаповцы. Когда включили свет, многие зрители успели разойтись и прихватить листовки. "Вам привет от брянских партизан, - начиналась она. - Смейтесь, товарищи зрители, над немецкой глупостью и не давайте себя запугать!"

Пьесу немцы больше не ставили...

* * *

Вчера Сергей Михалков принес стихотворение "В том краю, где ты живешь (Нашим детям)". Эти стихи, занявшие на полосе две колонки, с большим интересом и волнением читали не только дети. Они трогали и наших воинов. Я знаю, что они вырезали их из газеты и посылали домой. Приведу хотя бы небольшую выдержку, которая, думаю, даст читателю возможность почувствовать сюжетную заостренность стихотворения.

И шагая дружно в ногу,
Вместе вспомним мы с тобой
С отвращеньем про "тревогу"
И с улыбкой про "отбой".
И о том, что затемненья
В нашем доме больше нет,
И что только для леченья
Нужен людям синий свет.
Как мы жили, как дружили,
Как пожары мы тушили,
Как у нашего крыльца
Молоком парным поили
Поседевшего от пыли,
Утомленного бойца.
Мы с тобой о партизане
Сами песню сочиним.
Перед памятником "Тани",
Мы с тобою молча встанем,
Шапки снимем. Постоим.

Прочитав стихи ныне, решил выяснить, вошли ли они в

послевоенные книги Михалкова. Нигде не нашел. Правда, в стихотворении "Быль для детей" увидел несколько знакомых мне строк. Позвонил Михалкову.

- Какие стихи? - услышал я недоуменный вопрос.

- Ладно, - сказал я. - Встретимся, поговорим.

Встретились. Показал ему стихи, опубликованные в "Красной звезде". Он прочитал их и воскликнул:

- Не такие уж плохие... Жаль, что забыл о них...

Взял у меня один экземпляр и сказал: "Обязательно их включу в книгу".

В те дни Михалков работал в "Сталинском соколе", писал больше на авиационные темы, но душа детского писателя полыхала от негодования. Тогда-то он написал и принес нам свое сочинение. Вспоминаю, сколько редакция получила откликов на них от фронтовиков. Это были стихи о тех, кого они оставили дома, ради кого сражались.

Но и более поздние стихи - "Быль для детей" - тоже имеют свою историю.

В ноябре сорок третьего года Михалков был у Сталина. Обсуждали текст Гимна Советского Союза, одним из авторов которого был и Сергей Владимирович. Когда закончили разговор о гимне, Сталин попросил Михалкова прочитать свои стихи. Он прочитал "Письмо", адресованное фронтовикам и опубликованное в "Красной звезде" в октябре сорок первого года. Сталин выслушал и сказал:

- Эти стихи написаны в сорок первом году. А вы напишите с настроениями сорок четвертого года...

Что имел в виду Верховный, было ясно: наступил коренной перелом в войне, наши войска стремительно пошли вперед!

Так родилась "Быль для детей", которая публиковалась сразу в трех газетах - в "Правде", "Комсомольской правде" и "Пионерской правде". Конечно, мы жалели, что Михалков не дал и нам эти стихи, но свое сожаление я высказал ему только теперь.

* * *

Опубликована статья Эренбурга "Армия палачей". Илья Григорьевич был тем писателем, который мог в нескольких строках сказать так много и сильно, что иному потребовались бы страницы. Поводом для заметки послужил приказ Гитлера о выделении СС из состава германской армии. По сообщению немецких газет, СС были объявлены самостоятельной силой.

Убийственную характеристику дал Эренбург этой "самостоятельной силе": "Кто эти СС? Громилы, жандармы, шпики, тюремщики, палачи. Каждый СС умеет пороть, пытать и вешать - таковы азы его военного образования. Над СС стоит

Генрих Гиммлер - первый мясник Германии, заплечных дел мастер, обер-палач..."

От имени фронтовиков он заявил: "Мы не примем СС... за армию: палачи не солдаты. Но бить СС мы будем по всем правилам военного искусства, и бить мы их будем с особенным удовольствием: за все виселицы, за керченский ров, за лукьяновское кладбище в Киеве, за обесчещенных девушек, за черное зло, которое принесли с собой эти выкормыши палача Гитлера".

7 апреля

Я главным образом рассказываю о больших газетных материалах. Но в каждом номере были и небольшие заметки. Они шли, как говорят газетчики, на подверстку. Но если вчитаться, это хроника необычайных, удивительных подвигов. Вот заголовки некоторых из заметок, они о многом говорят:

"17 суток в осажденном танке",

"Огнем трофейной зенитки сбиты три вражеских самолета ",

"В горящем танке на штурм высоты",

"Геройство восьми советских воинов",

"Благородный поступок кавалериста Михина" и т. д.

О каждом из этих эпизодов можно было бы написать обширную корреспонденцию, очерк, может быть, даже балладу. Но это далеко не всегда удавалось. Не хочу упрекать наших корреспондентов. Не могу и на свою душу взять грех. Просто невозможно было поспеть за всем, да и газетная площадь имеет свои границы.

Павленко неутомим. Мы послали его в Крым подлечиться, а он махнул рукой на все свои болезни, курсирует по фронту и шлет свои очерки и корреспонденции. Сегодня опубликована его корреспонденция "Хозяева и вассалы на поле боя". Это рассказ о презрительном отношении гитлеровцев к румынским войскам и ненависти румын к своим хозяевам. Писатель основательно порылся в штабных и политотдельских донесениях, сам допросил не одного немца и румына и нарисовал точную картину их взаимоотношений. Один из допрошенных Петром Андреевичем - пленный солдат 3-й роты 42-го немецкого полка некий Вилли Кнопп - так отзывается о своих союзниках: "По три раза наши загоняли их обратно в окопы. Если позади румын нет наших пулеметов, эти подлецы ни за что не будут сражаться". У румын свой счет к немцам. "Где немцу плохо, там место румыну", - объяснил писателю пленный Ион Русу из 92-го румынского

пехотного полка.

Смысл же корреспонденции в заключительных строках: "Весна - пора любви. Но если чувство, которое испытывают весенние румыны к весенним фрицам называется любовью, то что же тогда ненависть?

Удары Красной Армии помогут "союзникам" разобраться в своих взаимных нежных чувствах..."

* * *

Поэт Илья Сельвинский продолжает присылать свои стихи. А сегодня по военному проводу передал очерк "Девиз хирурга". Помнится, я сказал ему добрые слова об этом очерке. Но не удержался - спросил, почему он изменил поэзии, перешел на прозу? Он ответил:

- Поэзии я не изменял и не изменю. Но бывают события, о которых хочется рассказать, не откладывая: не всегда и не сразу они вмещаются в стихи. Так было у меня и с этим хирургом...

В очерке Сельвинский рассказывает: в полевой лазарет привезли раненых с газовой гангреной конечностей. В коридоре стоял стон. Особенно волновал зычный, измученный болью крик сильного и, видимо, мужественного человека:

- Отрежьте мне руку. Слышите, вы, руку отрежьте!

Военврач 2-го ранга Сухинин, начальник отделения, бежит на крик.

- Кто такой? Как фамилия?

- Руку, говорю, отрежьте. Говорухин я, Василий Иванович. Сил моих нет.

Сухинин посмотрел руку, да ее, собственно, и нечего было осматривать. Черно-лиловая и разбухшая, без всяких признаков жизни, она уже издавала запах разложения.

Спас руку хирург профессор Гуревич. Все, что произошло в операционной, с таким чувством преклонения перед искусством хирурга описано Сельвинским, что профессор перед читателем предстает как великий кудесник. А события развивались так.

"Н-да, - проворчал Сухинин. - В таких случаях, действительно... даже сам Кляпп применяет ампутацию.

- А ну его к бесу, вашего Кляппа, - раздается чей-то задорный голос.

Сухинин обернулся - профессор.

- Но ведь она мертва.

- Смотря для кого. А ну-ка, землячок, за мной марш.

- Отрубать будете? - с надеждой спрашивает Говорухин.

- Отрубить не шутка. Мы попробуем кое-что похитрее..."

Не буду пересказывать, как Гуревич оживлял руку. Приведу лишь заключительные строки очерка:

"Профессор держит Говорухина за руку. Теперь удивленные его брови сдвинулись. Он молчит, он весь - напряженное ожидание. Казалось, все его нервы сосредоточились на большом пальце, который он держит под самой кистью больного... Рука мертва. Он вспоминает рассказ Мопассана о рыбаке, который хоронил свою руку. Он уложил ее в гробик, вырыл для нее могилку, устроил погребальную процессию. Рыбак отнесся к ней, как к самостоятельному организму, как к человеку, который мог жить, но умер. И точно так же относится к руке бойца Говорухина профессор Гуревич...

И как бы в ответ на эту могучую пульсацию воли под пальцем профессора, как отдаленное телеграфное постукивание Морзе, поползли далекие точки говорухинского пульса. Слабые, едва ощутимые, они с безграничным упорством передавали только одно слово: "Жизнь, жизнь, жизнь". Рука была жива".

Этот очерк был не просто интересным чтивом. Искусство хирурга. Сколько надежд было связано с ним у фронтовиков!

* * *

Правда войны сурова - не все были на фронте героями, попадались трусы, шкурники. Бывали и так называемые "самострелы", готовые потерять руку или ногу, лишь бы спасти свою жизнь. Были и так называемые "петушки". Эту кличку подслушал поэт Александр Прокофьев еще на войне с белофиннами. Речь шла о тех, которые не явно, а под благовидным предлогом пристраивались, например, к санитарам, выносившим раненых с поля боя, лишь бы уйти в безопасную зону. Прокофьев даже сочинил фельетон в стихах, который был напечатан в нашей газете еще тогда, в тридцать девятом:

- Ты откуда?
- Я - оттуда!
- Ты куда?
- Да я туда!
Помогать немножко буду,
Коль такая с ним беда!
Я тихонечко, шажком,
Я за вами петушком!

А уж прямой, неприкрытой трусостью было бегство с поля боя. Вот об одной из таких драматических историй и рассказывает на страницах газеты Яков Милецкий.

В мотострелковом полку служил младший лейтенант Иван Пономаренко. Во время боя он сбежал. Нашли его в глубоком тылу. Военный трибунал был строг и присудил младшего

лейтенанта к расстрелу, но в приговоре было сказано: "Принимая во внимание чистосердечное признание осужденного, его готовность стойко бороться с врагами Родины, Военный трибунал находит возможным понизить меру наказания... лишение свободы сроком на 10 лет". Решением суда исполнение приговора было отложено до окончания военных действий.

Пономаренко спорол знаки различия и командирские петлицы и отправился в боевую часть рядовым.

А далее с психологическим накалом идет рассказ о судьбе бывшего младшего лейтенанта. Он стал храбро воевать. В жарких боях за деревню Новоселки, когда пал командир отделения, Пономаренко возглавил отделение. Во время другой атаки он возглавил взвод. Пономаренко так мужественно воевал, что новички, прибывшие в полк, увидев его в бою, и верить не хотели, что этот мужественный боец когда-то бежал с поля боя.

Через некоторое время по ходатайству Военного совета Западного фронта сняли судимость с Пономаренко. А комиссар полка, вручая ему справку о снятии судимости, сказал: "Надеюсь скоро вас поздравить с званием младшего лейтенанта..."

Корреспонденция названа "Второе рождение".

12 апреля

Публикуется постановление Совета Народных Комиссаров СССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1941 год. Вспоминаю, что для многих это было неожиданным: идет война, какие еще премии? До того ли? Но это событие свидетельствовало о жизнестойкости нашей державы, неисчерпаемости ее духовных сил. А в редакции радовались еще и тому, что среди лауреатов есть и наши товарищи, корреспонденты "Красной звезды" - Илья Эренбург, Николай Тихонов и Константин Симонов.

На первой полосе - портреты лауреатов. Даны они не по ранжиру, не в том порядке, как в постановлении: на первом плане - наши краснозвездовцы. Но мы были уверены: нас поймут, не осудят за такое выражение радости и гордости за своих товарищей. Смотрю ныне на их портреты и удивляюсь: Эренбург и Тихонов выглядят совсем молодыми, хотя, возможно, здесь постарались редакционные ретушеры. А портрет Симонова и не нуждался в ретуши: совсем молодой - 27-й год!

Постановление получили поздно, но все же успели напечатать в этом же номере статьи, посвященные Эренбургу и Тихонову. Об Илье Григорьевиче написал Симонов. Не случайно

она была названа "Писатель-боец". Эренбургу была присвоена премия за роман "Падение Парижа". Обычно в таких статьях рассказывают о книге, ее художественных достоинствах и общественной значимости. Но в этом случае Симонов рассказал не о "Падении Парижа", а об авторе, писателе-бойце:

"Да, человеку уже давно не двадцать и не тридцать, он носит мешковатый штатский костюм, и в его походке, в движениях, в привычке медлительно разговаривать нет ничего от военного. Но его внешность никого не может обмануть. Этот немолодой штатский человек - солдат. Прежде всего - солдат. Мало того - солдат передовой линии...

На Западном фронте хорошо знают его сутуловатую фигуру. Вот он вылезает из машины, вот он идет вместе с командирами и бойцами туда, где рвутся снаряды, туда, откуда видно поле боя, - сегодня под Бородиным, завтра под Гжатском, то поле боя, которое сейчас он должен непременно увидеть своими глазами для того, чтобы завтра написать о нем так, чтобы оно встало в глазах сотен тысяч людей..."

Тихонову первая премия присуждена за поэму "Киров с нами" и другие стихи, написанные уже в дни войны. Проникновенные слова посвятил ему критик В. Перцов. Для нас, краснозвездовцев, особенно приятна высокая оценка его баллады о 28 гвардейцах. "Н. Тихонов сделал первую попытку поэтически отразить это легендарное единоборство людей с машинами и дать образы 28 героев. Поэма Тихонова полна благородной страсти и суровой простоты... Поэта Тихонова вдохновляет героическая муза - муза нашей борьбы и победы".

Статью о Симонове напечатали несколько позже - ее писал в Ленинграде Тихонов. И тоже не столько о довоенной пьесе "Парень из нашего города", за которую Симонову была присуждена первая премия, а о Симонове - "певце боевой молодости" - так и названа статья. Как прозорливо заглянул Тихонов в будущее!

"Идут бои, идет время... Кончится война. Мир вернется к новой, созидательной работе. Перед человечеством откроется океан возможностей. Оглядываясь на прошедшее, вспоминая пережитое, и славные дела, и героев, поэт найдет те слова, что останутся мучительно сладостными для людей, переживших мировой катаклизм, и новыми для поколения, пришедшего в жизнь после войны. Будущее опять станет принадлежать молодым поэтам, которыми не оскудевает наша земля, но Симонов будет от тех, что скажут голосом свидетеля. - и этот голос потрясет сердца...

Такие книги напишет и сам Константин Симонов, у него для

этого есть верный залог: его прямое участие в нашей борьбе, его требовательность к себе, его верность русскому слову и большое сердце".

Это было написано, когда шел десятый месяц войны...

* * *

Место командира в бою! Вечная проблема на войне. Существовала двуединая формула, которую образно - при помощи картофелин и курительной трубки изобразил Чапаев в одноименном фильме. В первоначальный период Отечественной войны не раз, а много раз бывало, когда командиры подразделений, полков, а норой и соединений в критические минуты первыми шли в атаку, увлекая за собой бойцов, и последними оставляли оборонительный рубеж. Потери среди командиров вследствие этого были большие. Можно ли их укорять за это?

Мы сами в газете очень много писали о такого рода геройстве командиров, быть может, даже чрезмерно много писали.

Но обстановка на фронте изменилась, по-иному виделись задачи командира в бою. Мы и предоставили слово одному из командиров стрелковых дивизий, полковнику С. Иовлеву, чтобы он поделился своим опытом и соображениями. Его статья "Место командира в бою" была поучительной. Комдив сразу предупредил, что не может быть рецептов на все случаи жизни. Но без оговорок, точно и определенно, он сказал, что время, когда командир лично ведет солдат в атаку, миновало. Надо находить свое место там, где можно видеть бои и управлять боем. Он привел примеры из боевой практики, свидетельствующие о том, к каким печальным результатам приводило, когда командир "бродил но боевым порядкам подразделений", и, наоборот, каких успехов он добивался, когда держал в своих руках управление боем.

Вспоминаю, что на эту тему во время одной из встреч у меня был разговор с генералом Василевским. Александр Михайлович прямо сказал:

- Надо беречь командира. Он нужен не для одного боя. Об этом следует сказать твердо и решительно...

Так мы и сказали в передовой статье "Место командира на поле боя":

"Надо покончить с ложным пониманием личной храбрости командира. Иной командир видит доблесть в том, чтобы во весь рост шагать под пулями... Личная храбрость командира выражается прежде всего в смелости решения, в искусстве твердого и неуклонного осуществления боевой задачи в любых условиях. Если, например, командир полка или батальона идет в

атаку с мелкими подразделениями - это безрассудный, ничем не оправданный риск, который принесет только огромный вред".

Мы и потом не раз в "Красной звезде" возвращались к вопросу о месте командира в бою...

* * *

Вчера с узла связи Генштаба принесли пачку бланков с наклеенными на ней телеграфными лентами. Это оказался очерк Петра Павленко. Над ним стоял заголовок "После одного воздушного боя". Что особенного и неизвестного могло случиться после воздушного боя? - подумал я. Но история оказалась необычной.

Летчик, младший лейтенант Радкевич, вел воздушный бой с "мессершмиттом". Он прошил его очередью, тот задымился и сел на нашей территории. Сделав несколько виражей над приземлившимся противником, Радкевич увидел: летчик выскочил из машины и побежал к линии фронта. Радкевич пошел на посадку, пересек немцу дорогу, решив захватить его живым или убить - как выйдет.

А дальше послушаем самого писателя:

"Немец бежал очень быстро... Теперь, когда покинут был воздух, оставлен самолет и бой продолжался на земле в нелетной атмосфере, Радкевич стал как бы пехотинцем. Он готов был бежать за немцем хоть целые сутки. Упорства и настойчивости у него было хоть отбавляй. На втором километре он сократил расстояние между собой и немцем до 300 метров. Немец часто переходил на шаг. Устал, выбился из сил и младший лейтенант... На третьем километре расстояние между противниками сократилось до сорока шагов.

Немец бежал, зажав в руке маузер...

- Сдавайся! - младший лейтенант показал жестом, что немцу нора поднять руки вверх".

И немец - высокий, здоровый, головы на две выше Радкевича - не выдержал.

Рядом с очерком - фото Виктора Радкевича: широкоплечий парень в кожанке и шлеме, с веселыми глазами и хитрой улыбкой. Таким его запечатлел Темин на аэродроме.

Через неделю мы опубликовали сообщение, что младший лейтенант Виктор Радкевич награжден орденом Красного Знамени.

14 апреля

"Ленинград сражается" - так можно назвать сообщение "В

последний час" о трофеях Ленинградского фронта с 1 но 10 апреля, опубликованное в сегодняшнем номере газеты. Среди уничтоженной боевой техники противника - 76 самолетов. Бои над Ленинградом не прекращаются ни на один день. Но особенно тяжелые бои разгорелись вчера. Редакция связалась но прямому проводу с начальником штаба военно-воздушных сил Ленинградского фронта полковником Семеновым. Приведу несколько выдержек из интервью:

"Корреспондент. Расскажите, как была отражена атака фашистской авиации.

Начальник штаба. Фашистские самолеты появились на подступах к городу в 18 часов 45 минут. Нашими постами было зафиксировано несколько групп неприятельских самолетов общей численностью до 100 машин. Противовоздушная оборона города была немедленно приведена в действие: зенитчики создали на подходах к городу стену огня, наперерез фашистам вылетели наши летчики-истребители. Защитникам Ленинграда удалось расстроить боевой порядок немцев. Рассыпавшись, фашистские самолеты устремились к городу небольшими группами. Зенитчики открыли мощную прицельную стрельбу. В первые же 15-20 минут на различных участках они сбили шесть вражеских машин. Некоторые воздушные бои возникли непосредственно над городом. Беспорядочно сбросив бомбы, они, не принимая боя, старались уйти. Наши летчики летели вслед, настигали их.

Корреспондент. Ваши замечания о тактике немцев в этом полете.

Начальник штаба. Судя по всему немцы тщательно готовились к налету. Их тактический замысел заключался в том, чтобы выполнить налет двумя своеобразными группами. Первую группу составляли маневренные пикирующие бомбардировщики "Ю-87". Их задача была протаранить линию нашей противовоздушной обороны и дезориентировать ее. Вторую группу составляли бомбардировщики "Ю-88" и "Хе-111". По замыслу врага, они должны были нанести удар по объектам бомбардировки. Действуя быстро и решительно, наши летчики и зенитчики успешно отразили оба удара немцев, расстроив их планы...

Корреспондент. Сообщите о потерях врага и наших потерях.

Начальник штаба. В итоге сбито 18 неприятельских самолетов и подбито 13. Наши потери: поврежден один самолет, который, однако, дотянул до аэродрома, ранены два летчика".

Об этом сражении мы рассказали подробно для того, чтобы показать, что суровые лишения и жертвы не сломили ленинградцев. Они продолжают героически сражаться с врагом.

Публикация о победах в воздушном, бою - тому свидетельство.

* * *

Сегодня опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении званий Героев Советского Союза четырнадцати воинам. Среди них - посмертно Панфилову Ивану Васильевичу, прославленному командиру прославленной гвардейской дивизии, носящей теперь его имя. Указ пришел поздно, но мы все же успели напечатать большой, на две колонки, портрет Панфилова и статью "Генерал гвардии". Много добрых слов в ней о старом чапаевце, храбром и искусном военачальнике, имя которого легенда уже подняла на свои широкие крылья и понесла по всей Советской стране.

Есть в очерке и проникновенные строки из поэмы Николая Тихонова:

Герой подтянутый и строгий,
Стоит Панфилов у дороги.
Ему, чапаевцу, видны
В боях окрепшие сыны.
Глядит в обветренные лица,
На поступь твердую полков.
Глаза смеются, он гордится:
Боец! Он должен быть таков!
Его боец!.. Пускай атака.
Пусть рукопашная во рву
Костьми поляжет и, однако,
Врага не пустит на Москву.

В Указе еще одно знакомое имя: красноармеец Дыскин Ефим Анатольевич. Вспомнил: в ноябре сорок первого года в редакции раздался звонок из армии К. К. Рокоссовского. Звонил командующий артиллерией армии генерал-майор В. И. Казаков. Торопливо, взволнованным голосом говорит:

- У нас в армии артиллеристами совершен подвиг, равного которому не было за все время боев за Москву. Рокоссовский просит вас срочно командировать писателей. Желательно Симонова или Павленко...

Никого из писателей в редакции тогда не было. Под рукой оказался Трояновский, прибывший на несколько часов в редакцию из Тулы. Я ему и предложил:

- Вы недавно были у Рокоссовского. Съездите-ка еще раз. - И рассказал о звонке Казакова.

Трояновский сразу же отправился в 16-ю армию. Вот что он там узнал. В критические дни битвы за Москву в эту армию был

направлен 694-й зенитный полк. Там его поставили как противотанковый на одном из главных направлений, откуда немцы пытались прорваться к столице. За три дня боев батарея подбила большое количество танков. Особенно отличилась третья батарея, а на этой батарее - наводчик комсомолец Дыскин. Пять раз он был ранен, но, не оставляя своего поста, подбил семь танков и погиб.

Трояновский встретился с комиссаром полка Федором Бочаровым, побывал в медсанбате у раненого командира орудия Семена Плохих. Вместе с генералом Казаковым отправился на огневые позиции батареи. Там, у трех березок, они увидели могильный холм, на котором стоял столбик с вырезанной из фанеры звездой. На дощечке химическим карандашом были написаны даты рождения и смерти красноармейца Дыскина. У Рокоссовского спецкор ознакомился с наградным листом, по которому наводчик представлен к званию Героя Советского Союза, посмертно.

На второй день Трояновский вернулся в редакцию и рассказал о своей поездке секретарю редакции Александру Карпову. Подвиг Дыскина показался Карпову невероятным, и он сказал: "Обождем печатать. Дождемся Указа". Меня в то время в Москве не было, выезжал в Перхушково, а когда вернулся, уже не застал Трояновского. Карпов пересказал мне историю Дыскина. Согласился с его решением: подождать с публикацией.

Указа все не было. Но вот сегодня он пришел. Напечатали мы небольшой, без деталей материал - и не Трояновского, а Ильи Эренбурга...

Прошло четыре с лишним десятилетия. Звонит мне Павел Трояновский:

- Вы помните наводчика Дыскина из армии Рокоссовского, куда вы меня посылали по звонку Казакова? Ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

- Немного помню.

- Так вот, он жив...

И Трояновский стал мне рассказывать. Позвонил ему Казаков, теперь уже маршал артиллерии. Оказывается, в той могиле был похоронен другой солдат. Дыскина же увезли в медсанбат, оттуда - в госпиталь, а затем на Урал. Там он пролежал до 1944 года. "Меня собирали по частям", - с юмором объяснил Дыскин, почему так долго задержался в госпитале.

Любопытна история и о том, как он узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза. В те апрельские дни сорок второго года, когда он лежал в госпитале в Свердловске, по радио передали Указ. Врачи и товарищи кинулись к Дыскину в палату и

стали поздравлять его с высокой наградой. Но он поздравления не принял. Считал, что речь идет об его однофамильце. Написал М. И. Калинину. Михаил Иванович ответил, что звание Героя присвоено именно Ефиму Анатольевичу Дыскину, и поздравлял солдата.

После войны Ефим Анатольевич Дыскин закончил Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова в Ленинграде, он генерал-майор, профессор, начальник кафедры той же академии.

Ленинградская киностудия выпустила фильм "Солдат", посвященный бывшему артиллеристу, в котором мы с Трояновским подробно рассказали, что и как тогда произошло.

19 апреля

Красные флажки на моей карте, обозначавшие линию советско-германского фронта, застыли в неподвижности: на всех девяти фронтах и в двух отдельных армиях перешли к обороне. Ясно было, что ни один из командующих фронтом не мог на свой страх и риск подписать такой приказ. Вероятно, была директива Ставки. Отправился я в Генштаб, к Бокову, чтобы ознакомиться с ней. А он развел руками: нет такой бумаги. Однако я узнал, что Сталин, не раз и в марте, и в апреле отвергавший предложения командующих ряда фронтов о переходе к обороне, теперь вынужден был посчитаться с реальностью.

Расскажу о нашей работе в те дни, когда войска перешли к стратегической обороне.

Если посмотреть на крупномасштабную карту военных действий, легко увидеть, какой извилистой стала линия советско-германского фронта. На ней то наши выступы в немецкую оборону, например барвенковский, то противника в нашу, например ржевско-вяземский. Это были плацдармы, с которых позже развернулись крупные операции. Если же рассмотреть "пятисотку", там таких выступов (правда, меньшей площади) множество. Их во фронтовом быту называли по-разному: "аппендицитами", "языками", "балконами"... В дни стратегической обороны шли беспрерывные бои ради того, чтобы срезать вражеские или расширить наши выступы, занять более прочные и выгодные позиции. Об этих боях так называемого местного или частного значения - репортажи и корреспонденции наших спецкоров, конкретные, лаконичные. А хотелось подробно рассказать, что за этим стоит. Такое задание и было дано Симонову.

- Поезжай на Западный фронт, - сказал ему, - посмотри своим

писательским оком, что и как там. Ассигную тебе целую неделю...

Вместе с Габриловичем и фоторепортером Минскером Симонов отправился в 5-ю армию. Оттуда - в стрелковую дивизию, где мы с ним побывали в феврале, в полк майора Гриценко. Вернулся он в редакцию и вручил мне большой, подвального размера, очерк "День, в который ничего не произошло". Написан он был не только обстоятельно, но и живо, со множеством деталей. Очерк воссоздавал картину тех самых "операций местного значения" во всей ее многогранности.

Симонов прибыл в полк, когда шли бои за рощу, где зарылись немцы. Ее здесь называли по-медицинскому "аппендицитом" и поступили с ней, как остроумно заметил Симонов, "по-медицинскому - именно то, что полагается с ней сделать: зашли вглубь и отрезали". Затем корреспондент стал очевидцем боя за другую рощу - "Дубовую". Схватка была жестокая, но "Дубовую" взяли. Полк улучшил свои позиции. Немцы потеряли свыше сотни убитыми и восемь пленными. Были и у нас потери: смертельно ранен политрук Александренко, увезли в госпиталь и майора Гриценко.

Словом, типичная картина боев местного значения. В масштабах фронта и армии такие бои мало что значили и, вероятно, в оперативных сводках не отражались.

Очерк понравился, но прежде, чем отправить его в набор, я зачеркнул симоновский заголовок "День, в который ничего не произошло" и поставил другой: "Обычный день". Симонов вопросительно посмотрел на меня. Я объяснил:

- Как ничего не произошло? А улучшение позиций? А сотня перемолотых немцев из весеннего резерва? А кровь наших бойцов?

Возражать Симонов не стал, но в Собрании сочинений очерку вернул старое название. В дневнике он рассказал, с каким чувством писал этот очерк, что думал тогда:

"Когда я писал, мне хотелось хоть в какой-то мере объяснить другим то, что было тогда на душе у меня самого. Ощущение повседневной тяжести войны, бесконечных людских трудов, со зрелищем которых было связано мое раздражение против бесконечно легкомысленных вопросов, которые ежедневно волновали многих московских попрыгунчиков и служили предметом обсуждения у "пикейных жилетов": "почему мы остановились?", "почему сегодня в сводке опять ничего не взяли?", "почему?", "почему?"... Да вот потому! Потому, что ради взятия этой, не обозначенной ни на каких картах, кроме пятисотки, круглой рощицы нужно всем, начиная от командира полка, еще в сороковой или пятидесятый раз за зиму рисковать жизнью,

потому, что ради этого кому-то нужно умереть. И все это очень трудно, и особенно тогда, когда общий большой порыв наступления уже иссяк".

Прочитал я эти записи не после войны в книге "Разные дни войны", а в те же самые апрельские дни, когда Симонов в очередной раз принес мне листы своего дневника, чтобы я их положил в сейф. Он объяснил:

- Твой заголовок более точный. То, что в дневнике, ты все равно не напечатал бы. Но я хотел отвести душу и хотя бы в заголовке ответить "пикейным жилетам"...

* * *

Наша армия перешла к стратегической обороне. В тылу готовились резервы. Ковалось оружие. В войсках подводили итоги минувших операций, успехов и неудач, стремились глубже изучить сильные и слабые стороны гитлеровского командования. Наша армия готовилась к грядущему наступлению и вместе с тем к оборонительным боям; сомнений, что немцы начнут новое наступление, не было.

Это стало главным и для нас.

Фронтовые корреспонденты и ныне, в дни затишья, работают энергично и оперативно. Непрерывно идут в редакцию их корреспонденции, статьи, а также присылаемые ими выступления командиров и политработников всех родов войск. Вот названия материалов, анализирующих сильные и слабые стороны противника: "Что показали танковые атаки немцев", "Действия немецких минометов на равнине", "Артиллерия немецкой танковой дивизии", "Весенняя тактика бомбардировщиков врага" и т. п. Но большая часть статей посвящена анализу опыта боевых действий наших войск. Это тоже видно по заголовкам: "Защита флангов в наступлении", "Организация разведки", "Танки в прорыве блокады" и др.

Я не ошибусь и не преувеличу, если скажу, что все эти публикации были своего рода школой и для фронтовиков, и для готовящихся в тылу резервов. А что это так, убедил нас, кроме всего прочего, один документ - копия директивы командующего войсками Средне-Азиатского военного округа, присланная в редакцию "для сведения": "Командирам соединений и отдельных частей, начальникам военных училищ. В системе командирской учебы со всем составом проработать статью полковника тов. Дермана "Обучение и воспитание на опыте войны", помещенную в "Красной звезде"...

Стоит, пожалуй, привести и такой пример. В августе прошлого года в боевых частях появились противотанковые ружья (ПТР). Было их немного. Теперь они шли широким потоком на

фронт. Повсеместно на фронте и в тылу формировались группы бронебойщиков, обучались владеть этим оружием. И мы, понятно, не могли остаться в стороне. Напечатали статью заместителя командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Ф. Костенко "Грозное оружие против вражеских танков". Генерал рассказал в ней о достоинствах ПТР. Об уязвимых точках вражеских танков. О выборе огневых позиций. О месте бронебойщиков в боевых порядках нехоты. О стойкости, выдержке и хладнокровии как главном условии успеха. Увы, это было последнее выступление Костенко, в мае мужественный генерал погиб в бою под Харьковом.

Вслед за этим напечатали корреспонденцию Якова Милецкого, побывавшего на учебном плацу одной из дивизий Западного фронта, где шла учеба бронебойщиков. В противотанковое ружье так поверили, рассказывает спецкор, так высоко оценили это оружие, что, когда формировались группы и даже подразделения бронебойщиков, отбоя от желающих не было. Учились с большим старанием. Командиры сетовали: "Не успеваем приготавливать макеты. Их разбивают с первых выстрелов".

* * *

После почти трехмесячного перерыва снова появилось в газете имя писателя Василия Ильенкова. С ним приключилось вот что. Полуторка, на которой он возвращался из боевой части на Калининском фронте, наскочила на мину. Водителя нашли без сознания, вцепившегося обеими руками в руль, а Ильенкова, раненного осколком мины, выбросило из машины, он получил еще и травму плеча. После госпиталя писатель вновь вступил в корреспондентский строй. Далеко мы его пока не пускали. Первая его поездка была в бомбардировочный полк. И вот сегодня появился очерк с интригующим названием "Пегая лошадка".

В полку Ильенков встретился с летчиком Зайкиным. Ночные полеты - стихия этого летчика. Укрываясь во мгле, его самолет прорывался к немецким военным базам у Бухареста, внезапно появлялся над нефтяными вышками, над аэродромами противника в Германии. Зайкин и штурман Минкевич всегда возвращались благополучно. Они ни разу не прыгали с горящего самолета, не садились на верхушки деревьев, не прилетали на одном моторе. 60 раз летали в глубокий тыл врага и ни разу не привезли ни одной раны, ни одной царапины.

Один из иностранных летчиков, чья база была на этом аэродроме, спросил:

- А с каким талисманом они летают?

Ему объяснили, что советские летчики летают без

талисманов, считая это предрассудком. Но он упорно твердил:

- Не может быть! Столько "очных полетов и ни одного происшествия! У них есть талисман. Вот мне тоже везет, но я беру всегда с собой в самолет пегую лошадку... Детская игрушка, сшитая из материи. Очень помогает! Однажды я забыл ее взять с собой и потерпел аварию. У них, конечно, есть своя пегая лошадка, которая приносит им счастье...

Ильенков тоже спросил летчиков, но шутливо:

- Может быть, в самом деле у вас есть эта... "пегая лошадка"?

Минкевич расхохотался громко, раскатисто. Зайкин сдержанно улыбнулся...

* * *

Илья Эренбург выступил сегодня со статьей "Душа народа". В его руках оказалась газета "Ангрифф" от 2 апреля, в которой напечатаны размышления обер-лейтенанта Готтхагдта "Народ без души". Обер-лейтенант провел несколько месяцев в захваченных немцами областях России и возмущается нашими людьми. "То, что здесь не смеются, можно объяснить бедствием, но отсутствие слез действует ужасающе. Всюду и всегда мы наблюдаем упорное безразличие даже перед смертью... Разве это не ужасно? Откуда у этих людей берется сила упорно обороняться, постоянно атаковать? Это для меня загадка".

Заметка немецкого офицера и послужила писателю поводом, чтобы написать о величии духа советских людей:

"С какой гордостью мы читаем признания немецкого офицера! Он может быть думал, что наши девушки будут улыбаться немцам? Они отворачиваются. И немец ищет объяснения - почему русские не смеются? Он отвечает себе: трудно смеяться среди виселиц. Но вот девушку ведут к виселице, и она не плачет, у нее сухие суровые глаза. Обер-лейтенант думал, что она будет плакать. Он рассчитывал, что палачи насладятся ее страхом, ее слабостью, ее слезами. Но заповедное сокровище - русские слезы: они не для презренных гитлеровцев. Щедра наша земля и щедры наши люди, они презирают скупость, и только в одном случае слово "скупая" русские произносят с одобрением: "скупая слеза" может быть одна, самая страшная, слеза матери... Не дано немцам увидеть эти слезы. В темноте ночей плачут матери Киева и Минска, Одессы и Смоленска. А днем палачи видят сухие глаза и в них огонь ненависти".

23 апреля

"Весна в воздухе" - так называется сегодняшняя передовая

статья. На земле - затишье, а в воздухе в эти дни боевые действия немецкой авиации оживились. Особую активность противник проявляет в районе Старой Руссы, на Западном, Калининском и Юго-Западном фронтах. Что нового в воздухе? Передовица отвечает так: изменилась тактика врага. Смешанными группами бомбардировщиков и истребителей они действуют преимущественно на поле боя, по боевым порядкам наших войск и ближним тылам. Правда, время от времени немецкая авиация предпринимает нападение большими группами на Ленинград, Севастополь, Мурманск. Однако здесь нет осмысленных оперативных целей. Это больше для морального давления. Причем потери немцы несут значительные.

Так в передовой рисуется обстановка на воздушных фронтах. А отсюда требование, которое предъявляется нашей авиации. Эта тема развивается в корреспонденции Николая Денисова "Поучительный бой". Он пишет о том, что при умелом использовании огневой мощи и маневренности самолетов можно малыми силами противостоять крупным воздушным группировкам врага. Именно об этом говорил Сталин в связи с подвигом эскадрильи капитана Еремина - бить врага по-суворовски, не числом, а умением...

* * *

Петр Павленко пишет из Крыма, где весна уже в полном разгаре. Его корреспонденция называется "Весенний перелет". Но речь в ней идет о перелете не птичьих стай, а немцев, перебрасываемых с Запада на советско-германский фронт, в частности в Крым. Писатель рассказывает о своей беседе с двумя немецкими солдатами, сдавшимися в плен. Там, на Западе, во Франции, Бельгии, они вели веселую жизнь. А здесь, в Крыму, попали в такой переплет, что подняли руки вверх. Любопытно признание одного из них, живописца вывесок Бруно Кнюппеля:

"Я даю эти показания не по слабости характера и не потому, что я трус. Я нарушаю свою присягу сознательно. Нас обманули. Мы не знаем, зачем сюда пришли и за что воюем. Поэтому я считаю себя обязанным откровенно давать показания. Я стою перед вами не как изменник родине, а как солдат, обманутый командирами..."

* * *

Много самых разных стихов напечатал в "Красной звезде" Алексей Сурков главным образом о солдатском мужестве, о любви к Родине, о жестоких сражениях. А сегодня опубликовано его лирическое стихотворение "Письмо". Вот как оно начинается:

Как волны морские бегут к кораблю,

Вливалась толпа в суматоху вокзала.
Короткое, тихое слово - "люблю"
Ты мне, расставаясь, впервые сказала.
Я враг суеверий. Но здесь говорят,
Любимых, по старой солдатской примете,
Не трогает пуля, обходит снаряд.
И верю я в глупые россказни эти...

Конечно, это не "Землянка", но, напечатав эти незамысловатые, забытые потом самим поэтом стихи, большого греха, думаю, мы не сделали...

Не сходила со страниц газеты партизанская тема. Репортажи и очерки наших корреспондентов, статьи самих партизанских командиров широко освещали борьбу советских людей в тылу врага. Большой интерес вызывали очерки наших спецкоров, пробиравшихся через линию фронта в партизанские районы. Опубликована статья работника Центрального штаба партизанского движения, батальонного комиссара И. Волкова "Боевое взаимодействие с партизанами". Центральный Комитет партии поставил перед партизанскими отрядами и подпольными организациями задачу - оказывать помощь наступающим частям Красной Армии. С честью и доблестью они ее выполняют.

В статье приводятся многочисленные примеры боевого взаимодействия партизан с частями наших войск на Брянском, Юго-Западном, Южном, Северо-Западном и Западном фронтах. На одном из участков Северо-Западного фронта партизанский отряд постоянно нарушал управление войсками врага, рвал его связь там, где наши войска наносили удар. За короткое время партизаны вырезали 1700 метров кабеля. На пути отступления немцев народные мстители разрушили мост, а когда он был восстановлен, вновь его взорвали. Партизаны Брянского фронта оказывали неоценимую помощь разведке: выявляли огневые точки неприятеля, добывали штабные документы, захватывали "языков" и даже умудрялись переправлять их через линию фронта.

В эти дни я ознакомился с докладной запиской Московского обкома партии о партизанском движении в Подмосковье. Мое внимание привлекла одна из самых значительных операций в области - угодско-заводская, в результате которой был разгромлен штаб немецкого корпуса и уничтожен гарнизон немцев. Возглавлял операцию председатель Угодско-Заводского райисполкома М. А. Гурьянов. С группой партизан он ворвался в здание райисполкома, где и расположился штаб корпуса, забросал немцев гранатами. Но при отходе раненый Гурьянов был

схвачен немцами. Его пытали, требуя выдать места дислокации партизанских отрядов. Ничего не добившись, гитлеровцы повесили его на балконе райисполкома.

В этот район, к тому времени уже освобожденный нашими войсками, выехал Василий Ильенков и вскоре привез очерк. Назывался он "Жизнь", но в подзаголовке стояло: "Рассказ". Я прочитал и спросил: "Почему рассказ?"

Ильенков объяснил, что собрал большой материал о Гурьянове, кстати, недавно посмертно награжденном Золотой Звездой Героя, но хотел глубже раскрыть духовный мир своего героя - какие-то вещи домыслил. Рассказ был опубликован в двух номерах "Красной звезды".

29 апреля

Как уже говорилось, наши войска перешли к стратегической обороне. В Ставке она была определена как "активная стратегическая оборона". Наряду с этим было решено провести частные наступательные операции в Крыму и в районе Харькова, а также в некоторых других районах. На эти фронты мы послали в помощь нашим постоянным корреспондентам группу спецкоров. На Юго-Западный фронт отправился Михаил Розенфельд.

Чтобы рассказать о довоенной биографии Розенфельда, потребовалось бы много страниц. Не было той горячей точки, где бы он не побывал: на дальней зимовке, на ледоколе "Малыгин", в экспедиции "Эпрон", в знойных песках Каракумов во время автопробега в несколько тысяч километров, на борту подводной лодки, в гондоле дирижабля, в 1929 году в Маньчжурии он летал на бомбежку укреплений белокитайцев под Чжалайнором, всеми правдами и неправдами пробрался в Испанию. За подвиг по спасению экипажа затонувшего в Баренцевом море ледокола был награжден орденом Трудового Красного Знамени...

С Розенфельдом я познакомился на Халхин-Голе. Он прибыл туда как корреспондент "Комсомольской правды". Но мы его, как и всех спецкоров центральных газет, заграбастали, он осел в "Героической красноармейской" и остался там до конца войны.

Розенфельд жил в соседней со мной редакционной юрте, но его койка почти всегда пустовала. Он дневал и ночевал на передовой. Появившись в редакции, не входил, а врывался в мою юрту - высокий, с неугасаемой мальчишеской улыбкой, воодушевленный, словно намагниченный увиденным, и начинал с ходу -рассказывать, каких он видел героев за рекой Халхин-Гол.

- Садись и пиши, - говорил я ему. - Пойдет в номер.

- Уже, - отвечал он и клал мне на стол исписанные карандашом листики.

Когда успел? Писал он обычно на "передке" - в солдатском окопе, в блиндаже. Его корреспонденции и очерки дышали боем или, как у нас говорили, пороховым дымом. В "Героической красноармейской" сложился неписаный закон (он перешел потом в "Красную звезду"): не засиживаться в редакции, большую часть времени проводить на передовой, непременно видеть бой и людей в бою своими глазами, быстро писать, быстро доставлять материалы в редакцию и так же быстро уезжать снова на фронт. Розенфельд строго придерживался этого правила.

Когда началась Отечественная война, почти всех, кто с нами работал на Халхин-Голе, и во время войны с белофиннами, мы забрали в "Красную звезду". Никак не могу вспомнить, почему Розенфельд вначале оказался за "бортом" нашей газеты. Возможно, не хотели обидеть младшую сестру - "Комсомолку". Но в эти дни я подготовил проект приказа наркома обороны о призыве Розенфельда в кадры РККА и назначении его корреспондентом "Красной звезды". Приказ был подписан и копия его отправлена редактору "Комсомольской правды" Борису Буркову. Конечно, он протестовал, но такие приказы не подлежат обжалованию, да еще в военное время. Бурков до сих пор, во время наших встреч, попрекает меня, что я поступил "нетактично".

Во время первой же беседы с новым корреспондентом я понял, что он и сам рад, что вернулся в свою халхингольскую семью. Розенфельд сразу же попросился в командировку на фронт. Отправился в войска, где предстояла Харьковская операция, закончившаяся для нас поражением, а для него трагически.

Операция еще не началась, но наш спецкор нашел свои темы. Первая его корреспонденция называлась "Весенняя галерея". Она на ту же тему, что и павленковский "Весенний перелет", только сделана по-другому. Розенфельд побывал в одной из украинских хат, где допрашивали захваченных в плен немцев, и рассказал о том, что услышал и увидел. Одни вели себя вызывающе и нагло, заявляя, что не сомневаются в окончательной победе фашистов и именно в этом, сорок втором, году. Другие в победу не верили и даже ругали Гитлера, но к их признаниям спецкор отнесся скептически: "По-видимому, они всячески стараются заслужить у нас благорасположение..." Вывод он сделал осторожный: "Преждевременно было бы делать какие-либо окончательные заключения о составе "весенних резервов" Гитлера". И был прав. Вскоре выяснилось, что это были не те неполноценные, негодные

резервы, о которых довольно часто писали в ту пору, а гитлеровцы, способные упорно сражаться.

* * *

В сегодняшнем номере газеты напечатана статья нашего постоянного автора с Северо-Западного фронта К. Андреева "Старший начальник и подчиненные". Она продолжает разговор, начатый 12 апреля командиром стрелковой дивизии полковником С. Иовлевым.

Вот вопросы, которые Андреев поставил:

О стиле работы старшего начальника и его взаимоотношениях с подчиненным командиром;

О мелочной опеке и ее отрицательных последствиях;

О подмене, грубом вмешательстве в действия подчиненного командира во время боя;

О стремлении начальника делать все за своих подчиненных.

Автор привел примечательное высказывание русского генерала Михаила Скобелева: "Начальник, который стремится сделать все за всех сам, делает сразу два преступления: мешает другим и сам ничего не успевает".

В статье примеры - и положительные, а еще больше отрицательных, показывающих, что надо преодолеть, изжить...

26 апреля Гитлер выступил перед депутатами рейхстага с длинной речью. Эренбург прокомментировал отрывки из этой речи:

Гитлер. Испытания, которые мы перенесли зимой, послужили нам прекрасным уроком... Европа не переживала подобной зимы 140 лет... Мои люди работали при 52 градусах мороза, а Наполеон бежал при 25 градусах...

Эренбург. "Депутаты" кричат "хайль" - их фюрер оказался на 27 градусов крепче Наполеона!..

Гитлер. Я действовал беспощадно и жестоко, чтобы сурово и решительно одолеть судьбу... Там, где нервы не выдерживали, где был отказ от дисциплины или непонимание своего долга, я принимал жестокие решения в силу суверенного права, которое я, по моему мнению, получил для этого от германского народа.

Эренбург. Палач считает, что право убивать народ ему дал народ, он только скромно добавляет "по моему мнению". Мнения расстрелянных он не спрашивает. Он лишь беспрерывно повторяет слова "жестокий": "жестокие решения", "жестокие действия", "жестокие приговоры". На трибуне рейхстага паясничает первый мясник мира. Он даже не снял замаранного фартука. Он даже не вымыл рук. Он пахнет кровью, и этим запахом он хочет запугать немецкий народ.

Гитлер. Потребовал от рейхстага "чрезвычайных

полномочий". В ответ депутаты возгласили, что Адольф Гитлер является и "фюрером", и "главнокомандующим" и "верховным судьей". Они предоставили ему "чрезвычайные полномочия".

Эренбург. Отныне, согласно резолюции рейхстага, Гитлер может рубить головы, "не считаясь с существующими законами", и расстреливать "без суда и следствия"... "Борец за цивилизацию", "первый крестоносец Европы" в апреле 1942 года заявляет, что нет законов, кроме прихоти его левой ноги, нет суда: его, Гитлера, дурь - это и законодатель, и следователь, и судья, и палач...

Конечно, такого диалога не было. Но это не меняет сути...

На газетной полосе это выглядит по-иному: статья как статья. Это я, перечитывая её, выстроил для большей выразительности как диалог.

Май

1 мая

Обычно в такой день, а также накануне газета выглядит торжественной, праздничной. Этой традиции мы не изменили и ныне. Но пламя суровой войны бросило свой отблеск на праздник труда и мира. Опубликован хорошо известный моим современникам приказ наркома обороны Сталина, где прозвучали слова: "Всей Красной Армии - добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!" (Об этом приказе - речь впереди.)

Напечатаны статьи военачальников, очерки, рассказы писателей, стихи, корреспонденции журналистов. Привлекает внимание статья командира танкового корпуса генерала А. И. Лизюкова "Сталинская гвардия". Незадолго до праздника мы стали искать автора для статьи о гвардии. Как раз в это время прибыл с Юго-Западного фронта в Москву Лизюков. Имя его было хорошо известно. О подвиге Лизюкова в первые дни войны у Борисова, на Березине, спасшего тысячи советских воинов от окружения и гибели, сложились легенды. Лизюкову одному из первых военачальников 5 августа отдельным Указом Президиума Верховного Совета было присвоено звание Героя Советского Союза. В битве за Москву он командовал знаменитой 1-й Московской мотострелковой дивизией. О нем много писали, не раз имя Лизюкова появлялось и на страницах "Красной звезды". Лизюков был человеком образованным, большой эрудиции; закончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, затем преподавал. Еще в 1927 году в аттестации Лизюкова было записано, что он занимается военно-литературной работой, даже писал стихи. Словом, лучшего автора для задуманной нами темы и не надо.

Пригласили Лизюкова в редакцию. Зашел ко мне человек среднего роста, плотный, с живым быстрым взглядом и ранней лысиной, увеличивавшей лоб, но совсем не старившей его. Поздоровались, и я с ходу спрашиваю:

- Александр Ильич, получили наши поздравления?

Лизюков сделал недоуменное лицо и, как мне показалось, чуть растерянным голосом, не зная, что я имею в виду, спрашивает:

- Какое?.. С чем поздравление?.. Нет, не получал...

А я имел в виду прежде всего очерк "Полковник Лизюков", опубликованный в "Красной звезде" сразу же после присвоения ему звания Героя. Кстати, хорошо помню дискуссию о названии очерка. Когда мне принесли верстку, над ним стоял заголовок броский, патетический. Но я его зачеркнул и поставил новый: "Полковник Лизюков": пусть, мол, знакомые обрадуются, а незнакомые запомнят это имя, выделенное в заголовке крупным шрифтом. Имел я в виду и передовую статью в "Красной звезде" - "Наша гвардия", посвященную преобразованию первых дивизий, в том числе и 1-й Московской, в гвардейские, где тоже много добрых слов было сказано о Лизюкове. Это я ему и объяснил. Лизюков рассмеялся и сказал:

- Читал, читал... А разве в таких случаях благодарят? - пошутил он.

После этого разговора нам нетрудно было уговорить комкора Лизюкова, приехавшего в Москву всего на несколько дней, написать статью для первомайского номера газеты.

О советской гвардии за истекшие полгода у нас было опубликовано немало статей и очерков. Но Лизюков нашел еще, какие-то новые грани этой темы. Любопытна параллель, которую он провел, сравнивая боевые условия, в которых сражались старая гвардия и советская гвардия в Отечественную войну:

"Дни славы гвардии вошли в летопись военных побед короткими наименованиями полей битв - Гавгамелы... Полтава... Аустерлиц... Лейпциг...

Но как ни громкозвучны эти символы смелости и отваги, звезда нашей гвардии лучезарней всего блеска прошлой гвардейской славы. Стоит лишь вдуматься в то, что представляет собой современный бой, чтобы убедиться в полной справедливости этого утверждения...

Не легко, не просто было македонскому копейщику заградить себя щитом от вражеской стрелы или гусару Мюрата проскакать по чистому полю навстречу кавалерии неприятеля. Куда труднее современному бойцу ползти под огнем минометов и автоматов к исходному рубежу или единоборствовать с танком врага. Можно сказать, что если войны прошлого требовали минутного порыва, ослепительной, но короткой, как удар молнии, вспышки отваги, то теперь нужен постоянно действующий героизм, неиссякаемое упорство, идущее из сердца волна за волной, непреходящие стойкость и твердость, равные граниту.

И советская гвардия, закалившаяся в боях, оказалась именно той могучей силой, какая полностью соответствует характеру современных битв".

Хорошая, глубокая статья. Но, увы, это было последнее

выступление Лизюкова. Через два месяца, в июльских боях под Воронежем, он трагически погиб, его нашли (и то не сразу) бездыханным в развороченном вражескими снарядами танке, на котором Лизюков, уже на посту командующего 5-й танковой армией, прорывался к одной из своих бригад.

Не могу умолчать о трагической судьбе Лизюкова и в довоенную пору и после войны. В 1939 году его, тогда командира танковой бригады, ни в чем не повинного, честного, ничем не запятнанного коммуниста с девятнадцатого года, репрессировали. Я упоминал, что Александр Ильич любил поэзию и даже сам сочинял стихи. И вот из тюремной камеры он каким-то чудом передал жене, Анастасии Кузьминичне, стихи, написанные на клочке бумаги.

Невозможно в словах передать,
Сколько мне довелось отстрадать,
Отстрадать ни за что и невинно.
Присмотрись-ка ко мне, это видно:
Нет уж прежнего блеска в глазах,
Серебристая седь в волосах.
На морщинах лица, точно шрамы,
Глубоко залегли мои раны.

Накануне Великой Отечественной войны Лизюкова выпустили на свободу и вновь он надел военную форму. Но и посмертно произошла чудовищная несправедливость. Когда Сталин узнал, что 5-я танковая армия осталась без командующего, он сказал:

- Лизюков у немцев? Перебежал?..

То ли Сталин запомнил, что Лизюков опротестовал его план боевых действий армии, предложив свой, то ли сыграла свою роль подозрительность к военным кадрам, оставшаяся еще от мрачных и недобрых времен репрессий, но так или иначе брошенная Сталиным реплика сыграла роковую роль: имя Лизюкова было предано забвению. Лишь спустя много лет честь и достоинство Александра Ильича, мужественного генерала и беспредельно преданного Родине и партии коммуниста, были восстановлены.

* * *

"Инициатива в наших руках" - так называется большая, на три колонки, статья начальника штаба Калининского фронта генерала, впоследствии маршала М. В. Захарова. На поучительных примерах он показал, как много добиваются войска, когда инициатива в их руках. Правда, статья раскрывает эту тему в тактическом и оперативном плане, на опыте действий

полков, дивизий и армии, не касаясь вопросов стратегической инициативы. Однако, как известно, перейдя к обороне и закрепляя успехи зимнего наступления, мы стремились сохранить за собой и стратегическую инициативу, а немцы хотели во что бы то ни стало вырвать ее из наших рук. Как можно об этом умолчать в статье? Вот в ней и прозвучало предупреждение: "Активные действия наших войск истощили противника и сорвали его планы весеннего наступления. Но это не значит, что немцы не будут пытаться использовать малейшую возможность для того, чтобы любой ценой вырвать из наших рук инициативу и самим перейти в наступление. Они подвозят резервы - людские и материальные, стремясь использовать благоприятные условия весны и лета".

События последующих дней показали, что это предупреждение было ко времени. Вот только надо ли было статье давать такой громогласный заголовок? Не помню, сам ли Захаров так написал, или мы постарались.

И еще одна статья видного военачальника - командующего Черноморской группой войск генерала И. Е. Петрова - "Твердыня Черноморья. Шесть месяцев обороны Севастополя". Много было в нашей газете корреспонденции, очерков, статей о героической обороне Севастополя, но, пожалуй, впервые так обстоятельно и откровенно, быть может, даже излишне откровенно, рассказано о том, как организована оборона города. Но, наверное, без этого невозможно было бы понять, как сумели севастопольцы шесть месяцев выдерживать натиск немецких войск, отстоять нашу крепость на Черном море и у ее стен уложить свыше 50 тысяч немецких солдат и офицеров. О мере этой откровенности можно судить хотя бы по таким строкам:

"Артиллерия. Она составляет главную ударную силу, которая обеспечивает устойчивость обороны Севастополя... В артиллерию сухопутного сектора обороны входят орудия разнообразных типов и калибров. Важно отметить, что обычные полевые батареи усилены дальнобойными батареями береговой обороны, а в особо острые моменты с успехом применяется огонь корабельной артиллерии. Наличие в полевых войсках и в береговой артиллерии дальнобойных систем позволяет успешно маневрировать огнем, не меняя позиций, а пользуясь лишь заранее оборудованными дополнительными наблюдательными пунктами".

Статья написана несколько суховато. Но каждая строка ее дышит героическим пафосом.

Генерал Петров заявил через "Красную звезду": "Оборона Севастополя надежна. Защитники города понимают, каково его

значение. Бойцы и командиры Севастопольского гарнизона готовы и дальше мужественно оборонять родной город".

* * *

В предпервомайском и праздничном номерах газеты много писательских материалов, как, впрочем, и за все время войны - их столько, что критик Л. Лазарев заметил: "Красная звезда" оказалась в ту пору самой "литературной" газетой..." Стоит только назвать имена писателей, опубликовавших в этих двух номерах "Красной звезды" очерки и стихи, чтобы убедиться, что это действительно так: Алексей Толстой, Илья Эренбург, Алексей Сурков, Константин Симонов, Микола Бажан, Петр Павленко. Перец Маркиш, Савва Голованивский, Борис Галин, братья Тур. Однако это вовсе не значит, что наша газета перестала быть военной: весь без исключения литературный материал работает на войну, на нашу победу!

Об этом свидетельствует напечатанная в сегодняшнем номере статья Алексея Толстого "Грозная сила народа". Она неизменно входила во все Собрания сочинений писателя и хорошо известна. Хочу обратить внимание лишь на содержащиеся в ней слова великой надежды: "Сегодняшний день Первого мая единственный в истории человечества, другого такого не будет: через год мы украсим милые волосы наших подруг цветами победы..." Тот же мотив, что и в приказе ("талина, только, так сказать, лирический.

Добрые слова обращены Толстым к советским воинам: они бесстрашны, яростны, сноровисты. И слова гнева, презрения и ненависти к немецким фашистам - "сукиным сынам", "злым, бесцельно жестоким", "цепным негодяям"... Конечно, это не политическая характеристика гитлеровцев, а скорее нравственная. Но ненависть к заклятому врагу подсказывала и не такие слова...

Первомай 1942-го не был отмечен ни парадом, ни демонстрацией, хотя, вспоминая ноябрьский парад сорок первого года, многие думали, что уж теперь, после нашей зимней победы, парад обязательно будет. Но Центральный Комитет партии и Совнарком объявили первое и второе мая рабочими днями. В тылу его отмечали за станком и плугом, а на фронте - боевыми делами. Об этом "Первомайская баллада" Алексея Суркова:

Поет, пролетая, снаряд
Над прелью весенней земли.
Четвертые сутки подряд
Ресниц мы смежить не смогли...
Расстрелян последний патрон.
Усталостью пальцы свело,

Но все-таки наш батальон
С рассветом ворвался в село.
Взорвался последний фугас,
Смолкает винтовочный лай,
И вспомнили мы, что у нас
Сегодня с утра - Первомай...
Слепящая ярость вперед
Рванула усталых людей.
За речку мы бросились вброд
По пояс в холодной воде.
Греми, нашей ярости гром,
Штыками преграды ломай...
Вот так мы в сорок втором
Встречаем свой Первомай.

7 мая

Второго, третьего и четвертого мая газета не выходила. Эти дни, как и до войны, были для "Красной звезды" и других газет, кроме "Правды", выходными. Какие там выходные могут быть на войне, спросит читатель? Но это были выходные не для нас, работников редакции, а для газеты: экономилась бумага. С ней было туго. А работники редакции, от литературных сотрудников до редактора, воспользовавшись передышкой, выехали на фронт. Я отправился в Перхушково, к Жукову. Вечером вернулся в Москву. И не с пустыми руками. Привез вот такой документ:

"Приказ № 0482

войскам Западного фронта.

3 мая 1942 года

Действующая Красная Армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

Орденом Красного Знамени

1. Старшего батальонного комиссара Симонова Кирилла Михайловича.

Орденом Красной Звезды

1. Интенданта 2-го ранга Бернштейна Михаила Самойловича,

2. Интенданта 2-го ранга Милецкого Якова Аркадьевича,

3. Старшего политрука Трояновского Павла Ивановича.

Командующий войсками Запфронта

генерал армии Жуков
Член Военного совета
Западного фронта Хохлов"

Вспоминаю, как это было. Когда я зашел к Жукову, увидел, что он сидит за столом и подписывает приказы о награждении воинов фронта. Рядом стоял полковник и подкладывал ему все новые и новые наградные листы. Мне показалось, что свою подпись на них Жуков ставит с особым удовольствием; он был рад, что можно наградить тех, кого он посылал на смертный бой за Москву. Вот ведь как просто, подумал я, подписал - и с этой минуты человек с орденом. Даже позавидовал такой власти! Заметил это Жуков или нет, не знаю, но вдруг сказал с какой-то неожиданной интонацией:

- А что? И твоих бы сюда...

- У меня таких прав нет, - ответил я, а затем, смекнув, что, видно, неспроста было сказано, добавил: - Георгий Константинович, а, между прочим, наши корреспонденты неплохо поработали на твоем фронте. Сам знаешь.

- Что же. - сказал он, - давай их сюда. Кого?

Я назвал четырех наших спецкоров. Жуков всех их знал. Помнил очерки Симонова, боевые корреспонденции Трояновского, снимки Бернштейна. Все они были ему знакомы еще по Халхин-Голу. Читал он репортаж и очерки Милецкого. Напомнил я, как мужественно вели себя наши работники на передовой, добывая материалы для своих выступлений в огне боев.

- Подготовьте приказ, - поддержал меня Жуков, обращаясь к полковнику, и добавил: - Симонова на Красное Знамя, остальных - на Красную Звезду.

И вот приказ подписан. Сразу же в отделе кадров фронта сняли для меня копию, и, обрадованный, я помчался с ним в редакцию...

* * *

Надо готовить очередной номер газеты. Заработала редакционная машина. Пишется передовая статья, посвященная первомайскому приказу Сталина. Дело это несложное - пересказать его. Ничего своего мы, понятно, не добавляли. Единственное, что сделали, - выделили жирным шрифтом те строки приказа, которые, по нашему разумению, являлись самыми важными.

Хотел бы здесь сказать подробнее о требовании добиться, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецких захватчиков. Впервые эта задача, как я уже писал, была поставлена в январской директиве Ставки. В открытой печати

нигде об этом не было сказано ни слова. Только в передовой "Долг наших войск", опубликованной в "Красной звезде" 11 января, мы впервые сказали об этом. До сих пор удивляюсь: как это мы без согласия Ставки, от своего имени открыто сказали то, что было за семью печатями. Однако нахлобучки за самовольство не последовало. Вот только мои коллеги, редакторы центральных газет, одолевали меня вопросами: откуда, мол, все это? Указание Сталина? Пришлось отделываться общими фразами...

Напомню, что в своей речи на параде войск Красной Армии 7 ноября Сталин говорил: "Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, - и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений". Но как это произойдет? Тогда пошли у нас передовые и статьи, комментирующие положения, выдвинутые Сталиным на торжественном заседании Моссовета и в речи на параде. А что касается тех "нескольких месяцев", "полгода", "годика", мы это обошли; не развивали эту тему потому, что не знали, как это обосновать. Не знали не только мы. Никто, кого я спрашивал, не знал. Думаю, что и сам Сталин этого не знал...

Что же касается январской директивы Ставки, которой была посвящена наша передовица, то там эта проблема воспринималась по-другому. Успехи, достигнутые Красной Армией в зимнем наступлении, вселяли надежду, что разгромить гитлеровцев можно уже в этом году.

Но вот пришел май. Наше наступление заглохло. Почему? После войны об этом было рассказано более или менее подробно. Это просчеты Ставки, неоправдавшиеся надежды, что к лету резервы Германии иссякнут, переоценка наших сил и возможностей. Отсутствовал к тому же второй фронт. И не видно было, что он откроется в ближайшее время. И все же снова в приказе появился сорок второй год!

Между прочим, уже после войны, в разговорах о том приказе некоторые мои собеседники - военачальники, журналисты, люди других профессий - утверждали, что они тогда усомнились в реальности прогнозов, сделанных Сталиным и в ноябрьской речи сорок первого года и в первомайском приказе сорок второго года. Конечно, все может быть: сколько людей, столько и мнений. Но в воспоминаниях полководцев и видных военачальников об этих сомнениях - ни слова. В своих книгах, где они прямо и откровенно писали и о просчетах Ставки, и о своих ошибках, о спорах со Сталиным, нигде, даже намеком, не упомянули, что их смутили в те дни прогнозы Сталина об окончании войны в сорок втором году...

Что уж нам говорить! Мы следовали общему течению. За

первой передовой последовала в сегодняшнем номере газеты специальная передовая под заголовком "В 1942 году окончательно разгромить немецких оккупантов". Еще несколько раз об этом говорилось на страницах "Красной звезды", но вскоре горькая действительность перечеркнула наши надежды.

* * *

Однако я бы не сказал, что мы благодушествовали. Не было сомнений, что немцы не позднее лета вновь предпримут наступление если не на всех фронтах, то на ряде стратегических направлений. И к этому надо быть готовыми. В сегодняшней передовой прозвучало предупреждение: "Нельзя, однако, допускать и тени самоуспокоенности, благодушия. Предпосылки победы - это еще не сама победа... Предстоят ожесточенные бои. Нет сомнений, что немцы не раз еще попытаются вырвать инициативу из наших рук".

В общем, надо было и нам, газетчикам, тоже думать и действовать. В Ставке, в центральных учреждениях Наркомата обороны подводились итоги минувших боев, составлялись директивы, инструкции, указания. Нам отставать нельзя было. Больше того, на то газета и газета, чтобы быть впереди. Так, во вчерашнем номере появилась статья нашего танкиста подполковника Петра Коломейцева "Отражение танковых ударов". Он рассказывает об изменениях в боевых действиях немецких танковых частей за истекшие десять месяцев. Такой же поучительной была и статья нашего общевойскового специалиста полковника Ивана Хитрова.

"Науке побеждать" посвящена статья члена Военного совета армии дивизионного комиссара С. Колонина "Чему научил бойца опыт войны". Вот его наблюдения.

Обычным делом стала стрельба из орудий прямой наводкой, требующая, понятно, выдержки, стойкости, большого искусства.

Преодолели "танкобоязнь" и пехотинцы. Ныне они не прячутся и тем более не бегут от вражеских танков, а встречают их всеми видами пехотного оружия: гранатами, бутылками с горючим, стрельбой из противотанковых ружей.

Не испугать теперь красноармейца и парашютными десантами; нередко еще до того, как парашютисты приземлились, их расстреливают в воздухе.

Вот такие перемены. За десять месяцев войны успели закалиться не только бойцы переднего края, но и весь состав армии, в том числе и Тыловые бойцы. Кто не помнит, сколько хлопот доставляли нам в свое время, указывает дивизионный комиссар, налеты вражеской авиации на обозы, автоколонны, штабы? А теперь? Теперь, увидев немецкий самолет, обоз

останавливается, ездовые и шоферы берут винтовки и по команде ведут огонь по воздушному противнику. Немецкие летчики уже почувствовали опасность пехотного огня и стали держаться на почтительной высоте, что значительно снижает прицельность бомбежек и пулеметного огня.

И еще один вывод. "Всякого немца повидал наш боец: и нахального летнего, и битого зимнего, и одичавшего весеннего. Повидал и понял, что самое верное средство для достижения победы в бою - это максимальное сближение с противником..."

Все, что рассказано в статье, подкреплено убедительными примерами, взятыми из жизни...

* * *

И, наконец, статья Ильи Эренбурга "О ненависти" - одна из тех, что особенно запомнились на фронте и в тылу. С первых дней войны Эренбург писал о том, что позже было сказано в приказе Сталина: "...нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души". В сегодняшней статье писатель подробнейше раскрывает этот тезис:

"Неутомимая темная злоба испепеляет сердце фашизма... Злоба движет каждым солдатом фашизма..."

А на противоположном полюсе, у советских людей, - другие чувства, другие идеи:

"Русский народ пережил большую и трудную жизнь; не розами была устлана его дорога к счастью и к совершенству.

Но и в самые тяжелые годы своей истории русский человек ограждал себя от темной злобы...

Чувство злобы не соблазняет нас и теперь... Мы говорим не о злобе - о ненависти, не о мести - о справедливости...

Мы не мечтаем о мести: может ли месть утишить наше негодование? Ведь никогда советские люди не уподобятся фашистам, не станут пытать детей или мучить раненых... Если мы решили уничтожить фашистов, то только потому, что на земле нет места для фашистов и для людей - или фашисты истребят человечество, или люди уничтожат фашистов. Мы знаем, что смерть не может победить жизнь, и поэтому мы убеждены в том, что мы уничтожим фашистов"...

9 мая

Вчера вернулся из Ставки, встревоженный делами на Керченском полуострове. Немецко-фашистские войска начали наступление и прорвали наш фронт. А ждали мы совсем иного.

Надо, видимо, напомнить историю этих событий. Еще в

начале января началась операция по освобождению Крыма. Вскоре немцы сами перешли в наступление и вновь захватили Феодосию. В феврале намечалось возобновить наступление войск Крымского фронта. Оно было назначено Ставкой на 13 февраля. Однако работавшие там наши корреспонденты ничего не сообщали. Решили подбросить туда еще и Симонова. Но он возвратился с пустыми руками. Наступление наших войск, начавшееся только 27 февраля, захлебнулось. Симонов рассказал о наших неудачах на Керченском полуострове, их причинах, причем так обстоятельно, что казалось, передо мною сидит не писатель и журналист, но опытный штабной офицер, глубоко разбирающийся в оперативных делах. Когда я затем побывал в Генштабе, убедился, что расхождений в оценке событий в Крыму у генштабистов и писателя нет. Более того, выводы Симонова оказались дальновидными. Он говорил не только о прошедшей операции, но и о будущем, и его прогнозы оправдались. Память может подвести, поэтому я приведу запись в дневнике, которую сделал тогда Симонов:

"...Когда я возвращался из армии сначала в Керчь, а потом в Москву после зрелища бездарно и бессмысленно напиханных вплотную к передовой войск и после связанной со всем этим бестолковщины, которую я видел во время нашего неудачного наступления, у меня возникло тяжелое предчувствие, что здесь может случиться что-то очень плохое". А уже в послевоенных комментариях к дневнику он добавил: "Нет, я не лгу, говоря, что тяжелые предчувствия у меня возникли в душе уже тогда, в феврале и марте". Могу засвидетельствовать, что в изданной книге "Разные дни войны" Симонов оставил все, как было написано тогда о Керчи, не изменив ни слова.

Кстати, стоит сравнить его записи со страницами книги А. М. Василевского о Керчи. Тогда не трудно будет убедиться, что многое в оценке ситуации военачальника и писателя совпало.

Единственное, что Симонов привез из Крыма, - это стихи "Атака".

Когда ты по свистку, по знаку,
Встав на растоптанном снегу,
Готовясь броситься в атаку,
Винтовку вскинул на бегу,
Какой уютной показалась
Тебе холодная земля,
Как все на ней запоминалось:
Примерзший стебель ковыля.
Едва заметные пригорки,

Разрывов дымные следы,
Щепоть рассыпанной махорки
И льдинки пролитой воды.
Казалось, чтобы оторваться,
Рук мало - надо два крыла.
Казалось, если лечь, остаться,
Земля бы крепостью была.
Пусть снег метет, пусть ветер гонит,
Пускай лежать здесь много дней.
Земля. На ней никто не тронет.
Лишь крепче прижимайся к ней.
Ты этим мыслям жадно верил
Секунду с четвертью, пока
Ты сам длину им не отмерил
Длиною ротного свистка
Когда осекся звук короткий,
Ты в тот неуловимый миг
Уже тяжелою походкой
Бежал по снегу напрямик.
Осталась только сила ветра,
И грузный шаг по целине,
И те последних тридцать метров,
Где жизнь со смертью наравне!

Вот она, истинная, неприкрашенная, суровая правда войны! Чувства и переживания человека в бою!

- Хорошие стихи, - сказал я Симонову. - Но отрываться от земли надо!

- И без этого ясно, - ответил поэт.

- Ясно-то ясно. А надо еще яснее. Дописал бы ты несколько строк.

Ушел Симонов. Буквально через десяток минут вернулся с сочиненной им, можно сказать, на ходу концовкой:

Но до немецкого окопа
Тебя довел и в этот раз
Твой штык, которому Европа
Давно завидует у нас.

Получились не очень-то выразительные строки. Но стихи уже стояли в полосе, откладывать их не хотелось - так они и пошли. Не нравилась концовка и самому Симонову. Недаром в его собрании сочинений этих четырех строк нет. Теперь я вижу, что

можно было без них и тогда обойтись. Так что не всегда хорошо получается, когда требование начальства выполняется беспрекословно...

* * *

Напечатано трогательное стихотворение Николая Тихонова "Мальчики". Это рассказ о том, как ленинградский мальчик, зачарованный довоенными парадами, стал лейтенантом, командиром батареи и ныне ведет ответный огонь по фашистской артиллерии, ограждая от вражеских осколков такого же мальчика, каким он был когда-то:

Такого мальчика не тронь!
От ярости бледнея,
Вновь лейтенант кричал: огонь!
Бей беглым по злодеям!..

А в сегодняшнем номере опубликован и очерк Тихонова "Ленинград в мае". Этим очерком начались его вдохновенные письма из блокадного Ленинграда, печатавшиеся затем каждый месяц 30-го или 31-го числа. Последнее письмо из этой серии было опубликовано 30 января 1944 года, когда немецко-фашистские войска были разгромлены под Ленинградом и город освобожден от блокады.

Не помню точно, как Тихонов поначалу назвал свой первый очерк, опубликованный в эти дни. Но, читая его, я невольно вспомнил "Севастополь в декабре месяце" Льва Толстого. Очерки Тихонова по художественной манере и жанру напоминали севастопольские рассказы великого писателя. Мы решили так и озаглавить первый очерк, условились с Тихоновым, что он будет посылать очерки каждый месяц.

Известно, через какие рогатки проходили очерки Льва Толстого, как возмущался он тем, что цензура уродовала их, пытаясь сделать их "сладенькими", "без мысли и, главное, без цели". Я свидетельствую, что, несмотря на все ограничения, неизбежные для военного времени, суровую и горькую правду, что так мужественно и честно писал Тихонов в своих очерках о жизни и борьбе ленинградцев, печатали без изменений. Мы в редакции считали себя счастливыми, что могли нашему требовательному и взыскательному читателю, не выносившему высокопарности, фразерства и кичливости, представить очерки Тихонова в первозданном виде.

Первые очерки занимали чуть больше полуподвала. Но писателю было тесно в этих рамках. Да и мы это почувствовали.

"Пользуюсь оказией, - писал Тихонов мне, - чтобы сообщить

Вам, что Ваше согласие на расширение текста очерков о Ленинграде меня очень обрадовало. Действительно, подгонка каждый раз материала под размер "подвала" очень затруднительна. Писать обширно, не торопясь, чтобы в очерке был воздух и дыхание, - это то, что нужно для писателя. Сжатость не всегда достигает цели".

Объединенные общим заголовком "Ленинградский год", эти очерки вышли затем отдельной книгой и стали своеобразной летописью ленинградской жизни в дни блокады. "Красная звезда" напечатала статью, в которой как бы с дальнего расстояния, с вышки времени обозревала этот благородный труд писателя. "Вся страна читала с волнением простые и мужественные, как сама жизнь, очерки Николая Тихонова, - писала наша газета, - и, следя за ними, получала представление о том, как живет, борется, страдает и побеждает героический, гордый город. Сила очерков Николая Тихонова заключается не в их литературной красивости, не в изысканности слова, а в той благородной мужественности, какая является неотъемлемым элементом духовного строя Ленинграда и ленинградцев, в той суровой правдивости, которая впечатляет душу человека и оставляет в ней след навечно... Очерки, их правильнее было бы назвать письмами, задушевными беседами писателя, художника, по справедливости могут быть названы документом эпохи, летописью грозной эпохи великой войны. Можно с уверенностью сказать: дети наши когда-нибудь с благоговением перелистают ее страницы, ибо в них - правда нашей священной борьбы... Тихонов своей неутомимой творческой деятельностью вселял бодрость в сердца людей, которые верили, знали - Ленинград, наш чудесный! Ленинград выстоит, победит, несмотря ни на что!"

Не буду отрицать, мне было радостно, когда Николай Семенович прислал "Ленинградский год" с теплой, дружеской надписью: "Дорогому другу и прародителю этой книги, ее крестному отцу - Д. Ортенбергу с искренней любовью". Конечно, есть здесь преувеличение, но я не протестовал: дружеское расположение Тихонова мне дорого.

* * *

О хронике фронтовой жизни, передаваемой нашими корреспондентами, я уже рассказывал. Хочу подчеркнуть снова, что хотя она составляла нередко несколько строк, но повествовала о необычайных, а порой легендарных подвигах советских воинов. Приведу еще несколько эпизодов.

Северо-Западный фронт. Командир отделения сержант Ягмуралиев доставил в свою часть трофеи: 6 немецких подвод с полевой почтой, деньгами и документами. Комсомолец принят в

ряды Коммунистической партии.

Брянский фронт. Старший сержант Иван Ерпилов, командуя группой бойцов из 23 человек, отбил нападение 200 немцев. Ерпилов был трижды ранен, но не вышел из боя, пока немецкая атака не была отражена.

Южный фронт. Кавалерист Михин находился вблизи от передовых позиций. Наблюдая за воздушным боем, он заметил, что немцам удалось поджечь наш самолет. Летчик выбросился на парашюте. Михин видел, что приземлился он на ничейной земле и с минуты на минуту мог быть убит или захвачен в плен. Михин решил спасти летчика. Он вскочил на коня и галопом помчался на выручку. Под вражескими пулями нашел раненого летчика и, взяв его на коня, доставил на пункт первой медицинской помощи.

Ленинградский фронт. Противнику удалось минометным огнем порвать связь передовых подразделений с командным пунктом полка. Немцы перешли в контратаку, и надо было срочно донести об этом командованию части. Выполнить эту задачу поручили лейтенанту Мезенцеву. Чтобы добраться до КП полка, надо было перебраться через озеро, а затем реку. Самоотверженный офицер, сняв с себя верхнюю одежду, кинулся в ледяную воду и переплыл озеро. Отдохнув в воронке от снаряда, Мезенцев подполз по-пластунски к реке, снова бросился в воду и доплыл до противоположного берега. Преодолев участок, непрерывно обстреливаемый противником, Мезенцев добрался до КП полка.

Такие заметки с каждого фронта, в каждом номере газеты...

* * *

"О ненависти", "Наша весна", "Падение Виши" - подобные статьи Ильи Эренбурга, занимавшие в газете три колонки или подвал, печатались не каждый день. Но каждый день Илья Григорьевич приносил мне небольшие заметки - на одну-две странички. Их можно было бы назвать "маленькими фельетонами". Собственно, такую рубрику я как-то хотел поставить над ними, но Эренбург запротестовал:

- Против фельетонов я ничего не имею. Но фельетон и война, - с шутливой интонацией заметил писатель, - не рифмуется. А потом, я никогда фельетонов не писал...

Согласился я с Ильей Григорьевичем. Больше того, когда мы печатали такого рода выступления других авторов, в том числе известного фельетониста "Правды" Давида Заславского, мы над его заметками тоже не ставили рубрики "Фельетон ".

Материал для своих заметок Эренбург добывал из немецких газет, радиоперехватов, трофейных документов. Строились эти заметки обычно так: цитата и комментарий к ней.

Попробую представить читателю в выдержках опубликованные сегодня и в предыдущих номерах газеты подобного рода заметки.

Из статьи "Фриц - историк":

"Весной немцев потянуло на историю. Немецкие газеты вместо победных сводок подносят своим читателям исторические изыскания. Так в "Кракауэр Цейтунг" от 11 апреля напечатана статья "Нарва - пограничный город Германии", в "Лицманштадтер Цейтунг" от 5 апреля - "Великая германская история Южной России", а в "Дейче Цейтунг ин Норвешен" от 18 апреля - "Немцы у Севастополя - на старой германской земле".

Это, конечно, не история, это эрзац-истории. Но фрицы привыкли к эрзацам...

История - ехидная наука. Настоящему историку нетрудно доказать... что Пруссия была некогда заселена славянами. Но нам сейчас не до истории: мы заняты истреблением "историков"..."

Из статьи "Законы войны":

"Газета "Остдейчер Беобахтер" пишет: "Украина, которая очень часто бралась в расчет, когда речь шла об обеспечении Европы продуктами питания, в этом году не сможет облегчить снабжение"...

Самая солидная газета Германии "Франкфуртер Цейтунг" пытается объяснить немцам, почему Украина подвела Германию: "Работать в Кременчуге не то, что в Париже. На Украине приходится работать среди инакомыслящих людей, реагирующих весьма неожиданно... Мы приучаем население оккупированных областей к тому, что война диктует свои законы"...

Украинцы по отношению к фрицам не "инакомыслящие", а просто мыслящие. Украинцы хорошо понимают, что такое гитлеровская "культура", и реагируют украинцы весьма логично. Если война не на живот, а на смерть против захватчиков кажется немцам "неожиданной", то скажем прямо - не знали немцы сердца Украины. Любит украинец помолчать - думает свою думу, но его не собьешь с толку - он свое знает... Не немцы учат украинцев законам войны. Нет, Украина теперь учит немцев: сюда пришли, отсюда живыми не уйдете".

* * *

С неменьшей нагрузкой работает и Борис Ефимов. Тоже выдает почти каждый день по карикатуре. Сегодня она называется "К весеннему сезону". Для эпиграфа к заголовку Ефимов нашел любопытную цитату: "Геббельсовская пропаганда объясняет задержку весеннего наступления ссылками на то, что "русская весна еще хуже русской зимы". "Если зимой приходилось терпеть мороз, то теперь наступлению немецкой армии мешают дождь и

грязь". На рисунке изображена витрина, а на ней объявление: "Внимание! Ввиду плохой погоды на востоке принимаются заказы на переделку эрзац-валенок в эрзац-галоши". В "мастерской" - Геббельс, конечно, с традиционным хвостиком и указывающим на витрину перстом. А подпись под карикатурой: "Геббельс заливает..."

В карикатуре одинаково важны и рисунок и слово. И то, и другое Борис Ефимович делал мастерски.

12 мая

Совинформбюро сообщает: "В течение 11 мая на Керченском полуострове наши войска вели упорные бои с перешедшими в наступление немецко-фашистскими войсками". Корреспонденты Петр Павленко и Александр Бейленсон молчат и даже не отвечают на наши телеграммы. Безуспешным оказался вызов к прямому проводу: их не смогли разыскать.

В Генеральном штабе мне сказали, что дела там плохи, но но предполагали, что разразится катастрофа. Ставка приказала командованию фронтом отвести войска за Турецкий вал, занять там оборону, остановить врага. Это казалось реальным. Мы были настроены оптимистически, об этом говорят строки в очередной передовой: "Враг повел наступление на Керченском полуострове. Собрав превосходящие силы, он сумел прорвать нашу оборону на одном из участков. Немцы пытаются изобразить это наступление как коренной поворот в ходе военных действий. Тщетные попытки!.. Войска Крымского фронта, нанеся уже врагу большие потери, могут и должны остановить врага и разбить его".

"Один из участков" - это была Керчь. Немцам удалось прорваться к городу и завязать там бой. Мы ожидали репортаж спецкоров с часу на час. Вероятно, думали мы, они тоже перебираются за Турецкий вал и вот-вот дадут о себе знать.

* * *

С апреля готовится Харьковская наступательная операция.. Планы были обнадеживающие, и, естественно, на Юго-Западный фронт выехала большая группа наших корреспондентов. Скоро, {1} считали мы, редакция будет завалена материалами. А пока все эти дни в помощь войскам, готовящимся к наступлению, печатаем статьи главным образом на материале действий войск этого же фронта. Например, "Некоторые вопросы наступательного боя дивизии", "Непрерывная разведка обороны противника". "Борьба с батареями противника". Большой интерес представляет статья комиссара полка И. Лящука "Наступательный порыв", тоже

присланная с Юго-Западного фронта. Он рассказывает о самоотверженной работе политорганов и комиссаров, о разнообразии в методах политической и воспитательной работы. Любопытная новинка (о ней идет речь в статье): в полку появились дзоты и блиндажи с названиями "Смелый", "Дерзкий". "Ни шагу назад". "За Родину", "Смерть врагу". Эти названия дали сами солдаты, их инициативу поддержали политруки.

Не скрывает комиссар и неудачи. Один из гарнизонов не выдержал напряжения боя, некоторые бойцы струсили и побежали, спасаясь от минометного огня. Малодушие оказалось для них роковым - на открытом месте многие из них погибли. Воспитание стойкости в бою остается одной из важнейших задач политработников.

* * *

Напечатан очерк батальонного комиссара Н. Старостина "Десантники". Это уже второй подвал, а впереди еще три. Вообще-то о десантах мы мало писали, а так подробно - в первый раз. Большая группа советских десантников была выброшена в помощь кавалерийскому корпусу генерала П. А. Белова, действовавшему в тылу врага в районе Вязьмы, чтобы прикрыть его с запада. В пяти подвалах автор многое сумел рассказать: о высадке десанта, разведке, боях с немцами, перехвате дорог, освобождении деревень и даже одного из городков... Немало в очерках колоритных сценок, выхваченных из жизни. Хотя бы такая.

Десантники постучались в одну избу. Старушка хозяйка открыла дверь.

- Немцы есть? - спрашивает один из десантников.

- Есть! А вы откуда взялись? Небось из окружения идете. Скорее тикайте отсюда, а то худо будет.

- Нет, мамаша. Не из окружения идем, а в окружение...

* * *

В первые дни апреля Константин Симонов "оглоушил" меня неожиданной просьбой. Диалог, который состоялся между нами, я помню, но более точно сможет рассказать о нем дневниковая запись писателя, в которой он даже похвалил меня за... чуткость. Вот эта запись:

"Обстоятельства на фронте были такие, что острой необходимости ехать куда-нибудь от "Красной звезды" пока не предвиделось. Но моя личная жизнь по некоторым причинам сложилась так, что я всей душой рвался уехать из Москвы на фронт. Я зашел к Ортенбергу и сказал ему, что, пока здесь, на Западном фронте, стоит затишье, я хочу еще раз поехать на север, на Мурманское направление.

- На сколько дней? - спросил он.

Я сказал, что хотел бы поехать на месяц.

- Черт вас знает, писателей. - сказал Ортенберг. - Когда нужно ехать, то вы только что начали писать, то еще не кончили! А как раз когда не нужно ехать и можно писать, вы проситесь ехать!

Я повторил ему, что хочу ехать.

И он со свойственной ему душевной чуткостью, которой люди, знавшие его хуже, чем я, за ним не подозревали, согласился на мою поездку на север".

Выехал Симонов вместе с Евгением Петровым. Кроме того" я послал с ним и нашего фотокорреспондента Олега Кнорринга. Целый месяц от Симонова ни слуху ни духу. Правда, не ограничивал его ни темой, ни оперативными заданиями, как это обычно бывает, тем более что на этом фронте - давнее затишье и сенсаций ждать не приходилось.

Возвратился Симонов в Москву не с пустыми руками. Отчитался пятью очерками. Первый из них "Солдатский юбилей" напечатан сегодня. В этом очерке и нарисована картина позиционной войны. В очерке рассказано о знакомом Симонову еще по прошлой его поездке на Рыбачий командире артиллерийского полка майоре Рыклисе; в день двадцатилетия службы в Красной Армии он накрыл немецкую батарею, долгое время досаждавшую нам. Вот откуда и название очерка.

* * *

16 мая

Сегодня для Керчи был трагический день. Немцы ворвались в город, бои продолжались еще три дня. Эвакуация полуострова проходила неорганизованно, наши потери были значительными. Ставка наказала командование фронтом и представителей Ставки. Поражение наших войск в Крыму достаточно подробно описано, и не вижу необходимости повторять известное. Вот только что хотел бы добавить.

В середине шестидесятых годов мне было поручено подготовить силами писателей сборник очерков "Маршалы Советского Союза". О Жукове я попросил написать Симонова. Не один день писатель беседовал с маршалом, и потом он написал повествование, которое назвал "Заметки к биографии Г. К. Жукова". Воспроизведены там записанные почти стенографически суждения Жукова о нашем поражении в Керчи. Их стоит привести:

"Сталин был человеком, который, если за что-то однажды зацепится, то потом с трудом расстанется с этой своей идеей или

намерением, даже когда объективные обстоятельства прямо говорят, что с первоначальным намерением необходимо расстаться.

В мае 1942 года Сталин сравнительно мягко отнесся к виновникам Керченской катастрофы, очевидно, потому, что сознавал свою персональную ответственность за нее. Во-первых, наступление там было предпринято по его настоянию, а также количество войск тоже было сосредоточено по его настоянию. Ставка, Генеральный штаб предлагали другое решение. Они предлагали отвести войска с Керченского полуострова на Таманский и построить нашу оборону там. Но он не принял во внимание этих предложений, считая, что, действуя так, мы высвободим воевавшую в Крыму 11-ю немецкую армию Манштейна. В итоге вышло, что армия Манштейна все равно была высвобождена, а мы потерпели под Керчью тяжелое поражение..."

Отступая от сюжетной линии своего повествования, хочу рассказать о судьбе повествования Симонова о Жукове.

Симонов с энтузиазмом взялся за эту работу. Вскоре я получил от него записку: "Со статьей о Г. К. - все сделаю, уже был у него и говорил с ним. Он слал тебе привет, выражал желание: повидаться бы. Сделаю в сентябре начале октября..."

Через некоторое время из Гульрипши, где писатель работал на даче, пришло его письмо, которое меня не могло не насторожить и даже взволновать: "Посылаю тебе материал, о котором условились. На мой взгляд, у меня не получилось такой вещи, которую можно было бы сейчас печатать - получается совершенно другое. Посылаю тебе просто как свидетельство того, что я приступил к этому делу и что мною сделано. Теперь для меня очевидно, что продолжать нет смысла, то есть можно продолжать, но это будет в стол. Может быть, я это сделаю, поговорим подробнее, когда прочтешь..."

Прочитал я рукопись о Жукове, занявшую более ста страниц. Прочел и увидел, как много в ней примечательного и интересного, как много важного рассказал Георгий Константинович Симонову, к которому он относился с большой симпатией и уважением. Рассказ может и должен получиться, я в этом не сомневался. И вот новое письмо, совсем меня огорчившее:

"Дорогой Давид, до получения твоего письма я колебался только в одном: продолжать ли мне эту работу именно сейчас или отложить ее на некоторое время в связи с тем, что, очевидно, она - при нынешнем отношении к истории скорей всего все равно будет лежать в ящике письменного стола.

Получив твое письмо, окончательно решил не откладывать и

закончить. Наверное, еще будет листа три, и более интересных, чем первый лист. Работу эту я сделаю. 7-го уеду в Сухуми работать и, видимо, в ближайший месяц сделаю.

Но не надо тешить себя иллюзиями. Такого рода работа - а никакую другую мне делать неинтересно, да и просто не смогу - при нынешнем, подчеркиваю при нынешнем, отношении к истории - света не увидит.

Как только все закончу, я пришлю тебе. Мне будет очень интересно твое мнение.

Если бы вдруг случилось чудо и у нас образумятся, то тогда другое дело; такая вещь, конечно, могла бы быть напечатана. Но надежд на такое изменение нравов у меня что-то мало.

Что же касается моих колебаний, ты должен понять их. Я дал тебе слово написать. Я люблю тебя и хотел бы выполнить слово. Я люблю и уважаю Жукова и рад был бы написать о нем. Но пойми мои чувства - человека, у которого лежит полтора года без движения рукопись, которую он считает лучшей из всего, что он написал (речь идет о дневниках за первые сто суток войны, которые затем стали началом "Разных дней войны". - Д. О.). Как трудно такому человеку сидеть и писать еще одну вещь, которая, по его весьма основательным предчувствиям, ляжет и тоже будет лежать рядом с предыдущей.

Вот единственная причина моих колебаний. Не по существу, а во времени когда это писать. Но как я тебе уже сказал, я писать все-таки буду. Характера, по-видимому, должно хватить".

Симонов затем привел в порядок свои записи, опубликовал первую главу "Халхингольские страницы", а все остальное по причинам, о которых говорилось, положил до лучших времен в стол.

Июль 1979 года мы провели вместе с Симоновым в Гурзуфе. Не раз у нас возникали разговоры о Жукове и о симоновской рукописи. Планов расширить свои "Заметки к биографии Г. К. Жукова" он не оставлял, надеялся, что в конце концов превратит их в книгу.

Это было меньше чем за месяц до смерти Симонова...

* * *

Опубликовано первое сообщение о боях на Харьковском направлении. Как обычно, краткое, в несколько строк. Наши спецкоры с разных участков этого фронта шлют подробные репортажи. Петр Олендер - о том, как развивается наступление. За три дня войска Юго-Западного фронта продвинулись на 20-30 километров. Успехи несомненные; немцы несут большие потери в живой силе и технике, освобождено немало населенных пунктов. Спецкор пишет об успехах без шапкозакидательства: "Враг

оказывает сильное сопротивление... Стремясь задержать продвижение наших частей, враг предпринял мощную танковую контратаку..." Словом, опытный тактик трезво рисует картину сражения.

На фронт вылетел наш танкист П. Коломейцев с наказом посмотреть, как там разворачиваются танковые бои. Заглянув накоротке на КП фронта и армии, он сразу же направился в дивизию генерала А. И. Родимцева. Действительно, на Харьковском направлении завязались крупные танковые бои. На одном из участков немцы бросили в бой танки тремя эшелонами: в первом шло около 100 машин, во втором 80, а в третьем 50 в полосе не более четырех километров. Не в пример начальному периоду войны: немецкая пехота не идет теперь в атаку без танков. Вот что рассказал Коломейцев. Стремясь добиться более тесного взаимодействия между танками и пехотой, противник применяет так называемые бронированные тележки, буксируемые танками. Чтобы срезать наш клин, немцы бросили в контратаку полсотни танков с такими тележками. 16 раз они за один только день атаковали части Родимцева, но, потеряв около двух десятков машин, отступили.

Еще об одном тактическом приеме противника рассказал спецкор, а именно о выброске парашютных десантов. Ранее они применяли их в наступлении, но потом, потерпев поражение, как правило, отказались от них. А вот сейчас пытаются забрасывать парашютистов в населенные пункты, окруженные нашими частями. Например, на один из полков дивизии Родимцева "свалилось" более ста десантников. Однако десант был полностью уничтожен: одни парашютисты были расстреляны еще в воздухе, другие взяты в плен.

С первых же дней нашего наступления хорошо проявил себя Михаил Розенфельд. Он прочно засел на передовой. Это видно из его корреспонденции:

"Бой сейчас происходит невдалеке от станции, и мы находимся в ста метрах от последних фашистских укреплений. Сквозь выстрелы ясно слышатся пронзительные голоса немцев..."

Эту корреспонденцию Розенфельд отправил 15 мая, а вслед за ней и письмо родным, помеченное этим же числом, но с письмом я ознакомился уже после войны. Вот оно:

"Началось большое наступление на Харьковском направлении. Все время разъезжаю, все время в степях под открытым небом. Вчера во время жестокого боя я отправился в самое горячее место и был от немцев в 120 метрах, не дальше и не ближе... Я был так близко, что мы им в рупор кричали:

- Эргиб дих - сдавайтесь, так вашу так!..

Настроение очень хорошее - ведь мы наступаем, а это для нас лучший праздник.

Кончаю писать. В 4 часа утра выезжаю на передовые".

* * *

С важной статьей "О партизанской борьбе" в этом номере выступил Михаил Иванович Калинин. Особое впечатление производят строки о новом этапе партизанской войны: "Помощь партизан Красной Армии в ее борьбе с немцами огромна, и удары партизанских отрядов по фашистам приобретают все большее значение в стратегии войны... Тесно взаимодействуя с армией, партизаны тем самым не только усиливают свои удары по врагу, но и предпринимают более обширные и тактически сложные операции... Недаром... наряду с директивами регулярным частям Красной Армии даются боевые задания партизанам".

Заказали мы статью Михаилу Ивановичу третьего дня. Прислал он ее в редакцию вчера днем, а под вечер с верстской статьи я отправился в Кремль. Калинин, как всегда в таких случаях, сразу же принял меня и тут же, при мне, стал читать верстку. Внес несколько небольших поправок, согласился с нашими, тоже небольшими поправками, подписал верстку и в обычном шутливом тоне спросил: "Ну как, подойдет, понравилась?" Обычно и я, как уже рассказывал, в тон ему отвечал: "Михаил Иванович, если бы не понравилась, разве я принес бы вам верстку?" Но на сей раз я молча большими буквами красным карандашом написал: "В печать. На вторую полосу, на самом верху". Михаил Иванович увидел эту надпись и рассмеялся. Он понял, что это был ответ на его вопрос.

* * *

Партизанская война вызывала огромный интерес у фронтовиков, и, естественно, как ни тесно было на газетных полосах, место для материалов о боевых действиях партизан всегда находили. Вот и сегодня получена статья первого секретаря ЦК партии Белоруссии П. К. Пономаренко "Белоруссия борется". И в его статье говорится, что "партизанское движение поднялось на высшую ступень". Отрадный факт: четыре района Белоруссии полностью очищены от немцев, там восстановлена Советская власть. О размахе партизанской борьбы свидетельствуют и признания врага. В приказе командования танковой группы № 415/42, который приведен в статье, записано, что все мероприятия по захвату и уничтожению партизанских отрядов не давали результатов. И это не единичный документ. Любопытно, что приказов о борьбе с партизанами гитлеровское командование отдавало немало, но некоторые из них попадали в руки партизан еще до того, как они становились известны тем,

кому предназначались. Каким образом это происходило? "Об этом говорить теперь, конечно, не стоит", вполне резонно замечает автор.

И еще одна публикация в эти дни - клятва ленинградских партизан. Она была опубликована в первомайском номере партизанской газеты "Народный мститель" и через линию фронта переслана в нашу редакцию.

Не было единой для всех партизан клятвы, как, скажем, воинской присяги. В каждом отряде принимали свою клятву. А клятва ленинградских партизан была такой: "Я клянусь, что умру в жестоком бою с врагом, но не отдам тебя, родной Ленинград, на поругание фашизму..." Есть в ней и такие слова: "Если же по своему малодушию, трусости предам интересы трудящихся города Ленина и моей Отчизны, да будет тогда возмездием за это всеобщая ненависть и презрение народа, проклятие моих родных и позорная смерть от руки товарищей". Чем-то схожа эта клятва с воинской присягой, еще более суровой и бескомпромиссной!

* * *

Алексей Сурков одарил нас - именно одарил! - прекрасной балладой "Песня о слепом баянисте", занявшей в сегодняшнем номере почти три колонки. Она посвящена Михаилу Попову, слепому баянисту одной из бригад, сражавшейся за, рекой Нарой в Подмосковье.

Пришел парнишечка чудной
В наш неуютный стан.
Тяжелый ящик за спиной,
В том ящике баян...
Сосновой палкой впереди
Нащупывает путь.
Зовет и просит: - Проводи
К бойцам куда-нибудь...
Быть может, песенка моя
Придется ко двору.
А если надо будет - я
Со зрячими умру.

И комиссар сказал писарю: "Впиши товарища в приказ". Так зачислен был баянист в первый стрелковый взвод. Поднимаясь спозаранку, слепой парнишка ходит по землянкам, играет на баяне.

Над прибережной кручей
На ветлах - воронье.

Баян ты мой певучий,
Оружие мое!
У края жизни смело
Лады баяна тронь,
И кажется, - запела
Далекая гармонь.
Мила она, как вести
О дальней стороне,
Как вести о невесте,
О друге, о жене.
И кажется - в небесной
Холодной вышине
Душа летит за песней
потерянной весне.
Та песенка простая
Понятна и близка.
И тает, отлетая,
Окопная тоска.
Но вот в ружье поднялся батальон:
В снегах лощины тесной,
Где берег Нары крут,
Сквозь смертный вихрь, за песней
Товарищи идут.
Провыла мина волком,
Рассвет качнулся, мглист,
И, раненный осколком,
Споткнулся баянист.
Но песня не умерла:
Звенит над болью жгучей
И гонит забытье...
Баян ты мой певучий,
Оружие мое!

Сидит у меня Сурков, ждет, пока я прочитаю балладу. Прочитал я и попросил:

- Алеша, прочитай вслух.

Читает он своим певучим голосом и, чувствую, волнуется. Спрашиваю:

- Было это?

Было. И имя баяниста известно. И бригада известна. И городок известен...

Ушла в набор песня; под заголовком ее поставили: "Посвящается Мише Попову, слепому баянисту N воздушно-

десантной бригады". А сейчас жалею, что не узнали его судьбу. Ищу и ныне и бригаду и героя-баяниста. Может, кто подскажет?..

* * *

"Братская могила" - так называется корреспонденция Евгения Габриловича, присланная с Северо-Западного фронта из-под Старой Руссы. Вот что увидел там писатель, следуя своим обычным маршрутом - на передовую:

"Древний лесистый, озерный край. Туман ползет по весенним дорогам, цепляется за кустарник, стелется над коричнево-красными валунами. Покачиваются огромные сосны под ударами ветра с озера. Холмы, речки, лощины, снова холмы..."

Один из холмов называется Лысой высотой. Он гол сверху, густо порос снизу кустарником. На вершине холма красный шестигранный обелиск. На деревянной доске, обращенной на запад, вырезаны две винтовки со скрещенными штыками. Под винтовками подпись: "Здесь покоятся командиры и бойцы, оборонявшие Лысую 26 апреля. Слава храбрым и непобедимым!" И фамилии погибших. Надгробный холм аккуратно устлан ельником. Справа, упираясь в весеннюю рыжую землю, стоит полуразбитый станковый пулемет. На доске под фамилиями погибших бесхитростные стихотворные строки:

Коль убьет меня пуля, скажите тогда:

- Умер за Родину он, за Россию...

За этот холм шло жестокое сражение небольшой группы советских воинов. Погибли Лазарев и Свиридов - расчет станкового пулемета. Был убит санитарный инструктор Седых; ему - редактору "Боевого листка" - и принадлежат стихи, вырезанные на доске под фамилиями погибших.

Вот и вся история. Печатая очерк, мы понимали, что этот рассказ об одной братской могиле будет замечен. Каждый на переднем крае понимал, что война без жертв не бывает, и хотел верить, что, если ему придется сложить голову на поле брани, имя его не будет предано забвению. В дни нашего отступления, когда поле боя оставалось по ту сторону фронта, много ли можно было сделать? Но и в дни нашего наступления, откровенно говоря, не все делалось, что можно и нужно было сделать. Существовали полковые команды музыкантов, которые по жесткому правилу войны были одновременно и похоронными и трофейными. Но не всегда они выполняли свои обязанности. Нередко эти команды, когда редели роты, направлялись на передовую. Сколько осталось безымянных могил! Проводить в последний путь товарища, друга, однополчанина - святой долг каждого и всех. Вот почему очерк Габриловича был так нужен.

* * *

Завершает полосы этого номера очерк писателя Натана Рыбака "Завод в степи". Сколько ныне уже читано-перечитано о подвиге тружеников тыла в годы Отечественной войны. Ничего нового я не добавлю, пересказав тот очерк. Но ведь это печаталось тогда, в горячие дни, по свежим следам. Приведу из очерка только один факт:

"В степи, за городом растут новые корпуса заводов... В мирное время эту огромную работу можно было бы с напряжением осуществить минимум в 2 года, строители это сделали за 6 месяцев... Стахановец Рахматулин за два дня выполнил норму на бетонировании полов на 870 процентов..."

19 мая

Наступление на Харьковском направлении продолжается. Наши спецкоры вновь сообщают об усиливающемся сопротивлении противника. Он подтянул авиацию, танки, корпусные и армейские резервы, беспрерывно контратакует. Командующий 38-й армией К. С. Москаленко, рассказывая о Харьковском сражении, в котором он принимал участие, вспомнил реплику бойцов, метко оценивавших обстановку тех дней:

- Ожил проклятый фашист, перезимовал...

Когда сдавался в набор "В последний час", в Генштаб пришло сообщение, что накануне из района Краматорска противник неожиданно нанес удар но нашим войскам и продвинулся километров на двадцать. Не мог я тогда знать, чем все это угрожало, да и в самой Ставке не все было ясно. Военный совет Юго-Западного фронта по-прежнему оценивал обстановку оптимистически. И все же мы убрали излишне радужные эпитеты, заменили заголовки репортажей на более соответствующие реальной обстановке. Решили не давать общего обзора хода боевых действий, пока ситуация не определится.

Михаил Розентрельд в своей новой корреспонденции продолжает описание боя за крупную железнодорожную станцию, которую мы обозначили, по понятным причинам, буквой "Н". Называлась корреспонденция "Последние дни 208-го немецкого полка" - заголовок точно раскрывает ее содержание.

По-соседству с Розенфельдом на газетной полосе - фоторепортаж Михаила Бернштейна. Один из первых снимков, которые он прислал и которые были опубликованы в газете, - длинная шеренга пленных...

В эти дни опубликован Указ Президиума Верховного Совета

СССР об учреждении ордена Отечественной войны. Даем статут и описание ордена. Почти целую полосу заняло перечисление, за какие именно подвиги награждаются этими орденами. Например, за определенное количество сбитых самолетов, потопленных кораблей, уничтоженных танков и орудий противника... И даже за такие, вполне конкретные боевые успехи: "Кто сумел восстановить поврежденный самолет, совершивший вынужденную посадку на территории противника, и выпустить его в воздух", "Кто ночью снял сторожевой пост (дозор, секрет) противника или захватил его" и др. Словом, высокой наградой отмечались за самые разные проявления отваги и мужества, что не могло не воодушевлять наших воинов. К тому же это был первый орден, остававшийся в семье погибшего.

Конечно, на Указ мы откликнулись прежде всего передовой статьей. Автор этой передовой в библиотеке имени В. И. Ленина раскопал документ времен гражданской войны - памятку в связи с учреждением первого советского ордена "Красное Знамя". В памятке говорилось: "Тот, кто носит на своей груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс как достойнейший и как лучший из них; что своим поведением он должен всегда и везде, во всякое время являть пример сознательности, мужества, преданности делу Революции. Он должен помнить, что на него смотрят другие как на образец, что по нему учатся бескорыстному исполнению долга, что то Красное Знамя, символ которого он носит на груди, дорого для всего пролетариата как знамя, пропитанное кровью рабочего класса и крестьянства".

Мы привели эти слова в передовице и сказали, что и новый орден обязан быть для нас таким же дорогим и каждый, кто будет им награжден, должен достойно носить его на груди...

Кстати отмечу, что статута строго не придерживались, и вполне справедливо: разве можно (да и надо ли было) уложить в параграфы бесчисленные подвиги, совершаемые нашими воинами?!

22 мая

В сводках Совинформбюро появилось новое направление Изюм-Барвенковское. Это - левое крыло Юго-Западного и правое крыло Южного фронтов, там немецкие войска начали наступление. Прибыл первый репортаж нашего корреспондента Лильина. Сообщение тревожное: "В течение нескольких дней на Изюм-Барвенковском направлении идут

упорные бои... Сосредоточив... крупные силы, немецко-фашистское командование пытается развить успех наступления одновременно на ряде участков. Ожесточенные вражеские атаки не прекращаются".

В тяжелейших условиях сражаются наши воины. Нельзя без волнения читать корреспонденцию о подвиге, суть которого в том, чтобы вызвать на себя огонь собственной артиллерии.

На одной из высоток обосновалась рация, корректировавшая огонь нашей батареи. Начальник рации Тягушев и радист Синельников расположились на ближайшем гребне, откуда хорошо просматривалась вражеская сторона. Не раз немцы атаковали высоту, но безуспешно. Начали последнюю атаку. И вот запись по часам и минутам в штабном журнале:

"В 4 часа 40 минут Тягушев передал на командный пункт:

- Немцы окружают нас. Дайте огонь по восточному, южному и западному склонам высоты.

Через 25 минут:

- Дайте огонь по самой высоте. Немцы поднимаются все выше.

В 6 часов 35 минут:

- Враг приближается. Патроны у нас на исходе. Разрешите уничтожить документы и рацию.

Начальник связи старший лейтенант Митрич ответил:

- Документы уничтожьте, а рацию держите до последней возможности.

Тягушев продолжает передавать:

- Усильте огонь по высоте.

- Огонь меткий. Немцы пачками взлетают в воздух. Продолжайте бить.

В 7 часов 48 минут Тягушев говорит в последний раз:

- Фашисты окружают наш блиндаж. Снаряды здорово покрошили их. Немцев осталось немного, но и нас здесь только двое. Выпускаем последние патроны. Прощайте, дорогие товарищи!"

Связь прекратилась.

Когда наша пехота, используя удары артиллеристов, снова заняла высоту, командиры кинулись к блиндажу. Они увидели взорванную рацию и тела героев-радистов...

Но как упорно ни сражаются наши войска, остановить врага не удается.

В Ставке ничего утешительного мне не сказали. Операторы, вижу, прочерчивают на карте линию фронта, отодвигая ее на восток, изгибая дугой вокруг 6-й и 57-й армий: явная угроза их окружения.

* * *

В сегодняшнем номере газеты новые указы - о введении гвардейского звания и значка, а также нагрудных знаков отличников. История их происхождения мне хорошо известна.

Недели три назад комиссар оперативного управления Генштаба бригадный комиссар Иван Николаевич Рыжков, добрый друг и, я бы сказал, помощник нашей редакции, рассказал, что вместе с Василевским был у Сталина. После разговоров по оперативным делам Верховный сказал им:

- Мы установили для дивизий и полков гвардейские звания. Дали им знамена, поощрили повышенным окладом. А как отличить гвардейца, выделить от других? Может быть, установить звание "гвардеец" и дать гвардейский значок? Подумайте...

Позже мне позвонил начальник Главного управления тыла Красной Армии генерал А. В. Хрулев и пригласил что-то посмотреть. Сразу же поехал к нему. А там на столе уже были разложены образцы знаков. Все это отвезли в Кремль. Знаки гвардейцев Верховный сразу же одобрил, а вот на знаках отличников задержался. Походил по кабинету и снова возвратился к ним. Их было много... И "Снайпер", и "Отличный пулеметчик", и "Артиллерист", "Кавалерист", "Связист-дорожник", и даже "Отличный интендант".

Как раз за этого интенданта Сталин и зацепился. Хрулев мне потом рассказывал, что Верховный даже его упрекнул, что он "своих" проталкивает. Сталин отобрал первые семь знаков и сказал:

- А с теми обождем. Будут ваши интенданты хорошо воевать, наградим их орденами...

Кстати, по поводу звания "гвардеец". Указом для воинов гвардейских соединений и частей установлены воинские звания от "гвардии красноармеец" до "гвардии генерал-полковник". Так с этого дня обозначалось в служебных удостоверениях и других документах. Эти звания присваивались навечно. Но, вспоминая те годы, я вижу, что так не получалось. Если, например, гвардейца переводили в негвардейскую часть, приставка "гвардии" исчезала. И сейчас немало ветеранов с орденами и медалями на груди, но без гвардейских знаков, хотя это почетное звание им было когда-то присвоено...

* * *

В этом же номере опубликован Указ о награждении работников Генштаба орденами Ленина и Красного Знамени. Среди них много знакомых: А. М. Василевский (в этот же день ему было присвоено звание генерал-полковника), С. М. Штеменко, тогда полковник, а после войны начальник Генштаба, и другие.

Это награды за Московскую битву. Предложил отметить особо отличившихся генштабистов Сталин. Накануне он сказал Шапошникову:

- Всех наградили за Москву, а Генштаб забыли...

И вот Указ...

* * *

На фронт регулярно приходит пополнение, много еще не нюхавших пороху. Поэтому животрепещущей темой для газеты было воспитание стойкости. Сегодня как раз под таким заголовком опубликованы записки командира полка подполковника С. И. Азарова. Это прямой, откровенный, острый разговор человека, который на своем горбу вынес тяготы первого года войны. Да, пишет он, встречаются среди новобранцев те, кого трудно оторвать от земли во время атаки, те, кто кланяется каждой пуле, когда нужно и не нужно. Подполковник рассказывает, советует, учит: не каждый из этих бойцов безнадежен. Более того, считает он, нет среди них безнадежных. В каждом можно пробудить мужество, воспитать стойкость. Но здесь одни призывы, так называемая голая агитация не поможет. Он приводит примеры из боевого опыта:

Недавно один политрук роты предложил трех "ненадежных" бойцов перевести в тыл. Вряд ли нужно доказывать, что это линия наименьшего сопротивления и явное нежелание всерьез работать над воспитанием людей. Плавать учат на глубине. Воевать надо учиться в бою. "Я лично всецело одобряю инициативу другого политрука роты, тов. Прудникова, который считает своим долгом таких недостаточно осмелевших еще бойцов почаще посылать в наиболее рискованные операции, конечно, под наблюдением опытных товарищей. Бойца всегда нужно воспитывать так, чтобы никакие трудности и опасности не были для него в диковинку, чтобы они не обрушились на него, как снег на голову..."

К этой статье дана редакционная врезка: "Автор данной статьи подполковник Семен Иванович Азаров, командир N полка, пал смертью храбрых на поле боя. Статья для "Красной звезды" написана им за несколько дней до смерти". Самой гибелью в бою, подтвердившей правду каждой своей строки, он как бы оставлял завещание живущим и сражающимся...

* * *

Неделю тому назад Александр Поляков пришел ко мне и стал убеждать, что ему надо поехать на Северо-Западный фронт. Там сражаются "его" пять "КВ", которые он сопровождал с Урала до Старой Руссы и вместе с ними вступил в бой. Как они там? Нужно посмотреть, а быть может, и написать. Какой редактор не загорится такой идеей? А сегодня уходит уже в набор его

корреспонденция "Пять "КВ". Мы узнаем, что на счету этой маленькой группы кировских броненосцев немало побед - уничтоженных немецких танков, орудий, сотни вражеских солдат и офицеров. О том, как они воевали, рассказали корреспонденту не только его старые друзья-танкисты и боевые донесения, но вмятины на броне танков от вражеских снарядов. Пришлось пережить танкистам и горькие потери: погиб политрук Харченко, ранены командир танка Чиликин, Кононов, Мащев, заживо сгорел экипаж Калиничева, о котором столько добрых слов написал Поляков в своих очерках "От Урала до Старой Руссы".

Ныне батальон, в состав которого входили уральцы, стал своеобразной академией фронтового опыта. В качестве преподавателей - знакомая четверка уральцев. Учеба проходит в ближайшем тылу, недалеко от передовой. Полигоном танкистам служит кладбище немецких машин, которое в расписании фигурирует под названием "Полевой класс № 6". Порой раздается и боевая тревога - и танкисты мчатся к передовой, чтобы отразить атаку противника...

И еще один материал привез Поляков. Однако это не корреспонденция, и даже не очерк, а новелла об одной удивительной истории из жизни этой пятерки. Называлась новелла "Трофей". После одного боя, когда экипаж "КВ" овладел деревней, к нему приблудился пойнтер.

- Собака, ребята, немецкая. Вот номер и надпись на ошейнике, проговорил Дормидонтов.

Все успели заметить на собачьей шее белый медальончик в форме щитка со штампованным номером и надписью...

- Так вот, ребята, - продолжал Дормидонтов, - за собакой буду ухаживать я. Командир уже разрешил держать ее в батальоне.

- Тогда давай ей кличку дадим, - предложил кто-то, и со всех сторон как дождь посыпались предложения:

- "Фашист", "Адольф", "Гитлер", "Геббельс" - и еще ворох имен в этом роде.

- Нет, ребята, это все не годится, - перебил друзей Дормидонтов. В его синих глазах замелькали веселые искорки. Притворно серьезным тоном он продолжал:

- Товарищи! Не к лицу собаке носить такое имя. Это же оскорбительно для нее.

Громкий взрыв хохота покрыл слова Дормидонтова.

- Так как же мы ее назовем? - забеспокоились танкисты.

- Знаете, как назовем, - заговорил опять Евгений. - Она ведь вместе с другим немецким имуществом нами завоевана. Это наш трофей. Так давайте и назовем ее "Трофей".

Дормидонтов приручил собаку. Ее научили таскать

донесения, переносить пулеметные диски, обернутые тряпкой... И вот после одного боя танк Калиничева не вернулся на базу.

Долго ломали себе голову: что же делать? И вдруг кто-то в батальоне предложил послать "Трофея" через линию фронта поискать машину. Пойнтер нашел ее. Вернулся обратно с отрывком записки в зубах. А там было написано: "...хоть сколько-нибудь. Хотя бы с "Трофеем". Мы еще живы. Расстреливаем последние. Набили штук сотню гадов, не сдаемся и не сдадимся. Калиничев". Три рейса с дисками совершил к танку "Трофей". В третий раз он вернулся с опаленной в нескольких местах шерстью и запиской, прикрепленной к ошейнику:

"Дорогие товарищи! Спасибо вам, спасибо "Трофею". Вот какая собака! Она помогла нам подстрелить еще с полсотни кровавых собак. Прощайте ребята. Последние минуты. Обливают бензином. Умрем, но победа за нами! Передавайте привет родным. "Трофея" спускаем в нижний люк. Он такой. Он прорвется. Прощайте, Калиничев, Дормидонтов, Шишов, Соловьев". Вот на какой трагической ноте закончилась новелла!

* * *

И неизменно в номере небольшая статья Ильи Эренбурга. Называется она "Конец Габке". Писатель вывел на чистую воду брехунов из немецкого радио. В нашей газете было сообщение, что один из партизанских отрядов прикончил гитлеровского генерал-лейтенанта Габке. А немецкое радио заявило, что генерал-лейтенант Габке здравствует, и заклеймило "измышления советской печати". В эти дни одна из наших частей, наступающих на Харьковском направлении, захватила среди прочих документов надгробное слово пастора 294-й германской дивизии, произнесенное им на похоронах генерал-лейтенанта Габке. Со свойственным ему сарказмом Эренбург пишет:

"Следует предположить, что свою речь пастор произнес над мертвым генералом, а не над здравствующим. Таким образом, "измышлениями" занималось немецкое радио: оно уверяло, что Габке жив, а Габке в это время уже не мог протестовать - Габке лежал в холодной земле".

Для вящей убедительности писатель привел даже отрывки из проповеди пастора...

* * *

Должен вернуться к керченской катастрофе. Ничего в газете в те дни не было опубликовано; мы не объяснили, что же там произошло. Конечно, могут сказать: а стоило ли вообще рассказывать о том поражении? Не только стоило, но мы обязаны были это сделать. Ведь в более трагический период войны, когда советские войска отступали на всех фронтах, когда немецкие

войска прорвались к Москве, газета не молчала, писала о неудачах и поражениях. Делали это иногда даже невзирая на строгие команды сверху.

Но корреспонденты молчат. В Ставке тоже нет ничего подходящего для газеты. Что же случилось с нашими спецкорами? Ведь там два таких боевых человека - Петр Павленко и Александр Вейленсон. Вчера утром наконец мне позвонил Бейленсон из Краснодара, сказал, что они едва вырвались из Керчи, Павленко в госпитале. Досталось им тяжелого сверх всякой меры.

Пришел приказ отступать. Корреспондентам сказали, чтобы они немедленно отправились в тыл. Войска отходили в беспорядке. Транспорта не было. И вдруг Павленко упал, с ним случился сердечный приступ. Его спутник, человек физически сильный, взвалил писателя на плечи и нес три километра, пока не добрался до КП фронта. Там тоже была неразбериха. Вейленсон нашел представителя Ставки Л. З. Мехлиса. Узнав, что случилось с Павленко, он написал две записки: одну - командиру береговой охраны, чтобы Павленко на катере направили через пролив, другую - чтобы на Таманском полуострове выделили машину. А Бейленсону приказал сопровождать Петра Андреевича до Краснодара. Под нещадной бомбардировкой они переправились на тот берег. Там Бейленсон довез писателя до госпиталя.

А ведь, напомню, посылали мы Петра Андреевича на юг поправить здоровье. Поправился, называется. И все же недолго он пролежал в госпитале. Не в его натуре было отлеживаться...

27 мая

В сводках Совинформбюро не упоминается наше наступление на Харьков. Вместо этого указывается, что советские войска "закрепились на занимаемых рубежах". Главным направлением сейчас стало Изюм-Барвенковское, там наши войска ведут тяжелые оборонительные бои. В газете это нашло отражение в репортажах К. Буковского и Т. Лильина. Сообщения крайне тревожные: "Вчера происходили крупные танковые бои... Вражеские танки почти не уходят с поля боя... Танковые бои идут почти непрерывно, они носят исключительно ожесточенный характер..." О масштабах сражения можно судить и по корреспонденции майора В. Красноголового. Только на одном участке, сообщает он, противник бросил в бой около 250 танков.

В этих условиях понятно, почему сразу же в газете появились передовицы: "Всю мощь огня против немецких танков", "Вся

артиллерия должна бороться с немецкими танками", статья "Пехота против танков" и др.

* * *

Вернулся из Мурманска Симонов и положил мне на стол последний северный очерк "Американцы". О летчиках союзных держав у нас уже печатались очерки, в том числе и самого Симонова. А этот - впервые о моряках. Я позволю себе рассказать о нем подробнее, ибо читатель не найдет его ни в сборниках, ни в Собрании сочинений писателя. Очерк начинается такой зарисовкой:

"По русскому городу ходят веселые рослые парни в кожаных, проеденных морской солью пальто, в толстых бархатных морских куртках с пестрыми шарфами, небрежно повязанными на загорелых шеях. К ним уже привыкли здесь к их веселым любопытным глазам, к отрывистой речи, к их любви покупать бесконечные сувениры. Больше всего они любят игрушечный магазин: они заходят туда и покупают раскрашенных деревянных лошадок, кустарные игрушки, деревянные чашки, разрисованные яркими цветами, - всякие забавные пустяки, которых мы давно не замечаем и которые они видят впервые... Ничего, что это пустяк, - он станет памятью о суровом времени, об их первом боевом крещении".

Много у Симонова было встреч с американскими моряками в те дни. "Все они смелые моряки и хорошие ребята". Но особенно запомнились писателю двое из них. С капитаном Кларенсом Маккой он беседовал на борту его корабля.

- О, жаль, что вы не были здесь час назад. - сказал капитан Симонову. в то время, когда русский истребитель сбил над гаванью немца. В этот момент стоило посмотреть на ребят. Давно, наверное, ни одного немца так весело не провожали в могилу. Все ребята кричали и свистели, а Саймон, кок-филиппинец, вот этот, который сейчас в белой куртке идет по палубе, так он просто плясал от удовольствия...

Не менее колоритной фигурой оказался Норман Эдвард Дорленд. Он стал солдатом уже давно, в 1936 году, когда поехал сражаться в батальоне Линкольна в Испании. Воевал там больше года. Когда его ранили под Мадридом, у него в руках была только винтовка. Выздоровев после ранения, он попросил, чтобы его сделали пулеметчиком. Да, он злопамятен, не без юмора замечает Симонов, он хотел отплатить за свою рану так же, как за раны друзей. И он отплатил!

В очерке нет живой речи моряка, Симонов ее пересказывает, но и в этих строках чувствуется живой голос американца:

"Нет, он не будет говорить, что всем легко и что это был

легкий рейс. Нет, рейс был трудный, но все, кого он знает в команде, готовы пойти в следующий рейс, и еще в следующий. Они готовы снова и снова ходить сюда и возить оружие для своих русских товарищей. Если бы это зависело от него, то он бы возил этого оружия еще больше, чем его возят сейчас, несмотря ни на какие опасности".

Эта последняя фраза, как говорится, с подтекстом.

31 мая

Поздно вечером пришла сводка Совинформбюро. В ней лишь две строки: "В течение 31 мая на фронтах ничего существенного не произошло". Но, увы, в это время как раз и произошло много существенного. Сражение на Юго-Западном закончилось не в нашу пользу. Вновь возникло слово "окружение", печально памятное нам по первым месяцам войны и исчезнувшее в последнее полугодие. Немецким войскам удалось на этом фронте замкнуть кольцо вокруг нашей группировки. В этом кольце мужественно сражались наши воины с превосходящими силами противника. Несколько тысяч человек вышло из окружения. Но много наших воинов погибло или попало в плен, среди них ряд видных командиров.

Причины поражения на Юго-Западном и Южном фронтах хорошо известны. Наше поражение в Харьковском сражении явилось прежде всего результатом недостаточно полной оценки командованием Юго-Западного направления и фронта оперативно-стратегической обстановки, отсутствие хорошо организованного взаимодействия между фронтами, недочеты в управлении войсками. К тому же командование направления не всегда объективно информировало Ставку о действительном положении на фронте... Это наступление, как выяснилось, напрасно затевалось.

Конечно, в ту пору я далеко не все знал и понимал. Вспоминаю, что когда я в Перхушкове завел с Жуковым разговор о харьковских делах, он рассказал мне не так много и не столь откровенно, как написал об этом после войны. Не сказал, что не был согласен с развертыванием нескольких наступательных операций, в частности и на Харьковском направлении, и об этом говорил Сталину на заседании ГКО. Но фраза, которая тогда, во время разговора в Перхушкове, у него вырвалась, многое мне открыла:

- Не надо было там начинать...

Отмечу, что в нашей газете, как, впрочем, и в других, о ходе

событий нет ничего определенного. Не назывались города и населенные пункты, за которые шли бои или которые мы оставляли, не печатались и карты театра битвы, как это мы делали в прошлом. Почему? Взять грех на свою душу было бы легче всего.

Вспоминаю свою беседу с секретарем ЦК партии А. С. Щербаковым, который был начальником Совинформбюро и к тому времени стал и начальником ГлавПУРа. Я сказал, что откровенный разговор, который мы вели на страницах военной газеты во время поражения сорок первого года, был проявлением не слабости, а силы нашего государства и армии. Правда, война не снижала, а подымала дух людей, вселяла веру в нашу победу. Александр Сергеевич ответил:

- Тогда была другая обстановка. Тогда дело шло о судьбе нашей страны. А эта операция носила частный характер. Решено публиковать только то, что дает Информбюро. Придерживайтесь наших сводок...

Я хорошо чувствовал, когда Щербаков говорит от своего имени, а когда передает указания Верховного, никогда на него не ссылаясь. Я понял, что на этот раз он передает указания Сталина. Не мог Александр Сергеевич, да и не только он, тогда предполагать, что наше поражение на Харьковском направлении обернется наступлением противника на Сталинград и Северный Кавказ и вновь встанет вопрос о судьбе Родины.

Однако уроки из харьковского поражения надо извлекать. Для этого у нас был испытанный метод - передовые статьи. Приведу пример. Как известно, разведка наших фронтов (да и в центре) проглядела подготовку армейской группы Клейста к наступлению, сосредоточив большие силы в районе Краматорска. Поэтому удар врага и оказался совершенно неожиданным. И вот в сегодняшнем номере газеты передовица "Непрерывно вести разведку", а за ней другая - "За образцовую воздушную разведку". Это все уроки харьковского сражения. Еще одна передовая "Стойкость в бою". Есть в ней точные, подтвердившиеся затем в ходе событий слова: "Нынешним летом фронты отечественной войны станут ареной больших упорных и ожесточенных сражений..."

* * *

Злой рок преследовал нашу редакцию на Юго-Западном фронте. В прошлом году в так называемом киевском окружении мы потеряли пять корреспондентов. Теперь из харьковского окружения не вернулись в редакцию два наших спецкора. Погиб Михаил Розенфельд. Последней его видела военный корреспондент журнала "Фронтовая иллюстрация" Наталья Бодэ.

Она рассказала:

- Было жарко, помню, мы уже скатывали шинели и ходили нараспашку. Солнце припекало. Шли в наступление. Это было под Харьковом, у станции Лихачеве. Настроение у всех боевое. Вдруг встречаю Михаила. Он, как всегда, веселый, возбужденный.

- Получен приказ из штаба армии отправить вас отсюда! Мне это не улыбалось. Я заупрямилась. Но он мягко и настойчиво приказал:

- Немедленно... Сейчас же!

И заставил меня сесть в самолет.

Михаил стоял на аэродроме, полный сил и бодрости, со своей неизменной дружеской улыбкой - таким я его и запомнила.

А утром в Ахтырке я узнала, что немецкие танки прорвали фронт и часть, в которой находился Розенфельд, попала в окружение...

Погиб и Михаил Бернштейн, прошедший огонь и воду на Халхин-Голе, и на финской войне и в самые трудные месяцы Отечественной войны. Не было такой горячей точки, где бы он со своей "лейкой" не побывал, и, казалось, нет такой пули, которая его не обошла. Где он сложил голову - неизвестно. Мне рассказали, что ему, как корреспонденту "Красной звезды", было предоставлено место на последнем самолете, вырывавшемся из окружения. Но он отдал его раненому, а сам остался на взлетной полосе. Это я услышал из уст человека, который прилетел на том самолете. Мы хорошо знали Мишу, знали, что он на это был способен.

* * *

Вернулся с Юго-Западного фронта наш авиатор подполковник Николай Денисов и сдал статью "О весенней воздушной тактике немцев"; она опубликована в сегодняшнем номере газеты и заняла три колонки. Статья эта результат наблюдений, вернее, изучения Денисовым воздушных сражений на Юго-Западном фронте, а также в Керчи, где он тоже побывал. Интересная, содержательная и, несомненно, полезная статья. Она имеет, свою предысторию и свое продолжение, о которых стоит рассказать.

По неписаному правилу, каждый корреспондент, выезжая на фронт, захватывал с собой свежие номера "Красной звезды". В эту поездку Денисов взял с собой пачку газет, где как раз и была напечатана его статья о воздушной тактике противника. Добравшись под Купянск, до штаба истребительной дивизии, он отдал газеты в политотдел, и они были разосланы по полкам и эскадрильям. Наутро, пробираясь лесочком к самолетным стоянкам, Денисов случайно подслушал, как командир полка А. Грисенко, давая указания комэскам на боевой день, сказал:

- Вчера привезли "Красную звезду". Пусть летчики прочитают в ней статью Денисова. Это пригодится...

В этой связи вспомнил я один случай, который произошел с Денисовым. Но пусть он сам об этом расскажет:

"Как-то я, - писал он в своей мемуарной книжке "Срочно в номер", узнав, что редактор снял с полосы мою корреспонденцию об авиаторах, насколько это позволяла воинская субординация, запротестовал. Сгоряча даже выпалил:

- Если мои материалы не подходят для публикации, то лучше откомандируйте меня в войска, на фронт.

- Бескрылый вы человек, - едко возразил на это редактор, - если при первой же неудаче опускаете руки. Корреспонденцию напечатать можно, но погоды она не сделает. Надо стараться писать так, чтобы авиаторы искали газету с вашими статьями...

Замечание подстегнуло, заставило относиться более самокритично к дальнейшей журналистской работе. И вот результат - совет командира полка прочитать мою статью. Значит, кое-чему научился".

Когда Денисов вернулся в редакцию, он не без гордости - вполне законной - рассказал мне о том эпизоде в лесочке под Купянском. В ответ я лишь улыбнулся, не напомнив ему тот наш разговор. Но он понял меня без слов...

Вчера в "Красной звезде" напечатана статья "Опыт воздушных боев на Харьковском направлении". Автор ее полковник А. Грисенко. В тридцать восьмом году он воевал с японскими империалистами в небе Китая и опубликовал очерк под псевдонимом Ван-Си. В эту войну - командир 2-го истребительного полка. Было о чем рассказать испытанному летчику! Забегая вперед, скажу, что в конце лета этого года Денисов, вернувшись из Сталинграда, рассказывал, что Грисенко сбили, сам он, раненный в ногу, прыгнул с парашютом. В госпитале ему ампутировали ногу. Все решили, что больше летать он не будет. Но Грисенко решил по-другому. Об этом тоже рассказал Денисов. Был он на полевом аэродроме возле реки Прут. Там залюбовался виртуозным полетом какого-то истребителя. Машина приземлилась, подрулила к капониру. Выключив мотор и расстегнув карабины парашютных лямок, из кабины, осторожно перенеся ногу через борт, выбрался летчик. Встав на крыло, он снял шлем. Это был Грисенко.

Выписавшись после ранения из госпиталя, тут же, за воротами он выбросил трость, которой его снабдили врачи, и, стараясь держаться на протезе как можно прямее, явился в штаб Военно-Воздушных Сил к генералу Ф. Я. Фалалееву, под командованием которого воевал еще на Юго-Западном фронте.

Просьба была одна - вернуть его в строй. Вместе пошли к главкому. После обстоятельного разговора тот согласился со всеми доводами и назначил Грисенко командиром истребительной дивизии.

- Молодые летчики зовут меня "деревянной ногой", - шутливо говорил полковник...

Людмила Павличенко! Кто на фронте не слышал о ней?! Впервые ее имя появилось в репортаже нашего спецкора Льва Иша из Одессы. Мы узнали, что до войны она, историк по образованию, закончила снайперскую школу Осоавиахима, добровольно ушла на фронт. Теперь Павличенко в Севастополе. Там Иш снова встретился с этой боевой девушкой. Часто бывает в ее землянке, порой - и на ее огневых позициях: накапливает материал для очерка. Сегодня этот очерк "Девушка с винтовкой" опубликован в газете.

Мастер литературного портрета, Иш на этот раз поставил перед собой более скромную задачу - рассказать о трех эпизодах из боевой жизни Людмилы. Первый - это "рядовая" история одного снайперского выстрела, написанная не без юмора.

Заняв свою позицию, Павличенко увидела картину, которая была похожа, как она сказала, на представление в кукольном театре. За ширмой из густых непролазных кустарников сидел немец и разыгрывал комедию. Сначала он выставил вперед металлическую каску. Ржавая, с помятым козырьком, с пробоиной в левом углу, каска то лежала неподвижно, то вдруг принималась прыгать, как заводная. Потом Людмила увидела, как возле одинокого тополя словно из-под земли выросло искусно сделанное чучело немецкого солдата. На нем была темно-зеленая шинель, пилотка-пирожок, бурые ботинки, нарочито запачканные грязью. И даже винтовку этот тряпичный воин держал с той непринужденностью, которая отличает живого человека.

"Форменный балаган", - подумала Павличенко про себя и вслух сказала своему напарнику: - Ну, товарищ наблюдатель, готовься. Еще часок, и немец не выдержит.

Так оно и вышло. Вскоре кусты зашевелились. Немецкий корректировщик осторожно приподнял голову, уперся ладонями о бруствер окопа, прислушался и скрылся. Минутой позже он опять выглянул, на этот раз уже с биноклем. Грянул выстрел. Немец выронил из рук бинокль, клюнул носом.

- Сто пятьдесят восьмой, - деловито произнес наблюдатель, вытаскивая записную книжку.

Еще один, более внушительный эпизод. Наши разведчики обнаружили вблизи нашей позиции командный пункт противника. Командование полка и поручило Павличенко вместе

с ее дружком снайпером Леонидом Киценко "закрыть" его. И это задание было выполнено: потеряв группу солдат и офицера, немцы удрали и больше здесь не появлялись.

Так проходит день за днем. О боевой работе Павличенко свидетельствует плотный лист бумаги с золотым тиснением, прикрепленный к дощатой стенке землянки:

"Диплом. Дан старшему сержанту Павличенко Людмиле Михайловне в том, что она является снайпером-истребителем немецко-фашистских оккупантов. По данным на 6 апреля 1942 года, тов. Павличенко уничтожила 257 фашистов.

Военный совет N армии".

Прошло несколько месяцев, и в газете появился Указ о присвоении Людмиле Павличенко звания Героя Советского Союза...

* * *

Каждый день множатся факты о зверствах гитлеровцев над советскими военнопленными. Павел Трояновский встретился на фронте с красноармейцем Сергеем Клевакиным, бежавшим из лагеря пленных в деревне Куземки на Смоленщине, и написал корреспонденцию "Куземкинская каторга".

Издевательства, истязания, расстрелы... - здесь все то, что и в других лагерях. Но есть изобретательные новинки, каких не знала ни одна война:

"Ранним весенним утром по единственной дороге от сараев выезжают телеги, в которых запряжены не лошади, а русские люди. Восемь тощих, желтых, оборванных и обросших щетиной человек составляют упряжь каждой телеги. Идет одна телега, вторая, пятая, десятая... Людей подгоняют возчики из немецких вояк, бьют по худым спинам кнутами и кричат по-немецки:

- Шнелер! (Быстрее!)".

- Мы шли на верную смерть, - сказал Клевакин, - но лучше смерть, чем фашистский плен...

Июнь

5 июня

После поражения под Харьковом наши войска перешли к обороне. Теперь можно определенно сказать: затишье на всех фронтах. Что там сейчас в армиях, дивизиях, полках? Надо, решил я, самому съездить в одну из армий. К этой мысли меня подтолкнула еще и реплика Жукова, которой он меня встретил третьего дня, когда я приезжал к нему в подмосковное Перхушково:

- Ты все еще наступаешь?!

Георгий Константинович имел в виду, что "Красная звезда" продолжает публиковать материалы о Харьковском наступлении, а о жизни войск в обороне мало пишет.

Маршрут выбирал недолго. В 5-й армии, куда я частенько заглядывал в дни Московской битвы, произошли изменения. Вместо Л. А. Говорова, назначенного командующим Ленинградским фронтом, командармом стал И. И. Федюнинский, наш добрый знакомый, товарищ по Халхин-Голу. Туда я и направил свои стопы, захватив фоторепортера В. Темина.

Боевые части Западного фронта сейчас, конечно, дальше от Москвы, чем это было в декабрьские дни сорок первого года. Тогда туда можно было добраться за сорок минут - час, ныне - за два часа.

Командарма мы застали в смешанном хвойно-березовом леске, на командном пункте, у блиндажа, оборудованного по-хозяйски добротно, как он это всегда делал и в Монголии. Мы, халхингольцы, с улыбкой вспоминали один эпизод того времени. Во время боев с японцами Федюнинский был ранен в ногу, его увезли в медсанбат. Но это только так считалось - ранение в ногу: на самом деле осколок угодил в ту часть тела, что выше ноги и ниже спины. Ранение это (кстати, весьма болезненное) по глупой традиции вызывало у всех улыбку. Самому же Федюнинскому было не до смеха. Между прочим, осколками того же снаряда на НП полка был ранен и корреспондент "Героической красноармейской" Иван Чернышенко. Федюнинский, лежавший рядом с ним в госпитале, заметил:

- Ну, теперь я на всю жизнь побратался с "Героической", кровное родство...

Между прочим, Федюнинский был ранен трижды. И все три раза в одну и ту же ногу! А в первый год Отечественной войны его

вообще похоронили. Когда Ивана Ивановича отозвали из корпуса, которым он командовал на Юго-Западном направлении, и он прибыл в Генеральный штаб для назначения, А. М. Василевский пришел в изумление. Ему сообщили, что Федюнинский погиб, и он уже доложил об этом Сталину. Выяснилось, что погиб исполняющий обязанности командира корпуса полковник М. И. Бланк, которому Федюнинский сдал дела; он прорывался из окружения под Прилуками, героически сражался с врагом и в одном из боев сложил свою голову.

Сейчас Иван Иванович был в полном здравии. Стройный, подтянутый, с тремя рядами орденов и медалей (большая редкость в первый год войны), он встретил нас сердечно, по-братски. Армия стояла в обороне, и Федюнинский мог позволить себе провести с нами целый день.

Полоса, где армия держала оборону, растянулась почти на семьдесят километров. После разгрома под Москвой немецкие войска основательно зарылись в землю, построили мощные оборонительные сооружения и, по всем данным, ни о наступлении, ни об отступлении не помышляли. Активных боевых действий не было ни с нашей, ни с немецкой стороны. Изредка слышалась минометная, а еще реже артиллерийская стрельба.

Однако жизнь в дивизиях и полках кипела. Принимали пополнение. Прибывала новая боевая техника. То и дело слышались пулеметные и автоматные очереди и крики "ура". Человеку непосвященному могло показаться, что сюда прорвались немцы и идет жестокий бой. Но это обучали новобранцев действовать в условиях, максимально приближенных к боевым. - они штурмовали макеты дзотов, дотов... Словом, шла напряженная подготовка к грядущим боям.

Федюнинский, дни и ночи проводивший с пополнением на учебных полях, предупреждал:

- Не жалейте нота. Чем больше нота здесь, тем меньше крови там, в бою...

Воевали пока только снайперы и разведчики. Нам представили их. Беседа была увлекательной и полезной. Теминские снимки этих бойцов, сделанные тогда, сразу же были напечатаны в "Красной звезде".

Потом Федюнинский повез нас в 82-ю стрелковую дивизию, ту самую, которой он командовал на Халхин-Голе и в которой мы с Симоновым побывали зимой под Гжатском. Теперь эта дивизия называлась 3-й гвардейской мотострелковой. Знакомых осталось мало - кто выбыл по ранению, кто погиб. В одном из полков на небольшой полянке с редкими деревьями собрались бойцы.

Федюнинский прибыл в эту армию недавно, но чувствовалось, что он уже успел снискать уважение личного состава. И не только потому, что в частях знали, что он боевой, заслуженный командир, что за его спиной гражданская война, Халхин-Гол, бои на юго-западном пограничье, оборона Ленинграда... Иногда человек зарабатывает авторитет и любовь подчиненных долгими месяцами, а порой какой-то шаг - и добрая молва о нем растет, как снежный ком.

В первые же часы пребывания в армии Иван Иванович узнал о серьезных недостатках в питании бойцов. И подсказала ему об этом не кто иная, как официантка столовой, куда он по прибытии в армию зашел пообедать. Суп она предложила, а хлеба не оказалось. Объяснила, что второй день не доставляют в полк хлеб. Стал Федюнинский выяснять. Оказалось: точно, двое суток армия сидит без хлеба, на сухарях. Почему? Интенданты сослались на распутицу, на поломки машин...

Нет необходимости рассказывать, какие меры принял командарм, но на второй день бойцы получили все, что им было положено по норме, и с тех пор с перебоями в питании было покончено.

И еще один эпизод. Встретил Федюнинский маршевый батальон, направлявшийся для пополнения в 3-ю гвардейскую дивизию. Большинство батальона казахи и киргизы. Они пожаловались командарму, что им пообещали, но не дали ни чаю, ни табаку. Федюнинский выслушал их, раздал все папиросы, которые у него были, и пообещал, что, как только прибудут в дивизию, будет им и чай, и табак. Через три часа новобранцы появились в дивизии. К этому времени для них был приготовлен не только обед, но и крепкий чай и табак. Федюнинский позвонил командиру дивизии. Тот, не понявший сразу, в чем суть звонка командарма, доложил: "Ждем пополнение, обед приготовили отличный". Но командующий объяснил, что для казаха и киргиза чай не менее важен, чем сытный обед. И об этом эпизоде пошла молва по армии.

Так в войсках узнали, что прибыл новый командующий.

А в тот день, когда мы были в дивизии, после беседы с бойцами о том, что требует от солдата бой, Федюнинский глуховатым, неторопливым голосом спросил:

- Есть среди вас раненые, но еще не награжденные? Прошу встать!

Встали десятка два рядовых и сержантов. Федюнинский расспросил каждого, где и как он был ранен. И тут же приказал командиру полка и комдиву представить их к награждению орденами и медалями. А стоявшего рядом с нами комиссара

штаба армии попросил проследить, чтобы наградные материалы через день-два были уже у него.

- Вручать буду сам, - заключил командарм.

Я видел, какое огромное впечатление на всех - и старых бойцов, и молодых - произвело это внимание командующего, его забота о раненых. Дальновидным был Иван Иванович. Ведь к 40-летию Победы ЦК партии и Советское правительство приняли решение наградить всех - без исключения! - советских воинов, проливших кровь в боях за Родину, орденами Отечественной войны.

Там же, на полянке, я сказал Темину, чтобы он сделал для газеты снимки раненых. Виктор сразу же развернул бурную деятельность, стал громко распоряжаться, собирать людей, "перетасовывать" их. Он беспрерывно щелкал своей "лейкой", снимал бойцов в разных позах и ракурсах, в одиночку и группами. После возвращения в Москву Темин принес мне только что отпечатанный, еще мокрый снимок. На нем крупным планом были запечатлены фигуры десяти бойцов, стоящих в одну шеренгу.

- Почему только десять? А остальные где? - спросил я.

Темин объяснил, что он снял всех раненых, но это особые люди, и показал мне подпись под фото: "Западный фронт. Дважды и трижды раненные в боях гвардейцы, вернувшиеся в свой полк. Слева направо: гвардии военфельдшер Л. Семчук - ранен в двух боях; гвардии сержант В. Чечин - ранен в трех боях; гвардии старший сержант А. Иванов - ранен в трех боях; гвардии красноармеец И. Целищев - ранен в пяти боях..."

Этот снимок наши читатели, и прежде всего сами раненые, восприняли как своего рода награду. Кстати, на второй день мне позвонил генерал А. В. Хрулев и сказал, что на это фото обратили внимание в Ставке. Очевидно, будет учрежден знак отличия раненого. Действительно, месяца через полтора было принято постановление ГКО об отличительных знаках о числе ранений.

Повел нас командарм и на передний край. Походили мы, а кое-где и поползали. Да, основательно закопались боевые части, оборудовали свои позиции, как заметил один из наших собеседников, "по высшему классу и даже выше...". Слушали беседы Федюнинского с командирами и бойцами, его указания, которые, как мне казалось, были скорее похожи не столько на приказы, сколько на советы - что устранить, что сделать.

Побывали мы и в штабе армии. Там на стенке блиндажа я увидел расписание занятий командного состава. Я его переписал, а потом в "Красной звезде" одна за другой появились статьи на эти темы. За день мы с Иваном Ивановичем о многом поговорили.

Узнал я, что Федюнинский был не только талантливым военачальником, дотошным хозяйственником, но и тонким дипломатом.

Как-то ему позвонили и сказали, что в армию прибудут американские и английские военные атташе и надо, мол, принять их должным образом. После официальных церемоний и плотного обеда пошли один за другим вопросы, иногда прямые и ясные, порой - со скрытым смыслом. В блиндаже, куда Федюнинский пригласил иностранных гостей, на стене висела большая карта районов Гжатска и Вязьмы. Увидев карту, один из самых дотошных дипломатов, капитан, подошел ближе, долго всматривался, затем спросил: "Почему на ней нет никаких пометок?" Видно, его интересовала линия фронта и дислокация дивизий. Командарм ответил:

- Я всегда стараюсь следовать примеру великих русских полководцев Суворова и Кутузова. Когда Суворова во время итальянской кампании высокопоставленные представители австрийского правительства спросили, каковы его планы ведения войны, он ответил: "Если бы моя шляпа знала мои планы, я бы ее сжег". А Кутузов однажды заявил: "Если бы мои планы знала моя подушка, я бы на ней не спал". Вот поэтому я тоже никогда не наношу на карту своих замыслов раньше, чем это становится совершенно необходимым.

Английский полковник так посмотрел на капитана, что тот сразу съежился и отошел в угол блиндажа, подальше от карты... Но тут же возникла новая ситуация, в которой генерал снова показал себя дипломатом. Атташе спросил его о танках "матильда" и "Валентайн". Мне было интересно, что ответил Федюнинский, и вот почему.

Как-то Эренбург привел в редакцию английского корреспондента, который все донимал меня вопросами об этих танках. Я толком тогда не знал, что ответить. Этих танков было очень мало. Мы о них почти ничего не печатали. Однажды лишь дали снимки этих танков, уходящих в бой на каком-то фронте. Да в другой раз с ними был у нас связан неприятный ляп. Опубликовал фото, а под ним подпись: "Фашистский танк, подбитый бойцами части". Снимок, правда, мутноватый, снимали танк, видимо, под вечер и к деталям мы не присмотрелись. А потом мне позвонили и сказали: "Какой же это фашистский танк? Это "матильда"!" Быть может, этим звонком дело и ограничилось бы, если бы не шум, поднятый геббельсовской пропагандой вокруг нашего фото. Они во все горло кричали, что Советам, мол, не удается одолеть немецкие танки, поэтому они выдают за свои трофеи подбитые немцами английские "матильды". Что-то об

этом появилось в прессе нейтральных стран и даже в английской печати.

Словом, вскоре я получил приказ - снять с работы фотокорреспондента и направить его на фронт. Парень он был храбрый, мужественный, я его знал еще по финской войне, но отстоять его мне не удалось. Достойно он прошел всю войну, ныне - член редколлегии одного из наших массовых журналов.

Этот случай, связанный с "матильдами" и "Валентайнами", я хорошо запомнил. Но тогда о них мало что знал и в беседе с инкорами "плавал" вовсю, отделываясь общими фразами. Поэтому я с большим интересом слушал рассказ Федюнинского. А ответил он иностранным атташе следующее:

- Машины в общем-то хорошие. Где-нибудь в Африке, в степях и полустепных районах, да еще в колониальной войне, где не надо прорывать прочную оборону, они незаменимы. Для этого, вероятно, они и предназначались. У нас же местность лесисто-болотистая, пересеченная, а гусеницы этих машин узкие, поэтому "матильдам" и "Валентайнам" приходится туго:, при движении в лесу, на крутых поворотах, подъемах и спусках гусеницы часто сваливаются. И потом, на мой взгляд, ваши машины излишне комфортабельны: в них много гуттаперчи, которая легко воспламеняется. Впрочем, этот недостаток мы устранили.

- Каким образом? - удивились американцы и англичане.

- Очень просто. Сняли гуттаперчу и отдали девушкам на гребешки.

Теперь и я знал, что ответить на каверзный вопрос о "матильдах" и "Валентайнах"...

Поздно вечером мы отбыли в Москву. И добрые впечатления о встречах в 5-й армии под убаюкивающий гул машины долго нас не покидали.

* * *

Целую неделю в газете нет статей Ильи Эренбурга. Когда в газете бывали такие перерывы, в редакции обрывали телефон: "Где Эренбург?", "Что с ним?" Но сегодня читателям все стало ясно. Появился его путевой очерк "По дорогам войны". Именно неделю назад Илья Григорьевич выпросил у меня командировку на фронт.

Вместе с фоторепортером Эренбург проехал триста километров по маршруту Малоярославец - Угодский Завод - Козельск - Калуга - Перемышль - Сухиничи. Не все, что он видел и слышал, вошло в очерк, но каждая деталь, каждый эпизод, попавший туда, весомы.

Проезжал города и села и увидел: "Там, где были дома, - крапива, чертополох и, как сорняки, немецкие шлемы, скелеты

машин, снаряды... Красавица Калуга с древними церквями на крутом берегу Оки, она покалечена..."

Встретился с жителями и запомнил: "Женщина в селе Маклаки спокойно говорит: "Дом взорвали. Мужа увели. Дочку испортили". Это - спокойствие большого горя..."

Побывал у разведчиков и узнал: "Недавно пять разведчиков нашли в лесу заржавленный волчий капкан. Они, смеясь, рассказывают: "Фрица в капкан поймали. Ефрейтор, а оказался закапканенный".

Побывал в танковой части и услыхал: "Жива память о двух танкистах окруженные врагами, перед смертью они запели "Интернационал"... Сейчас танкисты учатся, отдыхают, иногда помогают колхозникам в полевых работах, и девушки дивятся - герой, недавно освободивший их село, скромно пашет. Ждут новых боев. Один танкист сказал мне: "Лошадкам не терпится, стучат копытами" - "лошадками" он шутя назвал танки..."

Беседовал с пленными и записал: "Пленные немцы угрюмо лопочут: "Гитлер капут". Что им еще сказать - ведь они в плену. Вот ефрейтор Иоганн Гальтман. Он крестьянин. Боец его спрашивает через переводчика: "Хозяйство у вас большое?" Немец отвечает: "Куда там - всего-навсего один француз".. Пленный француз для него лошадь. И, услышав ответ ефрейтора, наши бойцы сердито отплевываются: "Разве это люди?"

Примечательная встреча была у Эренбурга с командующим 16-й армией К. К. Рокоссовским в Сухиничах. Писатель говорил, что Константин Константинович самый учтивый генерал из всех, которых он когда-либо встречал. Разумеется, Эренбург, как всегда во время своих бесед с военачальниками, интересовался перспективой: что будет дальше? Спросил он об этом и Рокоссовского. Что мог ему ответить командарм? Невозможно точно предвидеть, когда и что будет даже в полосе армии, фронта, а тем более предусмотреть события стратегического плана, которые, как известно, развернулись вовсе не так, как думали Рокоссовский, мы все, да и в Ставке.

А вообще-то в путевых очерках Эренбурга из всего, что он мне рассказал о Рокоссовском, осталось только несколько строк. Еще не пришло время подробно описывать командующих армиями и фронтами - так считали мы тогда. Вот те несколько эренбурговских строк о беседе с командармом:

"Генерал-лейтенант Рокоссовский, командир большого спокойствия и большой страсти, говорит: немцы напрасно обижаются на зиму. Конечно, зима по ним ударила, но зима их спасла. Не немецкие солдаты, а русские снега остановили преследование отступавшей германской армии".

Конечно, это не исчерпывающее объяснение, но резон в нем есть...

* * *

В номере опубликована статья подполковника А. Стеганцева с таким "прозаическим" заголовком: "Артиллерийская стрельба на рикошетах". Суть такой стрельбы в том, чтобы установить взрыватель на замедленное действие, после удара о землю снаряд подскакивает вверх и разрывается в воздухе. О преимуществах стрельбы на рикошетах рассказывалось так: "Число осколков, которые могут поразить цель при разрыве гранаты в воздухе, значительно превышает число поражающих осколков, получаемых при разрыве гранаты на поверхности земли. В последнем случае часть осколков остается в воронке, не принося никакого вреда противнику.

Кроме того, навесное действие осколков при разрыве с рикошета делает малодейственными такие средства защиты живой силы, как открытые окопы, траншеи, складки местности, воронки и пр...

Третье преимущество разрыва с рикошета - огромное моральное воздействие на противника".

Как видим, статья узкоспециальная. Но история ее появления в газете заслуживает, чтобы о ней рассказать.

Зашел ко мне наш артиллерист майор Виктор Смирнов и говорит:

- Знаете вы, что такое артиллерийская стрельба на рикошетах?

Я ответил, что не совсем, вернее, совсем не знаю. Стал он мне объяснять. И, увидев мой недоуменный взгляд - а газета здесь при чем? пояснил, что наши артиллеристы почти не пользуются этим методом стрельбы, недооценивают его. Ну что ж, говорю, пишите статью, напечатаем.

- Статья уже есть, я попросил подполковника Стеганцева из артуправления написать, он большой знаток этого дела. Но прежде чем опубликовать статью, решили посоветоваться с начальником артиллерии Красной Армии Н. Н. Вороновым. Он прочитал статью, одобрил ее, однако сказал:

- Печатать не стоит. Не будем учить противника... Долго шли споры. Мы убеждали Воронова, что если на одну чашу весов положить пользу, которую может принести наше выступление, а на другую вред, то первая чаша перетянет. Все же статья сразу не была напечатана. Но прошло немного времени, и Воронов мне сам позвонил, попросив ее опубликовать:

- Немцы уже начали применять этот метод, - объяснил он, - а наши артиллеристы его забыли...

* * *

Неутомимый Евгений Габрилович приедал с Северо-Западного фронта несколько очерков. Он продолжает разрабатывать тему, близкую его духу и жанру, - человек на войне. Вот его очерк со щедро разлитым юмором "В засаде". В поле зрения автора - солдатская землянка. Он прижился в ней и там находит истинных героев, таких, как сибиряк Крась Павел Никифорович, недавно прибывший с пополнением в этот край холмов и болот. В первый же день он явился к политруку роты, и между ними состоялся диалог:

- Разрешите их пойти пострелять.

- Как это пострелять?

- Да так. Подползу поближе, укроюсь и постреляю.

- Вы снайпер?

- Ну, нет, - ответил боец, - я сибиряк, охотник. Белок стрелял. Дело привычное.

И вот еще затемно Крась отправился в сопровождении другого бойца к пригорку, где засели немцы в сараях, избах, дзотах. К вечеру Крась и боец вернулись в землянку.

- Восемь убитых, не считая раненых, - восхищенно говорил боец командиру.

- Раненых не считаю, - отозвался Крась. - Раненые - это брак.

Еще один любопытный рассказ, как Крась и его товарищи выкурили врага из блиндажа. Явился Крась к командиру и сказал:

- Разрешите мне по ротам отобрать человек десять охотников-сибиряков. Мы их из этих блиндажей выкурим.

- Как это выкурите? Вдесятером?

- А так. Покоя ему не будет.

Отобрали пятнадцать солдат, и началась снайперская осада блиндажей. Круглые сутки дежурили сибиряки в своих укрытиях, убивали каждого, кто вылезал из блиндажа на свет, и добились, что немцы вообще перестали выходить из блиндажей, словно там их заперли. Однако и в блиндажах было небезопасно: сибиряки безошибочно били по амбразурам, наблюдательным щелям. Блокада продолжалась и ночами, когда луна освещала холм. Сибиряки к тому же отлично стреляли по шорохам, по теням - дело привычное, лесное. Прошло пять дней. Немцы кренились. Иногда они открывали яростный огонь, стараясь поразить хотя бы одну из этих не знающих промаха винтовок. Безуспешно. Кончится налет, и первый же немец, который осторожно показывал нос из блиндажа, падал, сраженный пулей. На одиннадцатые сутки, воспользовавшись ночной темнотой, оставшаяся в живых группа бросила блиндажи и отошла...

12 июня

Затишье на фронтах подошло к концу. Началось с Севастополя - это был пролог к тяжелым сражениям лета сорок второго года. Свыше двухсот дней героически отражала натиск врага наша крепость на Черном море. У нас не было сомнений, что она выстоит. Но после того, как советские войска оставили Керченский полуостров, положение города резко ухудшилось. Мне было известно, что еще 18 мая Генштаб дал командованию указание держать войска в постоянной боевой готовности к отражению возможного наступления немцев. Поэтому и наш севастопольский корреспондент Лев Иш тоже получил приказ быть в полной боевой готовности.

И вот сообщение Совинформбюро о начавшемся наступлении противника на Севастополь и первый репортаж об этом нашего спецкора. Не в пример событиям на Керченском полуострове газета систематически освещает ход битвы за Севастополь. Корреспондент сообщает, что немецко-фашистские войска сосредоточили для этого наступления большие силы. Одна за другой идут атаки врага. Иш подробно рассказывает о боях на разных участках севастопольской обороны и каждое сообщение неизменно заканчивает тремя обнадеживающими словами: "Все атаки отбиты".

Позже стало известно, что гитлеровское командование собрало здесь свыше 200 тысяч человек. 450 танков, свыше 2 тысяч орудий и минометов, в том числе тяжелую и сверхмощную артиллерию калибра до 600 мм, около 600 самолетов. А наши войска имели лишь 106 тысяч бойцов, 600 орудий и минометов, 38 танков и 53 самолета. Естественно, что в то время не все нам было известно о численности войск и боевой техники. Только сообщения очевидцев давали возможность ощутить накал битвы за Севастополь. Об этом и рассказ Льва Иша:

"Ожесточенные бои на всех участках полны примеров героизма. Вчера утром противник обрушил на позиции части Новикова мощный шквал артиллерийского и минометного огня. Одновременно часть беспрерывно подвергалась воздушным бомбардировкам. Отлично оборудованные укрытия защищали личный состав от бомб, снарядов и мин. После огневой подготовки неприятель пошел в атаку. Защитники города смело приняли бой. Огнем орудий, минометов, пулеметов и винтовок они косили наступающих фашистов. В течение этого дня немцы, подтянув подкрепления, еще несколько раз атаковали часть Новикова. Ни одна вражеская атака успехов не имела..."

* * *

Публикуются материалы об укреплении боевого содружества Советского Союза с Великобританией и Соединенными Штатами Америки - договоры, телеграммы, коммюнике о посещении Молотовым Вашингтона. Этому событию посвящена и передовая статья. Особенно обратили на себя внимание такие строки в передовице: "В Вашингтоне и Лондоне была достигнута полная договоренность о создании второго фронта в Европе в 1942 году".

Увы, как хорошо известно, эти надежды не оправдались ни в сорок втором, ни в сорок третьем годах. Но тогда все мы верили, что так будет, и это воодушевляло. На фронтах и в тылу проходят митинги, звучат слова надежды на победу в сорок втором году, несмотря на наше поражение на Керченском полуострове и под Харьковом. Три дня подряд мы печатаем репортажи, где немало таких прогнозов: "Наши силы растут и крепнут. Фашистские орды будут зажаты с двух сторон и разгромлены в 1942 году..."

Откликнулся на это событие и Илья Эренбург. Он писал: "Близок день, когда английский капитан отдаст команду: "На ост!" Писатель даже указал, где это должно быть: "Немцы укрепляют побережье. Они возводят оборонительные сооружения на реке Маас..." Там, как известно, и произошла высадка, но только через два года!

Позвонил командующему авиации дальнего действия А. Е. Голованову. Спросил, как прошел полет Молотова в Вашингтон, где найти экипаж. Голованову понравилась идея написать об этом дальнем перелете. Очень хвалил летчиков:

- Сложный и трудный был полет. Героические люди. Надо их похвалить. Я туда позвоню. Кого пошлете?

- Симонова, - ответил я.

Потом Симонов запишет в своем дневнике: "В середине июня я получил от редактора несколько необычное задание - поехать на два-три дня на один из подмосковных аэродромов, где сидели тяжелые бомбардировщики, и побеседовать там с одним из экипажей об их недавнем дальнем спецперелете.

Должно быть, чтобы подразнить меня, Ортенберг не нашел нужным входить ни в какие дополнительные объяснения:

- Они предупреждены, что ты приедешь, и все, что следует рассказать, расскажут. Поезжай!"

Написал Симонов очерк о полете в Вашингтон. Вышло страниц двенадцать, почти полоса. Многовато, но я решил не скупиться на место. Конечно, печатать его без согласия Молотова никак нельзя было. Я позвонил Вячеславу Михайловичу и сказал, что вот подготовили очерк, хотели бы дать в номер. "Пришлите мне", - ответил он. Послали. В этот день нам очерк не вернули. На второй и третий день - тоже. Потом Молотов сам позвонил и

сказал: "Пока печатать не надо". И даже не сказал почему. То ли потому, что был возможен и новый полет и не следовало раскрывать его маршрут. А может быть потому, что в очерке было немало о самом Молотове, его выдержке и спокойствии в очень трудном полете. Молотов, вероятно, посчитал неудобным завизировать очерк, так хваливший его. Не принято было у нас расписывать людей столь высокого ранга, если, конечно, не считать Сталина...

Словом, канул этот очерк в архив. Да и в архиве редакции его не нашли. Единственное, что у меня осталось в памяти, это то, что полет был сложный, опасный, в облаках с молниями, по неизведанному маршруту, на больших высотах, под аккомпанемент вражеских зениток, в неотапливаемом самолете. Это осталось в памяти и Симонова, и о полете Молотова он рассказал затем в своей книге "Разные дни войны".

* * *

То, что я говорил в начале главы о Севастополе, происходило несколько дней назад. А сегодня новое сообщение о продолжающихся с неугасающей ожесточенностью боях на севастопольском фронте. Защитники города отбивают вражеские атаки. Наш корреспондент сообщает, что противнику удалось вклиниться на одном из участков в наши позиции, но вчера утром севастопольцы перешли в контратаку и вышибли врага из этого района. В репортаже не называется район, но на карте в Генштабе я увидел, что это Мекензиевы Горы, находящиеся на направлении главного удара войск противника.

Сегодня в Ставке я прочитал телеграмму Сталина севастопольцам, переписал ее. В ней говорилось: "Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя - красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли, наносящих удары по немецким захватчикам и их румынским прихвостням". Понятно было наше стремление напечатать ее в газете: это была первая за войну такого рода телеграмма Верховного. И к тому же речь шла о Севастополе. Позвонил в ТАСС, его директору Якову Хавинсону. Позвонил в Совинформбюро. Там этой телеграммы нет, ничего о ней неизвестно. Я прекрасно понимал, что без ведома и разрешения Сталина ее не напечатать. Позвонил Верховному. Он сказал:

- А вы похвалите севастопольцев и без моей телеграммы...

Наши "передовики", как мы называли авторов передовиц, сразу же засели за статью, которую назвали "Герои Севастополя". И все же мы нарушили указание Верховного. В передовой полностью привели текст телеграммы, выделив его жирным

шрифтом. Но, правда, опустили подпись Сталина.

* * *

Вновь, после десятидневного перерыва, в сводках Совинформбюро появилось Харьковское направление. Ударные группировки противника начали наступление в районе Чугуева, Балаклеи и южнее Изюма - в направлении на Купянск. Публикуем подробный репортаж с Юго-Западного фронта. Наши корреспонденты пишут: "В ряде районов бои носят упорный характер, поскольку с обеих сторон введено большое количество техники..." Есть и сообщение, что противнику удалось, как было принято тогда выражаться в газетах, "вклиниться в наши позиции", то есть продвинуться вперед. Но в Генштабе я узнал, что войска получили приказ Ставки держаться, на удар отвечать контрударом. Решили: о том, что произошло, пока не печатать...

* * *

Опубликовано письмо Николая Тихонова "Ленинград в июне", занявшее в газете, как мы и договорились, больше места, чем предыдущее письмо, - два подвала. Перед читателями встают картины повседневной жизни блокадного Ленинграда, запечатленные рукой художника:

"Сияющее синее небо. Облака от залива белые, пушистые, летние. В трамваях, идущих из пригорода, на коленях у женщин охапки цветущей черемухи, в руках лопаты. Но эти загорелые руки роют не только окопы. Они работают сейчас на трудовом фронте - весь город занялся огородами. И девчонки в кокетливых платочках, и старые работницы, с лиц которых постепенно сошли тени голодной зимы, и мужчины, не пошедшие еще в армию, старики-бородачи, все с лопатами, все говорят о рассаде, о скороспелой картошке, моркови, капусте. В самом городе гряды вырастают на бульварах, на газонах, в крошечных садовых уголках, на пустырях между огромными безоконными задними фасадами домов, рядом с памятниками в общественных садах. Везде начинают зеленеть грядки..."

И картина заводского труда:

"Директору звонят из литейной, что снаряды ложатся все ближе. Как быть? Прекратить литье - об этом никто не думает. Он велит оставить минимальное количество добровольцев, а остальным уйти в укрытие. "Есть уйти в укрытие всем, кроме добровольцев!" Через час обстрел прекращается. Директор звонит: "Ну, как? Все в порядке? Кто оставался добровольцем?" Кто остался! "Все остались". Никто не ушел, работали нормально".

Вторая часть письма - рассказ о фронте. "Мы исходили вдоль и поперек ходы сообщений, напомнившие мне знакомые картины фронта первой мировой войны. Так вот во что превратилась

"молниеносная война" Гитлера! Окопы против окопов, снайпер против снайпера, проволока против проволоки. И методическое истребление немцев, заставившее их забыть, как ходят люди во весь рост. На брюхе ползут они, спасаясь от пуль, в свои блиндажи и сидят там ночью, опасаясь удара... И никакой генерал не объяснит немецкому солдату, что же дальше, потому что дальше только поражение и неизбежный разгром..." Люди, защищающие Ленинград, - "это люди особой породы. Они остановили немца, закопали его в землю. Пусть он подымет голову - он ее потеряет незамедлительно!"

* * *

Леонид Высокоостровский прислал с Калининского фронта любопытную корреспонденцию "Партизаны сорвали маневр врага". Шла передислокация немецких войск с одного участка фронта на другой. Чтобы скрыть ее, немцы стали передвигаться небольшими колоннами по разным дорогам. Здесь их и застукали партизаны. Идет рассказ о том, как умело и доблестно партизаны это сделали. В одном месте взорвали мост. В другом устроили засаду. Маскировка. Внезапность. Огневые налеты. Словом, потеряв немало солдат и офицеров, немецкое командование больше не рисковало...

17 июня

Вернулся в Москву из далекого Ташкента Алексей Толстой. На второй день "по долгу службы" явился в редакцию. Его, как всегда, прежде всего интересовала обстановка на фронте: Керчь, Харьков. Севастополь, а также перспектива текущего года. Рассказал я, что знал, не так уж и много, но во всяком случае гораздо больше, чем сообщало Совинформбюро и что печаталось в нашей газете. Подвел к карте, занимавшей чуть ли не полстены в моем кабинете, показал новую линию фронтов, очерченную красными флажками. Что будет дальше? Что я мог сказать?

Конечно, был разговор и о том, что ему писать для газеты. И мне вдруг пришло в голову:

- Завтра открывается сессия Верховного Совета СССР для ратификации договора с Великобританией. Нужен очень ответственный репортаж. Не смогли бы вы взяться за это?

Попросил - и самому стало неловко: репортаж - Алексею Толстому! Писатель, видимо, почувствовал в моем голосе смущение и сразу же сказал:

- Напишу. Я ведь когда-то писал такие газетные вещи, в первую мировую войну. Дело для меня не новое. Старый

репортер...

После окончания сессии Толстой сразу же пришел в редакцию. Репортаж был написан с писательской страстью. Главное, он дышал верой, верой в победу. Под таким заголовком и был напечатан.

Кстати, во время нашей беседы о предстоящей сессии, когда зашел разговор о поездке Молотова в Вашингтон, я поплакался Толстому, что никак не могу пробить очерк Симонова о том полете нашего бомбардировщика. Видно, Алексей Николаевич намотал на ус эту историю, и в том же репортаже появились строки о Молотове: "И туда и обратно он летел на нашем великолепном и грозном самолете, покрывшем расстояние от Москвы до Вашингтона немного больше чем в полсуток". А на публикацию этих строк разрешения мы не стали просить.

А еще через день был опубликован Указ о присвоении звания Героя Советского Союза "за отвагу и геройство, проявленные при выполнении задания Правительства по осуществлению дальнего ответственного перелета" экипажу бомбардировщика майорам Э. Пусепу, С. Романову и А. Штепенко. Может быть, не всем, но многим нетрудно было установить в подтексте связь между тем, что писал Толстой, и Указом...

* * *

Почти в каждом номере газеты печатаются корреспонденции, статьи, очерки о наших боевых комиссарах, политработниках, парторгах - об их работе в полках, ротах, на переднем крае. Вот и сегодня опубликована статья военкома полка Н. Кузьмина "Воспитание любви к своему оружию". Статья на неожиданную тему. Один из батальонов полка вел наступление. Комиссар батальона, заметив, что некоторые бойцы, продвигаясь вперед, редко стреляют, тут же спросил рядом лежавшего стрелка:

- Почему не стреляете?

- А зачем? Бьет наша артиллерия, бьют минометы. Этот огонь сильнее винтовочного...

Комиссар запомнил ответ бойца. Вскоре батальон занял оборону. Военком целый день просидел в первой линии окопов и видел, что некоторые бойцы и здесь редко ведут огонь по врагу. И он стал действовать. Беседами не ограничился. На рассвете два коммуниста ушли вперед, окопались и стали выслеживать противника. Один боец в этот день сразил двух немцев, а другой, парторг Гришин, - трех. И сразу же комиссар собрал коммунистов. Гришин рассказал об этом боевом дне, а комиссар потребовал, чтобы все партийцы стали настоящими стрелками...

Это был рассказ о том, как в полку стали ценить и уважать винтовку.

* * *

В эти дни опубликованы большие, размером в три полные колонки статьи начальника фронтового отдела "Красной звезды" полковника И. Хитрова "Некоторые вопросы вождения войск" и начальника танкового отдела подполковника П. Коломейцева "Танковый бой". Это был не просто рассказ об опыте боев какого-либо полка или соединения. Статьи отличались широким тактическим кругозором. Вдумчивые опытные офицеры, хорошо разбирающиеся в вопросах тактического и оперативного искусства, они за год побывали на многих фронтах, многое увидели, многое услышали, тщательно собирали все новое, что рождалось на нолях сражений, и теперь раскрывали все это читателям. Много доброго мы услышали об этих публикациях в Генштабе, в управлениях наркомата и на фронте. Как было нам, в редакции, не радоваться!

Заговорил о Коломейцеве и вспомнил вдруг такую деталь. Коломейцев любил в своих статьях выделять главные мысли жирным шрифтом, иногда этим злоупотреблял.

- Зачем? - как-то я спросил Петра Илларионовича. - Разве читатель сам не разберется, где главное?

- Так статья лучше смотрится, - смущенно ответил он.

Эту "слабость" мы, кажется, ему прощали.

* * *

В сегодняшнем номере Илья Сельвинский напечатал стихи "Севастополь Балаклава". Даже не знаю, как их назвать: героические, лирические или как-то еще. Пусть читатель сам решит. Но я могу определенно сказать - эти стихи о двух сражавшихся до конца плечом к плечу крымских городах брали за душу.

Как девушка, что ранена в бою,
Но не сдает позицию свою,
Военною овеянная славой,
Прильнувшая к заветному курку,
Стреляет золотая Балаклава
Из снайперской винтовки по врагу.
О, ей к лицу голубоватый мех
Порохового дыма. Ведь недаром
В боях руководит ее ударом
Тот юноша, что ближе всех
Который с ней, как с тополицей тополь,
Лихой, веселый, грозный Севастополь.
Любимые, родные города.
Вас только двое на просторах Крыма,

Но вы сражаетесь неукротимо,
И вами наша родина горда.
И гвардия, рубясь в огне и дыме,
Как знамя, подымает ваше имя,
Нет пары обоятельней, чем вы.
По всем краям, но всем раздольям мира
Вы стали, как трагедия Шекспира,
Эмблемою отваги и любви
И молодость клянется величаво
Дружить, как Севастополь с Балаклавой.
Так пусть же эта песня долетит
До ваших губ, и боевою службой
В огне оберегает вашу дружбу,
Как вашу силу - орудийный щит.
Держитесь гордо. Никогда Россия
У недруга пощады не просила.

* * *

Лидице. В Военном энциклопедическом словаре о ней написано: "Горняцкий поселок в Чехословакии, в 16 километрах северо-западнее Праги, уничтоженный немецкими фашистами 10 июня 1942 года. Жители Лидице были обвинены в причастности к покушению на шефа протектората Чехии и Моравии Р. Гейдриха. Мужчины Лидице были расстреляны, женщины и дети отправлены в концлагеря, поселок сожжен". Об этой трагедии мы сразу же узнали. Поздно вечером Илья Эренбург показал мне сообщение, в котором рассказывалось, как фашистские изверги расправились с мирным чешским поселком и его жителями. Илья Григорьевич просил оставить в номере 70-80 строк. Через час он принес свою статью. Вот строки из нее, пылавшие ненавистью к гитлеровским палачам:

"В Чехии немцы снесли с лица земли город Лидице... Германский протектор подписал указ: "Название Лидице навеки вычеркнуто из всех регистров".

Но вот по Праге идут немецкие палачи, и на всех дверях видят одно слово: "Лидице, Лидице, Лидице". В тот час, когда немцы жгли несчастный город и закапывали тела расстрелянных, миллионы чехов дали обет: "Палачи будут наказаны". Германия не забудет слово "Лидице". Это слово отныне бессмертно. С ним на устах будут люди сражаться. С ним будут судить. С ним будут карать...

У нас есть свои Лидице: Минск, Киев, Феодосия. Одесса. Мы ничего не забываем... Мы не забудем о слезах русских женщин.

Мы не забудем о слезах матерей других народов. Чешские матери, мы вспомним и ваши слезы. Мы еще не раз скажем немецким палачам: "Вот вам - за Лидице!"

С этого дня на всех наших фронтах и Лидице стало символом беспощадной мести немецким фашистам...

22 июня

Минул год с тех пор, как гитлеровская Германия напала на нашу страну. Такой дате, естественно, надо было бы посвятить весь сегодняшний номер газеты. В этот день - понедельник - "Красная звезда" выходная.

Итоги первого года войны мы подвели 21 и 23 июня, в двух номерах газеты. Материалов для них оказалось предостаточно. Прежде всего отмечу большую трехколонную статью М. И. Калинина "Год войны". Для нас он писал постоянно и, думаю, не без интереса. А тем более в особо важные даты. Его статья - политический и военный итог первого года Отечественной войны, обзор событий на фронте и в тылу. Особенно сильно звучат заключительные слова статьи:

"Советский народ не строит себе никаких иллюзий насчет легкости победы над коварным, озверелым врагом, который будет изо всех сил спасать свою шкуру. Враг еще располагает значительной военной техникой. Чем безнадежнее будет положение гитлеровской банды, тем на большие авантюры она будет пускаться. Но гибель гитлеризма неминуема.

Советский народ полон трезвой, непоколебимой уверенности в победе и знает, что эту победу надо завоевывать каждый день на фронте и в тылу, на фабриках, шахтах, в колхозах, на передовых позициях, в окопах, в партизанских отрядах. Никакие жертвы и лишения не остановят советских людей в их железной решимости уничтожить своего смертельного врага. Наша задача насколько возможно это ускорить".

Годовщине войны посвящена передовая и, конечно, статья Ильи Эренбурга, озаглавленная кратко и просто "Июнь". Это публицистический рассказ о том, что пережил наш народ за минувший страшный год. Он написал со страстью, с большой художественной силой: "Год тому назад, накануне войны. Красная Армия была частью государства... Теперь вся Россия - это Красная Армия... Мы многое потеряли за этот год: мир, уют, города, близких. Мы многое за этот год обрели: ясность взгляда, плодотворную ненависть, огонь патриотизма, завершенность, зрелость каждого человека"... И такая же трезвая, как и в статье

Калинина, оценка перспектив войны: "Наши испытания не кончены. Нелегко откажутся немцы от своей преступной мечты быть "герренсфольк" "народом господ". Они еще жадно смотрят на Кубань, где зреют нивы богатого урожая. Они еще косятся на дворцы Ленинграда... Нам предстоит дважды трудное дело: отбить и прогнать...

Россия в гимнастерке, обветренная и обстрелянная, - это все та же бессмертная Россия... она заглянула в глаза победе... Она не где-то вдали, она рядом - в твоем блиндаже, в твоем окопе, у твоей батареи. И мы теперь говорим: победа с нами".

Это все - 21 июня. А в следующем номере газеты на первой полосе сообщение Совинформбюро "Политические и военные итоги года Отечественной войны". Мы, понятно, знали, что готовится такой документ в Центральном Комитете партии и Ставке, и, откровенно говоря, волновались: верна ли была в предыдущем номере оценка, которую мы дали и прошлому и настоящему, верно ли мы сказали о перспективе. Успокоились лишь тогда, когда получили официальный текст итогов. Он, естественно, был составлен обстоятельно, широко. Документ - не статья! И все же "огрехов" у нас не оказалось...

* * *

А вчера, когда я корпел над очередным номером газеты, появился у меня Михаил Шолохов, наш постоянный корреспондент. Как всегда, в полной полевой экипировке - военной, выцветшей на солнце гимнастерке, с портупейными ремнями, поясом с командирской бляхой и пистолетом, он был по-казачьи строен: не писатель, а боевой офицер. На лице загар, в глазах тень усталости от фронтовых странствований...

Я никогда не спрашивал Шолохова: что принес для газеты? Ниже я объясню - почему, но на этот раз я не мог удержаться:

- Михаил Александрович! Есть что для "юбилейного" номера?

- Есть... - И положил мне на стол 12 страничек, напечатанных на машинке, над которыми стоял заголовок "Наука ненависти".

Я отодвинул все свои бумаги в сторону и сразу же стал читать. Эта тема была жгучей всю войну для армии, народа и, понятно, для газеты. Не было почти ни одного номера "Красной звезды", чтобы мы к ней не обращались. Сколько было выступлений Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, Константина Симонова и других наших корреспондентов, сколько было документов, фотографий напечатано за минувший год! Выступил в газете и Шолохов еще в августе 1941 года.

В один из этих дней мне принесли сообщение нашего спецкора о страшном изуверстве гитлеровцев. На Смоленском направлении, близ Ельни, разгорелся ожесточенный бой. Когда

наша часть перешла в контрнаступление, немцы выгнали из домов женщин и детей и, заслонив ими свои окопы, продолжали вести бой. Как раз в это время у меня сидел Шолохов. Я показал ему это сообщение. Увидел, как запылало его лицо гневом. А в завтрашнем номере газеты появилась его небольшая статья, в которой каждое слово стреляло гневом и ненавистью к фашизму.

А вот ныне - очерк на целую газетную полосу. Сюжетная линия повествования - рассказ лейтенанта Виктора Герасимова о том, что он увидел и пережил в немецком плену. Очерк поразил меня силой чувств, в котором со множеством психологических деталей показаны страдания советских воинов, оказавшихся в лагерях смерти. Не буду пересказывать очерк. Хочу лишь отметить: его важность ныне была исключительной. Но, пожалуй, мне легче всего это сделать словами Алексея Толстого. У меня на столе лежала как раз статья Толстого "Убей зверя!", подготовленная для того же номера газеты, что и очерк Шолохова. Вот заключительные строки статьи Алексея Николаевича:

"Товарищ, друг, дорогой человек, на фронте и в тылу, если ненависть твоя стала остывать, если ты к ней привык - погладь, хотя бы мысленно, теплую головку твоего ребенка, он взглянет на тебя ясно и невинно. И ты поймешь, что с ненавистью свыкнуться нельзя, пусть горит она в тебе, как неутомимая боль, как видение черной немецкой руки, сжимающей горло твоего ребенка".

"Наука ненависти" и звала к тому, чтобы ненависть не остывала, чтобы с ней не свыкались.

Обстановка на фронте резко изменилась. После харьковского окружения и в дни начинавшегося нового наступления немецких войск вновь, как и летом прошлого года, со всей остротой встал вопрос о плене. Вновь надо было напомнить, что плен - хуже смерти. "Наука ненависти" с исключительной силой предупреждала, какие страдания, душевные и физические, ждут того, кто очутился вольно или невольно в плену, звала сражаться с врагом до последнего дыхания.

Это я и сказал Михаилу Александровичу. Ответил он всегда подкупающей улыбкой.

А теперь, отступая от сюжетной линии своего повествования, хочу рассказать, почему еще мы были рады выступлению Шолохова. С первых же дней работы специальным корреспондентом "Красной звезды" Шолохов бывал на разных фронтах, но далеко не всегда его поездки завершались корреспонденциями, очерками. Они давались ему с большим трудом. Писателю, привыкшему неторопливо обдумывать каждое слово, трудно было писать в номер. Михаил Александрович сам

болезненно переживал это. Помню такой случай. Не раз наша газета писала о воздании воинских почестей погибшим воинам. На эту тему печатались статьи, корреспонденции, передовицы. Попросили мы и Шолохова выехать на фронт, посмотреть, как там это происходит. Отправился он в путь, побывал в полках и дивизиях, но очерк, увы, не получился. Спустя много лет, вспоминая этот эпизод, он говорил своему биографу Исаю Лежневу, что газетная работа ему никогда не удавалась.

- Особенно остро я ощутил это во время Отечественной войны. Я не умею скоро писать. Никакой я не газетчик. Нет хлесткой фразы, нет оперативности, столь необходимой для газетной работы.

В такой прямой форме и, по-моему, даже с явным преувеличением Шолохов нам подобных признаний в годы войны не делал, но мы сами старались без особой необходимости не загружать его оперативными заданиями. Вскоре после включения Шолохова в краснозвездовский строй я однажды сказал ему:

- Михаил Александрович, как вы отнесетесь к такому предложению: ездить по фронтам и писать только то, что вам будет по душе?

Он посмотрел на меня своими синими, лучистыми глазами, кивнул головой. И отправился моложавый полковой комиссар по фронтам, как бы сейчас сказали, в автономное плавание, к героям своих будущих произведений, сражавшихся за Родину.

Нам, конечно, хотелось, чтобы об увиденном Шолохов рассказывал сразу, но все же мы не торопили писателя. Пришло время, и вот сегодня опубликована его "Наука ненависти".

Получили очерк Николая Тихонова "Ленинград сражается". Выслал своевременно, но он задержался в пути. Опубликовали на следующий день. Это тоже итоги за минувший год. Нет в очерке ни одной строки, не заслуживающей внимания. Все интересно, все важно. Но я хочу рассказать о том, что произвело на меня и, смею думать, на всех читателей особое впечатление.

"Среди населения захваченных советских районов спешно распространялась подлая газетка... Писаки из рижских белогвардейцев и прибалтийских немцев печатали вздор о том, что немцы ворвались в Ленинград... Один партизанский отряд, не имевший рации и получивший в деревне такую немецкую грязную газетку с известием о взятии Ленинграда фашистами, собрал экстренное собрание. После долгого обсуждения партизаны, не имевшие связи с другими отрядами, написали краткий протокол этого совещания. "Слушали: сообщение немецкой газетки о взятии немцами Ленинграда. Постановили: считать, что Ленинград не взят и не может быть взят никогда".

Впервые было откровенно рассказано о тех муках, которые пережили ленинградцы в минувшем году.

"Ленинградцы несли неслыханные трудности. На весах истории их паек в сто граммов серого хлеба (таков был прежде этот паек) перетянет любые мешки с золотом... Братские могилы умерших за время блокады, могилы, говорящие о непреклонном духе бойцов, горожан, останутся навсегда памятником массового героизма. Без света, без воды, без дров в лютую зиму жил город и работал непрерывно на оборону... Они увидели бедствия, каких не помнит мир... Пережили - и не смутились духом, не ожесточились сердцем, не замкнулись в молчании...

Начинается второй год нашей Великой Отечественной войны. Оглядываясь на прошедшие месяцы, мы видим, как возмужали юноши, как выросли дети, как помолодели старики. Но мы видим и поседевших от горя мужчин и женщин. Мы видим еще, скольких с нами уже нет. Всех коснулась война - и старых, и молодых, и совсем юных...

Настанет день, и на ленинградских улицах заалеют флаги победы. И летописцы Ленинграда положат на стол большую бессмертную книгу о страданиях, славе, подвигах и победе славного, трудового Ленинграда!"

Эти вещие слова стали действительностью...

* * *

Новый автор появился на страницах нашей газеты - поэт Павел Антокольский. Его стихи тоже посвящены году войны и озаглавлены "Двадцать второе июня".

Кончайся, кончайся, обугленный год!
Стань прошлым! Историк напишет,
Как, встретив злейшую из непогод,
Страна еще яростней дышит...

Еще одна примечательная публикация - нашего военного обозревателя полковника Михаила Толченова "Год тому назад в Бресте".

Ныне хорошо известно все или почти все о брестской эпопее. О ней талантливо написал после войны Сергей Сергеевич Смирнов. Крепости присвоено звание Героя. А в мемориальном комплексе восстановлена картина героической борьбы защитников крепости. Но в те дни, о которых я рассказываю, мы в сущности ничего не знали о подвиге Бреста. Несколько слов в сводке Главного Командования Красной Армии от 24 июня 1941 года о том, что немцы заняли Кольно, Ломжу и Брест. И ничего больше. Но вот вчера Толченов зашел ко мне и показал

трофейный документ: "Боевое донесение о взятии Брест-Литовска", составленное штабом 45-й немецкой пехотной дивизии и попавшее год спустя в наши руки. Это было свидетельство врага. Помимо воли авторов ожила история стойкости, самоотверженности и героизма защитников Бреста.

Приведу несколько выдержек из этого документа, опубликованных в "Красной звезде":

"...Там, где русские были выбиты или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов домов, из-за водосточных труб и других укрытий появлялись новые силы, стреляли превосходно, так что потери значительно увеличились..."

"Личным наблюдением командир дивизии в 13.50 убедился, что ближним боем пехоты крепости не взять..."

"Около 9.00 из 4-й армии прибыла радиоагитмашина, из которой стали разъяснять русским бесполезность их сопротивления и призывали к сдаче в плен... С наступлением темноты русские пытались сделать мощные вылазки... Стало ясно, что русские, готовые к дальнейшим боям, отклоняли любую капитуляцию..."

"25 июня. Чтобы уничтожить фланкирование из дома комсостава, на центральном острове, которое действовало очень неприятно, туда были посланы 81-й саперный батальон с поручением - подрывной партией очистить этот дом. С крыши дома взрывчатые вещества были спущены к окнам, а фитили были зажжены, были слышны стоны раненых русских, но они продолжали стрелять..."

"30 июня. Подготавливалось наступление с бензином, маслом и жиром - все это скатывалось в бочках и бутылках в окопы форта, там это нужно было поджигать ручными гранатами и зажигательными пулями".

Фашисты вынуждены сквозь зубы признать подвиг защитников Бреста. Боевое донесение штаба 45-й дивизии заканчивалось словами:

"Ошеломляющее наступление на крепость, в которой сидит отважный защитник, стоит много крови. Эта простая истина еще раз доказана при взятии Брест-Литовска.

Русские в Брест-Литовске боролись исключительно упорно и настойчиво, они показали превосходную выучку пехоты и доказали замечательную волю к сопротивлению".

Такова была истина о взятии немцами Бреста, наполняющая наши сердца гордостью и восхищением первыми героями Отечественной войны - героями Бреста! Так, собственно, и сказано в сегодняшнем номере газеты.

Что же касается того сообщения нашего Главного Командования от 24 июня о Бресте, его можно объяснить только неразберихой, существовавшей в донесениях с фронтов в первые дни войны. Брестская крепость пала не 22 июня, а 20 июля. Целый месяц отстаивали крепость герои от бешено атаковавшего ее врага!!

Борис Ефимов нарисовал для этого номера карикатуру. Кладбище. На нем в ряд стоят надгробные памятники. На них надписи: "3-недельный поход на Москву", "Надежды на раскол антигитлеровского блока", "2-месячный поход до Урала" и др. А одно из этих надгробий изображено в виде молнии, уткнувшейся острием в землю. И надпись: "Блицкриг". У надгробий стоит Гитлер, и слезы у него капают на нос и с носа. У лужи слез - Геббельс и толстый, как бочка, Риббентроп, вытирающие платком слезы. Надпись под карикатурой: "Похороненные надежды". Подпись: "Как мало прожито, как много перебито..."

25 июня

Несколько дней назад ко мне зашел рослый, стройный, одетый в военную форму с тремя "шпалами" старшего батальонного комиссара на петлицах, по-юношески подтянутый Евгений Петров. Я рад был увидеть его в стенах нашей редакции, хотя еще не знал, что его привело ко мне. Вообще-то он был частым гостем в "Красной звезде". Приходил обычно за материалами для Совинформбюро, где работал корреспондентом для зарубежной печати. Но то, что я услышал на этот раз, было для меня совершенно неожиданным. Петров уселся напротив меня, вынул из кармана гимнастерки и молча протянул мне сложенный вчетверо лист бумаги. Оказывается, одна из центральных газет, командирует его в Севастополь. Увидев мое недоумение, Петров сказал:

- Не удивляйтесь! Как видите, командировка у меня от другой газеты, невоенной. У нее не всегда хватает смелости, а я еду туда, где обстановка очень сложная. Я хочу писать все, как есть. Если будете печатать, давайте командировку, очерки из Севастополя пришлю вам...

Легко догадаться, как было воспринято предложение известного писателя, в те дни - главного редактора "Огонька". Я рад был новому корреспонденту, да еще в сражающемся Севастополе. Тем более что его предложение соответствовало духу нашей газеты. Мы и сами не любили разжижать газету киселем полуправды.

Командировку Петрову подготовили быстро. Вручая ему предписание, я спросил, сколько времени потребуется ему на сборы. Он ответил, что готов отбыть хоть сегодня, было бы на чем. Решили, что он вылетит самолетом до Краснодара, где размещается штаб фронта, оттуда на машине нашей корреспондентской группы доберется до Новороссийска, затем отправится в Севастополь - морем. Я сразу позвонил командующему ВВС А. А. Новикову, и он приказал взять писателя на борт первого же самолета, отправлявшегося в Краснодар.

За день до этого Толченов показал мне сообщение берлинского радио: немцы утверждали, что Севастополь уже взят и они являются его полными хозяевами. В связи с этим мы решили послать в Севастополь фоторепортера Виктора Темина с наказом сделать снимки города и немедленно вернуться в Москву. Он был уже в пути. Я рассказал об этом Петрову: возможно, им удастся встретиться.

Все было сделано, как намечено. Вскоре Петров благополучно прибыл в Новороссийск и морем, на лидере "Ташкент", прорвался в осажденный Севастополь. Нелегким был этот поход. Петров назвал его образцом "дерзкого прорыва блокады", который навеки войдет в народную память о славных защитниках Севастополя как "один из удивительных примеров воинской доблести, величия и красоты человеческого духа". "Ташкент", имея на борту красноармейцев и боеприпасы, отправился в рейс в два часа дня. Более скверную погоду для этого трудно было придумать: чистое небо, палящее солнце и совершеннейший штиль. Немцам не стоило труда обнаружить корабль. Тридцать вражеских бомбардировщиков четыре часа нещадно бомбили его. Ночью его атаковали торпедные катера. Спасли хладнокровие, выдержка и высокое искусство капитана и экипажа.

К счастью, все кончилось благополучно. В Севастополе Петров видел все, что там происходит, беседовал с защитниками города и, вернувшись в Новороссийск, сразу же по военному проводу передал очерк "Севастополь держится". Сегодня он опубликован в газете.

Петров написал так, как задумал и как надо было для нас писать. Первые же строки погружают нас в атмосферу севастопольского сражения:

"Сила и густота огня, который обрушивает на город неприятель, превосходит все, что знала до сих пор военная история. Территория, обороняемая нашими моряками и пехотинцами, невелика. Каждый метр ее простреливается всеми видами оружия. Здесь нет тыла, здесь есть только фронт. Ежедневно немецкая авиация сбрасывает на эту территорию

огромное количество бомб, и каждый день неприятельская пехота идет в атаку в надежде, что все впереди снесено авиацией и артиллерией, что не будет больше сопротивления. И каждый день желтая, скалистая севастопольская земля снова и снова оживает и атакующих немцев встречает ответный огонь... Город держится наперекор всему - теории, опыту, наперекор бешеному напору немцев...

Самый тот факт, что город выдержал последние двадцать дней штурма, есть уже величайшее военное достижение всех веков и народов. А он продолжает держаться, хотя держаться стало еще труднее".

И особое мужество нужно было, чтобы написать в конце очерка:

"Когда моряков-черноморцев спрашивают, можно ли удержать Севастополь, они хмуро отвечают:

- Ничего, держимся!

Они не говорят: "Пока держимся". И они не говорят: "Мы удержимся". Здесь слов на ветер не кидают и не любят испытывать судьбу. Это моряки, которые во время предельно сильного шторма на море никогда не говорят о том, погибнут они или спасутся. Они просто отстаивают свой корабль всей силой своего умения и мужества".

Взволнованно читал я только что полученный по "бодо" очерк нашего корреспондента и вспоминал наш разговор в редакции. Тогда я еще не знал, что он напишет. А сейчас увидел, как умно, честно и смело писал он правду беспощадную правду войны.

Рассказывая о героизме защитников города, почти 250 дней отстаивающих свой город, писатель не счел нужным скрывать горькую истину: видимо, Севастополь не удастся удержать. Эти строки очерка, за которые он, наверное, больше всего тревожился, мы напечатали, не изменив ни слова.

С часу на час ждали нового очерка Петрова. Но вдруг мне сообщили страшную весть: на пути из Краснодара в Москву в авиационной катастрофе погиб Евгений Петров. Возвращался он в столицу на транспортном самолете. Летели низко, на бреющем, уходя от появившихся в воздухе немецких истребителей, и севернее Миллерово, около слободы Маньково-Калитвенской, врезались в курган...

На место катастрофы вылетели старший брат Петрова Валентин Петрович Катаев и наш спецкор Олег Кнорринг, с которым Петров и Симонов недавно ездили на Север. С воинскими почестями похоронили Евгения Петрова...

Подробности катастрофы рассказал Аркадий Первенцев, летевший на этом же самолете. Он прислал мне письмо:

"Расскажу кратко Вам о катастрофе с самолетом, в котором вместе со мной летел Евгений Петров.

Мне нужно было срочно вылететь в Москву по делам газеты "Известия". Я обратился к командующему фронтом С. М. Буденному, и он выделил специальный самолет, который должен был меня доставить в Москву. Буденный меня предупредил, что отдал распоряжение лететь только по маршруту Краснодар Сталинград - Куйбышев - Москва, минуя зону боевых действий.

Вылет намечался на 10 часов утра. Но в это время приехал из Новороссийска Петров, куда он прибыл на лидере "Ташкент", и просил захватить его в Москву. Он зашел к Буденному и там задержался. Мы уже хотели улетать без него, но обождали.

Вылетели с опозданием. С нами был работник Наркомата внутренних дел с ромбом в петлицах Смирнов и начхим Черноморского флота Желудев. Когда прошли Новочеркасск, летчик Баев, человек с бородой, пришел ко мне с просьбой разрешить ему спрямить маршрут и лететь не так, как приказал Буденный, а через Воронеж:

- Я еще ни разу не видел поля боя, хочу посмотреть.

Я сказал летчику, что надо выполнять приказ маршала, но если ему хочется что-то изменить, пусть обратится к более старшему но званию, к человеку с "ромбом", - Смирнову.

Смирнов дремал. И когда Баев сказал ему об изменении маршрута, он махнул рукой: делайте, мол, как найдете нужным. Летчик посчитал это разрешением, взял с собой Петрова и оба ушли в кабину.

Я полез в смотровой люк стрелка-радиста и вскоре увидел летящие самолеты. Это были три "мессершмитта" и итальянский самолет "Маки-200". Я сказал об этом стрелку. Он сверился по силуэтам, вывешенным но кругу, и равнодушно заметил: "Это наши "чайки" и "ишачки". Я спустился вниз и сказал Желудеву: "Нас скоро начнут сжигать. Знаете, что такое шок? Чтобы перейти в другой мир без шока, давайте спать, ночь я не спал, беседовал в номере гостиницы с летчиками из полка Морковина".

Итак, мы легли спать, и проснулся я уже на земле изувеченным, с перебитым позвоночником, обожженным лицом и раненой головой. Моторы были отброшены на 200 метров, и из обломков дюраля поднималась чья-то рука. Немцы летели над нами. Далее - слобода Маньково-Калитвенская, где похоронили Петрова, а затем меня вывезли через Воропаново в Сталинград.

Мы разбились, слишком низко уходя на бреющем полете от немцев".

* * *

Неисповедимы судьбы человеческие на войне. В Севастополе Петрову не удалось встретиться с Теминым. Фотокорреспондент добирался в Севастополь на подводной лодке. На подводной лодке он возвращался из Севастополя. Встретились они лишь в Краснодаре. Петров сказал Темину, что может его взять с собой в Москву. Но Темин торопился. Писатель успел уже передать свой первый очерк, а теминские снимки были еще в кассетах. Темин вылетел другим самолетом, на три часа раньше...

Его снимки были напечатаны на всю первую полосу и на третьей полосе. И среди них неповторимая панорама центральной севастопольской площади. Рядом искореженное железо и обрывки проводов на мачтах линии высокого напряжения. А посередине во весь рост - памятник Ленину среди дыма и огня, как бы смотрящий на пожарище. Увидев снимок, Илья Григорьевич написал:

"Статуя выстояла - как душа нашей Родины".

* * *

Продолжается ожесточенное сражение на Харьковском направлении. Наши спецкоры сообщают, что бои развернулись на подступах к Кунянску, а затем и в самом городе. Ввиду численного превосходства противника наши войска оставили город. Однако "попытка врага переправиться через реку и занять там плацдарм успеха не имела". В репортаже не была названа река, но в Генштабе нам сказали, что это Оскол, важный рубеж нашей обороны. Там же подтвердили, что противник вынужден был в этом направлении прекратить свое наступление.

Материалы, посвященные боям оборонительного характера, занимают все больше места на страницах газеты. Такими были, к примеру, статьи "Минометный огонь при отражении вражеских атак". "Круговая оборона батальона" и др. Они, несомненно, привлекают внимание фронтовиков к разворачивающимся событиям.

Но и наступательные операции, их опыт продолжают занимать "Красную звезду". Опубликована статья командующего армией генерала М. Попова "Опыт подготовки внезапного удара". Это подробный рассказ об операции армейского масштаба, ее подготовке и проведении. Конечно, меня могут теперь спросить: как же так, из Керчи мы ушли, обстановка в Севастополе критическая, на Харьковском направлении мы отступаем, а пишем о наступлении. Объяснение, по-моему, этому есть. Прежде всего оно в том, что наши военачальники, в том числе и такого высокого ранга, как командармы, приобрели бесценный опыт, выстраданный, можно сказать, в тяжелых боях, и нам, да и им, не хотелось откладывать его в долгий ящик. А потом, мы верили, что

придет время и мы снова будем наступать...

* * *

Впервые на страницах газеты появилось имя поэта Александра Безыменского. Кто из людей моего поколения не зачитывался его поэмой "Ночь начальника политотдела", посвященной тридцатым годам! Я в ту пору работал начальником политотдела Сумской МТС на Украине, и мне казалось, что в ней рассказано и о нас. В войну с белофиннами мы вместе служили во фронтовой газете "Героический поход", которую я в ту пору редактировал. Работали азартно, стали друзьями.

Месяца через два после окончания финской войны зашел ко мне в редакцию Александр Ильич и после дружеских объятий подарил красочно оформленное издание своей поэмы "Трагедийная ночь", написав на ней (да простит мне читатель сию текстуальную нескромность): "Неистовому Ортенбергу. С нежной благодарностью и подлинной любовью - в честь "Героического похода" и грядущих совместных боев". Но вот пришли "грядущие бои", а нам, к сожалению, не удалось совместно работать - военная судьба разбросала нас в разные стороны. Безыменский уехал в армейскую газету.

Прошло время, и я получил весточку от Александра Ильича. Он писал, что его сын закончил курсы военных переводчиков. Поэт не хотел бы, чтобы он застрял в тылу, и по старой дружбе просил меня походатайствовать, чтобы сына отправили на фронт, если можно - туда, где служит он сам. И Лев Александрович, тогда юный лейтенант, при моем содействии отбыл на фронт, где достойно, как и его отец, выполнял свой воинский долг. Кстати, забегая вперед, скажу, что он, как переводчик, участвовал в допросе Паулюса. Геринга, Кейтеля и других заправил сокрушенного фашистского рейха и вермахта, а ночью 1 мая 1945 года в Берлине переводил маршалу Жукову текст письма Геббельса, в котором он извещал о смерти Гитлера. Ныне Лев Александрович известный публицист-международник, писатель, автор многих книг.

Тогда я написал Александру Ильичу: "Саша! Твоя просьба выполнена. Теперь очередь за тобой - присылай стихи и очерки". Первый очерк, который мы получили и опубликовали в газете, назывался "Борис Петрович из Курска". Интересный очерк. Вначале я подумал, что это рассказ об одном из героев Отечественной войны. Но оказалось, что Борис Петрович вовсе не солдат, не офицер и вообще не живой человек.

"Мощен его огонь. Но огонь направляют люди... Самое прекрасное, что есть на бронепоезде, - это люди. И называют его человеческим именем, не бесстрастными буквами и цифрами - БП

номер такой-то, - а тепло и почтительно, как уважаемого друга: "Борис Петрович". Это был бронепоезд, сооруженный курянами в те дни, когда враг стоял у ворот Курска. "Наш земляк... Курянин" - так отзывались о нем. И командовал им старший лейтенант Морозов, научный работник, недавно закончивший физический факультет МГУ.

Есть в этом очерке потрясающий эпизод - "трагедийная ночь" на 203 километре. Немцы пытались захватить "Бориса Петровича" и плотной цепью двинулись на него. Командир бронепоезда решил подпустить их поближе и скосить пулеметным огнем, а пока наблюдал за фашистами в бинокль. Вдруг произошло нечто неожиданное. Оттуда, из сумерек, голосом на чистом русском языке крикнули:

- Давайте огонь! Это немцы. Только цельтесь чуть повыше...

Пулеметы бронепоезда заговорили разом. И мигом передняя цепь легла на землю, крича "ура", а все остальные бросились назад, скашиваемые огненным валом. Оказалось, гитлеровцы шли в наступление, выставив перед собой пленных красноармейцев. Пулеметы продолжали свою работу, а освобожденные советские бойцы потребовали у Морозова оружие, чтобы преследовать ненавистного врага.

* * *

Иосиф Уткин прислал с фронта "Солдатскую песню":

Мы на ветер слов не тратили,
Мы клялись родным околицам.
Наши жены, наши матери
За победы наши молятся.
Слово храбрых - слово твердое,
И земли родной не выдадим;
Русских можно видеть мертвыми,
Но рабами их не видели!..

Недавно зашел ко мне Эренбург и обратился с просьбой поручить фронтовым корреспондентам прислать материалы об участии в боях служебных собак. Я сразу же вспомнил, что недели три тому, когда в газете была напечатана новелла Полякова "Трофей", Илья Григорьевич похвалил ее, и не только за художественные достоинства, но и саму тему. Оказалось, что писатель очень любил собак, считал собаку настоящим другом человека, а ныне, на войне. - и другом фронтовиков.

Вскоре наши корреспонденты прислали для писателя материалы об удивительных историях.

С Калининского фронта. Немецкие танки приближались к

нашим блиндажам, но, увидев бегущих навстречу собак, повернули назад. Это случилось после того, как подразделение Лебедева, отбило танковую атаку. Немцы тогда пустили шесть танков, которые подошли вплотную к нашим позициям. Здесь-то на танки набросились собаки. Головная машина была взорвана собакой по кличке Том. Другие танки поспешно развернулись, преследуемые собаками.

С Юго-Западного фронта. В мае на Изюмском направлении собаки взорвали девять танков и две бронемашины.

С Западного фронта. Отряд нартовых собак за месяц в заносы перевез 1239 раненых и доставил на передний край 327 тонн боеприпасов. Корреспондент сообщил и о таком эпизоде, происшедшем возле Сухиничей. Шотландская овчарка Боб в белом халатике ползла по поляне. Короткая пауза между атакой и контратакой. Раненые заползли в ямы или в воронки от снарядов. Боб отыскал шестнадцать раненых. Найдя человека среди снега. Боб ложится рядом и громко, тяжело дышит: я здесь! Боб ждет, не возьмет ли раненый перевязку, - на спине у собаки походная аптечка. И Бобу не терпится - скорей бы взять в рот брендель (кусок кожи, подвешенный к ошейнику) и подползти к санитару: иди сюда... Боб нашел семнадцатого - лейтенанта Яковлева. Когда собака поползла за санитаром, начался минометный обстрел. Осколок оторвал у Боба сустав передней лапы. Он все же дополз до хозяина, торопя его: скорей за мной!..

Все эти эпизоды вошли в очерк "Каштанка", опубликованный в сегодняшней газете. Начал его Эренбург так:

"Мы часто употребляем слова условно, не задумываясь, подходят ли они к случаю. Так, гитлеровцев иногда называют "собаками". А вот передо мной Жучка, мохнатая лайка с добрыми карими глазами. Она спасла немало раненых бойцов. Нет в ней ничего общего с жестокими и низкими существами, которые приползли на нашу землю, и обладай Жучка даром речи, она, наверное, сказала бы своему вожатому: "Не зови ты немцев собаками".

И эта мысль, как ведомо мне, была навеяна Эренбургу описанной Александром Поляковым историей о том, как танкисты подбирали имя Трофею.

"Что добавить к этому простому рассказу? - заключил свой очерк писатель. - На войне люди больше, чем когда либо, ценят верность. Мы все помним прекрасный рассказ Чехова "Каштанка". Теперь "Каштанка" спасает раненого хозяина..."

Илья Григорьевич настолько был привержен теме, что на этой публикации не остановился. Вычитали мы с ним очерк, он поднялся в свою комнату и, кое-что поправив, отправил его в

Совинформбюро для иностранной печати, куда он отсылал свои материалы обычно на острополитические темы. Только концовку дал другую (взамен чеховской "Каштанки"): "Знаменитый русский поэт Маяковский писал: "Хорошие люди - собаки". Этими словами можно закончить корреспонденцию о роли собак на фронте".

30 июня

В этот день Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение оставить Севастополь. Но когда готовился сегодняшний номер газеты, мы еще не знали об этом. Конечно, нам было известно, что Севастополь переживает тяжелые, критические дни. Гитлеровское командование подтянуло к городу новые резервы, блокировало Севастополь и с воздуха и с моря. Поход лидера "Ташкент", на котором Евгений Петров возвращался на Большую землю, был последним, связь с городом теперь поддерживали лишь подводные лодки. Наши войска испытывают трудности с боеприпасами, продовольствием. Ряды бойцов тают, но и в этих условиях они совершают чудеса геройства. Об этом и говорят наши публикации.

Особо следует сказать о борьбе защитников Севастополя с немецкими танками. Противник сосредоточил для своего последнего наступления около полутысячи танков. Огромная сила! А у нас их было лишь несколько десятков, да и горючего к ним не хватало. Главная тяжесть борьбы с вражескими машинами легла на артиллерию. На подкрепление Иша в Севастополь вылетел наш спецкор майор Петр Слесарев, по военной профессии - танкист. Он рассказал, что огонь прямой наводкой против немецких танков - это сейчас главное.

Напечатан очерк Льва Иша "Героиня Севастополя Мария Байда" - о прославленной автоматчице, которую в Севастополе любовно звали "Бесстрашная Маруся". О ней позже много было написано, но эта публикация, по-моему, первооткрытие ее подвига для наших читателей.

Так у нас в газете уже повелось: в критических ситуациях слово берет Илья Эренбург. Прозвучало оно и сегодня в его статье "Севастополь". Казалось, что можно сказать после Евгения Петрова, и все же Илья Григорьевич нашел такие сильные слова, что их ныне смело можно выгравировать на стелах панорамы севастопольской обороны.

"Чудо", - говорят о защите Севастополя газеты всего мира. Военные обозреватели ищут объяснение, пишут о скалах или о береговых батареях. Но есть одно объяснение чуду под

Севастополем - мужество... Л. Н. Толстой увековечил мужество Севастополя в самые грустные дни русской истории. Пришло время, и А. Н. Толстой рассказал об отваге Севастополя в дни Великой Отечественной войны - в дни гнева и славы нашей истории.

Два слова отныне вплетены в сознание человечества: "Севастополь и отвага".

Появилось новое направление - Курское. Здесь завязались бои с перешедшим в наступление противником. Опубликован первый репортаж нашего спецкора Павла Крайнева "На участке главного удара противник продвинулся вперед". Лишь на второй день в Генштабе я узнал, что враг прорвал главную полосу обороны фронта и продвинулся вперед на 8-15 километров. Как ни тревожно было, все-таки мы не предполагали, что это - начало большого летнего наступления противника в сторону Сталинграда и Северного Кавказа. Ставка ожидала его наступление здесь, но считала, что главный удар противник будет наносить не на юге, а на центральном участке советско-германского фронта, наиболее вероятным и опасным считалось Орловско-Тульское направление - на Москву. Конечно, на это ориентировались и мы. И все же, по наитию что ли, на юг отправили большую группу специальных корреспондентов.

Савва Дангулов не упускает ни одной возможности организовать в газете выступление выдающихся летчиков, испытателей, авиаспециалистов. По его инициативе и его стараниями в газете была опубликована серия статей бригинженера П. Федрови "Бомбардировочная авиация Великобритании". Крупный авиационный специалист рассказал о своих наблюдениях во время поездки по Англии. А несколько дней назад Дангулов выехал на Калининский фронт к своему давнему другу, знаменитому летчику Михаилу Громову. О встрече с ним Савва Артемьевич рассказывал:

- По бревенчатым дорогам мы пробрались в небольшую деревушку. Сухая и светлая изба. Посреди просторной комнаты - Громов, на этот раз не в кожаной куртке, как тогда на поле нашего аэродрома в Щелкове, а в строгой, тщательно выутюженной гимнастерке. В течение недели мы встречались с ним почти каждое утро, работали часа два...

Конечно, бывало, день-два, а то и ночь - и материал в редакции. Но это не корреспонденция, статья должна суммировать накопленный опыт. Называется она "Массированный удар с воздуха". Тема разработана самым тщательным образом - от подготовки операции до выхода из боя. Мы хорошо знали, что если над статьей стоит имя Громова, то летчиков она

заинтересует...

* * *

Несколько дней назад у меня состоялся разговор по прямому проводу с Петром Павленко. Он в Краснодаре, на узле связи Северо-Кавказского фронта, а я на узле связи Генштаба, на станции метро "Кировская". Весь минувший месяц после керченской катастрофы Петр Андреевич хворал, а вот теперь вызвал меня к аппарату Бодо. У меня сохранилась телеграфная лента наших переговоров, и ее, пожалуй, стоит здесь привести хотя бы в отрывках.

"Павленко. Здравствуйте, товарищ дивизионный комиссар. Докладываю, что выздоровел и приступаю к исполнению своих обязанностей. Выезжаю в боевые части на Тамань. Какие будут задания?

(Разговор, как видит читатель, вполне официальный. А ведь с Павленко мы были большими друзьями. Началась наша дружба еще на войне с белофиннами вместе работали в "Героическом походе". С тех пор были на "ты". Я его чаще всего называл Петром, он меня - тоже но имени. А сейчас что это он так разговаривает? Когда Петр Андреевич вернулся в Москву, я его спросил: "Что случилось?" А он не без юмора объяснил: "Рядом со мной были офицеры, полная комната. Что подумают о наших редакционных порядках? Вот где, мол, разгардияш! Забыли о воинском уставе". Да, у нас, в редакции, младший по званию не рапортовал старшему и не козырял, и, признаюсь, я этого и не требовал. По-моему, дисциплина и творческая обстановка в редакции не этим обеспечиваются.)

Москва. Рад слышать. А все же, как здоровье?

Павленко. Вполне здоров.

Москва. Так-таки вполне?

Павленко. Вполне - не вполне, но ехать надо.

(Еще по финской войне я знал, что Петр Андреевич богатырским здоровьем не отличался, но всякие разговоры на эту тему сразу же отводил.)

Москва. Задание одно: долечивайся, отдыхай. Ничего срочного на вашем фронте нет. И на Тамань не надо выезжать. В крайнем случае, если не терпится, выскочи в какую-нибудь станицу и напиши, как там заботятся о семьях фронтовиков и инвалидах войны. Тема очень важная..."

И вот вчера получили очерк Павленко "Родной дом". Это рассказ о том, как в колхозе "Аврора" с большой добротой и огромным вниманием заботятся о семьях фронтовиков, инвалидах войны. Нетрудно понять, как важно об этом сегодня рассказать. Факты, примеры... Как всегда у Павленко, все точно и

убедительно.

Июль

4 июля

После долгих месяцев поистине эпической обороны советским войскам пришлось оставить Севастополь. "250 дней героической обороны Севастополя" так названо специальное сообщение Совинформбюро, опубликованное в сегодняшнем номере газеты. Здесь же мы напечатали статью члена Военного совета дивизионного комиссара И. Чухнова "Героический Севастополь" и передовую "Бессмертная слава Севастополя".

Да, мы вынуждены были оставить город, но железная стойкость, беспримерное мужество и самоотверженность защитников Севастополя стали вдохновляющим примером для всех советских воинов.

Вот как заканчивалось сообщение Совинформбюро:

"Слава о главных организаторах героической обороны Севастополя вице-адмирале Октябрьском, генерал-майоре Петрове, дивизионном комиссаре Кулакове, дивизионном комиссаре Чухнове, генерал-майоре Рыжи, генерал-майоре Моргунове, генерал-майоре авиации Ермаченкове, генерал-майоре Острякове, генерал-майоре Новикове, генерал-майоре Коломийце, генерал-майоре Крылове, полковнике Капитохине - войдет в историю Отечественной войны против немецко-фашистских мерзавцев как одна из самых блестящих страниц".

Такого в сообщениях Совинформбюро, когда при оставлении наших городов упоминались имена военачальников и политических работников, еще не было. Обычно имена военачальников (и только военачальников) появлялись при освобождении городов. Боков мне рассказал, что, когда Сталину принесли проект сообщения, он сказал, чтобы вписали именно эти строки. Думаю, это было сделано для того, чтобы сильнее подчеркнуть величие и доблесть защитников Севастополя.

И еще одну фразу вставил Сталин в этот документ: защитники Севастополя проявили "ярость в борьбе с врагом". Слово "ярость" должно было, видимо, передать накал многомесячного сражения советских воинов за город на берегу Черного моря.

Закончилась героическая эпопея севастопольской обороны, но это не значит, что тема Севастополя ушла из газеты. Вскоре появился второй очерк Евгения Петрова "Прорыв блокады", найденный под обломками самолета, на котором погиб писатель.

Это было волнующее повествование о том, как лидер "Ташкент" прорвался сквозь немецкую блокаду в Севастополь. Из авторского замысла явствовало, что дальше должен следовать рассказ о возвращении лидера из Севастополя, эту половину очерка Петров собирался дописать в Москве.

"Прорыв блокады" - такой же правдивый и честный очерк, как и первый. Мы его тоже напечатали без изменений. После фразы "Корабль вышел из Севастополя около двух часов" поставили многоточие. Фамилию автора дали в траурной рамке, а под заголовком - врезку, в которой и рассказали историю очерка и гибели его автора.

А о том, как прорывался лидер из Севастополя, рассказал его командир В. П. Ярошенко.

"Ташкент" был загружен сверх всяких норм. Он принял на свой борт около двух с половиной тысяч раненых, женщин и детей. В пути корабль непрерывно атаковали немецкие пикировщики, они сбросили на лидер 350 авиационных бомб. На корабле было много убитых и раненых. Перегруженный корабль был тяжело поврежден и к концу боя уже с трудом держался на плаву, но все-таки, продолжая бой, шел к Новороссийску. В этом бою зенитчики уничтожили и повредили немало самолетов врага.

Много добрых слов сказал капитан лидера о мужестве Петрова:

- Во время боя его видели там, где было наиболее тяжело. Писатель добровольно принял на себя обязанности санитара. А когда из Новороссийска навстречу "Ташкенту" подошли миноносцы, катера и буксиры и все пассажиры были переведены туда, Петров отказался уйти с поврежденного корабля, он до конца разделил с нами невзгоды. До самого Новороссийска он не покидал корабль, принимая участие во всех работах.

Уже в Новороссийске, перед отъездом в штаб фронта, вспоминает Ярошенко, Петров высказал ему восхищение героическим поведением экипажа "Ташкента":

- Я обязательно должен написать о людях "Ташкента". Они достойны того, чтобы о них знали все.

Но успел Петров написать лишь о капитане. Есть в его очерке такие строки:

"Командир "Ташкента" капитан 2-го ранга Василий Николаевич Ярошенко, человек среднего роста, широкоплечий, смуглый, с угольного цвета усами... знал, что, каким курсом он ни пойдет из Севастополя, он все равно будет обнаружен. Встречи избежать нельзя, и немцы сделают все, чтобы уничтожить нас на обратном пути...

Василий Николаевич Ярошенко отлично знал, что такое

гибель корабля в море. В свое время он командовал небольшим кораблем, который затонул от прямого попадания неприятельской бомбы. Тогда Ярошенко отстаивал свой корабль до конца, но не смог отстоять. Он к тому же был серьезно ранен. Корабль шел ко дну. Ярошенко спас команду, а пассажиров тогда не было. Он последним остался на мостике и прыгнул в море только тогда, когда мостик стал погружаться. Он зажал тогда в одной руке партийный билет, а в другой револьвер, так как решил застрелиться, если выбьется из сил и станет тонуть. Тогда его спасли. Но что делать теперь? Теперь у него пассажиры - женщины, дети, раненые. Теперь надо будет спасать корабль или идти вместе с ним на дно".

Этими строками и обрывался очерк "Прорыв блокады".

Ожидали мы и статью командующего Приморской армии генерала И. Е. Петрова. Ее должен был прислать или передать по военному проводу наш севастопольский корреспондент Лев Иш. Последняя его корреспонденция "Огромные потери немцев под Севастополем" была опубликована три дня назад. Думали, что он в пути, вместе с командованием армии перебирается на Большую землю. Но, увы, это было не так.

Известно, что и после эвакуации основной части наших войск из Севастополя там на отдельных участках бои продолжались до 9 июля. Часть бойцов ушла в горы к партизанам, часть была захвачена в плен. Другие погибли. Погиб и наш отважный корреспондент Лев Иш. Узнал о его судьбе позже, когда встретился с генералом И. Е. Петровым. Вспомнили спецкора. Иван Ефимович первым заговорил о нем:

- Хорошо Лев Иш писал о героях Приморской армии и сам стоил любого из них. Честная солдатская душа, благороднейший человек! Вы знаете, он ведь мог улететь из Севастополя последним самолетом. Мы позаботились об этом. Но Иш уступил свое место девушке-снайперу...

Поскольку веду речь о Севастополе, не могу не вспомнить песню Александра Жарова "Заветный камень", опубликованную в "Красной звезде" спустя много месяцев после ухода наших войск из Севастополя. Историю этой публикации стоит рассказать, потому что песня быстро стала популярной, поют ее и сейчас. Александр Жаров в своем письме ко мне уже после войны объяснил:

"В начале 1943 года я приехал с Северного флота в Москву, где в это время оказался и Мокроусов. Мы все бросили ради работы над песней, задуманной в 1942 году в Севастополе. Работали не долго. Недели две. Сделали экземпляр для опубликования.

Пошли к редакцию главной флотской газеты "Красный флот". Редактор собрал всех сотрудников. В его кабинете слушали песню в исполнении самого Мокроусова. Спел он ее негромко, но с большим чувством. Два раза спел. Задумались флотские журналисты. Понравилась песня. Но...

- Не рано ли выступать с ней? С одной стороны, песня драматична, а с другой, очень категорична в предсказании нашей победы в Севастополе. Не рано ли?

- Давайте подумаем. Посоветуемся в Главном политическом управлении флота. Оставьте стихи, - предложили краснофлотцы.

Но мы не оставили. Мокроусов сказал, что ему надо немного подправить ноты. И прямо из редакции "Красного флота" поехали в редакцию "Красной звезды" и здесь были приняты главным редактором.

- С чем пришли, моряки? - спросил он нас.

- С песней. С боевой песней, но...

- Что "но"?

- Дело в том, что это морская песня.

- Сие не важно. Главное, чтобы песня хороша была.

В библиотечной комнате редакции "Красной звезды" в том же исполнении прозвучал наш "Заветный камень". Прозвучал дважды.

- Ну как, хороша песня? - спросил набежавших слушателей главный редактор.

- Отличная! За душу берет... Но...

- Никаких "но"! - сказал главный редактор. - Готовьте ее, дадим в номер.

Так оно и было".

Между прочим, в том же письме Жаров вспомнил и такой любопытный эпизод, связанный с этой песней:

"Это было в начале мая 1944 года. В город входили моряки и солдаты. На площадях и улицах происходили митинги и просто дружеские встречи фронтовиков. Вернувшись с Херсонесского мыса в день, когда последняя группа оккупантов была опрокинута в морскую пучину, я услышал знакомый напев. Большая группа солдат и матросов под баян пела "Заветный камень". Нашлись друзья-приятели, пожелавшие представить меня, как автора песни. Пришлось мне взобраться на какой-то помост и сказать несколько слов. К моему удивлению, вместе с добрыми словами в мой адрес раздались и слова критики:

- Товарищ майор! Неправильные у вас в песне некоторые слова. Мы поем "взойдет на утес черноморский матрос, кто Родине новую славу принес", а ведь матрос вместе с солдатом уже взошел на утес славы. Просим подправить стихи-то!

И они были подправлены. Предсказание победы над врагом превратилось в свершение победы".

Вспомнились мне и слова одного из первых исполнителей песни великого мастера эстрады Леонида Утесова. Он дал этой песне широкую дорогу, раскрыл ее душу.

- Есть у нас царь-пушка, есть царь-колокол, есть и царь-песня. Это "Заветный камень". - заметил как-то Леониду Осипович.

* * *

А война продолжалась. Наряду с Курским в эти дни появились Белгородское и Волчанское направления, Воронеж и Старый Оскол. Наши корреспонденты шлют невеселые сообщения. В репортажах читаем: "Наши части заняли новые рубежи для обороны", "Неприятелю удалось вклиниться в расположение обороняющихся", "На правом фланге Курского направления немцы пытаются соединиться с войсками, наступающими на Белгородском направлении..." Сообщения, как видим, довольно глухие, осторожные, они не дают общей картины положения на этих фронтах. Ясно только одно, что речь идет не об отдельных ударах на разных участках фронта, а о большом наступлении немецко-фашистских войск. Чтобы осведомиться более подробно, я поехал в Генштаб и здесь узнал многое. Однако и в Генштабе -по-прежнему продолжали считать, что главная цель противника Москва.

То, что мы не могли сказать в репортажах, было выражено, как и в дни оборонительных сражений сорок первого года, в передовой статье.

"За последнее время на ряде участков фронта немцы предприняли наступательные операции... Эти бои снова показывают, с каким сильным и неумолимым в своих захватнических вожделениях врагом мы сражаемся. Они еще раз напоминают нам, что опасность, нависшая над нашей Родиной, еще не устранена, что угроза независимости, свободе, самому существованию народов Советского Союза еще остается в силе...

Взоры всей нашей страны обращены теперь к районам западнее Воронежа и юго-западнее Старого Оскола, где происходят ожесточенные сражения. Озверевший враг рвется на восток, стремясь перерезать важнейшую железнодорожную магистраль, соединяющую центр нашей страны с югом, захватить новые советские города и села..."

Я бы не сказал, что все было ясно в этой передовице. Но, во всяком случае, здесь больше сказано, чем в сводках Совинформбюро и репортажах наших спецкоров.

8 июля

Смотрю на висящую на стене карту советско-германского фронта. Второй год она перед моими глазами. Но нет, не примелькалась. В дни оборонительных сражений сорок первого года приходилось часто переставлять флажки на восток, а в дни нашего контрнаступления возвращал их на запад. В эту же весну они как бы застыли в неподвижности, а теперь вновь приходится переносить их на восток. Сначала - Купянск, а вчера в Генштабе узнал, что нашими войсками оставлен и Старый Оскол.

Карта, карта! Обыкновенная, напечатанная на плотной бумаге. Она совершенно необходима каждому командиру. А военному газетчику? Тоже, конечно: он должен ориентироваться в том, что происходит на всем театре военных действий. При этом карта с флажками может омрачить или утешить, поднять настроение или, наоборот, нагнать тоску. Одним словом, это почти что живое существо, с которым можно поговорить и поспорить... Признаться, со школьной поры люблю географические карты. Сам не знаю почему... А сегодня смотрю на нее с тревогой: Купянск и Старый Оскол остались за чертой фронта...

Наши спецкоры сообщают: "Огромное танковое сражение в полном разгаре. Оно перемещается в пространстве, гаснет в одном месте, чтобы с новой силой вспыхнуть в другом. В его орбиту вовлечены большие технические средства и людские массы. Наиболее ожесточенные бои еще впереди".

Наши войска, отступая, ведут тяжелые бои. Но остановить врага не удается. Никаких иллюзий не должно быть - Родина в опасности. И снова, как в дни Московской битвы, возвысил свой голос Илья Эренбург. Призывным набатом прозвучала его статья "Отобьем!" Вот строки из этой, написанной, можно сказать, кровью сердца статьи:

"Нас постигла военная неудача: немецкие танки прорвались к степям Средней России. Над Родиной снова сгрудились грозовые тучи. Народ, переживший победы у Ростова, у Калинина, у Можайска, не хочет тешить себя иллюзиями...

Настали снова грозные дни... Друзья бойцы, вы отбили немца в трудные дни декабря, когда он подошел к пригородам Москвы. Отбейте его теперь! Отгоните немцев от Дона! Битва только-только разгорается, и слышно в грозовой ночи:

- Отобьем!"

И вновь, как в трудные дни сорок первого года, тема стойкости, самоотверженности, готовности стоять насмерть в боях за Родину стала главной для газеты. И новый призыв писателя в статье "Сердце человека":

"Гитлер торопится, он хочет в июле найти свою весну...

Немецкие танки снова ринулись вперед. Их должно остановить наше мужество... Что для этого нужно? Большое сердце и священные слова солдатской присяги: "Умрем, но немца не пропустим!"

* * *

О тыле в трудную пору войны написаны очерки, поэмы, повести, романы, ибо за Волгой, на Урале, в просторах Сибири люди работали так, как, может быть, нигде и никогда. Вот почему в эти дни особенно важно было рассказать о том, как тыл заботится, чтобы фронтовики не знали нужды ни в чем, и особенно в оружии. Вот почему так сильно прозвучала статья "Вооружение для фронта", написанная народным комиссаром вооружений, тогда еще совсем молодым, тридцатичетырехлетним Дмитрием Федоровичем Устиновым, будущим маршалом и министром обороны СССР. Не могло не радовать его заявление, что наши заводы в эти дни резко увеличивают темпы работы и выпускают вооружение сверх плана. Нарком рассказывает, как самоотверженно работают известные конструкторы В. Г. Грабин, С. Г. Симонов, В. А. Дегтярев. Б. И. Шавырин и другие, их изобретательская мысль направлена на то, чтобы наше оружие превосходило немецкое, и это им удается!

"Достигнутое не предел. - писал нарком. - Мы знаем, что враг еще силен. Впереди упорные, жестокие бои... Поэтому с еще большей энергией, не покладая рук, работают вооруженцы, увеличивая с каждым днем выпуск боевого оружия для фронта".

Заявление руководителя отрасли первостепенной важности прибавляло фронтовикам уверенности, что так и будет!

* * *

На третьей полосе, в уголке, помещена заметка "Комсомольская забота о семьях фронтовиков". Заметка небольшая, а тема очень важная, постоянно тревожившая фронтовиков. Приведу только несколько цифр из этой заметки, подписанной секретарем Вологодского обкома ВЛКСМ А. Сысоевой: силами комсомольцев двадцати районов области подвезено к квартирам семей фронтовиков 23 000 кубометров дров, отремонтировано 450 квартир, для нуждающихся эвакуированных детей собрано 80 000 вещей... Надо ли объяснять, что значили для фронтовиков эти цифры - доказательство: об их семьях заботятся...

* * *

Борис Галин прибыл в один из полков своего, пока еще тихого, участка Южного фронта. Здесь намечалась небольшая операция: полк должен был боем разведать силы противника и выбить его из деревни. Особое задание получила девятая рота.

Сюда и отправился Галин, пробыл там от начала до конца операции и вскоре прислал очерк "Девятая рота".

Писатель в бою - это очень сложная и важная проблема. Не участвуй Лев Толстой в обороне Севастополя, не было бы его знаменитых "Севастопольских рассказов". Не поехал бы больной Чехов на далекий Сахалин, не было бы его потрясающих сахалинских очерков. А как родились великолепные повести Горького, роман Фадеева "Разгром", пьеса Вишневского "Оптимистическая трагедия"? Чем ближе писатель к жизни, чем больше он увидел и пережил, тем сильнее и интереснее его повествование. Особенно это важно для очеркиста. Я не говорю ничего нового, но эту старую истину вспомнил в связи с очерком Галина.

Никакие рассказы свидетелей, то есть материал, полученный из вторых или третьих рук, не позволили бы Галину так нарисовать картину жизни роты перед боем и в бою, так раскрыть характер и внутренний мир людей. Надо было все это пережить вместе с бойцами. Свидетельством этого может быть выдержка из очерка:

"В девятой роте, которая должна была наступать со стороны школьного домика, до полудня знали о предстоящем бое только двое - командир роты и политрук. Догадывался старшина, получивший специальное распоряжение усилить боепитание. Догадывался и Лаптинов, хитроватый, веселый боец с выгоревшими на солнце белесыми бровями. Это был старый солдат, который сразу учуял, что "будет дело". Он это понял по оживленному виду командира роты и по ряду других признаков. Хитро поблескивая глазами, он подошел к политруку роты и, улыбаясь, говорил, что заскучал в обороне. Политрук, тоже улыбаясь, сказал уклончиво:

- Будет приказ - тогда выступим.

Окончательно решив, что сегодня ночью быть делу, и, не дожидаясь приказа сверху, он сам стал готовиться к бою. Проверил свою самозарядку, прочистил и смазал ее, аккуратно сложил в подсумок патроны, приладил к поясу гранаты, переоделся в чистое белье, что он всегда делал перед боем, если была возможность... Чернов смотрел на Лаптинова и поражался его спокойствию. Он спрашивал себя: как это можно сейчас, когда готовишься к самому главному, как это можно рыться в вещевом мешке, беспокоиться о пропавшей трубочке с медным патроном, играть на гитаре и петь, заразительно смеяться..."

Сквозь весь очерк проходит очень важная мысль о гордости бойца за свой полк, за свою роту. Особенно сильно она прозвучала в таком эпизоде. Чернов был ранен. Возле - врач.

"Чернов хотел приподняться и сказать, что он из девятой роты, но потерял сознание. Очнулся он, когда что-то мягкое и теплое коснулось его лица. Он открыл глаза и увидел траву, высокую и густую, сверкающую капельками росы и крови. Продолжая прерванную мысль, он сказал тихим голосом:

- Я из девятой роты..."

10 июля

"Ни днем, ни ночью, - говорится в репортаже наших корреспондентов. - не утихает гул большого сражения западнее Воронежа... Ценою колоссальных потерь врагу удалось перебросить часть своих сил на восточный берег Дона". В другом сообщении: "После того, как неприятель ввел в бой свежие силы и предпринял наступление в двух направлениях, наши войска были поставлены под угрозу фланговых ударов (читай: окружения. - Д. О.), по приказу командования они отошли и оставили Россошь... Одновременно другая вражеская группа прорвалась в район Кантемировки". Появилось Лисичанское направление...

Словом, обстановка на юге страны все больше ухудшается. Естественным было редакторское желание выехать в район сражений и самому посмотреть, как там развиваются события, решить, что ныне самое главное, важное для газеты. Вызвал фоторепортера Виктора Темина, сказал, что ночью мы выезжаем на Воронежский фронт и что я жду его к четырем часам в полной экипировке и с большим запасом фотопленки.

А пока надо вычитывать полосы завтрашней газеты и статьи для следующих номеров.

Прежде всего занялся статьей Виктора Смирнова "Тактическое использование противотанковых ружей". Смирнов поднял вопрос о серьезных недостатках в оборудовании позиций для ПТР, которые корреспондент назвал резко "дзотоманией". Не буду все объяснять. Укажу лишь, что эта статья особо важное значение имела именно сейчас, когда танковые сражения развернулись на открытых степных просторах. Кстати, в тот же день, когда статья появилась в газете, мне позвонил К. Е. Ворошилов, занимавшийся вопросами подготовки резервов для фронта, и сказал:

- Полезная статья. Дело простое, но важное. Дадим указание, чтобы и в учебных частях прислушались к советам газеты...

Другая статья, авторами которой были два авиатора - подполковник В. Алтайский и инженер-майор Н. Ленский, - называлась "Оперативный маневр немецкой авиации". В ней было

прямо сказано, что немцам удалось к летней операции восполнить потери, понесенные за год войны. Названа численность самолетного парка противника. Охарактеризованы типы машин и перемены в структуре воздушных сил неприятеля. Указано на все новое, что внесли в минувшем году немецкие конструкторы, вплоть до оборудования для посадки вслепую (новинка того времени). Раскрыты маршруты, по которым совершает маневр немецкая авиация для создания превосходства в воздухе на горячих участках фронта, и т. п. Где авторы раздобыли все эти сведения? Они объяснили: допросы пленных летчиков, трофейные документы, данные иностранной печати и еще один важный источник, который не принято в открытой печати называть. Я не стал уточнять, вычитал статью и подписал ее в печать.

* * *

Поздно вечером у меня в кабинете появился Илья Эренбург с новой статьей "Дон зовет". Началось обычное для меня испытание. Печатал он свои статьи на портативной пишущей машинке "Корона", приспособленной для передачи текста по телеграфу прописными буквами, строчного шрифта она не имела.

Интервалы между строками были минимальными, поля узкие, бумага лощеная, привезенная им когда-то из Парижа. Все что было, видимо, рассчитано на то, что править его не будут. Эренбург очень ревниво относился к тому, что писал, к каждой фразе, к каждому слову. Он яростно отстаивал свой текст.

Он не признавал редакционную "лестницу" правки рукописи, и мы договорились, что он будет приходить прямо ко мне. Вот и сейчас он, попыхивая своей трубкой, начиненной каким-то третьесортным табаком, усевшись в кресло, бдительно следил за каждым движением моей руки, готовый броситься в бой, затеять жаркую дискуссию по поводу любой поправки.

"Дон зовет" - это как бы продолжение его статьи "Отобьем!".

"Велика и прекрасна русская река Дон. Она начинается, как ручеек, среди ветров и полей. Она становится мощной рекой. Ее воды знают ретивость коня и тихую песню девушки, которая плетет венок. Кто скажет "Дон", вспомнит славу донского казачества - как ходили в поход, как рубали. Кто скажет "Дон", вспомнит Дмитрия Донского, Русь, пошедшую на захватчика, первую нашу славу: Куликово поле. Теперь грязные немецкие фельдфебели хотят купаться в водах Дона. Может быть, генерал фон Вейх мечтает стать Вейхом - Донским? Бойцы не стерпят такой обиды: наберутся духу и отгонят немцев...

Нужно их побить как можно скорее: нельзя пропустить этих грабителей дальше... Мы хотим победы на живой земле, а не

победы среди пустыни..."

Казалось, я уже должен был привыкнуть к стилю Ильи Григорьевича: редактору как будто не тоже поддаваться эмоциям, он должен оставаться строгим и холодным критиком. Меня же каждый раз глубоко волновали статьи Эренбурга.

В общем, статья вычитана, утрясены все поправки, текст отправлен в набор. А Илья Григорьевич все не уходит. Хитро поглядывая, словно собираясь меня в чем-то уличить, он вдруг спрашивает:

- А вы, говорят, уезжаете под Воронеж?

- Уезжаю. Через три-четыре часа, - ответил я и насторожился, догадываясь, что последует за этим вопросом.

- И я поеду с вами, - решительно заявил писатель. - Я готов в дорогу. Эти последние слова он произнес, заранее отрезая мне возможность ответить: "Вы не успеете собраться".

К подобным настойчивым просьбам я уже вроде привык, на фронт я старался Эренбурга не часто пускать, а тем более не хотелось это делать сейчас, когда его выступления нужны были в каждом номере газеты. С трудом отбился от него и, подписав в три часа ночи полосы, умчался на "эмке" с Теминым на юг.

В Оперативном управлении Генштаба мне вычертили маршрут к Воронежу. Он пролегал через Брянский фронт. В одной из деревушек, помеченной на карте флажком, я разыскал командный пункт фронта и командующего К. К. Рокоссовского. В просторной пятистенной избе с высоким крыльцом, за простым столом я увидел Константина Константиновича. Стройный, удивительно красивый, он ничуть, как мне показалось, не изменился со времени нашей встречи под Москвой. Он вышел из-за стола, протянул мне руку, усадил на стул и лишь тогда сел сам. Рокоссовский всегда был сама учтивость, сама вежливость, само внимание к любому человеку.

Знал я и других начальников - с другой повадкой. Они встречали человека, не поднимаясь со стула, не подавая руки, слушали, уткнувшись в бумаги, перебирая их, не глядя на посетителя. Знал я такого человека и в высокой должности, который на жалобу, что к нему трудно дозвониться, нимало не смущаясь, говорил: "Меня надо жалеть". И всегда, когда я сталкивался с такими, неизменно но контрасту вспоминал Рокоссовского.

Константин Константинович прибыл сюда всего лишь несколько дней назад. Дел у него невпроворот, поэтому я не рискнул надолго его отвлекать от дел. Прежде всего спросил, как он себя чувствует после Сухиничей. Рокоссовский понял, что именно я имел в виду. В боях за этот город он был ранен

осколком снаряда. Наши спецкоры говорили мне, что Рокоссовский чувствовал себя плохо: ничего не мог есть, любые движения причиняли ему сильную боль. И все-таки взяли верх его выдержка и самообладание: тот, кто не знал, не догадался бы о его ранении. А всякие разговоры об этом генерал решительно отводил. Вот и сейчас он сказал:

- Да, бои были тяжелые...

И все.

Рассказал о делах фронта. Войска отходят. Утешением не может быть то, что они не бегут, отступают с боями.

- Как же будет дальше?

- Что можно ответить на такой вопрос? Единственное, что теперь стало ясно, - главное направление ударов врага: на Сталинград и Кавказ. На этом пути надо его и сдержать, остановить, но силенок у нас пока все-таки мало...

Распрощавшись, я сразу уехал на Воронежский фронт. Создан он был несколько дней назад, в штабе еще организационная "суматоха". Шли ожесточенные бои за Воронеж, и мне посоветовали не терять времени и побывать в 60-й армии, отбивавшей атаки немецких войск на Воронеж.

Командующего армией генерала М. А. Антонюка я нашел на его КН, в лесочке. Он сидел у небольшого, размеров чуть больше табуретки столика, рядом с ним - начальник штаба армии. Они что-то горячо обсуждали, рассматривая карту. Хотя им было не до "гостей", но встретили добродушно. Командарм усадил меня рядом и, показывая линию фронта, я бы сказал, довольно рыхлую, объяснил обстановку. В это время из соседней палатки прибежал оператор и взволнованным голосом доложил:

- Передали - немцы нажимают, наши отступают...

Антонюк побежал на НП: он был рядом, у кромки лесочка.

Здесь было несколько человек и среди них генерал И. Д. Черняховский, командир только что сформированного 18-го танкового корпуса. Тут же - наш корреспондент Василий Коротеев. Перед нами лежало широкое зеленое поле с рыжими пятнами. Даже невооруженным глазом видна была панорама боя: немцы наступают, а наши, рассыпавшись по полю, отходят, а кое-где и бегут. Антонюк огляделся и, повернувшись к Черняховскому, вдруг попросил:

- Дай танки, иначе не остановим...

- Не могу, - отвечает комкор. - Ты же знаешь, почему.

- Да, но видишь, какая обстановка. Сейчас немцы будут тут. Надо бросить танки... Дай танки.

- Не могу, - твердо сказал Черняховский. - Сталин мне лично категорически приказал не бросать танки по частям, а держать их

в кулаке. Он запретил распылять силы. Не могу...

Совершенно неожиданно командарм обратился ко мне:

- Скажите ему, что надо дать танки, скажите, чтобы дал танки...

Память с поразительной отчетливостью воскрешает все, что я испытывал тогда. Что мог я сказать? Как я мог вмешаться в это дело, даже если бы не было приказа Сталина? Я промолчал. Нетрудно представить, как я себя чувствовал в тот момент...

Но в эти минуты, откуда ни возьмись, подошли "Катюши". Они дали несколько залпов, и немцы залегли. Залегли и наши и стали окапываться. Враг был остановлен. А вечером вместе с Антонюком мы пошли по окопам, и беседы с бойцами и командирами оставили впечатление, что нынешняя расстерянность была все же только горестным эпизодом, что Воронеж не сдадут. Встретил я здесь и разговорился, сидя на бруствере окопа, с сержантом, оказавшимся моим земляком по Изюму. Не помню всего, о чем мы беседовали, но в памяти осталась одна его фраза, я бы сказал, афористичная:

- Немцы - сила, но дух наш сильнее...

Еще день я знакомился с войсками 6-й армии, где встретился с командармом генералом Ф. М. Харитоновым и членом Военного совета армии Л. З. Мехлисом. 13 июля днем я уже был в Москве, и на меня навалились новые бесконечные заботы: газета есть газета!

14 июля

После того как возвратился из поездки, а затем побывал в Ставке, я не мог не задуматься, как дальше вести газету. Ломать голову было над чем. В статьях и даже в передовых, где наиболее точно обрисовывалась обстановка на фронтах, мы писали. что враг угрожает "жизненно важным центрам страны". Что это означает, какие это центры?

Невольно вспоминалась битва за Москву. Уже шли бои на Бородинском поле, все больше и больше нарастала опасность для Москвы, а газеты тогда тоже писали, что враг пытается пробиться к нашим "важнейшим жизненным промышленным центрам". Надо ли объяснять, что одно дело, когда на страницах газеты звучит призыв самоотверженно сражаться за столицу нашей Родины, и совсем иное - когда речь идет о безымянных "жизненных центрах". Но об угрозе Москве не положено было писать, поскольку об этом ничего не говорилось в сообщении Совинформбюро и других официальных публикациях. А сказать надо было во весь голос.

Стали думать - что делать? Заглянул ко мне в тот час Илья Эренбург. Узнав, что меня тревожит, сказал:

- То, что не положено в официальных документах, позволено писателю...

Так появилась его знаменитая статья "Выстоять!" Та самая статья, о которой политрук дивизии генерала А. И. Родимцева написал Илье Григорьевичу: "...Это самое лучшее, что Вы написали. Это своего рода Ваш "Буревестник".

В этой статье впервые в печати было сказано: "Враг угрожает Москве!" После этого мы уже прямо писали о начавшейся ожесточенной битве за столицу.

Вспомнив все это, я позвал Эренбурга, и снова пошел у нас разговор о том, кому что положено. И вот в сегодняшней газете появилась его столь же знаменитая статья "Отечество в опасности". В ней все было сказано прямо и ясно:

"Немцы подошли к Богучару. Они рвутся дальше - к солнечному сплетению страны - к Сталинграду. Они грозят Ростову. Они зарятся на Кубань, на Северный Кавказ..."

Так впервые на страницах газеты появилось направление главного удара врага - Сталинград и Кавказ! Все стало в газете на свое место.

И такой же, как и в дни битвы за Москву, страстный призыв:

"Преступно не видеть угрозы и преступно растеряться от угрозы... Немцы идут на Восток... Их остановит русское мужество. Их погонит назад русская отвага... Победа не валяется на земле. Победа не падает с неба. Победу нужно высечь из камня, вырвать из тверди... Теперь идет вопрос о жизни и смерти...

Отечество в опасности, друзья!.."

Для следующего номера газеты готовится передовица об этом же. Она объяснит причину наших поражений, цели вражеского наступления, перспективы войны, требования, которые Родина предъявляет ныне к каждому советскому воину. И все же надо признаться: мы побоялись в передовице, в которой читатель видит обычно выражение официальной точки зрения, так же смело, как мы это делали в октябрьские дни прошлого года, упомянуть об угрозе Сталинграду и Северному Кавказу. Наверное, мера нависшей опасности была нами не до конца осознана.

На полосах газеты - материалы с Юга. Репортажи с Юго-Западного, Южного и Воронежского фронтов. Меня догнала в Москве корреспонденция В. Коротеева "В районе Воронежа". Он пишет, что битва за город достигла наивысшего напряжения. Появились свежие немецкие танковые и моторизированные дивизии, переброшенные сюда с других участков фронта. Врагу удалось захватить рощу, ту самую, где мы были с генералами

Антонюком и Черняховским. Однако мощной контратакой наши войска отбили ее...

В номере статьи оперативно-тактического характера. Среди них выделяется статья полковника В. Крылова "Удары во фланг и тыл по прорвавшимся частям врага". Задача для этих дней чрезвычайно трудная, но автор доказывает, что и в нынешних тяжелых условиях ее можно выполнять, и на опыте боевых действий соединений рассказывает, как это делать.

* * *

Илья Сельвинский прислал стихи "России". Они тоже посвящены битве на Юге:

Какие же трусы и врали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию это значит
Отнять надежду у Земли!
Пускай рыданья и гроба
Чернят простор моей Отчизны
Бессмертно трепетанье жизни!
Зовуща русская труба!

Не могу не привести также строки из этих стихов, смелые для того времени:

Люблю великий русский стих,
Еще непонятый, однако,
И всех учителей своих
От Пушкина до Пастернака...

Много чрезвычайно важных вопросов встало перед газетой в те дни. Такой, скажем, как плен. Вопрос этот был актуален в начальный период войны, когда наши войска отступали и немало советских дивизий оказалось в окружении, в плену. Со времени нашего декабрьского наступления если мы и писали о плене, так главным образом о пленении немцев. А ныне, когда наши войска вновь отступают, этот вопрос нельзя было обойти молчанием. Вновь появились статьи об угрозе плена и долге воинов в критических ситуациях. Вновь появились лозунги: "Лучше смерть, чем плен", "Сражаться до последней капли крови, до последнего дыхания"...

Этому в сегодняшнем номере газеты посвящена передовица, которая названа "Фашистский плен хуже смерти". Есть в ней изуверский приказ, изданный от имени Гитлера верховным

командованием германской армии: "Всякая человечность по отношению к военнопленным строго порицается". Приводятся и циничные строки из дневника немецкого ефрейтора Гельмута Глунка: "Трое пленных. Они забиты до смерти. Нельзя думать, что это жестоко. Таков приказ командования. Мы выполняем его не без удовольствия". За год войны стало известно бесчисленное множество фактов такого рода. Вот об этом и предупреждала передовица.

* * *

В трех последних номерах газеты подряд публикуются снимки нашего корреспондента Боровского "В партизанском крае". По профессии художник, худощавый, стройный, с белозубой улыбкой на губах, Саша Боровский был душой нашего иллюстративного отдела. Умелой рукой он нередко превращал бледные и туманные снимки в четкие и выразительные. Он хорошо владел не только кистью и карандашом, но и фотоаппаратом. Не раз просился на фронт, но был нужен в редакции, и я его никуда не отпускал.

Все же Боровский выпросил у меня командировку и не куда-нибудь, а к партизанам. Отправился он с пятью разведчиками-гвардейцами в северо-западные края. Немало в этом путешествии ему пришлось испытать: идти через топи, болота, леса, села, оккупированные немцами. Привез снимки. Но не только этим отличился. Сегодня он положил мне на стол большую, на три колонки статью под заголовком "По деревням, где бесчинствуют немцы". В деревнях, где побывал, узнал о виселицах, о барщине, которую ввели гитлеровцы, о страданиях и горе советских людей. А для большей убедительности, так сказать, документальной точности, обозначил эти деревни не условными буквами, а назвал их: Папортная, Вороново, Семеновщина... Но самым главным доказательством были его фото, которые он опубликовал в газете.

Такие материалы в эти дни газета стала печатать широко, и значение их понятно. Наши войска отступают. Новые и новые села и города они оставляют на заклание врагу. Пусть наши воины задумаются, почувствуют свою ответственность за наших людей и самоотверженно сражаются с врагом да их волю, за их жизнь.

16 июля

Обстановка на юге становится все более напряженной. Совинформбюро сообщает, что наши войска оставили Богучар и Миллерово. Под непосредственной угрозой Ворошиловград.

Продолжаются ожесточенные бои за Воронеж.

На юг выехала большая группа наших корреспондентов, отозванных с фронтов, на которых затишье. На Брянский фронт отправляется Симонов. Обо всем с ним договорились, но перед отъездом он снова зашел ко мне. Был с ним Иосиф Уткин.

- Вместе поедем, - сказал Симонов.

А Уткин объяснил:

- Я возвращаюсь на фронт. Не пускали, но еду. Командировку дало Совинформбюро...

Как же так? - подумал я. Осенью прошлого года на том же Брянском фронте Уткин был ранен, потерял четыре пальца. Какой из него теперь воин? С таким ранением по всем воинским, медицинским, фронтовым и каким угодно другим законам нечего делать в действующей армии. Но он не захотел, не смог сидеть в Москве. Рвался на фронт. Обидно было, что Уткин, связанный с "Красной звездой" с первых дней войны, взял командировку не у нас. Он, видимо, почувствовал мое огорчение и объяснил:

- Вы бы мне командировку не дали. "Красная звезда" - воинское учреждение и порядки у вас воинские. Совинформбюро стихов не печатает, а разве может поэт не писать стихи? Буду присылать вам.

И как бы в залог вручил мне листики с несколькими строфами. Это была "Народная песня":

Тихий домик над рекою...
Кажется, подать рукою!
А пойти - так далеко,
А пойти - так нелегко,
Нелегко, товарищ!..
По-над Доном узкий лог;
В роще ароматной
Немец, сукин сын, залег!
- Дай-ка автомат мне...

Перед отъездом Симонов принес широко известное стихотворение "Смерть друга", посвященное памяти Евгения Петрова. Они начинаются, я бы сказал, вечными строками: "Неправда, друг не умирает. Лишь рядом быть перестает..." Их читали с волнением на всех фронтах, передавали из уст в уста, как клятву "За мертвых мстя и ненавидя", сражаться с врагом до конца. Они жили и после войны. Они живут и ныне.

Итак, Симонов отправился на Брянский фронт. Задание Симонов получил единственное: прислать очерки о героях боев. Да, наши войска отступают. Но в любом бою, даже с самым

неблагоприятным для нас исходом, считали мы, выявляются истинные герои, и о них-то можно и нужно писать. Быть может, в эти критические дни именно такие материалы нужны больше, чем прежде.

Вот, скажем, Коротеев в своем репортаже с Воронежского фронта назвал двух командиров - танкового и мотострелкового батальонов - Крестова и Миросова, разгромивших 246-й немецкий полк. С Брянского фронта Крайнов прислал репортаж, о доблести пулеметного взвода Родионова, прикрывавшего отход стрелковой части, оказавшейся под угрозой окружения... Но это чистая информация, голые факты. Нужны очерки, и именно писательские очерки. Вот Симонову и было сказано: "На фронте неудачи. Поищи бойцов, которые в эти трудные дни проявляют умение, мужество и стойкость, самое главное стойкость, и о них напиши..."

В тот же день, когда Симонов отбыл на фронт, редакция получила от нашего корреспондента материал о подвиге механика-водителя танка "КВ" Шаронова. Случилось так, что в танк, который вел Шаронов, угодил снаряд. Механик-водитель ослеп. Командир танка лейтенант Напольский склонился к Шаронову и прокричал:

- Шаронов, друг, ослеп? Уступай место Подосинникову. Сейчас завяжем тебе глаза бинтом.

И вдруг водитель говорит:

- Я сам, я сам. Все равно лучше меня никто машину не знает. У меня сил много. Я поведу, а вы управляйте, управляйте...

Танк пошел дальше. Толчок в левое плечо, и танк идет влево. Легкий удар в спину, "КВ" устремляется вперед... Так со слепым водителем "КВ" раздавил четыре пушки и три миномета противника. История рассказана потрясающая. Никакая фантазия не смогла бы выдумать то, что было в действительности. Но все же это еще не очерк, а корреспонденция. Писательских очерков мы ждем от Симонова, для этого и послали его в командировку.

* * *

В номере опубликовано постановление Государственного Комитета Обороны о введении для советских воинов отличительных знаков о числе ранений темно-красные и золотистые нашивки. Этому посвящена передовица. А затем появились и стихи Екатерины Шевелевой "Раненый" - о нашивках за ранения: "Золотого и красного цвета две полоски, два узких крыла". Они, как знак воинской доблести, и через много лет после войны будут вызывать глубокое уважение.

Стихнет эхо сражений и стона,

И уже не таким молодым
Будет тот, кто сражался у Дона,
У широкой могучей воды.
Но им каждый гордится при встрече,
Замечая два узких крыла.
Навсегда он любовью отмечен,
Что в бои за Отчизну вела.

Хорошо помню, что в войну многие раненые воины носили эти нашивки, действительно гордились ими, не меньше, чем другими наградами. Но ныне, в восьмидесятые годы, увы, очень редко на груди у ветерана можно увидеть "два узких крыла". Не носят их. Почему? То ли не подходят они для штатского костюма, то ли проявляется излишняя скромность. А ведь память о пролитой в боях за Родину крови священна!..

19 июля

"На Юге" - так кратко названа сегодняшняя передовая статья газеты. Она о самом главном - там, на Юге, решается судьба страны.

В отношении наших передовиц я должен высказать некоторые свои замечания. Надо признаться, что довоенные передовые статьи "Красной звезды", как, впрочем, и других газет, далеко не все читали. Частенько первую страницу просто перелистывали и вчитывались в другие. Писались передовые по известному стандарту - существовала даже пословица: "Выражаться избитым языком газетных передовиц".

Не хочу преувеличивать, но не погрешу против истины, если скажу, что передовые "Красной звезды" в эту войну читались с вниманием и интересом в армии и в стране. Объяснялось это не только тем, что они отличались свежим языком, эмоциональностью. Как известно, ежедневные сводки Совинформбюро, за исключением названий сданных и отвоеванных городов, посвящали положению на фронте две-три строки: "На фронте чего-либо существенного не произошло" или "Наши войска вели ожесточенные бои..." Из этих сообщений далеко не все было ясно. Этот пробел и восполняли передовицы нашей газеты.

Такими были, например, передовые статьи в дни битвы за столицу. Такой является и сегодняшняя передовая "На Юге". В ней ясно было сказано, что враг "рвется к Югу, на Ростов, хочет

полностью овладеть Донбассом, угрожать Северному Кавказу и Кубани, индустриальному сердцу Волги - Сталинграду".

Заканчивается она словами: "Немецкое наступление на Юге должно быть остановлено во что бы то ни стало... Отстояв Юг, мы обескровим немецкую армию. Отстояв Юг, мы разрушим надежды немцев на летнюю кампанию, приблизим победу над врагом".

* * *

Мы ждали материалы от Симонова. Вот, наконец, доставили пакет. На конверте надпись: "Д. И. Ортенбергу. Лично. Срочно. От Симонова. Аллюр...", а за этим словом Симонов нарисовал, как это было принято в кавалерии для обозначения сверхсрочности, три креста! Раскрыл пакет, а там оказался не очерк - стихи "Убей его!". Не буду объяснять, как нужен был этот прямой публицистический призыв в тяжелые дни нашего отступления. Об этом лучше всего сказали сами фронтовики. Писатель Михаил Алексеев вспоминает:

"Мне, политруку минометной роты, в самые тяжелые дни Сталинградской битвы не нужно было без конца заклинать своих бойцов: "Ни шагу назад!" Мне достаточно было прочесть стихотворение Симонова "Убей его!" - стихотворение, появившееся как раз в ту пору. Свидетельствую: оно потрясло наши солдатские души".

А поэт Михаил Львов рассказывал: "В 1944 году, на Сандомирском плацдарме, за Вислой, говорил мне мой друг-танкист о стихотворении Симонова "Убей его!": "Я бы присвоил этому стихотворению звание Героя Советского Союза. Оно убило гитлеровцев больше, чем самый прославленный снайпер..."

Эти стихи вошли во все Собрания сочинений Константина Симонова, но без газетного заголовка. Теперь они называются по первой строке: "Если дорог тебе твой дом..." Я спросил Симонова: почему? Он ответил шуткой:

- Тогда, в войну, кто бы ни прочитал заголовок, сразу понимал, что надо убивать гитлеровцев. А ныне такое название поставило бы читателя в недоумение: кого, мол, надо убивать? Пришлось бы ему прочитать стихотворение, а не у каждого бывает на это охота...

* * *

Страницы последних номеров газеты заполнены статьями наших военных специалистов. Это не методические статьи, а, я бы сказал, живая жизнь фронта. Пытливым глазом всматриваются авторы во все, что происходит на Юге, стремясь раскрыть тактику врага, осветить опыт боевых действий наших войск. Главная цель - проанализировать ту или иную операцию, критически осмыслить все перипетии боя. Вот, скажем, в сегодняшнем номере

газеты опубликована большая статья Петра Коломейцева "Некоторые особенности танкового сражения", можно назвать еще статьи Николая Денисова "Тактика немцев в последних воздушных сражениях" и Бориса Короля "Маневр пехоты при выходе из-под удара". Сами названия этих статей говорят об их значительности и важности. А кроме того, большие подвальные статьи и трехколонники военачальников, например, генерал-майора Ф. Самсонова "Некоторые вопросы противотанковой обороны". Статьи таких авторов появляются в газете тоже не без инициативы и труда наших работников.

Естественно, что вопросам тактического и оперативного характера посвящены и наши передовые. Многие из них были присланы с фронта. Обычно так не делается - передовые пишутся в редакции. Но эти дни большая часть работников "Красной звезды", как и во время Московской битвы, была на фронте, на Юге. В столице нас оставалось совсем мало. Порой и писать передовые некому было. Но я вспомнил годы моей работы в "Правде" в качестве корреспондента по Украине. Мы, журналисты, тогда считали, что передовые статьи могут быть написаны только в самой редакции, в Москве. - там все известно, что и как писать, что важно, а что не существенно. И вдруг я получаю телеграмму редактора, в которой мне предложили выехать в Донбасс и написать передовую для "Правды" в связи с отставанием добычи угля. Чувствуя себя не очень уверенно, я все же отправился на шахты, в объединения, побывал в обкоме партии, затем выехал в Кадиевку, встретился со Стахановым и другими шахтерами. Написал передовую статью, и под заголовком "Донбассу не к лицу отставание" она была опубликована в "Правде". Я даже получил поощрительную телеграмму редакции. Вспомнив это, подумал, почему бы и сейчас не сделать так же. Послал телеграммы нашим корреспондентам, они там в гуще боев, острейших событий, и многое им лучше известно, чем нам, в Москве, на Малой Дмитровке.

Так появились присланные с фронта передовицы Коломейцева "Уничтожать вражеские танки", Хитрова "Умело управлять в обстановке маневренного боя", Денисова "Уничтожать вражескую авиацию"... Хорошие, полезные передовицы. И, конечно, всем их авторам были посланы поощрительные телеграммы.

* * *

На Юге страны - почти все наши фотокорреспонденты. Снимают героев оборонительных сражений. Танки в бою. Воздушные схватки. Контратаки наших войск. Противник продвигается вперед, но несет значительные потери в людях и

технике. Об этом наши спецкоры сообщают почти в каждом репортаже. А к ним документальные свидетельства: снимки убитых вражеских солдат и офицеров, разбитой техники и даже пленных. В сегодняшнем номере опубликовано фото С. Лоскутова из района Воронежа: колонна пленных шагает под конвоем наших автоматчиков. Большая колонна - конца ее не видно. Враг наступает - а тут вот пленные немцы! Это ли не доказательство упорства советских войск в оборонительных боях?!

И еще одна фотография Лоскутова: у хаты, в садочке в яблоневом цвету, стоит седовласый старик. Вокруг него бойцы, они крепко жмут ему руки. Под снимком подпись: "В районе г. Воронежа. Старший лейтенант А. Тогаев, благодарит 70-летнего советского патриота М. Буранко за помощь Красной Армии". А помощь эта была вот в чем.

Южнее Воронежа немцы подошли к маленькому придонскому городку. Нужно было отбить у врага выгодную тактическую высоту на западном берегу Дона. Заняв ее, можно было держать врага на значительном расстоянии от города. Группе автоматчиков в пятьдесят человек во главе со старшим лейтенантом Тараканом было поручено захватить высоту. На рассвете автоматчики двинулись к Дону. Их повел Максим Иванович Буранко - тот самый семидесятилетний старик, фельдшер местной больницы, участник трех войн. Он вызвался проводить автоматчиков по известным ему тропам к берегу реки. Он разыскал в прибрежных кустах лодки и под покровом тумана переправил бойцов на западный берег Дона. После короткого боя с пехотой противника автоматчики заняли высоту и закрепились на ней.

* * *

Месяца два назад зашел ко мне Василий Гроссман и без всяких предисловий сказал:

- Хочу написать повесть, - и, не ожидая моего ответа, сразу же предупредил: - Мне на это требуется отпуск на два месяца.

Меня его просьба не испугала, как он, видимо, ожидал. На фронте было тогда относительное затишье. Согласие он получил. Ровно через два месяца Василий Семенович принес "Народ бессмертен" - рукопись страниц на двести. Прочитал я ее, как говорится, не переводя дыхания. Прочитали и мои товарищи. Все были единодушны: повесть хорошая. За войну ничего подобного не было еще. Да и после войны историки литературы признавали, что "Народ бессмертен" одно из самых значительных литературных произведений военных лет.

Конечно, мы не могли не подумать о том, сколько газетной площади займут двадцать две главы повести. Возможно ли это в

такое напряженное время, когда весь или почти весь материал должен быть посвящен битве на Юге?! И пришли к выводу, что повесть обязательно надо напечатать. Это произведение о мужестве, самоотверженности, стойкости - тема жгучая для сегодняшнего дня. Решили печатать, не откладывая.

Сдали в набор первую главу. Когда был готов трехколонник, я стал вычитывать верстку. Рядом стоял Гроссман и ревниво следил за моими движениями: как бы что-либо не выправил не по делу. Иногда обменивались репликами. Править повесть не было необходимости. Все было отточено, ничего лишнего. Фразы и абзацы связаны железной логикой. Подписал я верстку и назначил Гроссману свидание на завтра, для чтения второй главы. И так каждый день, до 12 августа.

22 июля

Вчера получили Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза большой группе воинов Западного фронта. Читая полосы, я увидел среди награжденных много знакомых имен: Клочков, Добробабин, Петренко, Натаров... Словом, все двадцать восемь панфиловцев. Но меня удивило, что они не выделены, как мы ожидали, отдельным Указом.

Позвонил на командный пункт Западного фронта Жукову: - Георгий Константинович, почему ты отказался от славы своего фронта?..

- Как отказался? - недоумевал Жуков.

- А очень просто. Получили Указ о героях Западного фронта. Но почему не выделены двадцать восемь? Ведь это дело особое...

- Обожди печатать, - сказал Георгий Константинович, - сам не пойму...

С кем он после этого говорил - не знаю, быть может, с М. И. Калининым, а может быть, со Ставкой, но только спустя несколько часов мы получили новый вариант Указов. Среди них был отдельный Указ о присвоении звания Героя Советского Союза двадцати восьми панфиловцам. Конечно, мы его напечатали первым, на самом видном месте в газете. А ночью мне позвонил Жуков:

- Ну, как?

- Все в порядке, Георгий Константинович. Печатаем отдельный Указ. Теперь все правильно, по справедливости...

Успели дать и передовую, которая так и называлась "Награждение 28 павших героев". Думаю, что в нынешней

тяжелой обстановке на фронте особенно сильно прозвучали слова: "Великое не умирает. Бой 28 гвардейцев с 50 фашистскими танками - не пожелтевшая страница истории, а неутихающий призыв к упорной борьбе, символ непоколебимой готовности нашего народа довести ее до разгрома немецких оккупантов".

Есть в передовой и такие строки: "И когда придет этот день, первыми алыми розами победы мы украсим могилу героев-панфиловцев, и у их дорогого надгробья в священном молчании станут армия, народ..."

Нет, не после войны это произошло. На разъезд Дубосеково сегодня выехали наши корреспонденты. У могильного холма за околицей деревни Нелидово, куда колхозники перевезли из окопов тела отважных и захоронили их, спецкоры встретили местных жителей со свежими полевыми цветами. Это было утром. А в полдень у могилы широким полукругом выстроились сотни бойцов. Они уходили на фронт и сюда пришли, чтобы поклониться праху героев Дубосекова и дать клятву, о которой напомнила сегодняшняя передовица: "Не проливайте слез у наших бездыханных тел... Идите в бой с фашистами и помните! Победа или смерть! Другого выхода у вас нет, как не было и у нас..."

Этот митинг запечатлел на пленке наш фоторепортер Георгий Хомзор, и его снимок был опубликован в газете на первой полосе. В этом же номере сообщение о решении Волоколамского райкома партии и райисполкома о присвоении улицам города имен героев...

* * *

С группой наших спецкоров, выехавших на Южный фронт с Волховского фронта, отправился журналист и поэт Леон Вилкомир. И вдруг - горестное сообщение - телеграмма, а затем и донесение с Южного фронта:

"Ответственному редактору "Красной звезды" дивизионному комиссару Д. Ортенбергу.

Доношу, что сегодня, 19 июля 1942 года, трагически погиб корреспондент "Красной звезды" старший политрук Вилкомир. В этот день бригада корреспондентов находилась в Новочеркасске. Ожидался переезд командного пункта фронта за Дон. Имея несколько свободных часов, Вилкомир решил съездить в 103-й штурмовой авиаполк, находящийся в одном километре от Новочеркасска, получить там информацию о боевых действиях летчиков. Я согласился и сказал, чтобы он не задерживался, ибо мы должны уехать вместе с командным пунктом. С Вилкомиром уехал фотокорреспондент Левшин. Через несколько часов он вернулся и дрожащим голосом сообщил о гибели Вилкомира.

Я сейчас же отправился в полк, на аэродром, где выяснил, что Вилкомир, узнав о предстоящем вылете группы самолетов, попросил разрешения у командира полка подполковника Мироненко полететь на боевое задание. Командир отказал. Последовал отказ и военкома полка старшего батальонного комиссара Немтинова.

Вилкомир обратился тогда к находившемуся на аэродроме командиру 216-й истребительной дивизии генерал-майору Шевченко. Генерал сначала отказал в просьбе Вилкомира. Тот настойчиво продолжал просить разрешение на полет. Наконец генерал дал разрешение, и Вилкомир сел в ведущую машину, которую пилотировал опытный, лучший в полку летчик лейтенант Маслов...

С боевого задания вернулись все самолеты, кроме одного, на котором полетел Вилкомир. Невернувшийся самолет, будучи подбитым, упал на территории, занятой немцами, в 3 км южнее станции Ермаковская (10-15 км южнее станции Тацинская).

О том, как Вилкомир просился на самолет и как погиб вместе с летчиком, мне рассказали очевидцы... Прилагаю официальное сообщение командира 103-го штурмового полка.

Врид начальника корреспондентской группы М. Черных".

Еще одна горькая потеря в нашем корреспондентском корпусе...

* * *

Вернулся с фронта спецкор Милецкий и рассказал мне примечательную историю. Началась она в первые же дни войны. На западном пограничье воевал полк, которым командовал полковник Владимир Ивановский. С тяжелыми боями отходил он на восток, неся большие потери. После одного из боев в полуокружении Ивановского сочли погибшим. Одни слышали, что он был убит осколком снаряда. Другие утверждали, что он ушел с отрядом бойцов в разведку и не вернулся. Однако никаких достоверных сведений о его судьбе не было. Спустя какое-то время приказом по дивизии полковника Ивановского записали в "пропавшие без вести".

Но позже стало известно, что где-то в пограничных лесах бьется с немцами дерзкий отряд: взрывает мосты, пускает под откос поезда, устраивает другие диверсии. Вскоре выявилось, что возглавляет этот отряд Ивановский, тот самый, кого считали пропавшим без вести. А под его началом воюют и некоторые однополчане.

- Напишите об этом, - поручил я Милецкому. - Дадим материал под заголовком "Пропавшие без вести".

Так и сделали.

Пропавшие без вести! Суровые, жестокие слова, сопровождавшие нас всю войну. Кто же эти люди? В дни отступления, когда поле боя оставалось за противником, далеко не всех погибших успевали захоронить. Не со всех снимали "смертельные медальоны" с адресами. А у многих их вообще не было. Да и в дни нашего наступления нередко хоронили людей в безымянные могилы. Пропавшими без вести числились и бойцы и командиры, попавшие в плен: многие из них погибли в лагерях смерти. Позже трагическая статистика засвидетельствовала, что фашисты замучили насмерть, убили шесть из каждых десяти военнопленных.

Не раз мы в редакции задумывались: как и что писать о пропавших без вести? Что могли сказать о них, кроме общих слов? Материал об Ивановском позволял нам в какой-то мере затронуть эту жгучую тему.

Пропавшие без вести! В годы войны эти слова рождали у родных надежду: может быть, партизанят, может быть, попали в концлагерь, но живы, вернутся. После войны далеко не все выяснилось: кто вернулся, а кто и лежит неизвестно где без могильного холмика и фанерной дощечки... Нельзя умолчать, что порой за словами "пропал без вести" скрывалось и казенное недоверие: не пал в бою за Родину, а девался неизвестно куда.

Слава богу, не везде стали делить согласно военкоматским уведомлениям на погибших на поле боя и по тем же уведомлениям - на пропавших без вести. Мы в "Красной звезде" потеряли в годы войны восемнадцать корреспондентов. Не вышли из окружения спецкоры писатели Борис Лапин, Захар Хацревин и Михаил Розенфельд, журналист Лев Иш, фоторепортеры Михаил Бернштейн и Абрам Слуцкий. Сперва редакторским приказом они тоже были зачислены в пропавшие без вести. Но после войны, когда в редакции установили мемориальную доску, на ней были высечены и их имена. Так поступили и в Московской организации Союза писателей, в городах и селах, где установлены памятники советским воинам, отдавшим свою жизнь в боях за Отчизну. Но все же далеко не везде это сделано.

Пропал без вести! До сих пор эти слова лежат тяжелым камнем на душе вдов, детей, внуков... О женской и сыновней боли есть у Константина Симонова в его дневниках пронзительная запись. В 1961 году он посетил поле боя на Курской дуге. В его машину подсел старшина, старослужащий, в армии уже семнадцатый год. Далее такие строки:

"И он вдруг завел со мной разговор о пропавших без вести.

Ехавший рядом со мной майор спросил его:

- А что тебя так волнует?

- А как же не волноваться? Мать уже, считайте, больше чем двадцать лет замужем за без вести пропавшим. И никакого ей определения нет, ничего не сказано, что умер, что она вдова. Без вести пропавший и без вести пропавший. Когда же это решится? Я вот был мальцом, а сейчас уже взрослый человек, уже и собственные дети есть, а все еще так вот, отец-то ни в тех, ни в этих! Как же это можно, чтоб столько лет ничего не решалось? Что это за без вести пропавшие через двадцать лет после того, как пропали? Почему это нерешенным остается? - говорил он с волнением и горечью..."

Прошла еще четверть века, а этот вопрос так и остался нерешенным...

25 июля

Обстановка на Юге страны резко ухудшилась. Третий день в сводках Совинформбюро кроме района Воронежа фигурируют Цимлянская и Новочеркасск. Оставлен Донбасс. Мы в редакции знаем несколько больше, чем сообщает Информбюро: наши войска оставили и Ростов-на-Дону. Идут бои в районе Клетской, а это уже Сталинградская область. Нам известно также, что решением Политбюро ЦК партии эта область объявлена на военном положении. Создан Сталинградский фронт.

В первый месяц летнего наступления немецкому командованию удалось добиться крупных территориальных успехов, хотя оно не смогло осуществить свой замысел - окружить и уничтожить войска Южного и Юго-Западного фронтов. Чтобы сорвать гитлеровские планы, Ставка приняла решение об отводе наших войск на новые рубежи, но вместе с тем потребовала удерживать их прочно, не допускать прорыва противника. Однако немцы продолжают двигаться вперед.

Почему это произошло? Из всех сообщений наших корреспондентов ясно было, что у противника численное превосходство в танках, артиллерии, авиации и пехоте. Но не только в этом дело. Была у меня беседа с комиссаром Генштаба Боковым. Он заменял Василевского во время его поездок по фронтам и, естественно, все знал. На этот раз он объяснил:

- Нет должного порядка в управлении войсками. Юго-Западный фронт не смог отразить продвижение противника главным образом потому, что командование фронтом лишено связи с частями и само несколько дезорганизовано.

Именно так оценил обстановку Сталин в разговоре но прямому проводу с Василевским. А разговор этот был как раз в

присутствии комиссара.

Да и мы в редакции "Красной звезды" почувствовали, что в управлении войсками на Юго-Западном фронте не все ладно. Вот уже больше недели материалы наших спецкоров по этому фронту поступали с перебоями, а потом их и вовсе перестали передавать в Москву. Корреспонденты не отвечали на наши настойчивые запросы. В Генштабе принимали свои меры, а мы - свои. Решено было послать на фронт боевого, энергичного корреспондента. Выбор пал на Леонида Высокоостровского. Отозвали его, с Калининского фронта и отправили на Юго-Западный с заданием разыскать нашу корреспондентскую группу, установить связь с редакцией и обеспечить газету материалами.

Нелегкая это была поездка. Редакция не знала, где находится командный пункт фронта. В Генштабе мы не получили точных данных. Высокоостровский отправился в путь на одном из поездов южного направления, однако в Мичуринске поезд попал под бомбежку и был разбит. До следующей станции спецкор добирался пешком. Пересел на другой поезд, но и его разбомбили. Наконец, он добрался до Калача и там нашел наших корреспондентов.

Выяснилось, что штаб фронта почти две недели находится на колесах. Связь с Москвой поддерживается главным образом по радио, а с армиями она временами полностью отсутствует. Многие корреспонденции давно написаны, но передать их в редакцию не смогли.

Высокоостровский решил просить аудиенции у командующего фронтом С. К. Тимошенко. Беседа с маршалом продолжалась полтора часа и закончилась в половине второго ночи. В результате нашему "послу" удалось отвоевать какие-то минуты на фронтовом узле связи. И первое, что сделал Высокоостровский, - вызвал меня вчера к прямому проводу. Сохранилась лента моих переговоров с корреспондентом, которую стоит привести хотя бы в отрывках:

"Корреспондент. В связи с тем, что почти непрерывно не было связи, вся информация, посылаемая капитаном Олендером, не поступила в редакцию. Имею основания полагать, что часть корреспонденции, переданная самолетом, могла даже попасть к противнику. Телеграфная связь и сейчас нерегулярная...

Москва. Понимаю. Но как объяснить все это читателю? Ищите выход посылайте попутными самолетами, фельдъегерской связью. Чем хотите. Весь материал должен быть пронизан одним - объяснять в пределах возможного, что происходит на фронте. Как думаете привлечь к газете украинских писателей? Где корреспонденция, заказанная Шолохову?

Корреспондент. Сейчас здесь находится лишь Савва Голованивский. Пишет для нас очерк. К Шолохову ездил Коротеев. Шолохов сказал, что он не может сейчас написать статью "Дон бушует", так как то, что происходит сейчас на Дону, не располагает к работе над такой статьей. Он обещал съездить еще раз на фронт и сделать эту статью...

Москва. Есть еще у вас вопросы?

Корреспондент. Последний приказ Ставки о положении корреспондентов на фронте создает исключительно трудные условия для работы... Всем предложено дислоцироваться во втором эшелоне фронта. Мы вынуждены не выполнять это и держим одного в первом эшелоне, остальных - в частях. Вопреки приказу также вынуждены пользоваться связью не во втором, а в первом эшелоне. В связи с этим возникают трения, но приходится не обращать на это внимания...

Москва. Эту директиву Ставки знаю. Говорил на днях с начальником Генштаба Василевским. Объяснил, что корреспонденту "Красной звезды", как представителю центрального органа НКО, нужно предоставить право находиться в первом эшелоне, и рассказал ему, что во время моего пребывания на Воронежском и Брянском фронтах в таком духе договорился с командующими. Василевский не возражает против этого. Будет дополнительная телеграмма, пока на основе моего сообщения договаривайтесь... У меня все. Постарайтесь не прозевать события..."

Да, такой приказ Ставки был. И был вызван тем, что на КП фронта скапливалось много людей, и они демаскировали его... Но к "Красной звезде", считали мы, этот приказ никак не относится. Словом, конфликт был улажен, а позже все вошло в свою норму. Корреспонденты и других газет тоже беспрепятственно находились там, где было наиболее важно для их газеты.

* * *

...Я несколько увлекся внутриредакционными делами и невольно отступил от главного. А главное состояло в том, что в эти дни с особой остротой встал вопрос о стойкости, дисциплине, порядке, о долге и обязанностях воинов, командиров и политработников. Обо всем этом было прямо сказано в статье "Трудный путь" Ильи Эренбурга: "Нам порой не хватает твердого порядка, точности, железной дисциплины", - писал Илья Григорьевич.

Об этом же сказано и в передовой статье "Долг командира", обращенной к командирам и политработникам. Статья откровенная и резкая.

"Как бы ни складывалась обстановка, каждый командир

обязан сохранять свое подразделение, часть как активную, полноценную боевую единицу, устремляя все силы только к одной цели - упорному и решительному выполнению боевого задания. Никакие самые чрезвычайные обстоятельства не могут оправдать и малейшего отступления от приказа командования, от законов советской воинской дисциплины, правил нашего воинского распорядка. Даже больше: то, что в обычных условиях является просто дисциплинарным проступком, в условиях чрезвычайных, в напряженной обстановке становится тягчайшим преступлением перед Родиной..., Отойти без приказа под натиском врага это значит оголить фронт, открыть путь врагу, помочь ему нанести внезапный удар во фланги и тылы других подразделений. Отойти без приказа означает, таким образом, предать товарищей, затруднить нашу дальнейшую борьбу с врагом... Первейший долг воинов Красной Армии - в любых условиях полностью сохранять твердый воинский порядок, жестоко обуздывая паникеров, трусов..."

* * *

Вчера раздался телефонный звонок:

- Давид Иосифович! Говорит Демьян Бедный. Я написал для вас стихи.

И сразу же стал их читать. Закончил и спрашивает:

- Ну как, понравились?

Откровенно говоря, я даже растерялся. Никогда мне еще не приходилось судить о стихах, прослушав их по телефону. Но звонок Демьяна Бедного меня обрадовал. Еще с гражданской войны мы его знали и любили. В эту войну он немало печатался в "Правде", в "Окнах ТАСС", а вот теперь этот звонок! Не помню точно, что я ему сказал, но, признаюсь, от прямого ответа увильнул. Почему? Этому предшествовала одна история, из которой я извлек для себя урок.

Как-то, в разгар работы над номером, зашел ко мне поэт Семен Кирсанов, наш корреспондент. Обычно он буквально врывался и, не спрашивая, могу ли я слушать сейчас его сочинение, начинал декламировать. А декламировал он на редкость темпераментно. Вот и на этот раз. Поэт только что приехал с фронта, явился ко мне во всей своей боевой красе: в каске, в запыленных сапогах, при полевой сумке и пистолете. Не успев даже поздороваться, с порога стал читать свои новые стихи. Закончил чтение и по обыкновению спросил:

- Ну, как?

- Отлично, - ответил я. - Будем печатать.

А когда Кирсанов ушел и я стал читать оставленные мне листки, обнаружил, что стихотворный текст был не так хорош,

как показалось на слух. Пригласил наших редакционных знатоков поэзии. Все единодушно сошлись на том, что стихи, мягко говоря, не удались, печатать их незачем. Трудным было последовавшее за этим объяснение с маститым поэтом. С тех пор я взял за правило: внимательно прослушав стихи, непременно попросить автора дать мне возможность самому вчитаться в текст - "попробовать на зубок". Вот и теперь я ответил Демьяну Бедному:

- Сейчас пришлю за ними машину...

Через час стихи под заголовком "Огонь!" были у меня на столе. Прочитал я их внимательно. Понравились! Сразу же поставили в номер, а затем позвонил поэту и поблагодарил его. Действительно, стихи хорошие, то, что сегодня нужно.

Донцы, шахтеры, казаки.
Красноармейские полки,
При вашем яростном отпоре
Пусть будет так - врагу на горе
Донская печь раскалена,
Чтоб вражья лопнула спина,
Чтоб почернели вражьи хари,
Чтоб от повторного блина
Зарвавшейся фашистской твари
Остался только запах гари,
Чтоб враг наш видел смерть одну
За каждым кустиком и горкой,
Чтоб стало вечной поговоркой:
"Погиб, как немец на Дону!"

В эти дни наконец вошел в нашу семью на правах штатного спецкора Сурков. С Алексеем Александровичем мы вместе работали во время войны с белофиннами в газете "Героический поход", и я не мыслил себе, что в Отечественную войну мы будем разъединены. А когда начал его искать, он уже оказался на Западном фронте, в "Красноармейской правде". Долго мы добивались его перевода в "Красную звезду". Добились, наконец. В Москве он не задержался, сразу же выехал на юг. А вскоре получили его стихи. Одно из них было напечатано под названием "На донской земле". А два других стиха - "Ночь над Осколом" и "Город О..." были объединены общим заголовком "Я пою месть".

Пусть читатель не удивляется: не слишком ли много стихов в военной газете? Да, ныне мы часто печатаем стихи. Так было и в дни оборонительных сражений сорок первого года, а когда на фронте настало затишье, они появлялись в нашей газете реже. Теперь, в тяжелые для нашей Родины дни, советская поэзия

видела свой долг в том, чтобы помочь нашей армии выстоять.

28 июля

Не только по содержанию, но и внешне полосы "Красной звезды" выглядят иначе, чем в прошлые дни. На первой и на всю вторую полосы вынесены призывные лозунги: "Воины Красной Армии! На вас с надеждой смотрят ваши отцы, матери, жены, братья и сестры! Не дайте их на поругание немцам! Ваш священный долг - отстоять нашу землю, истребить и победить врага!" Этим лейтмотивом пронизаны многие публикации и прежде всего передовица "Русская девушка в Кельне". Полностью приводится, выделенное жирным шрифтом, письмо угнанной в рабство Ольги Селезневой своей матери в город Орджоникидзе. Передовая необычно краткая - шестьдесят строк. Но какие еще нужны комментарии, когда из каждого слова этого письма сочатся слезы и кровь?!

Страницы газеты заполнены другими документальными свидетельствами, показывающими, что ожидает советских людей в городах и селах, отданных на заклание врагу. Напечатано шесть фотографий, занявших в газете полполосы: повешенные мужчины, старики, парень и девушка, снимок колонны местных жителей, которых немецкие изверги связали одной проволокой и гонят на смерть! К фотографиям краткое, гневное вступление:

"Эти снимки найдены у убитых немецких солдат и офицеров. Немцы ходят не только с автоматами, но и с фотоаппаратами. Палачам мало того, что они расстреливают и вешают мирных советских людей, вырывают языки и вырезают звезды на спинах пленных красноармейцев. Они еще фотографируют свои "подвиги". Они хотят глумиться над своими жертвами и после их смерти. Они хотят хвастаться у себя дома перед Мартами и Гертрудами своими кровавыми делами". А над фотографиями надпись: "Запомни и отомсти!"

В сегодняшнем же номере статья Ильи Эренбурга "Судьба России":

"Может быть, наша ненависть остыла? Может быть, мы забыли развалины Киева, поруганную Одессу, сожженный Смоленск, изуродованный Новгород? Теперь нашу ненависть снова накалили добела: немцы залили кровью города Донбасса и тихие казацкие станицы. Враг грозит Сталинграду. Враг рвется на Кубань. Суровые дни требуют от нас двойного мужества, двойной решимости... Прислушайся... и ты услышишь грозу над Доном, ты услышишь, как учащенно бьется сердце разгневанной России -

сейчас решается ее судьба - на годы, может быть, на века".

И суровое, бескомпромиссное предупреждение: "Внуки или будут прославлять подвиги героев 1942 года, или они проклянут нас, изнывая в плену..."

Сегодня же будут сказаны еще более суровые слова в приказе Сталина № 227, в приказе, потрясшем всю армию...

* * *

Наш ленинградский летописец Николай Тихонов точно выполняет обещание. Несколько ранее я получил письмо, в котором он сообщил, что пришлет очерк "Ленинград в июле" в конце месяца, "когда июльский облик города будет раскрыт богаче". "Сейчас у нас, - писал мне Тихонов, - громадная эвакуация и тишина перед бурей. Город освобождается от лишних ртов. Мы, как говорят моряки, списываем на Большую землю всех детей, стариков, инвалидов..."

Кстати, в этом письме Николая Семеновича были строки, вызывавшие у нас гордость и радость за нашего автора: "Ответственность наша, писателей, сегодня очень велика. Я только что получил письмо с фронта, где в одной роте прорабатывался, как пишет политрук, мой рассказ "Ленинград в июне", и бойцы вынесли такую резолюцию: "В ответ на патриотизм ленинградских женщин, стариков-бородачей и школьников мы еще лучше укрепим свой оборонный рубеж, еще лучше овладеем наступательной техникой и в скором будущем погоним бешеных фашистских собак от нашего славного Вердена - города Ленина!"

И таких писем - не одно. Хочу писать ярче, глубже - единственное мое устремление..."

Да, таким ярким и глубоким был рассказ Тихонова "Ненависть", напечатанный накануне. Таким был и полученный сегодня очерк "Ленинград в июле".

Казалось бы, у ленинградцев свои боли и горести, свои заботы, но сегодня их взоры, как и взоры всей страны, обращены на юг, где решается судьба Родины. "Далеко на юге развертывается грандиозное сражение, и Ленинград взволнованно прислушивается к этим раскатам орудий на Дону, потому что Нева - сестра синего Дона, а Ленинград - брат Ростова и Сталинграда. За одно дело мы бьемся все вместе, одну родную землю защищаем. Нам нужна стойкость и ненависть! Надо остановить врага и сломать его!"

Так заканчивается очерк "Ленинград в июле".

30 июля

Эти дни ознаменовались чрезвычайным событием: в армии обнародован приказ Сталина № 227, который известен под девизом "Ни шагу назад!". Обычно номера приказов помнят лишь в канцелярии. 227-й и сегодня вам назовет каждый фронтовик.

Приказ был издан в связи с глубоким прорывом немцев к Волге и Кавказу. С предельной правдивостью в нем объяснялось то отчаянное положение, в какое попала наша страна. Говорилось о смертельной угрозе, вновь нависшей над нашей Родиной. Приказ требовал в корне пресекать все разговоры о том, что "у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке... Такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам", они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

В приказе приводятся ошеломляющие цифры: "У нас стало намного меньше территории... стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн. населения, более 800 млн. пудов хлеба в год и более 10 млн. тонн металла в год. У нас уже сейчас нет преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше - значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину...

Пора кончить отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв".

Что же сейчас надо делать? Приказ № 227 дает суровый ответ:

"Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, в дивизиях, в танковых частях, авиаэскадрильях. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину..."

Я знаю, что приказ составляли по указанию и под диктовку Сталина. Да, собственно, можно было и не знать, но не трудно было догадаться, кто является автором приказа.

Приказ был подписан Сталиным 28 июля. Вчера вечером он уже был у меня в руках. Отодвинув все другие дела, засел за передовую. Казалось, писать ее было не так уже и трудно - надо просто-напросто добросовестно пересказать приказ № 227, и дело с концом! Но над текстом стоял гриф "Строго секретно". Поэтому, когда передовая была набрана и сверстана, я послал ее Сталину: так ли мы сделали? Через два часа мне вернули передовицу. Никаких вычерков и добавлений в ней не оказалось. Только некоторые строки Сталин подчеркнул красным карандашом, а это

означало - набрать жирным шрифтом. В том числе слова из приказа "Ни шагу назад! Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, стойко удерживать каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности".

Вслед за передовой почти подряд шли другие материалы, посвященные приказу № 227, его главному требованию - установлению строгого порядка и железной дисциплины в войсках. Здесь я должен напомнить о нашей передовой "Долг командира", опубликованной неделю назад. Поздно ночью в этот день я встретился с Боковым. Не успел еще с ним поздороваться, как он сразу же сообщил:

- Сталин отметил вашу передовую...

Боков имел в виду передовицу "Долг командира".

Читая приказ, я понял, почему та передовая получила одобрение Верховного. Она от первого до последнего слова была посвящена обязанности, долгу командира установить строгий порядок, железную дисциплину в подразделениях, частях, соединениях. Словом, в передовице был дух будущего приказа.

Читатель может спросить: не предвосхитила ли газета приказ № 227, коли я провожу такую параллель? Нет, этого я не говорю. Просто эта тема была подсказана нам жизнью...

* * *

Особо хотелось бы сказать о таких строках приказа, вписанных Верховным: "Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на Восток ".

Суровые, горькие и даже жестокие слова, о которых ранее почему-то стеснялись вспоминать, хотя и сам приказ, и само время уже стали достоянием истории. Не буду сейчас входить в обсуждение, справедливы или несправедливы эти слова, адресованные армии, но фронтовики сорок второго года могут подтвердить, что, если бы их не было, вряд ли приказ так взволновал всех, потряс солдатские души, вызвал такой взрыв чувств, столь резкий перелом в психологии воинов.

В передовице эти строки не дословно приведены: слишком необычными и неожиданными они были. А вместе с тем и обойти их нельзя. В передовой эта мысль выражена по-иному, но тоже резко и определенно: "Родина вручила воинам Красной Армии вместе с боевым оружием и свою судьбу. И тот, кто дрогнул на поле боя вместо того, чтобы стоять насмерть, будет проклят Родиной, как отступник, который отдает свой народ под ярмо

немецких угнетателей".

Передовая была не единственным выступлением газеты на эту жгучую тему. С неделю назад мы обратились с просьбой к Александру Довженко написать очерк о тяжелом положении на фронте, о долге советского воина перед своим народом, да такой очерк, чтобы он перевернул душу солдата.

Под вечер 31 июля у меня в кабинете раздался звонок - я услышал голос Довженко:

- Вашу просьбу выполнил. Привез рассказ...

Вскоре он был в редакции.

Александра Петровича до этой встречи я видел только в гражданском костюме. Теперь он предстал перед нами в военной форме. Худощавый, с чуть впалыми щеками, с красивой головой и седоватыми кудрями, опускавшимися на лоб, прокаленный степным солнцем, он выглядел бывалым фронтовиком. Пехотная форма с тремя "шпалами" на петлицах шла ему, и чувствовал он себя, видать, в ней свободно. Не долго распространяясь, он вынул из полевой сумки рукопись: рассказ "Ночь перед боем". Были у меня в то время Карпов и еще кто-то из работников редакции, и мы упросили Александра Петровича прочитать рассказ вслух. У него был грудной голос, читал он с мягким украинским акцентом. Мы слушали затаив дыхание, а когда он закончил, долго не могли произнести ни слова, потрясенные драматической силой произведения.

Я спросил писателя: читал ли он приказ № 227? Нет, он еще не знал этого приказа. С большой прозорливостью и смелостью он изобразил думы народные. Рассказ был написан сочным, колоритным языком, затрагивал самые тонкие струны человеческой души. Довженко описывал разговор украинских дедов-рыбаков у переправы на Десне с отступающими бойцами. Они, эти деды, с непримиримой беспощадностью, с горечью и едким сарказмом говорят о тех, кто забыл свой воинский долг и отдает родную землю на заклание врагу.

Командир-танкист Петро Колодуб в ночь перед боем рассказывает молодым бойцам о своей встрече с дедами на Десне в те дни, когда наши войска отступали:

" - Тикаете, бисовы сыны? - спросил нас дед Платон Пивторак, выходя из сеней с веслом, сетью и деревянным черпаком. - Богато я уже вас перевез. Ой, богато, да здоровые все, да молодые, да все - перевози да перевози... Савка! - крикнул Платон в соседнюю хату. - Пойдем, Савка. Надо перевозить нехай уже тикают. Га?! Пойдем, пойдем, это, мабуть, последние!..

- Э-ге-е! Что-то вы, хлопцы, не той, не как его, не туда будто идете, сказал дед Савка и хитро посмотрел на нас. - Одежда вот

на вас новая, да и торбочки, и ремни, эге, и сами молодые, а заворачиваете не иначе не туда, га?..

- Не знаю, чего они так тикают? - сказал дед Платон, идя с Савкой к реке, как будто нас тут вовсе и не было.

- Чего они так той смерти боятся. Раз уж война, так ее нечего бояться. Уж если судилась она кому, так и не сбежишь от нее никуда...

- Душа несерьезная, разбалованная... Это казна-що, не люди... сердился Платон. - Ну, сидайте, повезем. Чего стали? - Он уже стоял с веслом возле челна.

- Повезем уже, а там - что бог даст. Не сумели соблюсти себя, так уже повезем, тикайте, черт вашу душу бери... Куда ты шатаешь? Челна не видел, воин? - загремел дед на кого-то из нас...

Мы молча уселись в лодку, и каждый стал думать свою невеселую думу.

- Эге! - подхватил Савка. - А не знают, трясца их матери, что уж кому на войне судилось помереть, так не выкрутишься, никакой челн тебя не спасет. Не догонит пуля, догонит воша, а война свое возьмет... Бери влево! Быстрина велика, - захлопал Савка веслом...

- А ци думают спастись, а оно гляди, выйдет на то, что долго будут харкать кровью. Это же все доведется забирать назад!

- А доведется, - подхватил Платон и со всей силой гребнул веслом три раза. - Шутка сказать, сколько земли надо отбирать назад. А это же все кровь!

Я смотрел на деда Платона и с трепетом слушал каждое его слово. Дед верил в нашу победу. Он был для меня живым и грозным голосом нашего мужественного народа"...

Пересказать "Ночь перед боем" так же трудно, как трудно пересказать стихи. Мы сразу сдали рассказ в набор. Вскоре была верстка - "стояк" на четыре полных колонки. Вместе с Довженко, стоя у моей конторки, мы вычитывали слово за словом, строчку за строчкой весь текст. Я спросил Александра Петровича, где он встречал этих дедов.

- Это сама жизнь, - объяснил он.

- Коли так, - сказал я, - может, снимем подзаголовок "рассказ". Пусть его читают как очерк, как документ.

- Да, так, пожалуй, будет лучше, - согласился Довженко.

Когда верстка была вычитана, я вызвал Мишу Головина, который параллельно с нами читал полосу. У него, опытного и придирчивого стилиста, оказалось несколько небольших поправок. Когда мы их согласовали, Головин как бы между делом заметил:

- Горько будет нашему бойцу читать это...

Я навсегда запомнил неожиданный, полный философского смысла ответ Александра Петровича:

- Лучше горькая правда, чем сладкая ложь и даже сладенькая полуправда. Одна учит, а другая утешает...

Довженко был тысячу раз прав! Хотя в рассказе действительно немало горести, но каждая его строка звала в бой, укрепляла душу.

1 августа газета напечатала "Ночь перед боем". И в тот же вечер в редакцию позвонил секретарь ЦК партии. Он спросил: "Где Довженко? Передайте ему благодарность Сталина за очерк. Он сказал народу, армии то, что теперь надо сказать".

В армии с волнением читали "Ночь перед боем". Люди связывали сюжет рассказа с идеей приказа № 227. Но только мы знали, что Довженко задумал и написал рассказ, когда еще не было этого приказа. Просто писатель был на войне, видел, что происходит, и мужественно рассказал обо всем, ничего не утаивая и не смягчая.

* * *

Из поездки на фронт возвратился Константин Симонов и вручил мне очерк "В башкирской дивизии". Сказал, что напишет еще два очерка. А на второй день принес не очерк, а стихи "Безымянное поле". Это стихотворение он начал писать, прочитав приказ № 227, еще в пути. Первые беспощадные, горькие строфы стихотворения были созвучны приказу, как бы дополняли его еще одним мотивом - голосом погибших воинов:

Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной.
Мы мертвым глаза не закрыли,
Придется нам вдовам сказать,
Что мы не успели, забыли
Последнюю дочесть отдать.
Не в честных солдатских могилах
Лежат они прямо в пыли.
Но, мертвых отдав поруганью,
Зато мы - живыми пришли!..

Но за этими строками - неожиданный поворот темы: поэт словно бы вступил в спор с приказом. Он взял под защиту солдата, которого, как сказано в приказе, население страны якобы "проклинает... за то, что он отдает наш народ под ярмо немецких

угнетателей":

Ты, кажется, слушать не можешь?
Ты руку занос надо мной...
За слов мою страшную горечь
Прости мне, товарищ, родной.
Прости мне мои оскорбленья,
Я с горя тебе их сказал,
Я знаю, ты рядом со мною
Сто раз свою грудь подставлял.
Я знаю, ты пуль не боялся,
И жизнь, что дала тебе мать,
Берег ты с мужскою надеждой
Ее подороже отдать.
Ты, верно, в сорочке родился,
Что все еще жив до сих пор,
И смерть тебе меньшею мукой
Казалась, чем этот позор...

Не успел я дочитать эти строки, как Симонов стал объяснять. "Безымянное поле" было рождено потрясением, которое он, как и все мы, вся армия, испытал, прочитав приказ № 227. А этими строфами он не собирался оспаривать приказ, наоборот: это - суд над самим собой.

Было в приказе № 227 беспощадное требование: "Паникеры и трусы должны истребляться на месте". Однако в жизни в те боевые дни было вовсе не так. Задача борьбы с трусами и паникерами решалась по-другому. Им давали возможность загладить свою вину в штрафных подразделениях, на передовой, в огне боя, своей кровью, так сказать, искупить свою вину. Было именно так, как писал Александр Твардовский в своих стихах "Отречение", которые он сегодня принес в "Красную звезду" и которые сразу же были опубликованы:

И на глазах друзей-бойцов,
К тебе презренья полных,
Свой приговор, Иван Кравцов,
Ты выслушай безмолвно.
Как честь, прими тот приговор.
И стой. И будь, как воин,
Хотя б в тот миг, как залп в упор
Покончит счет с тобою...
А может быть, еще тот суд
Свой приговор отложит.

И вновь ружье тебе дадут.
Доверят вновь. Быть может.

И как правило, уходили штрафники в бой, многие сражались мужественно, восстанавливая доверие народа, боевых товарищей, которое под огнем значило не меньше, чем жизнь...

* * *

На первой полосе сегодняшнего номера газеты опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского. О том, что такой Указ будет, я знал. И к этому событию мы готовились. Прежде всего, заказали военным историкам очерки о русских полководцах. Авторы обещали принести их дней через десять. Но вот за два дня до получения Указа позвонил автор очерка об Александре Невском и сказал, что материал он еще не освоил, ему нужно дополнительное время.

Как раз в эти дни с Северо-Кавказского фронта в Москву вернулся Петр Павленко. Зашел ко мне. Я ему и говорю:

- Ты киноповесть об Александре Невском писал?

- Писал!

- В "Красной звезде" подписывал свои очерки псевдонимом А. Невский?

- Подписывал! Было дело, а что?

- Надо тебе Невского отработать.

- То есть как "отработать"?

Я рассказал о нашем проколе с очерком об Александре Невском и попросил написать этот очерк в самом срочном порядке. Дня за два, не больше.

Павленко сел за работу. Ровно через два дня принес очерк, и мы успели напечатать его в сегодняшнем номере "Красной звезды". Жаль, конечно, что пришлось начать не с очерков о Суворове и Кутузове: их мы получили позже. Однако жалеть, что мы заменили автора, не пришлось. Павленко написал такой яркий очерк, с таким знанием материала, что любой историк мог бы ему позавидовать!

В связи с учреждением орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского вот что хотелось отметить. Обстановка на фронте тяжелейшая. Армия отступает и отступает. И вдруг приказ о полководческих орденах! По статуту орденом Суворова, например, "награждаются командиры Красной Армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении, в результате

чего была достигнута победа в боях за Родину в Отечественной войне". То же в отношении орденов Кутузова и Александра Невского.

И вот законный вопрос: можно ли без несокрушимой веры в победу в дни тяжелейших поражений учреждать такие, можно сказать, победные ордена? В этом Указе - незыблемая уверенность в нашей окончательной победе над врагом! Так это и было тогда воспринято в стране и на фронте.

Второй фронт! Теперь уже яснее ясного, что США и Великобритания уклоняются от взятых на себя обязательств, затягивают его открытие. Не раз мы порывались сказать об этом на страницах газеты. Особенно "неистовствовал" Илья Эренбург: эта тема была, так сказать, его прерогативой. Но его статьи, где он то прямолинейно, то косвенно подвергал критике наших союзников, неизменно снимались. Нам говорили: "Не будем дразнить гусей, обождем..."

И вот опять Илья Григорьевич принес статью, где приводит слова немецкого летчика, попавшего в плен: "У нас никто не принимает всерьез разговоров о втором фронте. Не потому, что второй фронт не опасен для Германии, напротив, он очень опасен, но потому, что никто больше не верит, что англичане действительно хотят помочь своему союзнику". "Можно, конечно, - комментирует писатель, - с полным равнодушием отнестись к рассуждениям немецкого летчика. Однако последние события показывают, что германское командование рассуждает, как этот пленный: продолжается переброска немецких дивизий из Франции в Россию".

Это - на той стороне, а как у нас, на фронте? "Где же второй фронт?" спрашивают бойцы Красной Армии. Они видят перед собой одно: немецкие дивизии, переброшенные из Франции..." Кстати, немецкие пропагандисты засыпают наши войска листовками, в которых вещают: "Союзники вас обманут".

Особенно резкой критике писатель подверг объяснение американцев и англичан о затяжке второго фронта: мы, мол, не хотим предпринимать ничего необдуманного; нам надо все подсчитать, все взвесить. Эренбург напоминает, что война без жертв не бывает: "Не теряя ничего, нельзя все обрести..."

Хорошая, важная, считали мы, статья. Послали ее наркому иностранных дел В. М. Молотову. Буквально через час нарком позвонил и сказал:

- Печатать обождите. Еще не пришло время. Сами вам скажем...

Но статья не "погибла". Эренбург через Совинформбюро послал ее в Англию и там ее опубликовали...

Август

5 августа

В сводках Совинформбюро ничего утешительного: бои идут в районе Клетской, Цимлянской, Сальска и Кущевской. Сообщения наших корреспондентов и того хуже: оставлено Котельниково, прямая угроза нависла над Армавиром. Почти в каждом репортаже тревожные сигналы: "Противник все время подбрасывает резервы", "Численное превосходство на стороне врага". И даже рассказывая об успешных контратаках в районе Сальска, наш спецкор Черных указывает: "Однако положение на юге тяжелое..."

Более подробно обстановку на фронте я узнавал из "частных" писем корреспондентов. Вот что писал, например, Высокоостровский:

"Южнее Клетской бои идут недалеко от Дона. Но немцы пока не могут овладеть берегом. Серьезным стало вчера положение восточней Цимлянской. Немцы захватили Котельниково и распространяются на северо-восток... Думаю, что о Сталинграде могут заговорить во весь голос..."

В другом письме, полученном сегодня, он сообщает:

"Вчера произошел крупный танковый встречный бой в 70 км юго-западнее Сталинграда. Даю корреспонденцию, описывающую этот бой. Район, в котором произошел бой и где он еще продолжается. Информбюро называет районом Котельниково. Однако это уже на полпути от Котельникова до Сталинграда. Сообщаю для того, чтобы редакция смогла сориентироваться в случае смены названия района Информбюро..."

На этом же листке Высокоостровский нарисовал схему района боев.

Кстати, отвечая на мои упреки, почему запаздывает материал, корреспондент объяснил: "Каждый день даем информацию, но очень плохо со связью. Телеграф работает редко. Часто информация и даже оперативные документы штаба идут самолетом. Многие ваши телеграммы из Москвы тоже получаем самолетом в оригинале".

Теперь все понятно. Наши войска отступают, и вместе с ними передвигаются штаб фронта, управления, узел связи...

Исчез со страниц газеты Юго-Западный фронт. Мы-то знаем, в чем дело. 12 июля, после Харьковского сражения, он был расформирован. В связи с угрозой Сталинграду Ставка образовала

Сталинградский фронт, но об этом в открытой печати сообщений нет. Все материалы, поступающие с нового фронта, пока обозначаем "Действующая армия" - так, как это было в первые месяцы войны. Вскоре, однако, в газете появится и название нового фронта.

Горькие, тревожные дни! Я покривил бы душой, если бы сказал, что никто не испытывал чувства растерянности. И все же в стране и армии ни на минуту не угасала вера, что мы выстоим. Широкие массы не знали и не могли знать все, что предпринимается Ставкой Верховного Главнокомандования, чтобы задержать, остановить врага. А в сообщениях Совинформбюро - только удручающие вести. "Красная звезда", считали мы, обязана была во весь голос сказать, что нельзя вешать голову, причем сказать честно, правдиво, не скрывая трудностей и опасностей, что надо крепить веру в наши силы, в мудрость и волю партии, в окончательную победу над врагом.

Здесь уместно привести слова Виктора Гюго: "Отчаяться - все равно что бежать с поля боя". Выло горько, тревожно, но отчаяния не было! Было желание во что бы то ни стало устоять перед натиском врага, нанести ему такой удар, который подорвет его наступательные действия.

Илья Эренбург сказал об этом с огромной эмоциональной силой в статье "Помни!": "Если кто-нибудь тебе скажет, что немец победит, плюнь ему в глаза: это трус, это человек, рожденный для рабства, это не человек - это немецкая пешка..."

* * *

Немецко-фашистские войска наступают, продвигаясь вперед к Сталинграду и Кавказу. Но каждый шаг стоит им больших потерь. В этих сражениях наши войска перемалывают живую силу и технику врага. Нет почти ни одного репортажа спецкоров, где бы об этом не шла речь. Вот, к примеру, сообщение Коротеева из Воронежа о разгроме 75-й немецкой дивизии. Он назвал цифры убитых немецких солдат и офицеров - свыше шести тысяч! Быть может, это число преувеличено. Но потери враг несет немалые.

А вот через день мы получили корреспонденцию спецкора Лильина, в которой даны подробности разгрома 75-й дивизии противника. Умелый маневр, мощная контратака, геройство и самоотверженность - вот что принесло успех нашим частям. О доблести советских воинов говорит хотя бы такой факт. Командир полка был дважды ранен, но не ушел с поля боя. Остался в строю и дважды раненный комиссар полка...

Да, каждый день сражений рождал героев. И не одиночек! Героизм был поистине массовым. Далеко не обо всех газета была в силах рассказать. Сообщали лишь о самом значительном и

ярком.

В этой связи упомяну корреспонденцию Высокоостровского о подвиге воинов 33-й гвардейской дивизии, которой командует полковник А. Утвенко. Это имя уже было нам хорошо знакомо: оно не раз появлялось на страницах газеты. Полк, которым командовал Утвенко, отличился в августе 1941 года в Смоленском сражении. Отличился он и при разгроме войсками Жукова ельнинской группировки противника в том же году. Жуков заметил этого широкоплечего, круглолицего, с украинским говорком боевого офицера. Сразу же после Ельнинского сражения ему, тогда майору, было - через ступеньку - присвоено звание полковника, такое в армии бывало очень редко. А вскоре он был назначен командиром дивизии. С Утвенко мы с Симоновым вскоре встретимся в Сталинграде. А Симонов с ним подружится, впечатления от встреч с Утвенко он использует, работая над книгой "Дни и ночи". "...В последнее время я работал над романом о войне, писал Симонов ему позже. - Должен тебе сказать, что в романе, хотя и нет прямых фотографий, но в значительной степени участвуешь ты и некоторые из твоей части, как прообразы героев романа..." А теперь Утвенко воюет в районе разъезда "74", на пути от Котельникова до Сталинграда. Воюет хорошо, инициативно, как говорится, с умом. Можно сказать, что эти бои тоже были немеркнущей страницей Сталинградской битвы.

* * *

В последние дни все чаще появляются сообщения о боевых действиях донских и кубанских казаков, об их стойкости, упорстве, отваге. Об этом, решили мы, надо рассказать подробнее. Срочно вызвали из Тулы Павла Трояновского, где он работал в 50-й армии Западного фронта. Разговор был короткий:

- Павел, вы долго еще собираетесь сидеть в Туле?

- Согласно приказу, - лукаво ответил он, сообразив сразу, к чему вопрос. - Сижу в Туле, а сам гляжу на юг.

- Вот как раз там вы нужны. Там хорошо воюют казаки. Поезжайте к ним и напишите. Через три дня жду первый материал.

Точно в назначенный срок пришла его корреспонденция о боевых действиях, правильнее сказать - о подвиге казачьей дивизии Тутаринова. Но мы напечатали не корреспонденцию, а передовую, в которую почти полностью вошел материал Трояновского. А сделано это было для того, чтобы придать большее значение тому примеру стойкости и упорства, которые являли собой боевые действия дивизии. Передовую мы так и назвали: "Пример упорной и стойкой борьбы". В ней говорилось:

"Дивизия, которой командует Тугаринов, оборонялась так, что временами трудно было понять, кто же наступает на этом участке фронта - казаки или немцы".

Заключалась передовица фразой:

"Боевой опыт наших передовых соединений учит: стойкость, порядок, железная дисциплина - вот подлинно непреодолимая преграда для врага".

Именно этого и требовал от армии приказ № 227. И действия казаков были впечатляющим примером того, как надо его выполнять.

* * *

Очерки, которые привез Симонов, и были написаны о тех воинах, которые в дни наших неудач и поражений, в труднейшей обстановке показывали образец воинского умения, самоотверженности и, что особенно важно, стойкости. Писатель видел героев в деле на Дону. Правда, он скромно назвал привезенные материалы корреспонденциями, но это были глубокие, психологически точные очерки. Точные! В те дни это было особенно важно.

Первый из них, уже упоминавшийся, назывался "В Башкирской дивизии". Второй - "Воля командира" - опубликован в сегодняшнем номере. Это рассказ о подвиге лейтенанта Василия Козлова. Оказавшись в тылу врага со своим спешенным эскадроном в почти безвыходном положении, он пристроился позади немецкой цепи и бесшумно двигался за ней в высокой ржи. А когда приблизился к нашей передовой, Козлов скосил немецкую цепь пулеметом и почти без потерь вышел к своим.

В третьем очерке - "Единоборство", который он сегодня положил на мой стол, тоже необычайная история. В одном из полков Симонов встретил молодого алтайского парня из Ойрот-Туры, командира батареи 76-миллиметровых пушек лейтенанта Илью Шуклина. Сидел с ним за котелком супа из молодой картошки и подробно расспрашивал о том, как его батарея подбила во вчерашнем бою 14 немецких танков. Свои пушки он поставил на прямую наводку, а сам, сидя верхом на коне, корректировал огонь; писателю он объяснил, что выбрал такой "наблюдательный пункт" потому, что здесь, в степи, "сверху видней танки".

Прочел я очерк и хотел отправить в набор. Но Симонов придержал меня:

- Слушай! Шуклин молодой, замечательный и скромный парень. Беседовали мы с ним долго, и не только о бое, товарищах, но и вообще о жизни. Он попросил, если возможно, передать от него солдатский привет отцу и матери, а также девушке... Не

возражаешь, если я вставлю это в корреспонденцию?

- А чего возражать? Ведь ты это делаешь не впервые...

Такой случай с Симоновым действительно был - в осажденной Одессе, куда он выезжал в командировку вместе с фоторепортером Яковом Халипом в августе прошлого года. Там они встретились с командиром батареи капитаном А. Деннинбургом. Во время беседы комбат сказал:

- Воюют три моих брата и сестра. Вся семья, можно сказать, на фронте.

И шутки ради обронил такую фразу:

- Вы, газетчики, все можете. Вот написали бы в газете: мол, так и так, воюет под Одессой командир Деннинбург и передает боевой привет родным и друзьям, особенно жене Таисии Федоровне и сыну Алексею...

Симонов выполнил эту просьбу - привел слова Деннинбурга в корреспонденции, добавив от себя: "И на его обветренном лице появляется застенчивая, грустная улыбка человека, давно не видевшего свою семью". У какого редактора поднялась бы рука вычеркнуть этот абзац? Не вычеркнул его я, хотя он как будто прямого отношения к обороне Одессы не имел. Много лет спустя мы узнали, что привет, посланный через газету из осажденной Одессы, все-таки дошел до жены артиллериста и доставил ей, а также сыну несказанную радость...

А теперь Симонов дописал и в этом донском очерке такие строки:

"А потом, задумавшись, он (Шуклин. - Д. О.) вдруг начинает вспоминать о событиях совсем недавних, не имеющих отношения к войне, - о матери и отце, живущих в далеком городе Ойрот-Тура, о товарищах-комсомольцах из города Ойрот-Тура, где он был членом бюро райкома комсомола, и о девушке Вале Некрасовой, которая уехала на Дальний Восток в военно-морской флот и последнее письмо прислала с дороги, из Новосибирска.

И мне хочется, чтобы, прочитав этот номер газеты, отец и мать Шуклина были горды своим сыном, чтобы комсомольцы Ойрот-Туры вспомнили своего товарища, на которого им нужно быть похожими, и чтобы девушка Валя Некрасова знала, что ее любит настоящий, хороший человек с верным глазом и крепкой рукой солдата".

Хорошо поработал Темин. К очерку "Единоборство" дано его фото. Подпись: "На Дону. Артиллеристы, уничтожившие 14 немецких танков. В первом ряду (слева направо): командир батареи лейтенант И. Шуклин, красноармейцы Ю. Каюмов, Н. Лончаков. Второй ряд: М. Панин, В. Шлонов и К. Вяткин". Очень симпатичные, совсем молодые ребята во главе со своим

командиром с озорными мальчишескими глазами.

Через некоторое время редакция получила письмо начальника политотдела дивизии, в котором он с печалью сообщал, что герой симоновского очерка погиб... Горько было читать эту печальную весть.

А позже в газете появился Указ о присвоении гвардии старшему лейтенанту Шуклину Илье Захаровичу звания Героя Советского Союза. Сейчас я ознакомился с наградным листом на Шуклина. Читаю и вижу, что текст его взят из очерка Симонова. И, чтобы не было никаких сомнений в этом листе, так прямо и написано: "Подвиг тов. Шуклина описан в статье Симонова "Единоборство" ("Красная звезда" от 9.8.1942 г.)".

Вот только не удалось узнать, почему все было сделано с опозданием на год. Впрочем, какое это имеет значение? Известно, что награды приходили к своим героям и через десятки лет...

* * *

С очерками в газете наступило прямо-таки половодье. Вот и Алексей Сурков с берегов Дона прислал очерк "Лицом к лицу" - об истребителе танков бронебойщике Иване Твердохлебове. Впрочем, это, пожалуй, необычная новелла о встрече нашего пехотинца с немецкими танками. Есть в тексте и красочно выписанный пейзаж, и колоритные диалоги, и суровая правда войны. Сурков смог так строго и взволнованно написать потому, что единоборство наших бронебойщиков с немецкими танками проходило у него на глазах. Именно в тот день поэт был в мотострелковом батальоне, сидел в окопе рядом с героями своего будущего сочинения. При нем происходил этот бой, писатель видел все от начала до конца. И талантливое, суровое в обнажении трудной истины перо поэта Алексея Суркова сработало и в этом случае великолепно.

* * *

Новый взрыв ненависти к фашистским извергам вызвали две публикации в нашей газете. Из Ленинграда Николай Тихонов прислал короткую корреспонденцию в сорок строк, которая была опубликована на первой полосе под заголовком "Рынок невольников". Что в ней?

"В Германию угоняют русских девушек, - пишет Тихонов. - Их продают там на невольничьих рынках. Ужасна судьба этих дочерей советского народа, попавших в немецкий полон.

Вот письмо, найденное у убитого под Ленинградом обер-ефрейтора 405-го пехотного полка 121-й дивизии Рудольфа Ламмерсмайера. Это письмо написано его матерью из местечка Лютте близ Эйнкерннрута: "Ты пишешь, что войной сыт по горло. Но мы питаем надежду, что когда-нибудь случится особенное.

Ведь может же быть чудо. Вчера днем к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Хотя Анна Лиза обрезала веревку, пульс у русской уже не бился. Она была мертва. Наши работницы-польки говорили, что фрау Ростерт все била и ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и все время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокоили фрау Ростерт. Можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу".

И текст писателя: "Не нужно слов! Шапки долой перед трупом русской девушки, которая предпочла смерть рабству..."

А вчера утром мы получили от наших фронтовых корреспондентов письма из Германии, тоже найденные у убитых немецких солдат и офицеров. И тоже поражающие своим цинизмом.

"Кто бы подумал, Вилли, - писали на фронт жены гитлеровцев, - что такое животное, как наша украинка, умеет прекрасно шить". Или: "Удрали три литовца, но они уже заменены белорусами. Мы ничего не потеряем. Это даже дешевле. Прокормить этих белорусов можно очень дешево. Русские получают только хлеб из свеклы... К 1 марта нам дадут трех украинских девок для работы на огороде и двух девок для работы на дому. Будь спокоен, уж они поработают! Все, у кого уже работают русские, говорят, что в общем это недорогое удовольствие..."

Эти письма мы послали Алексею Толстому с сопроводительным письмом: "К Вам внеочередная просьба - сказать свое слово по поводу писем, выдержки из которых я Вам посылаю. Нужны всего лишь две-три страницы на машинке. Если можно - обязательно сегодня". Просьба внеочередная потому, что именно в эти дни Алексей Николаевич заканчивал знаменитые "Рассказы Ивана Сударева" для "Красной звезды" и отвлекать его, наверное, не следовало.

В тот же вечер Алексей Толстой прислал в редакцию две страницы, а сегодня их читают вся армия и страна. На второй день заметку перепечатала "Правда". Толстой писал:

"Прочтите эти письма, товарищи. Они найдены в карманах убитых немцев. Эти документы потрясают своим цинизмом. В них вы увидите страшную судьбу советских людей, насильно увезенных в подлую и темную Германию. От вас, от вашей стойкости, от вашего мужества и решимости разгромить врага зависит будут ли бесноватые немки хлестать по щекам русских, украинских и белорусских женщин да кормить их одним хлебом из свеклы, как скотину"...

И заключительный абзац:

"Воин Красной Армии, закрой на минуту лицо своей рукой. Больно русскому читать эти немецкие строки. Штыком своим, омоченным в немецкой крови, зачеркни их.

Смерть рабовладельцам!"

Такой заголовок мы и дали статье Алексея Толстого.

9 августа

Вот уже две недели, как действует приказ Сталина № 227. Он был зачитан перед строем и в окопах - во всех взводах, ротах, полках. Не ошибусь, если скажу, что ни один приказ Верховного Главнокомандующего за все время войны не вызывал таких глубоких чувств! Сила его воздействия была в том, что нашим воинам без прикрас сказали нелегкую, но истинную правду, суровую и горькую, о той пропасти, над которой мы очутились. Общепризнано, что приказ № 227 сыграл исключительную роль в создании духовного морально-политического перелома в умах воинов.

Но как бы ни был важен этот приказ, просто призывами "Ни шагу назад!" не решить исхода битвы с врагом. Не буду перечислять всего, что было сделано для усиления отпора врагу. Мы же тогда видели свою главную задачу в том, чтобы довести до фронтовиков главное требование приказа - установить порядок и железную воинскую дисциплину в войсках, снизу доверху. Этому и служат многие материалы, опубликованные в газете. Для примера укажу лишь на передовую статью "Умело организовать встречный бой", посвященную нашим оборонительным сражениям на Юге. Жирным шрифтом выделены в ней самые важные строки, которые можно назвать наставлениями воинам: "Развернуться в боевой порядок раньше врага, неожиданно напасть на него в то время, когда он находится на походе и не изготовился в бою". Или: "Бить врага по частям, уничтожать каждую вражескую колонну порознь до того, как успеет подойти к ней подкрепление". Или: "Вернейший залог упреждения неприятеля в развертывании - это неизменная готовность каждого подразделения, каждой части в любую минуту и на любом рубеже организованно встретить наземного и воздушного врага". Хлесткая, прямо-таки афористичная фраза: "Боевой опыт учит, что лучше плохое решение, но своевременное, чем хорошее, но опоздавшее "...

Прямым откликом на приказ № 227 была трехколонная статья генерала В. Матвеева "Порядок и дисциплина в бою". В ней

рассказывалось, как стрелковый полк майора Лебедева действовал на опаснейших участках фронта. Он подвергался самым жестоким испытаниям, и не было в этом полку ни одного случая самовольного оставления окопа, блиндажа, дзота. Просто "под давлением неприятеля" здесь никто не отходил, каким бы сильным это давление ни было. Быть может, в особо острые моменты у некоторых менее выдержанных людей и затушевывалось сознание долга. Нет сомнений, что и эти люди держались в силу железного порядка, которого командир добивался любой ценой. В первых же боях майор Лебедев послал несколько красноармейцев, проявивших малодушие, на самый опасный участок, чтобы они искупили свою вину. Этот справедливый акт и другие, более жесткие, с удовлетворением воспринимались в ротах. Войска любят порядок. Масса бойцов отлично понимает значение дисциплины. Все меры, направленные на поддержание порядка, особенно в те напряженные минуты, когда враг стремится нарушить этот порядок, только поднимают авторитет командира, вселяют веру в силу его приказа.

* * *

Некоторое время тому назад, в связи с обострившейся обстановкой на фронте, Центральный Комитет партии принял специальное решение об улучшении политической работы в войсках. В этом постановлении говорилось о такой форме мобилизации масс, забытой многими, как красноармейские митинги. Теперь они стали проводиться повсеместно - перед боем, в короткие часы передышки в дивизиях, полках. На этих митингах выступали командующие фронтами и армиями, члены Военных советов, комиссары. Выходили на трибуны митингов видные деятели партии и государства - М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Д. З. Мануильский, многие ответственные работники Центрального Комитета партии. Митинги оставляли в умах и сердцах бойцов огромный след, служили воспитанию стойкости и дисциплины, укрепляли веру в нашу победу.

Первый отчет о первом митинге публикуется в сегодняшнем номере газеты. Дело нам казалось столь важным, что на митинг в дивизию был командирован Павленко: в репортерскую работу Петр Андреевич вкладывал свой писательский талант.

Митинг состоялся в дубовой роще, на склоне оврага. С докладом выступил начальник Управления пропаганды и агитации ЦК партии Александров. После него слово берут офицеры, солдаты. Одно из выступлений - автоматчика старшего сержанта Антошина - воспроизведено писателем:

- Воюю 13 месяцев, видал их, вижу я - слабже он, чем был. Ей-

богу, слабже. Самый раз его бить...

Пусть читателю не покажется, что это недооценка врага. Сила его не убавилась, но немецкий солдат уже не тот, каким он был в начале войны.

А вот как кончил свой отчет Павленко:

"День уже в разгаре. Зной повис над сияющими полями. Скоро над головами, шелестя, проносятся снаряды наших тяжелых орудий. Видно, немец попробовал где-нибудь размять ноги. Сейчас ему дадут, как говорят бойцы, "витамина". Маленькими группками растекается митинг... Это митинг всех, кто готовится к тяжелой борьбе для того, чтобы победить. Душа словно расправила крылья, мысль каждого выросла и окрепла на миру, среди родных товарищей".

Многое рассказал Павленко. Вот только не упомянул, что и он на этом митинге выступал с горячей речью. Все успевал Петр Андреевич: писал много, пожалуй, больше других наших писателей. Успевал и выступать перед бойцами на "передке" и среди раненых и нередко просто читал им свои очерки, порои и до того, как их отсылал в редакцию...

* * *

Илья Эренбург напечатал статью "Стой и победи!". Во время своей поездки в войска Илья Григорьевич подслушал разговор двух фронтовиков и теперь вспомнил о них: "Лейтенант Аросев, небритый, с глазами, красными от бессонных ночей, повторял: "Убьют, так убьют - я смерти не боюсь..." Скрипели жалостно телеги беженцев, и в золоте заката бледнел пожар села. Политрук Савченко внимательно поглядел на Аросева, покачал головой и ответил: "Умереть легко, нам другое нужно - победить".

Какие страстные слова нашел писатель, чтобы сказать о самом главном: "Ты должен быть готов к смерти - на то война. Но ты должен думать не о смерти - о победе... Если герой погиб, преградив путь врагу, мы не скажем "он умер", мы скажем "он победил": он многих спас от смерти. Есть смерть обидная, ненужная и есть смерть, которая и не смерть, а победа: когда человек своей смертью попирает смерть... Россия говорит каждому из своих солдат: "Я хочу, чтобы ты жил. Стой и победи!"

12 августа

В сводках Совинформбюро появились новые районы боев - Черкесск, Майкоп, Краснодар... Однако на карте в Генштабе я увидел, что эти города уже остались за линией фронта. О том, что они оставлены нашими войсками, будет сообщено позже.

Общую обстановку на фронте и задачи войск объясняет сегодняшняя передовая статья "На Дону и Кубани". Такого рода передовицы мы печатали и ранее - например, "На Юге". Они как бы ориентируют читателя и говорят о главном.

"Подобно отчаявшемуся игроку, который в азарте бросает все на карту, немцы пошли теперь на крайнее напряжение своих сил, ибо они знают: сейчас или никогда. На это мы должны и можем ответить врагу только одно: никогда!..

Немцы торопятся - надо торопиться и нам! Враг должен быть остановлен теперь же, на тех рубежах, где идут сейчас бои... Бои на Юге переместились сейчас на такой театр военных действий, где наши части, начиная от дивизий и кончая подразделением, цепляясь за каждый населенный пункт, за каждую складку горной местности, могут задержать численно превосходящие силы врага, остановить его и обескровить".

Ход сражений на каждом из фронтов находит отражение в репортажах и корреспонденциях, занимающих теперь всю первую и вторую полосы газеты. И вновь рассказ о том, что наши части отбивают бешеные атаки неприятеля. Это хорошо, но плохо, очень плохо, что "враг продолжает продвигаться"...

Есть сообщения и о том, что наши части берут в плен группы немцев. Есть даже снимки об этом. Наш фоторепортер Александр Капустянский напечатал на второй полосе фотографию - колонна пленных, конвоируемых в наш тыл. Такой же снимок Темина опубликован на первой полосе. Пленных столько, что голова и хвост колонны даже не уместились в кадре. Кроме того, Темин прислал один снимок, можно сказать сюжетный, на нем изображены гитлеровцы, выскочившие из окопа с поднятыми руками. Зная храбрость нашего фоторепортера, не считавшегося ни с какой опасностью, чтобы сделать "мировой кадр", можно поверить, что это фото действительно сделано на "передке".

Читателю, конечно, было приятно увидеть такие снимки. Но сейчас, разглядывая их, я подумал, стоило ли давать так широко, да еще на первой полосе? Не рождали ли они иллюзию, что на фронте дела идут лучше, чем было в действительности?

* * *

Алексей Сурков сейчас на Дону. Разыскать его невозможно. Большой беды в том, что мы не знали, в какой точке на фронте он сегодня находится, не было. Оперативных заданий ему не давали, он был у нас "вольным стрелком", сам выбирал себе маршрут и сам решал, что ему писать. И сколько было у меня радости, когда он присылал свои стихи, значит, все у него в порядке! Вот и сегодня опубликовано его стихотворение "Ненавижу!"

Почему пылала наша ненависть к гитлеровцам, кажется,

хорошо известно. Но Сурков нашел свои, особенные слова, чтобы это еще раз объяснить:

Стало сердце, как твердый камень.
Счет обиды моей не мал.
Я ведь этими вот руками
Трупы маленьких поднимал...
Ненавижу я их глубоко
За часы полночной тоски,
И за то, что в огне до срока
Побелели мои виски.
Ненавижу за пустошь пашен,
Где войной урожай сожжен:
За тоску и тревогу наших
Одиноких солдатских жен...

Сегодня опубликована заключительная глава повести Василия Гроссмана "Народ бессмертен". Она печаталась в восемнадцати номерах газеты, и с каждым номером растет интерес читателя к ней.

Восемнадцать вечеров, а то и ночей у моей конторки, стоя вместе с писателем, я вычитывал верстку очередной главы, чтобы поставить ее в номер газеты. Конфликтов с Василием Семеновичем у нас не было. Вот только концовку мы горячо обсуждали: главный герой повести И. Бабаджанян погибает. И тогда, когда я читал рукопись, и теперь, когда читал набранную последнюю главу, говорил писателю: нельзя ли оживить героя, так полюбившегося читателю?! Василий Семенович ответил:

- Без этого нет правды войны...

И еще об одной необычной ситуации в связи с повестью следует рассказать.

Осенью сорок первого года был Гроссман под Глуховом на Украине. Узнал, что на западном берегу реки Клевень, на оставшемся крошечном участке в два километра, ведет неравный бой с немцами 395-й стрелковый полк майора Бабаджаняна. Полк мужественно дерется с врагом, сдерживая его натиск, прикрывая отход армии. Он не раз переходил в контратаку, отбил даже одно селение, и писатель в этом увидел "крошечное зерно великого дерева победы". Он решил написать о героях полка и хотел пробраться к Бабаджаняну. Но политотдел не пустил его. Путь на правый берег Клевени был тяжелым и опасным. Гроссман возмущался, объяснял, что не может он писать, не увидев и не поговорив с людьми, ведущими бой. Все-таки не пустили.

Позже, когда Гроссман спросил о судьбе 395-го полка, ему

сказали, что он доблестно выполнил свою, задачу, но понес большие потери, а его командир майор Бабаджанян убит.

Геройский подвиг полка и его командира стал одной из сюжетных линий повести "Народ бессмертен". В те вечера, когда мы читали верстку, Гроссман рассказал мне, что произошло под Глуховом, и признался, что одному из персонажей сохранил подлинную фамилию. Это - майор Бабаджанян, погибший смертью храбрых.

Весной 1944 года Гроссман и Коломейцев прибыли под Винницу, в 38-ю армию, где я в то время работал начальником политотдела армии. Я послал их в Липовцы, в танковую бригаду, которой командовал подполковник Бабаджанян Амазасп Хачатурович, невысокого роста, спокойный и веселый человек. Командир бригады принял их очень тепло. Имя писателя было хорошо известно фронтовикам.

Бабаджанян! Фамилия для Гроссмана знакома, но он вначале не обратил на это внимания: мало ли встречается на свете однофамильцев! Побеседовал комбриг с корреспондентами и сразу же решил отправить их назад: командный пункт обстреливался неприятелем. Но сплавить спецкоров ему не удалось. Целый день пробыли они в бригаде. А во время обеда, когда начались обычные в такой обстановке воспоминания, выяснилось, что Бабаджанян и есть тот самый командир 395-го стрелкового полка, действовавшего на западном берегу Клевени под Глуховом, куда так рвался Гроссман.

- Да, я там был, - сказал Бабаджанян и, усмехнувшись, добавил: - Но вы меня убили...

Писатель, однако, не смутился - после небольшой паузы заявил:

- Я вас убил, но могу вас и воскресить...

Вот об этом эпизоде Гроссман и рассказал мне, когда вернулся на КП армии. А я вспомнил нашу дискуссию о концовке повести:

- Слава богу, хоть один из "убитых" вами оказался живым!..

Гроссман подружился с танкистом, иной раз делал стокилометровый крюк, чтобы побывать у него. Он написал документальную повесть "Советский офицер", посвященную Бабаджаняну, позже ставшему главным маршалом бронетанковых войск, - яркое произведение о полюбившемся автору "убитом" и "воскрешенном" им же герое.

* * *

Новые подвиги, имена новых героев...

Сегодня военный провод принес краткое сообщение Высокоостровского о геройстве четырех гвардейцев - Болото,

Беликова, Алейникова и Самойлова. Было это на Сталинградском направлении. На одном из участков фронта группа немецких танков и броневиков прорвалась в расположение наших войск. Два расчета гвардейцев-бронебойщиков залегли на холмике, обозначенном на картах высотой 198,3. Они не получили приказа отойти и оказались отрезанными от своей части. Грянул неравный бой. На четырех человек с двумя противотанковыми ружьями надвигалось около тридцати танков. Гвардейцы не дрогнули. Они верили в свое оружие, верили в себя, верили в победу. Первые выстрелы поразили два танка. Немцы отошли, чтобы развернуться, охватить подковой холмик и покончить с храбрецами. И когда танки подползли, ружья в руках героев били еще чаще, еще метче. Пятнадцать немецких танков запылало на поле неравного боя. Остальные попятились перед неслыханным упорством четырех советских воинов. Четыре гвардейца отбили атаку врага и сами остались живы.

Сообщение, как видим, совсем краткое. Но о подвиге бронебойщиков должна узнать вся армия. И немедленно. В этих случаях у нас был испытанный способ передовица. Так было, когда мы получили известие о подвиге 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково. Так решили и сейчас. Сразу же стали готовить передовую в номер. Замысел этой статьи был выражен в заголовке: "Стойкость, победившая смерть". Для передовицы были найдены слова прямо-таки хрестоматийного звучания, и тем самым передовая открыла этому подвигу широкую дорогу в массы:

"Маленький холмик в широкой задонской степи выше самой высокой горы вознес имена четырех советских гвардейцев - Беликова, Алейникова, Болото, Самойлова...

Есть на войне неумолимые законы чисел. Но кто измерит убойную силу двух противотанковых ружей, помноженную на сталь четырех русских сердец?!

Человек силен своим оружием, но в руках слабого человека самое мощное оружие бессильно. Если бы Беликов, Алейников, Болото и Самойлов дрогнули перед лицом врага, пытались бежать, - они бы погибли. Бронебойные пули их ружей не спасли бы их. Но в грозный час смертельной схватки герои думали не о себе - о своем воинском долге, и это вдохнуло в их грудь отвагу и принесло им победу. Они знали: стойкость - щит смелых; трус наверняка гибнет на поле боя, а смелый зря не погибнет. Они знали: Родине нужна не их гибель, а их жизнь, их победа. Они слишком любят жизнь, чтобы бояться смерти, и во имя жизни в свободной и счастливой отчизне готовы были погибнуть, но остановить врага.

В бескрайней задонской степи тихо стоял безымянный, покрытый травою холм. Пришли к нему четыре советских бойца, четыре героя, - и стал он гранитной крепостью, неприступной для врага... Стойкость, победившая смерть, - вот имя бессмертного подвига четырех гвардейцев..."

В тот же час, когда я прочитал сообщение Высокоостровского, на фронт ушла депеша, в которой просили спецкора прислать очерк писателя о четырех героях - посоветовали обратиться к Миколе Бажану. На днях Выскоостровский сообщил, что поэт на фронте, рядом с ним, а недавно Микола Платонович прислал в редакцию письмо, где были такие добрые слова: "Очень обрадовало меня Ваше любезное письмо. С удовольствием буду сотрудничать в такой замечательной газете, как "Красная звезда"... Оказалось, что корреспондент сам, не ожидая нашей телеграммы, попросил Бажана написать очерк о четырех гвардейцах, отвез его в дивизию, и Микола Платонович провел там сутки с героями. На третий день очерк был передан по "бодо" в редакцию и напечатан.

Когда мы с Симоновым попали через некоторое время в 33-ю гвардейскую дивизию генерала Утвенко, там встретились и с нашими героями. Симонов со свойственной ему дотошностью подробнейшим образом расспросил о том бое Петра Болото. А позже какие-то черты этого бронебойщика я нашел в его повести. Побыли мы и на красноармейском митинге в дивизии, отведенной для пополнения за Волгу, у деревушки Ямы. На небольшой травянистой полянке, среди курчавых дубовых зарослей слушали выступление Болото. Симонов почти стенографически записал колоритную речь этого дюжего парня с открытым лицом и шахтерскими крапинками под веками, и мы опубликовали ее в "Красной звезде".

Начал свой рассказ Болото с автобиографии:

"Я сам из Донбасса родом. У меня долгие годы под землей прошли. И коногоном был, и крепильщиком, и забойщиком вместе с братьями Семеном и Дмитрием. Все трое под землей трудились, а теперь все трое за эту землю воюем. Такая уж судьба у нашего семейства вышла".

О том, как они подбивали танки, он говорил мало. Зато рассказ о том, что они пережили, был живой, сочный:

"Утро было. Только мы у себя в окопах за кашу сели, две ложки каши набрал, как нам кричат: танки слева! Я поставил кашу аккуратно, думаю: съем еще... Только поставил кашу, действительно, танки идут...

Когда на меня первый танк шел, я уже думал - конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и

уже вышло не мне, а ему конец. А между прочим, знаете, я за этот бой цигарок пять скрутил и скурил до конца. В бою так, ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то промахнешься и уже не закуришь - вот какое дело.

Переживания были трудноватые. Но мы не терялись, все время разговаривали друг с другом, перекликались для бодрости духа. Я Беликову кричу из окопа: "Ну, как ты, ничего?" - "А ты?" - "Я тоже ничего".

По обличью видно было, что никто не бледнеет, цвета лица не теряли.

Так мы целый день копошились с танками. А потом мы услышали, что слева и справа больше нашей стрельбы нет. И нет никакой, кроме немецкой. И подумали, что, наверное, здесь придется умирать. Мы решили - все равно, так или иначе, раз уж так вышло, - либо жить, либо умирать, но в плен не сдаваться. И тут я увидел, что Беликов от ружья оторвался, но что-то на бумаге пишет. Я говорю ему: "Что ты пишешь?" Он отвечает: "Пишу за всех четырех, что бьемся и не отдадимся живыми. Пусть от нас память будет, наши придут и найдут..."

А Темин, ездивший с нами в Сталинград, уж постарался. Он снял Болото во всех ракурсах, "поймал" тот миг, когда Утвенко крепко пожимал руку Болото. Этот снимок и был напечатан в "Красной звезде".

Я все рассказываю о Петре Болото. А как остальные герои этой прославленной четверки? Я не мог не заинтересоваться их военной и послевоенной судьбой, но узнал об этом лишь ныне, когда пишу эту книгу.

Воевал в гвардейской дивизии разведчик сержант Сурен Гарегинович Мирзоян. С этой дивизией он прошел боевой путь с самого начала. Четырежды был ранен. После победы закончил юридический институт, а позже и аспирантуру. А ныне, как он сам мне написал, находится на заслуженном отдыхе. Но многие не находящиеся на отдыхе могут позавидовать его неустанной патриотической работе. В течение последних 25 лет он собирает материал о боевом пути дивизии и ее воинах и повествует о них в своих трудах. Рассказал он и о подвиге четырех героев, их судьбе. Приведу его рассказ.

Петр Осипович Болото защищал Сталинград, освобождал Ростовскую область, Донбасс, Каховку, Перекоп, Крым, Севастополь, прошел по военной дороге Витебск - Полоцк - Литва - Восточная Пруссия, дошел до Кенигсберга, а в июне сорок пятого участвовал в Параде Победы на Красной площади в Москве. В 1948 году по состоянию здоровья гвардии капитан

Болото демобилизовался из рядов Советской Армии и вернулся в родной Донбасс, где по-прежнему, работал шахтером, бригадиром, затем горным мастером. Но ранения и лишения фронтовой жизни дали о себе знать. Болезнь приковала его к постели, и в октябре 1966 года Петр Осипович скончался.

Удалось Мирзояну найти бронебойщиков Константина Беликова и Ивана Алейникова. После войны тоже вернулись они в родные края и жили по соседству. Судьба Беликова сложилась драматически. Из-за ошибки в именах, допущенной в газетных публикациях, он оказался на долгие годы как бы вычеркнутым из героической четверки. Не менее драматична судьба Алейникова. Его ранило накануне Дня Победы при штурме безымянной высоты на подходе к Берлину. Лежал в госпитале. У него началась гангрена, ногу пришлось ампутировать. И самой трагической оказалась судьба четвертого бронебойщика комсомольца Самойлова. На второй день после сражения на высоте 198,3 он был смертельно ранен во время воздушного налета и скончался в медсанбате...

И все же до сих пор покрыт мраком вопрос: почему же, кроме Болото, не было присвоено звания Героя трем его друзьям за подвиг на высоте? Да, многое с последней войны осталось еще не изведанным и не известным...

* * *

Напечатана статья Николая Тихонова "Матерый волк". Это гневные комментарии к дневнику, найденному у убитого под Ленинградом капитана дивизии СС Ганса Иохима Гофмана:

"Есть на свете правда! Свою злобную душу, закоренелую в преступлениях, он выложил всему свету в циничных записях сентиментального палача. "Извечный враг славянства", уничтожавший мирных русских людей и философствовавший над их трупами, сам мертв, как собака...

С Гофманом кончено! Но остались его фашистские друзья, подобные кровавому капитану... Капитан Гофман за несколько дней перед тем, как получил пулю, записал: "На юге всеохватывающий удар, его никогда остановить не удастся..." Врешь, немец! Будет остановлен натиск немецкой орды, захлебнутся немцы в своей крови, взвоют, как взвыли зимой под Москвой..."

Заглянул в редакцию Алексей Толстой. Как обычно, появился без звонка, зная, что мы ему всегда рады и даже в часы "пик" не пожалеем для него времени.

Волновала Толстого обстановка на Юге. Выпытывал у меня все, что я знал помимо официальных сообщений. Он не спрашивал, сумеем ли мы в ближайшие дни остановить немцев, а

сказал:

- Пройдут еще они, может даже немало, но завязнут, как пень в болоте... Не может быть по-другому. А все же плохо. Вера верой, но земля-то и люди наши...

Заговорили о наших корреспондентах-писателях, в частности о Константине Симонове. К этому времени Симонов стал заметной фигурой среди военных писателей. Толстому нравились его очерки и стихи.

- Симонов только что вернулся с фронта. - сказал я Толстому. - Он здесь, в редакции. Хотите, я позову его?

Пришел Симонов, и между ним и Толстым состоялся любопытный разговор. Я его не забыл, но для уточнения попросил Симонова тоже вспомнить. И вот, спустя тридцать лет после этого дня, он прислал мне письмо:

"Попробую вспомнить, как это было с Толстым.

Если не ошибаюсь, то разговор этот был в "Красной звезде", у тебя в кабинете на улице "Правды", где-то осенью сорок второго года. Не то между моей поездкой на Брянский фронт и сталинградской поездкой, не то где-то вскоре после нашей поездки в Сталинград.

Я по какому-то делу был в редакции, кажется, заходил к тебе, потом ушел, чем-то занимался, а потом мне сказали, чтобы я шел к редактору. Я пришел к тебе. Не помню, может быть, был кто-то еще, может быть. Карпов, кто-то, по-моему, еще был и был Алексей Николаевич Толстой.

Разговор с ним, очевидно, был редакционный - на столе, кроме бумаг, газет и подшивок, во всяком случае, ничего не было.

Ты сказал Алексею Николаевичу что-то вроде того, что - ну вот вам Симонов. Может быть, добавил что-нибудь в таком духе, что - вот вам Симонов, с которым вы хотели поговорить или - которого вы хотели похвалить, не помню, как именно.

У меня к этому времени стихи из сборника "С тобой и без тебя" были напечатаны в "Новом мире" и в "Красной нови" и, кажется, даже вышли отдельной книгой в "Молодой гвардии". Последнее, впрочем, не помню.

С Толстым я был лишь издалека и почтительно знаком. Ближе мы познакомились позже, когда вместе поехали на Харьковский процесс. В доме у него никогда не бывал, но не раз видел его в Союзе писателей, в Доме литераторов. Однажды как-то он сказал добрые слова о моем стихотворении "Генерал", с которого я числю сколько-нибудь серьезное начало своей поэтической деятельности.

Мы поздоровались с Толстым. Я присел против него за стол, и он стал говорить о том, что ему понравилась моя любовная

лирика.

Судя по тому, как он говорил, видимо, эти стихи ему действительно тогда понравились, пришлись по душе. Да и незачем ему было кривить душой и не для чего. Да и не стал бы он кривить душой. Ведь и ты меня тогда позвал именно потому, что он хотел мне сказать что-то хорошее. Но оттенок, с которым он хвалил стихи, был - как бы сказать поточней? - мужской оттенок, это был мужской разговор о стихах.

Он говорил, что вот пишут лирику, одни доводят дело до первого свидания, а другие, наоборот, главным образом вздыхают по поводу разлуки. А ваши стихи о любви действительно стихи о любви, со всем, что в ней есть. Без стыдливых умолчаний, к которым мы привыкли в стихах.

Тут он выразился несколько грубовато, - что иногда, читая любовную лирику, не чувствуешь, что это ходит по земле и любит женщину мужчина, который ходит в штанах и у которого в этих штанах есть все, что положено мужчине иметь, а не только желание написать покрасивее и почувствительней.

В общем, стихи ему понравились, с этого начался и этим закончился разговор.

Больше ничего не помню. Чем богат, тем и рад".

К этому добавлю, что поначалу я рассчитывал, что разговор будет о делах фронтовых. Но о них на этот раз ни слова не было сказано. Говорили только о стихах. И все же эта беседа увлекла и меня, редактора военной газеты, которому в те дни было не до лирики...

16 августа

Сегодня номер "Красной звезды" особенный. Начали печатать "Рассказы Ивана Сударева" Алексея Толстого. Вчера Алексей Николаевич принес первую главу, сказал, что будут еще четыре, а быть может, и больше.

Хорошо помню, как родились эти рассказы. На страницах нашей газеты - я уже говорил об этом - время от времени появлялись большие произведения писателей. Вполне понятно, что нам хотелось увидеть в "Красной звезде" и произведения Толстого. И вот летним днем, когда мы с Алексеем Николаевичем вычитывали верстку его статьи "Вера в победу", я завел с ним на эту тему разговор. Толстой улыбнулся в ответ.

- Второе "Хождение по мукам" я вам сейчас не напишу. А что-нибудь побольше этого. - указал он на верстку, - надо бы. - И добавил с упреком: Но вы меня никуда не пускаете.

Должен сказать, что Алексей Николаевич не раз просил у меня командировку на фронт. Понять его можно. Он хотел видеть войну своими глазами, его не удовлетворял материал, получаемый из вторых рук. Но дать ему командировку я не мог.

Толстой в те годы был возраста, как говорится, непризывного, да и рисковать жизнью этого писателя нельзя было. Но все это мне трудно было ему объяснить, вернее, он слушать меня не хотел.

- А знаете ли вы, что в первую мировую войну я был специальным корреспондентом? - попрекал он меня. И рассказывал о своих поездках по дорогам войны на Волыни, в Галиции, в Карпатах, на Кавказе. Напомнил он и Испанию, где побывал в окопах под Мадридом.

В мужестве и бесстрашии Алексея Николаевича никто не сомневался. Я знал, что, когда Толстого в редакции заставал налет немецкой авиации, его невозможно было отправить в бомбоубежище. Он выходил во двор и под стук осколков зенитных снарядов и свист бомб с удивительным спокойствием наблюдал за небом.

Я всячески убеждал Алексея Николаевича, что сейчас и время другое, и война другая, да и сам он другой. Говоря так, я имел в виду не столько его годы, а прежде всего его место в литературе. Аргументы мало действовали на Толстого. Тогда я сказал Толстому, что у меня был разговор на эту тему с секретарем ЦК партии А. С. Щербаковым и ответ получил совершенно категорический: "Ни в коем случае. Есть прямое указание Сталина - беречь Толстого, на фронт не посылать".

В общем, я в очередной раз молча проглотил попреки Толстого, а про себя подумал, что его просьба не лишена оснований - живой материал для рассказов ему нужен!

Выход вскоре был найден. Недалеко от жилища Толстого в Барвихе, на дачах какого-то наркомата, разместились курсы разведчиков, уже воевавших в немецком тылу. На одной даче - парни, на другой - девчата, все комсомольского возраста. Узнав об этом, я обратился к руководителю сборов, подполковнику, с просьбой организовать встречу Толстого с разведчиками. Сначала подполковник упорно отказывался, потом сказал:

- Мы их никуда не пускаем. Но для Толстого - только для него - сделаем.

Алексей Николаевич обрадовался этой встрече и совсем был растроган, когда я передал ему слова подполковника.

И вот в один из жарких июльских дней я привел на дачу писателя группу разведчиков - и юношей, и девушек.

В деревянном доме с островерхой крышей за длинным столом

уселись человек двадцать. Гостеприимная Людмила Ильинична угощала нас в то не очень сытое время чем могла, и потекла неторопливая беседа, длившаяся до позднего вечера. Писатель внимательно слушал, пытливо вглядываясь в лица собеседников, иногда задавал вопросы, иногда подавая реплики.

Интересовался Толстой не только боевыми операциями разведчиков, но и их бытом, настроением, переживаниями. Вспоминаю в связи с этим такой смешной эпизод. Узнав, что разведчиков не выпускают за пределы территории курсов, Алексей Николаевич спросил парней:

- Что же, вы так и не ходите к девчатам в гости? Смотрите, какие красавицы...

После небольшого замешательства высокий, стройный парень, державшийся свободно, сказал:

- Алексей Николаевич! Ведь мы же разведчики, диверсанты...

- Ну и как же? - допытывался писатель.

- А очень просто. Когда часовой, охраняющий курсы, уходит в дальний угол, в другом углу поджигаем дымовую шашку. Пока он бежит к месту происшествия, мы и перемахнем через забор. Ну, а у девчат режим не такой строгий.

Долго не смолкал дружный хохот всех присутствовавших.

По счастливому совпадению, в Барвихе находилась группа офицеров, недавно вернувшихся из глубокого немецкого тыла. Один из них, Иван Филиппович Титков, с первого дня войны вел дневник. Толстой встретился с ним. В течение нескольких дней Титков читал Алексею Николаевичу отрывки из дневника. Писатель слушал и тут же на машинке записывал наиболее примечательные эпизоды.

И наконец, еще один источник живого материала, которым воспользовался Толстой. В те дни из рейда по тылам врага вернулся 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П. А. Белова. Корпус действовал пять месяцев в районе Вязьмы и Дорогобужа и, объединив многие партизанские отряды и полки, наносил чувствительные удары по немецким войскам. В это соединение, выведенное после рейда в Калугу, редакция и командировала Толстого, там писатель встречался с Беловым и комиссаром корпуса А. В. Щелаковским, беседовал с командирами и бойцами.

Среди участников беседы с Толстым был и командир танка старшина Константин Семенович Сударев. Сохранив своему герою эту фамилию, писатель не случайно дал ему другое имя - это собирательный образ, вобравший впечатления Толстого от встреч и бесед со многими людьми. Но так или иначе, судьба реального Константина Сударева не могла меня не

заинтересовать.

В списке танкистов, с которыми беседовал Толстой, хранящемся в его архиве, значится, что Сударев уроженец Куйбышева, проживал на улице Гражданской. Я обратился с просьбой в Куйбышевский горком комсомола поручить одному из поисковых отрядов узнать судьбу Сударева. Поручили это клубу красных следопытов "Десант". Они разыскали мать Сударева - Екатерину Дмитриевну. Нашлась и жена Сударева, Анна Егоровна. И вот что сообщили мне о Судареве.

Окончив семилетку и ФЗУ, он работал токарем на заводе. До войны был призван в армию, служил в Читинской области и оттуда в первые же дни войны попал на фронт. Ни писем, ни других известий больше от Константина не было. В 1941 году Анне сообщили, что Сударев погиб: когда его танк переправлялся через речку по мосту, немцы то ли разбомбили мост, то ли подорвали его, и танк вместе с экипажем ушел под воду. Так Анна первый раз похоронила мужа. Но в 1942 году она вдруг получила письмо и не поверила своим глазам - на конверте знакомый почерк. Константин писал, что чудом уцелел, сумел выбраться из тонущего танка и, скитаясь по тылам врага, перенес немало лишений. Партизанил, а в 1942 году вместе с партизанским полком вышел на Большую землю. В одном из своих писем помянул, что под Калугой встречался с Толстым, который подробно его расспрашивал о его партизанском житье-бытье.

Второго марта 1943 года в боях под Орлом гвардии старшина Сударев вступил в бой с немецкими танками и подбил шесть вражеских машин. Он погиб в горящем танке, до конца выполнив свой долг перед Родиной. Орден Отечественной войны I степени, которым Сударев был награжден за доблесть в бою, вручили Анне.

Такова предыстория "Рассказов Ивана Сударева" - самого значительного произведения, написанного Алексеем Николаевичем в войну...

Калугой не исчерпывались поездки Толстого в боевые части. Ездил он в истребительный полк в первый год войны, ездил он к бомбардировщикам во второй год войны...

* * *

К прежним районам боев на Юге прибавились Минеральные Воды. Это уже Предкавказье. Немецкие войска - на ближних подступах к Сталинграду...

Корреспонденты "Красной звезды" сообщают о неслыханно ожесточенном характере боев, о продвижении противника, но и о наших контратаках, героизме и доблести советских воинов.

Черных - с Южного фронта: "Несмотря на исключительный

натиск вражеских атак, они были отбиты... Обе стороны несут значительные потери..."

Высокоостровский - со Сталинградского направления: "Не выдержав такого отпора, немцы начали отводить свой левый фланг... Враг потерпел огромный урон".

Олендер - из района северо-западнее Котельникова: "Немцы, пытавшиеся наступать, понесли значительные потери и быстро повернули восвояси..."

Анохин - из района Воронежа: "В результате ожесточенного боя противник сумел несколько потеснить наши подразделения. Однако врагу удалось продержаться на этом рубеже до второй половины дня".

Крайнов - с Брянского фронта: "Наши танки во взаимодействии с пехотой атаковали немецкий край передней обороны..."

Читатель может спросить: как же так? Контрудары, контратаки, а немцы все продвигаются и продвигаются. Соответствуют ли эти сообщения спецкоров подлинной обстановке на фронте? Правильно ли они рисуют картину сражений на Юге? Что я могу на это ответить?

Все, что сообщают наши корреспонденты, было в действительности. На Юге развертываются свежие силы. Вступают в бой новые дивизии и армии. И хотя остановить врага не удается, он все же не сумел достичь своих целей. Не смог с ходу захватить Сталинград. Кстати, в планах немецкого командования было намечено овладеть 10 августа... Саратовом, а 15 августа Куйбышевом! Сегодня 16 августа, но как немцы далеки от этих городов, только их пленным удастся увидеть эти города. Наши войска сопротивляются отчаянно, контратакуют. Вот об этом и писали наши корреспонденты, не скрывая, понятно, что под напором численно превосходящих сил врага, особенно в танках и авиации, мы вынуждены отходить.

И тогда мы не могли не задавать себе вопроса: не слишком ли много мы публикуем материалов о контратаках? Не создаем ли впечатление, что они ныне характеризуют обстановку на Юге? Но нужен был какой-то просвет, надежда, что фронты у нас не развалились, существуют, действуют, несмотря на поражение.

* * *

Важен был весь накопленный нами опыт, и положительный, и негативный, и прошлогодних сражений, и, понятно, в первую очередь, опыт битвы на Юге. Этому и посвящены статьи военачальников и работников газеты. Вот, скажем, статья командира мотострелковой бригады полковника К. Овчаренко. Он детально рассматривает ситуацию, которая в эти дни была не

редкой.

"...Бригада получила приказ: занять оборону на одном из промежуточных рубежей и, если врагу удастся прорвать передовые позиции, прикрыть отход наших стрелковых частей и задержать немцев на подступах к переправам через реку.

Следовательно, бригаде в случае прорыва наших передовых позиций предстояло вести бой, не имея на флангах соседей. Передо мной, как командиром бригады, возникли два основных вопроса. Первый - как наиболее правильно выбрать рубеж обороны. Второй - как организовать защиту рубежа, чтобы преградить путь врагу не только на самом рубеже, но и на любом соседнем направлении".

Как была решена эта задача, и рассказывает командир бригады на страницах газеты. Поучительной была и схема, которую автор приложил к статье. Мы ее тоже опубликовали.

Вспоминаю и такой эпизод. В статье Овчаренко указывалось, что после выполнения задачи он получил приказ на отход и провел его организованно. В связи с этим нас упрекали, что вопреки приказу "Ни шагу назад!" мы якобы ориентируем на отход. Пришлось нам объяснить, какой смысл был вложен в то место приказа № 227, где выдвигаются требования отстаивать каждый клочок земли "до последней возможности".

"До последней возможности"! Никто точно, исчерпывающе не смог бы ответить, что конкретно входит в это понятие. Задача не из легких и для нашей газеты. В какой-то мере мы пытались это сделать в передовой статье "Инициатива и решительность командира в бою". А примером нам послужил сообщенный Высокоостровским эпизод о командующем 38-й армией генерале К. С. Москаленко.

Армия вела кровопролитное сражение в междуречье Оскола и Дона в очень тяжелых условиях. Фланги ее были оголены. Сил мало. Дамокловым мечом висела над ней угроза окружения. В те критические дни, когда надо было отступить, чтобы сохранить армию как боевую единицу, ибо малейшая задержка грозила окружением, Москаленко принял решение отвести армию за реку. Решил сам, без приказа высшего командования и даже вопреки приказу командующего фронтом маршала Тимошенко (связь часто нарушалась и связаться с КП фронта нельзя было). Посыпались упреки "растерявшемуся Москаленко". Однако генерал не дал противнику захватить армию в свои клещи. Полки и дивизии шли организованно, с боями заняли новую линию обороны. Несколько позже действия Москаленко получили одобрение командования фронта и Ставки.

Такие ситуации могли быть и бывали не только в армейском

масштабе, но и в корпусах, дивизиях, частях и подразделениях. А ведь в приказе № 227 черным по белому написано: "Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование - ни шагу назад без приказа высшего командования". Конечно, проще всего обойти такие случаи, о которых я рассказывал, но не в наших правилах было уходить от жгучих, острых вопросов фронтовой действительности. Думали, рядили и нашли, как мы считали, разумную формулировку:

"Обстановка нередко складывается так, что приходится принимать решения, не дожидаясь указания свыше. Чаще всего это случается в трудные дни боев, когда врагу удается выйти своими ударными частями на оперативный простор. Здесь самостоятельность действий командиров, разумная инициатива могут сыграть решающую роль".

Павленко и фоторепортер Хомзор возвращались с Брянского фронта в Москву. Путь пролегал через село с грозным названием Буреломы. Там Петр Андреевич увидел человека в солдатской гимнастерке и пилотке на вороном коне. В левой руке у него был костыль. Заинтересовался писатель фронтовиком. Остался в Буреломах на целый день и привез для сегодняшнего номера газеты очерк "Инвалид войны". Рассказал о том, как Выродов - так звали героя очерка - возвращался домой с сомнением и тревогой, что теперь, мол, придется перейти на иждивение жены. Но его избрали председателем Буреломского сельсовета, и он развернул кипучую деятельность по устройству жизни на селе, организации помощи фронту.

Мы, как и Петр Андреевич, сразу почувствовали, сколь важна эта тема, мимо которой, надо признаться, газета до сих пор проходила. Напечатали очерк Павленко, а над очерком поместили фото Выродова.

Думаю, не надо объяснять, какое значение для фронтовика имела такая публикация. Человек идет в бой. Он знает, что не всем суждено вернуться из него живым. Он готов стоять насмерть ради святого дела - защиты своей Родины. А если он будет ранен, искалечен? Что ему делать, чем заниматься, как жить дальше?

Не зря, выходит, задержался Павленко в Буреломах!

20 августа

"Завоевать победу!" Так называется передовица сегодняшнего номера. В ней говорится:

"...Немцы платят дорогой, безусловно непосильной для них

ценой за каждую пядь советской земли... Потери противника за последние три месяца медленно, но неуклонно подготавливают почву для грядущего разгрома немецких войск. Поэтому законная тревога советских людей и каждого воина Красной Армии за положение на фронте не должна заслонять от нас перспектив войны и не может поколебать нашу веру в победу".

С передовицей перекликается корреспонденция Высокоостровского "На поле боя северо-восточнее Котельникова". Как писал он мне, это поле у разъезда "74", на полпути от Котельникова к Сталинграду. Спецкор был в боевых частях во время этого сражения. Потом он обошел поле боя и увидел на разъезде у высот и лощин, да и просто в открытой степи множество немецких трупов, а подальше - у кукурузного поля - длинные ряды могил, на которых немцы даже не успели поставить свои обычные кресты: просто положили каски. Увидел он разбитые и сожженные танки, бронетранспортеры, автомашины, пушки. Наш фоторепортер Капустянский, который был с Высокоостровским, все это запечатлел на пленке. Его фотоснимки опубликованы в эти же дни.

Как уже говорилось, некоторое время назад Центральный Комитет партии рассмотрел состояние политической работы в Красной Армии и указал пути ее дальнейшего улучшения. Среди них - требование, чтобы командиры и политработники, в том числе и высшего звена, лично вели пропаганду и агитацию среди бойцов.

Призыв к любому делу по-настоящему действенен, если он опирается на опыт, пример. Вот и ушла нашим корреспондентам редакционная телеграмма, в ней мы просили их назвать имена членов Военных советов и начальников политорганов фронта и армий, лично занимающихся просвещением своих воинов (хотели их похвалить). Ответ пришел быстро, но, увы, положительного опыта в присланных материалах оказалось совсем мало. Так что пришлось "Красной звезде" выступить с критической статьей "Боевая агитация".

"Во многих частях и подразделениях агитация до сих пор заброшена... Дело прежде всего в том, что самые опытные, квалифицированные кадры армейского политаппарата все еще, как правило, остаются в стороне от повседневного политического просвещения масс... Даже больше того: среди некоторых товарищей продолжает существовать явно пренебрежительное, барское отношение к агитационной работе. Полные слепой веры в чудодейственную силу бюрократической писанины, такие недальновидные люди чураются трибуны массовой агитации, сводя свою работу к выпуску бесчисленного количества всяких

бумаг... Если члены наших Военных советов, комиссары и начальники политотделов по-настоящему хотят поднять дело агитации, они должны прежде всего начать с самих себя, стать пламенными агитаторами".

Это выступление нашей газеты, хорошо помню, вызвало волнение у работников Главного политического управления. Его начальник А. С. Щербаков позвонил мне и спросил: неужели везде так? Я ответил, что у меня сообщения с пяти фронтов, но можно проверить и на других фронтах. И снова ушла депеша нашим корреспондентам. Картина - та же. И об этом я сообщил Щербакову. Знаю, что был у него после этого основательный разговор с работниками Управления агитации и пропаганды.

* * *

Продолжается публикация документов, разоблачающих тех самых новых рабовладельцев, о которых с гневом и ненавистью писали на днях Алексей Толстой и Николай Тихонов. Под общим заголовком "Рынок рабов" напечатаны письма из дому, найденные у убитых гитлеровцев. Вот некоторые из них:

Солдату Фрицу Греберу пишет мать из Лайбша. Война принесла ей доход на нее работает рабыня с Украины. Фрау Гребер рада войне: "Благодаря войне мы теперь получили хорошую рабочую силу - девку с Украины, ей 21 год. Фрау Леман получила сестру этой девки. Ей 26 лет, но она сильнее нашей. Я смотрела ее мускулы на руках и ногах. Но ничего - наша тоже будет работать".

Другое письмо. Жена спешит поделиться радостью с солдатом Юзофом Шнеером: "У нас теперь работает украинская девка 19 лет. Будь спокоен, она будет работать. В воскресенье в деревню прибудет еще 20 русских. Я возьму себе несколько штук".

Жену солдата Карла Вишофа обошли при дележке рабов, она негодует: "Пока нам ничего не дали. Безобразие! Впрочем, я не жалею - это плохая партия... Они совсем не могут работать, так они ослаблены".

Эти письма немецких жен, благословлявших своих мужей в захватнический поход, на разбой, зверства, грабеж, - еще одно оправдание ненависти, которая выплеснулась в стихах Алексея Суркова:

Будет гнить он вот здесь, в Долине.
Или раков кормить в Дону.
Пусть рыдает жена в Берлине!
Мне не жалко жену.

Смоленские партизаны захватили почтовый грузовик

карательного отряда гитлеровцев. В машине они нашли объемистые мешки с посылками и письмами. В письмах гитлеровцы с циничной откровенностью и бахвальством делятся своими похождениями. Ефрейтор Феликс Капдельс посылает своему другу письмо, которое нельзя читать без содрогания: "Пошарив в сундуках и организовав хороший ужин, мы стали веселиться. Девочка попалась злая, но мы ее тоже организовали. Не беда, что всем отделением..." Ефрейтор Георг Пфалер без стеснения пишет матери в Саппенфельд: "В маленьком городке мы пробыли три дня... Можешь представить себе, сколько мы съели за три дня. А сколько сундуков и шкафов перерыли, сколько маленьких барышень перепортили... Веселая теперь наша жизнь, не то что в окопах..."

Когда я спустился в типографию, увидел у одного из линотипов рабочих наборного цеха. Линотипист, получивший эти материалы для набора, прежде чем приступить к работе, собрал людей и стал читать их. Люди стояли с сжатыми кулаками, и из их уст сыпались ругань и проклятия но адресу фашистов.

Так было и на фронте...

* * *

Давно гремит боевая слава о командире полка истребителей майоре Иване Клещеве. Впечатляют не только две, ставшие нам известными цифры: он сбил 16 вражеских самолетов в одиночном бою и 32 - в групповом. Поражает, что этому командиру полка от роду всего 23 года! Естественным было наше желание рассказать о нем.

Как раз в эти дни я встретился с писателем Борисом Лавреневым. Он служил на Севере, писал о моряках и морских летчиках. И вот, как бы невзначай, говорю ему:

- Борис Андреевич! Не наскучило вам работать на Севере, в глубокой тиши? Нет ли у вас желания съездить на горячую точку, на Дон? И тема есть. Тоже о летчиках, только сухопутных...

Мне показалось, что писатель даже обиделся за свой "тихий" фронт. Ведь он воевал на "морских охотниках" - какая там может быть тишина! Но согласие дал. Выписали ему командировку, и он отбыл на Дон, в район Клетской, где и воевал полк Клещева.

Пробыл в полку несколько суток и на страницах газеты в очерке "Полк майора Клещева" рассказал все, что видел. Не буду пересказывать этот очерк, написанный с эмоциональной насыщенностью, приведу несколько выдержек:

"Из маленького полукруглого окопчика, прикрывая ладонью от нестерпимого солнечного блеска прищуренные синие глаза, майор Клещев следит, как уносятся навстречу врагу его питомцы и боевые друзья. Командир полка истребительной авиации Иван

Клещев очень молод... Его опаленное солнцем красное от загара лицо не утратило еще мальчишеской округлости. Но на груди командира полка сверкают два ордена Красного Знамени, орден Ленина и Золотая Звезда.

В двадцать три года нелегко командовать полком. Но Клещев справляется. У него все качества хорошего командира - знание своего дела, спокойствие, беспредельная личная храбрость, организаторский дар. В полку у него авторитет, его любят и уважают.

Из окопчика раздается голос связиста: "Товарищ майор... передают". Клещев ныряет в окопчик, к рации. Радиосвязь - конек командира полка. Она налажена у него образцово. Не только наземная связь с командованием, но и воздушная со своими летчиками. Он добился того, что на дистанциях в 100-120 километров ни на секунду не прекращается связь между находящимися в воздухе самолетами и командным пунктом полка.

Вот и сейчас он слушает короткий, деловой разговор двух своих летчиков, уже вступивших в бой с противником. Два летчика - Карначенок и Избинский преследуют немецкие "юнкерсы" и ведут лаконичную беседу, из которой командиру полка так ясен ход боя, как если бы он сам был в воздухе. Говорит двадцатилетний Карначенок. Майор ясно представляет себе, что делает сейчас его воспитанник:

"Юнкерс" идет влево... захожу в хвост... вижу вспышки пулеметов... бью по левой плоскости... загорелся мотор... пикирует, чтобы сбить пламя... преследую... даю очередь... отломалась плоскость... закопал немца".

Командир полка улыбается. Вот так и должны работать его ребята. Быстро и чисто"...

А ведь Лавренев уловил очень важное обстоятельство. Не секрет, что в первые месяцы войны, да и сейчас радиосредства в авиационных частях порой недооценивались, не всегда использовались!

Сегодня особенно горячий день у полка. Командование приказало майору Клещеву: "Ни один вражеский бомбардировщик не должен быть допущен к реке". Уже семь крупных воздушных боев провел сегодня полк, отбивая немецкие бомбардировщики от переправы. А немцы все лезут. И снова рассказ писателя:

"Майор Клещев бежит к своему самолету. Командир полка сам ведет своих ребят. Уже немало немецких самолетов рухнуло с утра пылающими обломками на сухую степную землю, но немцы не унимаются.

- Хотите еще? Получайте! - говорит Клещев, направляя свою машину на бомбардировщик врага, и нажимает гашетку. У переправы за работой истребителей следит командир группы полковник В. Сталин.

Рушится вниз расстрелянный майором Клещевым "юнкерс". Падают, разламываясь и брызжа огнем, два "мессершмитта". Немцев и на этот раз не допустили к переправе. Начальник штаба докладывает майору:

- Сбито тридцать четыре вражеских самолета... Ни один бомбардировщик к переправе не прорвался...

Трудовой день истребительного полка закончен..."

Над очерком, на три колонки, выразительная фотография: "Герой Советского Союза майор И. Н. Клещев". А на фюзеляже крупные звезды - по числу сбитых Клещевым самолетов: одна, две, три... десять... Все не поместились на этой стороне, звезды перекочевали на правую сторону фюзеляжа, там еще осталось место для будущих звезд...

В начале сентября у Клещева побывал наш авиатор Денисов и привез его статью "Як" в воздушных боях", занявшую в газете почти подвал. Сердцевина статьи - о преимуществах наших "яков" перед "мессершмиттами". А сказать об этом тоже было важно. "Одно время, - заметил Клещев, - кое у кого из летчиков сложилось впечатление, что "яки" по сравнению с "мессершмиттами" несколько ограничены в маневре, особенно в вертикальном на определенных высотах..."

Он своим опытом доказал, что это не так. Концовка статьи: за последние месяцы полк сбил 98 вражеских самолетов!

* * *

Пришла печальная весть. Позвонил мне Василий Сталин и сказал, что погиб Клещев, просил напечатать некролог, передал текст.

Должен сказать, что с некрологами о погибших воинах дело непростое. Выло прямое указание Сталина: не печатать их. Верховный объяснил:

- Слишком много потерь... Не будем радовать Гитлера...

Вот и весь резон!

А ведь были такие потери, о которых молчать нельзя. Погиб прославленный командир кавалерийского корпуса Лев Доватор. Погиб летчик-истребитель Тимур Фрунзе. Погиб командир пулеметной роты Рубен Ибаррури, сын Долорес Ибаррури... Но разрешения написать об этом не получили. Всего несколько раз "прорвались" некрологи на страницы "Красной звезды": о гибели начальника политуправления Западного фронта дивизионного комиссара Лестева, командира дивизии генерала И. В.

Панфилова, начальника управления Генштаба полковника Сергея Котрелева. Но подписали их Жуков, Василевский, Мехлис. Замечаний от Верховного по этому поводу не было, увидел, вероятно, подписи и примирился.

А вот теперь напечатали некролог, посвященный Клещеву. Он был подписан Василием Сталиным. Если будут "шишки", посчитали мы, поделим их пополам.

Почему нужен был этот запрет? Ведь написали мы о гибели 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково. Почему же надо было умалчивать о тех, чьи имена были столь популярны в армии и народе?! Но в "дискуссию" с Верховным мы не вступили. Запрет есть запрет. Так тогда было.

Но что мы себе позволяли, не спрашивая ни у кого разрешения, так это публиковать некрологи и статьи, посвященные погибшим на фронте краснозвездовцам: Евгению Петрову. Александру Шуэру, Семену Анохину... Уверены были, что это нам никто уж не запретит...

25 августа

Эти дни особенно тревожные. Немецко-фашистские войска прорвались к Волге севернее Сталинграда. Так обозначен район боев в сводках Совинформбюро и репортажах наших корреспондентов. Противник захватил поселок Рынок. На карте видно, что это уже сам Сталинград, его окраина у Тракторного завода. В Генштабе мне сказали, что дела совсем плохие - противнику удалось отрезать нашу 62-ю армию от остальных войск фронта. А сам Сталинград превращен в руины - в течение одних только суток немцы произвели над городом более двух тысяч самолето-вылетов. Налеты не прекращаются.

В своем репортаже Высокоостровский пишет: "Немцы сосредоточили здесь огромное количество мотопехоты и артиллерии". Он не назвал цифр и тогда еще и не мог назвать. Они стали известны позже: по количеству артиллерии и авиации враг здесь превосходил нас в два раза, в танках - в четыре раза.

Не менее тревожное сообщение Михаила Черных с Северо-Кавказского фронта: "Под напором численно превосходящего противника наши части отошли на юго-восток... Бои перенеслись в предгорья. Прорвавшись к подножью гор, немцы стремятся продвинуться дальше. Сейчас на ряде участков бои идут за горные перевалы..."

Вчера вечером я был в Генштабе у Бокова. Он объяснил, что, хотя наши войска остановили немцев в предгорьях западной

части Главного Кавказского хребта и планы гитлеровского командования по окружению и разгрому советских войск между Доном и предгорьями Кавказского хребта сорвались, обстановка продолжает оставаться чрезвычайно напряженной. На Грозненском направлении враг угрожает прорывом к Грозному и Махачкале. В центральной части Главного Кавказского хребта ему удалось захватить Клухорский перевал и создать угрозу прорыва к Черному морю и в район Кутаиси. В западной части Северного Кавказа противник создал угрозу прорыва к Новороссийску, Туапсе и Сухуми...

Вернувшись в редакцию, я перво-наперво послал телеграммы нашим корреспондентам по Северо-Кавказскому фронту с требованием присылать побольше материалов о боях в горах. Затем усадил полковника Хитрова за статью "Оборона в предгорьях Северного Кавказа", а Галактионова - за передовицу, которая была напечатана под лаконичным, но точным заголовком "В горах". Есть в ней такие строки:

"Предгорья и горы Северного Кавказа имеют большие возможности выбора выгодных для обороны рубежей. Наши части обязаны полностью использовать это обстоятельство для борьбы с врагом. При этом нужно помнить золотое военное правило: никакое естественное препятствие не является непреодолимым, если оно не защищено в достаточной степени огнем и живой силой... В горных условиях оборону, больше чем где бы то ни было, необходимо сочетать со смелым наступательным обходным маневром и контратаками".

Трояновский вместе с Прокофьевым и Слесаревым передвинулись в Краснодар. Еще перед отъездом у нас состоялся разговор: главное - побывать в частях и соединениях, сражающихся с врагом, - это требует приказ № 227, и написать о них.

Прибыл Трояновский в Краснодар, на командный пункт Северо-Кавказского фронта. На второй день его принял командующий фронтом С. М. Буденный. Разговор комфронта со спецкором был откровенным. Оставлены Ростов-на-Дону, Батайск. Враг подошел к Сальску и рвется к Ставрополю. Здесь он собрал большой кулак. У противника огромное превосходство в танках. Рассказал маршал и о принимаемых мерах по срыву замыслов генералов вермахта. В заключение Семен Михайлович посоветовал Трояновскому и его товарищам съездить в 17-й Кубанский кавалерийский корпус:

- Им командует генерал Кириченко. Зло, здорово воюют кубанские и донские казаки с врагом. На первый взгляд может показаться нелепым: кавалерия против танков, - объясняет

комфронта. - Но в корпусе тоже есть танки. Правда, мало их еще пока, но Кириченко умело использует боевые машины. Выше всяких похвал действует артиллерия.

После небольшой паузы Буденный с улыбкой, спрятанной в усах, добавил:

- Не думайте, что Буденный посылает вас к кавалеристам из пристрастия к этому роду войск. В данном случае я беспристрастен. Действия корпуса очень высоко оцениваются не только нами, штабом фронта, но и Москвой. А потом, очень важно убедительно опровергнуть фашистскую брехню о том, что будто кубанские казаки встречают гитлеровцев... хлебом-солью. Сталью встречают они врага. И всегда будут встречать только так...

Корреспонденты сразу выехали на фронт, в корпус Кириченко. Увидели, как доблестно сражаются казаки, и написали об этом. А через несколько дней на имя Трояновского была передана моя телеграмма: "Очерки и статьи вашей группы о казаках Кириченко прозвучали громко по всей стране. Через Совинформбюро перепечатаны газетами Англии и Америки. Вызвали злобную радиореплику Геббельса. Ждем новых материалов".

В те же дни "Красная звезда" опубликовала передовую статью "Воевать, как воюют казаки под командованием генерала Кириченко". Заголовок, конечно, длинноват, зато сразу же раскрывал главную идею статьи.

* * *

Прислал Трояновский интересную корреспонденцию "Казачий край", рисующую картину того, что происходит сейчас в прифронтовых станицах. К линии фронта спешат воинские части, среди них отряды казаков-добровольцев. Грузовики везут оружие, боеприпасы. Но встречное движение еще больше. Без конца идут стада коров, овец, свиней, коз, волов. На юг уходят беженцы, их много: кажется, весь Дон и Кубань поднялись и устремились к Кавказским горам. Горестная картина, так знакомая по лету сорок первого года!

На одном из перегонов корреспонденты встретили беженцев из-под Батайска. Вот какой разговор состоялся с одним из них - седым казаком Николаем Дмитриевичем Онуприенко:

- Нам не пристало в плену быть. Наши казаки на всех войнах побывали, а в плен не ходили...

У казака на груди четыре Георгиевских креста и орден Красного Знамени. Его дочь шепотом поясняет:

- Они их надели, как война с немцами началась...

Все пять наград Онуприенко получил за войну с немцами.

- На кресты смотрите? - спрашивает Николай Дмитриевич. - Пять наград от России имею. Если бы не восьмой десяток, пошел бы за шестой наградой...

У казака три сына. Все трое на войне. Уехал казак Онуприенко из родного хутора. Не хочет с немцами жить.

- Но приеду все-таки обратно. Долго не должны пробыть они у нас. Весь народ поднялся против немцев. Не устоит немец...

И еще разговор был у спецкоров. С казачкой Пелагеей Дмитриевной Калиниченко. Этот разговор был внушительный и строгий. Зашли во двор. Во дворе следы запустения. В саду не собраны яблоки, переспевают сливы.

- Некогда? - спросили корреспонденты у казачки.

- Да нет. Руки не поднимаются на работу. Для кого стараться? Для немцев? Пусть они сдохнут все до одного, чтобы я для них старалась...

И вдруг, после небольшой паузы, казачка накинулась на корреспондентов:

- Долго будете отступать? Много еще нашей земли отдадите?..

Наши спецкоры стояли, ошеломленные резкостью ее тона. Но обвиняла она всех, кто уходит на юг, оставляя на поругание наши города и села. Не пожалела и своего мужа. Он тоже воюет:

- Если увидите моего чоловика, скажите ему, что если будет бежать, откажусь от него, на порог не пущу...

Этот разговор вошел в очерк "Казачий край". При первой нашей встрече с Трояновским я вспомнил эту корреспонденцию и слова казачки. Спецкор признался:

- Написать-то - написал, но совсем не был уверен, что напечатаете.

- Почему же? Ведь слова казачки перекликались с тем, что было сказано по адресу наших войск в приказе № 227. Кстати, - спросил я, - сказали ей, что вы не пулеметчики и не автоматчики, а корреспонденты центральной военной газеты?

- Нет, не сказали. Разве это было бы оправданием?

- Ну что ж, - согласился я. - Точка зрения у нас одинаковая.

И действительно, каждый из нас, где бы ни находился, чувствовал свою долю ответственности и вины за все происходящее на фронте...

Илья Эренбург выступил со статьей "Пора!". Он в полный голос говорит о наших поражениях: "Мы не боимся правды. Мы знаем, что мы потеряли за эти месяцы. Мы знаем, как тяжелы колосья Кубани. Мы видим, как горит нефть Майкопа... Трудно нам было после зимних побед снова отведать горечь отступления. Трудно и тошно. Но горе разъело старые раны, и весь наш народ

не может дольше терпеть..." Эта горькая правда звала в бой, придавала новые силы, закаляла. Надеждой и верой прозвучали его слова:

"Один трус сказал мне: "Напрасно говорили зимой, что миф о непобедимости германской армии развеян. Ведь немцы снова идут вперед"...

Никто никогда не говорил, что немцы не могут побеждать. Мы говорили, что немцев можно победить. Зимой это увидели все и прежде всего сами немцы. Лавры - это лавры, а синяки - это синяки. Только трус может теперь назвать армию Гитлера "непобедимой". Она одержала на Юге ряд побед, но от этого она не стала непобедимой..."

Алексей Сурков прислал два стихотворения. Одно из них "На меже" - о пахаре, который поджег выращенную им рожь, чтобы она не досталась врагу. Второе - "Россия" - перекликается со статьей Эренбурга: оно о силе духа нашего народа, крепнущего в годину суровых испытаний:

Все как прежде, как в древние войны,
Поселенцы уходят в леса,
И звучат в деревнях беспокойных
Причитающих баб голоса...
Пусть зашли чужеземцы далече
В шири русских лесов и полей,
Жив народ наш. От сечи до сечи
Мы становимся крепче и злей...
От обиды, утраты и боли
Не ступилось ни сердце, ни меч,
С Куликова старинного поля
Веет ветер невиданных сеч.

27 августа

Опубликовано обширное сообщение Совинформбюро под рубрикой "В последний час": "Дней пятнадцать тому назад войска Западного и Калининского фронтов на Ржевском и Гжатско-Вяземском направлениях частью сил перешли в наступление.

Ударом наших войск в первые же дни наступления оборона противника была прорвана на фронте протяжением 115 километров... Фронт немецких войск на указанных направлениях отброшен на 40-50 километров.

По 20 августа нашими войсками освобождено 610

населенных пунктов, в их числе города Зубцов, Карманово, Погорелое Городище".

О готовящейся операции, которая потом получила название Ржевско-Сычевской, я, конечно, знал. В один из выходных для газеты дней рано утром я умчался в Перхушково, к Г. К. Жукову. Георгия Константиновича я не застал, он был в войсках: замаскировав свои генеральские звезды простым плащом, лазит на передовых позициях в районе главного направления намечающегося удара. Эту его привычку все посмотреть своими глазами я хорошо знал еще по Халхин-Голу. Не раз встречал его на НП полков и в окопах. Кстати, таким его запечатлел на Халхе своей "лейкой" Виктор Темин, и этот снимок сейчас лежит передо мной, напоминая о тех незабываемых днях: в неприглядном плаще, смотрит в стереотрубу, беседует с командирами и бойцами, словом, внешне не командующий фронтом, а лейтенант!

Дождался я Жукова лишь к вечеру. В "предбаннике" было немало ожидавших приема. Но увидев меня, потянул в свой кабинет и с добродушной улыбкой сказал:

- Ты всегда на горячее...

Прекрасно понимая, для чего я явился к нему, он сразу же стал меня просвещать. Операция имеет частный характер. Задача ее - срезать Ржевский выступ. Как я понял из объяснения Жукова, главная цель операции - сковать резервы врага, не допустить переброски его войск на юг.

Немцы создали на этом плацдарме мощный укрепленный район, бои предстоят ожесточенные, на легкую победу рассчитывать на приходится. Надо и нам, газете, действовать. Однако корреспондентские пункты на Западном и Калининском фронтах, тогда "тихих" фронтах, были оголены; спецкоров мы перебросили на Северный Кавказ и в Сталинград. Это я и объяснил Жукову:

- Грешен перед твоим фронтом. Но сейчас пошлю мощную бригаду Симонова, Суркова. Карпова, фоторепортера Кнорринга.

- Ну что ж, хорошо, - перебил меня Георгий Константинович. - Только не сейчас, а когда начнутся бои.

Это было понятно. Появление такой группы корреспондентов не могло пройти незамеченным и не вызвать толки о готовящихся событиях, а это каким-то путем могло дойти и до противника. Внезапность - таково было кредо Жукова. Помню, как искусно он сумел сохранить в тайне от японцев такую большую операцию, как генеральное наступление на Халхин-Голе, закончившееся окружением и уничтожением японской группировки войск. Так Жуков действовал и во время боев за Ельню в сентябре прошлого

года. Так и теперь.

Наши корреспонденты поехали под Ржев только к самому началу нашего наступления. Были на разных участках фронта, в том числе и в частях, наступавших в направлении Погорелое Городище. Через неделю, когда бои затихли, они вернулись в редакцию.

Появились они у меня не в лучшем виде: заляпанные грязью с ног до головы, на ногах еле держатся, усталые, почерневшие. Все эти дни лили проливные дожди. Деревни разорены, укрыться от дождей негде. А когда возвращались, застревали в нескончаемых пробках. Их не объехать - грунтовые дороги сделались непроходимыми, на обочину не свернешь. Кончилось тем, что корреспонденты бросили "эмку" и шли пешком двадцать километров.

- Могли бы и не торопиться, - бросил я вызвавшую у них удивление реплику.

- Как "не торопиться"? Материал - в номер!..

Реплика же была не случайной. О Ржевско-Сычевской операции до сих пор ни слова. Ставка решила ничего о ней не публиковать до ее завершения. А. Карпов написал статью "Бои за Ржевский плацдарм". Сурков сочинил стихи еще на фронте и в пути. Сдал свои снимки Кнорринг. И лишь сегодня все это напечатано.

А у Симонова дело не клеилось. Он зашел ко мне на второй день и сказал, что очень туго идет его очерк. Гитлеровцев много наколочено, но и наши потери велики. О главной задаче операции - предотвратить переброску немецких резервов на Юг - все равно не напечатать... Словом, договорились, что он напишет о своих впечатлениях на дорогах войны, в освобожденных селах и городах.

Через день очерк уже был у меня. В очерке, конечно, есть строки, посвященные разгрому немецких дивизий. Но Симонов описал главным образом картину разрушений, разорения, смерти в деревнях и городах, где и печных труб не осталось. А для того чтобы рассказать то, что он увидел в старом уездном городке Погорелое Городище, достаточно было одной только фразы: "Сейчас он, к сожалению, оправдывает свое название".

В память писателя врезался такой эпизод:

"Мы стоим на краю города, около разрушенных домов, среди пепелищ и развалин. Вдруг женщина, рассказывавшая мне о своей страшной жизни за эти семь месяцев, поднимает голову и смотрит вдаль. Долго, упорно смотрит. Я тоже смотрю туда и не вижу ничего особенного: вечернее небо с мягким, красноватым закатом, зеленые луга и темные перелески, как будто обведенные

карандашом, - так резко отделены они от вечернего неба. Но женщина смотрит туда долго, долго. И вдруг, без всякой связи с тем, что она рассказывала, говорит очень тихо:

- Как красиво...

И я вдруг понимаю, что она после всех этих семи месяцев впервые заметила эту знакомую русскую природу. Она семь месяцев не глядела в небо, не замечала закатов, рассвета, лугов, перелесков, зеленых ветвей. Она только страдала и ждала. У ее души было отнято чувство родины, чувство своей земли. И вдруг мы вернулись, и она посмотрела и увидела опять небо, землю, и невольно сказала:

- Как красиво..."

Не это ли навеяло Симонову название очерка "Земля моя!"?

Укором нашим воинам звучит такой эпизод. В одной только что освобожденной деревне встретил писатель худого, почерневшего от горя старика. "Сейчас, - писал Симонов, - я вижу его наяву. Вот он стоит передо мной, опираясь на суковатую палку. Он смотрит на меня и, подняв дрожащую голову, говорит:

- Кабы на месяц раньше...

Он повторяет несколько раз эту фразу, И я понимаю, что нет на земле более горьких слов, чем эти. Если бы на месяц раньше, не умерла бы с голоду его старуха Прасковья Ильинична и не расстреляли бы 25 дней назад его дочь Наталью, которая пошла без пропуска в соседнюю деревню достать отрубей для умирающей с голоду матери. И он повторяет, без конца повторяет: "Кабы на месяц раньше..."

Читая очерк Симонова, я сказал ему, чтобы он как-то связал события на Ржевском плацдарме с событиями на Юге:

- Но не прямолинейно. А как - сам подумай.

И вот появились в его очерке строки, которые не могли не тронуть сердце каждого воина, кто ведет бой там, на Северном Кавказе и под Сталинградом:

"День проходил в кровавых схватках. Землю, которую ты раз отдал, приходится брать обратно ценою жертв, смерти и крови... Это расплата за отступление".

Заканчивался очерк Симонова проникновенно поэтической зарисовкой, в которую автор вложил символический смысл:

"Я выхожу на поле за деревню. За околицей, в укрытиях, стоят изуродованные длинноствольные немецкие пушки. Они стоят, задрав в небо искалеченные стволы, они никогда больше не выстрелят - эти, что стоят здесь. А рядом в борозде лежит плуг, он прошел одну борозду и не мог закончить вторую, - не знаю почему. Может быть, был убит пахарь, может быть, он бросил свою пахоту, когда пришли немцы, и ушел в леса. Плуг лежит

давно, он заржавел, комья земли ссохлись с прошлого года. Но немецкая пушка, которая рядом с ним, уже не будет стрелять, а этот русский плуг еще допашет свою борозду. И ржавчина постепенно сойдет с него от прикосновения к черной животворящей земле. И пахарь найдется. А если он будет убит, за плуг станет его сын".

И это тоже объясняет, почему Симонов назвал свой очерк "Земля моя!"

* * *

Надо еще сказать о снимках Кнорринга. Их напечатано шесть. Прежде всего - панорама разгромленных и сожженных немецких танков. Затем снимок 12-летней девочки Нины с биркой на шее за номером 195. Немцы заставили ее, как и все население деревни, носить такие дощечки. Еще три снимка сожженные села и жители, рыдающие у могилы замученных немцами односельчан и родственников. И наконец, фото переднего края противника после бомбежки нашей авиации. Кнорринг остался верен себе. И на этот раз он упросил летчиков, они посадили его в самолет, и с воздуха он и сделал этот панорамный снимок...

* * *

Сегодня получено много примечательных документов. Приказ наркома обороны о преобразовании 17-го казачьего кавалерийского корпуса, всех его дивизий и отдельных частей в гвардейские. Указ о награждении орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды командира корпуса, командиров дивизий и целой группы командиров и политработников. Постановление Совнаркома о присвоении Кириченко звания генерал-лейтенанта, а всем трем командирам его дивизии - С. И. Горшкову, Б. С. Миллерову и И. В. Тутаринову - звания генерал-майора. Кроме того, сообщение спецкора о награждении Военным советом фронта 555 казаков орденами и медалями!

Не трудно себе представить, какая радость царила среди казаков! Радовались и мы, ведь это герои наших корреспонденции, очерков, передовиц!

30 августа

Появился новый район боев на Юге - Моздок. Еще более реальной стала угроза Грозному, да и самому Кавказу.

В связи с тем, что в сражение вступили войска Закавказского фронта, на Юг вернулся Петр Павленко. Выехали туда Зигмунд Хирен и фоторепортер Федор Левшин. Хирен, один из самых оперативных корреспондентов, прислал подряд три очерка. Один

из них - "Над Кавказским хребтом" - рассказывает о фронтовых буднях летчиков, сражающихся в непривычных и крайне трудных условиях:

"Всюду чернеют горы. Над ними вечно клубится дым, над ними вечные туманы. Летать приходится в облаках и над облаками, пробивая облачность перед заходом на цель. Даже аэродром и тот со всех сторон окружен горами. Взлет и посадка во много раз усложнились. Штурмовку и бомбометание приходится производить с больших высот. На таких высотах ИЛы никогда не работали. С двух сторон скалы. Часто снижение вовсе невозможно. Движение воздуха в ущельях настолько быстрое, что самолет засасывает. Малейший просчет - и самолет врежется в горы. И все же наши летчики работают так же спокойно и уверенно, как и над ровной местностью. Жарко, очень жарко. Напряжение большое, одолевают головные боли. Болтанка. Ко всему этому привыкли, об этом не принято говорить".

Много добрых слов в очерке о командире штурмового полка майоре Смирнове. Меньше чем за год он награжден тремя орденами Красного Знамени. Корреспондент увидел в штабе полка телеграмму командира казачьего корпуса генерала Кириченко. Комкор благодарит штурмовиков за боевую помощь корпусу: летчики сожгли танковую колонну врага, за которой скрывался пехотный полк. Надо ли большее свидетельство доблести летчиков!

Другой очерк Хирена, опубликованный в сегодняшнем номере газеты, называется "В горах Северного Кавказа". Это уже о том, как сражается наша пехота в тех же горных условиях. Главный герой повествования - младший лейтенант Чибисов. Вместе с тремя красноармейцами он остался в селении, когда немцы его уже захватили. Получив задание взорвать мост, они не ушли из селения, пока не выполнили приказ. И сделали они это чуть ли не на глазах противника! А потом выбрались к своим. Третий очерк корреспондент посвятил опыту боевых действий в горах.

Дела под Сталинградом идут совсем плохо. Немцам не удалось с ходу взять город, но опасность его потери не уменьшилась, стала еще более явной. Что для нас значила бы потеря Сталинграда, объяснил Эренбург с присущей ему прямотой: "Немцы хотят удушить нас, захватив Волгу. Волга в наших руках артерия жизни. Волга в руках немцев станет веревкой на шее Родины... Бой идет за ключ к победе".

* * *

Радостная новость. Государственный Комитет Обороны назначил Г. К. Жукова заместителем Верховного

Главнокомандующего. Восстановлена, считал я, да и не только я, справедливость. Мы, конечно, тогда еще не все знали, из-за чего Жуков в первые месяцы войны смещен с поста начальника Генерального штаба, хотя полагали, что это до обидного несправедливо. Сколько раз потом я встречался с Георгием Константиновичем - и на его КП, сразу после его назначения командующим Резервным фронтом, и в Перхушкове, и в Москве - ни разу об этом не было разговора. Он и виду не подавал, ни одна тень не выдавала его переживаний в связи с переменой в судьбе, хотя, по-человечески говоря, они, эти переживания, не могли не быть. Уверен, что не только со мной, ни с кем на эту тему тогда он не говорил. А работал так, что дай бог каждому!

Кстати, так было и после войны, когда Жукова тоже несправедливо сняли с высокого поста и назначили командующим Одесским военным округом. Рассказывают (и это факт), когда, на первом же учении в округе Жуков увидел, что люди, считая, что он не очень рьяно будет заниматься делами округа, разболтались, он решительно сказал: "Вы почему-то решили, что вам прислали другого Жукова, а я тот же Жуков, только в другой должности". И быстро, твердой рукой навел порядок.

А в этот августовский день я собрался к Жукову не для того, чтобы его поздравить. Как-то в то время не принято было поздравлять с повышением в должности, и не потому, что зачерствели наши сердца, главным для всех была война, личное отодвинули в сторону. Мне хотелось поговорить с Георгием Константиновичем по делу. Но его уже не застал: он уехал в Сталинград. И это было доброй, обнадеживающей вестью. В те дни уже кочевала фраза: "Там, где Жуков, - там победа!"

Жуков - в Сталинграде. Далеко! Туда, как в Перхушково, не доберешься за час. А надо бы...

* * *

Позвонил и приехал в редакцию Алексей Толстой. Усадил я его в кресло и выжидающе посмотрел. Алексей Николаевич открыл портфель, вынул рукопись:

- Привез последнюю главу "Рассказов Ивана Сударева". Как обещал, в срок. Хотите, прочитаю?

Хотя перевалило за полдень и началась обычная редакционная горячка, я собрал у себя своих товарищей. Толстой начал читать. Все слушают затаив дыхание. Рукопись объемистая, читал около часа. Закончил. Сидим молча. Алексей Николаевич тоже молчит, оглядывает всех. А у нас в горле застряли все банальные слова: мол, хорошо, отлично, замечательно. Тишина казалась бесконечной, но она красноречиво говорила о том, как

мы взволнованы.

* * *

Николай Тихонов прислал очерк "Ленинград в августе". Поразительна его пунктуальность! Как и договорились, он точно к последнему дню каждого месяца передавал очерк о жизни и борьбе блокадного города за истекший тридцать один день. Николай Семенович не был штатным сотрудником газеты, но многим нашим штатным корреспондентам служил примером безотказности в выполнении редакционных заданий. О таком авторе можно лишь мечтать.

В очерке, занявшем два подвала в сегодняшнем номере газеты, главное - о тех переменах, которые произошли в блокадном Ленинграде за год:

"Какое искусство взвалит на свои плечи тяжесть передачи всего, что совершилось в Ленинграде за эти двенадцать месяцев, с того дня, когда взлетели к небу черные рельсы железных дорог, остановились в пути паровозы, и пароходы прижались к берегам, и все, что легло там, за озером, стало зваться Большой землей? Город стал жить в блокаде.

Город стал отбивать штурм за штурмом - и с воздуха и с земли. Скольких уже нет! Одни умерли с оружием в руках на поле боя, другие умерли, не перенеся суровейших испытаний зимней осады. Испанцы во время обороны Сарагоссы, непримиримые и суровые, говорили про умерших от болезней: "Те, что умерли от болезни во время осады, - тоже умерли за отечество! " И мы можем повторить их гордые слова. Наши мертвецы безупречны. Но наши живые герои превзошли себя - они отстояли город, они бьют врага! Они изматывают его день и ночь, они рвут тонкую сеть его железной хитрости, которой он опутал великий город".

Город готовится к зиме. Скоро снова тысячи ленинградцев выйдут ломать деревянные дома, заготовляя топливо. Сейчас они снимают урожай с огородов, занявших все свободные площади города и пригородов, порой они обрабатывают огороды под вражеским обстрелом.

А какие проникновенные слова нашел Тихонов, чтобы сказать о стариках и старухах, подростках, а порой и детях, заменивших мужчин, сражающихся с врагом здесь, рядом, куда можно было доехать и трамваем. Писатель нашел в себе мужество, чтобы сказать и такую горькую правду о жизни блокадного города: "И, кроме всего, нужно еще изгонять лентяев и тунеядцев, искоренять воровство, держать строгую дисциплину в городе, следить за его внутренним спокойствием".

Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича, родившаяся в блокадном Ленинграде! Я ее сам вскоре слушал в столице, в

Колонном зале Дома союзов. Мне кажется, что даже люди, не разбирающиеся тонко в музыкальном искусстве, были покорены звуками этой симфонии. О ней много рассказано и написано, но, смею думать, никто так взволнованно в те дни не сказал о ней, как это сделал Тихонов в своем августовском очерке:

"Благословенны лунные ночи в Ленинграде... В такую ночь звучит огромная музыкальная волна. Вспоминаешь невольно Седьмую симфонию Шостаковича, которую с трепетом и восторгом исполняли ленинградские музыканты в зале филармонии. Ее играли не так, может быть, грандиозно, как в Москве или в Нью-Йорке, но в ленинградском исполнении было свое - ленинградское, то, что сливало музыкальную бурю с боевой бурей, носящейся над городом. Она родилась в этом городе, и, может быть, только в нем она и могла родиться. В этом ее особая сила и особое оправдание. Та радость, которая звучит в ней, пройдя через ужас нашествия врага, через тревогу и битвы, через мрак и печаль, так же естественна, как весь наш долгий путь в борьбе к блистающему, как эта лунная благоухающая ночь, торжественному миру после победы, которую мы возьмем пусть великанской ценой..."

Сентябрь

4 сентября

С юга новое тревожное сообщение нашего спецкора: "За последние дни особенно широкий размах приняли бои в районе северо-западнее Новороссийска... Борьба идет за каждый рубеж... Немцы понесли крупные потери, но они продолжают вводить в бой резервы и достигли подавляющего превосходства в силах. После длительного и напряженного боя наши части вынуждены были отойти на новые позиции". В Генштабе я выяснил: враг захватил Анапу и рвется к Новороссийску.

Печатаем передовую статью "Отстоять Северный Кавказ!". В ней прямо сказано: "Кавказ в опасности!"

Накануне мне позвонил К. Е. Ворошилов и сказал, что немецкая пропаганда утверждает, будто многоплеменный Кавказ чуть ли не приветствует приход гитлеровцев. Ворошилов просит меня послать на Северный Кавказ специального корреспондента и рассказать о борьбе народов этого края с немецко-фашистскими захватчиками. Вызвал Савву Дангулова:

- Северный Кавказ - ваш родной край. Поезжайте туда. Напишите, как его народы сражаются с фашистами...

Дангулов тут же выехал, а мы, не откладывая дела в долгий ящик, напечатали на эту тему передовицу. Откликнулся и Илья Эренбург. Писателю прислали попавший в наши руки секретный приказ командира 44-го немецкого армейского корпуса, совсем свежий приказ, августовский. Немецкий генерал предупреждает: "Нужно действовать иначе, нежели на Дону... Восстание горных народов Кавказа, направленное против нас, может иметь тяжелые для нас последствия..." Командир корпуса особенно обеспокоен бесчинством немецких вояк, которые насилуют женщин Кавказа. Он предостерегает: "Во время похода имели место случаи изнасилования женщин... Солдаты должны знать, что правила поведения по отношению к женщинам, раньше не принимавшиеся во внимание, на Кавказе становятся решающими, так как у магометанских народов строгий порядок по отношению к женщинам, и необдуманные поступки могут родить неугасимую вражду".

Словом, фашистский генерал решил приспособиться к обстановке. Не трудно себе представить, как Илья Григорьевич заклеймил этого фашистского ублюдка, который гнусные насилия над русскими женщинами считает в порядке вещей.

* * *

Появился на страницах газеты новый, очень дорогой для нас писатель Александр Степанов. Хорошо помню тот день, 19 августа, когда впервые он пришел в редакцию. Я сижу в своем кабинете и просматриваю только что полученную из ТАСС сводку Совинформбюро, в который раз перечитываю две горькие строки: "После ожесточенных боев наши войска оставили город Краснодар".

Было о чем задуматься.

В этом состоянии и застал меня вошедший в мою комнату пожилой мужчина в летнем пальто и фуражке с черным околышем, в роговых очках.

- Здравствуйте! Я Степанов Александр Николаевич. Вчера прилетел из Краснодара...

Очень обрадовался я писателю. В памяти сразу же возник "Порт-Артур" и все, что мне не так давно рассказал Павленко, хорошо знавший Степанова. А дело было так. Весной этого года Павленко вернулся из командировки на фронт, зашел ко мне и после разговоров на разные темы спросил, знаю ли я писателя Александра Степанова? Я ответил, что не знаю.

- А роман "Порт-Артур" не читал? - продолжал допрашивать меня Петр Андреевич.

- И о романе ничего не слышал, - признался я. Вид у меня был, вероятно, смущенный: я подумал, что сейчас Павленко начнет меня корить за литературное невежество.

Он, очевидно, почувствовал это и не стал меня добивать.

- Впрочем, у нас и в писательском союзе вряд ли кто знает Степанова, и книгу его мало кто читал. Я был в Краснодаре, привез ее оттуда. Прочитай, получишь большое удовольствие...

Он вручил мне два тома в темно-серых обложках. Напечатан роман был на какой-то грубой, жестковатой бумаге в Краснодаре. Я заглянул на последнюю страницу, тираж 8000 экземпляров. Вероятно, поэтому книга и не дошла до Москвы.

Я прочитал "Порт-Артур" залпом, отрываясь только для самых неотложных редакционных дел. Конечно, хотелось напечатать о книге отзыв в газете, но одно серьезное обстоятельство меня смущало: вопрос о нейтралитете Японии, являвшейся сторонником гитлеровской Германии. Вопрос о японском нейтралитете был очень важен, и антияпонский материал в газете был бы некстати. Словом, я дал эту книгу начальнику Главпура Л. З. Мехлису и высказал свои сомнения. Лев Захарович тоже с интересом прочитал "Порт-Артур" и передал ее Сталину. Не знаю, какой у Мехлиса был разговор со Сталиным, но он сказал мне: "Сталину книга понравилась, однако он считает, что пока о ней

писать не надо".

Как известно, пришло время, и "Порт-Артур" был отмечен Государственной премией, о книге было напечатано много одобрительных рецензий.

И вот встреча с писателем. Я усадил его в кресло, и Александр Николаевич стал объяснять, как он очутился в Москве.

- Выло ясно, что Краснодар нам не удержать. Только я начал укладывать вещички, готовиться к отъезду на юг, как примчался ко мне адъютант командующего фронтом Буденного и сказал, что маршал просит немедленно прибыть к нему. Усадил меня в машину и привез к Семену Михайловичу. А Буденный сказал, что в Москву летит самолет и он может незамедлительно отправить меня в столицу.

После небольшой паузы Степанов продолжал:

- Прибыл в Москву. Мест в гостинице нет. Талонов на питание тоже. Нет и разрешения на въезд. Пошел на улицу Воровского, в Союз писателей. Застал Фадеева. Объяснил ему все. Александр Александрович задумался и посоветовал:

- Знаете что - пойдите в "Красную звезду", они вас устроят. Вот я и у вас.

Я не стал терять времени. Надо устраивать Степанова, к тому же хотелось оправдать лестную рекомендацию руководителя Союза писателей. Сразу же получили для Степанова номер в гостинице ЦДКА, выдали офицерскую продовольственную карточку и отправили на "эмке" в отель. На прощание сказал Александру Николаевичу:

- Устраивайтесь, а утром пришлю за вами машину и станем думать, что дальше делать.

На следующий день, когда мы вновь встретились, я попросил Степанова написать что-либо для "Красной звезды", хотя, откровенно говоря, не представлял себе, на какую животрепещущую тему в те дни смог бы автор "Порт-Артура" выступить в нашей газете. Но Степанов сразу же предложил тему, заранее, видимо, обдумав ее:

- В первую мировую войну был единственный бой русской гвардии с немецкой гвардией. Если хотите, напишу о нем. Я служил в гвардейской стрелковой бригаде и хорошо знаю, как это было.

Вчера Александр Николаевич принес большой, трехколонный очерк "Бой русской и прусской гвардий в первую мировую войну". Это был рассказ очевидца и участника о том, как прибывшие на новые позиции в район Холма гвардейцы упорно сражались с врагом. Соль очерка состояла в том, что стойкая оборона дала возможность перейти русским гвардейцам в победоносное

наступление.

Прочитал я очерк и подумал: зря опасался, что тема будет не актуальной. Обстановка на фронте как раз и требовала остановить врага, стоять насмерть, защищать свои позиции до последней капли крови. Очерк Степанова и учил этому...

* * *

Сегодня я позвонил Сталину и попросил принять меня. Хотел доложить о некоторых, как я считал, важных для газеты и для армии вопросах.

- Сейчас не могу, - ответил Сталин.

В его голосе, обычно спокойном и суховатом, мне послышались тревожные нотки. Я понял, что случилось что-то очень неприятное, и сразу же помчался в Генштаб. Когда я рассказал Бокову о звонке, он мне ничего не ответил, а показал телеграмму, отправленную накануне Жукову в Сталинград. После войны она была опубликована, и у меня есть возможность привести ее текст:

"Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если северная группа войск не окажет немедленную помощь... Недопустимо никакое промедление. Промедление теперь равносильно преступлению..."

Так Сталинград стал центром главных событий войны, а вместе с тем и наших тревог и забот. Я чувствовал необходимость хотя бы на короткий срок съездить туда, увидеть обстановку собственными глазами и оценить ее. Сегодня вызвал Симонова и Темина и сказал, что полетят со мной в Сталинград. Решил лететь 8 сентября, а пока дел невпроворот с очередными номерами газеты...

6 сентября

В номере выделяется прежде всего репортаж Высокоостровского под заголовком "Ожесточенные бои на всех участках". Корреспонденция нашего нового спецкора Ивана Артамонова о подвиге 33 воинов на подступах к Сталинграду. Эта группа бойцов была вооружена автоматами и винтовками. Имели они также гранаты, бутылки с горючим и одно противотанковое ружье с 20 патронами. Но в течение нескольких часов горстка бойцов бой вела с 70 немецкими танками и почти батальоном пехоты...

А вообще-то материалов в газету наши сталинградские корреспонденты шлют еще мало. И вновь выручают передовые и

статьи Ильи Эренбурга.

"Не первую неделю, - пишет Илья Григорьевич в статье, которая называется "Сталинград", - идет битва за Сталинград. Тяжелая битва. Немцы решили захватить город, перерезать Волгу, задушить Россию. На Сталинград брошены десятки немецких дивизий. Здесь беснуется Германия, в горящей степи, перед неукротимым городом, здесь эсэсовцы, пруссаки, баварцы, фельдфебели, танкисты, солдаты, привезенные из Франции, жандармы из Голландии, летчики из Египта, ветераны и новички. Здесь сулят железные кресты и выдают деревянные".

Писатель еще раз напоминает о том, что значит для нашей Родины Сталинград. "Сталинград - это Волга. Кто скажет, что значит Волга для России. Нет в Европе такой реки. Она прорезает Россию. Она прорезает сердце каждого русского... Волга - это богатство, слава, гордость России. Неужели презренные немцы будут купать в ней своих лошадей, в Волге, в великой русской реке?.."

И заканчивается статья на высокой патетике: "В старину, когда русский человек божился, ему могли не поверить, но стоило ему проглотить щепотку земли, как все знали: этот не обманет. Землей клялись. Землей мы клянемся, крохотной щепоткой и необъятной страной. За Сталинград, за Волгу, за русскую землю!"

Прочитав статью, я спросил Илью Григорьевича, читал ли он сообщение спецкоров о подвиге 33 героев?

- Читал, а что?

- Мало, скупо мы о них написали. И больше материалов нет. Надо бы о них сказать доброе слово.

Буквально через десяток минут Эренбург принес вставку. Вот она:

"Кто забудет о тридцати трех? На них шли семьдесят немецких танков. Тридцать три не дрогнули. Они уничтожали танки пулями, гранатами, бутылками. Они уничтожили двадцать семь танков. Их было тридцать три человека с простыми русскими именами... Еще раз русское сердце оказалось крепче железа. Если чужестранец нам скажет, что только чудо может спасти Сталинград, мы ответим: разве не чудо подвиг тридцати трех? Враг еще не знает, на что способен русский человек, когда он защищает свою землю".

* * *

В газете много кавказского материала. Корреспонденция Павла Трояновского "В кавказских горах" свидетельствует, что "вместе с русскими защищают советский Кавказ осетины, чеченцы, грузины, абхазцы, азербайджанцы, армяне. В наших

частях столько национальностей, сколько их есть на многонациональном Кавказе". Автор не обходит молчанием, что немцы хорошо подготовились к борьбе в горах. Они стянули сюда горные части, знающие, как воевать в гористой местности.

"Враг не безрассуден, - предупреждает спецкор. - Он не бросает в горы танки, машины, мотоциклы. По узким дорогам их движение опасно и легко уязвимо. В горах фашисты меняют свою излюбленную тактику, начинают действовать осторожно, мелкими облегченными партиями. Вьючные лошади везут за горной пехотой, вооруженной автоматами, легкие горные пушки, легкие минометы. За ними по тропам, часто избегая дорог и шоссе, тоже на вьючных лошадях, доставляются боеприпасы, продовольствие".

Немцы лезут в горы, объясняет корреспондент, стараясь захватить господствующие высоты, наиболее проходимые горные дороги и перевалы. Тактика их такова. Танки и автомашины с тяжелой артиллерией и обозами подходят вплотную к горам. Когда дальнейшее движение невозможно или опасно, они останавливаются. На выгодных рубежах здесь строится оборона, причем танки часто используются как неподвижные огневые точки. От этих своего рода опорных баз начинается движение легких горных войск.

Эта тактика противника подтверждается многими эпизодами горных сражений. Чтобы победить врага, надо знать его, знать его тактику.

* * *

С узла связи Генштаба в редакцию доставили очерк Бориса Галина "На Тереке". Большой, на 350 строк! Да, благоволят в штабах к нашим корреспондентам: несмотря на чрезвычайную загрузку военного провода в эти дни напряженней битвы за Кавказ, передать столько знаков по "бодо"! Постарались и летчики - доставили в редакцию фотоснимки Виктора Темина, иллюстрирующие очерк Галина.

Главный герой очерка - командир взвода Рябошанка, младший лейтенант. Галин рассказывает о его довоенной жизни, ибо его душевные привязанности проявятся затем на фронте:

"Все то, чем жил Рябошапка и что волновало его год тому назад пединститут, аспирантура, дипломная работа, посвященная кавказской лирике Лермонтова, - все теперь поблекло, куда-то отодвинулось и казалось смешным и страшно далеким... После отступления из сурового каменистого Донбасса, из степей Донщины, Рябошапка попал в предгорья Кавказа... Он увидел и почувствовал вечно живую красоту природы Этих гор, познав которую Лермонтов однажды сказал: "Чтоб вечно их помнить, там

надо быть раз, как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ". И вновь возникли перед Рябошапкой строки стихов Лермонтова. Он декламировал их для себя. Он читал их своему взводу так взволнованно и часто, что командир роты посчитал младшего лейтенанта поэтом, а взвод в гвардейском батальоне стали именовать "лермонтовским".

Это был героический взвод и героический его командир. Много славных дел он свершил. В те дни, когда в роте был Галин, взвод получил боевую задачу: отогнать рвавшихся к реке немцев. Бойцы доблестно выполнили приказ, но в этом бою вражеская пуля оборвала жизнь командира взвода. Полтавского паренька, влюбленного в кавказскую лирику Лермонтова, похоронили на берегу Терека...

В субботнем номере "Красной звезды" напечатан очерк Андрея Платонова "Броня", занявший в газете полполосы.

Андрея Платоновича я знал немного и до войны. Его литературная судьба сложилась трудно. Много лет его почти не печатали - после того как одна из его повестей была осуждена Сталиным. Не жаловали его поэтому и в руководящих сферах Союза писателей. Если и появлялись иногда в печати его материалы, они шли под псевдонимом. Месяц назад я получил записку Гроссмана, который просил нас взять под "свое покровительство этого хорошего писателя. Он беззащитен и неустроен".

И вот появился у меня в кабинете Платонов. В простой солдатской шинели - ее носили в ту пору не только военнослужащие, - мешковато сидевшей на его плечах, небритый, он произвел на меня впечатление человека неказистого, сумрачного. Но это было лишь первое впечатление. Сосредоточенный взгляд его голубых глаз, скупая улыбка и немногословные реплики выдавали незаурядную личность. Я спросил у него," хотел бы он поработать у нас корреспондентом? Андрей Платонович как-то пожал плечами, и по его улыбке я почувствовал, что он будет этому рад.

Я и не задумывался, "можно" ли его зачислить в наш писательский "взвод", не вызовет ли это неудовольствие Сталина. Но вспомнил историю с не менее известным писателем Федором Панферовым. В памятный для москвичей трудный октябрь 1941 года ко мне пришел Панферов. Широкоплечий, приземистый. Волевое, словно высеченное резцом скульптора лицо. Пронзительный взгляд светлых глаз. Зашел ко мне писатель, с которым я лично не был знаком, но хорошо знал его по роману "Бруски" и другим книгам. Он поздоровался и сразу же попросил взять его на работу корреспондентом "Красной звезды". Тут же

рассказал, что ему предложили выехать на фронт, но по каким-то причинам он не смог это сделать, о чем написал Сталину, а Сталин передал его письмо в Партколлегию при ЦК партии и рекомендовал чуть ли не исключить его из партии. Я не знаю, какое решение приняла Партколлегия и вообще чем все это кончилось, не стал вникать в подробности и проверять. Я ответил Панферову, что согласен, но он должен немедленно выехать в действующую армию. Я был глубоко убежден, что никто, в том числе и Сталин, не сможет отказать кому бы то ни было пройти самую высшую для человека проверку - проверку огнем. Тут же был подписан приказ. Панферову выдали обмундирование, нацепили согласно его воинскому званию по три "шпалы" на петлицы, и на следующий день он явился ко мне, как говорится, в полной боевой готовности.

Как раз в это время у меня был Владимир Ставский. Он собирался в войска, оборонявшие столицу на Вяземском направлении. Я и попросил его захватить с собой Панферова.

Поехал Панферов вместе со Ставским. А кто поедет на фронт со Ставским это я хорошо знал еще по Халхин-Голу и финской войне, - тот уже наверняка нанюхается пороху. Вместе со Ставским Панферов попал в гущу боев. Вел он себя достойно и мужественно. Вскоре в "Красной звезде" появились корреспонденции и очерки Панферова из боевых частей. После первой его корреспонденции, опубликованной в газете, мне позвонил Сталин. Он ничего не спрашивал, не ругал меня и не хвалил за то, что я самовольно послал на фронт Панферова, а только сказал: "Печатайте Панферова". Но я понял, что Сталин одобрил и решение Панферова выехать на фронт, и наше назначение его спецкором "Красной звезды".

Все это я вспомнил, когда у меня был Андрей Платонов, и при нем же вызвал секретаря редакции Карпова и сказал:

- Пишите приказ о зачислении Платонова нашим корреспондентом с сего числа...

Экипировали мы Андрея Платоновича поприличнее, на петлицах у него появилось по капитанской "шпале", и он отправился на фронт. А сегодня уже напечатана его "Броня". Прекрасный очерк. Я бы сказал, классика военной очерковой литературы. И удивительнее всего, что это была первая его поездка на фронт. Первый очерк. Только большой талант мог его родить...

На редкость быстро Платонов вошел в нашу краснозвездовскую семью. Правда, не часто он появлялся в самой редакции. Все дни - на фронте, в самой гуще фронтовой жизни, с бойцами. Скромная и внешне неприметная фигура Платонова,

наверно, не соответствовала читательскому представлению об облике писателя. Солдаты при нем не чувствовали себя стесненными и свободно говорили о своем армейском житье-бытье. А Платонов тихонько стоял в стороне или сидел и слушал.

Его привлекали не столько оперативные дела армии или фронта, сколько люди, их души, их думы, их чувства. Он впитывал все, что видел и слышал. Наши корреспонденты, с которыми Платонов выезжал в боевые части, жаловались. Надо ехать, а Платонова нет. Он сидит где-нибудь в блиндаже или окопе, увлеченный солдатской беседой, забыв обо всем на свете. Здесь, думаю, следует искать истоки печатавшихся в "Красной звезде" его очерков и рассказов.

Был Платонов человеком непритязательным и легко мирился со всеми неудобствами и невзгодами фронтовой жизни. Мог он, добираясь до переднего края, отмерить в своих солдатских сапогах не один километр, переночевать в сыром окопе, пообедать сухарем и кружкой воды. В одном из городков корреспонденты заняли небольшую хату, откуда только что вышибли немцев, не были еще убраны нары, солома. Михаил Зотов, руководитель нашей корреспондентской группы, решил, что молодежь как-нибудь и здесь проживет, а Платонова надо получше устроить. Он попросил редактора фронтовой газеты, успевшего занять более благоустроенный дом, приютить у себя писателя.

- Конечно! Что за вопрос! Давайте его нам. Создадим ему царские условия, - согласился редактор, рассчитывая, очевидно, получить что-то и для своей газеты.

Но когда Зотов попытался увести Платонова на эту квартиру, тот отказался и даже обиделся. Так и остался со всеми, устроившись на полу, где вповалку спало человек двенадцать.

Чувство юмора никогда не покидало писателя. Хата, где они жили, выглядела столь неприглядной, что Платонов повесил на дверях бумажку с надписью: "Вход в "Дно", имея в виду пьесу Максима Горького. Себя он назвал Лукой и другим тоже присвоил имена персонажей драмы. Имена эти не прижились, только Платонова какое-то время называли Лукой.

Мог Платонов работать в тесноте и шуме. В хате накурено, стоит обычный гам, а писатель, скромно примостившись на краю швейной машинки, нажав на педаль, провозглашает своим глуховатым и спокойным голосом:

- Начинаю строчить...

Так, время от времени нажимая на педаль, он объявлял:

- Ну, еще один абзац сделан...

Шум на него не действовал, но его соседи из уважения к

писателю тихо один за другим выходили из хаты, оставив писателя одного за работой.

- На войне надо быть солдатом, - не раз говорил он своим соседям.

Был Платонов хорошим, безотказным товарищем. Бывало, что Зотов не успевал на совещания корреспондентов на КП фронта и просил Платонова выручить его. Писатель отвечал:

- Я схожу. Все замечу. Писать корреспонденции я не умею. Ты уже сам. Я слово в слово запишу...

Ходил. Точно записывал и передавал свои записи Зотову, ни на что не претендуя.

Но скромность и застенчивость Платонова сразу испарялись, когда его пытались оставлять в тылу. Забегая вперед, расскажу такой эпизод. Шли бои за Могилев. Командующий армией выделил для корреспондентов "Красной звезды" самолет "У-2". А корреспондентов было двое - Павел Милованов и Андрей Платонов. Милованов торопился на самолет, чтобы поспеть ко взятию города. Но Платонов не пустил его. Не захотел остаться. Упросили командарма дать двухместный самолет, и оба полетели.

Газета много потеряла бы, если бы Платонов остался тогда в штабе армии. Не появились бы в "Красной звезде" его большой очерк "Прорыв на Запад" - о первом дне прорыва наших войск в глубь Белоруссии, на Могилевском направлении, а через четыре дня - второй очерк Платонова "Дорога на Могилев", а еще через несколько дней рядом с приказом Верховного Главнокомандующего об овладении Могилевом новый очерк "В Могилеве".

В день взятия города нашими войсками Платонов уже был в Могилеве. Побеседовал с солдатами и генералом, со стариками и женщинами, с пленными немцами. Успел в тот же день написать очерк и отправить по "бодо" в Москву. Его очерки подкрепляли краткие информационные сообщения Милованова и давали возможность читателю не только увидеть панораму битвы, но и понять чувства и настроения людей.

В редакции знали, что Платонов не любит писать с маху, и поэтому не требовали от него оперативных материалов. Ему давали возможность писать тогда, когда материал, так сказать, отстоится. Оперативность, которую проявил Платонов в могилевских боях, всех удивила: вот тебе и медлительный Платонов!

Милованов не раз жаловался на "скверный" характер Платонова. Ныли, например, они в дивизии генерала Красноглазова. Шел тяжелый бой в условиях так называемого

"слоеного пирога". Обстановка была неясной даже для самого генерала, и он категорически не пускал корреспондентов в полки. Платонов выслушал комдива, а когда вышли из его блиндажа, категорически сказал:

- Пойдем!..

Настоял. И пошли они в полки.

О скромности и мужестве Платонова говорит и такой случай, который не мог не прибавить нашего уважения к нему.

В редакции узнали, что Платонов тяжело болен, и выхлопотали ему путевку в один из подмосковных военных санаториев. А недели через три я узнаю, что писателя нет в этом санатории. Оказывается, он узнал, что часть, в которой у него было много знакомых, переходит в наступление, и уехал туда без командировки и без продаттестата.

Что же касается очерка "Броня", опубликованного в сегодняшнем номере газеты, следует отметить, что это был рассказ не о броне, в которую одевают танки, а совсем о другом - о закаленном, как сталь, мужестве.

"Саввин лежал в углу, в отдалении, отдельно от поверженных им врагов. Я склонился к его лицу и подложил ему под голову детскую подушку.

- Тебе плохо? - спросил я у него.

- Почему плохо? Нормально. - трудно дыша, сказал Саввин.

- Тебе больно?

- Нет. Больно живым, а я кончаюсь. - прошептал Саввин.

- Как же ты их всех один осилил? - спрашивал я, расстегивая ему пуговицу на воротнике рубашки.

Саввину стало тяжело, но он произнес мне в ответ:

- Не в силе дело - в решимости, в любви и ненависти. Он начал забываться, потом еле слышно прошептал: "Упругий и жесткий, твердый и вязкий, чуткий и вечный, оберегающий наш народ", - и закрыл глаза насмерть.

Я поцеловал его, попрощался с ним навеки и пошел выполнять его завещание. Но самое прочное вещество, оберегающее Россию от смерти, сохраняющее русский народ бессмертным, осталось в умершем сердце этого человека".

Сердце русского человека - вот самая сильная броня. Такова идея очерка.

8 сентября

Сегодня с рассветом на "Дугласе" - машине в мирное время серебристой, а теперь закамуфлированной пятнами лягушачьего

цвета - с центрального аэродрома мы вылетели в Сталинград. Прямого пути туда не было, пришлось лететь кружным путем, огибая линию фронта. К исходу дня наш самолет опустился в степи, в ста восьмидесяти километрах восточнее Сталинграда.

Мы вышли из самолета и оглянулись. Рядом небольшой, с низкими разбросанными в беспорядке домиками поселок Эльтон у самой границы Казахстана. Вдали блестят воды соленого озера Эльтон.

- Эльтон и Баскунчак, - мрачно произнес Симонов. Он вспомнил, как заучивали эти названия в школе на уроках географии, тогда это было для нас только географическим понятием, а теперь - последняя ближайшая к Сталинграду площадка, где можно относительно безопасно приземлиться. Кругом бесконечная выжженная степь, напоминавшая нам, всем троим участникам халхингольских событий, необозримые монгольские степи тридцать девятого года.

Горькие мысли: "Куда загнали?!"

В октябре и ноябре сорок первого года в Москве мы чувствовали, как далеко прорвался враг. И все же не было тогда ощущения загнанности. За спиной были Москва, города, села, заводы, люди. А здесь голая, сухая степь, край света, пустыня...

На второй день, недалеко от Волги, мы встретили группу бойцов, недавно вышедших из боя. Разговорились с ними. Боевые, закаленные ребята. Особенно нам понравился Семен Школенко, высокий, могучий парень с загорелым лицом и русыми волосами, в прошлом горный мастер, а ныне разведчик.

Мы сидели на сухой степной земле. Школенко смотрит вдаль, и на его лице появляется горькое выражение.

- Что смотрите? - спрашиваем его.

- Смотрю, куда докатил нас, далеко допятил...

И мне вспомнились слова из первого очерка Василия Гроссмана о Сталинграде, созвучные настроению Школенко и нашему настроению: "Страшное чувство глубокого ножа на этой войне на границе Казахстана".

Волга. На противоположном берегу километров на пятьдесят узкой полосой растянулся город. Немцы начали его бомбить еще две недели назад. Налеты на город и ныне не прекращаются. И сейчас тоже слышны взрывы бомб и уханье артиллерийских батарей. В центре и недалеко от него поднимаются огромные столбы дыма и накрывают кварталы города черной пеленой. Это горят элеваторы, нефтебаза и еще что-то...

У немцев господство в воздухе. Почти вся наша авиация брошена на поддержку войск, обороняющих внешний обвод города. Вражеские самолеты то и дело появляются над городом и

Волгой. Тем не менее на переправе и людно и шумно. Очередной паром отдан в распоряжение командира батальона, переправляющегося на тот берег. Комбата атакуют со всех сторон. Каждый доказывает, что именно ему в первую очередь надо переправиться в город и непременно сейчас.

Симонов втесался в эту толпу, слушал, делал какие-то пометки в своей записной книжке и, увидев мой вопрошающий взгляд, объяснил:

- Это хорошо, если люди рвутся туда, где война, а не оттуда...

После эльтоновских переживаний эта деталь, подмеченная писателем, действительно обнадеживала.

Комбат погрузил своих бойцов, пушки, боеприпасы - соседство не идеальное для людей на не защищенном от нападения с воздуха пароме.

Переправились благополучно. Когда мы высадились на берег, почти стемнело. С берега нас обдало запахом пожарищ, горелого железа, битого кирпича. Мы отправились на командный пункт фронта. Он разместился в подземелье с низким сводом, напоминавшем мне горизонтальную штольню донецкой шахты, где я не раз бывал в молодости. Симонову же, как он заметил, огромную подводную лодку с отсеками, на которой он ходил к берегам Румынии минировать немецкие базы в сорок первом году.

Нас встретил командующий фронтом А. И. Еременко, прихрамывающий из-за ранения под Брянском, одетый, в отличие от других, не в полевую форму, а в брюки навыпуск и ботинки. Беседа с Еременко продолжалась недолго, и мы поспешили в глубь тоннеля, к члену Военного совета фронта Н. С. Хрущеву. Разговор у нас тоже был короткий, и мы отправились в штаб фронта, находившийся около речки Царица в таком же подземелье, но еще более глубоком и длинном, с многими отсеками по обеим сторонам.

В штабе кипела работа, стучали машинки, гудели зуммера, бегали офицеры и посыльные. Усталые, мы легли спать и сразу же заснули как мертвые. Утром проснулись - все было тихо. Вышли в тоннель. Машинок нет. Телефонисты сматывают линии связи. Людей мало.

За ночь штаб в чрезвычайном порядке эвакуировали на противоположный берег Волги, в лесок возле деревни Ямы. Лица у тех, кто еще остался, постные, настроение скверное, люди не скрывали своей тревоги за судьбу Сталинграда. И у нас на душе мрак и горечь. Остался тревожный осадок: все ли уверены, что отстоим Сталинград?

В таком настроении мы отыскали отсек, где размещался узел

связи фронта. Там еще работал прямой провод с Москвой. Я вызвал дежурного по узлу связи Генштаба и просил передать в редакцию, Карпову, что жду его для переговоров. Пока Карпов добирался с Малой Дмитровки, мы сделали набросок передовой статьи. Назвали ее просто и лаконично: "Отстоять Сталинград!"

Передовую мы передали по проводу, можно сказать, прямо в руки Карпову, и я попросил напечатать ее в завтрашнем номере газеты и доставить несколько сот экземпляров самолетом на Сталинградский фронт.

В передовой открыто и прямо говорилось о смертельной опасности, нависшей над Сталинградом. Выли в ней выделенные полужирным шрифтом слова: "Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет. Она закрыта велением Родины, приказом народа". Когда газета с этой передовицей прибыла на фронт. Военный совет фронта приказал отпечатать ее отдельной листовкой и разослать во все полки...

Эта передовая запомнилась многим защитникам Сталинграда. Маршал Советского Союза К. С. Москаленко в своей книге "На Юго-Западном направлении" писал: "С Д. И. Ортенбергом я встречался еще в период обороны Сталинграда, где он побывал тогда вместе с К. М. Симоновым. Результатом его поездки была опубликованная в газете передовая статья "Отстоять Сталинград!".

Не могу не рассказать и об одном эпизоде, тоже связанном с этой передовицей. Через тридцать лет, в юбилейные дни нашей победы в Сталинграде, я впервые после войны с делегацией журналистов социалистических стран и других государств выехал в Волгоград. По памятным местам нас водила научная сотрудница музея, прекрасно знавшая все о Сталинградской битве. Привела нас на Мамаев курган к памятной стене и показала выгравированные на ней те самые слова из передовой статьи "Красной звезды": "Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет. Она закрыта велением Родины, приказом народа". Под этими строками - ссылка на "Красную звезду". Экскурсовод рассказала историю этой передовицы, как она писалась, о листовках, о впечатлении, которое произвела передовая на защитников города. Упомянула и ее авторов. Можно себе представить волнение одного из "виновников" этой подписи...

Наш путь лежал на север от центра города, в 62-ю армию, на Мамаев курган. Тогда это была лишь высота, обозначенная на военно-топографических картах отметкой "1020". Здесь расположились командный и наблюдательный пункты армии. Здесь был начальник штаба генерал-майор Н. И. Крылов, герой обороны Одессы и Севастополя. Он исполнял обязанности

командующего армией, мы были на кургане за несколько дней до прибытия В. И. Чуйкова.

Крылов встретил нас дружески. Как-никак, кроме всего, он - наш постоянный автор. Пригласил нас в свой блиндаж, если можно так назвать щель, покрытую сверху хворостом, поверх ее, не более чем сантиметров на двадцать, - земляная насыпь. Внутри тоже все земляное - земляная постель, земляные лавки и стол, на котором разостлана рабочая карта с отметками и стрелами. Когда неподалеку разрываются немецкие снаряды, на карту сыплется земля. Крылов сдувает ее и делает какие-то пометки.

В блиндаже мы застали члена Военного совета армии дивизионного комиссара К. А. Гурова, человека среднего роста, чернобрового, с выбритой до синевы головой. Крылов и Гуров вначале на карте, а потом и на местности ознакомили нас с боевой обстановкой. Хорошо видно, как немцы все ближе подходят справа и слева, в центре они были несколько дальше. В наступающих сумерках еще резче обрисовывалась линия переднего края - трассы пулеметных очередей, ракеты, разрывы снарядов. Бой не угасал ни на минуту. Шли тревожные донесения. На НП все в напряжении. Но по выражению лиц, интонациям, жестам чувствовалась готовность сражаться до конца.

На прощание Гуров сказал нам, чтобы мы обязательно заехали в 33-ю гвардейскую дивизию, выведенную для пополнения на левый берег Волги.

- Там, - сказал он, - вы соберете больше материалов, чем у нас.

Кто мог тогда знать, что Мамаев курган станет местом самых ожесточенных боев, что он будет весь перепахан снарядами и минами. Железа там было столько, что в сорок третьем году там не взошла трава. Кто мог подумать, что здесь будет сооружен величественный памятник-монумент героям Сталинграда, что сюда, на легендарный Мамаев курган, благодарные потомки со всех концов земли придут, чтобы склонить свои головы перед мужеством советского солдата.

На следующий день мы отправились на северную окраину Сталинграда, к Тракторному заводу. Дорога шла по центру города. Всюду разбитые, сожженные дома с пустыми глазницами окон, через которые, как сквозь решетки, просматриваются целые кварталы. Сгоревшие трамваи. Громадное количество воронок. Возле одной из них наша "эмка" остановилась. Симонов спустился на дно, а Темин успел щелкнуть "лейкой", и потом, когда мы смотрели этот снимок, фигура Симонова выглядела как в перевернутом бинокле - такой огромный и глубокой была эта

воронка.

Людей на улицах мало, они перебрались в подвалы и пещеры, отрытые на откосах крутого волжского берега. Вот и Тракторный завод, первенец первой пятилетки. Он на военном положении. Люди здесь работают и живут. Главная и единственная работа - немедленный ремонт танков и пушек, прибывающих сюда с фронта.

Немцы засыпают завод снарядами и бомбами. Директор завода К. А. Задорожный показал нам план заводской территории: весь он покрыт красными треугольниками и кружками, обозначающими места попадания вражеских бомб и снарядов. Треугольники - бомбы, кружочки - снаряды.

Нам рассказали, как рабочие тракторного завода помогли остановить немцев, пытавшихся прорваться на его территорию. Смяв тонкую цепочку нашей обороны, немецкие танки, а за ними и автоматчики устремились к оврагу последней естественной преграде на пути к заводу. Надо было немедленно помочь бойцам. На заводе в это время как раз закончился ремонт нескольких танков. Их сразу же вывели на заводской двор. Тут же сформировали из рабочих - танкистов запаса экипажи, два отряда стрелков-ополченцев и бросили к мосту через овраг навстречу немцам. В этих боях сложили головы многие рабочие завода, но враг был остановлен, задержан, а когда подошли батальоны 124-й стрелковой бригады, отброшен за поселок Рынок.

В эту бригаду мы теперь и пошли. Побывали у командира бригады С. Горохова и комиссара В. Грекова, обосновавшихся в полуразрушенном здании поселка, а затем вместе с ними направились в батальон старшего лейтенанта В. Ткаленко, который первым переправился через Волгу и первым вступил в бой на северной окраине города. Нас встретил высокий, подтянутый, с чапаевскими усами, в пилотке, сдвинутой на затылок, Вадим Ткаленко. Таким его увидели и читатели "Красной звезды", где на первой полосе был вскоре напечатан портрет комбата.

Выла у нас интересная беседа с комбатом. Мы узнали, что в свои двадцать три года он уже пятнадцать месяцев воюет. Был разведчиком, не раз ходил в немецкие тылы. Едва выкарабкался после тяжелого ранения (хирурги извлекли из легких две пули), не долечившись, удрал на фронт.

Мы узнали в деталях о баталии, разыгравшейся у поселка Рынок. Переправившись на правый берег, батальон сразу же развернулся, ворвался в селение и вступил в рукопашный бой с немцами, вышибая их из поселка. Узнали мы также о мужественном бое с вражескими танками. 15 танков противника

двинулись на батальон. Противотанковые пушки еще не подоспели. Не оказалось и противотанковых гранат. Но бойцы не отступили - бронебойками и связками обычных гранат они подорвали шесть танков. Остальные девять прорвались. В эти критические минуты Ткаленко бросился к пушкам, только-только выгрузившимся на берег. На руках их подняли по скользкому после дождей откосу и здесь, прямо с кромки откоса, открыли огонь. Загорелся еще один танк, другой, остальные ретировались. Батальон удержал Рынок, закрепился за поселком, где и сейчас держит оборону.

Мы с Теминым пошли по своим газетным делам во вторую роту, а Симонова оставили на НП батальона. Зная его неугомонный характер, я приказал ему никуда не соваться. Но когда мы через несколько часов вернулись, Симонова в батальонном блиндаже не оказалось. Он все-таки ушел в траншеи переднего края, в 1-ю роту.

- Это приходил "декабрист" и утащил его к себе в роту, - объяснили мне.

"Декабристом" в батальоне прозвали командира первой роты Бондаренко за его черные бакенбарды. Симонову понравился Бондаренко. Тот рассказал писателю, как дрались его бойцы, и Симонову захотелось увидеть их, поговорить с ними.

Я попросил Ткаленко немедленно вызвать Симонова, а когда он прибыл, сделал ему разнос за невыполнение приказа. Симонов в оправдание показал блокнот, весь заполненный записями.

Вечером мы вернулись в заводской поселок. Для ночлега нам предоставили пятиэтажный дом - любую квартиру на выбор. Дом был печально пуст. Все квартиры оставлены с мебелью, вещами - так, словно жители ушли ненадолго по своим обычным делам. Темину с "лейкой" в сумерках делать было нечего, да и снимков у него было уже немало, и он сразу же улегся спать. Позже и я завалился на один из диванов, а Симонов еще долго сидел и писал свой очерк "Бой на окраине". Когда я прочитал очерк, мне стало ясно, что, если бы он не пошел в 1-ю роту, очерк не был бы таким выразительным.

В поселке нас разыскали моряки Волжской флотилии и пригласили к себе. Пришлось снова пересечь Волгу, но на этот раз на быстроходном катере. Флотилия, стоявшая на речке Ахтуба, с берегами, заросшими кустарниками, поддерживала огнем своих канонерок и бронекатеров бригаду Горохова и другие части; отличилась в этих боях, за что получила лаконичную благодарность генерала Еременко: "Волга" - молодец". ("Волга" - позывные флотилии.) Было интересно поговорить с моряками. А потом они доставили нас назад к Тракторному.

* * *

Снова мы в том самом тоннеле на берегу Волги, где раньше был Военный совет фронта. Там обосновался теперь заместитель командующего фронтом генерал Ф. И. Голиков, оставленный для связи и оперативного руководства войсками. Положение на фронте ухудшилось. Вся надежда сейчас на северную группу войск. Чтобы спасти Сталинград, она начала наступление с севера. Мы и решили поехать туда. Прямой дороги не было: немцы рассекли Сталинградский и Юго-Восточный фронты, пробили между ними восьмикилометровый коридор. Надо было делать петлю - два раза переезжать через Волгу: сначала с правого берега на левый, подняться по берегу на север и снова с левого берега напротив поселка Дубовка перебраться на правый. Если наступление будет успешным и войска Сталинградского фронта прорвут оборону противника, ликвидируют коридор, соединятся с 62-й армией, то мы через несколько дней с войсками снова окажемся у Тракторного завода, в поселке Рынок, где были вчера.

По дороге заехали к Голикову. Я хорошо помню обстановку в тоннеле, и наш разговор с генералом, и настроение тех минут. Но, пожалуй, точнее всего будет, если я передам это в записи, сделанной Симоновым в своем дневнике:

"Ортенберг получил сведения, что части Сталинградского фронта вскоре начнут прорываться с севера, чтобы соединиться с 62-й армией, в которой мы сейчас находимся в Сталинграде. Он хочет, чтобы мы наблюдали эти бои не отсюда, а оттуда, с той стороны. Для этого придется два раза переправляться через Волгу... Я лично предпочел бы пока остаться здесь, в Сталинграде. Кстати, еще и потому, что две предстоящие переправы мне не особенно улыбаются. Но я знаю, что для Ортенберга мои желания в данном случае не играют никакой роли, и поэтому сижу и молчу, пока он разговаривает с заместителем командующего фронтом. Голиков слушает Ортенберга, и мне кажется, что он относится к нам с плохо скрываемым презрением. Наверное, в душе считает нас трусами, потому что мы собираемся уехать из Сталинграда. Мало ли что мы будем делать потом, а пока все-таки собираемся уехать. Ортенберг, видимо, чувствует это отношение, но считает ниже своего достоинства что-либо объяснять..."

Наконец причалила баржа. Мы погрузились и минут за сорок под вой немецких самолетов переправились на левый берег, добрались до деревушки, из которой ходили паромы на Дубовку. Светило солнце, но дул сильный ветер, вздымая волны. Паром медленно тянется. Над серединой реки появился "юнкерс", покружил над нами и высыпал бомбы. С парома никто не отвечал.

Пушки нет. Есть крупнокалиберный пулемет, но патроны израсходованы, а новые не получены. Бомбардировщик заходит еще три раза подряд, кладет вокруг нас бомбы и уходит.

Выгрузились на берегу, и отсюда штабной офицер в звании майора по узкой лощине повел нас в 66-ю армию генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского. Это была та самая армия Сталинградского фронта, которая вместе с 1-й гвардейской и 24-й армиями должна была согласно указанию Сталина ударить но врагу с севера, чтобы оказать немедленную помощь Сталинграду. Армия Малиновского имела, в частности, задачу нанести удар в направлении на Орловку, отсечь восточную группу противника, прижать ее к Волге и уничтожить.

Малиновского, большого, крупного человека, мы нашли на его КП, в землянке, вырытой на обратном скате глубокого оврага и основательно замаскированной от авиации немцев густым кустарником. Прямо скажу, встретил нас командарм без большого энтузиазма. Я не раз замечал, что встречают нашего брата журналиста радушно, когда дела на фронте идут хорошо. А Малиновскому похвалиться было нечем. Успехов никаких. Об этом он нам прямо сказал.

Собственно, к наступлению армия и не была готова. Она не успела сосредоточить силы и средства в полосе атаки. Сильным огнем артиллерии и ударами с воздуха противник отбил все атаки, а на отдельных участках сам перешел в контратаку. В первый день наступления армия сбила лишь боевое охранение врага и больше не продвинулась ни на шаг, а за несколько последующих дней ей удалось пройти с километр, а где всего несколько сот метров.

Пройдет некоторое время, и, как говорится, взойдет полководческая звезда Малиновского, будущего маршала и дважды Героя Советского Союза. Мы узнаем о многих блестящих операциях фронтов, которыми он командовал, будем читать благодарственные приказы Верховного Главнокомандующего его войскам за освобождение Харькова, Донбасса, Бухареста, Будапешта, Мукдена... А затем почти десять лет - на посту министра обороны СССР.

Но все это будет потом, а тогда, в сентябре сорок второго года, когда мы сидели с Малиновским на грубо отесанной лавке у его землянки, он был мрачен. Над ним еще висел груз недавних поражений - отступление Южного фронта, которым он командовал, потеря Ростова-на-Дону. Приказ Сталина № 227, подвергший суровой критике войска за сдачу городов и сел, имел в виду и войска Малиновского. Это он знал, знали и мы.

В свой дневник Симонов записал и наше настроение и наши

мысли тех минут:

"Что было на душе у Малиновского? О чем он мог думать и чего мог ждать для себя? Мне остается только поражаться задним числом той угрюмой спокойной выдержке, которая не оставляла его, пока он разговаривал с нами в это несчастное для себя утро".

На прощание Малиновский сказал:

- Понимаю, о нашей операции писать вы не будете, материал для вас неинтересный. Да и не напечатаете его в газете... - Он посоветовал перебраться в 1-ю гвардейскую армию к Москаленко, там как будто дела идут немного лучше.

Так мы и сделали. По пути к Москаленко заглянули в 173-ю стрелковую дивизию. В пещере, выдолбленной в глинистом откосе, нашли начальника политотдела дивизии полкового комиссара Д. Шепилова, будущего члена Военного совета армии, после войны - главного редактора "Правды", а затем секретаря ЦК партии. Он угостил нас настоящим волжским арбузом, рассказал о боях и повел на наблюдательный пункт полка.

НП полка - просто кромка оврага и... высунутая над ней голова командира полка, стоявший у его ног полевой телефон да присевший рядом боец, связист. В двухстах метрах от НП полка - поле боя. Бой тяжелый. Немецкая авиация и здесь господствует. Она непрерывно атакует машу пехоту. В воздухе дикий вой. Это воют специальные приспособления на плоскостях бомбардировщиков "Ю-87": психическая атака. Временами вражеские самолеты сбрасывают плуги, бороны, пустые железные бочки, обломки железных конструкций, которые со свистом и шумом летят на наши боевые порядки. Это тоже "психическое" оружие, но, видно, и бомб у немцев не хватает. То там, то здесь вспыхивают купола разрывов артиллерийских фугасок. Все поле в воронках. Бойцы прижаты к земле, и никакие приказы командира полка идти вперед, не останавливаться не помогают.

После бесплодных переговоров по телефону с комбатами командир полка вдруг протягивает мне трубку и отчаянным голосом просит:

- Скажите им, что надо подыматься, надо идти вперед. Я растерялся и едва нашел что сказать подполковнику:

- Мы ведь ваших командиров не знаем. И они нас не видели и не знают. Что мы можем потребовать от них?!

Словом, была почти такая же ситуация, как под Воронежем с Антонюком и Черняховским, о которой я уже рассказывал. Да, мы видели, как в короткие огневые паузы бойцы делают небольшой рывок, но сразу же залегают. Потом снова бросок, но поднимаются уже не все: потери большие, Что еще можно было потребовать от солдат, идущих вперед без поддержки артиллерии

и авиации?!

На НП армии, тоже вырытом в кромке глубокой балки, встретили командующего 1-й гвардейской армией К. С. Москаленко, мужественного генерала, чье имя появилось на страницах нашей газеты уже в первые дни войны. Настроение у него было не из лучших. На подготовку этой операции его армия сначала имела всего лишь шесть дней. Но жестокая необходимость в связи с критическим положением Сталинграда заставила его, как и Малиновского, вводить в бой армию уже через три дня и по частям. Стрелковые дивизии вступили в бой прямо с 50-километрового марша. Армия не имела ни одного артиллерийского полка усиления, ни одного полка противотанковой и противовоздушной обороны. Авиационное прикрытие было крайне слабым.

Проявивший себя впоследствии как мастер маневра, фланговых ударов, стремительного наступления, Москаленко вынужден сейчас бить в лоб и притом меньшими силами, чем у противника. Почерневший от зноя и пыли, от забот и тревог, с воспаленными от бессонных ночей глазами, командарм выслушивает по сложной паутине проволочной связи донесения из дивизий.

- В первый день прошли два километра, - объяснил Москаленко, - во второй - километр, а сегодня и того меньше.

Москаленко непрестанно вызывает командиров соединений и теребит их:

- Есть пленные?.. Пленные есть?.. Давайте документы - с живых или мертвых, все равно...

Вот и первые донесения - номера новых немецких дивизий и частей, танковых и пехотных, переброшенных сюда с южного фаса фронта. И как-то сразу исчезла с лица командарма тень тревожного ожидания. Странно было видеть Кирилла Семеновича: немцы подбрасывают свежие силы, а он вроде бы доволен. "Этого-то как раз мы и ожидали", - объяснил командарм.

А в это время на НП прибыл Жуков, теперь уже как представитель Ставки Верховного Главнокомандования. И сразу же Москаленко стал докладывать о частях и дивизиях, переброшенных сюда немцами с южного фаса фронта.

- Это нам и нужно. - сказал Георгий Константинович. Мне и сейчас показалось, что Жуков, как и Москаленко, воспринял это сообщение с удовлетворением. В этот же день Жуков доносил в Ставку, Сталину: хотя "Вступление в бой армий по частям и без средств усиления не дало нам возможности прорвать оборону противника и соединиться со сталинградцами, но зато наш быстрый удар заставил противника повернуть от Сталинграда его

главные силы против нашей группировки, чем облегчилось положение Сталинграда, который без этого удара был бы взят противником".

Симонов еще с утра забрался в один из окопов, оттуда хорошо было видно поле боя. В руках у него блокнот. Он что-то там рисует, какие-то палочки, черточки. Оказывается, он палочками отмечает каждый немецкий самолет, прилетающий сюда бомбить и попавший в его поле зрения. А черточками для удобства подсчета соединял каждый десяток. Черточек было много. "Тридцать девять", - объяснил он, то есть 390 самолетов. Сказал я об этом Жукову, но он не удивился, сам все видел.

Под конец Георгий Константинович сообщил, что меня разыскивал Маленков, секретарь ЦК партии, прибывший в Сталинград как представитель ГКО. Он хотел, чтобы мы написали листовку для немцев.

- Какую? - спросил я Жукова.

- Да о том, что они здесь лягут костьми, но Сталинграда им не взять.

- И о том, чтобы переходили на нашу сторону, сдавались в плен, заметил я не без иронии.

- Да, - сказал Жуков и весело рассмеялся.

Это была странная идея - ведь немцам тогда казалось: вот-вот Сталинград будет в их руках.

Поняв меня, Георгий Константинович махнул рукой:

- Ладно... Маленков уже вернулся в Москву...

Уехал Жуков. Вслед за ним и мы отбыли. Вернулись в Ямы, на командный пункт фронта. Что передать в газету? Надо прежде всего дать панораму Сталинградской битвы, описать все то, что слышали и видели своими глазами, без прикрас. О руинах Сталинграда. О страданиях людей. О ненависти, которая не дает ни спать, ни дышать. И главное, о том, что сталинградцы - и воины, и горожане - не отчаиваются, не помышляют о сдаче города, дерутся самоотверженно, до последней капли крови, до последнего дыхания.

Я собрал в Ямах наш корреспондентский корпус. Здесь были Василий Гроссман, Петр Коломейцев, Василий Коротеев, Леонид Высокоостровский, Семен Гехман, Виктор Темин. Симонов сел за очерк. На следующий день очерк был готов. Симонов назвал его "День и ночь".

- Хороший заголовок, но лучше "Дни и ночи", - сказал я, и автор согласился.

Мы пошли на узел связи. Там мы сразу уселись за столик у аппарата Бодо: Симонов, я и бодистка. Симонов еще раз просматривал свою рукопись и по страницам вручал мне, я

вычитывал и правил, а бодистка тут же передавала в Москву.

Очерк "Дни и ночи" появился в "Красной звезде" на третьей полосе, заняв полных три колонки. А на второй день этот очерк перепечатала "Правда", поместив его на второй полосе - еще более почетном месте в газете.

Когда мы вернулись в Москву, мне позвонил Михаил Иванович Калинин. Он похвалил очерк Симонова и все допытывался - реальные ли люди изображены автором, нет ли здесь художественного домысла?

- Это реальные люди и подлинные факты. Я был с Симоновым в Сталинграде и видел этих людей, говорил с ними, - ответил я Калинину.

- Это хорошо, - сказал он, - что в очерке ничего не выдумано.

Потом я узнал, почему Михаил Иванович с таким пристрастием меня допрашивал. Через несколько дней, выступая на комсомольском совещании, Калинин говорил: "Жизнь стала суровой. Люди стали сосредоточеннее, задумчивее". Следовательно, указывал он, и печатное и живое слово должно соответствовать изменившейся обстановке. Калинин сурово критиковал некоторые очерки в центральных газетах за выспренность, декларативность, хвастовство, шумиху, высокопарность, считая это неуважением к читателям. Михаил Иванович призывал рисовать правдивую картину войны, прямо говорить о переживаемых людьми трудностях. И в качестве примера того, как надо писать о войне, указал на очерки Симонова:

"Не знаю, читали ли вы последнюю статью Симонова "Дни и ночи". Я должен сказать, что она хорошо построена. Вообще его статьи дают реальную картину боев. В последней соблюдены все пропорции и соотношения. Она написана сдержанно. С внешней стороны это как будто сухая хроникерская запись, а по существу - это работа художника, картина, долго незабываемая..."

* * *

Недалеко от деревни Ямы, разбитой дальнобойной артиллерией и бомбежкой противника, мы разыскали 33-ю гвардейскую дивизию полковника А. Утвенко. Два с лишним месяца без передышки она вела бои за Доном и в междуречье Дона и Волги, отражая атаки немцев, рвавшихся к Сталинграду. Дивизия прославилась своим упорством в бою, стойкостью, смелыми атаками и контратаками. В этой дивизии родился подвиг донецкого шахтера Петра Болото и трех его товарищей у станицы Клетской, которому мы в свое время посвятили передовицу в нашей газете. Мы познакомились с Болото и его товарищами, побывали на красноармейском митинге, записали

все выступления, напечатав в "Красной звезде" полосу "Законы советской гвардии".

Пора было возвращаться в Москву. Темин несколько своих снимков переправил с летчиками в Москву, и они сразу же были опубликованы, но отснятой пленки у него было еще много. Симонов успел съездить к летчикам легкой авиации и потом напечатал очерк "Рус-фанер". Да и мне пора было возвращаться.

На этих самых "рус-фанерах", предоставленных нам командующим фронтом генералом Еременко, вылетели с небольшой поляны у Ям. Мы с Симоновым - в двухместном "Р-5", а Темин - в одноместном "У-2". Только поднялись в воздух, как откуда ни возьмись "мессершмитт". Наш летчик сразу же посадил самолет на полянку, впритык к роще, и мы, быстро выскочив из машины и спасаясь от пуль, спрятались за деревьями. А по другому самолету во время посадки немец полоснул пулеметной очередью. Лететь на нем нельзя было. Переждав немного, мы снова взобрались в "Р-5": летчик, Симонов и я. Темина с грехом пополам запихнули тоже и взяли курс на большой аэродром, а оттуда на "Дугласе" вылетели в Москву.

А теперь надо рассказать о номерах "Красной звезды", вышедших за время нашей поездки в Сталинград.

9 сентября

На юг выехала большая группа наших корреспондентов. Среди них Павел Милованов с Северного фронта. Просидел он на этом фронте год, а затем мы посчитали, что довольно ему там сидеть. Летел он на юг кружным путем, в обход Сталинграда, на военно-транспортном самолете вместе с большой группой работников ЦК партии, направлявшейся в Краснодар. Шли бреющим - на юге наступали немцы, то и дело появлялись их самолеты. За Армавиром летчик заметил пару вражеских истребителей и почти вплотную прижал машину к земле. Возле одной из станиц самолет врезался в берег маленькой речушки. Многие получили травмы. Милованов и командир корабля, пострадавшие меньше других, оказали первую помощь раненым. Двух стрелков и бортмеханика, потерявших сознание, отправили на подводах в ближайшую больницу. Остальных к вечеру на самолетах "У-2" доставили в Краснодар. На аэродроме Милованову наложили повязку на поврежденное плечо и изодранные руки.

- Вот так-то, - горевал Милованов. - На фронте - ни царапины, в тылу ранение.

В Краснодаре корреспондент представился командующему фронтом маршалу С. М. Буденному. Комфроита рассказал корреспонденту о сложившейся на фронте тяжелой ситуации, подвел к карте и показал точку, куда ему следовало отправиться. Как раз в это время из Москвы приехала большая группа краснозвездовцев во главе с моим заместителем Григорием Шифриным. На следующий день первый эшелон штаба фронта отбыл в Армавир. Корреспондентские машины тронулись следом. С ними был и Милованов.

Подъезжая к Армавиру, они увидели на его северной окраине какие-то взрывы. Навстречу им мчится открытый автомобиль с Исаковым, членом Военного совета фронта. Остановился. Адмирал сказал, что к городу приближаются немецкие танки, штаб свертывается и едет обратно.

Шифрин принял решение: рассредоточить корреспондентскую группу. Милованову и Галину предложил выехать в Тбилиси, связаться с редакцией, объяснить обстановку, а затем по Военно-Грузинской дороге добираться в Орджоникидзе. В Тбилиси Милованов вызвал меня по прямому проводу (это было накануне моей поездки в Сталинград). Не помню точно, какое у меня было настроение, вероятно, плохое. С Юга, где развернулись ожесточенные бои, нет материала, ничего не прислал и Милованов, который был послан туда для усиления группы спецкоров. И вдруг он оказался в Тбилиси, в глубоком, как мы считали, тылу. Не стал я его долго слушать, не запомнил, что именно продиктовал бодистке. Скоро я забыл об этом, а вот Милованов хорошо запомнил:

- Видно, под горячую руку редактора мы попали. Поругал он нас основательно и в порядке наказания понизил меня в должности, послал корреспондентом в 9-ю армию, оборонявшую Моздок и Орджоникидзе, да еще предупредил, что, если в ближайшие дни не пришлю материал, буду назначен корреспондентом в дивизию. Галину приказал выехать со мной.

Рассказывая об этом, Милованов не без подначки заметил:

- Вот какой был грозный разговор. Мы только пожали плечами, ибо никакой вины за собой не чувствовали, и с охотой поехали туда, куда мы и сами собирались поехать. Наши планы и его наказание совпали...

Не знаю, подействовало на Милованова строгое внушение, но думаю, что не это было главным. Но вот сегодня мы убедились, что на Северо-Кавказском фронте, на одном из его решающих участков, появился боевой корреспондент. О том, как Милованов добывал материал о боях за Моздок, хочу рассказать подробнее.

Командующий 9-й армией генерал К. А. Коротеев

обрадовался, что в его армии будет постоянный корреспондент центральной военной газеты. Правда, командарм не знал подоплеки назначения Милованова к нему и считал это назначение знаком особого внимания к его войскам: 9-я армия стояла на главном направлении фронта. Он радушно принял корреспондента и посоветовал ему прежде всего съездить под Моздок.

- Там дерется корпус Рослого, - сказал он. - Это герой штурма линии Маннергейма...

Из штаба корпуса Милованов отправился в батальон, наиболее отличившийся в первых оборонительных боях на Тереке у Моздока. Батальон вел тяжелый бой, прикрывая отход наших частей через Терек. Убило командира. Командование батальоном взял на себя комиссар Григорий Фельдман. Спецкор к нему:

- Мне надо срочно собрать материал о героях боев за Моздок.

Комиссар посмотрел на него с удивлением:

- До разговоров ли сейчас? Видите, что творится. Отправляйтесь, пока не поздно, обратно, на тот берег и ждите нас там.

Но Милованов остался в батальоне и переправился через Терек вместе с Фельдманом на последней лодке. Узнав об этом, генерал Рослый сделал выговор комиссару батальона, но в душе он, видимо, одобрял корреспондента. Об этом я узнал спустя много лет после войны, прочитав его книгу воспоминаний "Выстоять и победить". Там написано:

"Специальный корреспондент "Красной звезды" майор Милованов находился в третьем батальоне, когда шел бой за Моздок. Одним из последних - вместе с комиссаром Фельдманом - майор уходил из города и написал статью "Стойкая оборона гвардейцев", в которой описан героизм третьего батальона".

* * *

Опубликован очерк братьев Тур "Колосья в крови", посвященный героизму колхозников прифронтовых деревень и станиц. В разгар рабочего дня над колхозным полем появился немецкий самолет и стал разбрасывать листовки. В них было написано: "Мужики и бабы! Германское командование запрещает вам убирать урожай. Если вы не выполните это распоряжение, то вы и ваши деревни будут стерты с лица земли". Наутро все село вышло в поле. Немцы открыли артиллерийский огонь по полю и селу. Снарядом убило колхозницу. Ее похоронили и ночью продолжали уборку. Впереди колхозников шли с косами бойцы стоявшей рядом боевой части.

12 сентября

3 сентября в сводках впервые появился Новороссийск. Через три дня сообщение о том, что бои идут в районе города, а сегодня - об оставлении Новороссийска. Но с этим сообщением в Генштабе поторопились. Когда вызвали по прямому проводу наших корреспондентов и спросили, почему ничего не передают об оставлении Новороссийска, они ответили: за город еще идут бои, немцев остановили у цементного завода. Дальше противник не смог продвинуться ни на шаг. Кстати, в этом я сам убедился, побывав в городе в апреле сорок третьего года. И об этом, забегая вперед, мне хочется рассказать.

Выезжал я тогда на Северо-Кавказский фронт, в Краснодар, а затем отправился в 18-ю армию. Первая остановка была в Геленджике, где расположилась редакция армейской газеты "Знамя Родины". Вместе с редактором газеты Владимиром Верховским и начальником отдела фронтовой жизни Иваном Семиохиным мы отправились в Новороссийск, на цементный завод "Октябрь". Там и стояли друг против друга наши и вражеские войска. Важным опорным пунктом обороны был "Сарайчик", расположенный совсем близко, в двадцати метрах от немецких позиций. Сколько раз противник пытался взять его штурмом, сколько выпустил туда снарядов и мин - не счесть, но не удалось ему сломить его защитников. Держал здесь оборону 1339-й полк. Я и решил посмотреть "Сарайчик", встретиться с его героическим гарнизоном.

В провожатые мне дали Семиохина. Этот высоченный, могучего телосложения майор здесь, на "Октябре", часто бывал и знал все ходы и выходы. В "Сарайчик" можно было добраться только ночью. Напялили мы на себя плащи, такие, в которых ездят на рыбалку, и поползли.

"Сарайчик" оказался совсем не сараем, а трансформаторным узлом, огражденным мощной бетонной стеной. "Сарайчик" было его кодовым названием. Познакомились с бойцами гарнизона и их командиром лейтенантом Мирошниченко. Мы увидели боевых, веселых ребят. Вели они себя спокойно, достойно, хотя опасность подстерегала их каждую минуту. Но к ней уже притерпелись, если вообще можно притерпеться к разрывам снарядов и пулеметным очередям. А когда зашла речь об опасности, один сержант с черными, словно нарисованными усиками сказал:

- Бояться? Так и немец боится. Кто больше - вот вопрос! Мы же на своей земле, а они в гостях...

Взвод дежурил неделю, а затем приходила смена. Так уж водится на войне: считают дни, часы, а напоследок и минуты. И они не были исключением, лейтенант объяснил:

- Там, на 9-м километре, в полку, спокойнее, а потом, баня и

пища погорячей, и песни, а у кого и девчата...

Понравилось мне, что люди не рисовались, не говорили, что им все нипочем, а несли фронтовую службу, как положено.

Возвращались мы тоже в темноте. Немцы вели редкий минометный огонь по заранее пристрелянным ориентирам. Снова поползли, но все обошлось. Когда вернулись в Геленджик, сказал своему спутнику:

- А говорили, что страшно...

Семиохин парировал:

- Конечно, раз нас не убило, теперь не страшно...

* * *

Появилось сообщение Совинформбюро: "Наши войска вели упорные бои с противником в районе Синявино". Что это за бои? Кто наступает и кто обороняется? Какие задачи стоят перед нашими войсками? Увы, никаких официальных разъяснений нет. Несколько проясняет обстановку репортаж спецкоров "Атаки наших войск в районе Синявино". Значит, наступают не немцы, а войска Волховского фронта. Синявино фигурировало еще три дня, а затем исчезло из сводок Совинформбюро. Да и в "Красной звезде" были еще два репортажа, и на этом все кончилось. Если говорить откровенно, почти никогда в газете не освещались так блекло боевые операции. Здесь и подтекста, на который мы порой уповали, не было. А ведь это было наступление двух фронтов - Волховского и Ленинградского, имевшее далеко идущие цели: прорыв блокады Ленинграда. Ленинградский фронт в публикациях вообще не назван; сейчас не могу объяснить - почему.

Из-за недостатка сил фронты не смогли выполнить задачу. Правда, своими активными действиями они сковали на синявинском участке фронта силы врага, заставили его бросить сюда свои резервы, чем облегчили положение наших войск на Юге.

Но об этом в газете тоже ни слова.

* * *

Еще до отъезда в Сталинград я получил письмо Николая Тихонова. "...Мы очень болеем душой, - писал он, - за то, что делается на юге. И то сказать: проклятый немец забрался в Новороссийск, к Грозному, у Прохладной. Я написал статью "Слава Кавказа" о былом, о военном прошлом тех мест. Пригодится ли Вам эта статья? Мне очень хотелось бы ее увидеть у Вас. Напишите, какие кавказские темы Вас интересуют. Так как дела там будут идти осень и зиму, то и в материале кавказском газета будет нуждаться..."

Истый ленинградец, Тихонов потерял покой, когда немецко-

фашистские войска прорвались на Юг. Кавказ - старая любовь Николая Семеновича. "Если бы не Ленинград, - писал он мне, - с которым меня связала судьба, я, конечно, поехал бы сейчас на Кавказ, в места, дорогие моему сердцу, чтобы принять участие в событиях, которые разыгрываются там с такой драматичностью. Мог ли кто подумать, что Кавказские горы увидят немцев? Ну, ничего не поделаешь... Надо драться с немцем всюду, где он есть. Иного выхода нет".

В те дни Тихонов незримо стоял в одном ряду с защитниками Кавказа, воюя за Кавказ своим разящим, как острый меч, писательским оружием.

Такой была и его статья "Слава Кавказа", опубликованная в сегодняшнем номере газеты. Начинается она так:

"Я слышу глухой раскат орудий, я вижу красные вспышки в темноте сентябрьской ночи. Это бьют наши морские и сухопутные орудия по немецкой нечисти, окопавшейся у ворот Ленинграда. Но сквозь этот гул я слышу далекий рев канонады над предгорьями Кавказа, сквозь зарева залпов сквозят зарева пожаров - горящих станиц и селений над бурными водами Малки, Баксана и Терека..."

Как прекрасно знал Тихонов Кавказ, героическую историю его народов. Эту историю он рассматривал как духовный фундамент нашего сопротивления. "Вот она, прошлая слава Кавказа! Она ударяет в сердце бойцов всех племен и народов прекрасного края. Она зовет на подвиг. Она говорит о том, как нужно бить смертельного врага... Как бы ни была тяжела борьба, народы Кавказа не посрамят чести своих героев, своих могучих отцов и дедов".

Надо ли объяснять, что значило слово героического Ленинграда для защитников Кавказа?!

Это понимали все, а Тихонов написал мне: "Только что узнал, что "Слава Кавказа" напечатана в "Красной звезде". Страшно обрадовался этой вестью".

Опубликована корреспонденция Павла Трояновского "Пулеметная точка". Есть в корреспонденции такой эпизод:

Немецкий горнострелковый полк накапливался для наступления. Вскоре первая группа гитлеровцев атаковала роту лейтенанта Прошака. Она расположилась несколько впереди и в стороне от пулеметной "точки" Евсеева. Когда на роту пошли немцы, лейтенант Прошак покинул свой полк и сбежал. Рота без командира оказала врагу некоторое сопротивление, но затем стала отходить.

А пулеметная "точка" Евсеева продолжала вести огонь, отбивала одну атаку за другой. Ранен наводчик, ранен подносчик

патронов, но не умолкала пулеметная "точка", выдержала натиск врага до подхода подкрепления. А через несколько дней военный трибунал вынес суровый приговор Прошаку, открывшему врагу дорогу. Конечно, нелегко было Трояновскому писать об этом.

Нелегко было и нам печатать. Но молчать нельзя. Мы не ссылались на приказ № 227, но в войсках понимали, что надо непреклонно следовать ему, если мы хотим остановить врага, отстоять Родину.

16 сентября

Сталинград и Кавказ - этим заполнены сейчас страницы газеты. Им посвящены публикующиеся одна за другой передовицы. В передовой "Борьба с танками в ближнем бою" есть такие строки: "Все помыслы, энергия, умение бронебойщиков, всех бойцов, вооруженных гранатами и бутылкой, должны быть направлены не на то, чтобы спасаться от танка, а на то, чтобы активно искать его и уничтожить..." Статья напоминает, что с "танкобоязнью" все еще не покончено.

Должен сказать, что особенность передовых сегодняшнего дня - прямой и бескомпромиссный разговор. Особо выделяется передовая "Умело совершать аэродромный маневр", написанная Николаем Денисовым и присланная в газету с Юга.

Известно, что немецкое командование придерживается тактики сосредоточения большой массы самолетов на тех направлениях, где их войска готовят или совершают глубокий прорыв. Парирование и срыв вражеских планов, воздействие с воздуха невозможны без аэродромного маневра. А между тем всегда ли быстро наши авиационные командиры и начальники обеспечивают широкий аэродромный маневр?

На это отвечает Денисов прямо и откровенно:

"Некоторые командиры порой крайне неохотно идут на то, чтобы перебазировать часть своих авиационных сил на тот участок фронта, где в это время ощущается острая необходимость в более сильной поддержке с воздуха. В результате получается, что авиачасти, привязанные к одним и тем же аэродромам, теряют свои основные качества - скорость и дальность воздействия на врага. Тем самым маневренность авиации сковывается и замыкается в узкотактический круг. Стоит ли говорить, что подобное использование воздушных сил несовместимо с их основным оперативно-тактическим назначением - быть там, где решается судьба сражения".

Я знаю, что эта передовица без следа не прошла. В штабе

Военно-Воздушных Сил даже начали выяснять: где это все было и происходит. Отправился в штаб ВВС Денисов и выложил им все факты, которых у него было предостаточно...

Своевременной была передовая статья "Истощить и обескровить врага". Главная ее мысль, сформулированная в заголовке, относилась не только к тем войскам, которые ведут оборонительные бои на Юге страны, но и к тем участкам фронта, где царит затишье. Не мириться с затишьем, а наносить врагу ежедневно, ежечасно урон в людях и технике. Эти потери врага сказываются и на горячих фронтах. Сидеть и бездействовать там, где враг не активен, значит играть последнему на руку, помогать ему малыми силами сковывать наши части на большом протяжении фронта.

Вычитывая эту передовую, я невольно вспомнил один эпизод в Сталинграде, у поселка Рынок. Был я там в одной из рот бригады Горохова. Метров триста-четыреста отделяли позиции немцев от наших. Видно было, как немцы открыто, словно на прогулке, во весь рост ходят по переднему краю. Никто из наших не стрелял. Я взял винтовку у стоявшего рядом со мной в окопе бойца. Пытался открыть затвор - его заклинило песком. Проверил другую - то же самое. Спросил:

- Давно стреляли?

- Дня два.

- Почему?

- Так и немец не стреляет.

А потом подошел к пулеметчику. Тот же вопрос. Тот же ответ. Словом, устроили "перемирие". Здесь существенна не только тактическая, но и моральная сторона дела. Ее и выразил Симонов в своих стихах "Убей его!": "Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей!"

Много важного узнали наши летчики, да и не только они, из статьи "Тактика немецких асов". В ней рассказывается о том особом значении, которое немецкое командование придает асам в борьбе за господство в воздухе. Об их тактике, сильных и слабых ее сторонах. И о том, как наши летчики сражаются с этими опытными пилотами. В частности, говорилось о том, как был сбит известный фашистский ас Мельдер, занимавший пост начальника немецкой истребительной авиации.

Были и у нас асы. Время от времени публиковались материалы об их боевой работе. На днях появилась подвальная статья "О советских асах". В ней рассказывалось об их боевом искусстве и одновременно подвергались серьезной критике те командиры, которые неправильно используют асов, недооценивают этих мастеров воздушного боя.

Надо сказать, что на этот счет у нас была дискуссия с работниками командования Военно-Воздушных Сил армии. Они считали, что негоже нам подражать немцам и пользоваться их же терминологией. Не раз Денисов, возвращаясь из штаба ВВС, жаловался, что опять, мол, за этих "асов" работники штаба прямо-таки берут его в штыки. Словом, я посчитал, что решить этот спор может лишь Верховный Главнокомандующий, и в одном из своих писем среди других задал вопрос:

"Красная звезда" напечатала ряд статей о воспитании советских асов. Некоторые работники ВВС возражают против слова "ас", мотивируя это тем, что такое название имеется у немцев. Мы же продолжаем называть специальных летчиков общепринятым во всем мире названием "ас".

Права ли редакция "Красной звезды", или правы некоторые работники ВВС?"

Ответ пришел сразу. Сталин поддержал нашу точку зрения.

* * *

Нельзя обойти вниманием и статью генерал-лейтенанта Н. Кириченко "Боевые традиции казачьих полков". Напомню, что этому прославленному корпусу и его командиру была в свое время посвящена передовая статья. Но в передовой все было завуалировано: корпус был обозначен как "казачья часть", район его боевых действий "юг" и т. п. А теперь все названо своими именами. Читатель узнал, что это 4-й гвардейский кавалерийский корпус, что бои, где он одержал победу, происходили под станицей Кущевской и что сам командир не просто генерал, а генерал-лейтенант.

Кириченко подробно рассказал о секрете успехов корпуса, о правильном выборе направления главного удара, об искусстве вводить противника в заблуждение, или, как он писал, "обманывать врага". Приведу одну выдер?кку из его статьи, характеризующую тактику казаков:

"Надо было обманывать врага, ни в коем случае не раскрывая истинной своей группировки. Задача разведки, боевого охранения и передовых отрядов нередко заключалась в том, чтобы искусным маневром мелких подразделений, составленных из лучших, наиболее смелых и опытных людей, создать у противника представление, будто здесь группируются и действуют наши главные силы. В результате противник избирал ложное направление и нацеливал удар по пустому месту. Тем временем наши главные силы незаметно накапливались и внезапно нападали на врага с фланга или с тыла, уничтожая его по частям".

Большое значение, замечает автор, имеет и выбор местности. Разумеется, завязывать бой на открытой равнине с противником,

располагающим большим количеством танков, бронемашин и мотопехоты, не целесообразно. Используя преимущество в броне, немцы имели возможность на открытой местности обойти наши части и навязать им бой в сложных условиях. Поэтому условия кавалерийского боя требовали избирать местность, невыгодную для противника. Река, овраги, населенные пункты с речкой, болотистая низина, вблизи которой есть луг и овраг, покрытый лесом, - вот что удовлетворяло наших командиров, организующих бой...

И такой университет прошел корпус в критические дни сражений на Юге.

Поскольку речь зашла о конниках, нельзя не обратить внимание на статью командующего кавалерией Красной Армии генерал-полковника О. И. Городовикова, прославленного героя гражданской войны, "О некоторых вопросах боевого применения конницы". За год с лишним боевых действий нашей кавалерии было что рассказать. Уже выявились крупные фигуры кавалерийских военачальников: Белов, Доватор, Кириченко, Крюченкин. Кавалерийскими корпусами были проведены значительные операции. Стало ясно, что в условиях современной войны, насыщенной моторами и автоматами, кавалерия должна действовать иначе, чем в годы гражданской войны. Городовиков рассмотрел и ошибки, которые допускают некоторые кавалерийские командиры, например, отрыв от своего тыла, от общевойсковых соединений и т. п.

Об этой статье я вспомнил и позже и вот в связи с чем. Во время одной из бесед с комиссаром Генштаба Боковым зашел у нас разговор о публикациях "Красной звезды", посвященных кавалеристам. Никаких претензий у Ставки к ним не было. Но тут же Боков предупредил меня:

- Смотри не размахнись, не загибай...

И рассказал историю. Командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев, увлеченный, очевидно, успехами корпуса Кириченко, обратился в Ставку с предложением преобразовать его в конную армию, наподобие тех конармий, что были в гражданскую войну. Доложил Боков Сталину. Верховный заинтересовался и сказал комиссару:

- А в самом деле, не создать ли нам конармии?..

И предложил обсудить этот вопрос с работниками Генерального штаба. А там предложение Тюленева не получило поддержки. Генштабисты посчитали, что в нынешнюю войну такие громоздкие формирования будут крайне уязвимы и с земли и с воздуха. Снова доложили Сталину. Решили все оставить по-старому. Корпус, дивизия - вот предел кавалерийских

формирований.

Вернувшись после разговора с Боковым в редакцию, я внимательно перечитал опубликованную недавно статью Городовикова. Ока Иванович довольно трезво оценил возможность кавалерии еще до разговора Сталина с Боковым: прожектерства в его статье не было...

* * *

В этом же номере напечатали статью "Бой на окружение". Статья тактического и даже оперативного характера. Сейчас не могу вспомнить, каким образом этот трехколонник попал на вторую страницу газеты. Он был бы к месту в дни, скажем, нашего контрнаступления под Москвой, мог бы пригодиться позже, хотя и не скоро. Но ныне, когда наша армия отступает, ведет оборонительные бои, не ко времени мы ее напечатали, она могла вызвать лишь недоумение у наших читателей. И такое случалось в нашей газетной жизни: что-то мы делали невпопад.

* * *

Илья Григорьевич время от времени приносил мне вырезки из немецких газет, радиоперехваты, листовки гитлеровцев, посвященные... ему. Они не только вызывали хохот у нас, но были свидетельством, что удары писателя точно попадали в цель. В одной из немецких статей было, например, написано, что наш худющий Эренбург "толстый, косой". В другой - что он очень кровожаден и что в Испании он похитил музейные ценности на 15 миллионов марок и продал их в Швейцарии. В третьей - что он каждый день бывает у Сталина и составил для него план уничтожения Европы, назвав его "Трест Д. Е.", что он хочет превратить в пустыню все земли, лежащие между Одером и Рейном, призывает насиловать немок и убивать немецких детей...

А однажды Эренбург принес зловещую немецкую книжку, переведенную на русский язык и распространявшуюся на оккупированной территории. В ней были перечислены имена советских работников, которые должны быть уничтожены, если попадут в руки фашистов. Среди них и Илья Григорьевич. Между прочим, там я увидел и свое имя.

Я, кажется, увел читателя в сторону. Вернусь к сегодняшнему номеру, в котором Эренбург опубликовал статью "Фрицы о фрицах". Большая статья, на три колонки. Илья Григорьевич объясняет: "Я часто писал о немецкой армии. Мои статьи могли показаться чрезмерно страстными. Сегодня я дам слово самим немцам: пусть фрицы нам расскажут о фрицах".

Писатель извлек из своего мешка письма немцев домой и письма из дома, найденные у убитых, а также в разгромленных вражеских штабах. Пусть читателя не смутит этот "мешок". Он

действительно был. Дело в том, что в нашу редакцию на имя Эренбурга каждый день приходили с фронта пачки писем и к ним часто прилагались трофейные документы. Их было так много, что нашим экспедиторам пришлось завести специальный мешок. И вот сегодня - любопытная подборка из немецких писем с вкрапленными саркастическими комментариями Эренбурга.

Лейтенант Карл Шпанде, например, ругает нашу артиллерию: "Эта "чертова пушка" уже погубила сотни тысяч немцев. У меня от нее сделалось нервное заболевание, тик и спазмы". Фельдфебель Карл Мауер, самолет которого был сбит нашим летчиком, возмущенно говорит: "Таран - недостойный прием". Ефрейтор Ганс Крамер пишет: "Когда у нас кричат, что летит "железный густав", я хочу помолиться и не могу - зуб на зуб не попадает". Танкист Шаллер негодует: "У русских завелись какие-то свинские ружья, они пробивают любую броню. Можно сойти с ума от этакого угощения".

А вот и другие письма - злобные, изуверские. Лейтенант Клейст: "Вчера мы повесили двух мерзавок, и стало как-то легче на душе. Если оставить хотя бы одну семью, они разведутся и будут нам мстить"...

"Такова немецкая армия, - заключает Илья Григорьевич, - тупая, наглая, хорошо дисциплинированная, но лишенная подлинного мужества, хорошо организованная, но не имеющая внутреннего единства, снабженная вооружением, но не идеалами, способная побеждать, но не способная победить".

И вновь Эренбург обращается к тому, что писал еще раньше:

"Конечно, есть и в этой армии отдельные люди, мыслящие и чувствующие, но это единицы среди миллионов, божьи коровки на спине взбесившегося слона". А отсюда вывод: "У нас нет времени и охоты заниматься божьими коровками. Мы должны пристрелить взбесившегося слона".

Теперь о "чрезмерной страстности" в статьях Эренбурга. Да, в них бушевал пламень ненависти к фашистам. Его статьи, обнажавшие всю мерзость, чудовищные преступления, гнусное лицо гитлеровцев, с одобрением встречали наши воины. Конечно, они вызывали озлобление фашистских заправил.

22 сентября

В сводках по-прежнему: "Наши войска вели ожесточенные бои с противником в районе Сталинграда".

Немцам удалось прорваться в город. Идет кровопролитное сражение на улицах. Ареной ожесточенных боев стали дома,

сараи, трансформаторные будки. Особенно жаркие схватки происходят за перекрестки улиц: они решают судьбу трех-четырех кварталов. Враг направляет сюда удары своей авиации, артиллерийский и минометный огонь, танки. Затем начинают просачиваться мелкие группы автоматчиков.

Обстановка в городе все более и более накаляется, и казалось, нашим частям не выдержать натиск врага, не считающегося ни с какими потерями. Но в те дни через Волгу переправилась на помощь сталинградцам 13-я гвардейская дивизия генерала Родимцева. Ночью она вступила в бой, очищая одну улицу за другой. Однако положение по-прежнему напряженное.

Вот вкратце то, что добавили наши спецкоры к сводке Совинформбюро в корреспонденции "На улицах Сталинграда".

* * *

Дал о себе знать Савва Дангулов, выехавший на Северный Кавказ по просьбе К. Е. Ворошилова. Путь туда был не простым: он сам по себе говорил о том, как далеко проник враг, сколько захватил нашей земли. Корреспондент обогнул с востока Сталинград, сделал короткую остановку в Гурьеве и, пройдя над Каспийским морем, сел в Баку, а потом уже из Тбилиси направился на Северный Кавказ. Когда потом Дангулов рассказал, каким маршрутом добирался, наши сердца наполнились горечью. Невольно вспомнились слова разведчика Школенко, с которым мы с Симоновым беседовали под Сталинградом: "Далеко он нас допятил..."

Дангулову, можно сказать, повезло, он оказался в городе, в котором жил до переезда в Москву. Кроме того, авиационную часть, в которую он направился, возглавлял генерал Шевченко, добрый знакомый Саввы Артемьевича. Он помог корреспонденту встретиться с летчиками полка, который незадолго до этого перебазировался на Северный Кавказ из Севастополя. Возглавлял полк осетин Ибрагим Дзусов, герой Севастополя. Судьбе было угодно, чтобы в час опасности полковник Дзусов оказался в родных горах. Так возник очерк Дангулова "Горные орлы".

"Горные орлы" - это не просто очерк о подвиге сына Осетии, для которого защита родной земли завещана предками и освящена их мужеством. Это очерк о духовной стойкости нового человека, которому одинаково дороги Севастополь и родной Неслан, который сражается за всю советскую землю.

Героем второго очерка Дангулова был летчик-кабардинец Кубати Карданов, человек необыкновенной отваги. В момент, когда Дангулов разговаривал с ним на полевом аэродроме в предгорьях Кавказа, родное село Карданова было под немцами.

Карданов остро переживал это и, отправляясь в очередной полет, шел к родному селению и облетал его. "Я хочу, чтобы меня видели там, - сказал Карданов корреспонденту. - Пусть знают: в это тяжелое время Карданов с ними".

Главное внимание мы уделяем наиболее значительным материалам, посвященным гигантской битве на Юге страны. Но в каждом номере газеты были и небольшие заметки, хроника фронтовой жизни. В них тоже шла речь о подвигах советских воинов. Я приводил такие эпизоды. Дополню их.

Северо-Западный фронт. Заголовок "Бессмертный подвиг разведчика Медведева". Анатолий Медведев огнем из автоматов сдерживал немцев. Но вот иссякли патроны. Осталась противотанковая граната, и, когда гитлеровцы приблизились к нему, он взорвал ее. Герой сам погиб, но унес с собой в могилу и фашистов.

Брянский фронт. "В горящем танке на врага". Тяжелый танк политрука Дедюхина ворвался на позиции немцев. Огнем и гусеницами поражал врага. Но и сам попал под огонь вражеской пушки. Один из снарядов угодил в танк, он загорелся. Командир танка остановил машину, из люка успел выскочить только стрелок-радист сержант Власов. Новый снаряд ударил в люк и заклинил его. Теперь невозможно было выбраться из машины. И пылающий танк снова пошел в бой. Заработали пушка и пулемет. До последнего дыхания дрался с врагами героический экипаж.

Сталинградский фронт. "Подвиг 16 гвардейцев под Сталинградом". Младший лейтенант Кочетов с 15 бойцами 40-й гвардейской дивизии получили приказ занять высоту у хутора Дубового и держать ее до подхода подкреплений. Горсточка гвардейцев пять раз была атакована ротой немцев. Но атаки врага были отбиты. Разъяренный сопротивлением наших воинов, противник на рассвете следующего дня бросил около батальона пехоты с 12 танками на окопы гвардейцев. Доблестно отбивались гвардейцы. Но ряды их таяли. Из шестнадцати осталось четыре бойца. Иссякли патроны, остались ручные гранаты. Когда танки подошли к окопам, гвардейцы, опоясав себя гранатами, бросились под них.

А теперь должен признаться, что о подвиге шестнадцати гвардейцев мы сообщили читателям с большим опозданием. Событие произошло 16 августа, а заметку об этом напечатали через месяц. Рассказ о героях мы услышали в Сталинграде от генерала Москаленко: 40-я дивизия входила в состав его армии. Он сказал тогда мне и Симонову не то с упреком, не то с сожалением:

- Был у нас подвиг такой, как у разъезда Дубосеково. А вы,

ваши корреспонденты о нем - ни слова.

Мы решили, что Симонов напишет о них очерк. Но, увы, дивизия уже выбыла из состава армии и ничего дополнительно узнать мы не смогли. И только через тридцать лет маршал К. С. Москаленко в своей книге "На Юго-Западном направлении" подробно рассказал об этом подвиге и назвал имена всех героев...

26 сентября

Три месяца идут ожесточенные сражения на Юге страны. Сюда - к Сталинграду и Северному Кавказу - привлечено сейчас внимание всей Советской страны, всего мира. Естественно, что страницы газеты заполнены материалами об этих боях. Прежде всего хотелось бы выделить опубликованную сегодня передовую статью "Значение боев на Юге". В какой-то мере она напоминает известную передовицу октября сорок первого года "Значение боев за Москву", напечатанную в "Красной звезде" в критические дни битвы за столицу. Та была результатом моей беседы в Перхушкове с Г. К. Жуковым, а в этой многие строки возникли в результате встречи с начальником Генштаба А. М. Василевским.

А встретился я с Александром Михайловичем в Ставке, когда он ненадолго приехал из Сталинграда в Москву. Времени, понятно, у него было в обрез, но, зная его внимание и доброе отношение к нашей газете, я все же попросил совета по некоторым, как я считал, важным вопросам.

Беседовать с Василевским всегда было полезно и интересно. Говорил он неторопливо, тихо, даже суховато, будто каждое слово взвешивал, но очень четко. Скромный по натуре, он никогда не говорил "я считаю", "по-моему", а вместо этого - "В Генштабе считают", "Мнение Ставки", хотя явственно следовало, что он высказывал именно свои мысли, соображения, выводы. Ни разу в беседе со мной он не ссылался на Сталина, как, впрочем, и Жуков.

О чем я спрашивал Александра Михайловича? Меня интересовало, как он оценивает обстановку на фронтах в эти дни, какие задачи наших войск считает первостепенными. Был у меня и такой вопрос: можно ли сказать, что угроза для нашей страны по сравнению с кризисными днями битвы за Москву не меньше, а больше?

Ответы на эти вопросы и нашли отражение в передовой. Приведу те места из нее, которые были записаны мною в беседе с Василевским:

"Летнее наступление немцев в 1942 году создало новую

величайшую угрозу для Советского Союза...

Немецко-фашистские войска благодаря огромным потерям, которые они понесли, и благодаря усилившемуся сопротивлению советских войск наступают теперь гораздо медленнее, чем это было в первые дни прорыва на Юге летом 1942 года. На отдельных участках враг остановлен и вынужден был перейти к обороне. Но только неумные люди могут успокоиться этим и хотя бы на минуту забыть, что угроза Советскому Союзу сейчас не уменьшилась, а увеличилась. Враг еще продолжает наступать и в ряде районов продвигается... Отступать дальше некуда".

Были в передовой и такие строки, тоже навеянные беседой с начальником Генштаба:

"Отстояв Сталинград и Северный Кавказ, вконец истощив и отбросив врага, мы добьемся многого. Немцы не получат нефть, к которой рвутся, не считаясь ни с какими потерями. Им придется перенести новую жесточайшую зиму в тяжелых условиях безлесных приволжских и донских степей. Они будут лишены выгодного плацдарма для дальнейшего наступления, и, наоборот, в наших руках останется выгодный плацдарм, с которого мы сможем нанести немцам мощный ответный удар".

В те дни, когда публиковалась эта передовая, в Ставке созревал план нашего контрнаступления под Сталинградом. Конечно, я этого не знал и не мог знать. Операция готовилась в строжайшем секрете, и, как вспоминал Василевский, ему и Жукову Верховный приказал никому об этом не говорить, даже членам Государственного Комитета Обороны. Но позже, когда этот секрет для меня открылся, я понял, что имел в виду начальник Генштаба, когда говорил о "мощном ответном ударе"...

* * *

Со всех концов страны поступают в редакцию обращения, призывы, наказы защитникам Сталинграда. Один из них, который напечатан под заголовком "Ни шагу назад!", подписан: "И. Папанин, дважды Герой Советского Союза". Надо ли объяснять, что значили для наших воинов слова любимца народа, героя покорения Северного полюса!

Опубликовано также обращение участников Царицынской обороны к защитникам Сталинграда. Оно зачитывалось в ротах, на красноармейских митингах. Воины, отвечая на этот призыв, заявляли, что будут сражаться до последнего дыхания, отстоят Сталинград.

Позже я узнал, как родился этот важный документ. Мысль об обращении участников Царицынской обороны, как мне рассказал Высокоостровский, возникла у Коротеева. Пошли они вместе в Военный совет фронта, к Хрущеву. Он сказал:

- Хорошо. Но где найти участников Царицынской обороны?

И действительно, с конца августа все сталинградские рабочие, которые могли носить оружие, влились в состав 62-й армии и сражались на переднем крае. Многие вышли из строя, найти их нелегко. Тем не менее Хрущев поручил работникам обкома партии вместе с корреспондентами "Красной звезды" объехать дивизии и разыскать участников Царицынской обороны. Нашли их...

* * *

Алексей Сурков привез стихотворение "В летний день" печальные, полные горечи строки:

Жарища жаждой глотку обожгла,
Скоробила рубаху солью пота,
По улицам притихшего села
Проходит запыленная пехота.
Вплетенные в неровный стук подков,
Шаги пехоты тяжелы и глухи.
Зажав губами кончики платков,
Стоят у тына скорбные старухи.
Стоят, скрестив на высохшей груди
Морщинистые, старческие руки.
Взгляни в глаза им. Ближе подойди.
Прислушайся к немому крику муки.
Неотвратимый материнский взгляд
Стыдом и болью сердце ранит снова.
Он требует: - Солдат! вернись назад,
Прикрой отвагой сень родного крова!
- Остановись, солдат! - кричит земля
И каждый колос, ждущий обмолота...
Тяжелыми ботинками пыля,
Уходит в поле из села пехота.

Прочитал я стихи и спросил Суркова:

- Почему осенью вдруг "летний день"?

Алексей Александрович ответил вполне резонно:

- А это чтобы ближе к приказу 227. Другого заголовка и не надо.

Был у меня в это время Симонов. Я возьми и скажи ему:

- Костя, на, прочитай, стихи Суркова. Он вроде бы спорит с тобой. У тебя старуха (речь идет о стихотворении "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины". - Д. О.) говорила, мол, идите, родимые, мы вас подождем, а здесь твердо и решительно: "Остановись, солдат!"

Симонов не без юмора ответил:

- А наши деревенские старухи неплохие стратеги. Они знали, когда надо было отступать, а когда остановиться. Видно, и бабки читали приказ 227...

Октябрь

1 октября

Ни на один день не утихают кровопролитные, ожесточенные сражения в Сталинграде и на Кавказе. Об их напряжении говорит каждая строка репортажа нашего сталинградского корреспондента Высокоостровского. Он рассказывает: наращивает свои удары вновь прибывшая немецкая танковая дивизия. Над заводской частью города непрерывно нависают 50-70 самолетов противника. Вышибленные с Мамаева кургана, немцы вновь атакуют эту высоту. Городские здания и перекрестки улиц переходят из рук в руки, на некоторых врагу удалось закрепиться.

Сражениям в Сталинграде и на Юге посвящен весь номер газеты. Обращает на себя внимание статья секретаря Сталинградского обкома и горкома партии, председателя Городского комитета обороны города А. С. Чуянова. Эту статью я просил его написать, когда был в Сталинграде. Чуянов дал согласие, но сказал, что сделает это немного позже.

Когда мне принесли сверстанную подвальную статью Чуянова, я увидел, что авторский заголовок "Сталинград в эти дни" зачеркнут и поставлен другой: "Город-Герой". Эту замену произвел Карпов. Конечно, никто из нас не думал, что придет время и Сталинграду присвоят звание "Город-Герой", наградят медалью "Золотая Звезда". Но одно было для нас ясно. То, что мы с Симоновым увидели в Сталинграде и что каждодневно сообщали спецкоры, давало основание назвать город героем.

Статья действительно рассказывает о героических свершениях сталинградцев, об их боевом и трудовом подвиге. Но вот некоторые строки заставили меня задуматься. "В те дни, - писал Чуянов, - когда враг подходил к городу, товарищ Сталин позвонил нам по телефону и сказал, что надо бороться с паникерами, которые могут погубить дело". О какой панике идет речь? В статье не объяснено. Но я-то знал, в чем дело. Рассказал мне об этом генерал Еременко в одной из наших бесед на его КП. В те дни, когда немцы прорывались к Сталинграду, у него собрался Военный совет фронта. Готовили донесение в Ставку. Городские руководители поставили вопрос о необходимости эвакуации некоторых предприятий за Волгу, подготовке к взрыву ряда других. Еременко позвонил в Ставку, доложил Сталину о резком ухудшении обстановки на фронте. Заодно комфронта сказал Сталину о предложениях городских руководителей. Ответ

Сталина был категоричен:

- Я не буду обсуждать этого вопроса. Следует понять, что если начнется эвакуация и минирование заводов, то это будет понято как решение сдать Сталинград. Поэтому ГКО запрещает эвакуацию и подготовку к взрыву предприятий...

Вот что стояло за словами Чуянова о борьбе с паникой. Но мы в газете не стали это уточнять...

* * *

На первой полосе сегодняшнего номера газеты опубликовано письмо воинов 13-й гвардейской дивизии генерала А. И. Родимцева. Это ответ на обращение царицынцев. Есть в этом письме высокие слова: "Умрем, но отстоим Сталинград". О верности своему слову свидетельствуют подвиги гвардейцев. О них рассказывает передовая "Герои Сталинграда".

"Так защищают Сталинград, так бьются за Родину гвардейцы, которыми командует генерал-майор Родимцев. Вглядываясь в их лица сквозь кровавое марево пожарищ, окутавших Сталинград, сквозь дым разрывов и тучи земли, вздыбленной снарядами и бомбами, страна отчетливо видит на этих мужественных лицах черты, отличающие подлинных героев".

Трудно, очень трудно приходится защитникам Сталинграда:

"Подтянув свежие войска, враг усилил теперь свой натиск. Настал самый решающий этап боев за Сталинград. Но как бы ни бушевал ураган, защитники Сталинграда должны держаться непоколебимо. Мы знаем, что это нелегко, что наши войска бьются за Сталинград в чрезвычайно тяжелых условиях, но, несмотря ни на что, они должны выстоять до конца, ибо иного выхода нет. Отступать некуда. Сражаясь так отважно и умело, как сражаются герои-гвардейцы, доблестные защитники Сталинграда могут отбить любой натиск врага - и обязаны это сделать во что бы то ни стало".

После того как мы напечатали статью Родимцева "Гвардия не отступает", в которой рассказывалось, в частности, о боях за Сталинградский вокзал, в редакцию поступило письмо с таким упреком: "Писали, что гвардия не отступает, а она сдала вокзал..." Письмо мы переслали Высокоостровскому. В ответ он прислал письмо медицинской сестры той роты, которая "сдала" вокзал. "Нас обвиняют в том, что мы, гвардия, отступили, - писала она. - Но это не так: с позиции роты "отступила" лишь я одна, и то неся на плечах последнего живого гвардейца, раненого. А рота наша вся осталась там. Она погибла, но не отошла". (Погибла там не рота, а батальон дивизии Родимцева.)

Тогда мы не могли, разумеется, напечатать эти горькие и гордые строки. Но сейчас считаю своим долгом обнародовать это

письмо.

О положении на Северном Кавказе рассказывается в репортаже "Упорные бои в районе Моздока и Новороссийска". Встречая все более и более упорное сопротивление наших войск, потеряв возможность наступать по всему фронту, немцы от своих замыслов проникнуть в Закавказье не отказываются. Ныне они ведут наступление на отдельных направлениях, сосредоточив здесь крупные силы. Восточнее и западнее шоссе Майкоп - Туапсе им удалось продвинуться километров на десять. Это читатель узнает из сообщений наших спецкоров.

* * *

После большого перерыва появилось на страницах газеты имя Викентия Ивановича Дермана. Полковник по званию, бывший преподаватель известных курсов "Выстрел", а до этого начальник штаба полка, он с первых же дней войны возглавлял нашу корреспондентскую группу на Северо-Западном фронте. Фундаментальные знания в области тактического и оперативного искусства, зоркий глаз и пытливый ум помогали ему увидеть многое из того, что другие не замечали. Нередко на фронте корреспонденты других газет обращались за консультацией не к штабным работникам, а к нашему Дерману. Особое значение имели его критические корреспонденции и статьи, в которых он смело и основательно рассматривал ошибки и недостатки в боевой деятельности наших войск.

Десять месяцев пробыл Викентий Иванович на Северо-Западном фронте, потом его свалила тяжелая болезнь. Медицинская комиссия предложила демобилизовать Дермана. Реагировал он на это бурно. Благодаря нажиму редакции его оставили в армии с условием, что он будет переведен в Среднюю Азию для климатического лечения. Сразу же последовал приказ по редакции: "Заместитель начальника отдела фронтовой жизни полковник Дерман В. И. с 12 августа 1942 года назначается по совместительству постоянным корреспондентом "Красной звезды" по Среднеазиатскому военному округу". И вот Дерман - в Ташкенте. Делает все, что положено делать собкору в тыловом округе, и даже больше этого. Помогает готовить снайперов на окружном сборе, сопровождает в инспекционной поездке командующего войсками округа и по его просьбе проводит показательные занятия с командным составом, консультирует фильм "Жди меня" по сценарию Константина Симонова.

Там же, в Ташкенте, произошла встреча Дермана с Симоновым. Впоследствии она получила отражение в повести писателя "Двадцать дней без войны". Некоторые черты Викентия Ивановича Симонов воплотил в образе полковника Грубера. И

когда этот персонаж повести появился на театральной сцене "Современника", даже но внешнему виду, походке, интонации исполняющего его актера можно было узнать нашего Дермана. Только на сцене шинель была почему-то с генеральской окантовкой...

Не помню точно, по ходатайству ли Симонова или другими путями, но Дерман все же добился возвращения в Москву. И сразу же отбыл на Северо-Кавказский фронт. И вот опубликована первая его статья с этого фронта "Стрельба в горах". Поучительная, полезная статья. Потом появились такие статьи, как "Стиль работы командира", "Умело управлять огнем" и др. Словом, не пришлось нам жалеть, что отозвали Дермана из Ташкента, по его собственному выражению, он буквально "воскрес из небытия"...

* * *

А как обстоят дела на остальных фронтах?

В сообщениях Совинформбюро сказано об этом очень кратко: "На других фронтах существенных изменений не произошло". Это верно. Правда, в той же сводке вновь появилось Синявино. Но и здесь тоже перемен нет. Наступление Волховского и Ленинградского фронтов затихает, и, вероятно, через несколько дней оно будет приостановлено. Хотя разорвать кольцо блокады Ленинграда не удалось, наши жертвы были не напрасными. Наступление этих фронтов остановило врага, готовившегося к новому штурму города.

Уже десятый день идет наступление войск Воронежского фронта, перед которыми Ставка поставила задачу освободить город. Выполнить ее не удалось, наступление затухает и тоже, видимо, будет прекращено. Именно поэтому, как мне было известно, в сводках Совинформбюро о нем никаких сообщений не было. Однако значение этой операции нельзя и недооценивать хотя бы потому, что здесь были скованы значительные силы противника, предназначенные для Юга. Мы же в "Красной звезде" публикуем корреспонденции, которые хотя и не дают полную картину сражения за Воронеж, но позволяют понять, что там идут тяжелые бои.

С остальных фронтов - материалы о боях местного значения, например, о захвате какой-то высоты, об атаке штурмовой группы, отражении вражеской контратаки, ночном поиске и др.

На страницах газеты печатается немало критических материалов. Вот только за последние дни была опубликована корреспонденция с Северо-Западного фронта "Уроки одного наступления". Концовка ее такова: "Бой, рассчитанный на несколько часов, отнял несколько дней и стоил больших усилий".

Денисов прислал со Сталинградского фронта корреспонденцию под названием "Некоторые выводы из одного воздушного боя". Есть там такие строки: "...видимость легкой победы явилась причиной того, что наши летчики пренебрегли тактическими принципами воздушного боя... Этот бой надо считать проигранным нашими истребителями. Действуя неорганизованно, вяло, без должной напористости, они не сумели использовать свои преимущества в скорости и маневренности..."

Статья "Словесные заклинания вместо перестройки" направлена против начальника политотдела одной из армий.

Надо отметить, что вопрос о критическом материале в боевых условиях был далеко не простым. И в мирное время для военной газеты критика сопряжена с известными сложностями. А в ходе войны? Тут прибавляется еще одна проблема: можно ли и нужно ли критиковать в печати командира, которому завтра самому идти и вести солдат в бой?

Критическое острие печати в боевых условиях мы опробовали еще на Халхин-Голе, в "Героической красноармейской". Но тогда наша критика задевала, главным образом, рядового бойца или сержанта. На финской войне в газете "Героический поход" пошли дальше - критике подвергались уже ошибки командиров подразделений. Но правильно ли это? Дискуссий среди работников фронтовых и армейских газет, а также среди военачальников и политработников но этому поводу было более чем достаточно. Разные взгляды высказывались. Ясности не было.

И я обратился за разъяснением к Сталину. На моем письме появилась следующая надпись:

"Фронтовые и армейские газеты могут критиковать также действия средних и старших командиров. Необходимо только, чтобы критика была не грубая и не резкая, а тактичная и товарищеская.

И. Сталин".

В обзоре фронтовой печати мы рассказали о той линии, которой должны придерживаться газеты. Соответствующие выводы мы сделали и для "Красной звезды".

7 октября

Напряжение в Сталинграде нарастает. Правда, немцы и здесь, как на Северном Кавказе, уже не в силах наступать по всему фронту. Они рвутся к Волге на узких участках. Продвижение врага измеряется не километрами, а шагами. И все же вызывают большую тревогу сообщения наших корреспондентов: "Вчера в

течение дня противник продолжал яростные атаки на заводскую часть Сталинграда, намереваясь прорваться к Волге"; "Наши подразделения стойко отражают натиск превосходящего численностью противника, но все же вынуждены были оставить одну высоту": "Немецкие автоматчики обтекают сад слева и справа"...

Ох уж этот эзопов язык на войне! Много мучений мы переживали из-за него. Спору нет, в годы войны меньше боялись горькой правды, чем в предвоенные и послевоенные годы, но и тогда давало себя знать застарелое стремление уклоняться от реальной неприятности. И вызывалось оно вовсе не соображениями секретности.

В связи с ухудшением обстановки в Сталинграде Ставка вновь потребовала от командующих фронтами во что бы то ни стало удержать город. "Сталинград не должен быть сдан противнику, - говорится в директиве Ставки, - а та часть Сталинграда, которая занята противником, должна быть освобождена". Ознакомившись с этим указанием, я сразу же вызвал к прямому проводу Высокоостровского. Не мог я, понятно, сказать ему о требованиях Ставки. Пришлось прибегнуть к разным намекам, мол, ознакомьтесь с "бумагой", посланной вчера начальству, и действуйте... Корреспондент даже не стал спрашивать: "Что за бумага? Чья? О чем?" Он ответил по-солдатски: "Все сделаем". Опытный спецкор сразу нашел нужную "бумагу" в Военном совете, понял, что от него требуется, и стал действовать.

Из Сталинграда начали поступать материалы, в которых снова прозвучали призывы: "Назад для нас дороги нет"... Рассказывали спецкоры и о многочисленных контратаках наших частей. То там, то здесь отвоевывается перекресток, дом, этаж или даже лестничная клетка, но не всегда удается их удержать. Сегодня упорной обороной закладываются первые камни освобождения.

* * *

Обстановка на Северном Кавказе по-прежнему напряженная. Если в Сталинграде идут бои за каждую улицу, каждое здание, то на Кавказе сражения разыгрываются в горах. Об этом говорят и заголовки корреспонденции: "Оборона горного перевала", "На горных тропах", "Бои за горные вершины"...

В газете много снимков. С Северного Кавказа - Кнорринга, из Сталинграда - Левшина. На фотографиях запечатлены характерные особенности того или иного театра военных действий. У Левшина - бои среди развалин зданий, у Кнорринга - утесы, вершины, ущелья. Можно сказать, что это фотографический обзор сражений. Напомню, что в ту нору у

наших репортеров не было мощной увеличительной аппаратуры, все баталии сняты вблизи; многие снимки делались под огнем, они впечатляют своей достоверностью, свидетельствуя о мужестве корреспондентов.

* * *

В газете появились путевые очерки Ильи Эренбурга из района Ржева. Как он там очутился? Выло это так. Зашел ко мне Илья Григорьевич и требует, не просит:

- Пошлите меня в Сталинград.

- Не могу, - ответил я.

- Тогда - на Кавказ.

- Тоже не могу.

Регулярно, словно по расписанию, он приходил ко мне с одной просьбой дать ему командировку на Юг. Но не мог я надолго отпустить его из редакции. Он выступал в газете почти каждый день, он нужен был здесь. Когда фронт приблизился к Москве, поездка у Эренбурга занимала день, от силы - два. А ныне на дальнюю поездку, на Юг, уйдет неделя-две, а то и больше.

- Знаете что? - предложил я писателю. - Если хотите, поезжайте под Ржев. Это, конечно, не Сталинград и не Кавказ, но там недавно были сильные бои, да и сейчас не совсем затихли. Есть что посмотреть и о чем написать.

Илья Григорьевич согласился и еще попросил у меня командировку для американского корреспондента Стоу. Пробыл он там два дня и вернулся переполненный впечатлениями от встреч с нашими бойцами и жителями освобожденных сел. Написал три очерка. Первый из них, опубликованный в сегодняшней газете, называется "Ожесточение", Эренбург писал:

"Донбасс, Дон, Кубань, - каленым железом прижигал враг наше сердце. Может быть, немцы ждали стона, жалоб? Бойцы молчат. Они устали, намучились, многое претерпели, но враг не дождался вздоха. Родилось ожесточение, такое ожесточение, что на сухих губах трещины, что руки жадно сжимают оружие, что каждая граната, каждая пуля говорит за всех: "Убей! Убей! Убей!"

В этом очерке, как и во втором - "Так зреет победа", который готовится для очередного номера газеты, повествуется о том, как ожесточение преобразует чувство советских воинов в боевой порыв и беспощадность к врагу. А третий очерк - о немецких солдатах, какие они сегодня, во вторую осень войны. Очерк так и назван - "Осенние фрицы". Илья Григорьевич видел их там, под Ржевом, говорил с пленными, слушал их и, как тонкий психолог, улавливал, где пленные хитрят, а где обнаруживают свое нутро. Вылилось это в таких строках:

"О Бурбонах говорили: "Они ничему не научились и ничего не

забыли". Мне хочется сказать это и об осенних фрицах. Вот передо мной лейтенант Хорст Краусгрелль. Он сначала орал: "Гитлер капут", но сейчас он отдышался, успокоился и преспокойно говорит: "Нам, немцам, тесно, а у вас много земли"... Его схватили у Ржева, но он тупо повторяет: "Покончив с Россией, мы возьмемся за англичан..."

Писатель предупреждает, чтобы мы не строили никаких иллюзий: "Не следует думать, что осенние фрицы более человекоподобны, нежели зимние или летние".

Есть в первом очерке Эренбурга примечательные строки о втором фронте. Об этом позже будет много написано и сказано.

Солдатский юмор в те времена откликнулся на затяжку открытия второго фронта: им стали называть... банки с тушенкой, присланные из Америки.

- Второй фронт откроем? - говорили бойцы, вскрывая эти консервы.

До этой темы Эренбург давно добирался. Вспоминаю наши встречи с иностранными корреспондентами в Наркомате иностранных дел. Время от времени отдел печати наркомата устраивал приемы для зарубежных корреспондентов. Это не были пресс-конференции, которые ныне проводятся в изобилии. Инкоров собирали за относительно хлебосольным столом, чтобы отметить какую-нибудь дату или по другому поводу. Иногда приходил с нами Алексей Толстой. Как там неистовствовал Илья Григорьевич! Он буквально дышать им не давал, острыми и едкими репликами по поводу затягивания второго фронта портил им не только настроение, но и аппетит. Толстой, сидевший рядом с нами, время от времени дергал Эренбурга за пиджак:

- Да уймись ты, Илюша...

Илья Григорьевич огрызался:

- Ничего, пусть едят и пьют с этой приправой...

Однако до сих пор в газетах по вполне понятным причинам о затягивании второго фронта - ни слова. И все-таки Эренбург сумел сказать об этом, обходя дипломатические сложности:

"Недалеко от Ржева я зашел ночью в избу, чтобы отогреться. Со мной в машине ехал американский журналист (Леланд Стоу. - Д. О.). Старая колхозница, услыхав чужую речь, всполошилась: "Батюшки, уж не хриц ли?" (она говорила "хриц" вместо "фриц"). Я объяснил, что это американец. Она рассказала тогда о своей судьбе: "Сына убили возле Воронежа. А дочку немцы загубили. Вот внучек остался. Из Ржева..." На койке спал мальчик, тревожно спал, что-то приговаривая во сне. Колхозница обратилась к американцу: "Не погляжу, что старая, сама пойду на хрица, боязно мне, а пойду. Вас-то мы заждались..." Журналист,

видавший виды, побывавший на фронтах в Испании и Китае, Норвегии и Греции, отвернулся: он не выдержал взгляда русской женщины".

Кстати, когда Эренбург вернулся из поездки, он мне рассказал любопытную историю, которая произошла со Стоу. Встретились они с командиром дивизии Чанчибадзе. В ту ночь немцы вели сильный минометный огонь. Невозмутимый комдив произносил цветистые тосты. Стоу пить умел, но не выдержал: "Больше не могу", - сказал он Чанчибадзе. Тогда генерал налил себе полный стакан, а журналисту чуточку на донышке и сказал Илье Григорьевичу: "Вы ему переведите - вот так наши воюют, а так воюют американцы". Стоу рассмеялся: "В первый раз радуюсь, что мы плохо воюем".

Конечно, этот эпизод по дипломатическим соображениям не вошел в очерк Эренбурга, но Илья Григорьевич мне рассказал, что Стоу напечатал в своей газете статью, в которой рассказал, как колхозница и генерал его подкузьмили...

* * *

Побывал в эти дни под Ржевом и Алексей Сурков. Вернулся со стихами "Под Ржевом". Сколько в них боли и печали!

Завывают по-волчьи осколки снаряда
В неуютном просторе несжатых полей.
Но когда на минуту замрет канонада,
В небе слышен печальный крик журавлей.
Вот опять - не успели мы с летом проститься,
Как студеная осень нагрянула вдруг.
Побурели луга, и пролетная птица
Над окопами нашими тянет на юг.
На поляне белеют конские кости,
В клубах черного дыма руины видны.
Не найдете вы нынче, залетные гости.
На просторной земле островка тишины.
Вот как неожиданно увидел поэт войну...

* * *

Братья Тур прислали новый очерк "Тризна". Они рассказали о драматической истории, происшедшей на Брянском фронте в Башкирской кавалерийской дивизии. Шестеро боевых разведчиков, с роди которых были воины разных возрастов от седобородого Юлты, знатного чабана, до совсем еще юного Салавата Габидова, недавнего студента Уфимского педагогического института, отправились ночью в разведку. Никто не знает, как они погибли, но только на следующее утро их

растерзанные трупы были выброшены немцами на простреливаемую минометами "ничейную" полянку. Под огнем противника смельчаки из дивизии вытащили своих товарищей, чтобы предать их воинскому погребению. Их похоронили на опушке леса, под русскими березками, завернув в бурки и положив иод головы уздечки. Так хоронили в степи всадников. Тела их положили в могилах лицом на восток, к родным степям.

А когда стемнело, двадцать башкир в безмолвии выехали из полка. Они пробрались на огневые позиции немецкой батареи. Тридцать восемь гитлеровцев заплатили своей жизнью за наших товарищей. Споров с убитых погоны и захватив 50 лошадей, мстители вернулись в полк.

Приведу заключительные строки корреспонденции:

"Подобно тому, как прах шести башкирских разведчиков войдет животворным соком в корни русских берез, слава о подвиге двадцати мстителей войдет в память народа русского. Преклоним же колени и постоим в раздумье перед священной красотой этой воинской тризны, в которой отразилось благородное сердце старинного степного народа!"

10 октября

В жизни наших вооруженных сил произошло важное событие - опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии.

Прошло пятнадцать месяцев с начала Отечественной войны. В огне сражений закалились наши командные кадры. Война выдвинула огромный слой новых талантливых командиров, испытанных в боях и до конца верных своему воинскому долгу и командирской чести. Они приобрели значительный опыт современной войны, окрепли в военном и политическом отношениях. Отныне они могут и будут нести полную ответственность за все стороны жизни и боевой деятельности в войсках. Так объяснялось это решение ЦК партии.

Вспомним, однако, в какие дни был принят Указ о единоначалии. Он появился не под звуки победных фанфар. Наоборот, обстановка на фронтах была труднейшей, в памяти у всех приказ № 227. И если в ту пору было установлено полное единоначалие, это не могло не быть принято нашими командирами как знак высокого доверия к ним партии и народа и вместе с тем - требование крепкой дисциплины, порядка, безоговорочного выполнения боевых приказов.

А как же комиссары? Было бы неправдой, если бы я сказал, что упразднение их должностей было для них безразличным. Но верные сыны партии, для которых главное - не должность, а партийный долг, они приняли Указ с глубоким пониманием своих новых задач. За ними осталось широкое поле политической работы, неразрывно связанной с боевой деятельностью войск.

Кстати, в Указе установлены для политических работников общие для всех командиров Красной Армии воинские звания и знаки различия. Это был первый шаг к унификации воинских званий в армии. Немало военкомов были переведены на командную должность.

Указу посвящена передовая статья "Полное единоначалие в Красной Армии". Есть в ней примечательное ленинское высказывание. Еще в 1920 году Ленин говорил, что наш военный опыт "подошел к единоначалию, как к единственно правильной постановке работы"... Есть в передовице слова, обращенные к политическим работникам: "Введение единоначалия не может и не должно привести к какому бы то ни было принижению уровня политработы в частях... В новых условиях поле деятельности политработников не суживается..." Есть слова, обращенные к командирам: "Непререкаемый авторитет командира, облеченного полновластием, дает ему в руки все возможности для выполнения своего долга перед Родиной".

Не могу умолчать об одном обстоятельстве, связанном с введением в июле 1941 года института военных комиссаров, а затем его упразднением. Как известно, система военных комиссаров, установленная в Красной Армии в годы гражданской войны, возникла на почве некоторого недоверия к командным кадрам, в состав которых были привлечены старые военные специалисты, не верившие в прочность Советской власти и даже чуждые ей. В Великую Отечественную войну, казалось бы, нет никаких оснований для подобного. Но среди других задач на военных комиссарах, как это было определено Положением, лежала в эту войну обязанность "своевременно сигнализировать Верховному Командованию и Правительству о командирах и политработниках, недостойных звания командира и политработника и порочащих своим поведением честь Рабоче-Крестьянской Красной Армии".

Скажем прямо, это было проявлением все той же подозрительности, которая дорого стоила в годы сталинских репрессий нашей армии: в конце тридцатых годов она была обезглавлена, лишилась многих прекрасных командиров и военачальников.

Вспоминаю такой эпизод. Подготовили мы передовую статью

о введении института военных комиссаров. Принес я ее начальнику Главного политического управления Л. З. Мехлису. Он не только тщательно прочитал ее, но, по старой правдистской привычке, стал редактировать. Что-то поправил, что-то вписал, что-то вычеркнул. А вычеркнул он строки, в которых говорилось, что в отличие от функций комиссаров гражданской войны в обязанность комиссаров Отечественной войны не входит контроль над командирами. Конечно, этот абзац я написал по своей наивности. Но тогда я с недоумением посмотрел на Мехлиса. А он сказал: "Не будем утверждать, но и не будем отрицать это".

Спорить с ним я не стал. Знал, что Положение Мехлис собственноручно писал, поработал над ним и Сталин.

Жизнь показала, что с первых же дней войны это требование осталось на бумаге; наши командиры и политработники были достойны своего звания и берегли честь и достоинство Рабоче-Крестьянской Красной Армии! И не надо было "сигнализировать" о них "наверх".

* * *

Сегодня в спешном порядке пишутся несколько передовых статей на военно-тактические темы. Объясню, почему такая спешка.

Дня четыре назад, когда я в очередной раз зашел в Генштаб, к Бокову, он меня встретил возгласом:

- Хорошо, что ты пришел. На, возьми, - и протянул мне верстку, на которой был заголовок: "Боевой Устав пехоты". - Это тебе. Только что звонил Сталин и сказал, чтобы вы, в "Красной звезде", ее посмотрели.

Устав был составлен группой работников наркомата, набран и сверстан и в подготовленном для печати виде представлен Сталину. Прочитал ли Сталин его, заметил ли какие-то огрехи - не знаю, но он решил, что газетчики - люди дотошные, могут быть в этом деле полезны. Не исключено, что Сталин, читая или просматривая "Красную звезду", обратил внимание на выступления наших редакционных специалистов именно на тактические темы. Бывало даже, как мне рассказывали, что Верховный положительно отзывался о той или иной статье, которую успевал прочитать.

Словом, вернулся я в редакцию, собрал наших военных специалистов, рассказал о задании Сталина. Дело, конечно, важное, ответственное, и мы уж постарались. Были созданы три группы наших тактиков: Хитров и Коломейцев, Рызин и Дерман, Толченов и Король. Кроме того, группа стилистов и группа корректоров. Три дня и, можно сказать, три ночи мы читали и

вычитывали верстку, "вылизывали", как говорят газетчики, каждую строку. Поправок у нас было много.

На четвертый день я пришел к Бокову, вернул ему верстку Устава, показал наши поправки и замечания. Он даже не успел внимательно все посмотреть, как раздался звонок Сталина. Он спрашивал, как с Уставом, когда вернут из редакции? Боков ответил:

- Редактор у меня. Принес Устав. Поправок много...

Не знаю всего, что сказал Сталин Бокову, но мне Боков объяснил: "Сталин рассердился, сказал, чтобы проверили, как это писали Устав, кто там его писал..." Чуть ли не потребовал, чтобы наказали виновных.

Не один день, считали мы, уйдет, пока обсудят наши замечания, поправят что надо, отпечатают... А нам, в редакции, чего медлить? Вот и сели наши работники за передовые статьи, посвященные разным разделам будущего Устава. Что-то оттуда взяли, что-то сами домыслили. Так появились такие передовицы, как, например, "Стиль работы командира", "Умело управлять огнем", "Боевые порядки в наступлении"... Одна за другой. А секрет их появления был, вероятно, известен только нам...

* * *

Я рассказывал, как Эренбург в своих ржевских очерках пусть косвенно, но подверг критике наших союзников за оттяжку открытия второго фронта. А сегодня готовится еще одна статья на эту тему. Называется она "Доктрина Дуэ и ее новые сторонники". Написал ее командующий войсками Московского фронта противовоздушной обороны генерал Д. А. Журавлев. Суть ее раскрывается в первых же строках статьи:

"Последнее время в английской и американской прессе усиленно дебатируется вопрос о перспективах ведения воздушной войны... Отдельные военные писатели и обозреватели пытаются изобразить дело так, будто воздушный флот является единственной силой, способной привести к победе в современной войне. Более того, некоторые из них договорились даже до того, что ударами с воздуха можно заменить наступательные действия сухопутных войск вторжения".

В статье приводятся убедительные факты, разоблачающие несостоятельность выступлений новоиспеченных сторонников доктрины Дуэ, в частности американского авиаконструктора Северского. Он подсчитал, что достаточно сбрасывать на германскую территорию ежедневно 12 тысяч бомб, и она будет сокрушена. Генерал Журавлев пишет, что именно такое количество бомб немцы имели возможность сбрасывать на Англию в 1940 году, однако не поставили ее на колени.

Еще более разительные примеры приведены но Сталинграду. Для того чтобы сломить сопротивление защитников Сталинграда, немцы обрушили на город огромные силы авиации. В отдельные дни число самолето-вылетов доходило до 2000. В целом город пережил бомбовые удары, равные не только налету 3000 бомбардировщиков, о которых говорил Дуэ, а помноженные трижды на три. И тем не менее это не решило судьбу сражения даже на таком ограниченном участке фронта. Сталинград продолжает мужественную борьбу.

Всей силой фактов и логики обрушился автор на последователей Дуэ, отрицавших необходимость создания сухопутного фронта в Европе. Правда, в статье нет этих слов. Но каждому ясно, что речь идет именно о втором фронте...

* * *

Неожиданно исчез наш корреспондент по Брянскому фронту полковой комиссар Павел Крайнов. Такие случаи у нас бывали. В августе прошлого года пропал спецкор но Юго-Западному фронту Теодор Лильин. Через неделю он обнаружился. Оказывается, корреспондент пробрался - первым из наших спецкоров - в Днепровские плавни к партизанам и прислал серию очерков о первых боях партизан в этом крае.

А вот теперь - Павел Крайнов. Появилась возможность, и он отправился к партизанам в Брянский лес. Немало материалов он прислал нам. Один из них так начинался:

"На партизанской легковой машине с разбитым стеклом и ободранными боками мы пробирались по проселочным дорогам и лесным просекам. Впереди слышится пулеметная и ружейная стрельба. Там шел бой..." Это - рассказ о бое партизан с карательной экспедицией немцев. До этого партизаны то пускали под откос поезда, то взрывали мосты или совершали набеги на вражеские гарнизоны. А сегодняшний бой - подлинное сражение по всем правилам военного искусства. Партизаны выиграли его. Каратели, оставив свыше семидесяти трупов, ретировались в свой гарнизон.

За год с лишним партизаны научились воевать! Об этом и повествует наш боевой товарищ Павел Крайнов.

14 октября

Из всех публикаций этого номера хочу рассказать лишь о двух. Прежде всего, о подборке под заголовком "Письма гвардии младшему лейтенанту Лебедеву". К подборке сделана врезка. В ней говорилось, что 2 октября в "Красной звезде" был помещен

отчет о красноармейском митинге в 33-й гвардейской дивизии. Он занимал целую полосу. Среди других были опубликованы речь Лебедева и его портрет. В своей речи он сказал: "Здесь кто-то говорил, что он получил письмо из дому. Мне неоткуда получать письма и некому их посылать: в моем доме немцы. И у меня дома никто не ждет моих писем, потому что моя семья, если она жива, знает, что мои письма не дойдут до нее. Моя семья ждет не писем - она ждет меня. Она ждет, чтобы я пришел и освободил ее от немцев, чтобы я убил немцев, стоящих на моей дороге..."

Напомню, что митинг состоялся в Сталинграде. Мы с Симоновым были на нем, записали выступления гвардейцев и напечатали их. Откровенно скажу, не ждали мы, что такой поток откликов придет в редакцию именно на выступление Лебедева, бывшего шахтера. Читатель почувствовал душевную боль человека и не мог не разделить ее. Вот, например, строки из писем семи работниц московской бисквитной фабрики "Большевик":

"Нам безгранично больно за ваши слова о том, что вам неоткуда получать письма, что у вас нет близких... Мы считаем себя вашими кровными родственниками... Пишите нам..."

56-летняя работница Екатерина Яковлевна Морозова заканчивает свое письмо такими словами: "Пиши, как родной матери, я буду с радостью отвечать. Будь жив и здоров, ждем с победой".

Можно понять, какие ответные чувства вызвали эти письма у младшего лейтенанта. И не только у него.

* * *

Сегодня напечатан очерк Александра Полякова "Под Ржевом". Это первый очерк из шести, опубликованных им в "Красной звезде". А история их появления в газете необычна.

В разгар войны создавалась могучая тяжелая артиллерия - дивизии и корпуса резерва Верховного Главнокомандования. На нее возлагались большие надежды. И вот во время одной из встреч с начальником артиллерии Красной Армии генералом Н. Н. Вороновым, он упрекнул меня, что газета все еще мало пишет об этих новых формированиях. Чуть улыбнувшись, он заметил:

- Конечно, пехотной экзотики у нас нет... Но все-таки - "бог войны"!..

Я пообещал, что в ближайшие дни на страницах газеты появится больше материалов о тяжелой артиллерии. И тут же рассказал ему эпизод, который имел прямое отношение к этому. Мы напечатали статью об артиллерии РВГК и, очевидно, сказали немного больше, чем следовало говорить в открытой печати. В тот же день позвонил секретарь ЦК партии А. С. Щербаков:

- Кто разрешил вам печатать эту статью?

- Никто не разрешил, - ответил я. - Мы ее сами напечатали. Что-нибудь случилось? - спросил я Александра Сергеевича.

- Да, случилось. Сталин сказал, чтобы сняли редактора с понижением в звании и должности...

Расстроился я или нет - не в этом дело. Всякий редактор, если он хочет быть редактором в настоящем, партийном понимании этого слова, не должен бояться, как у нас тогда говорили, ходить на острие ножа. Но все же я счел необходимым объяснить Щербакову, что разрешения мы ни у кого не спрашивали, но эту статью я посылал не для визирования, а на консультацию А. М. Василевскому. Начальнику Генштаба она понравилась.

- Подождите, - сказал мне Щербаков и положил трубку. Через час он снова звонит:

- Сталин сказал: "Не трогайте редактора. Он не виноват. Но такие статьи без нас пусть не печатает".

После я узнал, что Сталин сразу же позвонил Василевскому. Начальник Генштаба подтвердил, что читал статью и она показалась ему хорошей.

(Спустя много лет после войны мы с писателем Оскаром Кургановым были у маршала Василевского на даче. Сидели в его кабинете и говорили о минувшем. Вспомнил Александр Михайлович и историю со статьей и, улыбнувшись, заметил:

- Да, разговор тогда был основательный...)

Выслушав всю эту историю, Воронов сказал:

- Вот как раз поэтому и надо писать о нашей тяжелой артиллерии.

Он вспомнил своего бывшего командира батареи Полякова, спецкора "Красной звезды", посетовал, что артиллерист пишет главным образом о пехоте, танкистах, а пушкарей забросил, и попросил прислать его к нему. После беседы с Вороновым у Полякова и родилась идея написать серию очерков о тяжелой артиллерии. Со свойственной ему оперативностью корреспондент выехал под Ржев. Туда уже был звонок Воронова, приказавшего создать корреспонденту все условия для работы.

Обосновался Поляков в полку майора Жигарева. Там пробыл более месяца. Все он делал основательно. Мы его и не торопили. Он бывал на наблюдательных пунктах, ползал вместе с артиллерийскими разведчиками по переднему краю, летал на самолете-корректировщике над немецкими позициями.

Поляков показал себя в этих очерках как подлинный знаток артиллерийского дела. Прекрасно знал он и психологию, настроения, быт пушкарей. Вот один только пример:

"4 часа 55 минут - пять минут до канонады. На батарее уже поданы все команды, за исключением последней

"огонь"...

О чем думают в эти последние пять минут наивысшего напряжения и майор Жигарев и его батарейцы у пушек?

Наводчики, верно, думают о том, как бы в последний момент какая-нибудь из маскировочных елок не свалилась на ствол пушки и не сбила линию наводки. Трудно, конечно, допустить, чтобы жиденькая елочка, которая сама будет через пять минут биться в лихорадке от первого выстрела, смогла пошевельнуть огромный ствол пушки. Но уж такая вещь эта линия наводки - за нос всегда дрожат. Молодые номера - артиллеристы, только что пришедшие на батарею, часто попадаются на шутку "стариков": "Пойди сгони ворону с линии наводки". И хотя никакой вороны, сидящей на линии наводки, - а это все равно что на линии взгляда, - нет и в помине, страх за "линию" сохранился и до сих пор. Шутка шуткой, а шевельни на миллиметр орудие, и линия наводки, идущая от перекрестия орудийной панорамы к шесту, сбита. Снаряд пойдет неточно".

Та история, за которую мне попало от Сталина, имела свое продолжение. Через месяц после опубликования очерков Полякова в "Красной звезде", когда в Ставке зашел разговор о тяжелой артиллерии, Сталин заметил, что наши газеты что-то мало пишут о ней. М. И. Калинин, присутствовавший при этом разговоре, возразил:

- Как мало? В "Красной звезде" были хорошие очерки.

Принесли Сталину "Красную звезду", он полистал ее и предложил "Правде" перепечатать очерки Полякова. Все шесть его очерков "Под Ржевом" со ссылкой на "Красную звезду" появились в "Правде". К нашему горю, имя автора очерков - Александра Полякова - стояло в траурной рамке. Он погиб на боевом посту. А эти последние очерки, получившие столь большой резонанс, были как бы памятником этому мужественному, храброму и талантливому журналисту...

18 октября

Эти дни были крайне тяжелыми для защитников Сталинграда. Врагу удалось на узком участке фронта прорваться к Волге в районе Тракторного завода. Как же объяснить, что несмотря на требование Ставки Верховного Главнокомандования наши войска не смогли остановить противника? Думаю, что описание событий последних дней нашими корреспондентами

Высокоостровским и Коротеевым давало ответ читателям:

Вчера немцы, сосредоточив до двух пехотных дивизий и крупные силы танков, бросили их на Заводской район. Атаке танков и пехоты противника предшествовала исключительная по своей силе бомбардировка с воздуха. С утра в течение нескольких часов вражеская авиация, налетая эшелонами по 30-40 самолетов, бомбила наш передний край и всю глубину обороны вплоть до берега Волги, а также район переправ. Насколько ожесточенной была вражеская бомбардировка, можно судить по следующим цифрам. До пяти часов вечера на направлении главного удара противника отмечено свыше 1500 самолетовылетов на участке фронта шириной в полтора километра и в несколько километров глубиной...

Вслед за бомбежкой немцы открыли массированный артиллерийский и минометный огонь. После этого противник двинул танки и пехоту. Танковые колонны немцев наступали на узком участке шириной не более полутора-двух километров. Они двигались в глубокоэшелонированном боевом порядке... Противник терпел большой урон, но вводил в действие все новые и новые силы. К вечеру, пользуясь численным перевесом, немцы сумели на отдельных участках потеснить наши части...

Причины, вынудившие наши части оставить свои позиции, понятны, но оправдывают ли даже такие причины отход? Как раз на эту тему у меня вчера был разговор с А. М. Василевским. Я допытывался, какой линии придерживаться газете в связи с известной директивой Ставки от 5 октября, требовавшей во что бы то ни стало удержать Сталинград?

- Конечно, - сказал Александр Михайлович. - объяснение есть и оправдание есть. У немцев огромное численное превосходство. Они идут на любые потери, чтобы в ближайшие дни закончить операцию. Наши люди дерутся днем и ночью, самоотверженно, но сил пока не хватает. В некоторых батальонах осталось по нескольку десятков человек. Но директива Ставки остается в силе - вот вам и линия...

А когда я вернулся в редакцию, в репортаже сталинградских корреспондентов, поставленном уже в полосу, сменил, как это было и в кризисные дни битвы за Москву, информационный заголовок "В районе Сталинграда" на призывный: "Отбить новые атаки немцев на Сталинград!" И дописал концовку:

"Сейчас идет решающий бой за Сталинград. Мы должны отстоять город во что бы то ни стало. Больше стойкости, упорства, умения маневрировать - и новые яростные атаки врага будут отбиты".

Уже названы имена многих героев Сталинграда. Вот и

сегодня в газете опубликован большой, трехколонный, очерк о бронебойщике Громове. С ним я познакомился во время своей поездки в Сталинград. Были мы тогда с Петром Коломейцевым в одном из батальонов на окраине города. Комбат все нахваливал Громова, советовал побывать у него. Нашли мы его в землянке, вырытой в глубоком овраге, где отдыхали после боя расчеты противотанковых ружей. Сорокалетний Громов, в прошлом пахарь одного из подмосковных колхозов, с загорелым, тронутым морщинами лицом и светлыми желто-зелеными глазами наше появление, как нам показалось, встретил без каких-либо эмоций. Что ж, пришли, так пришли.

Сидим мы с Громовым на пожухлой траве у входа в землянку и беседуем. О жизни, о немцах, а больше всего о боях. Но разговорить его мне не удается. Он все отвечает односложными фразами: "Ну, подошел танк... Смотрю - ближе... Я стрельнул раз - не горит... Стрельнул два - зажег..." Мучил я бронебойщика, сам мучился, но больше ничего выдавить из него не смог. Можно было, конечно, написать небольшую заметку или корреспонденцию, но чувствовалось, что перед нами интересный человек, со сложным характером и дела его незаурядные. О нем не заметку писать надо.

Здесь, в Сталинграде, наш корреспондент писатель Василий Гроссман. Дал я ему координаты батальона и попросил написать очерк о Громове. Целую неделю прожил он с бронебойщиками. Подружился с ними. Вошел в их семью как свой человек. И они открыли ему свои души. И вот очерк у меня - сверстанный, занявший три колонки до самого низа. Написан он был заразительно, страстно, с глубоким проникновением в психологию человека. Писателю удалось разговорить скромного и молчаливого бронебойщика. Вот выдержки из записанного им рассказа Громова:

"Я спрашивал его потом, что испытал он в первый миг своей встречи с танками, не было ли ему страшно.

- Нет, какое там, испугался. Даже, наоборот, боялся, чтобы не свернули в сторону, а так - страху никакого... Пошли в мою сторону четыре танка. Я их близко подпустил - стал одну машину на прицел брать. А она идет осторожно, словно нюхает. Ну, ничего, думаю, нюхай. Совсем близко, видать ее совершенно. Ну, дал я по ней. Выстрел из ружья невозможно громкий, а отдачи никакой, только легонько двинуло... А звук прямо особенный, рот раскрываешь, а все равно глохнешь. И земля даже вздрагивает. Сила! - И он погладил гладкий ствол своего ружья.

- Ну, промахнулся я, словом. Идут вперед. Тут я второй раз прицелился. И так мне это - и зло берет, и интересно, - ну, прямо

в жизни так не было. Нет, думаю, не может быть, чтобы ты немца не осилил, а в сердце словно смеется кто-то: "А вдруг не осилишь, а?" Ну, ладно. Дал по ней второй раз. И сразу вижу - попал! Прямо дух занялся: огонь синий по броне пошел, как искра. И я сразу понял, что бронебойный снарядик мой внутрь вошел и синее пламя это дал. И дымок поднялся.

Закричали внутри немцы, так закричали, я в жизни такого крику не слышал, а потом сразу треск пошел внутри, трещит, трещит. Это патроны рваться стали. А потом уже пламя вырвалось, прямо в небо ударило. Готов! Я по второму танку дал. И тут уж сразу, с первого выстрела. И точно повторилось. Пламя синее на броне. Дымок пошел. Потом крик. И огонь с дымом снова. Дух у меня возрадовался... Всему свету в глаза смотреть могу. Осилил я. А то ведь день и ночь меня мучило: неужели он меня сильнее..."

Это был первый из тех очерков, которыми писатель открыл свой знаменитый сталинградский цикл. Занимавшие три, четыре, а порой пять колонок на страницах газеты, они стали, говорю без преувеличения, классикой фронтовой журналистики. Недаром многие из них перепечатывались "Правдой".

* * *

Савва Голованивский написал для нас два очерка. Один из них опубликован сегодня, называется "Презрение". Речь идет о презрении к гитлеровцам, попирающим все законы войны. Об этом уже не раз писалось, но в очерке Голованивского ситуация необычная.

Сержант Николай Краткий из Донбасса, конечно, понимал, что с врагом надо драться насмерть, но думал, что воин должен быть великодушен. С этими наивными для противоборства с немцами представлениями он и пошел на войну. А потом, когда стали наступать, перед его взором прошли ужасы немецких злодеяний. Но особенно сильный удар нанесли его душе изуверство и бесчинство гитлеровцев, не щадивших детей. То, что он увидел в одной деревне, так потрясло его душу, что он и места себе не находил. Все иллюзии в отношении "великодушного" врага исчезли, как дым.

Финал этого очерка такой:

"Он готовил немцу погибель сосредоточенно, обдуманно... Он стал заботиться о том, чтобы уложить немца одной пулей и обязательно в голову так, будто ему было жалко лишний раз продырявить его шкуру.

- Да ведь не на пушнину его сдавать! - говорили ему. - Можно еще дырочку сделать. Приемщик сам господь: не забракует...

За короткий срок набил он их 119 штук..."

А немного раньше был опубликован очерк Голованивского "Искупление мужеством". Рассказ о трусе, дезертире. Фронтовые законы беспощадны. Путь у труса был один - трибунал, но нередко ему давали возможность на переднем крае искупить свою вину, для чего и были приказом 227 созданы штрафные роты. Голованивский рассказывает, как, испугавшись танков, которые шли на его роту, Островский бросил ручной пулемет и бежал. А дальше события развивались по-другому, чем бывало в таких случаях.

Островский пришел в блиндаж к политруку и рассказал все, что с ним произошло. Политрук выслушал его, не стал долго расспрашивать, но сказал:

- Умри, но добудь! Понял?

Обошлось без штрафной роты.

Далее напряжение в очерке нарастало. Островский ищет свой пулемет, но не находит его. Он наткнулся на немецкий секрет, задушил часового и, захватив его пулемет, явился к политруку. Но этот трофейный пулемет оказался советским. И политрук ему сказал:

- Что задушил, это хорошо. А что противно было - это тебе наука. Если бы ты оружие не бросил, мог бы и пулю истратить. А так пришлось руки марать. Вот жаль только, что был у него советский пулемет: может быть, немало он перебил таких, как мы с тобой, из нашего оружия. Видно, какая-то сволочь бросила...

"Сволочь бросила"... Эти слова хорошо запомнил Островский. С того дня он сражался мужественно, и пошла о нем слава как об отважном воине, не знающем страха...

23 октября

В Сталинграде сражение достигло крайнего ожесточения. Не ослабло напряжение и на Северном Кавказе. Югу посвящена сегодня статья М. И. Калинина "Битва за Кавказ". Михаил Иванович напоминает, что овладение Кавказом - старая мечта германских захватчиков. Об этом свидетельствуют документы восемнадцатого года. Еще тогда немцы ставили своей целью захват Украины, Кавказа, всех стран Малой Азии, Индии. В статье приводится любопытная выдержка из немецкой газеты "Дейче украине цейтунг" от 8 сентября нынешнего года. "Когда думаешь, - пишет она. - что сегодня в тех местах снова появились немецкие горные войска, чтобы выполнить завещание 1918 года, то следует ясно представлять себе логику мировой истории. Теперь осуществляется победа Германии, отсроченная 25 лет

тому назад".

Что же нового внес фашизм в этот старый план немецкой агрессии? Калинин отвечает: "Фашизм внес крайнее изуверство в формы ведения войны, в свои отношения к другим народам. Фашисты с чудовищной жестокостью осуществляют планы гитлеровских заправил, планы полного истребления всех свободолюбивых народов". Михаил Иванович говорит о сожженных немцами селениях, грабежах, убийствах. О ненависти народов Кавказа к врагу, их сплочении с другими народами нашей страны, мужестве и героизме в смертельной борьбе с агрессорами.

Статья дышит непоколебимым оптимизмом. Впервые, пожалуй, в печати были названы направления немецкого наступления на Кавказе. Вражеский напор осуществляется по двум основным направлениям: по Северо-Кавказской железной дороге, в обход Кавказского хребта, - борьба идет у Моздока, и второе направление - Майкоп - Новороссийск, к побережью Черного моря. Движение немцев все замедляется, а сопротивление наших частей усиливается... "Сделаем Кавказ могилой для немецких оккупантов" - так заключает свое выступление Калинин.

С интересом читается статья генерал-лейтенанта, будущего маршала И. Х. Баграмяна, уже в ту пору известного военачальника. Хотя она названа скромно - "Некоторые вопросы снайперского движения", но в ней поставлены важные проблемы. Автор говорит об успехах наших снайперов, приводит факты, цифры. Но вместе с тем и подвергает критике тех командиров, которые недооценивают снайперов, порой используя их в качестве обыкновенных стрелков.

Обычно принято считать, что снайперы могут действовать там, где наши части стоят в обороне. Это неверно, утверждает генерал. Роль снайпера велика и при отражении вражеской атаки. Здесь снайпер имеет большой выбор целей, должен выводить из строя в первую очередь командный состав противника, уничтожать его наблюдателей и т. п. Автор дает много ценных рекомендаций, как успешнее использовать снайперов при отражении ударов неприятеля. И это еще не все. Генерал отмечает, что в наступательном бою часто приходится видеть, как командиры подразделений и частей не руководят снайперами, а используют их как рядовых стрелков. Эта ошибка довольно широко распространена.

В недавнем бою на одном из участков фронта известный в войсках снайпер Богомолов наступал в боевых порядках взвода. Вскоре наши бронебойщики подбили немецкий танк.

- Возьми машину под наблюдение! - приказал снайперу командир.

Богомолов стал наблюдать за машиной. Через некоторое время люк башни приоткрылся и оттуда показался немец. Снайпер одним выстрелом уничтожил его. Немецкий экипаж так и не смог вылезти из танка. За время боя, действуя по указанию командира, Богомолов уничтожил 17 гитлеровцев.

Вывод: "Снайпер - это передовой, хорошо обученный и воспитанный боец... Командиры отделений и взводов обязаны учить снайперов действиям в различных видах боя".

Кстати, когда наш корреспондент, получивший у Баграмяна эту статью, хотел поставить более звучный заголовок, генерал запротестовал, заявив: "Лишнего на себя не хочу брать". Об этом корреспондент и нас предупредил: чтобы и мы не поддались искушению дать статье более звонкое название.

* * *

Продолжается публикация документов, сообщений, писем, корреспонденции о зверствах фашистов на оккупированной земле.

Вот корреспонденция Крайнева из Брянских лесов об уничтожении фашистскими карателями деревни со всеми ее жителями. Вот корреспонденция Коротеева "Немецкие грабители в донских станицах" - о массовом грабеже, разбое, порках и расстрелах в станицах Сталинградской области. Вот рассказ красноармейца "Фашистский ад в Великих Луках", пробывшего там в плену 40 дней и бежавшего к партизанам. Вот статья "Под ярмом фашистских разбойников"...

Обличают фашистов и их собственные дневники. Они, эти дневники, были предназначены знакомым, родственникам как свидетельство их подвигов в чужом краю, и уж никак гитлеровцы не рассчитывали, что их писанина попадет в наши руки.

В сегодняшнем номере газеты, например, опубликованы записи из карманного календаря солдата Фридриха Брауна из Баден-Бадена:

"18 августа. Новая позиция. Пока спокойно. Отправил посылку с зубными коронками и гребнями.

28 августа. Позиция. Минометный огонь. Отправил четыре посылки с бельем и одеждой. Маме - платье"...

И так - каждый день.

Для большей убедительности мы заверстали две фотографии этого календаря.

Но если Брауна еще можно причислить к "тихим" немцам, так сказать, барахольщикам, что же писали те, которые были настоящими палачами?! Корреспонденты по Северо-Кавказскому

фронту прислали в редакцию толстую тетрадь с дневниковой записью Фридриха Шмидта, секретаря тайной полевой полиции 626-й группы при 1-й танковой армии германских вооруженных сил. Такие материалы сразу же передаются Илье Эренбургу. Зашел он ко мне, взял тетрадь и тут же стал читать. Перевел мне несколько записей. Это был страшный документ. То, что было записано Шмидтом, не поддается человеческому разуму. Словом, я сказал Илье Григорьевичу:

- Откладывать не будем. Дадим в номер. Пишите. Сразу же.

Эренбург перевел записи, сопровождая их комментариями. Приведу несколько выдержек из этого дневника:

"25 февраля. Я не ожидал, что сегодняшний день будет одним из самых напряженных дней в моей жизни... Коммунистка Екатерина Скороедова за несколько дней до атаки русских на Буденновку знала об этом. Ее расстреляли в 12.00... Старик Савелий Петрович Степаненко и его жена из Самсоновки были также расстреляны... Уничтожен также четырехлетний ребенок...

26 февраля. События сегодняшнего дня превосходят все мною пережитое... Большой интерес вызвала красотка Тамара. Затем привели еще шесть парней и одну девушку. Не помогли никакие угрозы, никакие жестокие избиения нагайкой. Они вели себя чертовски! Девушка не проронила ни слезинки, она только скрежетала зубами... Началось избиение нагайкой. При этом я разбил рукоятку на мелкие куски...

8 марта. Сегодня я уже расстрелял шестерых...

17 марта. Моя первая работа с утра - приказал привезти на телеге из госпиталя пятого: русского парашютиста и тут же перед массовой могилой расстрелял его..."

В комментарии Эренбург обращается к иностранным корреспондентам с просьбой передать дневник во все газеты свободолюбивых стран. Он обращается к советским людям, работающим в тылу, призывая их внимательно прочитать записи гитлеровца и дать фронту больше оружия. Он обращается к бойцам и командирам Красной Армии: "Друзья-воины, помните, что перед вами Фридрих Шмидт. Ни слова больше - только оружием, только - насмерть, всех, до последнего!.."

У нас всегда бывало много откликов на публикации в газете, и особенно на статьи Эренбурга. Но на этот раз редакция получила не одну сотню треугольников со всех фронтов. Это была даже не волна откликов, а буря. Под заголовком "Письма гнева" мы смогли напечатать лишь двенадцать писем, раскрывающих чувства, бушевавшие в сердцах наших воинов.

Семнадцать бойцов во главе с гвардии старшим лейтенантом Елизаровым писали: "Прочитав дневник, мы невольно молчали.

Мы прислушивались - каждому из нас как бы слышались стоны замученных и расстрелянных родных нам людей. Мы плакали сухими глазами. Жгучая ненависть сушила нам слезы.

Мы клянемся жестоко отомстить проклятым немецким оккупантам..."

Другое письмо - сержанта Евгения Шурова:

"...Кровожадные звери убили четырехлетнего ребенка... Фашисты расстреляли Екатерину Скороедову, старика Савелия Петровича Степаненко... Я знаю всех этих людей, все они мои знакомые... Я отомщу немцам за вашу смерть!"

Прислал письмо Александр Галушко:

"Коммунистка Катя Скороедова была работницей Буденновского райкома комсомола. Пишущий эти строки долгое время работал с ней и близко ее знал. Катя Скороедова погибла как героиня...

Мстить, мстить и еще раз мстить - таков наш ответ, уроженцев села Буденновки на Мариуполыцине".

* * *

Опубликовано Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы. Впервые официально названы имена главарей фашистской клики, которые должны быть арестованы и судимы международным трибуналом: Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Гиммлер. Риббентроп, Розенберг... Их ждет виселица - так каждый понял это заявление и одобрил его. Нельзя не обратить внимание на требование, чтобы все государства оказывали "друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников". В этих словах предчувствие: найдутся у военных преступников покровители и укрыватели.

27 октября

Появился репортаж нашего корреспондента по Северо-Кавказскому фронту под заголовком "В районе Нальчика". "Ожесточенная схватка завязалась вчера на водном рубеже, - пишет корреспондент. - Наши части отразили подряд четыре атаки немцев, но потом под давлением численно превосходящего противника отошли на новые позиции"... Это означало, что немцы форсировали реку Баксан, овладели Нальчиком и прорываются к Орджоникидзе и Грозному. Другой репортаж, под названием "Северо-восточнее Туапсе": "Несколько недель назад немцы

начали наступательную операцию, ставя своей задачей преодолеть предгорья и прорваться к Черному морю в районе Туапсе".

Еще одно тревожное сообщение: "К югу от Сталинграда". Это - уже степи Калмыкии. Еще в августе враг захватил Элисту и ныне пробивается к низовьям Волги. Информации об этом до сих пор не было, даже об оставлении Элисты ничего не сообщалось. Только сегодня появилась первая корреспонденция Коротеева с этого участка фронта. Как рассказывает спецкор, в этом районе нет сплошной линии фронта с окопами, ходами сообщений, проволочными заграждениями, противотанковыми рвами. Прорыв к Астрахани не исключен.

Естественно, наибольшее наше внимание - Сталинграду. После захвата Тракторного завода и выхода немцев к Волге бои приняли еще более яростный характер. Пленные показывают, что Гитлер отдал приказ в несколько дней овладеть Сталинградом. Эренбург, который многое знал, что делается за кордоном - и у наших союзников, и у немцев, - по всевозможным радиоперехватам, говорил, что в немецких газетах каждую ночь оставляли две колонки для сообщения о взятии города.

А наши войска все упорнее сражаются за каждую пядь волжской земли. К Сталинграду подтягиваются новые силы, но об этом пока мы не сообщаем. Вот только в репортаже промелькнула фраза об отваге и доблести вновь прибывших в Сталинград воинов.

В эти грозные и трудные дни не угасала вера, что мы выстоим, что немцам не прорваться через Кавказские горы, не овладеть Сталинградом. И хотя обстановка сейчас на фронтах опасна, мы в передовой статье пишем:

"Красная Армия не выдаст свой народ, свою Родину на поругание врагам. Как бы ни была тяжела борьба, как бы ни далеко продвинулись немцы в глубь советской страны, сомнение не закрадется в наши души. Мы твердо верим в свою конечную победу и должны, забыв обо всем, кроме борьбы с врагом, стиснув зубы, добиваться приближения ее часа".

Пламенные строки Некрасова переадресованы в передовой советским воинам:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны...
Иди в огонь за честь отчизны,

За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Со страниц газеты не сходят имена героев Сталинграда. С каждым днем их все больше и больше. Почти в каждом номере упоминается имя генерала А. И. Родимцева, командира 13-й гвардейской дивизии.

В Сталинград Гроссману ушла телеграмма: "Срочно шлите очерк о дивизии Родимцева". В данном случае слово "срочно" означало, что задание это для спецкора первоочередное. Мы не ждали от Василия Семеновича очерка через два или три дня. Мы знали, что ему необходимо время, чтобы все посмотреть, понять, почувствовать. Да и писал он не быстро, хотя приучил себя работать в любой обстановке.

На второй или третий день Гроссман прислал мне письмо:

"Тов. Ортенберг, завтра предполагаю выехать в город... Так как переправа теперь вещь довольно громоздкая, то путешествие сие займет у меня минимум неделю. Поэтому прошу не сердиться, если присылка работы задержится. В городе предполагаю побеседовать с Чуйковым, командирами дивизий и побывать в передовых подразделениях...

Если моя поездка в город сопряжется с какими-либо печальными последствиями - прошу помочь моей семье".

Это письмо, особенно последние строки, скажу прямо, произвело на меня тревожное впечатление. Если уж Гроссман, человек истинной храбрости, немало хлебнувший всего на фронте, заговорил о "печальных последствиях", можно представить себе, что происходит на переправе и в самом городе.

Опасность, понятно, не могла остановить писателя. Он считал своим долгом быть там, где идет бой, чтобы видеть его своими глазами, рядом с теми, кто с оружием в руках сражается с врагом. Мне рассказывали, как возмутился Гроссман, когда корреспондент одной из газет во фронтовом корпункте сказал, что не обязательно, мол, самому, лезть в город и рисковать жизнью, достаточно материалов оперативного отдела штаба, бесед с людьми, приезжающими из Сталинграда. Писатель Леонид Кудреватых - корреспондент "Известий" - был свидетелем этой яростной перепалки и записал слова Василия Семеновича:

- Никто из нас не имеет права писать о Сталинградской битве, если не побывает в городе сам. Нет морального права рассказывать о боях, которых ты не видел.

Околачиваться во фронтовых и армейских тылах, добывать в тылу материал из вторых или третьих рук считалось у нас в редакции большим грехом. Особенно непримиримым был в этом отношении Алексей Сурков. В одном из своих писем, отчитываясь за фронтовые дела, он с привычным юмором писал: "Ну, что я могу сообщить о своих солдатских "подвигах"? Из окружения с боем солдат не выводил. Доты своим телом не прикрывал. Чего не было, того не было. Просто я всю войну проездил на попутных полуторках и в теплушках, набираясь там, главным образом, мудрости о войне. Старался не задерживаться в расположении фронтовых и армейских штабов, черная вдохновение в оперативных отделах. Стремился по возможности скорее добраться до полка и батальона, где, собственно, и делалась история войны в первой инстанции... Вообще же, находясь на полковых и батальонных НП или заползая в окопы переднего края, чтобы побеседовать с солдатами и офицерами, приходилось делать то, что делали они..."

Свою позицию в этом Алексей Александрович даже изложил в сатирических стихах. Зашел как-то он ко мне и вручил стихотворное послание с длинным, в первой своей части заимствованным у Жуковского названием - "Певец во стане русских воинов, или Краткий отчет об очередной командировке вашего собственного корреспондента". Есть в нем строки о том, как редактор, узнав, что "спецкора на месте нет", среди ночи разыскивает его и срочно отправляет на фронт:

...Пускай тогда до Берлина
Был путь далек и тернист,
К Валуйкам был мощно двинут
Разбуженный журналист.
Был лих измышлять заданья
Редактор тот, супостат...
Вот в сумке шуршит предписанье,
И литер, и аттестат.
Мчит "газик", и снег летучий
Вбивается в жесткий тент.
На "утке" ныряет в тучи
Ваш собственный корреспондент.
Пробив черту горизонта,
"Пробрив" овраги и лес,
В районе Н-ского фронта
Он сваливается с небес.

Если не считать шпильки редактору-"супостату", как будто

ничего особенного в стихах нет. Но вот читаю вторую главу:

Болтая и споря яро,
Укутана в дым и шум,
Пасется в штабе отара
Властителей наших дум.
Ведут дебаты и споры
И в завтраки и в обед
Скучающие собкоры
Всех агентств и всех газет.
В АХО добывают водку
И ссорятся из-за пайка.
А вечером щиплют сводку,
Как жирного индюка...
По ветру настроив лютни,
В сироп макают перо
Собкоры из ТАСС и трутни
Из улья Информбюро.
Зовутся фронтовиками
Вдали от солдатских дел.
У них всегда под руками
Оперативный отдел...
В Москве же приладят каски
К свинцовым своим башкам
И будут рассказывать сказки
Доверчивым чудакам...
От этой дешевой фальши,
Как от зачета студент,
Пугливо бежит подальше
Наш собственный корреспондент.
Он птахой порхнул с порога,
Над ним небосвод, как зонт.
От штаба ведет дорога
Туда - на войну, на фронт.

Остановился я на этой главе и с укором посмотрел на Суркова:

- Алеша! Очень злые и жестокие слова. Вот так, всех огулом? Ты что же нашего брата позоришь. Справедливо ли?..

Сурков сразу же отпарировал:

- Во-первых, не всех. Тот, кому это адресовано, сразу себя найдет. Жестокая справедливость. А Крикун из "Фронта"? Еще с большим перцем.

Действительно, выведенный Корнейчуком в пьесе "Фронт"

газетчик Крикун как раз такого типа человек. Драматург вложил ему в уста именно то, о чем говорил Гроссман и о чем написал Сурков: "С радостью я был бы на передовой, но как спецкор по фронту должен быть, к сожалению, при штабах..." И опубликовано это было в "Правде", а затем и прозвучало со сцены МХАТа и других театров...

- У меня, - продолжал Алексей Александрович, - тоже сатирическое заострение и укрупнение. Но ты читай дальше. Там кое-что объяснено:

Пропел я это начало
(Быль молодцу не укор!),
И вроде как полегчало
На сердце моем с тех пор,
И вроде как оборвалась
Моей жестокости нить.
Хотя бы и полагалось
Еще кой-кого казнить.
Предчувствую я заране
Блюстители скажут мне:
"Как смел ты о всякой дряни
Писать на святой войне?
Наместо баталий дивных,
Как смел ты, жалкая тварь,
Воздвигнуть свалку противных,
Похожих на маски харь?"
Обстрелян вопросов градом,
Отвечу я, не таясь:
"Нередко с доблестью рядом
Гнездятся плесень и грязь.
Святое мы не порочим,
Но нам ли таить грехи?
А о святом, между прочим,
Писали и мы стихи.
Что в нашей жизни отлично
И дряни какой процент
Об этом знает прилично
Ваш собственный корреспондент.
Кто песне своей заранее
Лишь доблесть дает в удел,
Тот сам расчищает дряни
Дорогу для грязных дел".

Тогда эти стихи не были напечатаны, да и Сурков не

предназначал их для публикации - они касались журналистской кухни, главным образом редакционного люда. Но есть там и общезначимые вещи. Поэтому и включил их поэт в послевоенное Собрание своих сочинений. А потом подарил мне и написал густыми чернилами: "Это - твое".

Читаешь последние строки этого стихотворения и ловишь себя на мысли, что для нашего брата - газетчика они, эти строки, и особенно последние, актуальны и сейчас.

* * *

Вернусь, однако, к сталинградским делам.

Гроссман вместе с Гехманом переправились на правый берег через кипевшую от разрывов снарядов и бомб Волгу. Прибыли они в "трубу" - так называлось подземелье, где расположился в нескольких десятках метров от передовой линии штаб дивизии, показали Родим цену редакционную телеграмму. Потом спецкоры мне рассказывали, что Родимцев, прочитав ее, вроде смутился. Выл и рад и не рад. С одной стороны - приятно, что о тебе скажут добрые слова, а с другой... Он шутя заметил:

- Знаете, я человек суеверный. Помню, у вас была статья о Доваторе. В тот же день его убило. Выла фотография Панфилова. Его тоже в тот же день убило...

Между прочим, суеверным был и сам Гроссман. Написав свой очередной очерк, он обращался к Гехману, с которым часто путешествовал по фронту:

- У вас, Ефим, рука легкая. Возьмите мой материал и своими руками заклейте пакет и отправьте в Москву. Потом поезжайте на полевую почту. Если пришла газета, не давайте ее мне сразу, раньше сами посмотрите, есть ли я там?

Думаю, все же не в суеверии было дело. Я знаю, что, когда приходила газета с его очерком, писатель буквально менялся на глазах. Радовался. Перечитывал свой очерк, проверяя на слух, как звучит та или иная фраза. Он, опытный писатель, преклонялся перед печатным словом. Для него появление наборного оттиска было вторым рождением очерка...

Пробыли они в дивизии Родимцева три дня. Гроссман и раньше не раз бывал здесь. Сейчас он добирал материал, кое-что проверял, уточнял. Побывал в полках, ротах, на огневых позициях в разрушенных зданиях и подвалах, где обосновались и сражались бойцы. Присмотрелся к работе штаба, самого Родимцева. И только тогда спецкоры возвратились на левый волжский берег. Потом в редакционном кругу писатель рассказал о таком эпизоде:

- Помню непоколебимое спокойствие Гехмана, которого, видимо, бог забыл наградить чувством страха. Октябрьской ночью

мы должны были из знаменитой родим невской "трубы" в Сталинграде на лодке перенравиться через Волгу. Родимцев, прислушиваясь к грохоту, сотрясавшему подземелье, озабоченно покачивал головой и говорил: "Выпейте, товарищи, на дорогу, уж слишком там жарко на воде". Гехман, пожав плечами, ответил: "Спасибо, не хочу, я на дорогу лучше съем еще кусочек колбасы". Это было сказано с таким спокойствием и колбаса съедена с таким аппетитом, что Родимцев и все кругом рассмеялись.

Наконец мы получили великолепный очерк Гроссмана "Сталинградская битва", занявший в газете почти целую полосу. В тот же день он был поставлен в номер, а на второй день его перепечатала "Правда".

А в Сталинград ушла телеграмма Василию Семеновичу, в которой было немало добрых слов, хотя я и знал, что Гроссман тяготился, когда его хвалили, все время говорил, что главное еще не сделано.

Этот очерк хорошо помнят многие фронтовики и особенно сталинградцы. Я позволю себе привести только строки, посвященные Мамаеву кургану, священная слава которого тогда только восходила:

"Пока Клин победоносно занимал здание за зданием, другие два полка штурмовали курган, место, с которым многое связано в истории Сталинграда, оно известно со времен гражданской войны. Здесь играли дети, гуляли влюбленные, катались зимой на санях и на лыжах. Место это на русских и немецких картах обведено жирным кружком. Когда его заняли немцы, то генерал Готт, вероятно, сообщил об этой радости радиограммой германской ставке! Там оно значится как "господствующая высота, с которой просматривается Волга, оба берега и весь город". А то, что просматривается, то и простреливается. Страшное это слово - господствующая высота. Ее штурмовали гвардейские полки.

Много хороших людей погибло в этих боях. Многих но увидят матери и отцы, невесты, жены. О многих будут вспоминать товарищи и родные. Много тяжелых слез прольют по всей России о погибших в боях за курган. Недешево далась гвардейцам эта битва. Красным курганом назовут его. Железным курганом назовут его - весь покрылся он колючей чешуей минных и снарядных осколков, хвостами-стабилизаторами германских авиационных бомб, темными от пороховой копоти гильзами, рубчатыми, рваными кусками гранат, тяжелыми стальными тушами развороченных германских танков. Но пришел славный миг, когда боец Кентя сорвал немецкий флаг, бросил его оземь и наступил на него сапогом".

30 октября

Главные события войны по-прежнему происходят на Юге. Но это не значит, что мы имеем право забывать о других фронтах, хотя там относительное затишье. И прежде всего о блокадном Ленинграде.

13 октября Николай Тихонов писал мне: "В ближайшие дни пришлю Вам статью "Заметки о горной войне". В конце месяца я напишу "Ленинград в октябре" и дам что-нибудь отдельно о городе в связи с юбилеем Октября. В эти дни Ленинград, естественно, будет в центре внимания. Все невольно обратят свое воспоминание в сторону приневской столицы, с которой столько связано замечательного в жизни нашего народа. Немцы, вероятно, сделают что-нибудь, чтобы испортить праздник, как это было в прошлый год..."

Через несколько дней мы получили статью. К ней была приложена записка Николая Семеновича. Он волновался. "Это, - писал он мне, - может быть, и не пойдет, так как Вы на такую тему всегда найдете в Москве специалиста, но прочтите, так как мне очень хотелось такую статью написать и я не поборол искушения".

Прочитал я его "Заметки о горной войне". Статья, чисто военного содержания, оказалась очень интересной и нужной. В ней был настолько точно обрисован кавказский театр военных действий, так грамотно и подробно рассмотрены особенности горной тактики, что даже наши въедливые редакционные специалисты никаких замечаний не сделали. Когда же мне принесли верстку статьи, занявшей полный подвал, я увидел подпись "Полковник Н. Тихонов". Это кто-то из редакционных работников для придания ей большего веса добавил к имени писателя его воинское звание. Такой случай у нас уже был. Как-то Петр Павленко прислал военный очерк и подписал его "Полковник II. Павленко". Ну что ж, решили мы, если Петру Андреевичу этого хочется - пусть так и будет. Но хочет ли этого Тихонов? Подпись "Николай Тихонов", подумал я, достаточно авторитетна, и снял "полковника".

А сегодня опубликована статья, вернее, очерк Николая Тихонова "Ленинград в октябре 1942 года". Прекрасно, зримо написанный осенний пейзаж блокадного Ленинграда. Осенние тревоги: теплый западный ветер гонит волны Невы назад, от взморья, - как бы ко всем бедам не прибавилось наводнение. И осенние заботы: надо думать о сохранении овощей, о дровах на зиму, об отоплении домов, о чистке труб, о ремонте бомбоубежищ, крыш...

Тихонов рассказывает об одном удивительном "банкете", где стол не отличался обилием, но пелись песни и произносились речи, краткие, но горячие. Это празднуют... водопроводчики Фрунзенского района Ленинграда, завоевавшие первое место в городе в подготовке жилищ к зиме. И среди них семнадцатилетняя девушка и четырнадцатилетний Витя Федоров, который дал воду в три больших дома. Есть рассказ и о ленинградских детях, среди которых за блокадный год стало немало сирот; о них заботятся бойцы, эта забота перешла в трогательную привязанность.

С болью в сердце писатель рассказывает о трагедии, взволновавшей весь Ленинград, - гибели Георгия Журбы, комиссара 45-й гвардейской дивизии полковника Краснова. Журба был коренным ленинградцем, пошел добровольно в ополчение. Хоронили его в пасмурный день торжественно, как хоронят героя. Не дожил Журба до радостного дня присвоения дивизии звания гвардейской. Но был он настоящим гвардейцем, и имя его поведет в бой, как водил он сам много раз. В первый раз блестели слезинки на суровом лице полковника Краснова, попрощавшегося со своим боевым другом... Сын Ленинграда отдал жизнь за родной город...

Завершил очерк Николай Семенович своими мыслями о праздновании приближающейся годовщины Великого Октября.

"Напрасно враг хотел сокрушить твердыню нашей славы. Напрасно в прошлом году он устроил дикую бомбежку в самый канун Великого праздника и дикий обстрел в день 7 ноября. Ленинградцы презирали его бессильную злобу. Пусть что хочет придумывает враг и в этот год - Ленинград будет праздновать великий день, весь от мала до велика, и еще выше взовьется красное знамя над его непобедимой твердыней..."

* * *

Не могла не заинтересовать читателя и корреспонденция нашего нового ленинградского спецкора Николая Шванкова "На Пулковских высотах". Он рассказывает о том, что немцы не раз пытались прорваться к Пулкову ключевой позиции ленинградской обороны, но каждый раз были биты. Пулково остается неприступным. В бессильной злобе фашисты обрушили на Пулково ливень снарядов и бомб. Они не пощадили ни астрономическую обсерваторию, основанную выдающимися русскими учеными свыше ста лет назад, ни исторические здания, ни фонтаны, ни тенистые деревья парка. Руины Пулкова отчетливо видны на фотоснимках нашего корреспондента М. Пригожина, помещенных под статьей.

Наш спецкор писатель Лев Славин, побывавший вместе с

Михаилом Светловым на Пулковских высотах, рассказал мне, что, когда поэт увидел здесь пушку с "Авроры", он произнес такую афористическую фразу:

- Подумай! Сама Октябрьская революция стреляет по немцам...

* * *

В сегодняшнем номере газеты опубликована статья майора Н. Исаева "Чему учит боевая жизнь". У нее подзаголовок "Заметки политработника". Автор бывший комиссар полка, ныне заместитель командира полка по политической части, в недавнем прошлом батальонный комиссар, а теперь - майор.

Политическим работникам, в соответствии с Указом об установлении в Красной Армии полного единоначалия, присваиваются общие для всех командиров звания. Встречаю своих знакомых дивизионных и корпусных комиссаров - многие из них вот-вот наденут полковничьи или генеральские знаки различия. В редакции тоже составляются списки для присвоения командирских званий нашим работникам. Больше всех довольны те писатели, у которых были интендантские звания. Вспоминаю, что еще на Халхин-Голе из всех писателей, работавших в "Героической красноармейской", только у Ставского были комиссарские петлицы; остальные, в том числе Славин, Симонов, Лапин, Хацревин, ходили в интендантских званиях, неизвестно кем, когда и почему установленных для литераторов. Нередко они сами подтрунивали друг над другом, вспоминая злую тираду Суворова о корыстолюбивых интендантах. Иногда их даже принимали за военных врачей или интендантов, носивших, как известно, петлицы и околыши такого же цвета, и требовали скорой помощи раненым или отчитывали за перебои с пищеблоком, и нашим писателям приходилось доказывать, что они в медицинской науке разбираются не больше, чем в пищеблоках, каптерках и других интендантских делах. С этими званиями они пришли в "Красную звезду". Но здесь мы самовольно заменили им зеленые петлицы на красные, комиссарские... А теперь все эти проблемы разрешены.

Но вернусь к статье Исаева. Он ставил очень острые, животрепещущие вопросы политической работы в массах, доказывал, что эта работа должна вестись беспрерывно. Многие политработники, отмечает он, занимаются работой с людьми главным образом перед боем и после боя. На опыте своего полка, его трехмесячных боев в верховьях Дона он показал, к каким отрицательным последствиям это приводит. Был случай, когда из-за паники наши подразделения оставили высоту, только что завоеванную немалой кровью; некому было рассеять эту панику -

политработники, подготовив бой, во время его не были с бойцами... Выводы майора: политработа не терпит сезонности. Она должна вестись непрерывно... И перед боем, и после него, а в особенности в момент наибольшего боевого напряжения. Политработник не имеет права ни на секунду упускать нити, связывающие его с красноармейской массой. Он обязан пристально следить за настроением людей и живо реагировать на него.

* * *

В номере - очерк Василия Ильенкова "Старый солдат" - о встрече в прифронтовой деревне со старым солдатом Степаном Дмитриевичем, в прошлом шахтером. Этот семидесятидвухлетний старик, отправивший на войну двух своих сыновей, сам был испытанным воином. Прошел действительную службу, воевал в русско-японскую войну, в первую мировую - под Перемышлём, знал, почем фунт солдатского лиха.

Писатель слушал его рассуждения о войне, о немцах, особенно примечательны были взгляды ветерана на роль командира. Ильенков передал их, сохранив колорит солдатского языка:

" - Значит, побьем все-таки, Степан Дмитрович?

- Да ведь если я тебе скажу: побьем, то это одни мои слова. А слова вода. На факте дело надо показывать, дитенок миленький! Ежели бы я молодой, как под Перемышль ходил, то я бы показал по существу команды. Эх, ежели бы мне дали голос. Я бы его сбоку! От командира большое значение. Был у нас один, все, бывало, кричит, а без толку, и рота его, как куры мокрые. А наш был командир - орел! Солдаты им были довольны, подход к ним хороший имел. Строгость соблюдал и насчет перекурки было свободно. Солдаты его сильно уважали. Бывало, как скомандует, - все за ним... С солдатом надо умеючи воевать, тогда он какую хочешь крепь возьмет... Как кошка будет царапаться. И тогда тебе все четыренадцать королевств нипочем...

И продолжал:

- Вот как-то сидели мы летом, обсуждали своим умом, как бы немцу дать трепыховку, и вваливается тут ко мне в избу, вот прямо на эту скамью, лейтенант... Молоденький, а весь в крови. Одиннадцать ран получил. Ну, попоил я его молоком, а сам гляжу на него, и душа моя радуется: есть в России орлы! Рана для солдата - почет. Таких бы вот командиров побольше. Тогда мы будем наскрозь непобедимые..."

Читал я этот очерк и был уверен, что его все с интересом прочитают...

Дорогой для нас человек, писатель Вячеслав Шишков прислал

очерк "Гость из Сибири". Кратко о его сюжете. Из Сибири прибыл эшелон с подарками для фронтовиков. Из эшелона на встречу с бойцами вышел высокий дюжий старичина Никита. Встреча состоялась на полянке среди леса, куда после горячих боев была выведена на отдых рота старшего лейтенанта Деборина.

Есть в очерке живые жанровые сценки. Колоритные диалоги. Пейзажные зарисовки. Точные портретные характеристики. Словом, емкий по содержанию очерк, в котором видна и рука и душа большого писателя.

Не буду его пересказывать, приведу лишь один очень колоритный абзац:

- И вот, ребята, - говорит дед Никита, бывалый вояка с медалями и двумя Георгиями на груди, - имейте в виду, на войне допрежь всего на врага озлиться надо, лютость в сердце чтоб жила. Да вот вам, слушайте. Как-то у нас, это еще в далекое время было, в селе съезжий праздник начался, чужих парней много понаехало. Напились, драться стали. Возле церкви на горе войнишка идет у них, пластаются стенка в стенку, человек по полсотни с каждой стороны. А мы, мужики, на завалине под рябинами сидим, разговоры разговариваем, балакаем. Глядь-поглядь: выскочил из соседней избы да шасть к нашей беседе парень пьяненький, Кешка. Силач, верзила, а в обыкновенной жизни - что твой теленок, кроткий, незлобивый. Кричит мне: "Дедушка Никита, дай мне по морде со всех сил!" - "Нет, не дам, отвечаю, ты мне худа никакого не сделал". А он: "Дай, тебе говорят! А то я шибко смирный, а мне беспременно озлиться надо: нешто не понимаешь - наших бьют..." Видит, что я не в согласьи, он к другому, он к третьему, нет, никто не желает обижать его, уж очень хороший парень-то. Он к Силантию, даром что его не любил: "Дядя Силантий, ну хоть ты дай мне в морду самосильно, в ножки поклонюсь тебе. Ну дай, ну дай ради Христа!" А Силантий рад, встал, развернулся, хрясь парня в ухо. Кешка едва устоял, крикнул: "Ну спасибо тебе, дядя Силантий, хорошего леща дал мне, спасибо!.. Теперича я в ярь вошел, теперича воевать могу... Всем башки сверну да на березы закину!" Тут Кешка наш плюнул в горсть, выпучил глаза да к войнишке ходу. Всех погнал там, всех побил. Вот вам... Раскусите-ка, ребята, сказ-то мой".

Я и решился на столь обширную цитату, чтобы раскрыть главную идею очерка, столь образно выраженную писателем. Она - яснее ясного!

Ноябрь

3 ноября

Поздняя осень сорок второго. Враг продолжает сидеть в Сталинграде со своими 22 дивизиями. Грохочет огромный советско-германский фронт. Когда и где мы нанесем свой ответный удар - этого я точно не знал, хотя приближение его чувствовал. А газете нельзя в этом случае опаздывать...

В один из приездов Жукова в Москву из Сталинграда мне удалось побеседовать с ним - правда, лишь на ходу. Ничего, казалось, особого он мне не открыл. Но одна фраза тогда насторожила: "Отстоять Сталинград. Измотать и обескровить противника - сегодня это главное". Я вспомнил, что точно такую мысль он обронил в ноябре прошлого года, когда я был у него в Перхушкове накануне нашего контрнаступления под Москвой. В результате той нашей беседы родилась передовица "Разгром немцев должен начаться под Москвой", наделавшая столько шуму среди моих собратьев-газетчиков, пытавшихся узнать, что именно кроется за этой передовой. Тогда Жуков был откровеннее.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь. Я часто заходил к заместителю наркома обороны начальнику тыла Красной Армии генералу А. В. Хрулеву. Помню, сижу у него, чувствую необычайное оживление. Разговоры идут об эшелонах, о переброске материальной части, продовольствия в район Сталинграда. А Хрулев, который всегда был со мной откровенным, поняв, вероятно, что я что-то учуял, и памятуя наказ Сталина держать все в строжайшем секрете, поспешил заметить: "Это - в помощь Сталинграду". Поди угадай - для обороны или наступления?!

Кстати, даже командующий 62-й армией В. И. Чуйков признался, что о контрнаступлении трех наших фронтов он узнал лишь в ночь накануне наступления.

А пока в газете идут неутешительные сообщения Совинформбюро и наших корреспондентов. "После длительной огневой подготовки, - сообщает Высокоостровский, - немцы начали наступать одновременно на трех участках: на северной окраине города, на территории завода и между заводами... Трудно сосчитать, сколько атак выдержали наши части в районе завода. Только одна стрелковая дивизия отбила за двадцать последних дней 32 крупных атаки, поддержанных танками и авиацией". Враг несет огромные потери. Происходит как раз то,

что мне говорил Жуков, - перемалывание живой силы и техники врага. В газете все больше сообщений о том, как наши войска изматывают и обескровливают противника, - а это одно из важнейших условий наступающего перелома.

* * *

Только сегодня Совинформбюро сообщило, что наши войска оставили Нальчик. Трояновский рассказал, как это произошло: "...Пришла новая группа в составе 50 вражеских бомбардировщиков, а вслед за ней - еще группа в 40 самолетов. За какой-нибудь час или полтора немцы сбросили на наши боевые порядки более 100 тонн бомб, разрушив многие дзоты и окопы. Еще не ушли последние самолеты, как в долине показался первый эшелон танков из 40 машин, за ним следовал второй эшелон танков из 30 машин. На танках второго эшелона сидели автоматчики, а на прицепах были пушки и установки с шестиствольными минометами".

Но нет, не парадным строем шли немцы. Наш корреспондент был в эти часы в боевых частях и видел, как советские воины отбивали одну атаку за другой. Однако силы были неравные, отмечает он, и под давлением врага наши части оставили Нальчик.

* * *

В газете много военных статей и корреспонденции. Выясняется, что большие потери противник несет не только на земле, но и в воздухе. Полковник В. Пошехонцев в статье "Воздушные бои за Сталинград" пишет: "От атак советских истребителей и огня зенитной артиллерии немцы потеряли большую часть своих самолетов и вынуждены восполнять потери за счет переброски авиачастей с других фронтов. В первых числах октября сюда была переведена с Ленинградского фронта 1-я эскадра бомбардировщиков, с Центрального - 51-я эскадра. Но и это не разрешило проблему. Тогда немцы переключили против Сталинграда всю авиацию соседних участков фронта".

О том, какие потери несет противник, свидетельствуют такие данные, приведенные в статье: за последнюю неделю боев - с 24 по 30 октября - лишь в воздушных боях сожжено и подбито 80 немецких машин. И чтобы ни у кого не было сомнений, автор подчеркивает, что сюда входят только самолеты, уничтожение которых было подтверждено наземными войсками. А сколько потерь несет враг от ударов нашей авиации по аэродромам! Словом, и здесь идет перемалывание сил противника.

В этой связи интересна статья В. Земляного "Штурмовики в боях против немецких истребителей". Дело было новым. Первый опыт. Понятно, как был полезен и нужен разговор о нем. Темы

военных статей все более разнообразятся. Например, статья Героя Советского Союза генерал-майора инженерных войск А. Хренова "Штурмовые отряды саперов" или такие: "Система огня в горной местности", "Оборона командного пункта в уличном бою", "Ночной поиск в горах" и т. п.

Где и в каких штабных инструкциях и наставлениях все это можно узнать, да еще с такими подробностями, подкрепленными боевым опытом. Я вовсе не хочу этим выпятить заслуги газеты. Таков уж закон работы вообще советской печати - она нацелена на то, чтобы собирать по крупицам опыт. А нам, в военной газете, в военное время, сам бог велел этим заниматься.

Большой материал пришел из Новороссийска. Я уже говорил: Совинформбюро поторопилось сообщить, что город оставлен нашими войсками. В газете на этот раз напечатаны не репортаж, не корреспонденция, а снимки города (туда вылетел Хомзор). Вот уже три дня подряд мы их печатаем в газете.

В сегодняшнем номере на всю первую полосу - панорама Новороссийска. И развернутая подпись под фото, своеобразный репортаж: на Южном участке фронта. Прошло уже свыше полутора месяцев, как немецко-фашистские захватчики ворвались в Новороссийск, однако им до сих пор не удается стать хозяевами города. Цемесская бухта и порт находятся под нашим артиллерийским, минометным и пулеметным обстрелом и не могут быть использованы врагом. Не удалось немцам овладеть и крупнейшими цементными заводами. На снимке: Наблюдательный пункт в районе одного из новороссийских цементных заводов. Старший лейтенант В. Жаворонков корректирует артиллерийский огонь по немецким позициям. Снято нашим спецкором Г. Хомзором 31 октября 1942 года. И еще много других снимков, в том числе с такой подписью: на цементном заводе. Бойцы занимают дом, очищенный от немцев.

Не обошлось у фоторепортера без приключений. Он решил снять панораму Новороссийска с верхней точки. Помощник начальника штаба 1337-го стрелкового полка старший лейтенант Каневский провел его на чердак одного из высоких зданий. Обстановка была сложной, противник совсем близко, следит за этим зданием, обстреливает его. Только Хомзор сделал несколько кадров, как рядом разорвался снаряд. Корреспондента и штабного офицера оглушило. Надо было немедленно уходить. Когда пыль рассеялась, увидели: там, где была лестница, зияет пустота. Старший лейтенант быстро сориентировался - сорвал со стены электропроводку, и они спустились "по-альпинистски".

У этой истории есть свое продолжение. Уже в мирное время Хомзор снимал в Крыму для "Известий", где он работает,

фотоочерк об отдыхе трудящихся. К нему подошел немолодой человек и сказал:

- Вот вы, вижу, фотокорреспондент. Теперь, наверное, работать легко. А вот я знавал одного репортера, которому для газеты снимки приходилось добывать дорогой ценой...

И рассказал Хомзору тот самый случай в Новороссийске. Человек этот оказался тем самым старшим лейтенантом, который сопровождал фоторепортера на цементном заводе. Они обнялись. Обменялись адресами. Недавно Хомзор получил от него очередную весточку - Григорий Борисович Каневский живет в Запорожье, преподает историю в школе...

6 ноября

Уже два дня подряд публикуются предпраздничные материалы. Это прежде всего выступления наших читателей, фронтовиков. Старший лейтенант В. Крюков, коренной ленинградец, а ныне защитник своего города, выступил со статьей "Моя жизнь". Это о жизни на войне. Полковник А. Федоров в статье "Семья и Родина" рассказывает о том, как воюет его семья; все взрослые - на фронте. Капитан П. Артюхов в статье "Боевой курс" повествует о двух своих курсах: один - на штурмовку врага, а другой... Впрочем, пусть он сам расскажет:

"Однажды пришлось мне пролетать над родным Заречьем, фронт уже близко надвинулся к Сухой Чигле, и захотелось мне хоть сверху, хоть на минутку взглянуть на дорогие моему сердцу места... Я кружился над селом, над самыми крышами, над полем, - люди пололи свеклу. Я сбросил вымпел. Всего несколько строк написал я своим землякам. Они узнали меня, махали мне руками, приветствуя, радуясь моему прилету, и я видел их лица, озаренные надеждой и верой в силу Красной Армии".

Напечатан очерк Василия Гроссмана "Сталинградская переправа". Кто там был, никогда не забудет ее. Не раз переправлялся через Волгу и писатель, испытал все, что полагалось там испытать; береговые "статистики" подсчитали, что за несколько последних недель октября немцы обрушили на переправу восемь тысяч мин, пять тысяч снарядов и пятьсот бомб.

В октябрьскую ночь Гроссман познакомился с человеком, который командовал баржей, служившей для переправы через Волгу. Это был Павел Власов, высокий, лет сорока, темнолицый сержант с карими глазами, отец шестерых детей, в мирное время - колхозный казначей. Узнал писатель и о его подвиге, совершенном накануне.

Во время одной из переправ на середине Волги снаряд пробил палубу баржи, проник в трюм и там взорвался, расщепив борт на метр ниже воды. Началась паника, крики: "Тонем, тонем!" В эти страшные минуты, когда в дыру хлынула вода, когда страх смерти охватил людей, Власов сорвал с себя шинель, свернул ее и невероятными усилиями, преодолев напор воды, плотной, словно свинец, втиснул шинель в пробоину, навалился на нее грудью и сдерживал напор воды, пока не подоспела помощь. Бойцы, орудия, боеприпасы благополучно достигли берега.

Писатель плавал на барже с Власовым, переправлялся на ту сторону, видел его нелегкую работу под огнем неприятельских пушек и авиабомб, слушал его неторопливую команду, обменивался репликами. Казалось бы, чего еще больше: есть готовая фабула, есть факты, личные впечатления, можно писать. Но для Гроссмана этого было мало. Он упросил паромное начальство отпустить Власова на сутки. Целый день и до утра сидел писатель с сержантом, и текла у них мирная беседа в эти немирные часы под вражеским обстрелом. И родился очерк "Сталинградская переправа".

* * *

В газете много и других писательских выступлений. Это прежде всего размером в полполосы статья Алексея Толстого "Русский и немец". Замечательно в ней сказано о Родине:

"Народы Советского Союза стойко переживают тяжелые испытания войны. Много жертв, много слез, много страданий. Но жертвы и слезы и страдания искупаются в одном слове - Родина. Родина - это наша надежда, наш путь в будущее, наша утешительница и наша слава. Родина - это тот тихий свет воспоминаний, от которых сладко сжимается сердце. Родина - это тот рай земной, который мы должны построить своими руками, - самый человечный, самый справедливый, самый мудрый, самый изобильный. Вот почему русский солдат с сердцем, переполненным любовью к Родине, бьется под Сталинградом, и немецкие дивизии тонут в своей крови и не могут пройти".

Таким же оптимизмом пронизано и выступление Ильи Эренбурга. Его статья посвящена Югу. Она так и называется: "Кавказ". Это страстный призыв защитить его народы от гитлеровского ига: "Мы остановили год тому назад немцев у порога Москвы. Мы не впустили их в Ленинград. Когда немцы проникли в Сталинград, гнев и возмущение вдохнули новую силу в сердца защитников города, и немцев остановили - на улицах, среди развалин. За Москву умирали дети Армении, Грузии, Азербайджана и Дагестана. Неужели мы не остановим немцев на Кавказе?..

Защитники Кавказа, на вас смотрит вся страна в эти суровые кануны омраченного праздника. Вспомните ноябрь 1941-го. Тогда немцы были сильнее. Тогда некоторым казалось - не быть Москве, не быть России. Но защитники Москвы сражались... Мы все в долгу перед Кавказом. Настали дни, когда Кавказ говорит: "Защитите". Не горы должны встать перед немцами - люди. И люди не отступят. Люди станут горами...

Шумит поток. Слушай - он говорит: не отдадим! Дождь звенит: не отдадим! Ветер всю ночь шумит: не отдадим! И эхо отвечает: не отдадим! Это не эхо это Россия: не отдадим Кавказа!"

Микола Бажан опубликовал в нашей газете стихи "На командном пункте".

...И вновь над столом тонконогим своим
Наклонится, среброволосый и сивый,
И смотрит на карту земного массива,
Раскрытого знаком скупым перед ним.
Он видит просторы равнины бескрайной,
Движенье колонн молчаливых в ночи
И тропы, где груз свой громоздкий, потайный
Без устали тянут, искря, тягачи.
И танки, которые сталью своею
Тревожат молчанье полночных пустынь,
И вросшую в свежие комья траншеи
Пахучую и голубую полынь...
Вот, дрогнувши, стрелка разделит собою
Кружок светлых цифр. И тогда настает
День новый гигантского грозного боя.
День гнева. Упорства. Движенья вперед.
Удар - и обрушился вал канонады
На склоны холмистых приволжских равнин.
На пункте командном в земле Сталинграда
Пульсирует сердце бессмертных руин.

Прочел я стихи и мысленно перенесся в те края и в тот день и в ту ночь, когда начнется наше контрнаступление. Поэту, бывшему на войне шестнадцать месяцев, уже видны были на фронтовых дорогах "движенье колонн молчаливых" и "свежие комья траншеи". Словом, это была поэтическая прозорливость. Так в стихотворной форме в какой-то мере была раскрыта подготовка к контрнаступлению.

Вот только - "среброволосые"... Не было у нас в ту пору среброволосых командующих фронтами: Рокоссовский, Ватутин, Еременко, осуществлявшие Сталинградскую наступательную

операцию, были далеко не старыми. Никто из них в ту пору еще не перешагнул свое пятидесятилетие. А когда во время одной из встреч с Миколой Бажаном я сказал ему об этом, он ответил глубокомысленной репликой:

- Седина венчает мудрость...

* * *

В праздничном номере получилось иначе, чем обычно. Для него поступил официальный материал, занявший три полосы: письмо Сталину сталинградских воинов, Указы о награждении отличившихся воинов разных фронтов и другие. Хорошо, что поторопились юбилейные статьи и очерки напечатать загодя. А ныне в нашем распоряжении лишь одна - третья - полоса.

Я всегда считал и считаю, что всю газету "от корки до корки" мало кто читает. Но если в номере есть две-три публикации, которые все прочитают с интересом, значит, не зря делали газету. А сегодня напечатан лишь один такой очерк, но он оправдывает нашу работу. Расскажу по порядку.

В начале недели в редакции возникла идея дать на целую полосу очерк о Москве. Позвонил А. С. Щербакову и рассказал об этом. Александр Сергеевич горячо поддержал нас и, думаю, не только и не столько как секретарь ЦК партии и начальник Главпура, сколько как руководитель Московской партийной организации, секретарь МК. Он сразу же спросил: "Кто будет писать?" В Москве в эти дни был только Симонов, остальные - на фронте. Я и назвал это имя. Щербаков посчитал, что кандидатура вполне подходящая, и попросил прислать к нему писателя.

Долгая была у них беседа. Много Щербаков рассказал Симонову. А затем посоветовал ему побывать в разных местах столицы, даже наметил маршрут. Отправился Симонов по этому маршруту. Побывал на Воробьевых горах, на улицах и площадях Москвы. Посетил командование противовоздушной обороны, пожарников. Съездил на заводы, в райкомы партии, где формировались ополченские дивизии... Да он и сам многое знал.

Через пару дней Симонов принес очерк. Под заголовком "Москва" он и занял целую полосу в сегодняшнем номере газеты. Утром мне позвонил Щербаков:

- Полоса хорошая, нужная. Отпечатайте дополнительно 600 экземпляров и раздайте сегодня участникам торжественного собрания.

Так мы и сделали. Послали в Кремль, а когда я пришел туда, передо мной предстала необычная картина - весь зал белый, словно в снегу. Людей не видно. Все развернули газету и уткнулись в симоновскую полосу. Кстати, я заметил, что сильно волновались распорядители зала: боялись, что из-за газеты люди

опоздают встать, когда в президиуме появится Сталин. Но обошлось...

Такова история публикации симоновской полосы.

Хочу рассказать и о самом очерке. Не счесть книг мемуарных, документальных, художественных, посвященных битве за Москву. И все же очерк Симонова особый, неповторимый. Написанный около полувека назад, он мог быть забыт моими современниками, вряд ли его знает и новое поколение москвичей, тем более что он нигде не перепечатывался.

Особенность очерка прежде всего в эффекте присутствия, в причастности автора к событиям тех горьких и героических дней. Симонов написал то, что видел своими глазами, что сам пережил и что волновало его душу. Он сумел передать это с истинно эмоциональной напряженностью. Это - откровенный, честный, правдивый разговор писателя с читателями о страданиях и мужестве москвичей. Его невозможно пересказать, все интересно, все важно. Я ограничусь лишь несколькими выдержками, которые и дают возможность почувствовать дыхание того незабвенного времени.

О бомбежке Москвы:

Глухие взрывы бомб сотрясали улицы. То там, то здесь вспыхивали пожары... Немцы обрушили целую серию бомб туда, где были сложены главные запасы хлеба для всей Москвы. Загорелся один элеватор. Оперативная группа пожарников под командой Павлова помчалась на пожар. Немецкие самолеты снижались, старались помешать тушению пожара, обстреливая всю площадь из пулеметов... На людях загоралась одежда. Пожарные шли вперед, в огонь, развертывая шланги... Ствольщик, шедшей сзади, поливал водой ствольщика, шедшего впереди, и гасил на нем одежду... Потом вспыхивали вагоны, груженные бутылками с горючим. Вместе с водой выплескивалась горящая жидкость, обливая людей. Люди тушили горящую одежду, катаясь но земле... Рядом с пожарными работала вся Москва. Это были настоящие военные действия... Если бы москвичи не почувствовали Москву фронтом, не дрались мужественно и бесстрашно, то сейчас пол-Москвы было бы пепелищем.

С впечатляющей силой рассказано о народном ополчении:

"Белобилетники, люди подчас больные, давным-давно признанные не годными к строю, тоже хотели на фронт. Они писали заявления о том, что могут драться, о том, что они не так уж больны. Эти заявления были изложены простыми словами. Но когда-нибудь, когда будет писаться история этих дней, они войдут в нее как драгоценные документы простого, сурового мужества. Рядовыми бойцами шли профессора и аспиранты, шли

начальники главков и директора трестов, шли люди, кончившие но нескольку институтов и изъездившие полсвета. Простыми бойцами шли москвичи, боровшиеся на фронтах гражданской войны, бывшие командиры и комиссары...

- Там разберемся, - говорили они, - а пока стране нужны солдаты, и мы идем солдатами".

И еще излучающие величие духа народа строки о московских подростках зимы 41-го и 42-го годов:

"В утренних трамваях появились новые пассажиры - 15-16-летние ребята. Ежась от утренней прохлады, кутаясь в отцовские пиджаки, куртки, едут на завод, на работу. Они по-взрослому поднимают воротники и заламывают кепки и, сойдя с трамвая, скрутив цигарки, солидно закуривают... Когда-нибудь хороший детский писатель напишет о них замечательную книгу. Они были всюду. Они заменяли отцов на заводах. Они делали автоматы, гранаты, снаряды, мины. Они дежурили в госпиталях, заменяя сиделок и сестер. Они дежурили во время воздушных тревог в постах местной противовоздушной обороны. Они в своих школьных мастерских клеили пакеты для подарков и посылок, делали жестяные кружки и вязали варежки и перчатки. Они были тоже защитниками Москвы, как и их взрослые братья, сестры, отцы. И если когда-нибудь в столице на площади будет воздвигнут памятник обороны Москвы, то среди бронзовых фигур рядом с отцом, держащим автомат в руках, должен стоять его 15-летний сын, сделавший ему этот автомат осенью 1941 года..."

Как бы хотелось, чтобы это вещее желание Константина Симонова сбылось...

Не могу удержаться, чтобы не привести и слова писателя о виденном им на Белорусском вокзале:

"Я помню темный Белорусский вокзал, маленькие синие лампочки и поезда, с деловым стуком один за другим отходящие от перрона на Запад. Я помню этот темный перрон - деловитый, молчаливый, спокойный. На нем прощались, и часто прощались навсегда, но на нем было мало слез, почти не было... Москвичи не хотели обнаруживать при всех свои чувства, тревогу за родных, щемящую тоску - вернутся или не вернутся? Они не плакали, не голосили, не причитали"...

Этот очерк, возвращая нас к событиям той давней грозы, волнует и ныне...

Торжественное заседание, посвященное 25-й годовщине Октября. Не передать того волнения, с которым мы шли в Кремль. Уже одно сознание, что оно состоится не в метро, как это было в сорок первом году, а в Кремле, окрыляло и вдохновляло.

Доклад Сталина. Думаю, нет необходимости рассказывать о

задачах, которые были выдвинуты тогда перед армией и народом в выступлении Сталина. Все, что делали, - об этом я расскажу дальше - было освещено этими задачами.

14 ноября

Все следующие после праздника номера газеты заполнены, как это обычно бывает в такие дни, откликами на доклад Сталина и его приказ: репортажи о митингах, собраниях, беседах. С волнующим чувством были восприняты слова приказа о том, что "будет и на нашей улице праздник". Мне рассказали, каким образом они появились в приказе. Писали приказ в Главпуре и Генштабе в обыкновенном строгом стиле, без лишних эмоций. Принесли Сталину. Он прочитал, внес поправки, а затем, к удивлению составителей, не сразу понявших, зачем, мол, такая вольность, дописал фразу о празднике. С особой силой она звучала в те дни, когда наша армия развернула свои победоносные наступления.

Вдохновила эта фраза и нашего поэта Михаила Светлова. Так появились в газете его стихи "Будет и на нашей улице праздник!"

...И к великому празднику,
К радостным женам и детям
Сквозь военные будни.
Сквозь смерть и огонь мы придем.
Отодвинется запад
Перед неудержимой лавиной,
Над Прибалтикой праздник
Зажжется миллионом огней.
И над нами опять
Зашумят тополя Украины,
Белоруссия встретит нас
Золотом мирных полей...

В Сталинграде, однако, не затихают жестокие бои. Врагу удалось пробиться к Волге южнее завода "Баррикады". Но на остальных участках, сообщают наши корреспонденты, атаки противника были отбиты.

Добрые вести пришли с Северо-Кавказского фронта: "Немецкие танковые колонны и наступавшие в районе юго-восточнее Нальчика были остановлены... Поставленный в трудное положение неприятель попытался добиться успеха в районе Моздока... Но ни одна атака успеха не имела". Больше того, юго-

восточнее Нальчика Наши части "несколько продвинулись вперед, отбив у немцев ряд позиций".

* * *

Новые подробности о боях в Сталинграде мы узнаем из обширной корреспонденции Коротеева "Бои в северной части Сталинграда". Сталинградская битва, отмечает он, характерна не только уличными боями. Город, протянувшийся вдоль Волги на 60 километров, не представляет собой непрерывной цепи густо застроенных улиц. Между заводами и рабочими поселками к югу и к северу от центра города встречаются пустыри длиной в один-два километра. Эти пустыри между заводами и поселками нередко становятся местами наиболее сильного нажима противника, ареной самых ожесточенных боев. Не рассчитывая встретить здесь такое же сильное сопротивление, как на территории заводов или в густо застроенных кварталах, немцы устремляются сюда.

Очень толковая корреспонденция, без нее не было бы у читателя полного представления о сталинградских боях; во всех газетах, в том числе и в "Красной звезде", за последнее время шла речь лишь об уличных боях.

* * *

В сегодняшнем номере газеты на третьей полосе под рубрикой "Вместо обзора печати" напечатана редакционная статья "О некоторых ошибках фронтовых газет". Она посвящена очень важному вопросу боевой жизни войск социалистическому соревнованию на фронте.

Еще на Халхин-Голе, в газете "Героическая красноармейская", мы не раз обращались к этой теме. Однако, публикуя материалы о социалистическом соревновании, ощущали какую-то неуверенность. Нам и тогда казалось, что этот существенный метод улучшения работы на производстве, повышения уровня и качества боевой подготовки в мирной армейской учебе механически переносится во фронтовые условия. Но все же по инерции мы продолжали выступать на эту тему, печатали договоры, сообщения о якобы их выполнении и тому подобное.

Эта проблема возникла и в годы Великой Отечественной войны. В "Красной звезде" мы совершенно не публиковали материалов о социалистическом соревновании в боевых частях. Между тем в армейских и фронтовых газетах, да и в центральной печати они печатались в изобилии. "Красную звезду" даже упрекали, что она "игнорирует инициативу воинских масс". Не раз мне приходилось говорить на эту тему с вышестоящими товарищами. Некоторые из них меня даже слушать не хотели. Споры были горячие и длительные. Они были решены Верховным

Главнокомандующим. Я обратился с письмом к Сталину:

"Красная звезда" все время держит курс на то, что в частях действующих армий не может быть социалистического соревнования. Приказ командира должен выполняться точно и в срок. Между тем армейские, фронтовые и ряд центральных газет широко раздувают социалистическое соревнование на фронте, в том числе вокруг таких вопросов, как укрепление дисциплины, самоокапывание, взятие опорных пунктов и т. п.

Права ли редакция "Красной звезды" или местные газеты?"

На второй день мое письмо возвратилось с такой надписью:

"По-моему, права "Кр. звезда", а фронтовые газеты не правы.

И. Сталин".

Так появилась в сегодняшнем номере "Красной звезды" статья, о которой я упомянул. Статья обширная. Она рассматривает этот вопрос в широком аспекте, обосновывает ошибочность организации социалистического соревнования в боевых условиях. Приведу лишь несколько выдержек из статьи:

"...Механическое заимствование форм социалистического соревнования и перенесение их с производства в действующую армию не приносит никакой пользы делу. На заводах и фабриках существуют твердые государственные планы. Если предприятие на основе социалистического соревнования выполняет их досрочно, то заслуживает похвалы и поощрения. Легко, однако, себе представить, что получится, если подразделение "досрочно" начнет атаку, а батарея раньше указанного в приказе времени откроет огонь...

Или другой пример. Производственное соревнование достигает успеха лишь в том случае, если ему сопутствует гласность и всякий труженик знает результат работы другого. Но на войне превыше всего нужно хранить военную тайну. Гласность соревнования в боевых частях может только нанести ущерб готовящейся операции или ходу боевых действий. На войне каждый должен знать только то, что ему положено, - не больше!.."

Или еще и такое замечание по адресу фронтовых газет:

"Наша фронтовая печать должна усвоить, что в боевых частях Красной Армии не может быть соревнования в его общепринятых организационных формах. Само собой разумеется, что красноармейские газеты, отказавшись от пропаганды соревнования, обязаны широко популяризировать умелых, дисциплинированных, храбрых воинов, чтобы сделать их опыт достоянием остальных бойцов..."

На первый взгляд может показаться, что под огонь критики взята лишь фронтовая печать. Но каждому ясно, что речь идет о работе и обязанностях командного и политического состава,

партийных и комсомольских организаций воюющей армии. Ведь организаторами такого соревнования являлись именно они. Наши корреспонденты, да и я сам, бывая в действующих армиях, видели все их хлопоты в этом деле. Сколько времени тратилось на все, что было связано с организацией бесцельного соревнования. Сколько трудов уходило на беспредметную проверку их выполнения, сколько бумаг тратилось! Один из моих знакомых - начальник политотдела дивизии - мне прямо признался, что все это - соревнование бумаг и не больше. А другой - комиссар полка - говорил: "От нас все требуют, чтобы подняли соревнование "до уровня"... А после небольшой паузы добавил: "А уровень-то бумажный". Однако самовольно изменить что-либо они не могли. Все шло по наезженной колее.

Должен сказать, что выступление "Красной звезды" было воспринято в войсках с полным пониманием и одобрением. В редакцию пришло много писем. Писали о том, что наконец-то отрешились от надуманного, от ненужной шумихи, бумажной круговерти, больше времени стало для живой работы с бойцами.

Однако, не зная, что выступление газеты одобрено Верховным, некоторые политработники продолжали держаться за старое, посчитали, что "Красная звезда" высказала свое мнение, необязательное для них. Все точки над "1" были поставлены в новом выступлении газеты "Ненужная шумиха". Там говорилось:

"Сейчас уже как будто всем ясно, что перенесение производственных форм социалистического соревнования в практику боевой армейской жизни является делом ненужным и вредным. Между тем находятся люди, которые продолжают поднимать шумиху, носятся со всевозможными договорами и обязательствами". В статье приводились новые примеры, в частности договор подразделения лейтенанта Красавина:

"Мы, бойцы, обязуемся:

1. Не нарушать воинской дисциплины.

2. Точно и своевременно выполнять приказы командиров.

3. Беречь и содержать в чистоте оружие.

4. В предстоящих боях уничтожить по одному танку и не менее трех огневых точек на каждого бойца.

5. Отрывать окопы досрочно".

Заканчивается статья вполне определенно:

"Пора наконец понять, что в действующей армии не может быть социалистического соревнования. Вся жизнь и деятельность бойцов и командиров Красной Армии должна базироваться на точном, добросовестном выполнении приказов и уставов, на стремлении всюду и везде соблюсти свою священную воинскую присягу".

После этого выступления газеты все стало на свое место.

Остается мне еще объяснить, почему весь огонь критики мы сосредоточили против фронтовых газет. На самом деле имелась в виду деятельность политорганов армии снизу доверху. Но говорить об этом прямо мы тогда не решились - затрагивались ведь огромные пласты партийно-политического аппарата и командного состава всей армии. В письме Сталину и в его ответе речь шла тоже именно о печати... А быть может, у нас самих тогда не хватило духу сказать все, что и как было на деле?!

* * *

"Мертвая нефть" - так называется корреспонденция Хирена. Это - рассказ о Майкопе, первом нефтяном районе, куда проник враг. В кубанских степях стояли сотни немецких танков и машин. Немцы надеялись воспользоваться нашим горючим и, ворвавшись в Майкоп, сразу же кинулись к бакам и цистернам. Но там было пусто. Скважины были приведены в полную негодность. Горели остатки невывезенной нефти. Компрессорные станции не действовали. В Краснодаре имелся большой завод по переработке нефти, но он был взорван в тот момент, когда противник входил в город.

"В течение всех этих трех месяцев, - сообщает спецкор, - немцы разыскивали карты и планы промыслов, специалистов и рабочих, чтобы от них добыть хоть какие-нибудь сведения. Но все поиски тщетны. Гитлеровцы повесили много рабочих, расстреляли целые семьи нефтяников. В Нефтегорске на Первомайской улице можно было встретить десятки виселиц с табличкой "за саботаж нефтеразработок"... Майкопская нефть остается мертвой для врага. Что бы немцы ни писали об улучшении своего экономического положения за счет майкопской нефти, это брехня. Ни одной капли советской нефти им в течение всех этих трех месяцев не удалось добыть".

19 ноября

Сегодня началось наше контрнаступление под Сталинградом. Корреспонденты на своем посту, вечером или ночью надо ждать первые репортажи. Но мы их пока не торопим. В Ставке мне сказали, что сообщение о Сталинграде будет не сразу, а позже, когда вырисуются первые итоги операции. Немецкое командование и не догадывается, что ему здесь готовит завтрашний день, и продолжает в городе свои атаки, главным образом в его северной части, но успехов, как сообщает наш спецкор, не имеет.

Пока есть другое сообщение Совинформбюро - "Удар по группе немецко-фашистских войск в районе Владикавказа (Орджоникидзе)". Подоспела и корреспонденция, рассказывающая, что происходит в этом районе. Наши войска после ожесточенных боев вышибли врага из Гизеля, что в восьми километрах от Орджоникидзе. Над репортажем мы дали заголовок посильнее, чем Совинформбюро: "Разгром немцев в районе Владикавказа". Для этого, казалось нам, были основания: о нем говорили перечисленные немецкие дивизии и части разгромленной группировки, потери врага и наши трофеи, среди которых было, например, 140 танков, из них 40 исправных, 70 орудий, из них 36 дальнобойных. Никто нам не выговорил за высокую оценку этой операции, после долгой полосы неудач мы все жаждали успехов.

В газете появилась зимняя тема. Открыл ее Илья Эренбург очередным памфлетом, который и называется "Зима". Перед немцами вновь встал страшный призрак наступающей, а кое-где уже наступившей русской зимы. Страхом перед ней дышали немецкие приказы, письма, газетные статьи, которые приводит писатель:

"Военный корреспондент "Франкфуртер цайтунг" пишет: "Наши стрелки из дивизии "Эдельвейс" принуждены сражаться в исключительно трудных условиях. "Эдельвейс" - не новички, они воевали во Франции и на Балканах, но нигде им не пришлось столкнуться с такими нечеловеческими трудностями, как на Кавказе. К дьявольской хитрости большевиков теперь присоединились муки русской зимы. А зима в горах еще страшнее зимы среди русских равнин".

К этим строкам у Эренбурга очень краткий комментарий: "Фрицы, которые лязгают зубами на берегу Дона, придерживаются другого мнения: им кажется, что ничего нет страшнее зимы в степях"...

Немцы немцами, но о зиме и нашей газете надо подумать. Этому служат передовица "Зима на фронте", статьи полковника И. Тесли "Некоторые особенности зимних боев" и полковника А. Гусарова "Опыт подготовки к зимним действиям" и др.

Было бы неправильно, если бы мы ограничились только осмеянием зимних фрицев, полагая, что враг не извлек уроков из прошлого. Надо знать, что у них делается. Этому помогает, например, статья работника штаба ВВС майора Н. Кравцова о том, как немцы готовят к зиме аэродромы. Они расширяют и удлиняют взлетные полосы, а во многих местах строят две-три полосы. Много и других у них новинок.

Алексей Сурков вылетел в район Сталинградской битвы. На

второй день прислал стихотворение, посвященное Симонову, а к нему записку: "С самолетом была задержка, а пока сочинил стишок "Сердце солдата". Это ведь тоже Сталинград".

Верно. Это и Сталинград, и вся война. Трогательные, задушевные стихи:

...Тем знойным летом, слыша танков топот,
Мы побратались возрастом в бою,
Помножив мой сорокалетний опыт
На твой порыв и молодость твою.
Когда пробьет урочный час расплаты,
На запад схлынет черная беда,
В высоком званьи старого солдата
Сольются наши жизни навсегда.
Испытанные пулей и снарядом,
Виски свои украсив серебром,
Мы на пиру победы сядем рядом,
Как в эту ночь сидели над костром.

Это был как бы ответ на "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины".

* * *

С узла связи Генштаба принесли большую пачку бланков, на которых наклеены телеграфные ленты. Это очерк Василия Гроссмана "Сталинградская быль". Большой очерк, строк на четыреста с лишним. В который раз удивляемся, как это у бодисток хватает терпенья на передачу столь длинного текста. Наше "бодо" не умолкало день и ночь. Передавали донесения, распоряжения, всевозможные документы. Одни - большие, другие - меньше. Но такие простыни, как писательские очерки, превосходили все. Да, благоволили к нам связисты, и их мы все время вспоминали с благодарностью.

Очерк Гроссмана посвящен знаменитому сталинградскому снайперу Анатолию Чехову. Я знаю, как писатель собирал для этого очерка материал. Он приходил к Чехову в здание, где снайпер оборудовал у развалившейся стены свою огневую позицию. Все, что видел Чехов своим удивительно острым зрением, Гроссман, конечно, видеть не мог, но многое лз того, что доставалось снайперу, доставалось и писателю - и минометный обстрел, и пулеметные очереди... Быть может, потому, что Гроссман был рядом с героем своего будущего очерка, вместе с ним переживал трудности и опасности боевой жизни, ему удалось нарисовать такой выразительный портрет воина, так глубоко проникнуть в мир его дум и переживаний.

Привлекли меня в очерке мысли писателя о храбрости.

"На фронте часто заводят разговор о храбрости. Обычно разговор этот превращается в горячий спор. Одни говорят, что храбрость - это забвение, приходящее в бою. Другие чистосердечно рассказывают, что, совершая мужественные поступки, они испытывают немалый страх и крепко берут себя в руки, заставляя усилием воли поднять голову, выполнять долг, идти навстречу смерти. Третьи говорят: "Я храбр, ибо уверил себя в том, что меня никогда не убьют".

Капитан Козлов, человек очень храбрый, много раз водивший свой мотострелковый батальон в тяжелые атаки, говорил мне, что он, наоборот, храбр оттого, что убежден в своей смерти, и ему все равно, случится с ним смерть сегодня или завтра. Многие считают, что источник храбрости - это привычка к опасности, равнодушие к смерти, приходящее под вечным огнем. У большинства же в подоснове мужества и презрения к смерти лежат чувства долга, ненависти к противнику, желание мстить за страшные бедствия, принесенные оккупантами нашей стране. Молодые люди говорят, что они совершают подвиги из-за желания славы, некоторым кажется, что на них в бою смотрят их друзья, родные, невесты. Один пожилой командир дивизии, человек большого мужества, на просьбу адъютанта уйти из-под огня, смеясь, сказал: "Я так сильно люблю своих детей, что меня никогда не могут убить".

А свою позицию писатель выразил так:

"Я думаю, что спорить фронтовому народу о природе храбрости нечего. Каждый храбрец храбр по-своему. Велико и ветвисто дерево мужества, тысячи ветвей его, переплетаясь, высоко поднимают к небу славу нашей армии, нашего великого народа.

У Чехова увидел я еще одну разновидность мужества, самую-простую, пожалуй, самую "круглую", прочную; ему органически, от природы было чуждо чувство страха смерти, - так же, как орлу чужд страх перед высотой".

24 ноября

Опубликовано первое сообщение о нашем контрнаступлении в районе Сталинграда. Оно появилось даже раньше, чем мы ожидали. Все мы, конечно, радуемся, но как газетчики огорчены - сообщение было передано в воскресенье, а "Красная звезда" выходит лишь во вторник. Хочется сразу же, немедленно объявить о долгожданном "празднике на нашей улице"! Позвонил А. С.

Щербакову: нельзя ли выпустить внеочередной номер "Красной звезды", экстренный? "Нет, - ответил секретарь ЦК партии, - трудно с бумагой".

Газета вышла сегодня, во вторник. В ней уже две сводки, за два дня. И портреты командующих армиями. А как же командующие фронтами? Обычно во время прошлых операций их фото неизменно печатались, и в первую очередь. А ныне они стали, видно, жертвой секретности. В сводках еще не названы фронты, значит, и имена командующих не назовешь.

Рядом со сводками заверстана корреспонденция Высокоостровского "Удар по врагу с юга от Сталинграда". Это обстоятельный рассказ о том, как началась и как проходит операция.

"Несколько дней назад войска Красной Армии сосредоточились на берегу Волги южнее Сталинграда. От наших командиров и бойцов требовалось большое умение и мужество, чтобы быстро преодолеть начавшую замерзать реку... Марш и сама переправа производились преимущественно ночью. Это обеспечило скрытность подготовки всей операции, а следовательно, и внезапность ее..."

Много в корреспонденции примеров тактического искусства и доблести советских воинов. Выли, например, случаи, когда некоторые группы пехоты задерживались, они вели бой с ожившими огневыми средствами противника, долгое время себя не проявлявшими. Тогда танкисты, прорвавшиеся вперед, возвращались и уничтожали эти огневые средства и снова устремлялись вперед в сопровождении стрелковых подразделений. Случалось, что танки наталкивались на труднопреодолимые препятствия, на минные ноля. Тогда пехотинцы решительно выдвигались вперед и под прикрытием огня танков устраивали для них проходы...

И таких примеров взаимодействия и взаимопомощи не счесть!

Напечатана передовица "Наше наступление в районе Сталинграда". В сообщениях использована сводка Совинформбюро, дополненная сообщениями наших корреспондентов, например, такими: "Юго-Западнее Клетской наши части взяли в плен большое число солдат и офицеров противника во главе с тремя генералами и их штабами". Примечательный факт!

Трудно выделить какой-либо род войск в этой операции. И все же особо добрые слова сказаны о нашей артиллерии: "Высокий класс боевой работы показала наша артиллерия. Ее ответственность в этой операции была крайне велика, так как

авиация в силу сложных метеорологических условий не участвовала в прорыве переднего края вражеской обороны. Советские артиллеристы блестяще справились со своими задачами. Они успешно раздробили немецкие опорные пункты, узлы сопротивления, разрушили систему связи у неприятеля. Они сумели так обработать полосу вражеских укреплений, что наши подвижные части получили возможность быстро набрать темпы наступления. Но и сама артиллерия продемонстрировала в этих боях свою подвижность. Полковые и батальонные орудия вели непосредственную поддержку танков, увеличивая их пробивную силу".

Напомню, что в честь заслуг нашей артиллерии в боях за Сталинград первый день наступления - 19 ноября - и был провозглашен Днем артиллерии.

Мы не могли не вспомнить в передовице и о заслугах защитников Сталинграда. Благодаря их упорству и мужеству была подготовлена и проведена операция на флангах немецких войск, осадивших город... В упорной обороне Сталинграда с самого же начала были заложены основы будущих наступательных действий наших войск. Совершенно очевидно, что только удержание сталинградского плацдарма позволило с таким боевым эффектом осуществить операцию, которая развивается сейчас на наших глазах.

А вслед за этой передовицей - другая передовая статья "Город-герой". Есть в ней такие эмоциональные строки: "Оборона Сталинграда является венцом советской тактики защиты городов. Пусть этот прекрасный город, столица южного Поволжья, славившийся своими великолепными заводами, красивыми зданиями, превращен в груду развалин - прежнего Сталинграда нет. Но жил и вечно будет жить непокоренный Сталинград, оставшийся в истории нашего Отечества синонимом стойкости, доблести и отваги".

А что ныне в самом Сталинграде? Ответ на это дают наши корреспонденты. Линия обороны в городе уже не отходит назад, а на отдельных участках медленно перемещается вперед. Этого дня напряженно ждали все советские люди. Мысленным взором они видят сейчас, как закопченные порохом, с воспаленными от бессонницы глазами вылезают из темных дзотов и сырых блиндажей защитники города и теснят врага.

* * *

Ко времени подоспели и стихи Алексея Суркова "В добрый час!". Есть в них, правда, одна неточность - строка "Бежит на запад враг...". В том-то и дело, что не может бежать он на запад, не дают наши войска утекать в этом направлении. Вчера

замкнулось кольцо окружения сталинградской группировки противника! Но простим поэту его "ошибку".

27 ноября

"Наступление наших войск под Сталинградом продолжается" - под таким заголовком идет в сегодняшнем номере сообщение Совинформбюро. Почти такое же название - "Наступление продолжается" - у статьи Ильи Эренбурга. В эти дни он особенно внимательно читает иностранную прессу и слушает передачи из Берлина. Вчера Берлин передал: "Германское командование сохраняет полное спокойствие..." А еще 25 ноября немецкое радио сообщило: "Южнее Сталинграда мы захватили 40 верблюдов..." Не трудно себе представить, какому сарказму подверг писатель "спокойствие" фюрера и верблюжьи трофеи...

Хотя оборонительный этап боев в самом Сталинграде закончился, но тема эта не сошла и не могла сойти со страниц газеты. Большой очерк на четыре колонки напечатал Гроссман. Называется он "Направление главного удара" и посвящен сибирской дивизии полковника Гуртьева. И этот очерк перепечатан "Правдой ".

Газета заполнена материалами о Сталинградском наступлении - репортажи, корреспонденции, очерки. Выделяется подборка "Как соединились наши войска севернее Сталинграда". Состоит она из двух корреспонденции: "1. Сообщение спецкора "Красной звезды" с Севера" Олендера. Он рассказывает, какой орешек разгрызали здесь наши войска. Немцы создали мощную оборонительную линию. Впереди окопов противника находились противотанковые мины, расположенные в шахматном порядке, группами по пять - семь штук. За ними в ряд или внаброс противопехотные мины. Еще через пять - десять метров были установлены управляемые фугасы. Проволочные заграждения, ежи, рогатки и спирали Бруно. Дзоты и окопы были построены полукольцом, причем часть из них имела обстрел не только перед собой, но и в тыл. Противотанковые орудия, расположенные узлами, могли легко маневрировать, для чего имелись особые ходы сообщений. Ближайшие села, а также ряд высот были превращены в мощные опорные пункты...

Блестяще одолели наши войска эту оборонительную линию врага!

Под этой корреспонденцией - другая, Высокоостровского, под заголовком "2. Сообщение корреспондента "Красной звезды" из Сталинграда". Начиналась она так: "В 13 часов все радиостанции

действующих частей Сталинградского фронта приняли из эфира громкое "ура!". Крики "ура", торжественные боевые возгласы, зовущие вперед, на врага, слышались на протяжении десяти минут. Затем одновременно несколько голосов на разных волнах сообщили открытым текстом о том, что войска Красной Армии, наступающие с севера вдоль Волги, соединились с северной группой защитников Сталинграда. Они соединились с частями героической бригады Горохова. Более двух с половиной месяцев она держала оборону и устояла, не сдав ни метр своего рубежа. А вот теперь к ним вышли навстречу с боевыми знаменами и горячо приветствовали их пробившиеся с севера бойцы. Крепкие рукопожатия, объятия... В воздух взлетели шапки, громкое "ура" раскатывалось вокруг. Слезы радости выступали на глазах у многих..."

Но не просили они передышки. Полковник Горохов запросил разрешения у командарма 62-й Чуйкова немедленно наступать на фашистов с прибывшей частью. Генерал одобрил их инициативу и поставил боевую задачу. В 14 часов обе части овладели группой высот. На безымянном холме были водружены два алых знамени.

* * *

Если говорить еще о Сталинградских материалах, нельзя не упомянуть очередную карикатуру Бориса Ефимова. Название ее "Осенние хворости (Рим Берлин по прямому проводу)". Состоит она из двух картинок. На первой: с искаженным лицом - дуче с телефонной трубкой в руках. На столе лекарства. в том числе хинин. На второй картинке - с такой же искаженной физиономией фюрер с телефонной трубкой. На столе тоже лекарства, компрессы. Между ними краткий разговор. Дуче: "Алло, фюрер! Меня трясет африканская лихорадка!" Фюрер: "Отвяжись, дуче! У меня самого сталинградский прострел!"

* * *

Многим политработникам уже присвоены командирские звания. Но вот зашел ко мне Михаил Зотов, назначенный недавно начальником партийного отдела газеты, и показал заметку спецкора Григория Меньшикова, которую читаешь и не веришь, что такое могло быть. Оказывается, в одной из армий большой группе политработников совершенно необоснованно были присвоены не командирские звания, а... интендантские. Среди них комиссары, политруки, инструкторы политотделов, работники редакций газет...

Реакция на это у нас была категорическая:

- Внесите, - сказал я Зотову, - в корреспонденцию прежде всего имя начальника политотдела армии, пусть краснеет перед всеми фронтами, и сформулируйте покрепче.

Так он и написал: "Политические деляги из политотдела армии нарушают приказ народного комиссара обороны, грубо ущемляют права, предоставленные этим приказом политработникам..." А над заметкой, поставленной на самом видном месте на третьей полосе, дали заголовок: "Вредная отсебятина".

Больше сигналов о такого рода извращениях не поступало. После столь резкого выступления газеты, пожалуй, и не могло быть...

28 ноября

Наступление в районе Сталинграда продолжается. Наши войска продвигаются вперед, освобождая все новые и новые населенные пункты. Сообщения "В последний час" сегодня не поступили, по всем данным, не будет их и завтра. Карпов, вернувшийся сейчас из Генштаба, сказал, что операторы журили его: "Вот неугомонные, им все давай и давай..." А так хочется каждый день радовать нашего читателя хорошими известиями!

Из репортажей наших корреспондентов видно, что немецкое командование опомнилось от удара и пытается удержаться на новых позициях. Спецкоры по Юго-Западному, Донскому и Сталинградскому фронтам Олендер, Буковский и Высокоостровский сообщают: "Противник предпринял ряд контратак", "Последовала контратака пехоты противника совместно с танками". "Неприятель оказал сильное сопротивление..." Этим, собственно говоря, и объясняется отсутствие сегодня победных сообщений Совинформбюро.

Три дня подряд за эту неделю публиковались передовицы, посвященные нашему наступлению под Сталинградом. Но это были, главным образом, эмоционального характера статьи, возвещавшие нашу победу. А сегодня напечатана передовая статья чисто тактического характера: "Бои на уничтожение живой силы и техники врага". История ее появления необычна.

Два дня назад редакция поручила нашим корреспондентам взять интервью у командующих фронтами Ватутина, Рокоссовского и Еременко о первых итогах наступления и задачах наших войск. Хотелось дать их сразу, в одном номере. Быть может, кое у кого могло быть сомнение: до интервью ли командующим фронтами в такое горячее время? Но у нас, в редакции, сомнений не было. Их доброе отношение к "Красной звезде" мы хорошо знали. Они не раз выступали в нашей газете и именно в самое горячее время: Рокоссовский - в дни битвы под

Ярцевом, а затем под Волоколамском, Еременко - во время Смоленского сражения, Ватутин - в разгар битвы за Синявино.

На второй день все три интервью уже были в редакции.

Но вот незадача. И сегодня еще фронты, участвующие в Сталинградской операции, не названы. А о недавно образованном Донском фронте вообще нигде ни слова. Как тут назовешь имена командующих фронтами? Постучался я в Ставку, но разрешения не получил.

Как же быть? Много важного рассказали трое командующих. Выход мы все же нашли. На основе этих бесед была написана передовая. Думаю, читателю интересно будет ознакомиться хотя бы с несколькими выдержками из этого, можно сказать, коллективного труда - трех командующих и редакции.

"С первых же часов прорыва немецкой обороны в районе Сталинграда благодаря мастерским фронтальным и фланговым ударам, быстрому маневру в глубине обороны вражеские боевые порядки на многих участках рассечены. Ряд группировок врага оказался в кольце, а многие под мощным нажимом стали откатываться. В этом - своеобразие обстановки, характерной для тщательно подготовленного и удавшегося прорыва современной обороны. Враг оказывал и оказывает сейчас упорное сопротивление. Он стремится остановить наш натиск, удержаться на уцелевших позициях, обосноваться на любых мало-мальски пригодных для обороны рубежах. Некоторые его части маневрируют в промежутках, предпринимая контратаки, пытаясь наносить удары и во фланг наших войск.

Задача заключается в том, чтобы и в этой своеобразной обстановке, активно ломая сопротивление врага, энергично вести бой на уничтожение его живой силы. Только так до конца будет использована вся мощь внезапности блестяще удавшегося прорыва. Враг стремится наладить управление своими уцелевшими разрозненными дивизиями и группировками. Он делает все, чтобы создать фронт планомерной обороны. Долг наших войск, не ослабляя боевого порыва, не дать врагу нигде закрепляться, сбивать его со всех рубежей, уничтожая окруженные группировки..."

И еще одна выдержка:

"Необходимо, далее, наладить гибкое, непрерывное управление. Как известно, во всяком маневренном бою фактор времени играет решающую роль. Если упустить момент, не использовать обстановку, когда противник дрогнул и поэтому может быть наиболее быстро разгромлен, - он получит передышку, выведет свои главные силы из-под удара. Задача старших начальников - так наладить управление, чтобы ни одна

благоприятная возможность не была упущена. Искусство в данном случае и заключается в том, чтобы расстроить боевые порядки врага и в этот момент согласованно обрушиться на него подвижными частями, авиацией, смять его арьергарды и смелым маневром отрезать пути отхода его главных сил. А это требует четкого управления. Как бы ни осложнялась обстановка, оно не должно прерываться. Опираясь на все виды связи и, главным образом, радиосредства, надо нацеливать войска на кратчайшие направления, позволяющие быстро преградить врагу отход, на параллельное преследование с целью окружения и разгрома врага по частям".

Выли в передовице затронуты и другие важные вопросы, подсказанные Рокоссовским. Ватутиным и Еременко: об исключительном значении "неутомимой, активной разведки", о "собственной инициативе всех - от рядового бойца до командира соединения", о "поддержке соседа огнем и маневром"...

Конечно, теперь трудно сказать, кому из них что принадлежит в этой передовице. Мы очень жалели, что нельзя было назвать командующих фронтами. При всем нашем пристрастии к своим передовым лучше было бы, считали мы, напечатать интервью столь авторитетных военачальников, но большего сделать мы не смогли. Объяснили авторам интервью, почему так получилось, и они к нам претензий не имели.

Но кое-что мне хотелось бы объяснить особо. Конечно, в армии с интересом читали любые добротные выступления - и рядовых, и офицеров, но не секрет, что исключительным вниманием пользовались статьи наших полководцев и военачальников, и это не требует пояснений. На страницах газеты выступали Рокоссовский, Говоров, Ватутин, Петров, Еременко. Москаленко и другие полководцы и военачальники: Отклики, получаемые редакцией, были самые благоприятные.

* * *

И все же "В последний час" мы сегодня получили: сообщение о новом ударе по противнику. Но на этот раз в другом районе. Началось наступление наших войск на Центральном фронте, восточнее Великих Лук и в районе западнее Ржева. Это была так называемая отвлекающая операция. На этих направлениях наши войска продвинулись на глубину от 12 до 30 километров.

Под Ржев выехали Симонов, Дангулов и Зотов. Но материалов пока немного - небольшой репортаж. Задержались наши спецкоры с передачей своих корреспонденции и очерков. Что-то на них не похоже. Вызвал к прямому проводу. А они, не выслушав до конца начальственных замечаний, с каким-то воодушевлением сказали:

- Вот хорошо, что связь есть. Принимайте первые корреспонденции.

Дангулов и Зотов передали обширную корреспонденцию о боях на этом фронте, вслед за ней другую - "Борьба за железную дорогу Ржев - Вязьма", а Симонов - очерк "Мост под водой". Все это для очередных номеров газеты.

С Северного Кавказа оперативных материалов спецкоров совсем мало. Там затишье: наши войска почти не продвигаются. Печатаем, главным образом, обзоры прошедших боев на специальные темы, например, подполковника В. Чернева "Танки во Владикавказской операции".

Из района северо-восточнее Туапсе наш спецкор Хирен прислал очерк на неожиданную тему, под "нейтральным" заголовком "У подножья горы". Что же он там увидел, у этого подножия?

Шел корреспондент в полк и у одной лощины услыхал звуки духового оркестра. Заинтересовался. В медсанбате для раненых играли бойцы музыкального взвода. Решил познакомиться с музыкантами. Оказалось, что, хотя название взвода "музыкальный", но боевых дел у него на счету много. Не раз, бывало, они прятали где-то за скалой свои инструменты, а сами - на передовую. Доставляли патроны, из боя выносили раненых...

Однажды красноармейцы Городской и Кардашев несли на себе раненых, шли путаными горными тропами, под "звуки" разрывов немецких мин. И вдруг наскочили на группу вражеских автоматчиков. Они спрятали раненых за большой камень, а сами вступили в бой. Долго шло сражение. Раненые им говорили:

- Бросьте нас, а то сами погибнете...

- Нет, не бросим, - отвечали музыканты. - Погибнем, а не бросим.

К вечеру огонь прекратился и раненые были доставлены в лазарет.

А о подвиге тенориста Поповича шла слава по всей дивизии. Принес он пулеметчикам патроны. В это время ранило командира взвода. Попович вынес командира с поля боя и снова вернулся к пулеметчикам. Приполз и увидел, что у одного из пулеметов вышел из строя весь расчет. Попович лег за пулемет и открыл огонь. Он погиб возле пулемета, но не отступил...

Может быть, после войны было и так. Спросят солдата: "Ты где воевал?" "В музыкальном взводе", - ответит он. "Ах, - в музыкальном?!" - со скепсисом махнет рукой спрашивающий. Пусть же этот рассказ объяснит людям несведущим, чем был и что на войне делал музыкальный взвод...

* * *

Напечатан очерк братьев Тур "У Черного моря". Нельзя без трепетного волнения читать об одном событии, именно событии, а не эпизоде, происшедшем во время боев за перевал. Там немцы пошли в атаку на нашу морскую пехоту, прикрываясь ранеными военнопленными. Но когда это страшное шествие приблизилось к нашим позициям, пленные моряки неожиданно для своих мучителей остановились.

- Вы слышите нас, товарищи. - раздался крик из их рядов. - Родину мы не продадим! Братья-черноморцы, отомстите за нас!

И они повернулись назад, лицом к немцам, угрожающе подняв костыли. Немцы на секунду дрогнули, но, опомнившись, ударили по пленным из автоматов. Истекая кровью, моряки падали в песок, как бы прегражда своими телами путь врагу. Командир отряда скомандовал: "В штыки!" Морская пехота ринулась на врага. Когда отряд занял высоту, прах героев предали земле и на могилу положили бескозырку, на ленте которой было написано "Черноморский флот".

Писатель словно прочитал думы тех, кто проходил мимо могилы:

" - Кончится война - отдохнем в этих санаториях. Дети наши снова будут играть на гальке пляжа, обагренного священной кровью героев.

И через десятилетия, когда седина убелит виски, боец, сражавшийся в этих краях, приложит к уху рогатую раковину, привезенную когда-то с войны, и услышит грохот военного моря - шум бомбардировщиков, залпы дредноутов, вой мин, выстрелы горных пушек, ветер развернутых знамен - грозную музыку священной битвы"...

* * *

Несколько дней назад я получил большое письмо Николая Тихонова.

"Пишу Вам в счастливый для Родины и всех нас день - поздравляю с великолепной победой нашего оружия под Сталинградом. Сожалею об одном, что волею судьбы мы, сидящие второй год в осаде, не можем ответить доблестным защитникам Волги тем же - сокрушительным ударом но немцам, которые прижились у наших стен.

Верю: будет день, когда мы встретим первый поезд. - подумайте, к нам на вокзал ниоткуда не приходил уже год с лишним ни один поезд. Нам нужно, чтобы поезд пришел из Москвы и чтобы мы могли на вокзале встретить наших дорогих друзей..."

Вместе с письмом Николай Семенович прислал очерк "Ленинград в ноябре". В нем проникновенные слова, словно

продолжающие то, о чем шла речь в его письме:

"И вдруг, когда дни шли один за другим, наполненные темном будничной усиленной работы, над всем городом прозвучало слово: победа! Оно появилось, это первое известие, так неожиданно, как будто было рождено силой народного желания.

Будет и на нашей улице праздник! Вот он, этот весенний день зимой, малиновый звон невидимых колоколов, раскаты грозы в сумрачном небе. Победа под Сталинградом! В последний час! Что может быть радостнее этих сообщений. Город всколыхнулся, и незнакомые люди разговорились, как старые знакомые. "Немцев побили", - кричали школьники. "Немцев побили". - восклицают старики, перебивая друг друга. Многие плакали от радости у микрофонов...

- Когда же мы, когда же мы начнем? - спрашивали бойцы друг у друга.

Весь город живет только известиями со Сталинградского фронта. И, словно символ великих побед, вдруг над зимним городом вспыхнула многоцветная яркая радуга... Пусть ученые объяснят потом это удивительное явление. Народ же его объяснил так: пришло время нам пройти в ворота боевой славы. Будет и на нашей улице праздник!"

А дальше - о жизни Ленинграда во втором блокадном ноябре. Перемены за год. Война давно уже стала бытом города. Как солдат на фронте из новичка делается ветераном, гордится рубцами и ранами, подвигами товарищей, втягивается в походную жизнь, так втянулись и жители Ленинграда в свою необыкновенную каждодневную работу. О ней и рассказ в очерке Тихонова.

Сталинградская победа и в далеком Ленинграде настраивала на думы о будущем. Николай Семенович писал о том, что "когда-нибудь тысячи дневников лягут на стол историка, и тогда мы увидим, сколько замечательного было в незаметных биографиях простых русских людей".

Очерки самого Тихонова - это тоже дневники, запечатлевшие героическую эпопею битвы за Ленинград.

Илья Эренбург писал нам прозой. Но вот третьего дня он зашел ко мне и протянул две странички. Я предполагал, что это статья, очередной выстрел но врагу. Но это были стихи. Бегло посмотрел их и задумался. Писатель перехватил мой взгляд:

- Удивляетесь? Разве вы не знали, что я пишу стихи?

Конечно, я знал. Знал, что Илья Григорьевич начал писать стихи еще восемнадцатилетним юношей. Но все мы в редакции, да и в армии привыкли, что он изо дня в день бьет по

фашистским захватчикам публицистикой, статьями, памфлетами. А поэтов мы печатали в "Красной звезде" немало. "И не дай бог, подумал я с огорчением, - если Эренбург забросит свою публицистику и начнет выдавать стихи".

Я не мог, понятно, сказать Эренбургу о своих мыслях и потому еще раз внимательно прочитал стихи. Оснований их не печатать у меня не было, и я написал: "В набор". Это стихотворение "Выл лютый мороз...", написанное с большой психологической тонкостью и опубликованное сегодня, хочу привести:

Был лютый мороз. Молодые солдаты
Любимого друга по полю несли.
Молчали. И долго стучались лопаты
В угрюмое сердце промерзшей земли.
Скажи мне, товарищ... Словами не скажешь,
А были слова - потерял на войне.
Ружейный салют был печален и важен
В холодной, в суровой, в пустой тишине.
Могилу прикрыли, а ночью - в атаку.
Боялись они оглянуться назад.
Но кто там шагает? Друзьями оплакан,
Своих земляков догоняет солдат.
Он вместе с другими бросает гранаты,
А, если залягут, - он крикнет "ура".
И место ему оставляют солдаты,
Усевшись вокруг золотого костра...

Позже мы напечатали еще два-три стихотворения Эренбурга, но больше он не приносил стихов, и я к этому его тоже не побуждал. Хорошо это или плохо мне трудно сказать, но тогда это мне казалось правильным.

Неутомимый Евгений Габрилович шлет и шлет с Северного Кавказа очерки. Один из них - "На военной тропе" - опубликован в сегодняшней газете. Нет, это не рассказ о боях на этих тропах: тропы лишь ведут к передовым позициям. По ним идут мулы и лошади, навьюченные продовольствием и боеприпасами. Ведут их специальные проводники, или, как их здесь называют, "вьюковожатые". Трудная эта дорога. Тропа идет зигзагами, петлями, а часто напрямик по крутой горе.

На одном из пунктов на тропе Габрилович встретился с вьюковожатым Иваном Дмитриевичем Сухиным, невысоким, коренастым бойцом из Архангельского края, и узнал необычайную историю.

Однажды, когда Сухин один шел высоко в горах со спешным заданием, на повороте на него внезапно накинулись несколько немецких разведчиков, искавших "языка". Они опрокинули Сухина, скрутили за спину руки и повели. А когда спустились горные сумерки, Сухин выбрал нужный момент и со скрученными руками вдруг бросился с многометрового откоса. Упал в мягкий снег. Немцы долго стреляли ему вслед, но нырнуть за ним не рискнули.

Под вечер пастухи-горцы, шедшие по тропе, заметили внизу какую-то странную, необычную воронку в снегу. С трудом пробрались к ней и увидели Сухина. Подобрали бойца...

Удивительный талант Евгения Иосифовича - находить необычное, неожиданное...

Декабрь

1 декабря

Еще 23 ноября Юго-Западный и Сталинградские фронты с выходом у Калача и Советского замкнули кольцо окружения немецкой группировки. Но слово "окружение" все еще не фигурирует в официальных сообщениях. Значит, и нам не дозволено распространяться на эту тему.

Как раз в те дни я встретил в Ставке Жукова. Спросил его, как, мол, нам, газете, быть? Что сказать читателю? Ведь любой, кто возьмет в руки карту и проведет карандашом линию через освобожденные пункты, объявленные в сводках, в том числе у Калача и Советского, сразу увидит, что окружение вражеской группировки стало действительностью. Георгий Константинович вначале ответил шуткой:

- А зачем вам писать, если ваш читатель до этого дойдет своим умом? - А потом добавил: - Пусть покрепче завязнут... Потерпите...

"Терпенье, - писал Гейне, - второе мужество". Но этого мужества, признаюсь, нам не хватило, и мы решили обойти запрет. А сделано это было таким образом. Еще 27 ноября мы напечатали, как уже говорилось, статью Эренбурга "Наступление продолжается". Там и было впервые сказано, что враг окружен. Затем это слово - "окружение" - появилось в очерке Тихонова. В репортаже наших спецкоров оно тоже часто встречается, но здесь речь идет лишь об окруженных отдельных гарнизонах. Разумеется, это не дает четкого представления о битве. Но полным голосом впервые об этом сказал Гроссман.

"Сталинградское наступление" - так называется его очерк.

Писатель видел начало наступления с НП дивизии. А затем, шагая вместе с наступающими войсками, выразительно описал все, что встретил на этом пути. "Мы едем по следам наступавших танков. Вдоль дорог лежат трупы убитых врагов, брошенные орудия, замаскированные сухой степной травой, смотрят на восток. Лошади бродят в балках, волоча за собой обрубленные постромки, разбитые снарядами машины дымятся сизыми дымками, на дорогах валяются каски, гранаты, патроны... Все дороги к Волге полны пленных... Медленно, отражая своим движением все изгибы степного проселка, движется колонна, растянувшаяся на несколько километров"...

Наш спецкор в одних шеренгах с бойцами. "Вечером мы

продолжаем наш путь. Идут войска, колышутся черные противотанковые ружья, стремительно проносятся пушки, буксируемые маленькими сильными автомобилями. С тяжелым гудением идут танки, на рысях проходят кавалерийские полки. Холодный ветер, неся пыль и сухую снежную крупу, с воем носится над степью, бьет в лицо. Лица красноармейцев стали бронзово-красные от жестокого зимнего ветра. Нелегко воевать в эту погоду, проводить долгие зимние ночи в степи под этим ледяным всепроникающим ветром, но люди идут бодро, подняв головы, идут с песней".

А теперь об окружении. Написал Гроссман о нем так:

"Успех велик, успех несомненен, но все живут одной мыслью - враг окружен, ему нельзя дать уйти, его нужно уничтожить".

Что ж, откровеннее об окружении противника не скажешь! А завершает Гроссман эту мысль словами: "Не должно быть ни тени легкомыслия, преждевременного успокоения". Да, не откажешь Василию Семеновичу в умении трезво оценивать обстановку. А ведь нам, издали, тогда казалось: задача, которую поставила Ставка перед Сталинградскими фронтами уже после того, как кольцо окружения замкнулось, - расчленить и уничтожить немецкую группировку, будет выполнена в короткие сроки. Но сделать с ходу это не удалось - и в связи с усилением сопротивления врага, и в связи с недостатком наших сил. В сообщениях спецкоров все чаще появляются строки: "Противник сопротивляется крайне упорно, отступая, создает на выгодных рубежах опорные пункты, зачастую переходит в контратаки".

Трудности, с которыми сталкиваются наши войска, более подробно раскрываются в передовой статье "Умело организовать бой в ходе наступления":

"Враг стремится во что бы то ни стало привести себя в порядок, остановить наше продвижение. Он совершает перегруппировки, вводит резервы, спешно воздвигает новые оборонительные сооружения. На многих участках его оборона имеет большую глубину с многочисленными укрепленными рубежами. Нашим войскам приходится снова и снова преодолевать сильные преграды. Прорвав одну линию обороны, нужно безостановочно пробиваться дальше, чтобы на плечах отходящего противника ворваться на следующие его рубежи"...

Я читаю главу о Сталинградской битве в книге А. М. Василевского "Дело всей жизни", написанную после войны, и вижу, что все из того, что было опубликовано тогда в газете, тоже не противоречит тому, что писал маршал. Александр Михайлович прямо пишет, что одна из причин, почему мы вынуждены были приостановить движение, - упорное сопротивление противника;

очевиден был просчет, который допустили в Генштабе при определении численности окруженных войск врага; их оказалось больше, чем мы предполагали.

Наш спецкор Константин Буковский передал небольшую корреспонденцию "Награждение на передовых позициях". Об этом мы немало писали, но история этой публикации неординарна. Наши полки преследовали противника. Задача состояла в том, чтобы отрезать врагу пути отступления. Она была возложена на танковый десант во главе с подполковником Невжинским. Задачу он выполнил отлично. В это время в блиндаже командира дивизии находился командующий фронтом. Он тщательно следил за действиями десанта. Узнав о его боевом успехе, комфронта приказал:

- Попросите ко мне подполковника Невжинского.

В блиндаж вошел плотный, коренастый танкист. Командующий поднялся ему навстречу, крепко пожал руку и сказал:

- Спасибо, подполковник. Расстегните-ка шинель.

Наступила полная тишина. Комфронта достал из футляра орден Красной Звезды, привлек к себе Невжинского и приколол ему орден на левой стороне груди. Обветренное лицо танкиста дрогнуло. Он по-солдатски вытянулся:

- Благодарю за награду. Постараюсь оправдать ее перед Родиной...

В корреспонденции по причинам, о которых я уже писал, не назван фронт и, естественно, имя командующего - это был К. К. Рокоссовский...

* * *

Спецкоры пишут, главным образом, о материалах, которые посвящены войскам, ведущим наступление. Не прекращаются публикации и о тех, кто защищал Сталинград на его улицах, в кварталах, домах. Им сегодня посвящена передовица "62 армия" - ее воинам, командующему генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову. О боях 62-й армии за город на Волге Василий Иванович, будучи уже маршалом, после войны написал книгу. В силу своего характера, он был сдержан в оценках действий своих войск, тем более собственных. Но "Красная звезда" всегда стремилась в полный голос говорить о ратных заслугах наших воинов от солдата до командующего. Поэтому она писала в передовой:

"...62 армия - одна из самых юных по возрасту и уже самых заслуженных по своему воинскому умению...

Она пришла к Сталинграду в те дни, когда лишь тоненькая цепочка наших войск преграждала вражеским дивизиям путь в город. Способность к молниеносному маневру - вот первое, что

показала 62 армия в то критическое время. Только гибкая маневренность могла спасти тогда положение. И армия искусно перебрасывала свои батальоны, полки но фронту, не боялась снимать части с одного участка и направлять их туда, где они были более необходимы именно в этот момент. Армия умело затыкала бреши, в которые уже готова была хлынуть вражья сила, ломала клинья неприятеля, заставляла его лихорадочно метаться по всем направлениям перед только еще создававшейся линией городской обороны...

Отражая атаки противника, части 62 армии сами атаковали его, делали смелые вылазки, забирали инициативу в свои руки и принуждали врага к обороне. 62 армия навеки оставила в истории военного искусства не только образцы ведения активной обороны, но и саму себя в целом как необычайный воинский организм, выработавший совершенные, еще никогда не применявшиеся формы уличных боев... Проходя суровую школу военного опыта, молодая армия одновременно создала своими действиями университет городских боев".

Заключительные строки передовой статьи:

"Слава 62 армии переживет века. Пройдут годы. Зеленой травой зарастут развороченные снарядами поля сражений, новые светлые здания вырастут в свободном Сталинграде, и ветеран-воин с гордостью скажет:

- Да, я сражался под знаменами доблестной шестьдесят второй!"

После Сталинграда 62-я армия, преобразованная в 8-ю гвардейскую, прошла славный путь до самого Нерлина. Но не будет преувеличением, если скажу, что Сталинградская битва была в созвездии ее побед самой яркой звездой!

5 декабря

В сводках Совинформбюро сообщается, что наши войска продолжают вести наступательные действия на Центральном фронте. Собственно говоря, такого официального названия фронта нет. Был он в первые месяцы войны, затем его упразднили, вновь создали лишь в феврале сорок третьего года. Операцию в этом районе проводят войска Западного и Калининского фронтов. Но но тем же причинам, что и в Сталинграде, их участие в ней засекречено.

Я уже говорил о материалах, переданных нашими спецкорами с этих фронтов. Хочу подробнее рассказать об очерке Симонова "Мост под водой". Мне принесли вчера уже

сверстанный очерк. Он занял три колонки. Когда я увидел его название, удивился: что это за странный мост, претендующий на такую большую площадь в газете? А прочитав, понял, что мост этого заслуживает.

Вот его история. Перед началом наступления дивизия генерала Мухина решила построить для танков мост через реку ниже уровня воды сантиметров на пятьдесят, да так, чтобы он не был виден противнику. Однако наш левый берег был низким и отлогим. А правый, где обосновались немцы, был высокий, обрывистый. С него просматривались наши позиции не только днем, но и ночью при свете ракет. Как подвезти сюда бревна так, чтобы строительство моста не было видно немцам? У инженера дивизии Сосновкина мелькнула смелая мысль: а что, если переносить бревна не по нашему берегу, а по их берегу? Тот же самый крутой обрыв, который дает противнику возможность смотреть далеко вперед, не давал ему возможности видеть, что делается у него под носом, свой берег, свою собственную узкую полосу.

В одном месте река делает излучину, и с нашей стороны подходил к ней овраг. Отсюда можно незаметно подтаскивать бревна, переправляя их вниз по течению до того места, где должен быть мост.

Так и было сделано. Сколько надо было мужества и героизма, чтобы в холодную ночь, по грудь в воде, перетаскивать бревна на тот берег, а потом вплавь, толкая их, идти по течению?

К началу наступления невидимый противнику мост был готов, по нему переправились танки и пошли в бой.

Рассказал эту историю Симонов с прекрасным знанием деталей боевой работы строителей моста. Хороши в очерке портретные зарисовки, раскрыты и душевные переживания людей.

- Если писатель сам не строил вместе с саперами мост, то дневал там и ночевал, так здорово написано, - сказал мне командир дивизии генерал Мухин, успевший прочитать очерк Симонова.

А встретился я с генералом в воскресный день. Он был выходным для газеты, и я решил съездить в район боев, под Ржев. Добрался я по Волоколамскому шоссе быстро и сразу же нашел наших корреспондентов в лесу. Застал их в тот момент, когда они, задрав головы, смотрели на немецкие самолеты, искавшие свои цели. Дангулов и Зотов, как и я, были в белых кожушках, а Симонов, вопреки всем законам маскировки, - в черном. А через плечо на ремне у него висела свернутая палатка. Увидев мой удивленный взгляд на его необычную экипировку, он объяснил:

знал, мол, куда еду, не первый раз здесь. В этих краях все освобожденные села превращены в развалины. Где переночуешь? Вот палатка в случае чего может пригодиться.

Спецкоры привели меня на КП командира дивизии, и там я услышал оценку симоновского очерка. Генерал объяснил обстановку.

Наше наступление заглохло. Противник оказывает сильное сопротивление, подбрасывает резервы, переходит в контратаки. Ждать новостей на фронте вряд ли можно было. Я возвратился в Москву, захватив с собой Симонова. А Дангулову и Зотову сказал, чтобы они побыли здесь еще немного, наскребли материал для газеты и возвращались в редакцию. Вернулись они через три дня, но нового ничего не привезли. Что ж, и такое у нас бывало.

Симонов сделал, пожалуй, больше всех. Я имею в виду еще один его очерк "Декабрьские заметки". Он состоит как бы из отдельных новелл, связанных между собой. Дорога войны из Москвы до Ржева. Поле боя под Ржевом. Командный пункт командира дивизии Мухина, генерала "большой смелости, большого умения и большого сердца". Сорокапятилетний санинструктор Губа, стеснявшийся написать своей Аксинье, что на "старости лет" он вступил в партию... Это все как бы внешние приметы фронтовой жизни. Но есть у человека и внутренний мир, думы, чувства, с неизмеримой силой обострившиеся на войне, и проникнуть в их глубины дано только большому писателю.

Скажем, чувства людей в дни и часы перехода от обороны к наступлению. Вот как они раскрыты в очерке: "Когда войска долго стоят на месте, занимая оборону, то всегда невольно в какой-то степени начинается быт войны, привычка к относительной безопасности. Перед наступлением командиру и его бойцам приходится преодолевать в себе эту инерцию, это чувство относительной безопасности. Как бы ни было хорошо организовано наступление, как бы хорошо ни подавила артиллерия огневые точки немцев, - все равно последние двести сто метров придется идти открытой грудью на пулеметы. Человек, готовый идти в наступление, знает, что через час-другой, когда кончится эта грозная артиллерийская канонада и он пойдет вперед, все может случиться. Если говорить о высоком моральном духе бойцов, то это вовсе не значит, что они стараются забыть о грозящей смертельной опасности. Нет, они помнят о ней и все-таки идут. И если бы им предоставилась возможность выбора между спокойным сидением в обороне и наступлением, они бы всегда выбрали наступление.

В этом секрет солдатской русской души, секрет воспитания армии..."

Несколько ранее я писал о храбрости на войне, о мыслях Гроссмана, высказанных им на сей счет в очерке "Сталинградская быль". А вот как, вглядываясь в природу храбрости, писал об этом Симонов в "Декабрьских заметках":

"В рассказе "Набег" Льва Толстого один офицер говорит, что храбрый тот, который ведет себя как следует. Иначе говоря, поясняет Толстой, храбрый тот, кто боится только того, чего следует бояться, а не того, чего не нужно бояться. Это мудрые слова, и они всегда применимы к нашим воинам. В первые же месяцы войны у нас было много, столько же, сколько и сейчас, смелых и презирающих смерть людей. Я видел командиров, которые, чтобы подбодрить других, стояли во весь рост под бомбежкой, когда все кругом старались прижаться к земле. Я видел людей, которые один на один выходили с гранатой против танков. Все это было у нас с самого начала. Но храбрость, та спокойная храбрость, о которой говорит Толстой, она, как массовое явление, родилась лишь в испытаниях войны. Вести себя на войне как следует - это значит при первой возможности вырыть себе ямку, щель, окопчик... спокойно лежать в нем во время бомбежки и делать свое дело, не страшась немецких бомб...

Ни для кого не секрет, какой страшной была лавина обрушившейся на нас немецкой техники. Эта техника остается грозной и сейчас, и было бы, конечно, наивно думать, что страх человека, на которого прет танк, может когда-нибудь исчезнуть. Но в душе человека, на которого надвигается смертельная опасность, всегда есть два чувства по отношению к ней: бежать, уйти от этой смерти или самому убить ее. И вот в этих двух чувствах, которые всегда борются между собой в душе солдата, в сочетании этих двух чувств с каждым месяцем войны все больше преобладает второе - самому убить эту смерть. Это и есть массовая храбрость - храбрость закаленной в боях армии".

Злоупотребляя несколько терпением читателя, я нарочно привел длинные цитаты, чтобы показать: сколько людей, столько и мыслей по этому вечному вопросу.

Если же вернуться к боям на Центральном фронте, надо сказать, что, хотя директиву Ставки - Западному и Калининскому фронтам ликвидировать ржевский плацдарм - и на этот раз не удалось выполнить войскам, они внесли свою долю именно в Сталинградскую битву. Наше наступление в этом районе не только сковало немецкие войска, но и заставило противника в самые критические для него дни перебросить сюда, под Ржев, четыре танковых и одну моторизированную дивизию, предназначенные для Сталинграда.

* * *

Вот уж который день в сообщениях Совинформбюро не упоминается о Северном Кавказе. Бои там затихли. Но это не значит, что Юг нами забыт. Печатаются корреспонденции и очерки о минувшем наступлении в районе Владикавказа и вообще о жизни и быте этого фронта.

Дал о себе знать Петр Павленко. Выехал он некоторое время назад из Москвы вместе с фоторепортером Виктором Теминым в войска Кавказского фронта и жестоко простыл в дороге. Его выхаживали в бакинской гостинице Темин и жившие по соседству Любовь Орлова и Григорий Александров. Но стоило ему почувствовать себя чуть лучше, как он, еще не совсем оправившись от болезни, добрался в холодном товарном вагоне до места назначения, в район Владикавказа.

Там он встретился с Милованом, и они отправились в одну из дивизий. Дальше их путь лежал в полки и батальоны. Дорога обстреливалась. Милованов, человек отважный, не раз сопровождал писателей на передовую и считал своим долгом оберегать их. И на этот раз он сказал Павленко прямо-таки умоляюще:

- Петр Андреевич, может, не надо? И здесь, на КП дивизии, людей много.

- Нет, пойдем туда, - ответил писатель.

Пошли. Попали под шрапнель. Залегли. Милованов снова упрашивает:

- Вернемся, Петр Андреевич. Надо вернуться! И на КП можно узнать многое.

- Да что я, шрапнели не видел? - непоколебимо ответил Павленко. - Я ее знаю еще с гражданской войны.

Между прочим, у нас в редакции шутили: Павленко больше боится потерять очки, чем попасть под мину. Для такой шутки, право, имелся веский резон. В одной из поездок в боевую часть Павленко потерял очки и не мог идти дальше. Его спутник Темин долго лазил среди воронок, искал очки. Нашел все-таки. Петр Андреевич обнял его, расцеловал:

- Спасибо, что спас... Не от мин, а от слепоты...

Побывали Павленко и Милованов на передовой, в батальонах, ротах, а затем вернулись на КП дивизии. А там как раз собрались истребители танков на свой слет по обмену опытом. Слушал Павленко, замечал, записывал. Так появился в "Красной звезде" его очерк "Четвертое условие". Что же это за "четвертое условие" истребителей танков? Сами они назвали три важнейших условия: боевая готовность, подготовка прицельной линии, вера в победу. Но в дискуссию вмешался командир корпуса генерал Рослый:

- Вера в свое оружие. Без веры в свое оружие не может быть

веры в победу. Это четвертое условие. Даже скажу, с него надо начинать.

Все единодушно поддержали генерала и тут же стали рассказывать, как это четвертое условие помогало бить врага...

Весь очерк Павленко пропитан сочной солдатской речью, которая и красочна и мудра:

"Мы незамаскированные сидим, как тушканчики серед степи".

"Я второй выстрел дал, и второй танк остановился, как приклеенный".

"Хорошо, что немцы меня не заметили, а то уж лежал бы я под красной пирамидкой".

"Основное оружие против них... бутылка с горючей жидкостью. Признаюсь, к этой аптеке я раньше большого доверия не имел".

"Потом, самое главное, это знать уязвимые места танков.

Бронебойщик вроде доктора, он должен обязательно знать, где у танка кашель, а где ломота".

Или такой волнующий рассказ моряка-автоматчика:

- Против восемнадцати передних машин наш командир решил выслать группу бойцов с бутылками. Выстроил рот.у: "Кто хочет идти добровольно на отражение танков, три шага вперед". Вся рота протопала три шага, стоит, как один человек. И командир роты говорит: "Я вам не загадки загадываю, а задаю вопрос, кто пойдет, на три шага вперед". И опять вся рота плечо в плечо на три шага вперед подвинулась. Никто уступить не хочет. Тогда командир говорит: "Вот вы какие!" Отсчитал с правого фланга 20 бойцов и послал...

* * *

Перед отъездом на Кавказ был у меня разговор с Павленко. Я попросил его:

- Петр Андреевич! Помнишь, какую свистопляску поднял Геббельс, когда немцы прорвались на Северный Кавказ? На весь свет шумел, что кавказские народы якобы встречают гитлеровцев с распростертыми руками. Тогда Дангулов в своих очерках показал, что там их встречают не хлебом-солью, а пулями и гранатами. Кавказ ты знаешь лучше всех. Посмотри еще раз и напиши об этом.

И вот пришли два его очерка. Один из них называется "Фронтовой день". Это о встречах с воинами-осетинами. Их ненависть к фашистским захватчикам сильнее всего была выражена писателем, пожалуй, в таких строках:

"Пощады немцам от осетин не будет никакой, - говорит Хетагуров. Многие объявили кровную месть фашистам. Поклялись по адату, что будут мстить за кровь близких..."

А второй очерк - "Воины с гор" - о том, как сражаются верные традициям горской доблести кавказские воины. Вот как уходили на войну добровольцы:

"Было решено сформировать особый отряд добровольцев Дагестана и поручить командование Кара Караеву потому, что нет в сегодняшнем Дагестане более заслуженного героя, чем он, Караев.

Если бы брали в отряд каждого, кто просился, отряд, вероятно, превратился бы в крупное соединение, но отбирали строго, придирчиво. Каждый принятый становился как бы делегатом своего аула или целого района, и отныне на нем одном лежала слава или позор всех оставшихся дома и доверивших ему защиту Родины кровью.

От него одного зависело теперь, будут ли говорить о храбрецах Гуниба, Согратия, Чоха, Кумума или станут складывать неприличные поговорки о трусах из такого-то аула. А ведь каждый аул втайне мечтает, чтобы из его домов вышел второй Гаджиев, чтобы прославились вместе с именем нового храбреца и семья его, и род его, и родные места его со всеми товарищами, со всеми теми, кто верил в него и надеялся на него".

Да, я не ошибся, предложив эту тему Петру Андреевичу...

* * *

Обратились мы с просьбой и к Михаилу Светлову откликнуться на эту тему. И вот он очень быстро принес стихотворение "Ударим в сердце чужеземца!":

Каленые сибирские морозы,
Балтийская густая синева,
Полтавский тополь, русская береза,
Калмыкии высокая трава.
Донбасса уголь, хлопок белоснежный
Туркмении, Кузбасса черный дым
Любовью сына, крепкой и надежной,
Мы любим вас, мы вас не отдадим.
Безмолвна тишь глухой военной ночи.
Товарищи построились в ряды,
За ними Север льдинами грохочет
И шелестят грузинские сады.
Свирепствует свинцовая погода,
Над армией знамена шелестят,
За армией советские народы,
Как родственники близкие, стоят.
Мы для себя трудились, не для немца
И мы встаем на рубежах войны,

Чтобы ударить в сердце чужеземца
Развернутою яростью страны.

И были эти стихи опубликованы в очередном номере газеты.

8 декабря

Ни на одном из фронтов в эти дни нет больших баталий. В кратких информационных заметках со Сталинградских фронтов наши спецкоры сообщают лишь о боевой активности отдельных частей, отражении контратак, а в самом городе бои носят характер блокирования некоторых блиндажей и дзотов противника.

В эти дни публикуются статьи о наиболее поучительных боях соединений, армий, фронтов, родов войск. Хотя времени со дня начала сталинградского контрнаступления прошло немного, но наши спецкоры стараются осмыслить пройденное. И не только для того, чтобы воздать должное военачальникам, командирам, бойцам. Их опыт нужен для грядущего наступления.

Петр Олендер напечатал статью "Быстрота и маневр" - о тактическом искусстве уже известного нам командира танковой бригады подполковника Невжинского. Перед ним была поставлена новая задача - перерезать отходящему врагу дорогу к переправе. О том, как комбриг ее выполнил, говорит сам заголовок статьи.

. Константин Буковский рассказывает о том, как была прорвана оборона немцев на Дону. Василий Земляной - об ударах по врагу штурмовой авиацией. Николай Денисов напечатал статью "Комбинированные удары бомбардировщиков", Виктор Смирнов - "Артиллерийское сопровождение танков в наступлении"... Каждый непредубежденный человек, если и ныне, спустя сорок с лишним лет, перечитает их статьи, убедится, что многое в них освещено толково, обстоятельно, убедительно.

Немало в газете и писательских выступлений. Сегодня напечатана статья Алексея Толстого "Вера в победу". Вообще-то не было такого выступления Толстого в нашей газете, где бы не звучала его непоколебимая вера: мы выстоим, сокрушим врага. Так было и в его первой статье, опубликованной в "Красной звезде" в начале войны, "Армия героев". Так было и в статье "Вера в победу", напечатанной год спустя, в трудное лето сорок второго года. Тогда писать это было и легко и нелегко. Легко потому, что наша уверенность "подкреплялась ясным ощущением бессмертия

русского народа, сознанием непоборимой силы братского союза Советских республик". Писать же нелегко всегда в годину неудач и поражений.

А вот сегодняшняя статья написана в другую пору. Писатель сказал, что теперь, когда идут вперед полки Красной Армии, наша цель очистить от кровожаждущей фашистской сволочи обиженную и оскверненную нашу землю будет достигнута: "цель эта не за горами, - в этом мы были уверены вчера, а сегодня наша вера окрепла".

Да, так думалось тогда. А в действительности наша победа еще далеко была за горами.

Кстати, по поводу заголовка сегодняшней статьи Толстого. Писатель не терпел, когда в его рукописи "хозяйничало" много рук. Поэтому связь у нас шла напрямую: писатель - редактор. Статьи Толстого были написаны великолепным языком и не нуждались в стилистической правке. Обычно правка сводилась к уточнениям, связанным с некоторыми политическими нюансами, военной обстановкой, положением на фронте.

Как-то мы с Алексеем Николаевичем читали одну из его статей. Все утрясли, и я написал на уголке первой страницы: "В набор". Это означало, что никто больше не может ни вставить, ни изменить ни одного слова без меня и без согласия Толстого. Ночью уже в подписной полосе нашему литературному правщику не понравилась какая-то фраза; он предложил ее исправить и убедил меня. Газету мы тогда делали поздно, дело шло к четвертому часу утра. Не поднимать же Толстого с постели из-за одной фразы? Исправили сами.

На второй день заходит ко мне Алексей Николаевич. По глазам вижу рассержен.

- Вы, редакторы, политику, может, и лучше меня знаете, а литературную правку показали бы мне!

Пришлось покаяться и пообещать, что в следующий раз, если такая история случится, мы "жалеть" его не будем...

Зато полную свободу предоставлял нам Толстой с заголовками. Обычно, за редким исключением, он присылал свои статьи без названий, давая нам право самим помучиться над ними. "Это у вас, - говорил он, - получается лучше, чем у меня". Но получалось по-разному. Бывали удачные заголовки, за которые Алексей Николаевич говорил нам спасибо. Бывали и неудачи. Такое случилось как раз с сегодняшней статьей "Вера в победу". Оказалось, что точно такой же заголовок мы дали одной из его предыдущих статей. Запамятовали. Словом, досталось нам от писателя.

* * *

Илья Эренбург выступил со статьей "Заветное слово". В дни оборонительных сражений за Москву было такое заветное слово: "Выстоять!" Так называлась его знаменитая статья. А ныне - иной мотив. "У нас было много слов до войны, громких и нежных. У нас будет еще больше слов после победы: такой большой, такой многообразней станет жизнь. Но теперь у нас мало слов. Но теперь у нас осталось одно слово, самое заветное, самое дорогое. В нем все наше сердце. В нем вся наша тоска. В нем и вся наша надежда. Короткое слово: вперед!"

* * *

Последние номера газеты заполнены писательскими очерками и рассказами. Я их хотя бы перечислю:

Борис Лавренев - "Подарок старшины",

Николай Вирта - "Солдатские жены",

Мариэтта Шагинян - "Свердловск",

Лев Никулин - "Урал Южный",

Аркадий Первенцев - "Город на Каме"...

Это нештатные авторы, а кроме того, за последнюю неделю были напечатаны очерки и корреспонденции наших фронтовых спецкоров - Николая Тихонова, Константина Симонова, Петра Павленко, Василия Ильенкова, Евгения Габриловича, Александра Прокофьева, Михаила Светлова... О такой плеяде писателей даже самая литературная из литературных газет могла тогда, может, и ныне только мечтать!

И не было ни одного случая - ни одного! - чтобы на просьбу редакции кто-либо из писателей не откликнулся. Уже после войны, в дневниках и письмах Мариэтты Шагинян, Константина Паустовского и других я прочитал, с каким воодушевлением принимали они наши заказы. Вот, к примеру, очерк Аркадия Первенцева. Я уже рассказывал о катастрофе с самолетом, на котором он и наш спецкор писатель Евгений Петров возвращались из Севастополя. Петров погиб, а Первенцева вытащили из-под обломков машины изувеченного, с перебитым позвоночником, обожженным лицом и раненой головой. Его отправили на лечение в Пермь. Я послал ему телеграмму с просьбой написать очерк о тружениках Урала. Он выполнил нашу просьбу, написал яркий очерк "Город на Каме".

"Я вернулся на Урал после нескольких месяцев отсутствия. Мне посчастливилось видеть героический Севастополь. Я видел пылающий юг, познал горечь прощания с родными станицами Кубани. Мохнатый от инея "Дуглас" принес меня снова на Урал. Я видел разрушенные города и горящие села, огненную линию фронта и прифронтовье - огромные затемненные пространства России.

Но вот здесь опустилась ночь, и город вспыхнул не языками пожаров, как Севастополь или Сталинград, а мирными огнями жилищ, уличных фонарей, веселых трамваев. Как странно сейчас видеть освещенный город. Глубокий тыл! Как необъятна наша отчизна. Кама катит и катит свои могучие воды, трещит лед. Отсветы пламени мартенов вспыхивают на реке. Город трудится день и ночь. Суровые и тяжелые будни.

Но наступит праздник. По улицам уральских городов пройдете вы, возмужавшие в сражениях уральские батальоны. На простреленных ваших знаменах будет вышито слово - победа. В ваши колонны, солдаты великой войны, по праву станут солдаты тыла, рядом с вами прошагают ваши счастливые жены и дети. Вы разойдетесь по своим жилищам и прижмете к груди своих родных. Будет о чем рассказать друг другу".

Можно себе представить, с каким волнующим чувством читали фронтовики-уральцы, и не только они, эти строки!..

13 декабря

На фронте, как сообщает Совинформбюро, без перемен. Однако "В последнем часе" публикуется сводка о трофеях наших войск и потерях противника под Сталинградом и на Центральном фронте с начала наступления. Цифры внушительные.

Вчера началось сражение с немецко-фашистскими войсками в районе Котельникова: здесь противник перешел в наступление, пытаясь деблокировать окруженную группировку Паулюса.

* * *

Сегодня и в минувшие несколько дней в газете много места заняли партизанские материалы. "Непокоренный край" - так называется корреспонденция К. Токарева об оккупированном немцами районе на северо-западе нашей страны. Четыре экспедиции были посланы фашистскими карателями в этот край, но покорить его не смогли. Чувствуя свое бессилие, немецкий комендант решил обратиться к партизанам с "дипломатическим воззванием": предложил им сдаться, обещая... прощение. На это воззвание, расклеенное на стенах домов, телеграфных столбах и придорожных деревьях, партизаны наклеили листовки с ответом:

"Господин комендант и прочая немецкая сволочь! Вы спрашиваете: что нам нужно? С удовольствием разъясняем: катитесь отсюда к чертовой матери, пока мы не добрались до вас. И всем своим передайте: скоро придет сюда Красная Армия и всем вам устроит капут. Молитесь господу богу, чтобы он заранее принял ваши паршивые души. А ваши собачьи кости мы уж сами

закопаем. На это у нас хватит русской землицы. Партизаны".

Опубликованы корреспонденции наших спецкоров о бесчинствах фашистов в захваченных ими районах Ленинградской и Орловской областей, Северного Кавказа. Есть статьи командиров партизанских отрядов, подписанные, понятно, не их именами, а условными буквами "К", "М". С Брянщины прислал корреспонденцию Крайнев. Он все еще в Брянских лесах. Наш боевой товарищ среди партизан! Как этим не гордиться! И мы с гордостью печатали его.

Во всех материалах раскрывается тактическое искусство партизан. За шестнадцать месяцев они многому научились. Партизанское движение приняло такой размах, что немцам, как они сами об этом заявляют, приходится вести новую войну на занятой территории.

С наступлением зимы создались еще более благоприятные условия для боевых действий народных мстителей (этому посвящена передовица "Партизаны, громите тылы врага зимой"). Что же это за условия? Передовица на это отвечает так. В зимнее время немцы жмутся к дорогам, боясь увязнуть в снегах. Вот эти дороги и надо сделать для них дорогами смерти. Как действовать? Становиться на лыжи и "появляться, как ветер, как грозный смерч, откуда их никак не ждут". Один из тактических приемов - выгонять немцев из домов, пусть замерзают. Таких вояк уже успели запечатлеть наши фоторепортеры.

А вот пример, как надо действовать партизанам, приведенный в передовице. Орловские партизаны совершили дерзкий налет на один из городов области. Быстрота и натиск обеспечили им успех. Ворвавшись вечером в город, они истребили 150 солдат и офицеров местного гарнизона. Народные мстители удерживали город несколько часов. За это время они успели освободить из тюрьмы всех заключенных туда граждан, произвели пополнение своего отряда - в него влилось сорок новых воинов. Потери храбрецов исчисляются двумя убитыми и пятью ранеными. Выполнив задачу, партизаны исчезли, словно растаяли в тумане...

Есть в газете выступления на военные темы. Например, "Как немцы минируют проволочные заграждения" и "Борьба за коммуникации зимой", написанные нашими корреспондентами. Выступил в газете А. Юмашев со статьей "Радио в воздушном бою". Тема очень важная: в то время далеко не все освоили эту форму связи, а некоторые наши летчики и их командиры игнорировали ее.

18 декабря

Четыре дня мощная ударная группировка противника ведет наступление в районе среднего течения Дона, пытаясь прорваться к окруженной армии Паулюса. Об этом сообщают наши корреспонденты. В репортаже Высокоостровского читаем: "Немцы предприняли ряд контратак, введя в бой свежие силы и танки... Противнику удалось потеснить наши подразделения... Неприятель, подтянув резервы, добился численного превосходства... Вклинился в расположение наших войск..." Конечно, сообщения глуховатые, нет картины сражения. Контрнаступление названо контратакой, дивизии - подразделением. Разве из этого узнаешь масштабы и значение событий, происходящих в этом районе? Но лучше, считали мы, хотя бы это, чем ничего. Будем ждать официальных сообщений, тогда и нам можно будет развернуться.

* * *

Есть в номере материал, положивший начало большому патриотическому движению в нашей стране. Это письмо колхозника артели "Стахановец" Новопокровского района Саратовской области Ферапонта Головатого. Вот выдержка из этого письма:

"Провожая своих двух сыновей на фронт, я дал им отцовский наказ беспощадно бить немецких захватчиков, а со своей стороны я обещал своим детям помогать им самоотверженным трудом в тылу... Желая помочь героической Красной Армии быстрее уничтожить немецко-фашистские банды, я решил отдать на строительство боевых самолетов все свои сбережения..."

Сегодня же получен ответ Сталина на это письмо. Ответ заверстан на первой полосе, над передовой. А сама передовая называется "Спасибо колхознику Ферапонту Головатому!".

Почин Ферапонта Головатого нашел широкий отклик в стране. Со всех концов приходят письма колхозников, многих советских людей, в которых они сообщают, что внесли в Госбанк свои сбережения на постройку самолетов и танков. Эти письма, а также ответы Сталина на каждое письмо публиковались в газете. Их было так много, что они почти ежедневно занимали по целой полосе, а порой и больше. Каждой эскадрилье, танковой колонне, а иногда самолету, танку присваивались имена того района или области, труженики которых собрали средства на их строительство.

Помню и такую историю. Алексей Толстой обратился к правительству с просьбой передать премию, присужденную ему за роман "Хождение по мукам", на постройку танка и разрешить назвать его "Грозный". Алексей Николаевич объяснил: название он связал с именем Ивана Грозного, о котором написал

драматическую повесть. Об этой повести он говорил: "Она была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою Родину. Я вызвал из небытия к жизни великую страстную русскую душу - Ивана Грозного, чтобы вооружить свою "рассвирепевшую совесть". Незадолго до этого мне позвонили и попросили разыскать Толстого, с ним хотел поговорить Сталин. Неседа у них была не длинной. Речь шла о повести писателя. Сталин ее прочел и отозвался одобрительно. А теперь, получив письмо Толстого, Сталин, видно, понял, почему писатель просил назвать танк "Грозный". В своей ответной телеграмме Толстому, опубликованной в "Красной звезде" и других газетах, он писал: "Ваше желание будет выполнено".

Прошло немного времени, и Алексей Николаевич с группой писателей, тоже передавших свои премии на строительство танков, выехал под Москву для вручения боевых машин их экипажам.

Опушка леса с высокими елями, упиравшимися тонкими верхушками в серое низкое небо. Импровизированная трибуна из свежеструганных досок на небольшой снежной полянке. Перед трибуной выстроились "тридцатьчетверки". На рубчатой броне башни командирской машины - яркая белая надпись: "Грозный". У машины четверо танкистов. Трое совсем еще молодые парнишки в черных комбинезонах и шлемофонах. Четвертый, постарше, в фуражке и защитных очках, Павел Беляев, командир машины, в прошлом ивановский ткач. Краткий митинг. Алексей Николаевич торжественно передает экипажу свой танк и обращается к нему с душевным напутствием. Танки прогремели мимо трибуны, прошли вдоль опушки леса и, круто развернувшись, остановились на полянке. А затем в избушке, убранной свежими еловыми ветками, - незатейливый банкет и проводы: танкисты уходят на фронт...

А вот как был назван истребитель, построенный на деньги саратовского колхозника, мы тогда не догадались узнать. Не узнали также, кому он был вручен. Это мне стало известно только теперь, и рассказал мне об этом генерал-лейтенант В. Еремин, тогда, в 1942-м, капитан, командир знаменитой эскадрильи, той самой, которая вступила в бой с 25 вражескими самолетами и о подвиге которой мы писали в мартовских номерах "Красной звезды".

А рассказал мне Еремин вот что. Позвонил ему командующий военно-воздушными силами Юго-Западного фронта генерал Т. Т. Хрюкин, и между ними состоялся необычный диалог:

- Как дела? - спросил Хрюкин.

- С самолетами тяжело. Моторов не хватает.

- Тут колхозник купил самолет. Решением Военного совета ты назначен летчиком этой машины.

- Разве самолеты продаются?

- А тебе нужен?

- Конечно!

- Тогда получай предписание и отправляйся на завод в Саратов. Скажешь, чтобы тебе дали самолет Головатого.

Прибыл Еремин на завод. Увидел свой истребитель. На фюзеляже большими буквами выведено: "Ферапонт Головатый". Это сделали на заводе, но инициативе рабочего коллектива. Прибыл туда и Головатый. Он торжественно вручил самолет Еремину.

Воевал Еремин на этом самолете над Севастополем до самого освобождения города. А дальше - ресурсы машины были исчерпаны. В это время Головатый внес свои деньги еще на один самолет и тоже торжественно вручил его Еремину на заводском митинге. На этой машине провоевал летчик до конца войны. А после войны самолет поставили в музей, на его фюзеляже красуется 17 звезд - но числу сбитых Ереминым вражеских машин.

Вот, оказывается, какое продолжение имели письма Головатого и ответ Сталина, опубликованные в сегодняшнем номере газеты!

* * *

В июле этого года мы напечатали стихотворение Александра Твардовского "Отречение". Поэт в ту пору работал в газете Западного фронта "Красноармейская правда". В течение полугода после этого он не давал о себе знать.

Но вот вчера Александр Трифонович пришел в редакцию. Впервые я его увидел. Он был высокий, плотный, офицерская форма сидела на нем как влитая. Внимательные серьге глаза смотрели испытующе. Он подошел к моему столу, где я корпел над какой-то версткой, вынул из полевой сумки несколько листиков со стихотворным текстом, напечатанным на машинке, вручил мне и сказал:

- Я знаю, что вы не любите Теркина, но все же я принес...

Признаться, подобное вступление меня несколько удивило. Но я ничего не ответил, усадил гостя в кресло, а сам стал читать стихи. Прочитал раз, потом снова. Стихи мне очень понравились, я вызвал секретаря, сказал, что они пойдут в номер, попросил сразу же их набрать и прислать гранки. А затем, повернувшись к Твардовскому, сказал:

- Александр Трифонович! А это ведь не тот Теркин, которого я не любил...

А "тот" Теркин был не Василий, а "Вася Теркин", удалой боец, герой частушек, которые сочиняли поэты, в том числе и Твардовский, для газеты Ленинградского фронта "На страже Родины" во время войны с белофиннами.

"Вася Теркин", действительно, мне не нравился. Выглядел он фигурой неправдоподобной - и в огне не горел, и в воде не тонул. Совершал он сверхъестественные подвиги: то накрывал пустыми бочками белофиннов, беря их в плен, то "кошкой" вытаскивал вражеских летчиков из кабин самолетов, то "врагов на штык берет, как снопы на вилы"... Словом, это был своего рода Кузьма Крючков, широко известный лихой казак, не сходивший с лубочных плакатов времен первой мировой войны. Война на Севере была тяжелой, стоила немало крови, и легкие победы Васи Теркина были далеки от реальности.

Не по душе был Вася Теркин не только мне, но и всем нам в "Героическом походе", в том числе и нашим поэтам Суркову, Безыменскому, Прокофьеву. Они тоже сочиняли частушки под коллективным псевдонимом "Вася Гранаткин"; это были сатирические стихи, бичующие недостатки в боевой жизни и солдатском быту. Наше отношение к Васе Теркину тогда было известно Твардовскому. А теперь я имел возможность объясниться с ним самым откровенным образом. Разговор у нас был долгим. Твардовский мне сказал, что по этому поводу и в самой редакции "На страже Родины" возникали дискуссии, да и самого Твардовского этот образ не удовлетворял.

А сейчас передо мною был уже сверстанный двухколонник "Кто стрелял" совсем другие стихи и другой Василий Теркин: умный, сильный, веселый, выхваченный, можно сказать, из самой солдатской жизни. Не Вася Теркин - боец необыкновенный, а Василий Теркин - боец обыкновенный, как его окрестил сам Твардовский. Такой герой не мог не понравиться.

Так начался у нас в "Красной звезде" "Василий Теркин".

Потом Твардовский снова и снова приносил нам главы своей поэмы.

* * *

Получен и ушел в набор для завтрашнего номера газеты очерк нашего нового автора, украинского писателя Леонида Первомайского "В излучине Дона" - о том, что он увидел на дорогах войны, направляясь на грузовой машине на передовую. Проехал он одну станицу, другую и с удивлением обнаружил, что ни в одной из них нет жилья. Вместо домов - только фундаменты из желтовато-серого камня да черные тыны, за которыми чернели деревья, оставшиеся от былых садов. И ни следов пожара, ни следов бомбежки. Ничего этого нет.

Что же случилось?

Оказывается, в этих станицах обосновались немцы. Они собирались зимовать на Дону и по-своему устроились. Хотя и считали себя завоевателями, но боялись жить в домах и, как троглодиты, стали зарываться в землю. Вырыли рядом с домами, во дворах, землянки с ходами сообщений и траншеями, словом целый подземный городок. Для своих землянок разобрали дома, стащили туда всю обстановку этих домов...

Это увидел не только писатель, но и женщины, возвращавшиеся в станицу. Три женщины попросились в машину; двое уместились в кузове, а третья встала на подножку. И вот поразительный рассказ писателя:

"Сначала они молчали, удивленные всем, что им пришлось увидеть. Потом стоявшая на подножке заговорила навзрыд, ни к кому не обращаясь, вряд ли думая о том, что кто-нибудь слышит ее:

- Ничего нет, одна городьба осталась... Звери лютые! По миру пустили...

Она причитала, надрываясь, и было в этом надрывном плаче и удивление как это люди могли сделать такое? - и надежда, что все это обернется сном и пройдет, как сон. Стоит, мол, только открыть глаза, чтобы все стало, как прежде...

- А моя хата? - закричала она, всем телом наваливаясь на кабину водителя, без остановки гнавшего машину через станицу. - Стой! Тут моя хата была... Стой!

Она не дождалась, пока машина остановится, и не сошла с подножки, а упала в грязный снег и на коленях поползла к тому месту, где за повалившимся черным тыном стоял когда-то ее дом. От дома не осталось и следа. Только гора прелого камыша, - то, что было крышей ее гнезда, - лежала, занесенная снегом, посреди двора, да несколько полуобгоревших деревьев сиротливо ютились за тыном.

- Вишеньки мои! - обхватила дерево руками женщина, - вишеньки родимые..."

И умчалась машина с писателем к хутору Вертячему, где в эту холодную, мерзлую непогодь кипел горячий бой. Чувство боли и горечи за судьбу этих женщин долго не покидало его...

20 декабря

Сегодня появилось сообщение "В последний час" - о наступлении наших войск в районе среднего течения Дона. Успехи большие. За пять дней продвинулись вперед на 75-120

километров. А это значит, что контрнаступление противника с целью деблокировать окруженную группировку провалилось. На этот раз были точно указаны границы фронта.

На первой полосе - портреты командующих фронтами генералов Н. Ф. Ватутина и Ф. И. Голикова. Все как будто бы в порядке. Но вот какая история произошла с фото командующих армиями. Об этом мне рассказал Боков, недавний комиссар Генштаба, а ныне заместитель начальника Генштаба. Когда он зашел к Сталину по текущим делам, Верховный, указывая на первую полосу газеты, сердито спросил:

- Почему нет портретов командующих армиями? Что, забыли или не читали сводку?

Сводку Боков читал и даже принимал участие в ее составлении. В ней были добрые слова и о наших командармах: "В боях отличились войска генерал-лейтенанта Кузнецова В. И., генерал-лейтенанта Лелюшенко Д. Д., генерал-майора Харитонова Ф. М.". Словом, "прокол" и Генштаба и самой редакции...

Разыскали мы их портреты и заверстали в завтрашний номер газеты. Но все равно получилось нескладно. Под фото - только фамилии и звания командующих армиями, без объяснения, почему они напечатаны. Конечно, кто запомнил вчерашнюю сводку, понял, почему они даны. А если кто пропустил ее или запамятовал?..

Сообщение Совинформбюро пришло поздно ночью, но нам нетрудно было заверстать три корреспонденции с этих фронтов: они давно были набраны, сверстаны и лежали, выражаясь газетным языком, в загоне. Наши спецкоры хорошо поработали. Не будет преувеличением, если я скажу, что читатель получил ясную и обстоятельную картину сражения. Почти полосу заняли материалы спецкоров. Но и этого нам казалось мало.

На фронт вылетел Марк Вистинецкий, и для следующего номера уже получен его очерк "На поле боя". Имя Вистинецкого не часто появлялось на страницах газеты, хотя писал он много. По должности он числился у нас литературным секретарем, писал в основном передовые статьи, и его из-за этого величали "передовиком". Отличались его передовые публицистическим накалом, а главное, писал он их очень быстро и обогнать его мало кто мог. А что это означало для газеты в ту пору, не трудно понять. Часто важнейшие события нагрянут поздно ночью, а откликаться на них надо сразу же. Бывало, писать передовую надо было за час-полтора до выхода номера. В этих случаях за перо брался Вистинецкий.

Не раз он просил меня и даже требовал, чтобы его послали

хотя бы на денек-два на фронт. Не может, объяснял он, писать передовые, не понюхав пороху. Вот и третьего дня зашел он ко мне и с обидой, настойчиво сказал:

- До каких пор вы будете меня держать в... тени?

В общем, выехал он на Юго-Западный фронт и передал очерк о том, что видел на полях сражений в среднем течении Дона. А через пару дней пришла его новая корреспонденция "Как были разгромлены четыре вражеских дивизии". Это разбор операции, в которой с большой эрудицией раскрывалось оперативное искусство наших военачальников в руководстве большим сражением.

Любопытна концовка корреспонденции:

"К рассвету все было закончено. Перестрелка стихла. На юго-восток потянулись колонны наших частей, разгромивших врага. На север поплелись многочисленные колонны пленных. Четыре неприятельских дивизии прекратили свое существование... Когда мы прибыли сюда вскоре после боя, высоко в небе кружился немецкий самолет. Он долго петлял над полем, не открывая огня и не сбрасывая бомб. Очевидно, этот самолет был прислан, чтобы разведать, что же здесь произошло, куда девались четыре гитлеровских дивизии. Наши бойцы, посмеиваясь, говорили: "Смотри, смотри, обрадуешь Гитлера"...

* * *

В номере очерк Симонова "Полярной ночью". Это, разумеется, с Севера. На этот раз в Мурманск Симонов отправился по своей инициативе. Он хотел посмотреть, какие перемены с героями его очерков произошли на этом фронте за год; видно, прикипел к этим краям. Кроме того, газете нужен разнообразный материал, убеждал он меня. Была у него еще одна цель: хотел еще раз отправиться в плавание на подводной лодке, но теперь уже не к немецким морским базам в Румынии, как это было летом прошлого года, а к Норвегии. В это он, конечно, меня не посвятил, но выдал его случайно фоторепортер Халип, с которым Симонов вместе выезжал в командировку. Халип спросил у меня, должен ли он ждать в Мурманске, пока Симонов вернется после подводного плавания, или ему возвращаться в Москву? Поход на лодке - дело опасное и длительное. Но долго там сидеть мы Симонову не дали. Вернулся он и отчитался очерком "Полярной ночью".

Это была необычная история, быть может, единственная за войну. Во время боевого полета на бомбежку вражеских позиций был убит летчик. И вот стрелок-бомбардир младший лейтенант Н. Д. Губин, мало что умевший в пилотном деле, привел самолет на свой аэродром и посадил его в странном положении опираясь

на нос и одно крыло. Сила очерка - в тонком раскрытии человеческого характера, проявившегося в критические минуты боя.

Читается очерк, как новелла, а помещенная над подвалом на две колонки фотография Губина, сделанная Халипом, подтверждает истинность необычайного происшествия.

Новеллой можно назвать и присланный с Северного Кавказа очерк Петра Павленко "Имя героя". Сюжет его тоже необычен. Старый учитель осетинского селения Христофор Кучиев, провожая своих бывших учеников в партизанский отряд, закончил свое напутствие просьбой к каждому принести по камню на площадку, где проходили проводы. Молодежь весело носила камни. Всем было интересно, чем кончатся проводы. Каждый партизан надписывал на приносимом камне свое имя.

- Вы не школу ли хотите за один день построить, учитель? - спросил его один из уезжающих.

- Нет, сынок, со школой повременим. На этом месте, дети, я построю жилой дом, - сказал Кучиев. - Я постараюсь, чтобы он выглядел достойно и чтобы тот, кто будет в нем жить, не стыдился своего жилища, а дорожил им.

- Но кто это будет? - спросили ребята заинтересованно.

- Я думаю, дети, может быть, и нам повезет. У нас, дети, 50 человек на войне. Верю, что вы вернетесь домой со славой. А может быть, один из вас станет сказочным героем. И вот для него, пока вы там воюете, построю я дом. Всем миром будем строить его, все ваши отцы и деды вложат свой труд в постройку, а когда дом будет готов, на фронтоне его начертим золотом: "Здесь живет Герой Советского Союза, сын наших мест, - любовь наша - такой-то. Слава ему!" А теперь, дети, на коней и в путь. Это мой последний с вами урок. Не забывайте своего старика.

Уже после войны зашел у меня разговор с Петром Андреевичем об этом очерке. Я его спросил:

- Скажи откровенно, эта история - сказка или быль? Павленко клялся и божился, что здесь не было выдумки.

Правда, на проводах партизан он не был. Но в этом селении провел целый день. Сам видел эти камни. Писателю, так хорошо знавшему и любившему Кавказ, не трудно было восстановить картину того дня в осетинском селении.

* * *

Любопытную заметку прислали братья Тур: "Мелкие жулики". Суть ее в том, что в грязной газетенке "Кубань", издающейся в Краснодаре прохвостами из предателей, появилось объявление: "Вниманию жителей! На городском почтамте начался прием посылок в Сочи, Гагры, Сухуми, Батуми, Поти и другие города

побережья. Посылки принимаются как продовольственные, так и вещевые. Вес и размер не ограничен. Своевременная доставка обеспечивается немецкими властями".

Расчет прост: посылки незамедлительно будут переправлены в Германию.

Вот как комментируют это объявление писатели: "Странно, что среди адресов, куда немецкой администрацией принимаются посылки, не перечислены Москва. Новосибирск... Они с тем же правом могли быть названы в этом жульническом объявлении, как и Сочи, Гагры, Сухуми, Батуми и Поти, советские города, которых немцам не видать как своих ушей. Почему не открыть прием посылок на Луну? Или на другие планеты солнечной системы? Врать так врать!.."

26 декабря

В сегодняшней газете под рубрикой "В последний час" напечатаны сразу три сообщения. Первое - "Наступление наших войск в районе Среднего Дона продолжается". Второе - "Новый удар наших войск юго-западнее Сталинграда". И третье - "Наступление наших войск на Северном Кавказе". В дни таких событий мой путь всегда лежит в Ставку. Там я встретился с Жуковым. Дел у него было, конечно, невпроворот, но и наше, газетное, дело он уважал.

- Что, передовую будешь писать? - так встретил он меня.

- Да, Георгий Константинович, если поможешь. Характеристика, оценка событий и задачи войск. Больше мне ничего и не надо...

Говорил Жуков, как всегда, размеренно, четко, не спеша. Успевай только запоминать и записывать. После этой встречи появилась передовица "Неотступно преследовать и уничтожать врага". В нее вошло многое сказанное Жуковым, правда, выраженное стилем наших передовых статей:

"В районе Среднего Дона наступление наших войск продолжается с неослабевающей силой и в масштабах, присущих крупнейшим современным операциям. Каждый день боевых действий сопровождается захватом десятков населенных пунктов, множества пленных и трофеев... Тот факт, что в короткий срок у врага отбито также много тысяч автомашин, лошадей и целый ряд крупных складов, говорит о разгроме тылов противника.

Но больше всего об искусстве наших наступающих войск, их неодолимой активности говорят темпы движения вперед. Современная маневренная операция характеризуется, прежде

всего, быстротой ее развития. Части Красной Армии, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, набрали высокие темпы продвижения... В среднем на отдельных направлениях наступление идет со скоростью более чем 20 километров в день. Нужно помнить, что наши войска наступают сейчас в условиях бездорожья, по снежной целине. Зима - тяжелое время года для наступления. Но это не останавливает советских воинов. Один за другим падают укрепленные рубежи врага с их развитой сетью противотанковых и противопехотных заграждений, сложной системой дзотов, траншей, ходов сообщений и мощного огня".

А дальше разговор был у нас о задачах войск. Приведу для примера лишь одно соображение Жукова:

- В широкой полосе наступления могут порой оставаться отдельные неподавленные очаги сопротивления противника. Из-за них главные силы не могут и не должны задерживаться. Наоборот, самый верный способ покончить с ними - двигаться безостановочно вперед, к наиболее важным пунктам и рубежам, согласно поставленной задаче. Но это вовсе не значит, что неподавленными очагами сопротивления можно пренебрегать.

Задача заключается в том, чтобы шел одновременный процесс преследование отступающего противника с целью его полного разгрома и окончательная ликвидация неподавленных опорных пунктов...

И эта мысль нашла отражение в передовой.

Напечатана статья Миколы Бажана. Называется она "Сыны Украины в боях с немцами". Писатель повествует о том, как украинцы - летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы - сражаются с врагами. Называет имена, рассказывает об их подвигах. Многие нам известны, мы о них уже писали. Но знали далеко не всех героев. Вот что рассказывает Микола Бажан об одном из неизвестных нам героев:

"Мы будем стоять на зеленых горах над Днепром. Могучей аркой повиснет через реку новый мост. Небо будет светлым, безоблачным. И мы вспомним тогда, как в этом небе черным стремительным облаком несся на мост, забитый танками, орудиями, серыми колоннами немецких войск, горящий советский самолет. Его вел летчик Вдовиченко. Он должен был разбомбить мост, по которому переползали на левый берег Днепра фашистские полчища. Самолет был подбит и вспыхнул. Летчик с тремя своими друзьями - такими же сыновьями Украины, как и он, - уверенно и точно направил свою машину. Тяжело нагруженная бомбами, она упала на самую середину моста. Мост рухнул. Летели в воду танки, солдаты, орудия. Левый берег был для немцев надолго отрезан. Это было в тяжелые

сентябрьские дни 1941 года"...

* * *

Во время беседы с Жуковым, когда я уже собирался уходить, Георгий Константинович меня задержал:

- Заинтересуйтесь командиром 24-го танкового корпуса Бадановым. Сегодня будет подписан Указ о награждении его орденом Суворова. Первый орден Суворова.

Заскочил к операторам Генштаба. Там я узнал немного, но самое главное. Начав наступление северо-западнее Богучара, корпус В. М. Баданова прошел с боями 300 километров, уничтожил до 7000 вражеских солдат и офицеров, захватил огромное количество имущества, в том числе на станции Тацинской эшелон разобранных новых самолетов; на аэродроме его танки раздавили свыше двухсот транспортных самолетов, готовых к полету к окруженной группировке в Сталинграде...

Вернувшись в редакцию, я сразу же послал телеграмму нашему спецкору по Юго-Западному фронту с просьбой немедленно - так и было написано в депеше "немедленно" - прислать обширную корреспонденцию о корпусе и его командире. Заодно приготовили портрет Баданова. А вечером мы получили сразу три документа: о преобразовании 24-го танкового корпуса во 2-й гвардейский, о присвоении Баданову звания генерал-лейтенанта и о награждении его орденом Суворова. Все это поставили на первую полосу, а рядом - большой портрет комкора.

Надо бы откликнуться на такие сообщения, но вот незадача: спецкоры ничего не прислали, - к ним, вероятно, еще и телеграмма-то наша не дошла. Но выход нашли. Посадили нашего танкиста Коломейцева писать передовую. Он хорошо знал Баданова, бывал в его корпусе. Словом, в очередном номере "Красной звезды" появилась передовая "Первый орден Суворова", посвященная 2-му гвардейскому танковому корпусу и лично генерал-лейтенанту Василию Михайловичу Баданову.

Спустя много лет после войны я встретился с Бадановым, спросил:

- А вы передовую статью, посвященную вам, помните? Читали ее?

- В тот день - нет, - сказал он. - Корпус вел бой в окружении. А когда вышли к своим, мне сказали, что была такая передовая. При первой встрече с начальником политуправления фронта он подарил мне два экземпляра "Красной звезды". Один отослал домой, а другой хранил у себя. В те времена это был как бы еще один орден...

Не буду скрывать, мне было приятно услышать это от прославленного генерала.

Только через два дня наш спецкор прислал корреспонденцию о корпусе Баданова, да и то небольшую. Это и понятно. Корпус некоторое время вел бой в окружении с частями группы Манштейна, стремившейся прорваться к войскам Паулюса. Корпус удерживал Тацинскую, не отступив ни на шаг.

* * *

В эти дни появилась почти целая полоса под заголовком "Чудовищное преступление гитлеровцев в хуторе Вертячем". На полосе восемь фотографий, а под ними акт, подписанный нашими офицерами и жителями хутора:

"...После освобождения частями Красной Армии хутора Вертячего Сталинградской области, мы осмотрели немецкий лагерь советских военнопленных. Под соломой в бараке, а также в других местах лагеря нами обнаружено 87 трупов красноармейцев и командиров. Более десяти трупов настолько изуродованы, что потеряли человеческий вид. У многих замученных немцами бойцов распороты животы, выколоты глаза, отрезаны уши и носы... Немцы заставляли пленных работать по 14 часов в сутки на строительстве оборонительных сооружений. ...Из 89 советских военнопленных... умерло от голода, замучено и расстреляно 87 человек".

И чем больше наши войска освобождают городов и сел, тем больше узнаем о нескончаемых злодействах фашистских бандитов. И в Сталинградской области, и на Северном Кавказе - всюду и везде, даже там, где немецкие захватчики находились самое короткое время.

31 декабря

Я уже указывал, что, работая над своим рассказом-хроникой, следую не всем листикам календаря, а выбираю события, с моей точки зрения, наиболее примечательные и наиболее глубоко отраженные на страницах "Красной звезды". Сейчас пропускаю многие дни не потому, что они мало чем знаменательны. Дело в том, что все эти номера газеты сплошь занимают письма Сталину тружеников заводов, колхозов, организаций, отдавших средства на постройку самолетов и танков, и благодарственные телеграммы Сталина, в том числе и коллективу редакции "Красной звезды", внесшему деньги на строительство самолета. Даже сводки Совинформбюро, публиковавшиеся ранее на первой странице, перемещены на третью полосу, а порой и на четвертую. Для собственно редакционного материала остается совсем мало места - две-три, а то и меньше колонок.

Приходится во многих случаях ограничиваться публикацией сообщений под рубрикой "В последний час". К ним дается совсем краткий репортаж наших спецкоров. В текст этих сообщений заверстываются карты района сражений. Как ни тесно на страницах газеты, в каждом номере снимки наших фоторепортеров с полей Сталинградской битвы - разгромленная техника противника и нескончаемые колонны пленных. Снимки несколько однообразные, но и картина разгрома тоже однообразная: поля, усеянные подбитыми и сожженными танками, орудиями, машинами неприятеля, трупами убитых гитлеровцев. Мало чем отличаются одна от другой колонны пленных. Разгром есть разгром. Что еще придумаешь? Но печатаем такие снимки не скупясь. В какой-то мере они заменяют и репортажи. Фотодокументы - убедительнейшее свидетельство поражения врага.

* * *

Совершенно неожиданно с Юго-Западного фронта получили очерк Алексея Суркова с энергичным заголовком "На Юг и на Запад!". Сурков выехал в район Среднего Дона несколько дней тому назад. Задание у него всегда одно и то же: всматриваться во фронтовую жизнь и писать стихи.

Но и очерку мы обрадовались, выкроили на тесной газетной площади две колонки и послали Суркову телеграмму: мол, очерк отличный. Может быть, поэтому через два дня он прислал новый очерк "Возвращение". А со стихами у нас как раз в это время было все в порядке. Прислал из Ленинграда стихотворение Александр Прокофьев. Получили стихи Симона Чиковани в переводе Павла Антокольского "Над горным потоком", посвященные Владимиру Канкаве, истребителю танков. Есть в этих стихах, одухотворенных страстным сердцем художника, такие щемящие душу строки:

И братскую землю целуя навеки,
Согрел ее кровью хладеющей,
И тихо смежая орлиные веки,
Пытался привстать на земле еще.
И несся поток по скалистым обвалам,
Как конная лава в бою.
И слава, как знамя, легла покрывалом
На грудь молодую твою.

* * *

Вернусь, однако, к очерку Суркова. Это - точно написанная картина разгрома противника, которую увидел писатель на пути к передовым позициям. Написан очерк без глянца, со всей

суровой правдивостью - речь в нем идет и о наших жертвах, очерк пронизывает боль за гибель наших людей.

"Снежная степь бела, а здесь кругом черно от разбросанной взрывами земли и пороховой копоти. На проволоке, справа от дороги, тело убитого красноармейца. Он застыл на весу, лицом на запад. В мертвой правой руке крепко зажата винтовка. Очевидно, смерть наступила мгновенно, без мук и агонии. Окоченевшее тело сохранило напряженность броска вперед. Этот неизвестный нам солдат Красной Армии пал смертью героя, лицом к врагу..."

Писатель нагнал стрелковый батальон, спешивший туда, откуда доносятся звуки ожесточенной перестрелки. Он поравнялся с командиром батальона и узнал его. "Я запомнил его лицо в июльские дни, где-то здесь же, у Ново-Калитвенской или Богучарской переправы. Тогда наши отступали. Опаленное июльским зноем лицо капитана было серо от едкой дорожной пыли. В глазах, ввалившихся от бессонницы, долгих переходов, горел черный огонь стыда и обиды. Капитан шел сгорбившись, молчаливый, подавленный, нелюдимый. Теперь он выглядел по-иному.

- Здравствуйте, капитан. Торопитесь?

Он повернул голову на мой голос и смотрел на меня несколько секунд молча. Потом, очевидно, вспомнил то же, что и я, закричал вслед убегающему грузовику:

- Тороплюсь! Июльская заноза в сердце сидит..."

Вот так раскрывал писатель душевный настрой воинов.

Пришло письмо Николая Тихонова из Ленинграда. Он пишет: "...В Ленинграде тихо, но все в напряженном ожидании. Сказать честно, 17 месяцев блокады - это уже и скучно, и трудно. Все ждут действий решительных и широких. М. б., новый год будет решающим для нас, грешных.

Посылаю Вам "Ленинград в декабре". Этим кончается "летопись" 1942 года. Бурный был год - и кончается он прекрасно. С полной надеждой смотрим мы на новый, 1943.

Жизнь движется вперед, и в этом стремлении все на нашей стороне: вся правда жизни. Да иначе и быть не может..."

Три колонки, или два подвала, для очерков Тихонова, несмотря на тесноту в газете, - неприкосновенны. Три колонки и заняла в последнем номере этого года статья Тихонова "Ленинград в декабре".

Великий мастер пейзажа, Николай Семенович зримо представил нам картину зимнего Ленинграда. Всевидящим оком он обозревает город в эти дни: "Идет жизнь, похожая на жестокую, красочную и правдивую до боли книгу", - это ключевая фраза статьи.

Удивительные страницы читаем мы в этой "книге".

Одна из них посвящена заводским подросткам, делающим автоматы. В их глазах столько сосредоточенности, в их руках, маленьких и быстрых, столько уменья, в их маленьких сердцах столько недетского спокойствия!

Другая страница книги: "Перед нами тигр из ленинградского зоопарка, этот благородный и прекрасный зверь. Этот тигр - единственный в мире. Такого второго нет нигде. Он стал вегетарианцем. Он ест постные щи и лежит часами, раздумывая о том, почему он до сих пор не ел такого непонятного и вкусного блюда. Какие странные времена, когда тигры становятся вегетарианцами, а перед великим городом второй год лежит лагерь полузверей-людоедов? Эти людоеды бросаются к орудиям и начинают неистовый обстрел города, как будто за несколько часов хотят стереть его с лица земли".

Новая страница - о жизни Ленинграда под огнем немецкой артиллерии. Декабрьский обстрел города длился однажды два с половиной часа. Снаряды ударяют перед театром, но никто не уходит - ни артисты, ни зрители... Архитекторы пошли посмотреть разрушения, чтобы восстановить здание. На обратном пути снаряд убил старого архитектора, словно мстя ему за то, что он своей работой побеждает варварство бомбардировки...

Нельзя без печали все это читать. Но такова правда блокадного Ленинграда, и от этой правды, горькой, как полынь, никуда не уйдешь. Писатель говорит о ней прямо, честно, чтобы весь наш народ знал, как трудно ленинградцам.

Многие страницы этой "книги" писатель заполнил рассказом о стойкости жителей города на Неве, мужестве в труде и в бою. Хотя сейчас и нет больших сражений, но и в коротких, мелких, упорных схватках рождаются герои. Он называет их имена, чтобы народ их помнил.

Не приглушая драматических событий в своих заключительных строках, Николай Тихонов обращается к каждому советскому человеку:

"Кончается год, полный битв и озаренный светом побед нашего оружия. Мы будем праздновать Новый год в кругу друзей, вспоминая ушедших и отсутствующих, но мы будем помнить, что там, за чертой наших сторожевых охранении, лежит родная земля, полная мук, где в темноте под ярмом живут советские люди - их надо спасти, их надо освободить. В этом задача наступающего года. В этом наш долг, наша честь, наша клятва и наша победа".

Передовые статьи этих дней, естественно, были посвящены Сталинградской битве. Есть в одной из последних передовиц

такие строки:

"Известно, что некоторое время тому назад советские войска, нанеся свой первый удар под Сталинградом, окружили группировку немцев. Попытки врага прорвать внутри кольцо окружения потерпели крах. Теперь лопнули потуги противника выручить ее наступлением извне - севернее Котельникова. Наши войска перешли здесь в контрнаступление, отбросили врага на 20-25 километров, нанеся ему большие потери. Немецкая группировка, окруженная нашими войсками под Сталинградом, - в железном кольце..."

И вот по поводу "железного кольца" был звонок "сверху": не торопимся ли мы, не забегаем ли вперед?

Как раз накануне Нового года я вновь встретился с Жуковым. Рассказал ему о том звонке.

- Никто и ничто их не спасет. Заперты они прочно. Ошибки нет, - ответил Жуков.

Простые слова - "железное кольцо", но в них был заложен большой смысл. Ориентировка была правильной...

* * *

В канун Нового года отмечалось большое событие для нашей страны двадцатилетие образования Союза ССР. Задумались: что написать в газете об этой знаменательной дате? Позвонил М. И. Калинину. Знал, что в эти дни он очень занят, и прежде всего предстоящим традиционным выступлением, все же решился на звонок:

- Михаил Иванович, может, выкроите для нас часик-другой и напишете хотя бы несколько строк к юбилейной дате?

Ответ я получил лишь на второй день. Калинин обещал "кое-что" написать. Это обрадовало. Во время разговора с Михаилом Ивановичем у меня в кабинете был Алексей Толстой. Я и его попросил:

- Алексей Николаевич, очень хотелось, чтобы по соседству с Калининым были и вы. Напишите несколько слов.

Толстой не заставил себя упрашивать:

- Я не мастер писать праздничные статьи. Но несколько слов напишу.

В один и тот же день мы получили статью Калинина и статью Толстого. "Кое-что", обещанное Михаилом Ивановичем, заняло в газете четыре колонки! Калинин рассказал об истории образования СССР, о пути, пройденном страной за двадцать лет, о сплочении наших народов в дни мирные и в дни войны. Очень важными показались нам строки, где впервые - за два с половиной года до нашей полной победы над фашистской Германией - было сказано: "Теперь всем видно, что Советское

государство выдержало испытание в войне против немецких захватчиков".

Главная идея статьи - нерушимая, непоколебимая дружба народов Советской страны. Она прошла самую сильную проверку в самые критические дни и месяцы, когда решался вопрос: быть или не быть нашему многонациональному государству. Все нации СССР мужественно выступили на защиту своей Родины, шли на величайшие жертвы во имя ее спасения.

"Народы Советского Союза, - писал Михаил Иванович, - глубоко осознали, что только на цуги объединения всех своих усилий, на основе тесного сотрудничества и взаимопомощи они смогут отстоять свою национальную свободу и независимость...

Советский строй, добытый потом и кровью людей, дорог каждому народу нашей страны. Мы видим, как все национальности, соревнуясь в геройстве, упорно и жестоко борются с врагом..."

"Несколько слов" Алексея Толстого заняли две колонки и удачно соседствовали с выступлением Калинина. Статья Толстого "Несокрушимая крепость" была проникнута той же мыслью:

"У нас всех, на каком бы из ста пятидесяти языков мы ни говорили, где бы ни стоял наш родной дом - на опоганенном немцами, залитом кровью и слезами берегу Днепра, или у мирно журчащего арыка роскошной Ферганской долины, в суровой сибирской тайге, или у благодатного южного моря, - равно для всех нас одно отечество - Советский Союз: источник всей жизни нашей, наша несокрушимая крепость".

* * *

А что в самом городе? Ответ на это дает очерк Василия Гроссмана "Сегодня в Сталинграде". Читаешь этот очерк, и перед глазами встает панорама города, словно ты сам ходишь по его улицам и окопам.

В городе еще немцы, но как все переменилось по сравнению с отошедшими днями октября и ноября. Это писатель увидел, переправившись ночью по волжскому льду. Советский солдат, пишет он, вышел из земли, вышел из камня, он выпрямился во весь рост, он ходит спокойно, неторопливо. Да, говорит писатель, он завоевал солнце, завоевал дневной свет, завоевал великое право ходить по сталинградской земле во весь рост под голубым небом. Только сталинградцы знают цену этой победы. Ведь много дней люди ожидали ночи, чтобы выйти из подвалов и блиндажей, вдохнуть глоток свежего воздуха, расправить онемевшие руки.

"Да, все меняется, и те немцы, которые в сентябре, ворвавшись на одну улицу, разместились в городских домах и плясали под громкую музыку губных гармошек, те немцы, что

ночью ездили с фарами, а днем подвозили припасы на грузовиках, сейчас затаились в земле, спрятались меж каменных развалин". Долго Василий Семенович простоял с биноклем на четвертом этаже одного из размозженных сталинградских домов, глядя на занятые немцами кварталы. Ни одного дымка он не увидел, ни одной движущейся фигуры. "Для них нет здесь солнца, нет света дня... их рацион ограничен ста граммами хлеба и конины, они сидят как заросшие шерстью дикари в каменных пещерах и гложут конину, они сидят в дымном мраке, среди развалин уничтоженного ими прекрасного города... По ночам они выползают на поверхность и, чувствуя страх перед медленно сжимающей их русской силой, кричат: "Эй, рус, стреляй в ноги, зачем в голову стреляешь!"

Вот они, перемены!

Но перемены были и у самого писателя. Вспоминаю, что в первую нашу встречу в "Красной звезде" Василий Гроссман показался мне совсем не приспособленным к войне. Выглядел он как-то не по-военному. И гимнастерка в морщинах, и очки, сползавшие к кончику носа, и пистолет, висевший топором на незатянутом ремне. Был он обидчивым, все воспринимал всерьез и не любил когда даже дружески потешались над его небравым видом. Перед очередной поездкой на фронт он заходил ко мне и всегда выглядел немного грустным, меланхоличным, словно уезжал нехотя. Так мне, во всяком случае, казалось, может быть потому, что другим он жаловался: мол, снова посылают в самое "гиблое место". Я не относился к этому серьезно потому, что писатель, возвращаясь, всегда с увлечением рассказывал о том, как было интересно и каких прекрасных людей он повидал. А главное, то, что он писал, свидетельствовало о доскональном знании фронтовой жизни, об ураганном времени, проведенном в "неуютных" местах на передовой:

В первую его поездку на фронт я побоялся посылать его одного и поручил Павлу Трояновскому вывезти Гроссмана в боевые части. А члену Военного совета фронта, куда направились корреспонденты, Д. А. Гапановичу даже написал записку, в которой просил оказать нашим спецкорам содействие, особенно Гроссману: "Как писателя представлять его не надо. Но он первый раз на фронте..."

Прошли месяцы войны, и Гроссман, человек по натуре сугубо мирный, к тому же по болезни снятый с воинского учета, вполне освоился в боевой обстановке. Он внешне мало изменился, разве что гимнастерка не так топорщилась да под дождями и снегом "уселась" шинель. Не было по-прежнему, несмотря на подполковничьи погоны, в его голосе командирских интонаций.

Слышалась ровная, взывавшая к разуму, спокойная речь. И все же это был не тот, а новый Гроссман, вросший в войну, во все ее будни, тяготы, превратности и заботы.

Много писал Гроссман для "Красной звезды", но не ошибусь, если скажу, что самые сильные, самые впечатлительные были его очерки о Сталинградской битве. Они принесли ему такую популярность, которая мало с чем сравнима. Они принесли популярность и "Красной звезде"...

Сегодняшний номер газеты отпечатан и разослан в действующие армии. Готовим в набор материалы для очередного, новогоднего номера "Красной звезды".

Получено сообщение Совинформбюро под заголовком "Итоги 6-недельного наступления наших войск на подступах Сталинграда". Итоги внушительные. Плотным кольцом окружены 22 дивизии противника. Потерпела крах попытка врага пробиться к окруженным войскам из района Котельниково. Перечислены номера разгромленных соединений и частей неприятеля. И цифры, цифры, цифры разбитой и захваченной боевой техники, убитых, пленных...

Сегодня же получена большая статья нашего корреспондента Леонида Высокоостровского "Котельниковский плацдарм". Автор прослеживает ход этого сражения день за днем. Мы узнаем, в каких тяжелейших условиях сражались наши войска. Они не имели за собой развитой сети дорог, они преодолевали снежную пургу, резкие восточные ветры, морозы. В то же время немцы, действуя с юга, находились в более благоприятных условиях, пользовались развитой сетью железных и грунтовых дорог, питались с близко расположенных баз. И все же их операции, которые они высокопарно назвали "Зимняя гроза", "Удар грома", под ударами советских войск потерпели полное поражение.

Илья Эренбург принес статью "На пороге". С писательской вышки он обозревает прошедший год, говорит о будущем. В те дни Сталинградскую битву еще не называли переломом или началом коренного перелома в войне с немецко-фашистскими захватчиками. Илья Григорьевич другими словами скапал именно это: "Сталинград стал перевалом..." Ну что ж, "перевал" и "перелом" понятия идентичные.

К тому, что не раз писал Эренбург о ненависти к гитлеровцам, в этой статье прибавился еще один метафористически емкий мотив: "Из солдатской фляжки мы хлебнули студеной воды ненависти. Она обжигает рот крепче спирта... Мы ненавидим немцев не только за то, что они низко и подло убивают наших детей. Мы их ненавидим и за то, что мы должны их убивать, что из всех слов, которыми богат человек,

нам сейчас осталось одно: убей".

И снова предупреждение: "Сурово мы смотрим вперед. Новый год рождается в грохоте боя. Нас ждут в новом году большие битвы и большие испытания... Германия будет отчаянно сопротивляться... Мы знаем, что перед нами много жертв..."

И лаконичная фраза: "Победу нельзя выиграть, ее нужно добыть".

Для новогоднего номера нужны стихи. Константин Симонов в какой-то степени "изменил" своему жанру, пишет главным образом очерки. Алексей Сурков в эти дни последовал его примеру. И даже Илья Сельвинский вдруг прислал не стихи, а очерк. Выручил Александр Прокофьев. Он передал из блокадного Ленинграда стихотворение "Застольная":

...Поднимем заздравные чаши,
Как водится, выше голов
За вечную Родину нашу,
За теплый отеческий кров,
За отсветы радуг красивых,
За теплые травы долин,
Черемухи душную силу
И красные грозди рябин.
За то, чтоб весной голосили
На всех лозняках соловьи.
Поднимем, друзья за Россию
Мы первые чаши свои!
Вторые поднимем за грозный,
В веках небывалый поход,
За алые, ратные звезды,
Которые любит народ!..
И третьи поднимем, ребята,
Как следует в новом году,
За трудную долю солдата,
Что пала нам всем на роду!
За то, чтобы радости снова
Вернулись к родимым домам.
За наших солдаток бедовых,
За дочек, за женок, за мам!
За пляски на кратких привалах.
За свист подголосков в строю,
Давай заводи, запевала, любимую песню свою!

Не могли эти притягательные стихи не взволновать душу фронтовика в наступающий Новый год!

Последний день сорок второго года. До конца Сталинградской битвы осталось еще тридцать дней и тридцать ночей. Но это тема новой книги - "Год 1943-й".